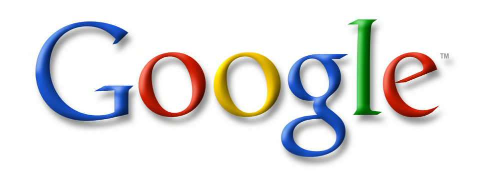
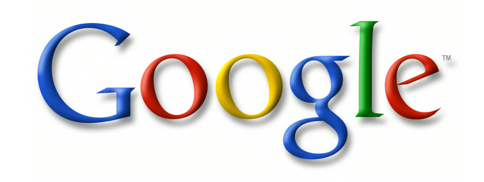
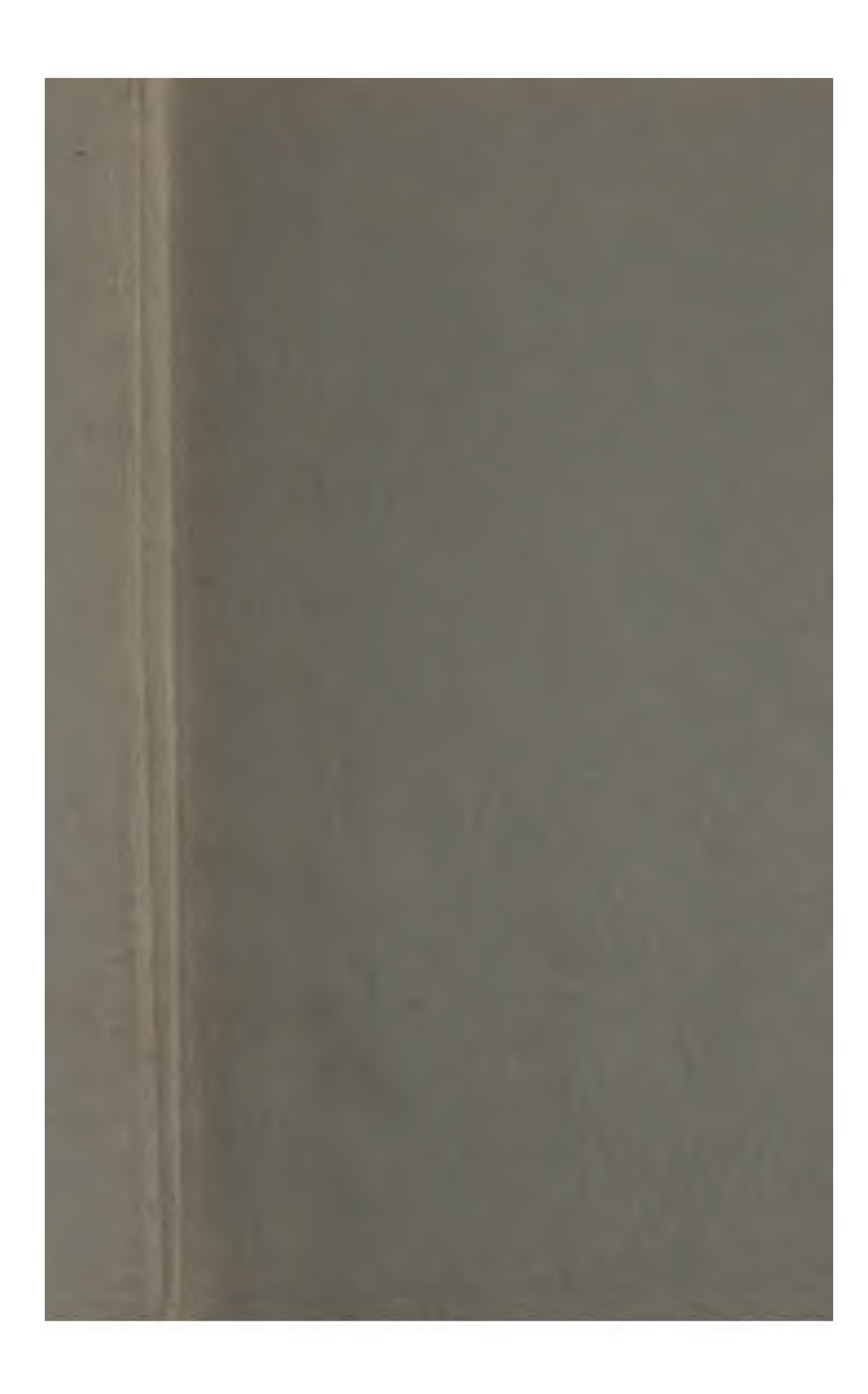
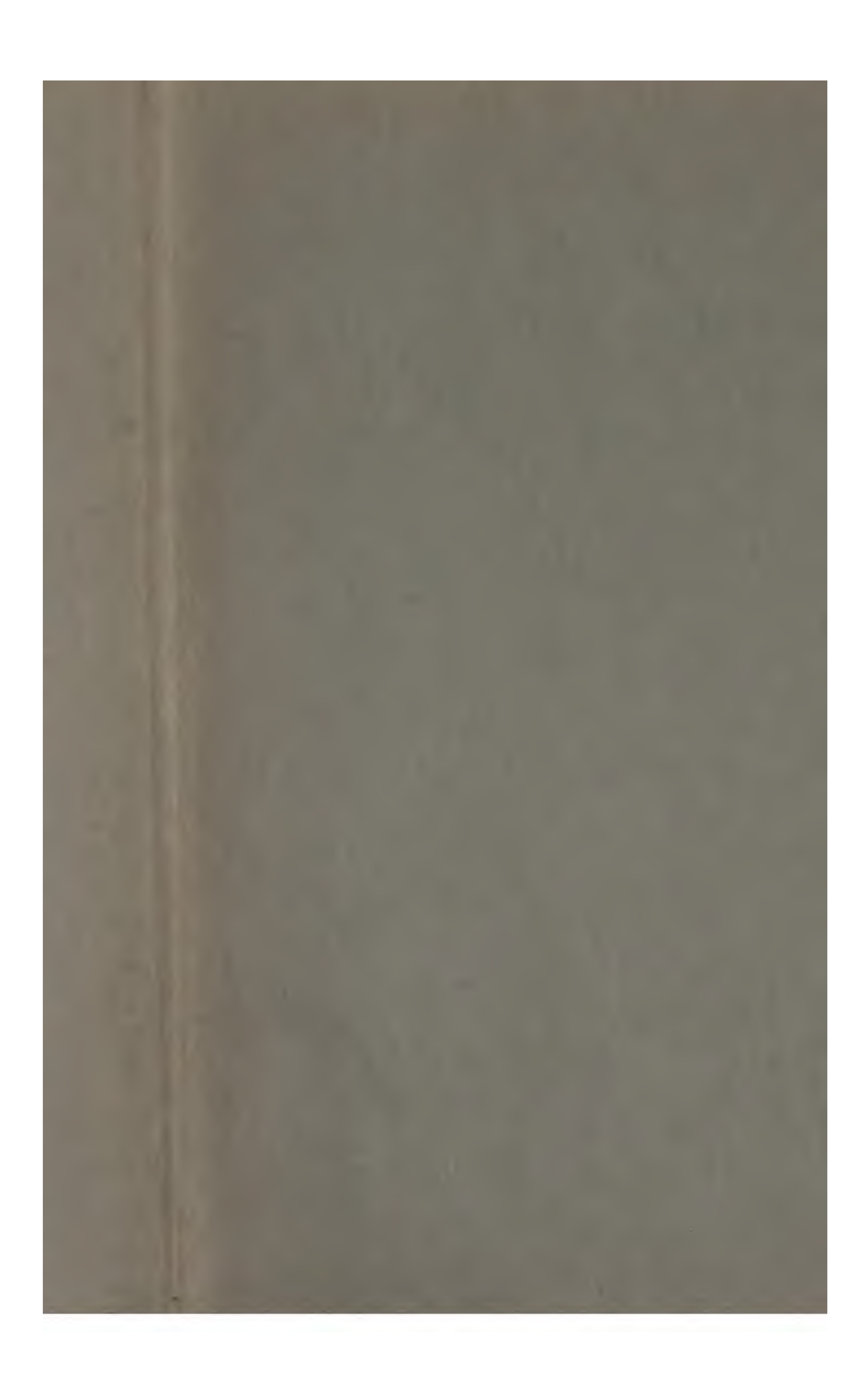
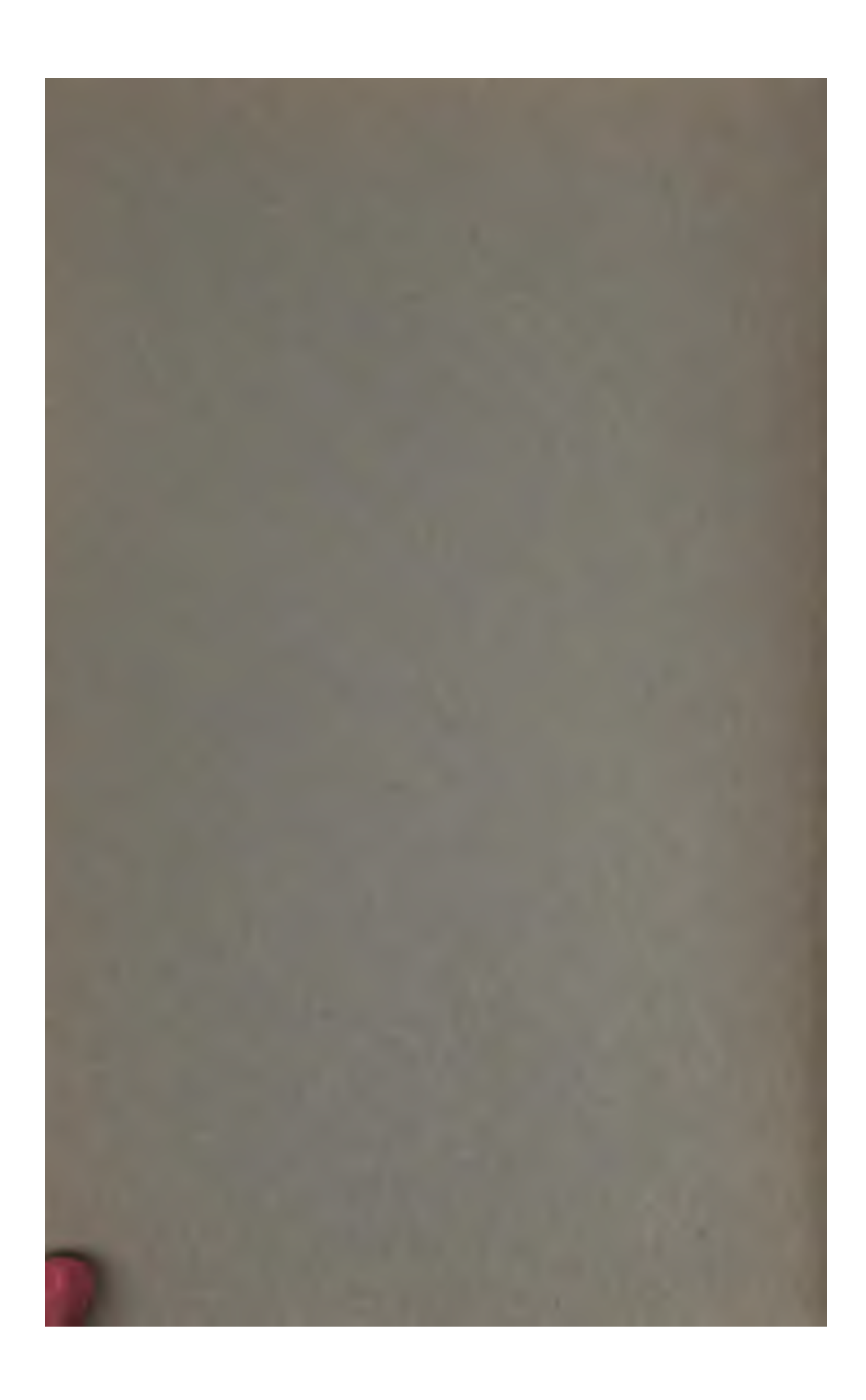

Книгоиздательство Е. Д. Мягкова „КОЛОКОЛЪ“.

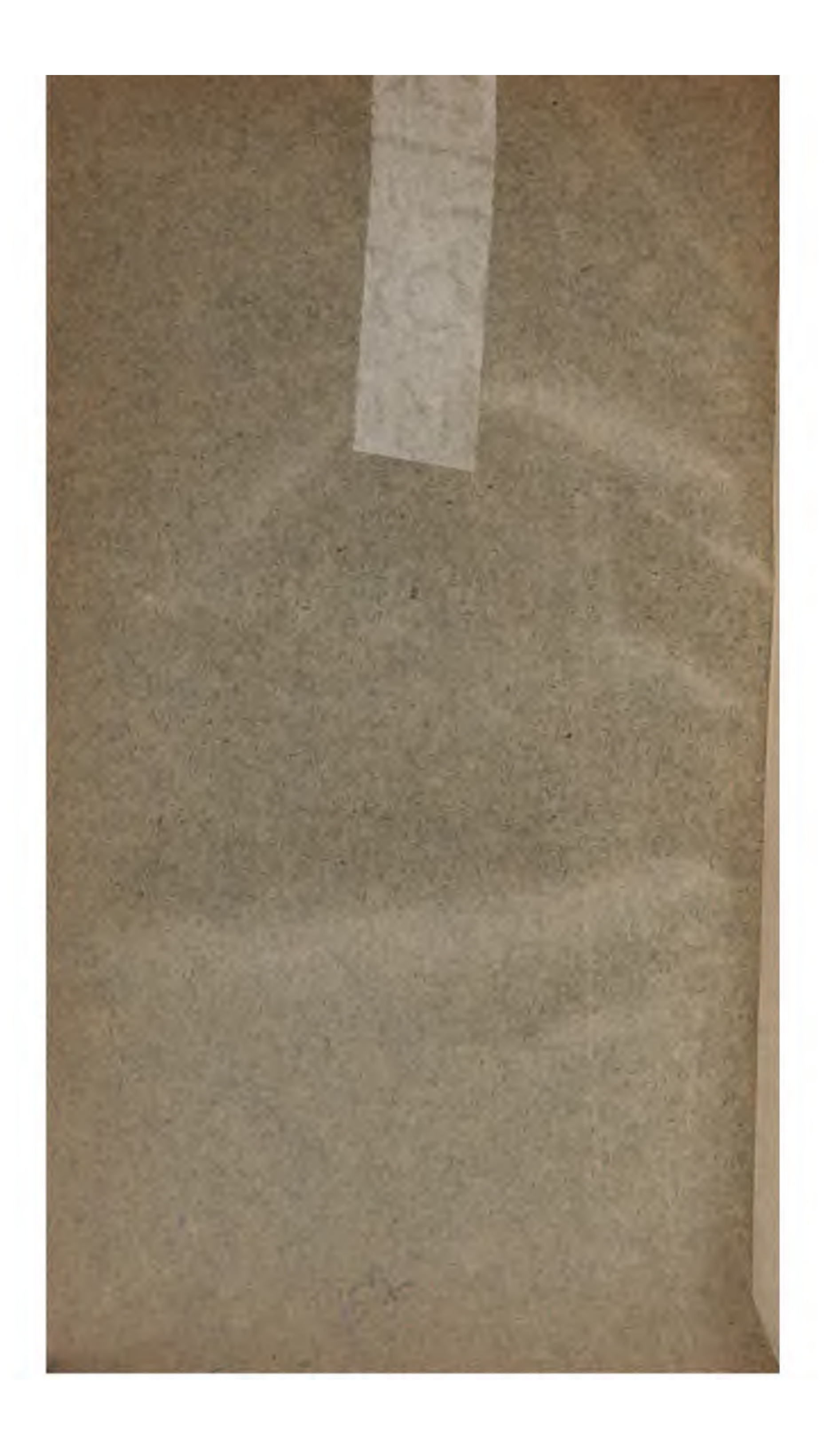
М. Лядовъ.

Исторія Россійской соціалдемократической рабочей партіи.

Часть первая

Возникновеніе соціалдемократическаго движенія въ Россіи (1883—1897 г.).

Цѣна 50 коп.

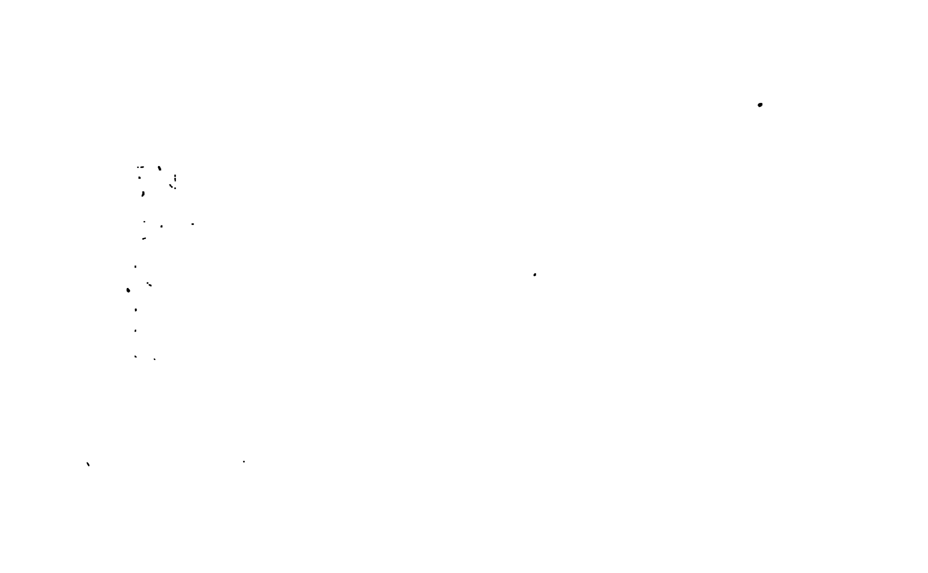
М. Лядовъ.

Исторія Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Возникновеніе соціалдемократическаго движенія въ Россіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Т-ва «Народная Польза», Коломенская ул., соб. д. № 39.
1906.

Предисловіе.

Приступая къ изложенію исторіи Россійской Соц. Дем. Рабочей Партіи, мы очень хорошо сознаемъ, что не можемъ дать вполнѣ законченнаго, исчерпывающаго предметъ труда. Время для этого еще не наступило. Соціалдемократія у насъ въ Россіи возникла и развивалась до послѣдняго момента во мракѣ подполья. Мгла, царившая въ этомъ подпольи, въ особенности въ первые годы дѣятельности соціалдемократовъ, была настолько густа, что работавшіе въ одномъ углу его не всегда могли разглядѣть, что творится въ другомъ. Кучка работниковъ въ каждомъ углу сама себѣ прокладывала дорогу, сама уничтожала препятствія, стоящія на пути къ выходу изъ подполья, на пути къ свободной, открытой борьбѣ за идеалы свѣтлаго будущаго. Сейчасъ мы уже значительно приблизились къ этому выходу. Одно время, въ ясные октябрьскіе дни вырванной у непріятеля свободы мы уже видѣли свѣтъ, дышали полной грудью. Тогда казалось, что дни подполья миновали навсегда. Но это только казалось. У народа не было еще достаточно силъ, чтобы удержать въ своихъ рукахъ завоеванную свободу. Дикая, кровавая оргія Дубасовыхъ, Меллеръ-Закомельскихъ, Орловыхъ, Алихановыхъ, Луженовскихъ и прочихъ уѣздныхъ, станціонныхъ и деревенскихъ генералъ-губернаторовъ, оргія, руководимая петербургскимъ явнымъ и тайнымъ правительствомъ Витте, Трепова, Дурново и К°, снова загнала насъ въ подполье. Правда, теперь оно уже не такъ мрачно, не такъ уже душно, какъ раньше. Въ немъ находитъ себѣ мѣсто уже не кучка революціонеровъ, а громадная армія организованнаго пролетаріата, которая, раздвинувъ и приподнявъ своды подполья, сдѣлала его болѣе доступнымъ воздуху и свѣту. Но подпольная жизнь тѣмъ не менѣе вновь накладываетъ на насъ свою тяжелую печать, нашъ голосъ раздается не такъ ясно, какъ бы слѣдовало, своды не пропус-

каютъ всѣхъ тоновъ его, и часть нашей дѣятельности снова вынуждена искать мрака.

Авторъ этихъ строкъ имѣлъ счастье пройти въ рядахъ нашей партіи всѣ фазы, всѣ перепитіи пройденнаго ею пути. Принадлежа къ группѣ первыхъ русскихъ марксистовъ, онъ принималъ участіе въ образованіи первыхъ марксистскихъ кружковъ, пережилъ превращеніе этихъ кружковъ въ кружки социалдемократическіе, былъ участникомъ перваго обращенія русскихъ социалдемократовъ къ рабочей массѣ и свидѣтелемъ первыхъ открытыхъ выступленій сознательныхъ русскихъ рабочихъ. Вмѣстѣ съ нашей партіей онъ пережилъ періодъ кружковщины и переходъ къ смѣнившей его массовой агитаціи. Онъ прошелъ черезъ всѣ фазы организаціонной работы, черезъ періодъ кустарничества и разброда, совпавшій съ періодомъ собиранія нашей партіи подъ одно общее знамя, вокругъ единой социалдемократической программы. Онъ имѣлъ затѣмъ счастье присутствовать при торжествѣ признанія этой единой общей программы на II съѣздѣ нашей партіи; ему пришлось также пережить и перестрадать вмѣстѣ съ партіей всѣ мелочи и дрязги послѣдовавшаго за съѣздомъ періода раскола, періода борьбы взлелѣянной въ душномъ воздухѣ подполья «кружковщины» съ зарождающейся въ атмосферѣ открытыхъ выступленій партійностью. Въ рядахъ фракціи «большинства» онъ принималъ дѣятельное участіе въ неудавшейся попыткѣ вновь сблизить расколовшіяся части нашей партіи на III съѣздѣ, попыткѣ, предпринятой подъ давленіемъ кроваво зачавшейся на дворцовой площади 9-го января русской революціи. Онъ былъ также свидѣтелемъ и участникомъ полнаго слiянія активныхъ борцовъ обѣихъ фракцій въ бурные октябрьскіе и декабрскіе дни великой русской революціи, и удачной или неудачной попытки (это покажетъ только будущее) закрѣпить на IV объединительномъ съѣздѣ едиными тактическими резолюціями стихійно почти уже завершившійся процессъ объединенія.

Въ то время, когда Дубасовы, вкупѣ съ Минами, Риманами и другими «истинно-русскими» людьми заканчивали завоеваніе и сожженіе Москвы, автору этой работы пришла въ голову мысль, что неизбѣжное возрожденіе реакціи можетъ окончательно смести и безъ того уже рѣдкую фалангу немногочисленныхъ свидѣтелей первыхъ шаговъ нашей революціонной дѣятельности. Иныхъ, а таковыхъ большинство, уже нѣтъ: они

или покоятся въ могилахъ, замученные тюрьмой и ссылкой, или погибли, сраженные солдатскими пулями; другіе, хотя и живы, но измѣнили движенію, перешли въ ряды «умѣренныхъ» и, въ качествѣ бѣженцевъ марксизма, «истинныхъ соціалистовъ», служатъ идеологами буржуазнаго общества, обливая помоями соціалдемократическое движеніе на страницахъ «Нашей Жизни», «Безъ заглавія» и т. п. «лѣвыхъ» органовъ, и, наконецъ, третьи, уставъ отъ борьбы, въ разные періоды нашей партійной жизни, навсегда или временно ушли отъ всякой революціонной работы и превратились въ простыхъ обывателей. Все это давало поводъ съ большей или меньшей вѣроятностью предполагать, что первые шаги нашего движенія могутъ быть забыты, или что отъ нихъ останутся однѣ искаженныя преданія.

А между тѣмъ, вмѣстѣ съ ростомъ нашего движенія, вмѣстѣ съ расширеніемъ партійныхъ задачъ и круга партійной дѣятельности, вмѣстѣ съ привлеченіемъ въ ряды партіи все новыхъ и новыхъ массъ пролетаріата и крестьянской бѣдноты, потребность въ знакомствѣ съ исторіей партіи становится все болѣе и болѣе настоятельной и необходимой.

Соціалдемократы съ вполнѣ справедливой гордостью всегда говорили и говорятъ, что они, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ партій, не боятся гласности, не боятся контроля всего пролетаріата надъ каждымъ шагомъ своей партіи, той партіи, которая стремится и должна быть сознательной выразительницей воли всего сознательнаго пролетаріата, авангардомъ и боевой руководительницей всего рабочаго класса. Но ни контроль, ни правильная, безпристрастная оцѣнка дѣятельности партіи невозможны безъ знанія того, какъ эта партія сложилась, какимъ историческимъ путемъ она выработала свою организацію, свою программу, свою тактику.

Такой исторіи у насъ пока нѣтъ: есть отдѣльныя очень немногочисленныя воспоминанія, касающіяся опредѣленнаго періода работы въ какой-нибудь одной мѣстности, существуютъ, наконецъ, официальные отчеты къ различнымъ съѣздамъ и конгрессамъ; но эти воспоминанія между собой не связаны, а большинство отчетовъ очень неполны и касаются лишь, такъ сказать, казовой стороны работы, а, главное, они совершенно неизвѣстны и недоступны широкимъ слоямъ партійныхъ работниковъ. Единственной попыткой написать исторію партіи является «Очеркъ развитія соціалдемократіи въ Россіи» Аки-

мова; но попытка эта, по нашему крайнему убѣжденію, не можетъ считаться удачной. Вся исторія социалдемократической партіи въ Россіи, въ изображеніи Акимова, являющагося однимъ изъ идеологовъ такъ называемаго «экономизма», должна служить оправданіемъ той предвзятой идеи, что социалдемократія является и должна быть лишь «сознательной выразительницей стихійнаго движенія». Чтобы доказать эту мысль, Акимовъ (сознательно или безсознательно) включаетъ въ свою исторію только тѣ факты, которые могутъ послужить ей подтвержденіемъ, все же то, что противорѣчитъ этой идеѣ, тщательно устраняется имъ.

Авторъ настоящей работы, съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности до настоящаго времени, всегда стоялъ на точкѣ зрѣнія революціонной соціалдемократіи, самымъ яркимъ антиподомъ которой является Акимовъ. Но, приступая къ исторіи нашей партіи, онъ не могъ не считаться съ тѣмъ фактомъ, что раздѣляемая имъ точка зрѣнія не всегда господствовала въ рядахъ партіи, что временами перевѣсъ пріобрѣтала точка зрѣнія противоположная и принципы революціонной соціалдемократіи становились удѣломъ меньшинства. Считаясь съ этимъ фактомъ, авторъ старается не осуждать своихъ противниковъ, а объяснить ихъ. Съ этой цѣлью авторъ пытается шагъ за шагомъ прослѣдить развитіе нашего движенія не an und für sich, не само по себѣ, выдѣленное изъ развитія всѣхъ общественныхъ условій, а въ связи съ ними, въ связи съ исторіей всего русскаго общества. Только въ такой обстановкѣ и могутъ быть понятны отдѣльные періоды нашего движенія и все движеніе въ цѣломъ.

Авторъ предлагаемаго труда никогда не былъ кабинетнымъ теоретикомъ, не былъ также профессіональнымъ партійнымъ литераторомъ; всю свою дѣятельность онъ провелъ рядовымъ партійнымъ работникомъ. И если теперь онъ берется за работу, которая возлагаетъ на него столь большую отвѣтственность, то только потому, что придерживается убѣжденія, что дѣйствительная фактическая исторія нашей партіи, охватывающая всю будничную ея жизнь, ту жизнь, которая подготовляла выводы теоретикамъ, лишь post factum освѣщавшимъ ее, должна и можетъ быть написана только практикомъ. Партійный историкъ-теоретикъ долженъ явиться послѣ историка-практика, и онъ уже завершитъ, обработаетъ и освѣтитъ работу послѣдняго. Роль историка-практика—собрать матеріалъ, свести въ одно свой

опытъ, свои наблюденія. Вотъ эту то работу и надѣется совершить авторъ въ своей книгѣ. Свой личный опытъ и личныя наблюденія, вынесенныя изъ многолѣтней работы въ низахъ нашихъ организацій въ самыхъ различныхъ мѣстахъ Россіи, куда приводилъ его партійный долгъ или загоняли полицейскія преслѣдованія, онъ дополнилъ богатымъ опытомъ другихъ товарищей, съ которыми ему приходилось сталкиваться въ многочисленныхъ скитаніяхъ по тюрьмамъ, этапамъ, ссылкамъ и заграничнымъ колоніямъ.

Если исторія послѣднихъ лѣтъ нашей практической работы можетъ быть безъ особеннаго труда написана при помощи литературы, мѣстныхъ корреспонденцій нашихъ нелегальныхъ (а въ послѣднее время и легальныхъ) газетъ и журналовъ, при помощи издаваемыхъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ мѣстныхъ прокламацій, а также протоколовъ съѣздовъ, конференцій и т. п. то нельзя того же сказать объ исторіи періода зари нашей работы. О первыхъ шагахъ нашей практической дѣятельности у насъ нѣтъ литературныхъ памятниковъ, поэтому опытъ и наблюденія этого періода исчезнутъ безслѣдно, если очевидцы не поторопятся занести ихъ на бумагу. Ни въ одномъ архивѣ, — за исключеніемъ развѣ архива департамента полиціи, который будетъ доступенъ намъ лишь послѣ окончательной раздѣлки съ существующимъ политическимъ строемъ,— ни въ одномъ архивѣ мы не найдемъ первыхъ мѣстныхъ прокламацій, первыхъ русскихъ соціалдемократическихъ изданій, не говоря уже о такихъ цѣнныхъ памятникахъ, какъ различные проекты уставовъ, проекты агитаціонной работы и т. д.

Все это и заставило автора поторопиться со своей попыткой написать исторію партіи. При этомъ онъ глубоко убѣжденъ, что сдѣланные имъ промахи и пропуски будутъ замѣчены и отмѣчены товарищами, которые такимъ образомъ дополнятъ его трудъ и помогутъ собрать весь матеріалъ для будущаго историка-теоретика. И только при такихъ условіяхъ у насъ можетъ быть надежда что нашъ новый историкъ дастъ намъ такую же цѣнную исторію россійской соціалдемократической партіи какой по праву гордятся нѣмецкіе товарищи, читая грандіозную работу Франца Меринга.

Что касается плана самой работы, то мы сочли необходимымъ раздѣлить ее на три вполнѣ самостоятельныя части. Первая часть охватываетъ дѣятельность русскихъ соціалдемократовъ со времени возникновенія среди русскихъ эмигран-

товъ группы Освобожденія Труда, вплоть до расцвѣта массоваго рабочаго движенія, ознаменовавшагося первой общепризнанной крупной побѣдой россійскаго пролетаріата надъ абсолютизмомъ,—побѣдой, выразившейся въ изданіи закона о нормировкѣ рабочаго дня 2-го іюня 97 года. Эту часть мы озаглавили «Возникновеніе социалдемократическаго движенія въ Россіи». Вторая часть, озаглавленная нами «Созданіе Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи», начинается съ перваго соціалдемократическаго съѣзда 98 года и его манифеста, положившаго начало партійнаго объединенія; далѣе въ ней говорится о томъ, какъ стремленіе къ этому объединенію, разбивая идейный разбродъ и безпринципность кустарнической кружковщины, завершилось наконецъ идейнымъ программнымъ единствомъ на II съѣздѣ 1903 г. Третья и послѣдняя часть заключаетъ въ себѣ періодъ исторіи нашей партіи съ 903 по 906 г.,—періодъ столь плачевный по нашимъ внутреннимъ распрямъ и столь блестящій по идейному вліянію Россійской соціалдемократіи на пролетарскія массы, которыя подъ знаменемъ нашей партіи вступили въ открытый бой съ самодержавіемъ. Эту часть нашей работы мы озаглавили «Расколъ и борьба за единство». Періодъ этотъ мы заканчиваемъ объединительнымъ съѣздомъ 906 года.

Еще не время рѣшать, дѣйствительно ли этимъ съѣздомъ закончился періодъ раскола и состоялось ли полное объединеніе. Мы, вмѣстѣ со всей бывшей фракціей «большинства» склонны думать, что да, что возвратъ къ прошлому невозможенъ, что объединенный въ единую партію сознательный пролетаріатъ не допуститъ своихъ идейныхъ вождей къ новому расколу; онъ докажетъ имъ, что теоретическій споръ до тѣхъ поръ, пока ни одна изъ спорящихъ сторонъ не сошла съ классовой точки зрѣнія, можетъ и долженъ быть рѣшенъ въ предѣлахъ единой партіи. Такъ думаемъ и надѣемся мы, но какова окажется дѣйствительность—покажетъ ближайшее будущее.

Въ отличіе отъ исторіи буржуазныхъ партій и теченій, въ отличіе также отъ исторіи революціоннаго движенія 70-хъ 80-хъ годовъ, въ исторіи нашей партіи читатель не найдетъ біографій отдѣльныхъ лицъ, описаній индивидуальныхъ подвиговъ. Наша исторія безлична; нашъ единственный герой—рабочая масса, наши мученики—безымянны. Нашъ синодикъ начинается и кончается словами: «имена же ихъ ты, господи, вѣси». Каждый изъ нашихъ борцовъ, вступая въ ряды партіи и выходя на поле брани, заранѣе знаетъ, что имя его по-

тонетъ въ массѣ именъ ему подобныхъ. И дѣйствительно, кто, за исключеніемъ развѣ самыхъ близкихъ людей, знаетъ и помнитъ имена всѣхъ замученныхъ въ тюрьмахъ, погибшихъ въ ссылкѣ, всѣхъ разстрѣлянныхъ и повѣшенныхъ, всѣхъ сложившихъ свои головы на московскихъ баррикадахъ, въ латышскихъ усадьбахъ, въ гурійскихъ деревняхъ? Кто знаетъ, кто помнитъ имена разстрѣлянныхъ и замученныхъ во всѣхъ «доблестныхъ дѣлахъ» нашего храбраго воинства, начиная съ исторической «побѣды» «молодцовъ-фанагорійцевъ» и кончая деревенскими экзекуціями нашихъ дней? Кто сосчиталъ хотя бы только число всѣхъ героевъ, павшихъ на улицахъ Петербурга, Москвы, Прибалтійскаго края, Кавказа, Сибири, Одессы, Харькова, Варшавы, Гомеля и т. д. и т. д.?—«Имена же и число ихъ ты, господи, вѣси». Но, не зная ни именъ, ни числа своихъ героевъ, пролетаріатъ будетъ тѣмъ не менѣе такъ-же свято чтить ихъ память, какъ чтитъ память невѣдомыхъ мучениковъ 71, 48 и 89—93 годовъ.

Наша исторія—безымянная исторія. До самаго послѣдняго времени партія знала по имени только небольшую кучку эмигрантовъ, которые, живя за границей, писали подъ своими собственными именами или подъ постоянными псевдонимами. Наши практики именъ не имѣютъ; ихъ клички мѣняются съ перемѣной мѣста жительства, съ перемѣной партійныхъ функцій. Только тогда, когда мы окончательно покинемъ подполье и выйдемъ на свѣтъ божій, и наша партія получитъ возможность легальнаго существованія, у насъ появятся всѣмъ извѣстные и всѣми признанные вожди, имена которыхъ будутъ регистрироваться исторіей наряду съ именами тѣхъ, которые стали извѣстны только потому, что ихъ обладатели дѣйствовали и жили опредѣленное время за границей или продолжаютъ тамъ жить и до сихъ поръ.

Отдавая на судъ партійныхъ работниковъ свою работу, мы надѣемся, что, читая ее, товарищи будутъ помнить, что имѣютъ дѣло не съ профессіональнымъ литераторомъ, а съ рядовымъ практикомъ, который будетъ считать свое дѣло сдѣланнымъ, если его книжка поможетъ опытному теоретику написать законченную и уже вполнѣ обработанную исторію нашей партіи.

М. Лядовъ.

Іюнь 1906 г.

I.

Восьмидесятые годы XIX столѣтія служатъ рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Россіи. Они рѣшали и рѣшили вопросъ: пойдетъ-ли Россія по стопамъ всего западнаго культурнаго міра или она найдетъ свою «самобытную», ей одной свойственную дорогу?

Россія все больше переставала быть страной исключительно земледѣльческой, а земледѣліе, въ свою очередь, изъ хозяйства натуральнаго превращалось въ хозяйство денежное. Деньги пріобрѣтали все большее и большее значеніе въ крестьянской жизни, и нужда въ нихъ становилась все настойчивѣй: нужно было не только уплачивать подати, но и покупать предметы первой необходимости. Добыть же деньги у себя дома, земледѣльческимъ трудомъ на своемъ собственномъ надѣлѣ для большинства крестьянъ оказывалось совершенно невозможнымъ. Арендная плата расла *), плата же за сельско-хозяйственный трудъ все понижалась **), а вмѣстѣ съ тѣмъ съ поразительной быстротой увеличивалось и число крестьянъ, бросающихъ свои надѣлы, число безхозяйныхъ, бобылей или «шалтаевъ», какъ зовутъ разорившихся крестьянъ на югѣ ***). Эти бобыли, эти сельскіе пролетаріи массами бѣгутъ въ отхожіе промыслы, массами предлагаютъ свои рабочія руки обрабатывающей промышленности.

Городская промышленность не въ силахъ поглотить всѣхъ жаждущихъ труда деревенскихъ пришельцевъ. Сотнями стоятъ они ежедневно у воротъ фабрикъ и заводовъ, готовые по

---

*) И расла именно плата за землю внѣнадѣльную (частновладѣльческую), что же касается арендной платы за надѣльную землю, сдаваемую крестьянской бѣднотой, то она, наоборотъ, все надала.

**) 32,88 коп. въ день въ первую половину восьмидесятыхъ годовъ и 31,24—во вторую.

***) Еще до голоднаго 91-го года крестьянскихъ дворовъ, совершенно не имѣвшихъ раб. скота, въ Европейской Россіи (безъ 3-хъ балтійскихъ и 10-ти польскихъ губерній) насчитывалось 25,3%, а съ одной штукой раб. скота— 27,2%.

первому зову хозяина занять освободившееся мѣсто. И предприниматели умѣютъ пользоваться этими охотниками, «котами», какъ называютъ ихъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. Присутствіе такихъ «котовъ» у воротъ фабрики служитъ лучшимъ условіемъ для пониженія расцѣнокъ и ухудшенія положенія уже занятыхъ рабочихъ. Обрабатывающая промышленность растетъ и предприниматели отправляютъ къ себѣ въ карманъ невѣроятные съ западно-европейской точки зрѣнія барыши *).

Благодаря страшной дешевизнѣ рабочихъ рукъ, высокимъ, почти запретительнымъ таможеннымъ ставкамъ и устраненію вслѣдствіе этого всякой опасности заграничной конкуренціи, фабриканты (въ особенности въ текстильной промышленности) не ощущали никакой потребности въ переходѣ отъ ручного труда къ машинному. Господствующей формой промышленности остается домашнее отдѣленіе крупной фабрики, раздаточныя конторы, такъ называемая «кустарная» промышленность, гдѣ воцаряются самыя ужасныя формы эксплуатаціи, извѣстныя подъ названіемъ «системы выжиманія пота».

Заграничные капиталы, которымъ у себя на родинѣ очень и очень приходилось считаться съ организованнымъ движеніемъ западно-европейскихъ рабочихъ, усиленно устремляются въ Россію, въ эту обѣтованную страну, гдѣ рабочій спитъ еще непробуднымъ сномъ и гдѣ почти всеобщее невѣжество и безграмотность служатъ лучшей гарантіей продолжительности этого сна. Иммигрировавшіе въ наше отечество капиталисты всколыхнули весь югъ Россіи и Кавказъ и, что особенно характерно, чрезвычайно быстро усвоили себѣ методы доморощенныхъ Китъ Китычей. Какой-нибудь республиканецъ-французъ, демократъ-бельгіецъ или строгій защитникъ Habeas Corpus Act'а—англичанинъ, попавъ въ Россію, очень скоро постигаютъ примитивную азбуку русской промышленной теоріи, которая учитъ, что въ дѣлѣ полученія дивидендовъ земскій начальникъ, полицеймейстеръ и сотня казаковъ гораздо выгоднѣе всѣхъ конституцій въ мірѣ. Да, заграничные капиталы эмигрировали въ Россію далеко не только потому, что ихъ товарамъ трудно было пробить брешь сквозь высокую погра-

---

*) Фабрика Торнтона получала, напримѣръ, 45% чистой прибыли, Кренгольмская мануфактура — 44,9%, Невская бумаготкацкая — 38%, Савва Морозовъ — 28% и т. д. (Ходат. Имп. Вольно-Экономич. О-ва о пересмотрѣ русск. тамож. тарифа).

ничную таможенную стѣну. Они пустились на востокъ, потому, что онъ манилъ ихъ полнымъ политическимъ застоемъ. Западноевропейская буржуазія шла въ Россію или, вѣрнѣе, вкладывала свои капиталы въ русскія предпріятія потому, что господствовавшій здѣсь политическій строй обезпечивалъ ея доходъ отъ посягательствъ рабочихъ. Круппы, Штуммы, Ротшильды и другіе бароны и короли металлургической и прочей промышленности передвинули свое золото, свои заводы и мастерскія по сю сторону Вержболова потому, что здѣсь не было ни профессіональныхъ союзовъ, ни какой бы то ни было другой организаціи рабочихъ. Здѣсь, по выраженію щедринскаго Ямудскаго принца, было «помпадуръ видать, народъ не видать... чисто»!

И дѣйствительно, народа не слыхать было на Руси въ 80-ые годы. Онъ покорно жилъ, какъ предназначалось ему судьбой, покорно платилъ подати и исполнялъ всякую повинность, покорно ложился подъ розги, если подати платить было нечѣмъ и молча голодалъ въ періодическіе «недороды». Онъ полагалъ, что на все это—воля божія, считалъ, по обычаю, отцомъ-благодѣтелемъ всякаго, кому заблагоразсудится закабалить его выдачей ссуды подъ отработки и тѣмъ паче видѣлъ благодѣтеля въ фабрикантѣ-заводчикѣ, который давалъ ему возможность не умереть съ голоду.

Россія 80-хъ годовъ—это мертвая страна, въ которой, по выраженію Щедрина, царилъ «мерзавецъ—гороховое пальто», царило «слово и дѣло», царилъ участокъ въ городѣ и урядникъ въ деревнѣ. Отчаянныя попытки небольшой кучки героевъ всколыхнуть это спящее болото, разбудить народъ сначала мирной проповѣдью борьбы за лучшее будущее, затѣмъ громомъ террористическихъ выстрѣловъ и взрывовъ, окончились полнымъ разгромомъ борцовъ. Либерально-интеллигентное «общество» подняло было и свой голосъ и явно или тайно оказывало поддержку революціонерамъ, когда дѣло казалось имъ близкимъ къ рѣшительной развязкѣ и когда правительство, напуганное отвагой горсти смѣльчаковъ, не зная, насколько глубоко и тѣсно связаны они съ народными массами, готово уже было пойти на уступку, сдѣлать робкій шагъ на пути къ ограниченію своей власти. Но уже начало 80-хъ годовъ показало правительству, что оно имѣетъ дѣло не съ народнымъ движеніемъ, а дѣйствительно лишь съ небольшой кучкой революціонеровъ, что народъ спитъ попрежнему, что «общество» не опасно, потому что дальше петицій и чисто платоническихъ

вожделѣній оно не пойдетъ и пойти не можетъ. Сообразивъ это, правительство быстро покинуло планы реформъ и вернулось на старый, давно испытанный путь реакціи. Висѣлицами, Шлиссельбургскими казематами, массовыми ссылками на каторгу и въ Сибирь оно живо расправляется съ революціонерами-борцами. Широкое интеллигентское «общество», члены котораго еще недавно въ интимныхъ кругахъ, за чайнымъ столомъ занимались «бреднями» и съ гордостью заявляли о той, либо иной «прикосновенности» къ дѣлу революціи, это общество быстро попряталось по своимъ норамъ и вновь превратилось въ мирныхъ обывателей. Нѣкоторые изъ этихъ господъ поспѣшили даже навстрѣчу реакціи, заговорили объ «оздоровленіи основъ» и, ища прощенія за свои недавнія «бредни», сами принялись искоренять крамолу. Другіе, при помощи желѣзнодорожныхъ и иныхъ концессій, своимъ участіемъ въ самыхъ смѣлыхъ хищеніяхъ, своимъ умѣлымъ и беззастѣнчивымъ наполненіемъ собственныхъ кармановъ, на дѣлѣ доказывали свою благонамѣренность. Третьи, наконецъ, заявили, что теперь не время широкихъ задачъ и принялись за проповѣдь «малыхъ дѣлъ». Пристроившись поближе къ «либеральному» земскому пирогу, они занялись осуществленіемъ мирной культуртрегерской программы, не выходящей за предѣлы луженія больничныхъ умывальниковъ, постройки новыхъ мостовъ и внѣдренія въ школахъ антиреволюціоннаго дурмана по указкѣ начальства. Лучшая же часть этого общества, лучшая не по своимъ способностямъ къ практическимъ дѣламъ, а по своей внутренней комплексіи, по своему стремленію искать и жить согласно духовному идеалу, разочаровавшись въ близкомъ осуществленіи взлелѣянныхъ ею общественныхъ идей, ушла въ себя и занялась самоусовершенствованіемъ и самоугрызеніемъ. Представители этой части общества ударились въ мистицизмъ, опрощеніи и аскетизмъ, наполнивъ собой культурные скиты, и земледѣльческія интеллигентскія поселенія. По примѣру Фрея, Маликова, Чайковскаго и Толстого, они проповѣдывали непротивленіе злу насиліемъ, точали плохіе сапоги, изучали евангеліе, клали ни къ чему ненужныя печи и любовались своей душевной чистотой.

А между тѣмъ реакція крѣпко охватила всю Россію. Публицистику 70-хъ годовъ смѣнили правительственныя сообщенія, полицейская литература. Университеты и другія высшія учебныя заведенія превращены были въ фабрики бюрократическихъ дипломовъ; въ гимназіяхъ, очищенныхъ отъ «кухарки-

ныхъ дѣтей» и неблагонамѣренныхъ «жидовъ», свободное отъ уроковъ шагистики и воинскихъ пріемовъ время почти цѣликомъ посвящалось изученію мертвыхъ языковъ. Требованіе знакомства съ педагогіей замѣнилось для учителей требованіемъ способностей по сыскной части. Земскія школы, поскольку онѣ не замѣнялись церковно - приходскими, отданы были подъ надзоръ мѣстнымъ кабатчикамъ и священникамъ, которые весьма успѣшно слѣдили за благонамѣренностью учителя, основываясь на количествѣ выпиваемыхъ имъ шкаликовъ и поставленныхъ въ праздничные дни свѣчей. Изящная литература, это зеркало души общества, съ точностью отражала въ себѣ господствующее настроеніе безвременья, безпросвѣтную тоску, отсутствіе какихъ бы то ни было общественныхъ идеаловъ у громаднаго большинства, хищническія стремленія верховъ общества, мистицизмъ и копаніе въ своемъ жалкомъ «я» лучшей части молодежи и, наконецъ, несмолкаемый стонъ сквозь тяжелый кошмарный сонъ всей массы русскаго народа. Нѣтъ выхода! нѣтъ просвѣта! говорила лучшая молодежь, теряя все болѣе и болѣе вѣру въ прежніе идеалы и не находя въ себѣ новыхъ. Нѣтъ выхода, нѣтъ просвѣта!—вторили и лучшіе беллетристы-народники, которые не могли понять, что народъ не пошелъ за ними въ уготованную ему семидесятниками обитель, потому, что программа революціонеровъ-народниковъ была построена на утопической увѣренности, будто наша крестьянская Русь соціалистична по существу своему *). Революціонеры-народники были убѣждены, что крестьянинъ, уже подготовленный жизнью въ сельскомъ «міру»—этой полицейской общинѣ, основанной и поддерживаемой круговой порукой по уплатѣ податей и оброковъ, сразу по первому же ихъ зову пойдетъ въ царство соціализма **). Но они горько ошиблись, потому

---

*) «Русскій народъ благодаря особымъ историческимъ условіямъ анархиченъ; онъ еще не усвоилъ себѣ подобно другимъ народамъ государственныхъ идей и буржуазныхъ инстинктовъ; вопреки освященному закономъ принципу частной собственности, онъ требуетъ общаго раздѣла земли и, несмотря на вѣковое татарское, крѣпостое и государственное иго, мечтаетъ о широкой, вольной жизни; міровоззрѣніе его, выраженное въ понятной для него формулѣ «земля и воля», въ корнѣ соціалистично. См. «Начало», органъ русскихъ революціонеровъ, № 1 (1878 г.). Цитируемъ по «Революц. журналистикѣ 70-хъ годовъ» Paris. 1905. Стр. 6.

**) «Крестьянская община, сдавленная въ тиски фискальной системой, низведенная административной властью въ безличную казен-

что не замѣтили или, вѣрнѣй, не оцѣнили новаго фактора русской жизни—прихода «чумазаго», появленія капитала. А капиталъ пришелъ, онъ успѣлъ уже заглянуть въ самые глухіе уголки Россіи, онъ заставилъ крестьянина продавать свой хлѣбъ, пробилъ стѣну «міра» и расчленилъ общинниковъ на богачей, средняковъ и бѣдноту—пролетаріевъ и полупролетаріевъ.

Народники 80-хъ годовъ утратили уже непосредственную вѣру своихъ предшественниковъ—семидесятниковъ въ немедленный революціонный переходъ изъ царства кабалы въ царство соціализма. Объ этомъ они уже не мечтаютъ, но, тѣмъ не менѣе, замѣнивъ немедленный, революціонный переходъ постепеннымъ, эволюціоннымъ, они сохраняютъ старыя надежды. Община—вотъ якорь спасенія; крестьянскій «міръ»—вотъ естественный оплотъ противъ «чумазаго»; кустарный промыселъ—вотъ средство противъ побѣдоноснаго шествія капитала. И вотъ начинаются поиски за знахарскими средствами, за заплатами, которыя помогли бы уберечь эту общину, эти кустарные промыслы. Но жизнь идетъ своим[illegible] чередомъ. Врагъ является не только извнѣ, онъ рождается [illegible] растетъ въ самой крѣпости. Внутри общины совершается ра[illegible] члененіе, среди кустарей выдѣляются хозяйчики и рабочіе. Всѣ п[illegible] тентованныя цѣлительныя средства народниковъ-восьмидесят[illegible] ковъ, всѣ эти крестьянскіе банки, кустарные музеи, организо[illegible] ная продажа сырья и земледѣльческихъ орудій—все это лиш[illegible] ливаетъ разложеніе; ими пользуются лишь хозяйчики да бо[illegible] крестьяне, все это въ конечномъ счетѣ лишь облегчаетъ [illegible] капитала.

Народники семидесятыхъ годовъ со свою револ[illegible] проповѣдью шли напроломъ. Имъ ясно видѣлись вп[illegible] туры свѣтлаго будущаго и они-«герои» смѣло [illegible] этому будущему крестьянскую массу—«толпу». Он[illegible] скали компромиссовъ съ дѣйствительностью, риску[illegible] «толпа» не пойдетъ за ними, останется глухой [illegible] зыву. Они были только утопистами и жестоко [illegible] за свою смѣлую и рѣшительную проповѣдь. С[illegible] были народники-восьмидесятники. Эти рискъ [illegible]

ную оброчную статью государства, зорко охраняе[illegible] жества отъ внѣшняго вліянія интеллигентныхъ сил[illegible] не менѣе въ средѣ народа міровоззрѣнія, имѣющі[illegible] съ общечеловѣческими началами соціалистическ[illegible] чало» № 3. Тамъ-же, стр. 79).

постепеновскій планъ они проводили въ жизнь практически. Они мирились съ реакціей, разъ она не отнимала у нихъ возможности сохранить общину, сохранить ихъ «устои». И въ этомъ отношеніи ихъ практическая работа совпадала съ работой реакціи, потому что правительство въ дѣйствительности опиралось на тѣ же слои населенія, которымъ фактически служило и народничество. Оппозиціонное, либеральное—по старой номенклатурѣ—народничество привѣтствовало, какъ свою побѣду, мѣропріятія реакціи къ укрѣпленію и упроченію «устоевъ». Устои крѣпли, а вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпло и убѣжденіе массы въ безысходности своего положенія.

Народники 70-хъ годовъ были революціонными борцами, которые страшно желали, но не умѣли опереться на народъ и быть выразителями его воли. Народники же восьмидесятники были практическими выразителями и проповѣдниками идей мелкобуржуазныхъ слоевъ русскаго крестьянства. Фразеологія у нихъ сохранилась прежняя, но условія и методъ работы радикально измѣнились. Реакціонность народниковъ 80-хъ годовъ усиливалась еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что они не хотѣли видѣть, что въ Россіи нѣтъ уже той сплоченной, однородной массы народа, къ которой обращались и которую могли предполагать революціонеры-семидесятники. Россія расчленилась. Сословную жизнь все больше и больше вытѣсняла жизнь классовая Зарождался уже классъ рабочихъ и классъ предпринимателей. «Чумазый» пришелъ и принесъ съ собой все то, что неизбѣжно связано съ его приходомъ. Народники видѣли въ приходѣ «чумазаго» явленіе ненормальное. Капитализмъ—это болѣзненный наростъ на общинно-крестьянской организаціи Россіи, къ нему и слѣдуетъ относиться, какъ къ явленію болѣзненному и случайному,—вотъ что говорили народники и еще крѣпче держались за «устои». Они не понимали и не хотѣли понять, что капиталъ, разрушая старые устои, неизбѣжно создаетъ новый укладъ жизни. Они не поняли и не хотѣли понять всей созидательной работы капитала и, что самое главное, они не поняли необходимости активнаго и сознательнаго участія въ этой творческой, созидательной работѣ того самаго «народа», отъ имени котораго они продолжали выступать. Они оплакивали результаты нашествія «чумазаго», лили слезы надъ раздѣломъ патріархальной крестьянской семьи, вздыхали по поводу замѣны самотканной серьмяги пиджакомъ, лаптей сапогами.

сокрушались о развращенности уходящихъ на фабрики въ городъ парней и дѣвушекъ и въ утѣшеніе убѣждали себя и своихъ читателей, что все это лишь случайное, временное, а «устои» попрежнему крѣпки.—Вотъ тамъ-то появилась новая «собственная» свѣтелка; здѣсь крестьяне, несмотря на общину, все же не окончательно умерли съ голоду и пр. въ томъ же родѣ. Вѣдь дѣло не въ «увеличеніи благосостоянія отдѣльныхъ личностей», а въ ихъ «экономической независимости», вѣдь «наши крестьяне жертвуютъ очень большими матерьяльными выгодами ради сохраненія своей экономической независимости» *); у кустарей даже имѣется поговорка: «хоть доходъ не доходъ, а все-таки вольный свѣтъ».

Они подчеркивали далѣе, что правительству нечего бояться ихъ «устоевъ»; наоборотъ, блага, даваемыя экономической независимостью, настолько цѣнны, что часто заставляютъ забывать даже очень крупные недостатки въ политическомъ строѣ. Во Франціи, напримѣръ, самымъ мирнымъ элементомъ населенія является болѣе или менѣе независимый экономически крестьянинъ-землевладѣлецъ, а самымъ революціоннымъ— тѣ слои рабочаго класса, которые совсѣмъ не пользуются благами экономической независимости **). Пусть будетъ бѣденъ, безправенъ, забитъ нашъ «народъ», но за нимъ должно сохраниться право считаться собственникомъ клочка земли. У насъ не можетъ быть рабочаго движенія въ западно-европейскомъ смыслѣ—ликовалъ прогрессивнѣйшій изъ народниковъ 80-хъ годовъ, Михайловскій,—потому что у насъ нѣтъ рабочаго класса: нашъ рабочій—землевладѣлецъ; онъ всегда можетъ уйти къ себѣ домой. И потому да здравствуетъ «община», какъ вѣрнѣйшій оплотъ противъ рабочаго движенія въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова, т. е., движенія пролетаріата, сознательно всѣмъ классомъ борющагося противъ капиталистическаго гнета и всѣхъ его проявленій какъ въ экономической, такъ и въ политической области.

II.

Не желая видѣть существованія капитализма, наши народники естественно должны были отрицательно относиться и ко всякой попыткѣ сознательной борьбы съ его проявленіями. А

*) Каблицъ-(Юзовъ). «Интеллигенція и народъ» стр. 159.
**) Тамъ же стр. 161.

эта борьба уже начиналась, она не могла не начаться. Возникла она у насъ, какъ и всюду на Западѣ, сразу съ двухъ фланговъ. Съ одной стороны, доведенные до крайности своимъ тяжелымъ положеніемъ и голодными заработками, рабочіе возстаютъ то тутъ, то тамъ, пытаясь хоть отчасти сбросить съ своихъ плечъ лежащій на нихъ непосильный гнетъ. Прежде и сильнѣй всего это движеніе стихійно проявляется въ той части нашей промышленности, гдѣ этотъ гнетъ былъ наиболѣе чувствительнымъ, гдѣ предложеніе рабочихъ рукъ значительно превышало спросъ и гдѣ конкуренція между ручнымъ (кустарнымъ) трудомъ и машиннымъ (фабричнымъ) всей своей тяжестью главнымъ образомъ ложилась на заинтересованныхъ рабочихъ. Мы говоримъ здѣсь о текстильной промышленности. Въ этой отрасли производства рабочіе находились въ такихъ условіяхъ, которыя трудно даже себѣ представить не только западно-европейскому рабочему, но и многимъ современнымъ рабочимъ Россіи. Рабочее время на механическихъ ткацкихъ фабрикахъ колебалось между 12 и 16 часами, а на ручныхъ— между 16 и 20 *). Безъ прогула на бумагопрядильныхъ фабрикахъ мужчина въ среднемъ зарабатывалъ 10,18 р. въ мѣсяцъ (25 дней) женщина—8,33 р. **). Изъ этого нищенскаго заработка рабочимъ въ среднемъ приходилось уплачивать (на самоткацкихъ фабрикахъ) отъ 5 р. 97 к. до 6 р. 29 к. штрафовъ, а затѣмъ шли вычеты за баню, за лекарства, за челноки и другіе инструменты, на лампадное масло, на архіерейскіе молебны и т. д. и т. д. Но и жалкій остатокъ послѣ всѣхъ этихъ вычетовъ уплачивался не наличными, а принудительнымъ заборомъ продуктовъ въ лавкѣ, принадлежащей фабриканту или его родственнику. Разумѣется, цѣны при этомъ заламывались такія, какія Богъ на душу положитъ. Такъ, по приведенной Песковымъ выпискѣ изъ харчевой книжки одного рабочаго видно, напримѣръ, что ржаная мука, которая во Владимірѣ продавалась въ розницу по 1 р. за пудъ, въ фабричной лавкѣ стоила 1 р. 30 к., чай—вмѣсто 1 р. 60 к.— 2 рубля и т. д. Рабочимъ очень часто запрещалось покупать что либо въ вольныхъ лавкахъ; нерѣдко имъ насильно навязывались совершенно ненужные товары, которые потомъ со значительной уступкой они принуждены были сбывать своему

*) Песковъ. «Фабричн. бытъ Владимірской губ.», стр. 94—95.
**) Тамъ-же. стр. 78.

же хозяину. Мы не станемъ здѣсь останавливаться на подробностяхъ «жизни» рабочихъ, обрисовывать гигіеническія и санитарныя условія помѣщеній мастерскихъ и фабричныхъ казармъ *), не будемъ также останавливаться на томъ, какимъ образомъ эти условія отзывались на здоровьи рабочихъ и ихъ потомства и сколько ежегодно выбрасывалось фабрикантами на мостовую калѣкъ и сиротъ **). Для иллюстраціи, приведемъ только описаніе положенія вещей на одной изъ крупнѣйшихъ фабрикъ того времени—на Хлудовской мануфактурѣ въ Ярцевѣ. «Служа гнѣздомъ всякой заразы, милліонная фабрика (Хлудова) является въ то же время образцомъ безпощадной эксплуатаціи народнаго труда капиталомъ», такъ говорится въ изслѣдованіи земской санитарной комиссіи (1880 г.), и Духовщинское земское собраніе дважды ходатайствовало объ учрежденіи на фабрикѣ купца Хлудова должности земскаго комиссара для наблюденія за исполненіемъ санитарныхъ правилъ.

«Работа на фабрикѣ обставлена крайне наблагопріятными условіями: рабочимъ приходится вдыхать хлопчато-бумажную пыль, находиться подъ дѣйствіемъ удушливой жары—до 28,2° R и переносить удушливый запахъ, распространяющійся изъ дурно устроенныхъ ретирадъ. Фабричная администрація объясняла, что потому не принимается мѣръ къ ихъ (ретирадъ) улучшенію, что въ противномъ случаѣ, съ уничтоженіемъ міазмовъ, эти мѣста превратились бы въ м ѣ с т а о т д о х н о в е н і я д л я р а б о ч и х ъ и и х ъ п р и ш л о с ь б ы в ы г о н я т ь о т т у д а с и л о й. Каковы должны быть удобства жизни и работы на фабрикѣ Хлудова, если даже ретирады могутъ сдѣлаться мѣстами отдохновенія?

«Работа идетъ и днемъ, и ночью; каждому приходится работать двѣ смѣны въ сутки, черезъ 6 часовъ дѣлая перерывъ, такъ что въ концѣ концовъ рабочій никогда не можетъ выспаться вполнѣ. При фабрикѣ рабочіе помѣщаются въ громадномъ сыромъ корпусѣ, въ 3 этажа, раздѣленномъ, какъ гигантскій звѣринецъ, на клѣтки или каморки, грязныя, смрадныя, пропитанныя вонью отхожихъ мѣстъ. Жильцы набиты въ этихъ каморкахъ какъ сельди въ бочкѣ. Земская комиссія приводитъ

*) По Дементьеву количество воздуха въ этихъ помѣщеніяхъ спускалось иногда до $0_{,3}$ куб. с. на человѣка. См. «Фабрика, что она даетъ...»

**) На нѣкоторыхъ фабрикахъ Московскаго уѣзда процентъ получившихъ травматическія поврежденія равнялся 20—22% общаго числа рабочихъ. Погожевъ. «Фабричный бытъ въ Германіи и Россіи».

такіе факты: каморка въ 13 куб. саж. служитъ помѣщеніемъ, во время работъ, для 17 человѣкъ, а въ праздники или во время чистки машинъ—для 35—40 человѣкъ. Вообще,по словамъ Хлудовскаго фабричнаго доктора Михайлова, въ каморкахъ приходится по 0,6 куб. с. зараженнаго всякими испареніями и газами воздуха на человѣка. Рабочіе нанимаются на годъ. Въ рабочихъ книжкахъ, которыя рабочимъ не выдаются, точно обозначается обязанность рабочихъ не покидать фабрики до истеченія года; что касается фабричной конторы, то она можетъ всегда прогнать рабочаго, коль скоро она, какъ говорится въ книжкѣ, «недовольна» имъ. Штрафы были такъ велики и многочисленны, что положительно отравляли всю жизнь; на нѣкоторыхъ рабочихъ насчитывалось по 10, 15 рублей въ мѣсяцъ штрафовъ и вычетовъ разнаго рода. «Иной разъ работаешь, работаешь, анъ тебя въ одной рубашкѣ выпустятъ», жаловались рабочіе при разборѣ мировымъ судьей дѣла о «бунтѣ». Наконецъ, рабочихъ нерѣдко гнали съ фабрики безъ всякаго расчета. Жалованье, какъ водится, получали не деньгами, а съѣстными припасами и одеждой изъ хозяйскихъ лавокъ.

«Эксплуатація дѣтскаго труда производилась въ широкихъ размѣрахъ. Изъ общаго числа рабочихъ 24,6% составляли дѣти до 14 лѣтъ, другую четверть (25,6%) составляли подростки до 18 лѣтъ. Утомленіе, сопряженное съ трудомъ на фабрикѣ, было такъ велико, что, по словамъ земскаго врача, дѣти, подвергавшіяся какому нибудь увѣчью, засыпали во время операціи такимъ крѣпкимъ, какъ бы летаргическимъ сномъ, что не нуждались въ хлороформѣ.

«Въ заключеніе можно сказать, что чистый доходъ равнялся 45% въ годъ»*).

Уже сказаннаго достаточно, чтобы понять, что рабочіе не могли долго выносить такого порядка вещей. Ихъ недовольство проявлялось и должно было проявляться тѣмъ чаще, чѣмъ дольше они оставались на фабрикѣ, т. е. по мѣрѣ того, какъ они переставали быть одноодновременно и фабричными, и крестьянами. Крестьянинъ, придя изъ какой нибудь Неѣловки или Голодаевки на фабрику, первое время обыкновенно не нахвалится привольнымъ житьемъ, возможностью каждое воскресенье ѣсть мясо, которое у себя дома онъ видывалъ развѣ только по большимъ праздникамъ. Но стоило такому крестьянину пожить нѣкоторое время въ городѣ, на заводѣ и онъ начиналъ

---

*) Пажитновъ. Полож. раб. кл. въ Россіи. Стр. 24—26.

чувствовать всю относительность этого привольнаго житья, всю недостаточность средствъ существованія для поддержанія своего организма при упорной, интенсивной фабрично-заводской работѣ.

Сначала стихійное рабочее движеніе проявлялось лишь тогда, когда фабриканты дѣлали попытки еще больше ухудшить положеніе рабочихъ. Значительное большинство стачекъ вплоть до девяностыхъ годовъ носило характеръ чисто оборонительный. Рабочіе вступали въ борьбу для того, чтобы отстоять существующее положеніе вещей, а не для того, чтобы улучшить его. Большія нашумѣвшія стачки: въ Юзовѣ, на Оренбургской ж. д. (1875 г.), въ вагонныхъ мастерскихъ Курской ж. д., на Бумагопрядильнѣ, у Штиглица (1878 г.), у Коншина, Дило, Третьяковыхъ (79 г.), у Хлудова на Ярцевской мануфактурѣ (80 г.), въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, Петербургѣ, Жирардовѣ (82 г.), на Вознесенской мануфактурѣ (83 г.), на Никольской мануфактурѣ въ Орѣховѣ-Зуевѣ (85 г.) и т. д., всѣ онѣ возникали изъ-за непомѣрныхъ штрафовъ, надувательствъ при расплатѣ, произвольной браковки, прогуловъ по винѣ хозяина, сбавки расцѣнокъ и т. п. Такъ, напримѣръ, требованія, выставленныя рабочими Морозовской мануфактуры въ Орѣховѣ-Зуевѣ во время стачки 1885 года, сводились къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Чтобы имъ былъ возвращенъ штрафъ съ Пасхи 84 года; 2) чтобы штрафы не превышали 5% съ заработаннаго рубля; 3) чтобы вычеты за прогулъ не превышали 1 рубля и чтобы хозяинъ самъ платилъ за прогульные по его винѣ дни; 4) чтобы измѣнены были условія найма по законамъ; 5) полный расчетъ производился по заявленію за 15 дней, причемъ хозяинъ долженъ тоже предупредить за 15 дней о расчетѣ; 6) чтобы опредѣленіе доброкачественности товара происходило при свидѣтеляхъ изъ рабочихъ; 7) учрежденъ былъ контроль для уравненія платы; 8) жалованье выдавалось не позже 15 числа или въ первую по немъ субботу, 9) допущенъ былъ свободный выборъ старостъ; 10) уволены были непріятные для рабочихъ служащіе и рабочіе и т. д.

Въ большинствѣ этихъ стачекъ мы напрасно стали бы искать подстрекателей или иниціаторовъ: единственнымъ виновникомъ ихъ, этихъ «бунтовъ» рабочихъ являлась одна лишь администрація фабрикъ. Она такъ нажимала прессъ эксплуатаціи, такъ старалась использовать долготерпѣніе и безропотность рабочихъ, что это терпѣніе наконецъ лопнуло. Жить становилось невмоготу; и вотъ почти безъ всякаго предварительнаго сговора рабочіе рѣшаютъ, что ждать уже больше нечего, и при-

нимаются дѣйствовать такъ, какъ подсказывало имъ ихъ непосредственное чувство. Рѣдко, очень рѣдко въ этихъ стачкахъ руководятся опытомъ предыдущей борьбы, или встрѣчается какое либо воздѣйствіе извнѣ. Правда, въ петербургскихъ стачкахъ конца 70-хъ годоıъ и въ особенности на Новой Бумагопрядилькѣ мы встрѣчаемъ уже участіе организованныхъ землевольцами революціонныхъ кружковъ рабочихъ. Но эти кружки не руководятъ забастовкой и не рѣшаютъ начала ея, они служатъ лишь исполнительнымъ аппаратомъ для воли всей массы; такъ. напримѣръ, составляютъ адресъ къ наслѣднику (на Новой Бумагопрядильнѣ) пишутъ требованія рабочихъ, собираютъ деньги и т. п. Само собой разумѣется, что если среди самихъ рабочихъ попадается человѣкъ опытный, т. е. принимавшій участіе въ бывшихъ раньше забастовкахъ, онъ становится фактическимъ руководителемъ, и вся толпа невольно подчиняется ему. Такъ было съ Моисеенкомъ и Волковымъ въ знаменитой Морозовской стачкѣ. Удачная стачка на одной фабрикѣ открываетъ глаза рабочимъ сосѣднихъ и они рѣшаются на противодѣйствіе тамъ, гдѣ безъ ободряющаго примѣра покорно несли бы все усиливающійся гнетъ.

Чаще всего «бунтъ» (употребляемъ обычный въ то время полицейскій терминъ) начинался старымъ крестьянскимъ способомъ—съ подачи челобитной. Прошенія подавались хозяевамъ, которые обыкновенно жили гдѣ нибудь вдали отъ фабрики. Посылались ходоки и къ «начальству», чтобы оно разобрало чинимыя рабочимъ обиды и вступилось бы за нихъ, защитило бы отъ произвола директора или мастера. Типичнымъ примѣромъ такой «челобитной» тактики служитъ уже упомянутая стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, гдѣ рабочіе, начавъ съ прошенія приставу и пройдя всѣ административныя инстанціи, дошли наконецъ до самого наслѣдника *). Одновременно съ ходоками рабочихъ, директоромъ фабрики отправлялся обыкновенно нарочный или телеграмма губернатору съ извѣщеніемъ о «бунтѣ» и просьбой о немедленной присылкѣ вооруженной силы для его подавленія. Бунтомъ считался уже самый фактъ подачи коллективнаго прошенія. Ходоковъ, какъ «зачинщиковъ и подстрекателей», сажали въ тюрьму, а на мѣсто «бунта» являлось начальство, въ лицѣ исправника и жандармскаго пол-

---

*) Объ этой стачкѣ подробности см. у Г. Плеханова «Русскій рабочій въ револ. движеніи», у Пажитнова «Рабочее движеніе въ Россіи», въ «Револ. журналистикѣ 70-хъ годовъ» подъ ред. Базилевскаго и у Ельницкаго «Пер. шаги раб. дв».

ковника, которое и водворяло спокойствіе при помощи нагаекъ и розогъ.

Но иногда рабочіе къ начальству не обращались, а предпочитали дѣйствовать самостоятельно. Выведенные изъ себя безконечными притѣсненіями, они избивали тогда своихъ непосредственныхъ мучителей—директоровъ и наиболѣе ненавистныхъ мастеровъ—и въ безсознательномъ стихійномъ гнѣвѣ громили все, что можно было разгромить изъ хозяйскаго добра, стараясь нанести какъ можно больше ущерба своимъ эксплуататорамъ. Дѣло кончалось обыкновенно такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, т. е. военно-административной экзекуціей, съ той только разницей, что, кромѣ высѣченныхъ, оказывались еще рабочіе, которые предавались суду, и очень многіе, въ качествѣ политическихъ преступниковъ, административнымъ порядкомъ ссылались въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, или въ лучшемъ случаѣ на родину.

Непосредственныхъ практическихъ результатовъ такое стихійное движеніе въ большинствѣ случаевъ не имѣло. Чаще всего, послѣ небольшого перерыва, фабрика снова начинала работать съ совершенно или отчасти новымъ составомъ рабочихъ, на тѣхъ же, а иногда и на худшихъ условіяхъ. Но если мы вглядимся въ исторію этихъ стихійныхъ стачекъ въ связи съ исторіей развитія нашего фабричнаго законодательства, то для насъ станетъ очевиднымъ, что безъ нихъ правительство не сдѣлало бы и тѣхъ жалкихъ попытокъ урегулировать условія фабрично-заводскаго труда, какія имъ были сдѣланы.

Всѣ законы объ ограниченіи рабочаго времени, о запрещеніи расплаты товаромъ, о введеніи фабричной инспекціи сначала въ московскомъ и владимірскомъ районахъ, а затѣмъ о распространеніи ея, вслѣдъ за забастовками, и на другіе районы и проч. все это являлось отвѣтомъ на крупные фабричные безпорядки. Въ этомъ смыслѣ значеніе стихійныхъ экономическихъ стачекъ очень значительно. Но не менѣе велико было значеніе ихъ и въ иномъ отношеніи: даже неудачныя, неорганизованныя стачки подготовляли почву для дальнѣйшей работы среди массъ. «Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ» уже въ 70-ыхъ годахъ становится общимъ лозунгомъ рабочихъ. Правда, лозунгъ этотъ въ то время они не научились еще примѣнять ко всему рабочему классу и ограничивали его смыслъ предѣлами лишь данной фабрики. Впрочемъ тогда и не могло быть иначе: капитализмъ былъ еще слишкомъ слабо раз-

витъ и не могъ еще нивеллировать всѣхъ рабочихъ; онъ не успѣлъ еще отлиться самъ и отлить рабочую массу въ законченныя классовыя формы. Борьба между трудомъ и капиталомъ не была еще классовой борьбой пролетаріата съ буржуазіей. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ это была еще борьба опредѣленной группы рабочихъ противъ опредѣленной, специфической формы эксплуатаціи, присущей опредѣленному предпріятію, часто даже личности опредѣленнаго предпринимателя. И тѣмъ не менѣе, въ стачкахъ этого рода уже ясно намѣчались первые шаги къ классовой борьбѣ. Это начинаютъ понимать и отдѣльныя личности изъ рабочихъ, ставшія выше массы, какъ, напримѣръ, Петръ Алексѣевъ и Семенъ Агаповъ *), Степанъ Холтуринъ и Обнорскій, основатели «Сѣвернаго союза русскихъ рабочихъ» **), Моисенко и Волковъ, руководители Морозовской стачки. Все это рабочіе, которые по своему классовому сознанію возвысились не только надъ общемъ уровнемъ рабочей массы, но и надъ общимъ уровнемъ тогдашнихъ революціонеровъ, своихъ учителей.

«Мы, милліоны людей рабочаго населенія,—такъ начинаетъ свою рѣчь на судѣ ***) ткачъ Петръ Алексѣевъ,—чуть только станемъ ступать на ноги, бываемъ брошены отцами и матерями на произволъ судьбы, не получая никакого воспитанія, за неимѣніемъ школъ и времени отъ непосильнаго труда и скуднаго за это вознагражденія. Десяти лѣтъ—мальчишками насъ стараются спровадить съ хлѣба долой на заработки. Что же насъ тамъ ожидаетъ? Понятно, продаемся капиталисту на сдѣльную работу изъ-за куска чернаго хлѣба, поступаемъ подъ присмотръ взрослыхъ, которые розгами и пинками пріучаютъ насъ къ непосильному труду; питаемся кое-чѣмъ, задыхаемся отъ пыли и испорченнаго, зараженнаго разными нечистотами воздуха. Спимъ гдѣ попало—на полу, безъ всякой постели и подушки въ головахъ, завернутые въ какое нибудь лохмотье и окруженные со всѣхъ сторонъ безчисленнымъ множествомъ разныхъ паразитовъ... Въ такомъ положеніи нѣкоторые навсегда затупляютъ свою умственную способность, и не развиваются нравственныя понятія, усвоенныя еще въ дѣтствѣ; остается все то, что только можетъ выразить одна грубо воспитанная, всѣми

---

*) Оба привлекались по процессу 50-ти, въ 77 году.

**) «Сѣверный союзъ русск. раб.» возникъ въ концѣ 78 г. и просуществовалъ около 3-хъ лѣтъ.

***) Въ процессѣ 50-ти въ 1887 г.

забитая, отъ всякой цивилизацiи изолированная, мускульнымъ трудомъ зарабатывающая хлѣбъ рабочая среда. Вотъ что намъ, рабочимъ приходится выстрадать подъ ярмомъ капиталиста въ дѣтскiй перiодъ! И какое мы можемъ усвоить понятiе по отношенiю къ капиталисту, кромѣ ненависти? *)...

«Неужели мы не видимъ, какъ вокругъ насъ всѣ богатѣютъ и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можемъ понять и сообразить, почему это мы такъ дешево цѣнимся и куда дѣвается нашъ невыносимый трудъ? Отчего это другiе роскошествуютъ, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство? **)... Мы, рабочiе желали и ждали отъ правительства, что оно не станетъ поддерживать рутины и обезпечитъ крестьянина, выведетъ его изъ первобытнаго положенiя и пойдетъ скорыми шагами впередъ. Но, увы! Если оглянемся назадъ, то получимъ полное разочарованiе, и если при этомъ вспомнимъ незабвенный, предполагаемый день для русскаго народа,—день, въ который онъ съ распростертыми руками, полный чувства радости и надежды обезпечить свою будущую судьбу, благодарилъ царя и правительство,—19-го февраля. И что же? И это для насъ было только одной мечтой и сномъ! Эта крестьянская реформа 19-го февраля 61 года,—реформа, «дарованная», хотя и небходимая, но невызванная самымъ народомъ, не обезпечиваетъ самыя необходимыя потребности крестьянина. Мы попрежнему остались безъ куска хлѣба съ клочками никуда негодной земли и перешли въ зависимость къ капиталисту» ***). «Русскому рабочему народу,—заканчиваетъ Алексѣевъ свою громовую рѣчь при испуганныхъ возгласахъ предсѣдателя и всего суда—остается только надѣяться самимъ на себя и не отъ кого ожидать помощи, кромѣ отъ одной нашей интеллигентной молодежи: она одна неразлучно пойдетъ съ нами до тѣхъ поръ, пока подымется мускулистая рука миллiоновъ рабочаго люда... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ!» ****)...

«Я не раскаиваюсь въ своихъ поступкахъ,—говорилъ на томъ же судѣ рабочiй Сем. Ив. Агаповъ,—я много думалъ о

---

*) Госуд. преступл. въ Россiи въ XIX в. подъ ред. Базилевскаго. Т. II, вып. I Stuttdart. 1904- Стр. 407.

**) Тамъ же. Стр. 408.

***) Тамъ же. Стр. 409.

****) Тамъ же. Стр. 409—410.

средствахъ улучшенія быта рабочихъ и наконецъ сдѣлался пропагандистомъ. Цѣль моей пропаганды заключалась въ томъ, чтобы подготовить рабочихъ къ соціальной революціи, безъ которой имъ, по моему мнѣнію, никогда не добиться существеннаго улучшенія своего положенія»... Я только исполнилъ свой долгъ, долгъ честнаго рабочаго, искренно, всей душой преданнаго интересамъ своихъ бѣдныхъ, замученныхъ собратій» *).

Отъ этихъ рѣчей вѣетъ уже классовымъ сознаніемъ. Петръ Алексѣевъ заявляетъ, напримѣръ, что русскій рабочій классъ возьметъ дѣло освобожденія въ свои руки, и деспотизмъ долженъ уступить мощному натиску «мускулистой руки» рабочихъ. Еще болѣе рѣшительно, по крайней мѣрѣ въ своей политической программѣ, становится на класовую точку зрѣнія созданный, независимо отъ интеллигентовъ-землевольцевъ, землевольцемъ рабочимъ Ст. Холтуринымъ «Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ». Союзъ этотъ уже открыто заявляетъ, что по своимъ задачамъ онъ тѣсно примыкаетъ къ соціалдемократической партіи Германіи.

«Къ началу 1879 г. рабочее движеніе переросло народническое ученіе на цѣлую голову»—говоритъ близко знакомый съ этой эпохой Плехановъ. «Въ виду этого неудивительно, что наиболѣе развитая часть петербургскихъ рабочихъ, вошедшихъ въ основанный около того времени, «Сѣверно-русскій рабочій союзъ» въ своихъ политическихъ взглядахъ и стремленіяхъ разошлись съ бунтарями-народниками» **). Конечно, не народническая литература, и въ особенности довольно убогая агитаціонная литература землевольцевъ и ихъ не менѣе, если не болѣе еще убогая по идейному багажу пропаганда, могли создать типъ сознательнаго рабочаго.

«Проникнутые народническими предразсудками,— пишетъ Плехановъ,—всѣ мы видѣли тогда въ торжествѣ капитализма и развитіи пролетаріата величайшее зло для Россіи. Благодаря этому, наше отношеніе къ рабочимъ всегда было двойственнымъ и совершенно непослѣдовательнымъ. Съ одной стороны, въ своихъ программахъ мы не отводили пролетаріату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упованія

---

*) Тамъ же. Стр. 415.

**) «Русск. раб. въ рев. движеніи», изд. «Искры». Женева 90[illegible] г. Стр. 44.

на крестьянскіе бунты; а съ другой—мы все-таки считали нужнымъ «заниматься съ рабочими» и не могли отказаться отъ этого дѣла уже по одному тому, что оно, при несравненно меньшей затратѣ силъ, оказывалось несравненно болѣе плодотворнымъ, чѣмъ наши излюбленныя «поселенія въ народѣ». Но, идя къ рабочимъ не то чтобы противъ воли, а, такъ сказать, противъ теоріи, мы, разумѣется, не могли хорошо выяснить имъ то, что Лассаль называлъ идеей рабочаго сословія. Мы проповѣдывали имъ не соціализмъ и даже не либерализмъ, а именно тотъ передѣланный на русскій ладъ бакунизмъ, который училъ рабочихъ презирать «буржуазныя» политическія права и «буржуазную» политическую свободу, и ставилъ передъ ними, въ видѣ соблазнительнаго идеала, допотопныя крестьянскія учрежденія. Слушая насъ, рабочій могъ научиться сочувствовать «сѣрому» мужику и желать ему всего лучшаго, но ни въ какомъ случаѣ не могъ онъ понять, въ чемъ заключается его собственная задача, соціально-политическая задача пролетарія» *).

Агитація революціонеровъ заставила рабочихъ только задуматься и пробудила въ нихъ критическое отношеніе къ дѣйствительности; направленіе же самой критической мысли подсказала имъ та жизнь, въ которой они жили, стихійная экономическая борьба, которую вели ихъ товарищи - рабочіе. И если интеллигентные бунтари-народники смотрѣли на эти стихійныя вспышки рабочаго движенія, какъ на простой бунтъ, какъ на нѣчто вродѣ прелюдіи къ общему конечному возстанію,—ихъ ученики, рабочіе-революціонеры инстинктивно чувствовали въ нихъ начало новой эры, начало классовой борьбы прелетаріата. Мы приведемъ здѣсь выписку изъ письма въ редакцію «Земли и Воли» отъ рабочихъ «Сѣверно-русскаго рабочаго союза» **)... «Развѣ мы сами не знаемъ, что лучше быть сытымъ и мечтать о свободѣ, чѣмъ, сидя на пищѣ св. Антонія, добиваться свободы. Но что же дѣлать, если логика желаній и помысловъ уступаютъ передъ нелогичностью исторіи и если политическая свобода является прежде соціальнаго удовлетворенія. Насъ можно было бы еще упрекать, если бы мы составляли свою

---

*) Плехановъ. «Русск. раб. въ рев. дв». Стр. 10—11.

**) «Земля и Воля», № 5, цит. по «Революц. Журналистикѣ 70-ыхъ годовъ». Парижъ 1905 г., стр. 435—436.

программу гдѣ-нибудь въ Подлипной, обитатели которой дальше своей деревни да назойливаго попа сосѣдняго селенія ничего не вѣдають. Въ этомъ случаѣ наша програма, кромѣ усмѣшки, конечно, ничего бы не вызвала, такъ какъ представленіе о Сысойкѣ, умѣющемъ хорошо лущить древесную кору для своего желудка, и о политической свободѣ какъ-то не вяжется. Но въ томъ то и сила, что мы уже вышли изъ условій этой жизни, начинаемъ сознавать происходящее вокругъ насъ, а главное, что и заставило особенно насъ выставить, повидимому, чуждыя намъ требованія, мы составляемъ организацію не ради ея самой, а ради дальнѣйшей пропаганды и активной борьбы. Наша логика въ данномъ случаѣ коротка и проста. Намъ нечего ѣсть, негдѣ жить—и мы требуемъ себѣ пищи и жилища; насъ ничему не учатъ, кромѣ ругательствъ и подпалочнаго подчиненія—и мы требуемъ измѣненія этой первобытной системы воспитанія. Но мы знаемъ, что наши требованія такъ и останутся требованіями, если мы, сложивъ руки, будемъ взирать съ умиленіемъ, какъ наши «державные» и другіе хозяева распоряжаются нашими животами и пускаютъ деревенскихъ собратьевъ по-міру. И вотъ мы сплачиваемся, организуемся, беремъ близкое нашему сердцу знамя соціальнаго переворота и вступаемъ на путь борьбы. Но мы знаемъ также, что политическая свобода можетъ гарантировать насъ и нашу организацію отъ произвола властей, дозволитъ намъ правильнѣе развить свое міровоззрѣніе и успѣшнѣе вести дѣло пропаганды,—и вотъ мы, ради сбереженія своихъ силъ и скорѣйшаго успѣха, требуемъ этой свободы, требуемъ отмѣны разныхъ стѣснительныхъ «положеній» и «уложеній».

Если взять только эту выписку изъ письма, то можно было бы утверждать, что мы имѣемъ дѣло съ лицами, стоящими на вполнѣ правильной классовой точкѣ зрѣнія. Но окончаніе письма писано уже въ иномъ тонѣ. Тамъ народническая идеологія взяла верхъ надъ опытомъ жизни. Плехановъ вѣрно замѣчаетъ по поводу этого Союза: «Какъ бы то ни было, будущій историкъ революціоннаго движенія въ Россіи долженъ будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ семидесятыхъ годахъ требованіе политической свободы явилось прежде всего въ рабочей программѣ. Это требованіе сближало «Сѣверно-русскій рабочій Союзъ» съ западно-европейскими рабочими союзами, придавало ему соціалдемократическую окраску. Говорю окраску, потому что вполнѣ соціалдемократической

программу Союза признать было бы невозможно. Въ нее вошла не малая доза народничества» *).

Итакъ, уже въ концѣ 70-ыхъ годовъ передовые рабочіе почти подошли къ соціалдемократической точкѣ зрѣнія, но оказалось, что они такъ далеко ушли впередъ отъ массы рабочихъ, что не въ силахъ были вліять на нее. Масса, какъ мы уже говорили, стихійно вырабатывала себѣ методы борьбы и первымъ шагомъ этой борьбы могла быть только неорганизованная экономическая стачка для защиты существующаго на данной фабрикѣ положенія вещей отъ покушеній фабрично-заводской администраціи. Идейное теченіе среди передовыхъ рабочихъ не вліяло на массовое рабочее движеніе, не дѣлало его сознательнымъ.

«Собственно говоря,—говоритъ Плехановъ,—революціонеры были для нихъ (массовыхъ рабочихъ) такими же неизвѣстными людьми, какъ и фискалы. Иногда, по тѣмъ или другимъ причинамъ, на мѣсто дѣйствія вмѣсто старыхъ, знакомыхъ всей рабочей массѣ «орловъ» являлись совершено новыя личности. Но замѣчательно, что стачечники никогда не ошибались, и ни разу ни одному революціонеру не пришлось испытать на себѣ дѣйствія предназначеннаго для фискаловъ исправительнаго наказанія. Рабочіе какимъ то чутьемъ отличали революціонеровъ отъ полицейскихъ сыщиковъ. Возможно, однако, что тѣ изъ нихъ, которые видѣли прежде въ шпіонахъ тайныхъ агентовъ добродѣтельнаго царя, принимали потомъ за такихъ агентовъ самихъ революціонеровъ. Возможно также, что они приписывали царской милости и раздачу денегъ лишившимся кредита семьямъ. По крайней мѣрѣ, сближеніе съ революціонерами не мѣшало большинству стачечниковъ надѣяться на помощь со стороны трона» **).

Если, такимъ образомъ, дѣятельность тогдашнихъ революціонеровъ (землевольцевъ) вліяла на чувства рабочихъ, не пробуждая ихъ самосознанія, то зато можно, наоборотъ, констатировать, что безсознательное, стихійное экономическое движеніе рабочихъ своей жизненностью отрывало отъ утопическаго соціализма народниковъ всѣхъ тѣхъ, кто вступалъ въ болѣе тѣсное общеніе съ массами городского пролетаріата, и невольно под-

---

*) «Русск. раб. въ рев. движеніи». (Изд. «Пролетаріатъ», страницы 70—71).

**) Плехановъ. «Русскій раб. въ рев. движ». Женева 902 г. стр. 29.

водило ихъ все ближе и ближе къ научному соціализму. Естественно, что въ этомъ положеніи прежде всего оказались вышедшіе изъ массъ рабочіе-революціонеры—Холтурины, Моисенки и др. Для революціонеровъ-интеллигентовъ, въ томъ числѣ, напр., и для Плеханова, потребовались «годы пребыванія за границей и внимательнаго изученія соціальнаго вопроса», чтобы убѣдиться, что торжество стихійнаго народнаго движенія, вродѣ бунта Ст. Разина или крестьянскихъ войнъ въ Германіи, не можетъ удовлетворить соціально-политическихъ нуждъ современной Россіи, что старыя формы нашей народной жизни носили въ самихъ себѣ много зародышей своего разложенія и что онѣ не могутъ «развиться въ высшую коммунистическую форму» безъ непосредственнаго воздѣйствія на нихъ сильной и хорошо организованной рабочей соціалистической партіи» *).

III.

Какъ мы уже видѣли, революціонное боевое народничество 70-ыхъ годовъ уступило мѣсто народничеству мирному, реакціонному. Послѣ разгрома въ 80-ыхъ годахъ «Народной Волѣ» уже не удается собрать свои силы. Всѣ отдѣльныя попытки въ этомъ смыслѣ разбиваются о реакціонность «общества», о безразличіе широкихъ народныхъ массъ. Правительство, убѣдившись въ оторванности революціонеровъ отъ массы народа, сравнительно безъ труда справляется съ ихъ заговорщицкими организаціями. Лучшія силы оказываются выловленными—повѣшенными или заключенными въ «централахъ», въ равелинахъ Петропавловки, въ Шлиссельбургѣ, на Карѣ. Рядовые народовольцы массами заполняютъ восточно-сибирскія захолустья. Лишь очень и очень немногимъ удается скрыться за границу, гдѣ имъ, оторваннымъ отъ жизни, приходится влачить жалкое эмигрантское существованіе. Я говорю «жалкое» существованіе, потому что непосредственная вѣра въ дѣло семидесятниковъ у нихъ уже исчезла, понять же причины крушенія не хватало ни силъ, ни способностей. Они занялись реставраціей, починкой разрушенной идейной храмины, но заглядывать въ корень вещей не рѣшались. Ихъ заграничные споры и издаваемая тамъ литература уже не вліяютъ на настроеніе родины. Революціонное движеніе въ Россіи на время замолкаетъ. Попытки Лопатина, Оржиха, «милитаристовъ»

*) «Соціализмъ и политич. борьба», стр. 3.

группы Ульянова (мартовцевъ 87 г.) не въ состояніи были оживить погибшее дѣло и возстановить старые пріемы борьбы.

Изо всей массы заграничныхъ эмигрантовъ нашлось лишь нѣсколько человѣкъ, которые поняли несомнѣнный фактъ крушенія старыхъ идеаловъ и сочли нужнымъ считаться съ нимъ.

Въ 1883 году въ Швейцаріи образовалась группа «Освобожденія Труда». Это была первая революціонная группа съ ясно выраженнымъ соціалдемократическимъ характеромъ. Основатели этой группы (Плехановъ, Аксельродъ, Засуличъ, Дейчъ и Игнатовъ), бывшіе «чернопередѣльцы», вывезли изъ Россіи разочарованіе въ старой тактикѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они привезли съ собой и опытъ непосредственнаго знакомства съ рабочей средой и со стихійнымъ зарожденіемъ ея классового недовольства. Знакомство съ высшей, уже сознательной формой западноевропейскаго рабочаго движенія заставило ихъ «привести въ ясность тѣ представленія о соціализмѣ, которыя существовали у нашихъ революціонеровъ въ эпоху возникновенія въ ихъ средѣ политическихъ тенденцій». «Убѣдившись въ томъ,—говоритъ Плехановъ,—что эти представленія были ошибочными или отсталыми, мы посмотримъ, какое мѣсто отводитъ политической борьбѣ то ученіе, которому даже буржуазные противники не отказываютъ въ названіи научнаго соціализма. Послѣ этого намъ останется сдѣлать въ нашихъ общихъ выводахъ поправки, неизбѣжныя въ виду тѣхъ или иныхъ особенностей современнаго положенія дѣлъ въ Россіи, и наша тема будетъ исчерпана; политическая борьба рабочаго класса съ врагами принадлежащими къ той или иной исторической формаціи, окончательно обнаружитъ предъ нами свою связь съ общими задачами» *). Въ этомъ планѣ первой соціалдемократической работы Плеханова виденъ и ходъ мыслей, который привелъ его и его товарищей къ соціалдемократіи. Группа «Освобожденія Труда» поняла, что Россію не минуетъ чаша капитализма, что она, вопреки желаніямъ народниковъ и бунтарей, развивается и должна развиваться по тѣмъ же самымъ законамъ, по какимъ развиваются и всѣ остальныя страны всего міра. Она поняла, что Россія не представляетъ исключенія и что русскій народъ не является особымъ избранникомъ божіимъ, призваннымъ, миновавъ чистилище капитали-

---

*) «Соціализмъ и политич. борьба» стр. 7.

стическаго строя, сразу вкусить блаженство соціализма. «Если Іисусу Навину и удалось, по библейскому разсказу, остановить солнце на «десять степеней», то время чудесъ прошло, и нѣтъ ни одной партіи, которая могла бы крикнуть: «стойте, производительныя силы, не шевелись, капитализмъ!». Исторія такъ же мало обращаетъ вниманія на опасенія революціонеровъ, какъ и на реакціонныя іереміады. «Экономическій прогрессъ» дѣлаетъ свое дѣло, не дожидаясь того времени, когда анархисты или бланкисты осуществятъ свои намѣренія. Каждая фабрика, основанная въ Петербургѣ, каждый лишній «работничекъ», принанятый ярославскимъ кустаремъ, усиливаетъ роковое будто бы для революціи «пламя прогресса», а слѣдовательно и уменьшаетъ вѣроятность народнаго торжества. Можно ли назвать революціоннымъ такой взглядъ на взаимное отношеніе различныхъ общественныхъ силъ въ Россіи? Мы думаемъ, что нѣтъ. Чтобы сдѣлаться революціонерами по существу, а не по названію, русскіе анархисты, народники и бланкисты должны были прежде всего революціонизировать свои собственныя головы, а для этого имъ нужно было научиться понимать ходъ историческаго развитія и стать во главѣ его, а не упрашивать старуху-исторію потоптаться на одномъ мѣстѣ, пока они проложатъ для нея новые, болѣе прямые и торные пути» *) Понять все это—значило пересмотрѣть все свое міровоззрѣніе и прежде всего отрѣшиться отъ субъективной точки зрѣнія, отъ взгляда на себя, какъ на «героя», а на народъ, какъ на «толпу».... «Мы—пишетъ Плехановъ въ своей брошюрѣ «Соціализмъ и политическая борьба» **)—не принадлежимъ къ числу принципіальныхъ противниковъ такого акта, какъ захватъ власти революціонной партіей. По нашему мнѣнію, онъ представляетъ собой послѣдній и притомъ совершенно неизбѣжный выводъ изъ той политической борьбы, которую на извѣстной ступени общественнаго развитія долженъ начать всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію. Достигшій политическаго господства революціонный классъ только тогда и сохранитъ за собой это господство, только тогда и будетъ въ сравнительной безопасности отъ ударовъ реакціи, когда онъ направитъ противъ нея могучее орудіе государственной власти. Den Teufel halte, ver ihn hält! говоритъ Фаустъ..

«Но диктатура класса, какъ небо отъ земли, далека отъ дик-

---

*) «Соц. и полит. борьба», стр. 15.
**) Стр. 61—63.

татуры группы революціонеровъ-разночинцевъ. Это въ особенности можно сказать о диктатурѣ рабочаго класса, задачей котораго является въ настоящее время не только разрушеніе политическаго господства непроизводительныхъ классовъ общества, но и устраненіе существующей нынѣ анархіи производства, сознательная организація всѣхъ функцій соціально-экономической жизни. Одно пониманіе этой задачи предполагаетъ развитой рабочій классъ, обладающій политическимъ опытомъ и воспитаніемъ, освободившійся отъ буржуазныхъ предразсудковъ и умѣющій самостоятельно обсуждать свое положеніе. Рѣшеніе же ея предполагаетъ, кромѣ сказаннаго, еще и распространеніе соціалистическихъ идей въ средѣ пролетаріата, сознаніе имъ своей силы и увѣренность въ побѣдѣ. Но такой пролетаріатъ и не позволитъ захватить власть даже самымъ искреннимъ благожелателямъ. Не позволитъ по той простой причинѣ, что онъ проходилъ школу своего политическаго воспитанія съ твердымъ намѣреніемъ окончить когда нибудь эту школу и выступить самостоятельнымъ дѣятелемъ на арену исторической жизни, а не переходить вѣчно отъ одного опекуна къ другому; не позволитъ потому, что такая опека была бы излишней, такъ онъ и самъ могъ бы тогда рѣшить задачу соціалистической революціи; не позволитъ, наконецъ, потому, что такая опека была бы вредной, такъ какъ сознательнаго участія производителей въ дѣлѣ организаціи производства не замѣнитъ никакая конспиративная сноровка, никакая отвага и самоотверженіе заговорщиковъ. Одна мысль о томъ, что соціальный вопросъ можетъ быть на практикѣ рѣшенъ кѣмъ либо, помимо самихъ рабочихъ, указываетъ на полное непониманіе этого вопроса, безъ всякаго отношенія къ тому, держится ли ея «желѣзный канцлеръ» или революціонная организація. Понявшій условія своего освобожденія и созрѣвшій для него пролетаріатъ возьметъ государственную власть въ свои собственныя руки съ тѣмъ, чтобы, покончивши со своими врагами, устроить общественную жизнь на началахъ не ан-архіи, конечно, которая принесла бы ему новыя бѣдствія, но пан-архіи, которая дала бы возможность непосредственнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи общественныхъ дѣлъ всѣмъ членамъ общества. До тѣхъ же поръ, пока рабочій классъ не развился еще до рѣшенія своей великой исторической задачи, обязанность его сторонниковъ заключается въ ускореніи процесса его развитія, въ устраненіи препятствій

мѣшающихъ росту его силы и сознанія, а не въ придумываніи соціальныхъ экспериментовъ и вивисекцій, исходъ которыхъ всегда болѣе чѣмъ сомнителенъ.

«Такъ понимаемъ мы вопросъ о захватѣ власти въ соціалистической революціи. Примѣняя эту точку зрѣнія къ русской дѣйствительности, мы должны сознаться, что отнюдь не вѣримъ въ близкую возможность соціалистическаго правительства въ Россіи».

Не кучка революціонеровъ, захвативъ власть, своими декретами освободитъ русскій народъ: освободить себя можетъ лишь самъ народъ, сознательно свергнувъ старую власть.

Уже въ первомъ выступленіи Группы въ цитированной нами брошюрѣ «Соціализмъ и политическая борьба» Плехановъ формулируетъ задачу, которую поставила себѣ группа «Освобожденія Труда»:

«Такимъ образомъ борьба за политическую свободу съ одной стороны и подготовка рабочаго класса къ его будущей самостоятельной роли—съ другой, такова, по нашему мнѣнію, «постановка партійныхъ задачъ», единственно возможная въ настоящее время» *).

Въ 1885 г. вышелъ въ свѣтъ проектъ программы русскихъ соціалдемократовъ, составленный группой «Освоб. Труда». Такъ какъ этотъ проектъ первой соціалдемократической программы въ Россіи совершенно неизвѣстенъ широкой публикѣ, мы приводимъ его цѣликомъ **):

«Русскіе соціалдемократы, подобно соціалдемократамъ другихъ странъ, стремятся къ полному освобожденію труда отъ гнета капитала. Такое освобожденіе можетъ быть достигнуто путемъ перехода въ общественную собственность всѣхъ средствъ и предметовъ производства,—перехода, который повлечетъ за собою:

а) Устраненіе современнаго товарнаго производства (т. е. купли и продажи продуктовъ на рынкѣ) и

б) Замѣну его новой системой общественнаго производства по заранѣе составленному плану въ виду удовлетворенія потребностей какъ цѣлаго общества, такъ и каждаго изъ его членовъ,

---

*) Соц. и полит. борьба, стр. 72.

**) Проектъ программы русскихъ соціалдемократовъ 1885 г. Соц.-дем. календарь 1902 г. Изд. Гр. Борьбы Женева: 1902 г. стр. 194—198.

въ предѣлахъ, допускаемыхъ состояніемъ производительныхъ силъ въ данное время.

«Эта коммунистическая революція вызоветъ самыя коренныя измѣненія во всемъ складѣ общественныхъ и международныхъ отношеній.

«Замѣняя современное господство продукта надъ производителемъ—господствомъ производителя надъ продуктомъ, она внесетъ сознательность туда, гдѣ господствуетъ нынѣ слѣпая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая всѣ общественныя отношенія, она вмѣстѣ съ тѣмъ предоставитъ каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ общественныхъ дѣлъ.

«Это непосредственное участіе гражданъ въ завѣдываніи общественными дѣлами предполагаетъ устраненіе современной системы политическаго представительства и замѣну ея прямымъ народнымъ законодательствомъ.

«Кромѣ того, теперь уже можно предвидѣть международный характеръ предстоящей экономической революціи. При современномъ развитіи международнаго обмѣна, упроченіе этой революціи возможно лишь при участіи въ ней всѣхъ, или по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ цивилизованныхъ обществъ. Отсюда вытекаетъ солидарность интересовъ производителей всѣхъ странъ, признанная и провозглашенная еще Международнымъ Товариществомъ Рабочихъ.

«Но такъ какъ освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, такъ какъ интересы труда въ общемъ діаметрально противоположны интересамъ эксплуататоровъ и такъ какъ поэтому высшіе классы всегда будутъ препятствовать указанному переустройству общественныхъ отношеній,—то неизбѣжнымъ предварительнымъ его условіемъ является захватъ рабочимъ классомъ политической власти въ каждой изъ соответствующихъ странъ. Только это временное господство рабочаго класса можетъ парализовать усилія контръ-революціонеровъ и положить конецъ существованію классовъ и ихъ борьбѣ.

«Эта политическая задача вноситъ элементъ разнообразія въ программы соціалдемократовъ различныхъ государствъ, сообразно общественнымъ условіямъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

«Практическія задачи, а слѣдовательно и программы со-

ціалдемократовъ должны имѣть болѣе сложный характеръ въ тѣхъ странахъ, гдѣ современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующимъ и гдѣ трудящіяся массы находятся подъ двойнымъ игомъ развивающагося капитализма и отживающаго патріархальнаго хозяйства. Въ такихъ странахъ соціалдемократамъ приходится добиваться, какъ переходныхъ степеней, такихъ формъ общественнаго устройства, которыя уже теперь существуютъ въ передовыхъ странахъ и необходимы для дальнѣйшаго развитія рабочей партіи. Россія находится именно въ такомъ положеніи. Капитализмъ сдѣлалъ въ ней громадные успѣхи со времени отмѣны крѣпостного права. Старая система натуральнаго хозяйства уступаетъ мѣсто товарному производству и тѣмъ самымъ открываетъ огромный внутренній рынокъ для крупной промышленности. Патріархальныя общинныя формы крестьянскаго землевладѣнія быстро разлагаются; община превращается въ простое средство закрѣпощенія государству крестьянскаго населенія, а во многихъ мѣстностяхъ они служатъ также орудіемъ эксплуатаціи бѣдныхъ общинниковъ богатыми. Въ то же время, пріурочивая къ землѣ интересы огромной части производителей, она препятствуетъ ихъ умственному политическому развитію, ограничивая ихъ кругозоръ узкими предѣлами деревенскихъ традицій. Русское революціонное движеніе, торжество котораго послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встрѣчаетъ въ немъ ни поддержки, ни сочувствія, ни пониманія. Главнѣйшая опора абсолютизма заключается именно въ политическомъ безразличіи и умственной отсталости крестьянства. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является безсиліе и робость тѣхъ образованныхъ слоевъ высшихъ классовъ, матеріальнымъ и умственнымъ интересамъ которыхъ противорѣчитъ современная политическая система. Возвышая голосъ во имя народа, они съ удивленіемъ видятъ, что онъ равнодушенъ къ ихъ призывамъ. Отсюда неустойчивость политическихъ воззрѣній, а временами уныніе и полное разочарованіе нашей интеллигенціи.

«Такое положеніе дѣлъ было бы вполнѣ безнадежно, если бы указанное движеніе русскихъ экономическихъ отношеній не создавало новыхъ шансовъ успѣха для защитниковъ интересовъ трудящагося класса. Разложеніе общины создаетъ у насъ новый классъ промышленнаго пролетаріата. Болѣе воспріимчивый, подвижный и развитой, классъ этотъ легче отзывается

на призывъ революціонеровъ, чѣмъ отсталое земледѣльческое населеніе. Между тѣмъ какъ идеалъ общинника лежитъ назади, въ тѣхъ условіяхъ патріархальнаго хозяйства, необходимымъ политическимъ дополненіемъ которыхъ было царское самодержавіе, участь промышленнаго рабочаго можетъ быть улучшена лишь благодаря развитію новѣйшихъ, болѣе свободныхъ формъ общежитія. Въ лицѣ этого класса народъ нашъ впервые попадетъ въ экономическія условія, общія всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, а потому только черезъ посредство этого класса онъ можетъ принять участіе въ передовыхъ стремленіяхъ цивилизованнаго человѣчества. На этомъ основаніи русскіе социалдемократы считаютъ первой и главнѣйшей своей обязанностью образованіе революціонной рабочей партіи. Ростъ и развитіе такой партіи встрѣтитъ, однако, въ современномъ русскомъ абсолютизмѣ очень сильное препятствіе.

«Поэтому борьба противъ него обязательна даже для тѣхъ рабочихъ кружковъ, которые представляютъ собой теперь зачатки будущей русской рабочей партіи. Низверженіе абсолютизма должно быть ихъ первой политической задачей.

«Главнымъ средствомъ политической борьбы рабочихъ кружковъ противъ абсолютизма русскіе соціалдемократы считаютъ агитацію въ средѣ рабочаго класса и дальнѣйшее распространеніе въ ней соціалистическихъ идей и революціонныхъ организацій. Тѣсно связанныя между собой въ одно стройное цѣлое, организаціи эти, не довольствуясь частными столкновеніями съ правительствомъ, не замедлятъ перейти, въ удобный моментъ, къ общему на него нападенію, причемъ не остановятся и передъ такъ называемыми террористическими дѣйствіями, если это окажется нужнымъ въ интересахъ борьбы.

«Цѣлью борьбы рабочей партіи съ абсолютизмомъ является завоеваніе демократической конституціи, обезпечивающей:

«1) Право быть избирателемъ и избираемымъ какъ въ законодательное собраніе, такъ и въ провинціальные и общинные органы самоуправленія всякому гражданину, не приговоренному судомъ, за извѣстныя, строго опредѣленныя закономъ позорныя дѣйствія къ потерѣ политической правоспособности.

«2) Опредѣленную закономъ денежную плату народнымъ представителямъ, позволяющую выбирать ихъ изъ бѣдныхъ классовъ населенія.

«3) Всеобщее свѣтское даровое и обязательное образованіе,

при чемъ государство должно снабжать бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособіями.

«4) Неприкосновенность личности и жилища гражданъ.

«5) Неограниченную свободу совѣсти, слова, печати, собраній и ассоціацій.

«6) Свободу передвиженій и занятій.

«7) Полную равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ религіи и племеннаго происхожденія.

«8) Замѣна постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа.

«9) Пересмотръ всего нашего гражданскаго и уголовнаго законодательства, уничтоженіе сословныхъ подраздѣленій и наказаній, несовмѣстимыхъ съ достоинствомъ человѣка.

«Опираясь на эти основныя политическія требованія, рабочая партія выдвигаетъ рядъ ближайшихъ экономическихъ требованій, какъ напр.:

«1) Радикальный пересмотръ нашихъ аграрныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленіе ею крестьянскихъ обществъ. Предоставленіе права отказа отъ надѣла и выхода изъ общины тѣмъ изъ крестьянъ, которые найдутъ это для себя удобнымъ, и т. п.

«2) Устраненіе современной податной системы и установленіе прогрессивнаго подоходнаго налога.

«3) Законодательное урегулированіе отношеній рабочихъ (городскихъ и сельскихъ) къ предпринимателямъ и организація соотвѣтствующей *инспекціи съ представительствомъ отъ рабочихъ*.

«4) Государственная помощь производительнымъ *ассоціаціямъ*, организующимся во всевозможныхъ отрасляхъ земледѣлія, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

«Эти требованія настолько же благопріятны интересамъ крестьянства, какъ и интересамъ промышленныхъ рабочихъ; поэтому, добиваясь ихъ осуществленія, рабочая партія проложитъ себѣ широкій путь для сближенія съ земледѣльческимъ населеніемъ. Выброшенный изъ деревни въ качествѣ обѣднѣвшаго члена общины, пролетарій вернется въ нее социалдемократическимъ агитаторомъ. Его появленіе въ этой роли измѣнитъ безнадежную теперь судьбу общины. Ея разложеніе неотвратимо лишь до тѣхъ поръ, пока само это разложеніе не

создастъ новой народной силы, могущей положить конецъ царству капитализма. Такою силою явится рабочая партія и увлеченная ею бѣднѣйшая часть крестьянства.

«Примѣчаніе. Какъ видно изъ вышесказаннаго, русскіе соціалдемократы полагаютъ, что работа интеллигенціи, въ особенности при современныхъ условіяхъ соціально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на болѣе развитой слой трудящагося населенія, какимъ и являются промышленные рабочіе. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, соціалдемократы могутъ, съ гораздо большей надеждой на успѣхъ, распространить свое воздѣйствіе на крестьянство, въ особенности въ то время, когда они добьются свободы агитаціи и пропаганды. Само собой, впрочемъ, разумѣется, что въ настоящее время люди, находящіеся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ крестьянствомъ, могли-бы своею дѣятельностью въ его средѣ оказать важную услугу соціалистическому движенію въ Россіи. Соціалдемократы не только не оттолкнутъ отъ себя такихъ людей, но приложатъ все стараніе, чтобы согласиться съ ними въ основныхъ принципахъ и пріемахъ своей дѣятельности».

Уже при бѣгломъ взглядѣ на эту программу бросается въ глаза, что она написана не для партіи уже дѣйствующей, а является лишь знаменемъ, выброшеннымъ небольшой кучкой иниціаторовъ, желающихъ создать партію. Эти иниціаторы, отколовшись отъ чисто интеллигентскихъ группъ утопистовъ-народниковъ, по отношенію къ той средѣ, къ которой они по преимуществу обращаются, т. е. къ «интеллигенціи», все еще продолжаютъ держаться ненаучной, утопической точки зрѣнія. Разойдясь съ «Народной Волей», отказавшись отъ народническихъ предразсудковъ «Чернаго Передѣла» и ставъ на научную соціалдемократическую точку зрѣнія, члены группы Освобожденія Труда сохраняютъ еще увѣренность въ томъ, что вся русская интеллигенція, «образованные слои высшихъ классовъ» легко могутъ отказаться отъ этихъ предразсудковъ и, ставъ на ихъ точку зрѣнія, изъ идеологовъ различныхъ слоевъ буржуазіи превратятся въ идеологовъ пролетаріата. Ни въ проектѣ программы, ни въ послѣдующихъ своихъ литературныхъ выступленіяхъ группа Освобожденія Труда не даетъ классового анализа этой интеллигенціи. Одинъ изъ авторовъ Плехановъ объясняетъ даже невѣрныя положенія этого проекта извѣстной уступкой революціонерамъ, разувѣрившимся въ

остальныхъ программахъ. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу:

«Программа группы Освобожденія Труда и до сихъ поръ не можетъ быть названа устарѣлой. Правда, въ ней есть два пункта, которые,—какъ замѣтилъ недавно польскій Przegląd Socialdemokratyczny»,—не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія «ортодоксальнаго» марксизма: прямое народное законодательство и государственная помощь производительнымъ товариществамъ рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ нашего народнаго хозяйства. Но это—зло не столь большой руки, потому что его очень легко было бы исправить. «Przegląd» прибавляетъ, что эти два требованія еще недавно фигурировали въ германской соціалдемократической программѣ *). Повидимому это служитъ въ его глазахъ смягчающимъ обстоятельствомъ. Но на самомъ дѣлѣ германская соціалдемократія тутъ не при чемъ. Группа «Освобожденія Труда» внесла въ свою программу требованіе государственной помощи производительнымъ товариществамъ не потому, чтобы она была увлечена въ этомъ случаѣ примѣромъ нѣмецкихъ товарищей, а просто потому, что ей невозможно было не считаться съ народническими симпатіями,—скажемъ откровеннѣе: предразсудками,—тогдашнихъ русскихъ революціонеровъ. Нужно помнить, что въ то время она была буквально единственной русской соціалдемократической группой, а число возможныхъ русскихъ соціалдемократовъ казалось очень большимъ, такъ какъ всѣ революціонные взгляды и программы потерпѣли жестокое крушеніе. При такихъ обстоятельствахъ группа «Освобожденія Труда» поневолѣ должна была, по крайней мѣрѣ, попробовать быть осторожной, мягкой и уступчивой. И она дѣйствительно рѣшила попытаться быть такою. Этимъ ея рѣшеніемъ объясняется какъ принятіе ею въ свою программу требованія государственной помощи производительнымъ товариществамъ, такъ и очень неопредѣленная формулировка ея аграрныхъ требованій. Эти послѣднія должны были особенно сильно затрогивать народническіе предразсудки нашихъ тогдашнихъ революціонеровъ. Группа «Освобожденія Труда» хорошо понимала это и поэтому выразилась очень «дипломатично». Желательный ея пересмотръ характеризуется въ ея проектѣ только двумя чертами: 1) онъ долженъ быть радикальнымъ, т. е. въ

*) Przegląd Socialdemokratyczny № 1 Marzec 1902 str. 43. (Плехановъ).

корнѣ измѣнить бытъ крестьянскаго населенія и не останавливаться передъ соображеніями о законности и о такъ называемыхъ историческихъ правахъ «благороднаго» сословія; 2) домохозяевамъ должно быть предоставлено право отказываться отъ надѣла и выходить изъ общины. Эта вторая часть ясно опредѣляетъ направленіе пересмотра: онъ долженъ положить конецъ крѣпостной зависимости крестьянства по отношенію къ государству и разорвать ту цѣпь, на которой оно такъ долго держало его подъ предлогомъ надѣленія его землею. Но группа «Освобожденія Труда» ничего не сказала о томъ, какія положительныя требованія должна, по ея мнѣнію, выставить соціалистическая партія во время желательнаго ей радикальнаго пересмотра нашихъ аграрныхъ отношеній. И это понятно. Пускаться въ подробности на этотъ счетъ—значило тогда поднимать такіе ожесточенные, безконечные споры, какихъ лучше всего избѣгать до поры до. времени» *).

Этой «уступчивостью» по отношенію къ проникнутой народническимъ духомъ интеллигенціи Плехановъ объясняетъ и самое названіе ихъ организаціи. Въ примѣчаніи къ только что цитированной статьѣ онъ говоритъ: «Разъ зашла рѣчь объ этой группѣ, замѣтимъ, что самое ея названіе (Освобожденіе Труда) нераціонально. Но и оно принято было, какъ уступка «духу времени». Первоначально группа предполагала называть себя просто Группой русскихъ соціалдемократовъ; но это уже слишкомъ рѣзало бы ухо нашихъ возможныхъ товарищей, въ теченіе долгихъ лѣтъ привыкавшее лишь къ анархической хулѣ на международную соціалдемократію, и потому рѣшено было «смягчить» то, чего на самомъ дѣлѣ смягчить было рѣшительно невозможно. Съ этой цѣлью и принято было безъ внимательнаго разсмотрѣнія пришедшее кому то изъ насъ въ голову названіе: соціалдемократическая группа «Освобожденія Труда». Теперь такая «осторожность», отчасти напоминающая осторожность страуса, кажется просто смѣшною, а тогда было не до смѣху» **).

Оставляя открытымъ вопросъ о томъ, были ли вызваны всѣ промахи «Проекта программы» дѣйствительно только же-

---

*) Плехановъ. «Проектъ программы Рос. соц.-дем. партіи» «Заря» № 4. 1902 г. Стр. 18—19.

**) Тамъ же. Стр. 19—20.

ланіемъ уступить господствующимъ тогда мнѣніямъ интеллигенціи или они объяснялись тѣмъ обстоятельствомъ, что сами члены группы «Освобожденія Труда« въ то время не успѣли еще окончательно совлечь съ себя древняго Адама, мы не можемъ не отмѣтить здѣсь что весь проектъ программы написанъ былъ не для будущей рабочей партіи, а для тѣхъ «образованныхъ слоевъ высшихъ классовъ, матеріальнымъ и умственнымъ интересамъ которыхъ противорѣчитъ современная политическая система», и которые пріуныли отъ его равнодушія къ ихъ призывамъ. Именно эту интеллигенцію авторы проекта приглашаютъ въ ряды соціалдемократіи для созданія зачатковъ будущей рабочей партіи. Только этимъ «интеллигентскимъ» характеромъ проекта программы мы и можемъ объяснить тотъ фактъ, что, говоря о переходѣ отъ «частныхъ столкновеній съ правительствомъ» «къ общему на него нападенію въ удобный моментъ», т. е. къ массовому вооруженному возстанію—иначе нельзя понять это мѣсто—авторы считаютъ нужнымъ добавитъ что соціалдемократы при этомъ «не остановятся и передъ такъ называемыми террористическими дѣйствіями, если это окажется нужнымъ въ интересахъ борьбы»; такимъ образомъ террористическія дѣйствія, т. е. интеллигентское единоборство съ отдѣльными представителями правительства какъ бы считается болѣе сильнымъ и радикальнымъ средствомъ борьбы, чѣмъ массовое выступленіе рабочаго класса противъ всей политической системы. Кромѣ того, въ политической программѣ Группы не достаетъ многихъ изъ тѣхъ положеній, безъ которыхъ немыслима ни одна политическая программа современныхъ соціалдемократическихъ партій. Мы не находимъ въ ней ни слова о равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ, о равенствѣ половъ; политическій идеалъ Группы не идетъ дальше демократической конституціи. Что же касается экономической части программы, то она ограничивается лишь требованіемъ «инспекціи съ представительствомъ отъ рабочихъ», не давая кромѣ этого ни одного практическаго лозунга, который могъ бы послужить темой агитаціи среди рабочихъ.

Вообще, весь проектъ программы, по словамъ одного изъ авторовъ, Плеханова, «представляетъ скорѣй очень сжато написанную статью, чѣмъ программу въ собственномъ смыслѣ слова». И тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ свои дефекты, Проектъ программы группы Освобожденія Труда явился громаднымъ шагомъ впередъ сравнительно съ позиціей революціон-

наго народничества. Онъ ясно и опредѣленно поставилъ вопросъ о неизбѣжной революціонной миссіи рабочаго класса, о необходимости образованія самостоятельной рабочей партіи, о нелѣпости и утопичности упованій на совпаденіе политической и соціалистической революціи, о томъ, что послѣдняя немыслима безъ предварительной побѣды первой. Правильная формулировка этихъ вопросовъ членами гр. Освобожденія Труда помогла позднѣйшимъ поколѣніямъ практиковъ-соціалдемократовъ легко справиться съ промахами проекта. А враждебное отношеніе, которое встрѣтилъ этотъ проектъ въ интеллигентскихъ революціонныхъ кружкахъ и ихъ идейномъ руководителѣ, редакторѣ «Вѣстника Народной Воли» Л. Тихоміровѣ, очень скоро заставило и авторовъ Проекта отнестись нѣсколько строже къ интеллигентскимъ утопіямъ, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ появленіе книги «Наши разногласія». Соціалдемократическая программа не могла прельстить русскихъ интеллигентовъ-революціонеровъ; они не пошли за ней и это заставило членовъ группы Освобожденія Труда все дальше и дальше уходить отъ «интеллигенціи», все рѣзче и рѣзче отмежевывать себя отъ ея утопическихъ иллюзій. Уже на Парижскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ 1889 г. Плехановъ отъ имени группы Освоб. Труда заявилъ: «Революціонное движеніе въ Россіи можетъ восторжествовать только какъ революціонное движеніе рабочихъ. Другого выхода у насъ нѣтъ и быть не можетъ».

Вся предыдущая революціонная борьба доказала безсиліе одной оторванной отъ народа революціонной интеллигенціи. «Исторія давно и безвозвратно осудила русское самодержавіе. Но оно существуетъ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока та же исторія не заготовитъ достаточно силъ для исполненія своего приговора. Она дѣятельно заготовляетъ ихъ, беря ихъ отовсюду. Пролетаріатъ—самая могучая изъ создаваемыхъ ею новыхъ общественныхъ силъ. Пролетаріатъ—это тотъ динамитъ, съ помощью котораго исторія взорветъ русское самодержавіе.

«Но рабочему классу не годятся старые, болѣе или менѣе фантастическіе костюмы интеллигенціи. Наши рабочіе, уже въ семидесятыхъ годахъ видѣвшіе слабыя стороны народничества, въ девяностыхъ годахъ сознательно станутъ подъ знамя всемірной рабочей партіи, подъ знамя соціалдемократовъ» *).

---

*) Плехановъ. «Русск. раб. въ рев. движеніи» стр. 62.

Съ усиленіемъ реакціи 80-хъ годовъ группа «Освобожденія Труда», подобно всѣмъ остальнымъ эмигрантскимъ революціоннымъ организаціямъ, все болѣе и болѣе утрачивала непосредственную связь съ революціонными дѣятелями въ Россіи. Единственный путь, при помощи котораго поддерживалась эта связь, былъ черезъ русскихъ студентовъ, учившихся въ швейцарскихъ университетахъ. Послѣ ареста Дейча, главной организаторской силы Группы, для нея исчезаетъ послѣдняя надежда прочной установки постоянныхъ сношеній съ русскими товарищами. «При такихъ условіяхъ — говоритъ Рязановъ — созданіе обширной рабочей литературы оказалось практически невозможнымъ. Для этого нужно постоянное общеніе съ рабочей массой. Пришлось отказаться отъ задуманныхъ уже работъ. Изъ готовящихся къ печати брошюръ для рабочихъ тогда увидала свѣтъ только книжка П. Аксельрода «Рабочее движеніе и соціальная демократія» *).

Но если практически Группа и не очень проявляла себя въ это время, то тѣмъ не менѣе она уже тогда сыграла крупную роль въ дѣлѣ будущаго развитія соціалдемократіи въ Россіи.

«Предстояла другая, не менѣе важная задача,—продолжаетъ Рязановъ—гораздо болѣе доступная и осуществимая: созданіе кадровъ соціалдемократической революціонной интеллигенціи, которая понесла бы идеи соціалдемократіи въ среду рабочихъ: «соціалдемократическаго движенія» въ Россіи въ то время еще не было, для возникновенія его необходимо было прежде всего теоретически проложить ему путь». А «главнымъ идейнымъ препятствіемъ или камнемъ преткновенія для этого являлись иллюзіи радикальной интеллигенціи на счетъ направленія и перспективы нашего экономическаго развитія и отрицательнаго отношенія той-же интеллигенціи къ соціально-экономическому и революціонному значенію нарождающагося русскаго пролетаріата. Отсюда видная, если угодно первостепенная роль полемики всѣхъ оттѣнковъ въ публицистическихъ изданіяхъ группы» **).

IV.

Совершенно независимо отъ группы «Освобожденія Труда», почти одновременно съ ней въ Петербургѣ возникла первая

---

*) Н. Рязановъ «Гр. Освоб. Труда» стр. 14—15, 2-е изд. 1906 г.
**) Тамъ же, стр. 14--15.

соціалдемократическая группа, извѣстная по имени своего основателя, болгарина Благоева. Какъ и Плехановъ, Аксельродъ и Засуличъ, Благоевъ началъ съ критики народничества и перешелъ къ штудированію научнаго соціализма. Но если первые, живя заграницей, находились въ благопріятныхъ условіяхъ для ознакомленія съ теоріей и практикой западно европейскаго рабочаго движенія, то нельзя того же сказать о Благоевѣ и его товарищахъ. По собственнымъ словамъ Благоева, взгляды его группы «представляли смѣсь научнаго соціализма съ лассальянствомъ и, если хотите, съ лавризмомъ... Въ основѣ нашихъ взглядовъ и программы—говоритъ онъ—лежалъ общій принципъ соціалдемократіи, а именно, что рабочій классъ Россіи долженъ выдѣлиться въ самостоятельную политическую партію, конечная цѣль которой должна состоять въ преобразованіи общества на соціалистическихъ началахъ, на коллективномъ владѣніи средствами производства; что для приближенія къ этой цѣли рабочему классу Россіи необходимо прежде всего добиться конституціи, и что въ Россіи конституціонное управленіе останется мечтой до тѣхъ поръ, пока не явится сильная рабочая партія съ самостоятельными отъ буржуазіи задачами. Поэтому, насколько помнится, въ первой передовицѣ № 1 «Рабочій», писанной мною, настаивалось больше всего на томъ, что рабочимъ въ Россіи необходимо бороться, какъ за ближайшую задачу, за конституціонное управленіе... Политическую свободу мы считали первымъ необходимымъ условіемъ для того, чтобы можно было бороться для соціалистическаго переворота. А этотъ послѣдній мы представляли себѣ по Лассалю, т. е. черезъ рабочія ассоціаціи, субсидируемыя государствомъ» *).

Какъ мы уже видѣли лассальянскую идею о «государственной помощи производительнымъ ассоціаціямъ» включила въ свою программу и группа Освобожденія Труда. А такъ какъ первый номеръ «Рабочаго», органа Благоевской группы вышелъ въ Петербургѣ раньше, чѣмъ эта группа завязала сношенія съ группой Освобожденія Труда, то очень вѣроятно, что компромиссъ, о которомъ говоритъ Плехановъ по поводу проекта программы гр. Освоб. Труда и былъ сдѣланъ послѣдней именно подъ вліяніемъ взглядовъ кружка Благоева, этой единствен-

---

*) Кольцовъ. Послѣсловіе къ «Ист. рев. дв. въ Россіи» Туна, стр. 358—359.

ной работавшей въ то время въ Россіи соціалдемократической группы. Программа Петербургской группы, какъ ее излагаетъ Благоевъ въ своемъ письмѣ къ Кольцову, сводилась къ слѣдующему:

I. Конечныя цѣли.

1) Передача земли, фабрикъ, заводовъ, орудій производства, т. е. машинъ и проч., въ руки рабочихъ обществъ;

2) Превращеніе труда, земли, фабрикъ и заводовъ въ общественную собственность;

3) Передача государственной власти въ руки народа;

4) Полная свобода распространенія знаній и преподаванія, свобода печати, слова и совѣсти;

5) Даровое и для всѣхъ доступное образованіе;

6) Международный союзъ для поддержанія солидарности всѣхъ народовъ.

II. Средства.

1) Широкое избирательное право для лицъ обоего пола;

2) Общинное самоуправленіе;

3) Полная свобода въ преподаваніи наукъ и искусствъ, въ распространеніи знанія, свобода слова, печати и религіи;

4) Уничтоженіе религіознаго воспитанія въ школахъ и предоставленіе его семьѣ;

5) Организація обязательнаго и дарового образованія, основаннаго на духѣ общественныхъ и гражданскихъ обязанностей;

6) Уничтоженіе постоянной арміи и организація народной милиціи;

7) Сокращеніе числа чиновниковъ и организація выборной общинной службы;

8) Замѣна современнаго суда судомъ выборныхъ присяжныхъ;

9) Соединеніе земледѣльческаго труда съ промышленнымъ;

10) Централизація кредита въ рукахъ государства и его употребленіе на организацію народнаго труда и народнаго производства на коллективныхъ началахъ;

11) Организація обществъ для эксплуатаціи на коллективныхъ началахъ общественныхъ земель, горныхъ богатствъ и орудій производства *).

---

*) Кольцовъ. Прилож. къ «Ист. рев. дв. въ Россіи». Туна. Изд. Библ. для всѣхъ. Стр. 359—360.

Здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, мы не находимъ той научной обосновки и той относительной выдержанности, какой, въ сравненіи со всѣми остальными революціонными программами 70-хъ и 80-хъ годовъ, отличается программа группы Освоб. Труда. Питерская программа въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ женевская сохранила на себѣ слѣды народническихъ предразсудковъ; въ ней совершенно отсутствуютъ экономическія рабочія требованія, а программа minimum не отдѣлена отъ программы maximum. Въ программѣ Благоевской группы чувствуется полное политическое невѣжество и отсутствіе знакомства съ самыми элементарными положеніями западно-европейскихъ конституцій и съ требованіями западно-европейской соціалдемократіи. Интересно сравнить эту программу съ выработанной въ 79 году въ Петербургѣ же программой «Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ». Приведемъ политическую часть этой программы:

«Такъ какъ политическая свобода—говорили рабочіе—обезпечиваетъ за каждымъ человѣкомъ самостоятельность его убѣжденій и дѣйствій; такъ какъ ею прежде всего обезпечивается рѣшеніе соціальнаго вопроса, то непосредственными требованіями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати, право собраній и сходокъ;

2) Уничтоженіе сыскной полиціи и дѣлъ по политическимъ преступленіямъ;

3) Уничтоженіе сословныхъ правъ и преимуществъ;

4) Обязательное и безплатное обученіе во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ.

5) Уменьшеніе количества постоянныхъ войскъ или полная замѣна ихъ народнымъ вооруженіемъ.

6) Право сельской общины на рѣшеніе дѣлъ, касающихся ея, какъ то: размѣра податей, надѣла земли и внутренняго самоуправленія.

7) Уничтоженіе паспортной системы и свобода передвиженія.

8) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и установленіе прямого, сообразно доходу и наслѣдству.

9) Ограниченіе рабочихъ часовъ и запрещеніе дѣтскаго труда.

10) Учрежденіе производительныхъ ассоціацій, ссудныхъ кассъ и дарового кредита рабочимъ ассоціаціямъ и крестьянскимъ общинамъ» *).

---

*) А. Ельницкій. «Перв. шаги раб. движ. въ Россіи». Стр. 43.

Въ этой программѣ несомнѣнно видна большая политическая зрѣлость, чѣмъ въ программѣ Благоевской группы, а участіе въ ея выработкѣ самихъ рабочихъ придало ея требованіямъ болѣе конкретный характеръ. Каждый выставленный здѣсь лозунгъ даетъ опредѣленный матеріалъ для агитаціи.

Какъ мы уже говорили, петербургская группа Благоева завязываетъ отношенія съ заграничной Группой Освоб. Труда. Между обѣими группами ведется дѣятельная переписка, сообща обсуждается программа и уже къ выходу № 2 «Рабочаго» онѣ окончательно сговариваются между собой. Какъ та, такъ и другая группа работаютъ главнымъ образомъ среди учащейся молодежи; но, въ отличіе отъ эмигрантской, петербургская группа завязываетъ также и непосредственныя связи съ рабочими. «Я занимался—пишетъ Благоевъ—главнымъ образомъ пропагандой между рабочими, преимущественно на сталелитейномъ заводѣ и на Васильевскомъ островѣ» *). Но сама группа, подобно женевской, состояла исключительно изъ однихъ интеллигентовъ: въ нее входили человѣкъ 15—16 студентовъ и курсистокъ, одинъ инженеръ, одинъ журналистъ и двое нелегальныхъ, бывшихъ членовъ «Чернаго Передѣла».

Съ 1885 г. Петербургская группа начала выпускать свой органъ, «Рабочій». Во второмъ номерѣ этой газеты мы, между прочимъ, находимъ статью Аксельрода о западно-европейскомъ рабочемъ движеніи и письмо Плеханова къ петербургскимъ рабочимъ кружкамъ, озаглавленное «Современныя задачи русскихъ рабочихъ». «Я потому обращаюсь съ письмомъ именно къ вамъ,—къ кружкамъ рабочихъ,—что у насъ въ Россіи, какъ вездѣ и всюду, соціалдемократическая партія должна быть партіей по преимуществу рабочей. Это не значитъ, что соціалдемократическая партія должна отталкивать отъ себя людей изъ другихъ классовъ общества. Такая исключительность была бы совершенно несправедливой, создала бы ей цѣлый рядъ неудобствъ и даже поставила бы ее въ почти безвыходное положеніе.

«Называя ее партіей рабочей по преимуществу, я хочу только сказать, что наша революціонная интеллигенція должна *идти съ рабочими*, а наше крестьянство должно *идти за ними*. При такой постановкѣ вопроса, наша соціалдемократи-

---

*) Кольцовъ. Прилож. къ «Ист. рев. дв. въ Россіи». Туна. Стр. 357.

ческая партія можетъ сохранить свой рабочій характеръ, вовсе не впадая во вредную исключительность» *).

Переходя къ задачамъ русскихъ рабочихъ, Плехановъ указываетъ, что эти задачи вытекаютъ изъ двойственнаго положенія рабочаго класса. «Каково ваше современное положеніе? Во-первыхъ вы рабочіе, а во-вторыхъ, вы граждане или— такъ какъ гражданъ у насъ пока нѣтъ —вы обыватели русскаго государства» **). «Уже изъ этого (него) видно—продолжаетъ онъ дальше,—что ваши задачи также должны имѣть двѣ стороны, какъ имѣетъ ихъ ваше современное положеніе.

«Вы должны бороться: во первыхъ, ради своего освобожденія отъ гнета хозяевъ, отъ экономической эксплоатаціи, а во-вторыхъ,—ради пріобрѣтенія тѣхъ правъ, которыя положатъ конецъ полицейскому произволу и сдѣлаютъ изъ васъ,—пока еще безправныхъ обывателей,—свободныхъ гражданъ свободной страны. Другими словами, вы должны бороться во имя политической свободы.

«И не думайте, что эти двѣ задачи могутъ быть отдѣлены одна отъ другой, что онѣ могутъ быть рѣшены порознь и независимо другъ отъ друга.

«Каждый изъ васъ одновременно является и эксплоатируемымъ рабочимъ, и безправнымъ обывателемъ. Поэтому и всѣ вы въ совокупности,—весь русскій рабочій классъ, —должны одновременно преслѣдовать какъ политическую, такъ и экономическую цѣль. Вы должны одновременно стремиться низвергнуть какъ тѣхъ, которые являются господами на фабри[illegible] такъ и тѣхъ, которые полновластно распоряжаются теперь въ русскомъ государствѣ.

«Одно немыслимо безъ другого. Безъ экономической независимости вы никогда не будете въ состояніи воспользоваться во всей полнотѣ вашими политическими правами, безъ политическихъ правъ вы никогда не добьетесь экономической независимости. И если бы даже нашлось такое правительство, которое захотѣло бы и могло бы,—не давая вамъ политическихъ правъ,—обезпечить ваше матерьяльное положеніе, то вы все-таки были бы не болѣе, какъ сытыми рабами, хорошо откормленнымъ рабочимъ скотомъ. Ваше умствен-

---

*) Раб. № 2. Цитир. по Сборн. политич. статей Плеханова «На два фронта» Женева. 905. Стр. 84.

**) Тамъ же. Стр. 85.

ное развитіе, ваше нравственное достоинство пострадали бы отъ этого даже болѣе, чѣмъ теперь, когда правительственный гнетъ толкаетъ васъ на борьбу и наполняетъ негодованіемъ ваши сердца» *).

«Чѣмъ же могутъ быть разрѣшены эти задачи?»—спрашиваетъ далѣе Плехановъ и сейчасъ же отвѣчаетъ:

«Онѣ могутъ быть разрѣшены только силой.

«Современное правительство не даетъ вамъ добровольно политическихъ правъ; землевладѣльцы, фабриканты, заводчики, банкиры, словомъ тѣ, въ рукахъ которыхъ скопляются теперь богатства, не откажутся добровольно отъ этихъ богатствъ и не передадутъ ихъ добровольно въ ваше распоряженіе. Между тѣмъ вамъ необходимо какъ то, такъ и другое. Вамъ остается поэтому припомнить, что народное благо есть высшій законъ, и во имя этого блага силой заставить вашихъ враговъ сдѣлать то, къ чему вы не склоните ихъ никакими просьбами, никакими увѣщаніями.

«Итакъ, только силой можете вы добиться своего освобожденія. Значитъ, вамъ нужна сила, нужно очень много силы. Въ чемъ же она заключается?

«Сила рабочаго класса зависитъ отъ трехъ условій: 1) отъ его сознательности, т. е. отъ яснаго пониманія того, къ чему онъ стремится; 2) отъ его сплоченности, и въ 3) отъ его тактики, т. е. отъ умѣнья во время нападать на своихъ враговъ и пользоваться каждой, даже и самой ничтожной побѣдой для облегченія своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

«Я не говорю о смѣлости, о той безповоротной рѣшимости во что бы то ни стало добиться своихъ цѣлей, безъ которой нечего и начинать борьбу. Это четвертое условіе подразумѣвается само собой и можетъ быть выражено русской пословицей: «волковъ бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить» *).

«...Болѣе развитые рабочіе должны помнить, что на нихъ лежитъ огромный долгъ по отношенію къ ихъ болѣе темнымъ братьямъ. Соціалистическая пропаганда, т. е. распространеніе соціалистическихъ мыслей и,—какъ средство для этого,—распространеніе соціалистическихъ книгъ, брошюръ и воззваній (теперь у васъ есть уже газета); такая пропаганда составляетъ прямую ихъ обязанность. А такъ какъ въ одиночку заниматься

*) «Рабочій № 2». Цитир. по Сб. полит. стат. Плеханова «На два фронта». Стр. 87—88.

такими вещами неудобно, то вы должны озаботиться созданіемъ какъ можно большаго числа соціалистическихъ кружковъ въ своей средѣ. Такіе кружки удесятеряютъ силы каждаго изъ васъ въ отдѣльности.

«Эти же кружки сослужатъ вамъ и другую службу. Они дадутъ вамъ возможность образовать въ своей средѣ стройную и сплоченную организацію **). Организованные рабочіе станутъ революціонной силой, какой еще не бывало въ Россіи и пріобрѣтутъ вліяніе на всю остальную рабочую массу.

Далѣе Плехановъ доказываетъ, насколько повысятся шансы для веденія пропаганды соціалистическихъ идей и агитаціи противъ существующаго порядка вещей, когда рабочіе добьются свободы слова, печати, сходокъ и всяческихъ обществъ, и въ особенности, когда, кромѣ этихъ «отрицательныхъ» правъ, они добьются «положительнаго» права участвовать черезъ своихъ представителей въ законодательствѣ страны. «Изъ союза тайныхъ рабочихъ кружковъ—говоритъ онъ—вы превратились бы тогда, наконецъ, въ открытую рабочую соціалдемократическую партію» ***).

Въ своемъ стремленіи къ политической свободѣ рабочіе должны всячески использовать неизбѣжный конфликтъ между высшими классами и самодержавнымъ правительствомъ. «Придетъ время—пишетъ Плехановъ въ той же статьѣ,—когда сами высшіе классы будутъ просить вашей помощи въ борьбѣ съ царемъ, когда они сами будутъ толкать васъ на борьбу за свободу. Но, пользуясь этимъ выгоднымъ для васъ обстоятельствомъ, вы все-таки должны начать эту борьбу на свой собственный страхъ и для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей. Не забывайте, что въ политикѣ нѣтъ благодарности, и если вы не будете думать сами о себѣ, то другіе будутъ думать о васъ лишь до тѣхъ поръ, пока имъ нужно будетъ пользоваться вашей силой. Но какъ только дѣло дойдетъ до выгодъ, принесенныхъ борьбой, то высшіе классы будутъ помнить только о себѣ, да развѣ еще о томъ, чтобы держать васъ въ уздѣ и въ повиновеніи. Но если вы будете сильны и сплочены, если вы сознательно пойдете къ своей цѣли, то вы сумѣете отстоять свои права и не даромъ затратите свои силы.

---

*) «На два фронта». Стр. 89.
**) Тамъ же. Стр. 91.
***) «На два фронта». Стр. 93.

«Вы добьетесь тогда для всѣхъ васъ, т. е. для всѣхъ крестьянъ и рабочихъ, права выбирать представителей въ Законодательное Собраніе и быть выбираемыми въ такіе представители; вы добьетесь свободы слова, печати, сходокъ, собраній, образованія рабочихъ обществъ—короче, вы завоюете себѣ политическія права и политическую свободу» *).

«Опираясь на завоеванныя вами права, вы сумѣете также хоть немного улучшить свое матеріальное положеніе. Ваши представители потребуютъ отъ Законодательнаго Собранія цѣлого ряда экономическихъ реформъ въ пользу бѣдныхъ и трудящихся классовъ. Конечно, нельзя ожидать серьезныхъ реформъ отъ Собранія, въ которомъ большинство будетъ состоять изъ представителей высшихъ классовъ. Но, во первыхъ, вы все таки получите такимъ образомъ несравненно больше, чѣмъ получили бы вы, стоя сложа руки. А во вторыхъ—упорство высшихъ классовъ также пойдетъ вамъ на пользу, хотя и въ другомъ отношеніи. Оно возбудитъ неудовольствіе народа, оно толкнетъ въ ваши революціонные ряды тѣхъ, которые по своей слабости и нерѣшительности, надѣялись на мирный исходъ, на милосердіе царя, на благоразуміе высшихъ классовъ. Оно послужитъ новымъ, самымъ убѣдительнымъ доводомъ въ пользу вашихъ идей, въ подтвержденіе той истинѣ, что полное освобожденіе трудящагося класса возможно будетъ лишь тогда, когда классъ этотъ захватитъ всю государственную власть въ свои руки и провозгласитъ республику соціальную и демократическую.

«И такъ, что же вамъ предстоитъ теперь дѣлать?

«1) Развивать сознательность въ средѣ вашихъ товарищей, 2) организовать и сплачивать ихъ силы, 3) направлять эти силы на завоеваніе тѣхъ политическихъ правъ, которыя дали бы вамъ возможность добиться нѣкоторыхъ экономическихъ реформъ уже въ настоящее время, а главное облегчили бы вамъ вашу окончательеую побѣду въ будущемъ.

«Ведите же настойчивѣй это дѣло! Мы живемъ наканунѣ важныхъ событій и русскому рабочему классу необходимо явиться сознательнымъ участникомъ въ этихъ событіяхъ, а не жалкой массой рабовъ, надъ которой не издѣвается только лѣнивый»! **).

---

*) «На два фронта». Стр. 95.
**) «На два фронта». Стр. 96.

Второй номеръ «Рабочаго» былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ. Аресты 86—87 гг. прекратили существованіе Благоевской группы.

V.

Послѣ провала Дейча, съ одной стороны, и Благоевской группы—съ другой, связь между группой Освожденія Труда и Россіей, какъ мы уже говорили почти совершенно, замерла. Но брошенныя группой сѣмена соціалдемократіи далеко не погибли. Возвращающаяся изъ заграницы молодежь, какъ и молодежь, участвовавшая въ кружкахъ Благоева, уже относится критически къ народническимъ идеямъ; она уже ищетъ объясненія этихъ идей, а не принимаетъ ихъ за аксіомы, за непреложныя истины. Правда, русской соціалдемократической литературы еще слишкомъ недостаточно для того, чтобы надлежащимъ образомъ освѣтить все то, что происходитъ въ Россіи и что такъ живо интересуетъ эту молодежь; ея одной—этой литературы—еще недостаточно для выработки новаго цѣльнаго міровоззрѣнія, но вся громадность ея заслуги обнаружилась уже въ томъ, что она заставила мысль своихъ читателей работать въ извѣстномъ направленіи.

Въ серединѣ 80-хъ годовъ на помощь нелегальной соціалдемократической литературѣ появилось сильно развившееся фактическое изученіе русской дѣйствительности. Быстрый ростъ производительныхъ силъ страны и вызванное этимъ ростомъ прямо бьющее въ глаза измѣненіе всѣхъ общественныхъ отношеній какъ-то стихійно выдвинули вопросъ объ основательномъ изученіи всей экономической жизни страны. Появляются земскія статистическія изслѣдованія, изслѣдованія фабрикъ и заводовъ, произведенныя санитарными врачами и фабричными инспекторами перваго призыва: Эрисманомъ, Дементьевымъ, Погожевымъ, Песковскимъ, Янжуломъ и др., изслѣдованія кустарныхъ промысловъ—Харизоменовымъ, Скворцовымъ и другими. Всѣ эти труды рисовали передъ русской читающей публикой дѣйствительное положеніе вещей въ Россіи и часто, вопреки волѣ самихъ изслѣдователей, констатировали успѣхи капиталистическаго развитія, существованіе крупнаго капиталистическаго производства съ одной стороны и расчлененіе деревни, наличность у насъ дѣйствительнаго класса пролетаріевъ—съ другой. Наши самобытные «устои» оказались не болѣе какъ миѳомъ, а «мертворожденное дитя русскаго бюрократизма»—капиталъ

не только оказался живымъ, но и успѣлъ уже весьма энергично проявить свою жизнеспособность. Правда, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ для большинства широкой интеллигентной публики всѣ эти изслѣдованія прошли почти незамѣченными. Но ими широко воспользовалась уже вовлеченная въ марксистскую пропаганду молодежь. Разсѣянныя по всей Россіи бывшіе заграничные студенты—ученики членовъ группы Освобожденія Труда и высланные изъ Питера послѣ Благоевскаго провала распропагандированные имъ молодые люди собирали повсюду вокругъ себя небольшія группки лицъ, которыя серьезно принялись за изученіе экономическихъ вопросовъ. Къ концу 80-хъ годовъ мы встрѣчаемъ уже такія группки въ Питерѣ, Москвѣ, Минскѣ, Вильнѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Казани, Одессѣ, Тулѣ, Кіевѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Вопросы изучались основательно; члены группокъ—преимущественно учащаяся молодежь и «бывшіе люди», т. е. поднадзорные, не только читали, но и штудировали «Капиталъ» Маркса. Правда, и раньше, т. е. еще до образованія марксистскихъ кружковъ, о Марксѣ говорили и его «Капиталъ» считался любимой настольной книгой каждаго русскаго революціонера; но толковали его вкривъ и вкось и заявленіе Каутскаго, что «большинство пишущихъ и говорящихъ о Марксѣ либо совсѣмъ не читали, либо очень невнимательно читали его», нигдѣ не оправдалось въ такой степени, какъ у насъ въ то время. «Капиталъ» для большинства русскихъ революціонеровъ считался книгой очень цѣнной для Запада, но не имѣющей никакого практическаго значенія для Россіи, которая, по ихъ мнѣнію, шла совершенно отличнымъ отъ Зап. Европы самобытнымъ путемъ. Лишь въ описываемую нами сейчасъ эпоху Марксъ сталъ утрачивать для русскихъ революціонеровъ свой отвлеченный характеръ. Для пониманія «Капитала» и для примѣненія его къ русской дѣйствительности необходимо было пополнить багажъ своихъ знаній и въ другихъ областяхъ. Чтобы судить о русской дѣйствительности, нужно было изучить прошлое Россіи, прошлое всего человѣчества, усвоить законы, движущіе исторіей, и умѣть сравнить историческое развитіе на Западѣ и у насъ. Существовавшая въ Россіи литература не въ состояніи была удовлетворить этой потребности знанія. Въ ней царилъ субъективный методъ и говорилось не о томъ, что неизбѣжно должно быть, а лишь о томъ, что было бы желательно. Дать необходимое могла въ то время лишь западно-

европейская и въ особенности нѣмецкая литература. Маркса, Энгельса, Каутскаго, Либкнехта, Бебеля, Лафарга и Геда читали и зачитывались ими тѣ счастливчики, которые знали иностранные языки. Вмѣстѣ съ тѣмъ читалось все, что можно было достать по исторіи, соціологіи, этнографіи и философіи. Первые русскіе марксисты рѣзко выдѣлялись изъ среды остальной интеллигенціи своей богатой эрудиціей, разнообразіемъ и всесторонностью своихъ знаній.

Широкіе слои интеллигенціи, состоявшіе главнымъ образомъ изъ учащейся молодежи, отнеслись крайне отрицательно къ новаторамъ. Признаніе марксистскихъ догмъ казалось лучшей части этой молодежи полнымъ отреченіемъ отъ излюбленныхъ учителей—Лаврова, Михайловскаго и др., страшной измѣной традиціямъ героевъ «Народной Воли». Недаромъ редакторъ «Вѣстника Народной Воли» Тихоміровъ, согласившійся было напечатать въ «Вѣстникѣ» первую соціалдемократическую статью Плеханова, въ концѣ концовъ отказался, мотивируя свой отказъ недовольствомъ молодыхъ товарищей его сближеніемъ съ бывшими черноперeдѣльцами, а теперешними соціалдемократами. Вообще, по его мнѣнію, русскіе революціонеры были крайне предубѣждены противъ соціалдемократіи.

Голодъ 1891—92 года вызвалъ сильный подъемъ настроенія интеллигентнаго общества. Многіе, движимые филантропическими чувствами, устремляются въ деревню, чтобы тамъ помочь, кто чѣмъ можетъ. Начинается новый походъ «въ народъ». Снова, какъ и въ семидесятые года, учащіеся бросаютъ университеты и курсы и идутъ въ деревню въ качествѣ учителей, фельдшерицъ и т. д., чтобы помочь «меньшому брату». Культуртрегерская дѣятельность—вотъ что самое главное въ настоящее время; научить грамотѣ, помочь голодному, а затѣмъ уже революціонизировать его—говорятъ одни изъ молодежи. Воспользоваться голодомъ, использовать недовольство крестьянъ и призвать голодную крестьянскую массу къ немедленному возстанію во имя старыхъ идеаловъ Земли и Воли—говорятъ болѣе революціонно настроенные. Марксисты не соглашались ни съ тѣми, ни съ другими. Они говорили, что филантропія—вещь хорошая, но только въ томъ случаѣ, если она дѣйствительно помогаетъ страждущему, а не является однимъ самоутѣшеніемъ, успокоеніемъ собственной совѣсти. Хорошо учить крестьянъ грамотѣ; но когда васъ, въ качествѣ учителя, разными циркулярами и предписаніями заставляютъ преподавать

завѣдомую ложь, заставляютъ не развивать сознаніе и самодѣятельность крестьянскихъ дѣтей, а всѣмъ строемъ школы тушить въ нихъ искру Божію, убивать самостоятельность мысли, то вы приносите народу не пользу, а вредъ. Доброе дѣло лѣчитъ крестьянъ; но когда вы пухнущему съ голоду, разъѣденному цынгой человѣку вмѣсто молока и куска настоящаго хлѣба, преподносите какую-нибудь микстуру или порошки, вы не помогаете народу, а просто издѣваетесь надъ нимъ.

— Да, заканчивали марксисты свои рѣчи къ учащейся молодежи, идите въ народъ, дѣлайтесь учителями, фельдшерами, докторами, агрономами, но не облекайте свою службу ореоломъ геройства, мученичества, подвижничества. Тѣмъ, что вы голодаете, соглашаясь на 12—15-рублевое жалованье, за учительскій трудъ и на 20—25 р.—за фельдшерскій, тѣмъ, что вы работаете за троихъ чуть не по 24 часа въ сутки, вы не облегчаете, народной нужды, а даете только возможность получать большіе оклады разнымъ предсѣдателямъ и членамъ управы. Буржуазное общество заинтересовано въ поднятіи общей культуры, въ увеличеніи процента грамотныхъ, заинтересовано въ борьбѣ съ эпидеміями, и это буржуазное общество нагло эксплуатируетъ ваше подвижничество, вашу самоотверженность, какъ оно эксплуатируетъ нужду крестьянъ и рабочихъ. Идите же, исполняйте свои обязанности, но поймите, что вы являетесь такими же наемниками буржуазіи (представленной земскими и городскими управами), какъ и тѣ, кого вы хотите облагодѣтельствовать.

Вообще, споры о роли интеллигенціи, о ея сущности занимали въ первую половину 90-хъ годовъ значительную часть дискуссій между марксистами и представителями революціоннаго и мелкобуржуазнаго народничества. Марксисты въ Россіи ставили этотъ вопросъ значительно острѣе, чѣмъ онъ ставился группой «Освоб. Труда». Въ своей полемикѣ они рѣшительно отказывались отъ обычнаго термина марксистовъ-эмигрантовъ—«соціалистическая интеллигенція», Этотъ терминъ считался ими черезчуръ расплывчатымъ и неопредѣленнымъ, тѣмъ болѣе, что почти все тогдашнее студенчество, всѣ интеллигенты-народники очень охотно называли себя соціалистами, даже либеральные земцы или либералы, въ родѣ Гольцева изъ «Русской Мысли», не прочь были при случаѣ украситься этимъ званіемъ. Именно поэтому первые русскіе марксисты, которые съ самаго начала не раздѣляли надеждъ группы «Освоб. Труда»

на возможность привлеченія въ свои ряды всей революціонной молодежи, считали крайне важнымъ, при помощи болѣе точной терминологіи, отмежевать себя отъ остальной интеллигенціи. «Соціалистической» интеллигенціи они противопоставляли интеллигенцію «пролетарскую». Долгъ всей интеллигенціи идти на помощь народу, твердили народники.—Вся интеллигенція не можетъ пойти «въ народъ», возражали марксисты, потому что среди этой интеллигенціи имѣются представители всѣхъ слоевъ, всѣхъ классовъ русскаго общества. Интеллигенція не является особымъ классомъ, представляющимъ свои интересы, она не есть также что-то висящее въ воздухѣ, надклассовое: въ свою среду она включаетъ представителей аграріевъ, крупной и мелкой буржуазіи и пролетаріата. Каждый изъ этихъ слоевъ интеллигенціи, если онъ сознателенъ, борется и защищаетъ интересы того класса, къ которому онъ принадлежитъ. Надо познать самого себя, понять свое классовое положеніе и только тогда идти на защиту своего класса но не изъ филантропіи, не въ качествѣ благодѣтелей, а въ качествѣ борцовъ за общіе съ этимъ классомъ насущные интересы. Значительное большинство учащейся молодежи если не по происхожденію, то по своему экономическому положенію принадлежитъ къ интеллигентному пролетаріату—говорили далѣе марксисты; поэтому ея задача, опредѣливъ свое мѣсто въ классовой борьбѣ, идти въ темныя рабочія массы, чтобы вносить туда свѣтъ самосознанія; нужно идти и къ крестьянамъ, но не для подвижничества на плохо оплачиваемую буржуазнымъ обществомъ культуртрегерскую работу, а для того, чтобы пользуясь этой работой, какъ средствомъ существованія, наряду съ ней и при посредствѣ ея выяснять крестьянскому пролетаріату его положеніе и его нужды. Обращаясь къ пролетарской интеллигенціи русскіе марксисты, само собой разумѣется, допускали также возможность, что изъ другихъ классовъ населенія могутъ явиться отдѣльныя личности, которыя, вопреки своему классовому положенію, могутъ стать на пролетарскую точку зрѣнія; но они постоянно подчеркивали, что это могутъ быть только отдѣльныя, исключительныя личности, «бѣлые вороны». Прочно же разсчитывать марксисты могутъ лишь на пролетарскую интеллигенцію, которая въ концѣ концовъ должна понять свои классовые интересы, съ неизбѣжностью толкающіе ее въ ряды борющагося пролетаріата, занятаго физическимъ трудомъ.

Не соглашались марксисты и съ тѣми, болѣе революціонно

настроенными, народниками, которые намѣревались, воспользовавшись голодомъ и страшнымъ озлобленіемъ и недовольствомъ крестьянскихъ массъ, звать эти массы къ немедленному возстанію. Въ этомъ стремленіи марксисты видѣли старую, давно осужденную бунтарскую точку зрѣнія. Несомнѣнно, что недовольство и озлобленіе крестьянскихъ массъ велико, несомнѣнно также и то, что оно нѣтъ-нѣтъ да и прорвется въ видѣ отдѣльныхъ вспышекъ; но можно ли, безъ всякой предварительной агитаціи, кому бы то ни было разсчитывать овладѣть этими вспышками, которыя обыкновенно возникаютъ противъ ближайшихъ причинъ недовольства, противъ отдѣльныхъ помѣщиковъ или ближайшаго, непосредственнаго начальства? Можно ли было разсчитывать превратить эти единичныя вспышки въ революцію? Считаясь съ объективными условіями, считаясь съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, русскіе марксисты должны были отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Они говорили, что, несмотря на страшное недовольство крестьянъ, революція въ ближайшее время немыслима, потому что нѣтъ элементовъ, которые могли бы произвести ее. Жизнь еще не успѣла съ достаточной рельефностью показать крестьянамъ связь между ихъ бѣдственнымъ положеніемъ и действительными причинами его. Слѣдовательно, не звать крестьянъ на безплодные бунты должны революціонеры, а идти къ нимъ и ко всему угнетенному, трудящемуся люду, чтобы выяснять имъ ихъ положеніе и будить классовое самосознаніе. Крестьянскія массы—говорили марксисты—только тогда сознательно пойдутъ на революцію, когда они ясно увидятъ связь между государственнымъ строемъ и своимъ экономическимъ положеніемъ, связь между политическимъ произволомъ и безправіемъ съ одной стороны и вѣчными голодовками—съ другой.—Идите и выясняйте эту связь, и вы приблизите моментъ революціи; одними призывами къ возстанію вы ничего не сдѣлаете. Мы—говорили далѣе марксисты—не идемъ сейчасъ къ крестьянству потому, что у насъ въ настоящее время еще слишкомъ мало силъ и мы хотимъ употребить ихъ какъ можно производительнѣе. Поэтому, мы посвящаемъ всю нашу энергію городскому пролетаріату, который по своимъ условіямъ является болѣе воспріимчивой почвой для нашихъ идей и который несомнѣнно долженъ явиться авангардомъ революціи. Но разъ вы, народолюбцы, живете въ деревнѣ, то вы и работайте среди крестьянъ

такъ-же, какъ мы будемъ работать среди городскихъ рабочихъ, и тогда мы совмѣстно добьемся того, что, «возставъ противъ существующаго порядка, народъ завоюетъ политическія права для себя, а не политическія привилегіи для своихъ эксплоататоровъ»; достигнуть же этого можетъ лишь народъ, сознательно относящійся къ своему положенію. До тѣхъ поръ, пока революціонно настроена у насъ одна лишь такъ называемая соціалистическая интеллигенція, а массы народа безсознательны, политически индиферентны, о революціи не можетъ быть и рѣчи. «Соціалистическая интеллигенція—писалъ приблизительно въ это же время Плехановъ—это тотъ ферментъ, который, попавъ въ благопріяную (т. е. рабочую), среду можетъ вызвать въ ней броженіе, которое приведетъ къ возникновенію соціалистической партіи. Но это и все. Если соціалистическія идеи не проникли далѣе интеллигенціи—соціалистическаго движенія еще нѣтъ» *).

Задача сознательно ставшаго на классовую пролетарскую точку зрѣнія интеллигента—помочь стать на эту точку зрѣнія рабочей массѣ. «Рабочій классъ, въ среду котораго проникла мысль о политической свободѣ—это уже сознательный рабочій классъ. Но пока онъ говоритъ только о политической свободѣ, его политическое сознаніе находится еще въ неразвитомъ состояніи, оно еще не стало классовымъ его сознаніемъ. На эту высшую ступень политическаго развитія рабочій классъ поднимается только тогда, когда научается понимать свои особые классовые интересы, свое отношеніе къ буржуазіи, причину своего подчиненія эксплуататорамъ. Тогда политическая свобода перестанетъ играть въ его глазахъ роль панацеи, способной излечить общественный организмъ отъ всѣхъ возможныхъ болѣзней. Тогда онъ ставитъ передъ собой задачу своего экономическаго освобожденія, высшую цѣль, «которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство» **).

Для громаднаго большинства русскихъ интеллигентныхъ революціонеровъ мысли, высказанныя Плехановымъ и часто совершенно независимо отъ него, распростроняемыя русскими

*) О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи. Стр. 64.

**) Плехановъ. «О задахъ соц. въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи». Стр. 65.

марксистами, казались ересью. Возродившійся подъ вліяніемъ голода революціонизмъ нашей интеллигенціи склоненъ былъ совершенно игнорировать соціальный характеръ ожидаемаго переворота. Пропаганда соціалистическихъ идей и классовой борьбы, по мнѣнію этой интеллигенціи, разбиваетъ силы борцовъ съ самодержавіемъ; борьба эта должна быть внѣклассовой, «чисто политической», безъ всякой примѣси соціализма; выступать же съ проповѣдью соціализма слѣдуетъ лишь послѣ побѣды надъ абсолютизмомъ. Нѣкоторыя неясныя мѣста брошюры Плеханова «Всероссійсмое разореніе»*), написанной подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстій о голодѣ, дали поводъ русской интеллигенціи усмотрѣть въ Плехановѣ своего союзника и его мнѣніе противопоставлять мнѣнію русскихъ марксистовъ. Но вышедшая вскорѣ послѣ того слѣдующая брошюра Плеханова «О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи» разсѣяла это недоразумѣніе. Оказалось, что мнѣніе Плеханова ничуть не противорѣчило тому, что проповѣдывали марксисты въ Россіи; онъ, какъ и они, возставалъ противъ «чистыхъ политиковъ». Въ этой брошюрѣ онъ ясно и опредѣленно подчеркнулъ, что для марксистовъ политическая свобода должна быть лишь средствомъ, а не цѣлью самой въ себѣ. «Покончивъ съ самодержавіемъ, русская буржуазія естественно будетъ пользоваться добытыми ею политическими правами всякій разъ, когда найдетъ полезнымъ пользоваться ими. И она будетъ пользоваться ими не только въ томъ отрицательномъ смыслѣ, который имѣютъ обыкновенно въ виду «чистые политики». Она не только будетъ говорить и писать свободно, «не предвидя отъ сего никакихъ послѣдствій», «отъ редакціи не зависящихъ», она сдѣлаетъ свои политическія права орудіемъ своего экономическаго благосостоянія. Она и заговоритъ-то о политическихъ правахъ только тогда, когда пойметъ важность ихъ, какъ «с р е д с т в а». А рабочіе должны вести себя иначе? Они должны спокойно смотрѣть, какъ обдѣлываютъ свои дѣлишки гг. предприниматели, въ рукахъ которыхъ сама свобода превращается въ орудіе эксплуатаціи? Или можетъ быть рабочимъ тоже позволительно пользоваться своими правами? А если позволительно, то плохо ли дѣлаютъ люди, старающіеся научить ихъ этому заранѣе? Вѣдь между «чистымъ политикомъ» и соціалистомъ разница только въ томъ и заключается,

---

*) См. назв. брош. стр. 59 и слѣд. изд. Малыхъ 1906.

что первый говоритъ пролетарію (когда находитъ нужнымъ говорить съ нимъ): «старайся разбить сковывающія тебя цѣпи рабства, старайся пріобрѣсти политическія права», а второй прибавляетъ: «и умѣй пользоваться ими, умѣй, опираясь на нихъ, дать отпоръ буржуазіи» *).

«Чистой политикѣ» революціонныхъ интеллигентовъ русскіе марксисты противопоставили расширеніе и углубленіе классовыхъ противорѣчій экономической борьбой пролетаріата и крестьянской бѣдноты. «Въ Германіи—писали авторы Коммунистическаго Манифеста—коммунистическая партія идетъ рядомъ съ буржуазіей, поскольку эта послѣдняя является революціонной въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи, противъ феодальной собственности и мелкаго мѣщанства; но ни на минуту не перестаетъ она вырабатывать въ умахъ рабочихъ сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата».

«Манифестъ Коммунистической партіи» Маркса и Энгельса считался исходнымъ пунктомъ русскихъ марксистовъ. Они принимали его цѣликомъ, и потому въ этотъ періодъ развитія соціалдемократическихъ идей въ Россіи Плехановъ выражалъ мнѣніе всѣхъ русскихъ марксистовъ безъ исключенія, когда говорилъ: «Мы не только не хотимъ раствориться въ какой-нибудь другой партіи, но, напротивъ, думаемъ, что русскіе соціалдемократы должны и очень легко могутъ собрать вокругъ своего знамени всѣ тѣ слои русскаго населенія, самое положеніе которыхъ заставляетъ ихъ колебаться между буржуазіей и пролетаріатомъ.

«Такъ, напримѣръ, демократическіе элементы «общества», стремящіеся къ политической свободѣ, невольно пойдутъ за соціальной демократіей, если только она явится,—а она обязана явиться,—самой смѣлой, самой рѣшительной и самой требовательной сторонницей политической свободы. Если же тотъ или другой свободолюбивый «интеллигентъ» испугается экономическихъ требованій соціалдемократовъ, то о немъ жалѣть нечего. Такой человѣкъ, очевидно, очень хорошо будетъ сознавать враждебную противоположность интересовъ буржуазіи и пролетаріата и сочувствовать буржуазіи.

«Крестьяне... но тутъ я долженъ замѣтить, что крестьян-

---

*) Плехановъ. «О задачахъ соц. въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи» Стр. 67—68.

ство—не классъ, а сословіе. Въ этомъ сословіи есть теперь и богачи («тысячники»), и бѣдняки (деревенская «голь», «кочевые народы»), и эксплоататоры, и ихъ жертвы, словомъ—люди, принадлежащіе къ различнымъ общественнымъ классамъ. Разумѣется, сельская буржуазія не станетъ сочувствовать соціалдемократамъ, но сельскій пролетаріатъ всегда былъ и будетъ естественнымъ союзникомъ городского. Точно также и бѣдные крестьяне (а такихъ большинство) непремѣнно пойдутъ за соціалдемократами, если только тѣ не пожелаютъ оттолкнуть ихъ, что, конечно, невозможно» *).

Повторяю, что эту мысль русскіе марксисты начала 90-хъ годовъ проповѣдывали часто независимо отъ Плеханова и другихъ членовъ группы Освобожденія Труда. Мы усиленно подчеркиваемъ это, имѣя въ виду создавшійся впослѣдствіи (въ концѣ 90-хъ годовъ) миѳъ о томъ, что политическую борьбу соціалдемократіи проповѣдовала только группа Освобожденія Труда, русскіе же товарищи къ политикѣ относились отрицательно. Недоразумѣніе у русскихъ товарищей вызвала брошюра «Всероссійское разореніе» не призывомъ къ политической борьбѣ вообще, а неясной формулировкой этого призыва, подавшей поводъ многимъ предполагать, что Плехановъ подъ впечатлѣніемъ извѣстій о голодѣ сошелъ съ классовой точки зрѣнія. По поводу этого инцидента Плехановъ пишетъ: «Когда, въ статьѣ «Всероссійской разореніе» я писалъ, что всѣ честные русскіе люди, т. е. всѣ тѣ, которые не продали царю своей совѣсти и которые не хотятъ, по выраженію поэта, въ роковое время позорить гражданина санъ, должны агитировать въ пользу созванія земскаго собора, мысль объ отказѣ отъ классовой борьбы была отъ меня дальше, чѣмъ когда бы то ни было. И если, какъ мнѣ пишутъ изъ Россіи, нѣкоторые молодые товарищи съ непріятнымъ для нихъ удивленіемъ увидѣли въ названной статьѣ именно эту мысль, то мнѣ остается только пожалѣть, что предлагаемыя письма не вышли раньше» **).

Съ комментаріями, сдѣланными въ этихъ письмахъ согласились всѣ русскіе марксисты.

---

*) Плехановъ. «О задачахъ соц. въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи» стр. 71.

**) О задачахъ соц. въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи. Стр. 70.

VI.

Большая часть марксистскихъ кружковъ, которые до голоднаго 91 года занимались почти исключительно самообразованіемъ, теперь отъ теоріи стали переходить къ практикѣ. Усилилась пропаганда марксистскихъ идей среди учащейся молодежи; начали создаваться группы переводчиковъ нѣмецкой соціалдемократической литературы, группы переписчиковъ и распространителей этой литературы; завелись соціалдемократическія библіотечки. Марксистскіе ораторы стали все чаще посѣщать студенческія вечеринки и превращать ихъ въ аудиторіи для пропаганды своихъ идей. Наряду съ работой среди учащихся началась и работа среди городскихъ фабрично-заводскихъ и ремесленныхъ рабочихъ. Работа началась почти одновременно (1891—93 г.) въ самыхъ различныхъ концахъ Россіи—въ Лодзи, Варшавѣ, Вильнѣ, Минскѣ, Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Тулѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Самарѣ, Саратовѣ, т. е. почти вездѣ, гдѣ только существовали марксистскіе кружки самообразованія.

Марксисты стали искать рабочихъ и находили ихъ тѣмъ легче, что потребность въ знаніи была уже сильно развита среди послѣднихъ, особенно среди рабочихъ, занятыхъ на заводахъ механическихъ и машиностроительныхъ. Многіе изъ попавшихъ въ первые марксистскіе кружки рабочихъ не были уже новичками въ кружковыхъ занятіяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ до того принимали участіе въ кружкахъ старыхъ народовольцевъ или въ чисто самообразовательныхъ кружкахъ безъ всякой политической тенденціи. Вообще составъ первыхъ, кружковъ (въ особенности въ крупныхъ городахъ) поражалъ пропагандистовъ-марксистовъ высокой степенью подготовленности своихъ членовъ. Рабочіе жадно ухватились за эти кружки, при чемъ главнымъ стремленіемъ ихъ было не пріобрѣтеніе общихъ отвлеченныхъ знаній, а систематизированіе ихъ для пониманія своего положенія и всей окружающей дѣйствительности. Связи между наукой и жизнью требовали рабочіе отъ пропагандиста. И рабочіе стали отдавать предпочтеніе марксистскимъ кружкамъ передъ прежними и преслѣдующими чисто образовательныя цѣли, потому что здѣсь въ проповѣди классовой борьбы и въ выясненіи настоящаго на фонѣ всего историческаго процесса они находили искомую связь между мертвой теоріей и живой дѣйствительностью.

Пишущему эти строки приходилось лично участвовать въ

этихъ первыхъ марксистскихъ кружкахъ, гдѣ онъ встрѣчался съ рабочими, прошедшими землевольческую школу. Одинъ изъ этихъ рабочихъ, старый московскій ткачъ—участникъ стачки въ Новой Бумагопрядильнѣ (1878 г.) слѣдующими словами охарактеризовалъ разницу между землевольческими и марксистскими кружками. «Они насъ разжигали, а вы насъ учите тому, что сами знаете». Эту характеристику землевольческихъ кружковъ вполнѣ подтверждаетъ, какъ мы видѣли выше, и Плехановъ: «Слушая насъ (землевольцевъ),—говоритъ онъ,—рабочій могъ проникнуться ненавистью къ правительству и «бунтарскимъ» духомъ, могъ научиться сочувствовать «сѣрому» мужичку и желать ему всего лучшаго, но ни въ коемъ случаѣ не могъ онъ понять, въ чемъ заключается его собственная задача, соціально-политическая задача пролетаріата. До этого ему приходилось додумываться собственнымъ умомъ» *).

Повторяю, первые рабочіе кружки съ самаго начала состояли изъ передовыхъ рабочихъ. Многіе изъ нихъ по начитанности и общему образованію ничуть не уступали широкой массѣ студенчества. Въ кружкахъ учащейся молодежи пропагандистамъ-марксистамъ пришлось вести упорную борьбу противъ теоріи о «герояхъ» и «толпѣ» и другихъ пережитковъ народнической идеологіи. Усвоеніе студенческими кружками діалектическаго матеріализма и главнѣйшихъ основъ экономическаго ученія Маркса удавалось лишь послѣ долгаго и напряженнаго труда. Глава о прибавочной стоимости считалась самымъ труднымъ мѣстомъ «Капитала», надъ которымъ просиживали нерѣдко не одну недѣлю. Рабочіе хотя и были иногда до вступленія въ марксистскіе кружки знакомы съ народническими идеологами, но проникнуться ихъ философіей никогда не могли. Жизнь каждый день показывала имъ творческую дѣятельность «толпы», массы; каждый изъ нихъ—частица этой «толпы»—въ своемъ повседневномъ трудѣ исполнялъ какую-нибудь, хотя бы самую незначительную, функцію и такимъ образомъ принималъ участіе въ творчествѣ организованной данной фабрикой массы. Опытъ фабричнаго сотрудничества рабочій легко переносилъ и на сотрудничество въ общественной жизни.

Совершенно отвлеченное для интеллигента представленіе о прибавочной стоимости, въ умѣ рабочаго сразу принимало

*) Плехановъ. «Русск. раб. въ рев. движ.» стр., 18.

конкретную форму. Бывали случаи, что, познакомившись съ теоріей о прибавочной стоимости, рабочіе по собственному почину высчитывали, сколько именно прибавочной стоимости даетъ ихъ личный трудъ хозяину.

Пропагандисты-марксисты ставили своей задачей передать своимъ слушателямъ-рабочимъ всѣ тѣ знанія, которыми они обладали сами. Другихъ, болѣе опредѣленныхъ цѣлей они пока не намѣчали. Но въ процессѣ знакомства съ кружковыми рабочими ихъ горизонты постепенно расширялись. Знакомясь черезъ своихъ учениковъ-рабочихъ съ обыденной жизнью фабрично-заводскаго люда и съ психологіей рабочаго, марксисты изъ кабинетныхъ теоретиковъ стали превращаться въ дѣйствительныхъ соціалдемократовъ. Тѣ же изъ интеллигентовъ-марксистовъ, которые не выходили за предѣлы своего кабинета или студенческихъ вечеринокъ и знакомились съ бытомъ рабочей среды лишь по главѣ «первоначальнаго накопленія» на долгое время, а то и навсегда оставались только марксистами. Нѣсколько позже Михайловскій не разъ вышучивалъ дѣленіе марксистовъ на «настоящихъ» и не «настоящихъ». Если бы въ то время соціалдемократы въ Россіи имѣли возможность отвѣчать Михайловскому, они указали бы ему, что соціалдемократизмъ относится къ марксизму такъ же, какъ всякая прикладная наука относится къ чистой теоріи. Соціалдемократизмъ есть проведеніе въ жизнь марксистской теоріи. Можно быть весьма знающимъ марксистомъ, прекрасно умѣть разсказать, по какимъ законамъ совершается процессъ капиталистической эволюціи вообще и въ то же время не знать и не умѣть отвѣтить на частный вопросъ: какое активное участіе въ данный конкретный моментъ процесса развитія капитализма въ Россіи должны проявить сознательные представители рабочаго класса

Нѣкоторые изъ марксистовъ въ своихъ выступленіяхъ ограничивались простымъ констатированіемъ факта побѣды капитализма надъ «устоями» и ликованіями по поводу этой побѣды. Это были марксисты «не настоящіе»; они не дѣлали практическихъ выводовъ изъ констатированія этого факта; ихъ съ одинаковымъ правомъ могли считать своими и правые и лѣвые противники мелкобуржуазныхъ «устоевъ», т. е. представители крупной буржуазіи и рабочихъ. Совсѣмъ другое дѣло марксисты »настоящіе»: не ограничиваясь голымъ признаніемъ факта торжества «чумазаго», они немедленно стали искать способовъ борьбы съ этимъ «чумазымъ». Они поняли, что первымъ ша-

гомъ въ этой борьбѣ должно быть пробужденіе классового самосознанія рабочихъ и приступили именно къ этой работѣ. Передавая свои теоретическія познанія передовымъ кружковымъ рабочимъ, они вмѣстѣ съ ними вырабатывали прикладную науку соціалдемократизма Росссіи, вмѣстѣ съ ними становились соціалдемократами. И чѣмъ шире росла связь первыхъ соціалдемократовъ съ рабочей массой, чѣмъ глубже въ эту массу проникали ихъ кружки, тѣмъ точнѣй и яснѣй формулировалось міровоззрѣніе соціалдемократовъ.

Правда, не всегда и не вездѣ дѣло шло гладко. Бывали случаи, когда рабочіе увлекались знаніемъ ради знанія, и пропагандистъ не умѣлъ внушить имъ необходимости самимъ изъ учениковъ превращаться въ учителей, немедленно же нести пріобрѣтенныя ими въ кружкахъ знанія своимъ товарищамъ. Нѣкоторые кружки превращались въ чисто самообразовательные; въ другихъ—у кружковыхъ рабочихъ возникало даже стремленіе уйти изъ рабочей среды и перейти въ разрядъ интеллигентнаго пролетаріата—въ сельскіе учителя, конторщики, статистики и т. п. Однако, считать такіе случаи явленіемъ обычнымъ, типичнымъ для всего періода кружковой пропаганды марксизма ни въ коемъ случаѣ нельзя.

Чаще всего подобные факты наблюдались въ городахъ со слабо развитой крупной промышленностью, среди рабочихъ, находившихся въ особо привиллегированномъ положеніи, и въ особенности въ кружкахъ, состоящихъ изъ ремесленниковъ. Ремесленникъ работаетъ часто въ одиночку или въ мелкой мастерской, такимъ образомъ у него фактически очень ограничена возможность въ повседневной, будничной жизни бесѣдовать со своими товарищами о слышаномъ на кружковыхъ занятіяхъ и вербовать членовъ новыхъ кружковъ. Съ другой стороны, ремесленная среда въ гораздо большей степени, чѣмъ фабричная, благопріятствуетъ развитію въ отдѣльныхъ рабочихъ эгоистическаго стремленія накопить знанія лишь съ цѣлью перехода къ болѣе культурнымъ условіямъ жизни интеллигентнаго пролетаріата. Работа на крупныхъ фабрикахъ не позволяетъ рабочему изолироваться, уходить въ себя. Общіе интересы работы поневолѣ вызываютъ общіе разговоры, обсужденіе того или иного факта изъ жизни фабрики, въ родѣ пониженія расцѣнокъ, произвола того или иного мастера и т. п. Во время такихъ общихъ разговоровъ выдѣлялся обыкновенно передовой кружковой рабочій, которому естественно приходи-

лось противопоставлять свое сознательное мнѣніе, мнѣнію широкихъ безсознательныхъ массъ. Сначала рабочая масса относилась къ его мнѣнію недовѣрчиво, награждая его полупрезрительной кличкой «студента»; но тѣмъ не менѣе въ моменты общаго возбужденія къ его голосу начинали все чаще и чаще прислушиваться, его выбирали въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было объясняться съ администраціей фабрики, говорить отъ имени всѣхъ съ фабричной инспекціей, писать жалобу и т. д. Невольно къ этому кружковому рабочему приставали и тѣ, которые начинали задумываться надъ своимъ положеніемъ. Всякое непонятное мѣсто въ случайно прочитанной книжкѣ или газетѣ заставляло ихъ обращаться къ нему и искать у него помощи и объясненія. Авторитетъ его съ теченіемъ времени росъ все больше и больше и онъ, если даже и хотѣлъ, не могъ уже скрыть своего развитія отъ товарищей по работѣ Вокругъ него естественно группируются всѣ жаждущіе знанія, и отъ его активности зависѣло сплотить ихъ въ кружокъ и начать систематическія занятія. Первоначальный составъ кружковыхъ рабочихъ такъ и поступалъ. Такъ въ первомъ Московскомъ соціалдемократическомъ кружкѣ были рабочіе отъ заводовъ: Вейхельта, Гужона, Листа, Бромлея, изъ депо Брестской жел. дороги, изъ мастерскихъ Техническаго училища, съ фабрики Михайлова. И уже очень скоро послѣ начала занятій почти во всѣхъ этихъ промышленныхъ заведеніяхъ образовались свои болѣе или менѣе значительные кружки, которые велись членами перваго кружка, выбиравшими изъ этихъ вторичныхъ кружковъ наиболѣе дѣльныхъ и сознательныхъ рабочихъ и передававшими ихъ пропагандисту интеллигенту. Сѣть кружковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и связи съ рабочими расли очень быстро.

Тѣмъ временемъ жизнь шла своимъ чередомъ и столкновенія между рабочими и предпринимателями, случайныя въ 80-хъ годахъ, начиная съ 93-го года принимаютъ подъ вліяніемъ кризиса—результата неурожая 91—92 гг.—чисто-эпидемическій характеръ. Рабочая масса все чаще и чаще обращается къ передовымъ рабочимъ съ требованіемъ руководства этими стихійными столкновеніями, дѣлая ихъ такимъ образомъ своими сознательными вожаками. Теоретическій характеръ кружковыхъ занятій отходитъ все больше больше на задній планъ. Какъ пропагандистамъ-интеллигентамъ, такъ и передовымъ рабочимъ приходится почти все время въ круж-

кахъ посвящать обсужденію практическихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью на той или иной фабрикѣ или заводѣ.

— Что дѣлать, какъ бороться? спрашиваютъ безсознательные рабочіе у своихъ болѣе сознательныхъ товарищей. — Что дѣлать, какъ бороться? спрашиваютъ сознательные кружковые рабочіе у пропагандистовъ. Но у послѣднихъ нѣтъ еще готоваго отвѣта для даннаго конкретнаго случая: имъ извѣстно только, какъ вообще борется рабочій классъ. Исторія этой борьбы на Западѣ показываетъ, что тамъ она долго шла ощупью и постепенно отъ стихійныхъ разгромовъ фабрикъ силезскими ткачами привела къ сознательной классовой борьбѣ объединеннаго въ политическую рабочую партію пролетаріата. Они знаютъ также, что въ различныхъ странахъ, исторія развитія рабочаго движенія шла различными путями; знаютъ и положеніе рабочаго класса въ западно-европейскихъ государствахъ. Всѣ эти свѣдѣнія передаются рабочимъ и на основаніи ихъ сообща выводятся слѣдующія нормы: Рабочее движеніе идетъ стихійно по линіи наименьшаго сопротивленія. Недовольство рабочихъ проявляется прежде всего противъ ближайшихъ виновниковъ ихъ сквернаго положенія—противъ мастеровъ, директоровъ, хозяевъ. Стихійное движеніе выражается обыкновенно въ формѣ «бунта»: въ разгромѣ машинъ и фабричныхъ помѣщеній. Такого рода движеніе нежелательно, оно вредно; а поэтому необходимо во время стихійныхъ вспышекъ рабочихъ овладѣвать движеніемъ и направлять въ русло мирной организованной стачки. Задача сознательныхъ рабочихъ, пользуясь опытомъ западно-европейсхихъ товарищей,— повести движеніе по кратчайшей линіи и помочь ему избѣгнуть могущихъ быть на пути ошибокъ и отклоненій; поэтому какъ въ мирное такъ и въ боевое время необходимо выяснять рабочимъ, что причиною ихъ сквернаго положенія является не личность отдѣльнаго хозяина, а вся совокупность ихъ, весь капиталистическій строй. Борьба рабочихъ какой нибудь одной фабрики противъ своего хозяина никакихъ существенныхъ результатовъ для улучшенія ихъ положенія дать не можетъ; необходимо, чтобы вступившихъ въ стачку поддерживали и рабочіе другихъ фабрикъ данной отрасли промышленности, а по возможности и рабочіе всѣхъ другихъ отраслей. Въ борьбѣ за улучшеніе своего положенія рабочіе неизбѣжно натолкнутся на сопротивленіе не только предпринимателей, но и правительства, потому что современное государство есть

организація господства и притомъ господства буржуазіи. Правительство сознательно или безсознательно служитъ интересамъ буржуазіи и въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между правительствами—республиканскимъ, конституціоннымъ или самодержавнымъ. Только активное противодѣйствіе организованной борьбы рабочаго класса заставляетъ правительства идти на уступки, качество и количество которыхъ находится въ полной зависимости отъ силы сопротивленія, степени организованности и сознательности рабочихъ данной страны. Прочное улучшеніе экономическаго положенія рабочаго класса немыслимо безъ завоеванія политической свободы. Только пріобрѣтеніе гражданскихъ и политическихъ правъ дастъ возможность добиться диктатуры пролетаріата, безъ которой немыслимъ переходъ къ соціалистическому строю, строю, который одинъ въ состояніи дѣйствительно покончить со всякой эксплуатаціей. Трэдъ-юніонистская форма движенія англійскихъ рабочихъ нежелательна, такъ какъ она сама не можетъ привести къ конечной цѣли. Образцомъ для русскихъ рабочихъ должна быть германская соціалдемократическая рабочая партія; тактика рабочаго движенія въ Россіи должна опредѣляться Эрфуртской программой.

Вотъ приблизительно ходъ мыслей, господствовавшій среди кружковъ къ концу 1893 года въ Москвѣ и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствительно велась практическая работа среди рабочихъ. Но установить только нормы было еще недостаточно, нужно было такъ или иначе провести ихъ въ жизнь.

Между тѣмъ, число кружковъ значительно возрасло. Параллельно съ первоначальной ячейкой пропагандистовъ и независимо отъ нихъ образовывались новыя группы которыя какъ по формѣ, такъ и по содержанію пропаганды мало чѣмъ отличались отъ первыхъ и которыя завязывали свои самостоятельныя связи и знакомства, при чемъ въ поискахъ за связями имъ нерѣдко приходилось сталкиваться другъ съ другомъ. Такъ, напримѣръ, случалось, что тотъ или иной рабочій, уже участвующій въ кружкѣ одной группы, получалъ приглашеніе вступить въ кружокъ другой, работающей на томъ же заводѣ и совершенно не подозрѣвающей о существованіи рядомъ съ ней параллельной групповой работы. При помощи такого случайнаго участника обоихъ кружковъ происходило знакомство пропагандистовъ, которое, въ случаѣ общности взглядовъ, кончалось обыкновенно сліяніемъ двухъ параллель-

ныхъ группъ. Вся работа велась въ высшей степени конспиративно: для кружковыхъ занятій обыкновенно кто-нибудь изъ болѣе сознательныхъ рабочихъ снималъ на свое имя конспиративную квартиру, и прежде, чѣмъ пригласить въ кружокъ новаго члена, старые рабочіе самымъ подробнымъ образомъ знакомились со всѣмъ его прошлымъ. Вся дѣятельность группы, какъ и самое ея существованіе тщательно скрывались отъ постороннихъ. Группа, какъ таковая нигдѣ офиціально не выступала. Такъ напримѣръ, въ 1895 г., когда началась стачка на Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактурѣ, мѣстная организація, въ виду своей слабости, не рѣшилась выступить съ прокламаціями отъ своего имени, такъ какъ опасалась, что это можетъ повлечь за собой полный разгромъ еще не окрѣпшаго Рабочаго Союза. Поэтому члены Союза руководили стачкой (и очень удачно, надо замѣтить) не отъ имени организаціи, а отъ своего собственнаго лица *). Связи между однородными группами различныхъ городовъ носили чисто случайный характеръ и возникали почти исключительно благодаря личнымъ знакомствамъ. Каждая группа, какъ истый кротъ, рыла себѣ свою нору, не зная, что дѣлаетъ сосѣдняя и существуетъ-ли она вообще. Единство плана и единство дѣйствій обусловливались единствомъ матеріала, надъ которымъ приходилось работать и единствомъ орудій производства, т. е. имѣющейся въ распоряженіи группъ легальной и нелегальной литературы. По части же литературы дѣла у всѣхъ были очень плохи. За очень небольшими исключеніями доморощенной литературы не было вовсе, заграничная же русская попадала въ очень ограниченномъ количествѣ **). Главнымъ средствомъ пропаганды служили рукописные переводы съ нѣмецкаго ***), французскаго ****) и польскаго *****), а также иностранныя корреспонденціи легальныхъ газетъ (въ особенности

---

*) См. объ этомъ въ брош. Раб. движ. въ Ив.-Воз. районѣ. Женева 902 г.. стр. 22—23.

**) Въ 93-мъ году, насколько могу припомнить, въ обращеніи были слѣд. заграничныя изданія: «4 рѣчи петерб. рабочихъ», «Рѣчь Варлена», «Рѣчь Алексѣева», «Кто чѣмъ живетъ», Дикштейна. «Всеросс. разореніе» и «Наши разногл.» Плеханова, Манифестъ коммунистической партіи, Лассаль «О сущн. конституціи» и «Прогр. работн.», Марксъ «Наемн. трудъ и капиталъ» и листки Фонда Вольн. Прессы.

***) Энгельсъ «Происх. семьи...», Бебель «Женщ. и соц.», Каутскій «Эрф. прогр.» и отдѣльныя статьи изъ Berliner Arb. Bibliot.

****) Лафаргъ «Религія капитала», Гедъ «Коллективизмъ».

*****) «Рабочій день», «О конкуренціи».

корреспонденціи изъ Германіи въ «Русск. Вѣд»). Изъ легальныхъ книгъ пользовались всѣми, которыя имѣли хотя бы какое нибудь касательство къ жизни рабочихъ.

Особенно большую услугу пропагандистамъ оказали «Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Московской губ.», изданное подъ редакціев Эрисмана, и Отчеты фабричныхъ инспекторовъ 80-хъ годовъ. Они дали возможность пропагандистамъ иллюстрировать ыставляемыя ими положенія русскими данными. Въ записной книжкѣ каждаго пропагандиста всегда можно было найти свѣдѣнія о заработной платѣ, о длинѣ рабочаго дня, о гигіеническихъ условіяхъ и т. п., почерпнутыя у Дементьева, Эрисмана, Погожева, Пескова, Свѣтловскаго и другихъ. Хорошимъ агитаціоннымъ матеріаломъ для начинающихъ служила беллетристика, въ родѣ «Углекоповъ» Золя, «Одинъ въ полѣ не воинъ» Шпильгагена, «Черезъ сто лѣтъ» Беллами, «Спартакъ» Джіованіоли, «Оводъ» и т. д., а также жизнеописаніе европейскихъ народовъ («Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ»), изд. Водовозовой, причемъ особый интересъ возбуждала жизнь нѣмцевъ, англичанъ и бельгійцевъ

При кружкахъ начинаютъ образовываться легальныя и нелегальныя библіотечки, касса для ихъ пополненія, для найма квартиры и для другихъ конспиративныхъ нуждъ. По мѣрѣ расширенія знакомствъ съ рабочими растетъ потребность связать ихъ вмѣстѣ въ одну организацію. Сѣть пропагандистскихъ кружковъ начинаетъ принимать болѣе оформленный, организованный характеръ; члены этихъ кружковъ принимаютъ уже участіе въ матеріальныхъ расходахъ кружковъ, дѣлаютъ членскіе взносы. Первоначальную чисто пропагандистскую дѣятельность пришлось расширить, и вотъ группа пропагандистовъ со всей сѣтью кружковъ мало по малу превращается въ рабочую организацію.

«Лѣтомъ 1895 г.,—читаемъ мы въ цитированномъ выше Иваново-Вознесенскомъ отчетѣ,—Отроковъ (одинъ изъ первыхъ кружковыхъ рабочихъ) предложилъ расширить дѣятельность кружка привлеченіемъ болѣе широкаго круга рабочихъ. Число участниковъ кружка, теперь уже названнаго Иваново-Вознесенскимъ Рабочимъ Союзомъ, все увеличивалось. Собранія были многолюдныя и оживленныя. Кромѣ кассы у Союза была библіотека съ значительнымъ количествомъ легальныхъ и нелегальныхъ книгъ; былъ выработанъ уставъ Союза» *).

---

* «Раб. движ. въ Ив.-Вознес. районѣ», стр. 22.

Мы уже видѣли, какъ передовые, кружковые рабочіе силой самой жизни на фабрикѣ вынуждены становиться фактическими руководителями стихійнаго рабочаго движенія; они становятся таковыми даже помимо собственной воли. Точно такимъ же образомъ, безъ заранѣе поставленной цѣли, приходилось брать въ свои руки практическое руководство и всей организаціи. Чѣмъ большее число рабочихъ входило въ сѣть кружковъ, чѣмъ разнообразнѣе былъ ихъ составъ, тѣмъ сложнѣе становилась задача работы.

Группа пропагандистовъ, которая работала на какомъ нибудь опредѣленномъ заводѣ, какъ, напримѣръ, Тульская, вынужденная по многимъ причинамъ ограничить свою дѣятельность однимъ оружейнымъ заводомъ, могла, при отсутствіи наличности острой экономической борьбы на данномъ заводѣ, долгое время оставаться при исключительно пропагандистской работѣ и создать нѣчто вродѣ вольнаго соціалистическаго университета для извѣстнаго числа рабочихъ. Совершенно въ иныхъ условіяхъ находились группы большихъ промышленныхъ городовъ, напримѣръ, Московская. Здѣсь въ составъ кружковъ входили рабочіе самыхъ различныхъ фабрикъ и заводовъ. Рядомъ съ хорошо оплачиваемыми токаремъ или машинистомъ сидѣлъ ткачъ или прядильщикъ, зарабатывающіе 12—15 руб. въ мѣсяцъ. При такихъ условіяхъ, какъ мы уже говорили, оставаться на одной теоріи было немыслимо. Каждый день то тотъ, то другой рабочій выдвигалъ на разрѣшеніе какой-нибудь практическій вопросъ. На одной фабрикѣ, напримѣръ, начинаются волненія по поводу того, что хозяинъ въ день своихъ именинъ пригласилъ для молебна архіерея и по сему случаю вычелъ изъ заработной платы у рабочихъ по гривеннику съ души; на другой—фабрикантъ разсчиталъ передъ праздниками всѣхъ рабочихъ, а когда послѣ праздниковъ они вернулись, онъ предложилъ имъ расцѣнки чуть не на $^1/_3$ меньше старыхъ; на третьей—по разсказу рабочаго—они никакъ не могутъ добиться того, чтобы цѣны на отрядныя работы вывѣшивались до начала работы, а не послѣ того, какъ она уже сдана и т. д., и т. д. Всѣ эти повседневныя нужды каждой фабрики докладывались на кружковыхъ занятіяхъ; здѣсь же обсуждались способы борьбы съ различнаго рода прижимками, а въ случаѣ, если имѣлось явное нарушеніе фабричнаго законодательства, составлялась и жалоба фабричному инспектору. Конспиративныя условія часто заставляли скрывать

личность подателя жалобы. Это имѣло мѣсто въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда на данной фабрикѣ или заводѣ было еще очень мало передовыхъ сознательныхъ рабочихъ, а между тѣмъ по числу работающихъ на ней и по своему значенію, какъ агитаціонный центръ, она представляла извѣстный интересъ. Тогда жалоба посылалась безъ подписи или принималось рѣшеніе вести агитацію за составленіе коллективной жалобы, которая должна была подаваться выборными отъ всего завода. Тутъ же, въ связи съ какимъ-нибудь частнымъ вопросомъ, обсуждался и вопросъ объ общемъ состояніи промышленности въ данный моментъ, чтобы выяснить, благопріятно ли оно для начала стачки или нѣтъ. Если вопросъ рѣшался утвердительно, то сознательные рабочіе даннаго завода или фабрики принимались агитировать за стачку; если же, судя по общему положенію вещей, на успѣхъ стачки разсчитывать было нельзя, то тѣ же сознательные рабочіе употребляли всѣ усилія для предупрежденія стихійно возникающей забастовки, разъясняя безплодность и вредъ ея въ данный моментъ.

Изъ отчета о рабочемъ движеніи въ Одессѣ мы видимъ, что уже очень скоро послѣ того, какъ одесскому кружку удалось распространить свою дѣятельность на рабочихъ различныхъ профессій и рѣшено было перейти отъ кружковой работы къ массовой агитаціи, у членовъ кружка возникла «мысль, живо поддержанная рабочими, о всеобщей стачкѣ матросовъ, кочегаровъ и машинистовъ на пароходахъ лѣтомъ 94 года. Лѣто признавалось самымъ удобнымъ временемъ для стачки, какъ потому что тогда совершаются самые оживленные рейсы и хозяева пароходовъ должны были бы пойти на уступки изъ-за страха огромныхъ потерь, такъ и потому, что множество народа (особенно босяковъ, которые могли бы быть опасны, какъ замѣстители стачечниковъ) уходитъ на страду, на косовицу» *).

VII.

«Мирный пропагандистъ далекаго соціалистическаго строя, прилежный учитель кружка рабочихъ былъ приведенъ и поставленъ передъ толпою. Сознательный революціонеръ стоялъ передъ революціонной стихіей, которая не могла угадать и понять его отдаленныхъ, великихъ цѣлей.... Здѣсь то, наблюдая движеніе, которое въ это время росло въ спокойныхъ на

*) «Изъ раб. движ. въ Одессѣ и Николаевѣ». Женева 900 г. стр 7.

видъ народныхъ массахъ, и прислушиваясь впервые къ голосу стихіи, сознательный революціонеръ, идеологъ пролетаріата долженъ былъ признать свою ошибку, опредѣлявшую поведеніе спропагандированныхъ рабочихъ на массовыхъ собраніяхъ. И тутъ было сказано слово, облетѣвшее затѣмъ всю Россію: «мы ошиблись». Такъ рисуетъ Акимовъ *) переходъ отъ кружковой дѣятельности къ агитаціи. По его мнѣнію выходитъ, будто бы интеллигенты умышленно не шли въ массу рабочихъ, преслѣдуя какой то свой особый планъ, затѣмъ, уже, дескать, масса заставила ихъ снизойти до себя, и они, увидя мощь «стихіи», сразу просвѣтились, покаялись въ своихъ прегрѣшеніяхъ и заявили: „мы ошиблись", написали брошюру. «Объ агитаціи» и, бросивъ «кружковщину», перешли къ массовой агитаціи. Обыкновенно принято, какъ это дѣлаетъ и Акимовъ, рѣзко отграничивать періодъ «кружковщины» отъ періода агитаціи.

Мы только что видѣли, что это обычное представленіе о ходѣ нашего развитія далеко неточно. «Кружковщина» въ чистой формѣ могла развиться и просуществовать болѣе или менѣе продолжительное время лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было стихійнаго рабочаго движенія, гдѣ рабочихъ было очень немного и кружки состояли почти исключительно изъ интеллигентовъ. Мы знаемъ, что первые марксистскіе кружки образовывались далеко не въ однихъ фабрично-заводскихъ центрахъ. Кружки возникали прежде всего въ университетскихъ городахъ, затѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по прихоти правительства сосредоточивались поднадзорные, административно-сосланные, исключенные студенты и т. п. «бывшіе люди», составившіе первые кадры интеллигентныхъ марксистовъ. Такія мѣста подневольнаго житія лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ совпадали съ пунктами развитія стихійнаго рабочаго движенія. Въ какомъ нибудь Орлѣ, Самарѣ, Казани или Кіевѣ, гдѣ скоплялась масса интеллигентныхъ силъ, фабрично-заводская промышленность въ то время почти отсутствовала и рабочихъ считали сотнями если не десятками, да и тѣ были разбросаны по мелкимъ мастерскимъ. Если въ такомъ городѣ удавалось устроить рабочій кружокъ, то онъ вполнѣ естественно былъ осужденъ «замариновываться», такъ какъ фактически не могъ перейти къ агитаціи, не могъ расширеніемъ своихъ зна-

* Очеркъ развитія соціалдемократіи въ Россіи. Стр. 17.

ній воздѣйствовать на массу, которая de facto отсутствовала. Въ такихъ мѣстахъ и только въ такихъ могла процвѣтать «кружковщина» въ чистомъ видѣ. Кружковщина, какъ мы упоминали выше, могла развиться еще въ средѣ ремесленниковъ, т. е. тамъ, гдѣ даже стихійно возникающее рабочее движеніе не принимаетъ массового характера, хотя бы уже по одному тому, что рабочихъ даннаго ремесла въ городѣ можетъ быть очень немного. Но даже и въ этихъ ремесленныхъ районахъ періодъ чистой кружковщины не могъ продолжаться очень долго. Возьмемъ, напримѣръ, районъ дѣятельности еврейской социалдемократіи, т. е. районъ по преимуществу ремесленный. Въ «Докладѣ о еврейскомъ рабочемъ движеніи къ интернаціональному Соціалистическому Конгрессу въ Парижѣ 1900 г.» мы читаемъ: «Въ кружкахъ идетъ дѣятельная просвѣтительно-революціонная работа. Занятія ведутся по старому, унаслѣдованному отъ предшественниковъ шаблону; занимаются естественной исторіей, географіей, исторіей и политической экономіей. Пропаганда идей научнаго соціализма носитъ абстрактный характеръ безъ опредѣленныхъ конкретныхъ выводовъ для повседневной жизни. На этой пропагандѣ въ кружкахъ интеллигенція пока сосредоточиваетъ всѣ свои силы. Правда, она отчасти задумывается и надъ болѣе широкой дѣятельностью въ рабочей массѣ, она понимаетъ, что «агитація есть цѣль пропаганды» (Плехановъ), но одного теоретическаго пониманія еще мало. Какъ *практически* подойти къ массѣ? У интеллигенціи пока еще отсутствуютъ *конкретные* пути и средства для перехода отъ кружковой дѣятельности къ массовой агитаціи,—средства, которыя были выработаны лишь практикой 90-хъ годовъ. Естественно поэтому, что вопросъ о массовой агитаціи пока отодвигается въ неопредѣленное будущее. Для интеллигенціи задача пока заключается въ томъ, чтобъ ея пропаганда охватила возможно большій кругъ рабочихъ, чтобы найти, другими словами, тотъ минимумъ силъ, помощью котораго она бы впослѣдствіи могла приступить къ массовой агитаціи. И эту задачу она успѣшно выполняетъ; въ короткое сравнительно время ей удается сконцентрировать въ кружкахъ порядочное количество рабочихъ. Масса же со всѣми ея повседневными нуждами пока почти находится внѣ сферы воздѣйствія интеллигенціи.

«Понятно, что такое положеніе дѣла должно было фатально отозваться на самыхъ распропагандированныхъ рабочихъ. По-

лучая въ кружкахъ чисто-теоретическое образованіе, лишь слабо связанное съ окружающей дѣйствительностью и, потерявъ благодаря этому связь съ этой дѣйствительностью, они естественно должны были все больше терять почву подъ ногами. Довѣряя лишь умственно и нравственно развитой личности, они не могли не относиться скептически къ массѣ, куда еще не проникалъ лучъ сознанія, и естественно должны были ставить первой задачей—поднятіе культурнаго и умственнаго уровня массы. Средство же для достиженія этого они знали лишь одно—пропаганду» *).

Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ кружковщиной, но съ кружковщиной не принципіальной, а вынужденной. Руководители кружковъ желали бы подойти къ массамъ, но они не знаютъ еще, какъ это сдѣлать, они не нашли еще «конкретнаго пути и средства для перехода отъ кружковой дѣятельности къ массовой агитаціи». Не нашли они этого пути потому, что масса ремесленныхъ рабочихъ еще спитъ, никакого стихійнаго движенія среди нея нѣтъ и она покорно, безъ ропота переноситъ самую ужасную эксплуатацію своихъ хозяевъ и безъ всякихъ попытокъ борьбы, съ чисто-восточнымъ фатализмомъ пухнетъ съ голоду, терпитъ свое экономическое рабство. «Болѣе развитые рабочіе прекрасно понимали и чувствовали необходимость сокращенія рабочаго дня или увеличенія заработной платы. Зная, съ другой стороны, что собственными силами они ничего не добьются, они старались какъ нибудь заинтересовать въ этомъ массу. Устраивалось экстренное массовое собраніе, на которомъ произносились горячія рѣчи, которыя возбуждали массу; но уже очень скоро масса остывала, и изъ попытки передовыхъ рабочихъ ничего не выходило» **). Итакъ, въ это время (92 г.) попытки воздѣйствія на массу уже были. Но масса не откликалась на эти попытки, потому что воспитанные на-чисто теоретическихъ, отвлеченныхъ идеяхъ агитаторы не умѣли выяснить этой массѣ связи между конечными соціалистическими идеалами и тою болѣе чѣмъ сѣрой жизнью, которой она жила. Отношеніе между агитаторомъ и массовымъ рабочимъ получалось приблизительно то же самое, какъ и въ хорошо знакомыя намъ времена хожденія семидесятниковъ въ народъ, когда на смѣлую отвле-

*) «Матер. къ ист. евр. раб. движ.», стр. 28—30.
**) «Матер. къ исторіи евр. раб. движ.», стр. 30—31.

ченную проповѣдь идей соціализма крестьяне отвѣчали тѣмъ, что скручивали проповѣднику руки къ лопаткамъ и отправляли въ станъ. Но, въ отличіе отъ революціонеровъ-народниковъ, еврейскіе соціалдемократы не пали духомъ, не бросили дѣла, а, наоборотъ, стали искать «конкретнаго пути», которымъ можно было бы ближе подойти къ массѣ. И они нашли его: это былъ путь «постояннаго и планомѣрнаго воздѣйствія на массу на почвѣ болѣе понятныхъ ей требованій, т. е. широкой массовой агитаціи на почвѣ ея ближайшихъ экономическихъ нуждъ» *). Итакъ, и здѣсь мы видимъ—во-первыхъ, что «кружковщина» держалась не вслѣдствіе какого-то злого умысла «интеллигенціи», смотрѣвшей свысока на рабочую массу, не въ силу принципіальнаго отрицанія массового движенія, и во-вторыхъ, что переходъ къ агитаціонной дѣятельности произошелъ не вдругъ, по прочтеніи брошюры «Объ агитаціи», а постепенно. «Эволюція въ мысляхъ еврейскихъ соціалдемократовъ совершилась, конечно, не сразу, она медленно происходила въ пятилѣтній періодъ 1888—93 гг. и завершилась лишь въ 93 году, когда впервые была формулирована новая тактика» **).

Плехановъ въ послѣсловіи къ Туну цитируетъ передовицу, написанную Лавровымъ въ № 34 «Впередъ». Въ этой статьѣ путемъ ариѳметическихъ выкладокъ Лавровъ доказываетъ, «что 100 убѣжденыхъ личностей изъ молодежи, образующей первый кадръ соціально-революціоннаго союза» при помощи кружковой пропаганды черезъ два года доставятъ 312, черезъ 4 года—2.913, черезъ 6 лѣтъ—36.050 членовъ и такимъ образомъ получится «такая почтенная революціонная армія, которая въ опредѣленную минуту можетъ дѣйствительно совершить историческое дѣло».***) Такъ не ставилъ вопросъ ни одинъ соціалдемократическій кружокъ въ Россіи. «У насъ, москвичей, точка зрѣнія на типъ работы была совсѣмъ иная—говоритъ авторъ статьи «На зарѣ рабочаго движенія въ Москвѣ», С. М.—Кружокъ нашъ почти на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности рѣшилъ перейти къ агитаціи въ массѣ. Для этой цѣли мы черезъ рабочихъ, занимавшихся въ кружкахъ, собирали свѣ-

*) Матер. къ исторіи евр. раб. движ.», стр. 31.
**) «Матер. къ исторіи евр. раб. движ.», стр. 32.
***). «Ист. революц. движ. въ Россіи», изд. Библ. для всѣхъ, стр. 367—368.

дѣнія объ условіяхъ работы на фабрикахъ и заводахъ: о длинѣ рабочаго дня, о заработной платѣ, о дѣятельности фабричной инспекціи, о злоупотребленіяхъ мастеровъ и т. д. Фактами, полученными такимъ путемъ, а также почерпнутыми изъ литературы о положеніи рабочаго класса въ Россіи, мы иллюстрировали наше изложеніе теоріи Маркса, чѣмъ старались сдѣлать эту теорію возможно близкой къ жизни, связать ее съ насущными и ближайшими нуждами рабочихъ. Далѣе, мы внушали рабочимъ, чтобы все, что они вынесутъ изъ занятій въ кружкахъ, они, по возможности, передавали своимъ товарищамъ по работѣ; мы ихъ учили также пользоваться для агитаціи, для выясненія классового самосознанія рабочихъ каждымъ мелкимъ фактомъ изъ ихъ повседневной жизни. Для болѣе широкаго воздѣйствія на массу мы устраивали такія собранія, которыя теперь называются «летучками»: рабочіе изъ кружковъ собирали своихъ товарищей, прочитавшихъ одну или двѣ брошюры, или совсѣмъ еще ничего не читавшихъ, человѣкъ 15—25, въ какой-нибудь артельной рабочей квартирѣ; приходилъ интеллигентъ и одинъ—два болѣе сознательныхъ рабочихъ, и начиналась бесѣда. Бесѣда не отличалась систематичностью; говорилось обо всемъ: объ условіяхъ рабочей жизни, о политикѣ, о религіи и т. д. Бесѣды велись живо и имѣли большой успѣхъ. Изъ среды такихъ собесѣдниковъ отбирались рабочіе въ кружки для болѣе систематическихъ занятій» *).

Въ Москвѣ иной постановки дѣла и быть не могло: здѣсь главная масса рабочихъ это—рабочіе текстильной промышленности, среди которыхъ, какъ мы уже знаемъ, давно уже началась стихійная экономическая борьба, выражавшаяся въ коллективныхъ формахъ оборонительной стачки, т. н. фабричнаго бунта, въ прошеніяхъ «скопомъ» и т. д. Наличность этой возникшей помимо воздѣйствія соціалдемократовъ борьбы и была причиной, почему въ Москвѣ, какъ и въ другихъ промышленныхъ центрахъ, не могла развиться чистая кружковщина. Сознательнымъ кружковымъ рабочимъ съ самаго начала уже естественно пришлось взять на себя руководство стихійнымъ движеніемъ, чтобы предохранить его отъ вредныхъ проявленій и направить на путь развитія классового самосознанія. Пользуясь каждымъ случаемъ, каждой вспышкой недовольства, они съ самаго начала въ устной бесѣдѣ въ фабрич-

---

*) «Текущій моментъ» Сборн. Москва. 1906 г., назв. статья, стр. 9.

ныхъ казармахъ или за работой въ мастерскихъ указывали на необходимость организованной сознательной борьбы. Недовольство отдѣльнымъ мастеромъ или хозяиномъ они старались распространить на хозяевъ вообще, на весь классъ капиталистовъ, а недовольство своимъ экономическимъ положеніемъ—расширить въ недовольство положеніемъ классовымъ, подчеркивая тѣсную связь между политикой и экономикой и объясняя политическій строй государства отношеніемъ между предпринимателями и рабочими.

Однако, совсѣмъ миновать ступень кружковщины было все-таки невозможно. Пропагандисты-марксисты, не выработавъ предварительно кадровъ сознательныхъ соціалдемократовъ изъ среды рабочихъ, не могли прямо приступить къ руководству массовымъ движеніемъ; между ними и рабочей массой не было связи и они рисковали бы такъ же остаться непонятыми ею, какъ были непоняты массой крестьянъ пропагандисты-народники. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ или иной пропагандистъ-интеллигентъ, какъ это было въ Москвѣ, въ Харьковѣ и кое-гдѣ въ другихъ мѣстахъ, сами становились рабочими, они должны были начинать съ того же, съ чего начинали и ихъ товарищи, которые на фабрику рабочими не поступали, т. е. съ замкнутыхъ кружковъ. Дѣло въ томъ, что, какъ мы уже указывали выше, сознательный рабочій былъ всегда на виду не только у своихъ товарищей, но и у администраціи фабрики, которая на него косилась. Поэтому, прожить долго на одной фабрикѣ или заводѣ для такого рабочаго было совершенно невозможно. И вотъ, чтобы работа на заводѣ съ его уходомъ не пропала даромъ и чтобы проповѣдуемыя идеи укрѣпились и дѣйствительно проникли въ массу, интеллигентъ-рабочій долженъ былъ сорганизовывать вокругъ себя кружокъ, въ который входили бы всѣ подающіе надежду занять потомъ его мѣсто. Сознательные рабочіе были далеко не на всѣхъ фабрикахъ. Путемъ случайныхъ личныхъ знакомствъ въ кружокъ втягивались и рабочіе съ другихъ фабрикъ, и если вначалѣ въ первые по времени кружки попадали по преимуществу уже подготовленные рабочіе, то, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія кружковъ, туда очень часто стали попадать середняки, малограмотные, туго поддающіеся выработкѣ самосознанія. Это были тѣ рабочіе, которые рѣзче другихъ чувствовали и проявляли свое недовольство существующимъ порядкомъ, но которые еще ясно не представляли себѣ, чѣмъ и кѣмъ собственно

они недовольны. Они выражали настроеніе массы среднихъ рабочихъ, но вести эту массу они не могли.

Эти малосознательные средніе рабочіе не удовлетворялись одними занятіями, они искали непосредственнаго дѣла и требовали отъ организаціи, чтобы она имъ это дѣло указала. Собственная устная агитація, которую они вели на заводахъ, тоже мало удовлетворяла ихъ жажду дѣятельности: имъ нужно было такое дѣло, результаты котораго они могли бы видѣть сейчасъ, которое немедленно вылилось бы въ конкретную форму. Во время стачекъ и другихъ массовыхъ выступленій эти элементы были незамѣнимы, но въ моменты затишья, когда возбуждать, поддерживать духъ и организовывать было некого, когда вся дѣятельность ихъ сводилась къ участію въ кружкахъ, они начинали скучать, отлынивать отъ занятій, а иногда и совсѣмъ прекращали связь съ кружкомъ. Передъ соціалдемократами встала тогда задача организаціонно закрѣпить эти уже разбуженные слои пролетаріата. При разрѣшеніи этого вопроса рѣзко обозначились два теченія: соціалдемократы, работающіе среди ремесленниковъ (евреи и отчасти поляки— «Zwiazek robotniczy»), пошли по пути образованія профессіональныхъ союзовъ; соціалдемократы же, работающіе въ большихъ фабрично-заводскихъ центрахъ, приступили къ созданію зачатковъ политическихъ организацій.

Спѣшимъ, однако, оговориться, что принципіальнаго разногласія относительно пути, по которому предполагалось направить движеніе, въ то время еще не существовало. Какъ тѣ, такъ и другіе ставили своей задачей классовое воспитаніе рабочей массы; какъ тѣ, такъ и другіе считали необходимымъ направлять пролетаріатъ не только на путь экономической борьбы, но и подготовлять его къ борьбѣ политической. Но въ то время, какъ условія жизни еврейскихъ ремесленниковъ, ихъ относительная малочисленность, отсутствіе въ ихъ средѣ полицейской слежки, обусловленное особымъ языкомъ и оппозиціоннымъ настроеніемъ къ полицейскому режиму всего еврейства, безъ различія классовъ, сильно содѣйствовало быстрому росту и развитію кассъ взаимопомощи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и организаціонной связи распропагандированныхъ рабочихъ съ массой, во всей остальной Россіи и въ особенности въ крупныхъ ея центрахъ кассы эти развиться не могли. Правда, идея о кассахъ взаимопомощи и тутъ прививалась значительно успѣшнѣе идеи о кассахъ борьбы; но не-

возможность при нелегальномъ существованіи этихъ кассъ правильнаго и широкаго примѣненія и функціонированія ихъ, заставляла передовыхъ рабочихъ относиться къ нимъ скептически и смотрѣть на кассы взаимопомощи лишь какъ на средство привлеченія болѣе широкихъ слоевъ рабочихъ къ кружковымъ занятіямъ. Да иначе оно и быть не могло. При 10—20-тикопеечномъ мѣсячномъ взносѣ средняго рабочаго и при 10—15-ти членахъ въ кружкѣ трудно было устроить сколько нибудь дѣеспособную кассу. Расширять же размѣры кружка кассы по конспиративнымъ условіямъ было невозможно. Всѣ распропагандированные рабочіе понимали, что до тѣхъ поръ, пока къ движенію не примкнутъ массы, идею этихъ кассъ необходимо проповѣдывать, необходимо выяснять ихъ значеніе, даже пытаться проводить ее въ жизнь, но въ то же время необходимо указывать на то, что дѣйствительное значеніе кассы взаимопомощи пріобрѣтутъ лишь послѣ того, какъ онѣ получатъ возможность легальнаго существованія; сейчасъ же главная задача этихъ кассъ—пріучить рабочихъ къ организаціи, пріучить ихъ смотрѣть на все движеніе, какъ на свое собственное дѣло, а не на дѣло какихъ-то постороннихъ пришельцевъ благодѣтелей. Въ Московскомъ кружкѣ, напримѣръ, съ этой цѣлью рекомендовалось брать съ рабочихъ за прочтеніе книгъ и брошюръ опредѣленный взносъ и выписывать вскладчину газету или покупать книги. Большинству рабочихъ такой порядокъ очень нравился и они дѣйствительно привыкли въ концѣ концовъ смотрѣть на кружковое дѣло, какъ на свое собственное. На кружковыхъ засѣданіяхъ горячо обсуждались вопросы о наилучшихъ способахъ пріобрѣтенія книгъ, при чемъ нѣкоторые рабочіе заводили спеціально для этого совершенно самостоятельныя знакомства съ различными либеральными дѣятелями и съ членами комитетовъ грамотности. Каждый кружокъ выбиралъ изъ своей среды кассира и библіотекаря.

На интеллигентовъ, входящихъ въ кружокъ, смотрѣли, какъ на болѣе опытныхъ и знающихъ товарищей—и только. Той отчужденности между рабочими и пропагандистами-интеллигентами, о которой такъ часто упоминаетъ въ своихъ «Очеркахъ развитія соціалдемократіи въ Россіи» Акимовъ, въ то время совершенно не чувствовалось. Правда, сѣрая масса совершенно незатронутыхъ пропагандой рабочихъ относилась къ интеллигентамъ (по профессіи) недовѣрчиво, но то же самое

наблюдалось у нея и по отношенію къ своимъ же товарищамъ интеллигентнымъ рабочимъ. Впрочемъ, это недовѣріе продолжалось обыкновенно только до перваго случая серьезнаго столкновенія съ хозяевами. Удачное разрѣшеніе этого столкновенія сразу создавало авторитетъ сознательныхъ руководителей. Разумѣется, многое зависѣло отъ такта и умѣнія пропагандистовъ подойти къ массѣ, добиться этого довѣрія. Печальный опытъ старыхъ народовольцевъ и опытъ первыхъ годовъ работы показали, что въ агитаціи необходимо исходить изъ дѣйствительныхъ, рѣзко ощущаемыхъ нуждъ рабочихъ. Если заговорить съ сѣрымъ рабочимъ сразу на отвлеченную тему объ эксплуатаціи, о тяжеломъ положеніи рабочаго класса, о политическомъ гнетѣ вообще, онъ выслушаетъ васъ внимательно - если вы умѣете говорить,—но не почувствуетъ, что вы говорите о немъ, о его положеніи, не пойметъ, что именно онъ является страдающимъ лицомъ въ вашемъ разсказѣ. Совсѣмъ другое дѣло, если вы начнете разговоръ съ какого-нибудь конкретнаго факта, лично его касающагося и, что самое главное, имъ сознаваемаго; если вы начнете съ заработной платы, съ условій найма и труда рабочихъ на данной фабрикѣ, заговорите не о безработицѣ и промышленномъ кризисѣ вообще, а опять-таки о безработицѣ и кризисѣ, отозвавшихся на шкурѣ вашихъ слушателей. Лишь тогда, переходя отъ частнаго къ общему, вы не только заинтересуете слушателей, но и заставите ихъ принять живѣйшее участіе въ бесѣдѣ, которое покажетъ, что рабочіе не только слушаютъ, но и понимаютъ васъ.

Такъ дѣйствительно и поступали первые агитаторы-соціалдемократы. Прежде, чѣмъ отправиться на сходку или въ фабричныя казармы, они тщательно разузнавали положеніе дѣлъ на той фабрикѣ или заводѣ, изъ рабочихъ которыхъ составлялась ихъ аудиторія, знакомились даже со всѣми деталями вплоть до расположенія мастерской и именъ мастеровъ. Впрочемъ, исходя изъ этихъ подробностей дѣйствительныхъ условій жизни и труда рабочихъ, агитатеры, какъ мы уже упоминали выше, и не думали ограничивать свою задачу ихъ рамками: они пользовались ими только, какъ фономъ, на которомъ рисовали грандіозную картину классовыхъ противорѣчій и классовой борьбы.

Прежде всего выяснялся тотъ путь, какимъ создалось теперешнее положеніе вещей, давался историческій обзоръ про-

исхожденія капиталистическаго строя. Не всегда человѣческое общество жило такъ, какъ оно живетъ сейчасъ — вотъ первое положеніе, которое долженъ былъ освѣтить агитаторъ. Вторымъ положеніемъ, которое надлежало выяснить, было то, что всѣ предшествующія измѣненія въ общественной жизни являлись результатомъ борьбы угнетенныхъ съ угнетателями. Послѣ усвоенія этого основнаго понятія о классовой борьбѣ слѣдовалъ болѣе детальный разборъ современнаго положенія; разбирались вопросы о рабочемъ днѣ, о заработной платѣ, о вліяніи машинъ, о конкуренціи, о кризисахъ, о концентраціи капиталовъ и наконецъ о роли государства вообще и о политическомъ строѣ въ Россіи. Все это опять-таки иллюстрировалось примѣрами изъ окружающей, всѣмъ извѣстной дѣйствительности. Затѣмъ переходили къ современной борьбѣ заграничныхъ рабочихъ за лучшую жизнь, передавались факты изъ этой борьбы, констатировались ея успѣхи, при чемъ всегда считалось необходимымъ хотя бы вкратцѣ указывать на то, что нынѣшнія формы заграничнаго рабочаго движенія не всегда были таковыми, что западно-европейскимъ рабочимъ приходилось начинать съ того же, съ чего начинали и наши русскіе рабочіе. Изложеніе всего этого должно было заканчиваться выясненіемъ конечной цѣли рабочаго движенія — соціалистическаго строя. Этотъ конечный идеалъ долженъ руководить всѣмъ движеніемъ; онъ не есть утопія, а лишь завершеніе, прямой выводъ изъ всего историческаго процесса, логическое послѣдствіе того несомнѣннаго факта, что существующій строй, являясь продуктомъ прошлаго, даетъ матерьялъ для построенія будущаго.

Такая программа агитаціи была принята Московскимъ кружкомъ въ началѣ 1894 г. Приблизительно тотъ-же ходъ идей заключается и въ извѣстной брошюрѣ «Объ агитаціи», составленной на основаніи опыта московскихъ и виленскихъ соціал-демократовъ.

VIII.

Въ настоящее время очень распространено мнѣніе, что переходъ отъ «кружковщины» къ широкой агитаціи представлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и переходъ къ такъ называемому «экономизму». Принято думать, что агитаторы, впервые столкнувшись съ массами и убѣдившись, что проповѣдь политическихъ и соціалистическихъ идей не находитъ среди нихъ отклика, рѣшили на время отказаться отъ агитаціи этого рода и все свое вниманіе

стали удѣлять исключительно экономической борьбѣ и выясненію экономическихъ нуждъ рабочаго класса, и будто бы грандіозный успѣхъ написанной въ 94 году брошюрки «Объ агитаціи» и заключался въ томъ, что она опредѣленно выставила именно эту «плодотворную» идею. Акимовъ, напримѣръ, разсказываетъ, какъ въ Петербургѣ «среди рабочихъ шло глухое броженіе, росло еще не сознанное недовольство, которое проявлялось то здѣсь, то тамъ отдѣльными вспышками, неорганизованными, разрозненными протестами — у Семянникова, въ Порту, у Воронина возникаютъ безпорядки. При такихъ условіяхъ попадаетъ въ Петербургъ изъ Вильны рукопись брошюры «Объ агитаціи»... Девизъ былъ найденъ; начался въ Петербургѣ періодъ экономической агитаціи. И агитаторы, не получившіе отклика, когда они обличали существующій политическій и общественный строй, увидали, что не только рабочіе, съ которыми они имѣли дѣло, но и широкіе слои рабочаго класса, къ которымъ не было непосредственнаго доступа, дружно и смѣло откликнулись на призывъ къ борьбѣ экономической» *).

Нѣтъ ничего ошибочнѣе этого взгляда. Петербургскіе агитаторы 94—97 гг., періода наивысшаго расцвѣта экономической борьбы петербургскихъ рабочихъ, ни на одинъ моментъ не прекращали ни разоблаченій политическаго и общественнаго строя, ни агитаціи на почвѣ этихъ разоблаченій; точно такъ же поступали и всѣ тогдашніе социалдемократы. Смыслъ и значеніе брошюры «Объ агитаціи» тогдашніе социалдемократы видѣли не въ томъ, въ чемъ его видѣли впослѣдствіи, къ концу 90-хъ годовъ, такъ называемые «экономисты», съ Мартыновымъ, Акимовымъ и К°. во главѣ.

Лучшимъ подтвержденіемъ этого факта можетъ служить статья «Еще разъ соціализмъ и политическая борьба» Плеханова. Брошюра «Объ агитаціи» была написана въ 94 году; два года она ходила по Россіи въ рукописномъ и гектографированномъ видѣ; въ 96 г. она была издана въ Женевѣ съ предисловіемъ Аксельрода, и лишь въ 900 г. Плехановъ находитъ нужнымъ подвергнуть эту брошюру критикѣ и указать на ея промахи, на тѣ ложные выводы, которые можно дѣлать изъ выставляемыхъ авторомъ положеній. Очевидно, слѣдовательно, что только теперь, т. е. къ концу девяностыхъ годовъ, стали дѣлаться такіе выводы, стали пользоваться ссылками на

*) Акимовъ. «Очерки разв. соц. дем. въ Россіи», стр. 43—44.

брошюру «Объ агитаціи» для теоретическаго оправданія уже новой, чисто-экономической тактики. Вполнѣ соглашаясь съ критикой Плеханова, я, какъ человѣкъ, работавшій въ то время, могу категорически заявить, что соціалдемократы въ моментъ выхода этой брошюры считали ее цѣннымъ вкладомъ въ нашу работу не потому, что въ ней заключались мѣста (вродѣ теоріи «фазисовъ»), на основаніи которыхъ строили свои выводы называвшіе себя соціалдемократами «экономисты», а вопреки имъ. Мы привѣтствовали брошюру «Объ агитаціи» и цѣнили ее за тѣ важныя практическія указанія, которыя она давала; упомянутые же выше пункты, послужившіе впослѣдствіи ложнымъ выводамъ «экономистовъ», совершенно не обратили на себя нашего вниманія, какъ не обратили въ то время вниманія Плеханова и остальныхъ членовъ «группы «Освобожденія Труда».

О происхожденіи брошюры «Объ агитаціи» уже разъ цитированный мною С. М. разсказываетъ слѣдующее: «Скоро эта тактика (переходъ къ широкой агитаціи) получила и свое теоретическое обоснованіе. Произошло это при такихъ условіяхъ: одинъ изъ членовъ (московскаго) кружка въ январѣ 1894 г. поѣхалъ въ Вильну за литературой. Въ это время тамъ тоже очень живо обсуждался вопросъ о переходѣ отъ пропаганды къ агитаціи. До этого времени пропаганда велась тамъ среди евреевъ на русскомъ языкѣ и распространялась русская легальная и нелегальная литература; теперь же былъ поставленъ на очередь вопросъ о переходѣ къ агитаціи на еврейскомъ жаргонѣ, какъ языкѣ болѣе доступномъ для широкой массы. Нашъ посланный разсказалъ, что вопросъ объ агитаціи въ высшей степени интересуетъ и москвичей. На собраніи была выработана резолюція по этому поводу, и одинъ изъ товарищей обѣщалъ написать обоснованіе этой резолюціи. Черезъ нѣкоторое время онъ это выполнилъ, и потомъ сообща съ нашимъ посланнымъ и была редактирована брошюра «Объ агитаціи»... Главная ея мысль—говоритъ далѣе авторъ—была такая, что для того, чтобы развить классовое самосознаніе въ рабочемъ классѣ, чтобы поднять его на планомѣрную экономическую и политическую борьбу, недостаточно вести пропаганду въ его средѣ идей научнаго соціализма; для этого необходимо прежде всего вести агитацію въ массѣ на почвѣ ближайшихъ экономическихъ нуждъ ея и постараться вовлечь ее въ борьбу тамъ, гдѣ она еще не начиналась, за эти ближайшія, а потому наи-

болѣе для массы понятныя и доступныя экономическія нужды. Разъ масса начнетъ такую борьбу, то она очень скоро придетъ къ сознанію противоположности классовыхъ интересовъ, она также очень скоро увидитъ и почувствуетъ, что главнымъ препятствіемъ въ этой борьбѣ является современный политическій режимъ, и такимъ образомъ процессъ экономической борьбы втянетъ ее и въ борьбу политическую. Роль агитаторовъ и сознательныхъ рабочихъ и будетъ состоять въ томъ, чтобы помогать массѣ понять эту напосредственную связь экономической и политической борьбы, содѣйствовать развитію въ процессѣ борьбы ея экономическагс и политическаго самосознанія» *).

Читатель видитъ, какъ далека эта оцѣнка брошюры «Объ агитаціи» отъ той, которую даетъ Акимовъ.

«Главный мотивъ нашей пропаганды и агитаціи—читаемъ мы далѣе у С. М.—главное содержаніе листковъ и брошюръ были экономическіе: говорилось о плохомъ положеніи рабочихъ, объ эксплуатаціи со стороны хозяевъ, о необходимости борьбы съ капиталистами; но сейчасъ же указывалось, что у насъ эта борьба крайне затруднена: нѣтъ ни свободы стачекъ, ни свободы собраній и союзовъ; указывалось, что правительство преслѣдуетъ рабочихъ за борьбу съ хозяевами, что оно всегда защищаетъ интересы капиталистовъ и что для успѣховъ въ экономической борьбѣ необходимо добиваться измѣненія политическаго режима; приводились примѣры изъ западной жизни, гдѣ порядки другіе, гдѣ рабочіе имѣютъ участіе въ управленіи государствомъ, гдѣ обезпеченъ извѣстный минимумъ свободъ, а потому рабочіе и добились многихъ улучшеній въ своемъ положеніи. Доказывалось, что всѣ эти завоеванія есть результатъ борьбы, къ каковой и призывались русскіе рабочіе. Эти мысли старались провести въ каждомъ листкѣ, въ каждой брошюркѣ и пользовались для этого каждымъ представляющимся случаемъ: отказъ въ жалобѣ, поданной фабричному инспектору, отказъ въ какомъ либо ходатайствѣ рабочихъ со стороны генералъ-губернатора, благодарность фанагорійцамъ за разстрѣлъ рабочихъ (въ Ярославлѣ, въ 1895 г.)—все это служило поводомъ для выясненія связи экономики съ политикой. При подходящемъ случаѣ писали и на чисто политическія темы: такъ, на-

*) Сб. «Текущій моментъ», «На зарѣ раб. движ. въ Москвѣ». Стр. 10-11.

примѣръ, была написана брошюра по поводу смерти Александра III, въ которой была изложена политика этого императора и указывалось на ея чисто классовой характеръ» *).

Итакъ, брошюра «Объ агитаціи» имѣла громадный успѣхъ среди всѣхъ тѣхъ соціалдемократовъ, которые фактически столкнулись съ рабочими массами, именно благодаря ея практическимъ указаніямъ на то, какъ нужно подойти къ этой сѣрой, безсознательной массѣ, чтобы «лучше содѣйствовать росту классового сознанія и революціонныхъ требованій пролетаріата». Авторъ ея показалъ, какъ на почвѣ существующихъ мелкихъ нуждъ и требованій нужно пробуждать классовое самосознаніе массъ и подготовлять ихъ къ активной борьбѣ съ существующимъ строемъ. Передъ соціалдемократами стоялъ вопросъ не о томъ, вести или не вести политическую агитацію, а исключительно о томъ, какъ приступить къ политической борьбѣ, какъ начать активное выступленіе массъ.

Революціонеры 70-хъ и 80-хъ годовъ полагали, что стихійное безсознательное возстаніе народныхъ массъ, руководимыхъ кучкой революціонеровъ, можетъ произвести революцію, переворотъ не только политическій, но и соціалистическій. Соціалдемократы были убѣждены, что соціалистическій переворотъ немыслимъ безъ предварительнаго политическаго; политическій же переворотъ возможенъ лишь, какъ результатъ сознательнаго выступленія рабочаго класса. Революція въ Россіи восторжествуетъ только какъ рабочая революція, не иначе. Политическая борьба въ буржуазномъ строѣ неотдѣлима отъ экономической и наоборотъ. Сознательная классовая борьба съ хозяевами есть не только попытка улучшить свое положеніе, но и аттака на весь существующій буржуазный строй во всѣхъ его проявленіяхъ, въ томъ числѣ и на его политическую форму. Мы подчеркиваемъ выраженіе «сознательная классовая борьба», потому что въ немъ, по нашему мнѣнію, и заключается главное различіе между точкой зрѣнія соціалдемократовъ и такъ называемыхъ соціальдемократовъ,—экономистовъ».

Рабочіе, которые сознательно или безсознательно борятся только за экономическое улучшеніе своего положенія, которые не видятъ связи между этимъ улучшеніемъ и всѣмъ общественнымъ строемъ, не содѣйствуютъ росту классового само-

---

*) Сб. «Текущій моментъ», «На зарѣ раб. дв. въ Москвѣ», стр. 11.

сознанія; ихъ борьба не является соціальдемократической борьбой. Рабочіе же, которые борятся за улучшеніе своего экономическаго положенія, сознавая, что эта борьба есть лишь этапъ, исходная точка великой классовой борьбы за достиженіе конечнаго идеала рабочаго класса, эти рабочіе и только эти дѣйствуютъ, какъ соціалдемократы. Когда авторъ брошюры «объ агитаціи» въ униссонъ со всѣми активными соціалдемократами того времени заговорилъ о необходимости перехода къ активному руководству массовымъ рабочимъ движеніемъ на почвѣ недовольства экономическимъ положеніемъ, онъ именно и хотѣлъ это стихійное недовольство воспитать въ сознательное недовольство классовымъ положеніемъ, стихійное рабочее движеніе превратить въ сознательное соціалдемократическое. Ясно, что съ этой цѣлью соціалдемократы и должны были начать экономическую агитацію, что они и сдѣлали въ 94 г., но совершенно непонятно для чего соціалдемократамъ, по тактическимъ якобы соображеніямъ, нужно было на время спрятать въ карманъ политическую и соціалистическую агитацію.

Начать съ агитаціи на почвѣ мелкихъ нуждъ и требованій значило сдѣлать ихъ исходной точкой агитаціи, но вовсе не значило, какъ полагаютъ Акимовъ и К°, что, исходя отсюда, не слѣдовало сейчасъ-же выяснять нуждъ и требованій болѣе высокаго порядка, т. е. не только тѣхъ, которые сознаются данной группой рабочихъ, но и дѣйствительныхъ нуждъ и требованій всего рабочаго класса, въ томъ числѣ, разумѣется, и политическихъ. Опытъ революціонной работы показалъ, что если мы подойдемъ къ сѣрому, безсознательному рабочему съ проповѣдью борьбы за политическія права, будемъ говорить ему, напримѣръ, о необходимости свободы печати, онъ можетъ не понять насъ, отнестись къ намъ недовѣрчиво и даже враждебно. Но если мы заговоримъ съ нимъ о его 15-ти рублевомъ заработкѣ, о невозможности жить по человѣчески на эти 15 р., логически покажемъ ему связь между этими 15 рублями и отсутствіемъ свободы печати, онъ выслушаетъ насъ внимательнѣе и пойметъ, что ему въ самомъ дѣлѣ необходимо добиваться свободы печати.

Соціалдемократы начали агитацію на почвѣ экономическихъ, а не политическихъ нуждъ не потому, что считали послѣднія менѣе существенными въ данную минуту, а потому, что рабочія массы легче могли выяснить себѣ свои политическія нужды, борясь за уже сознанныя экономическія. Задача соціалдемо-

кратовъ того времени и заключалась въ томъ, чтобы развивать классовое самосознаніе рабочихъ массъ. Эту задачу они начали съ того, что при помощи кружковъ вырабатывали самосознаніе сначала у передовыхъ рабочихъ, а затѣмъ постепенно захватывая въ кружки все большее и большее число остальныхъ рабочихъ. Параллельно съ этимъ шло развитіе стихійнаго рабочаго движенія на почвѣ экономическихъ нуждъ, которое выдвигало изъ рабочей среды все большее число лицъ, желающихъ понять свое положеніе; съ другой стороны все чаще и чаще приходилось брать уже сознательнымъ рабочимъ въ свои руки фактическое руководство стихійнымъ движеніемъ.

Можно ли было это движеніе сразу направить по другому руслу, превратить его въ политическое? Нѣтъ, объ этомъ нельзя было и думать, такъ какъ въ то время масса еще не была подготовлена жизнью къ политическимъ выступленіямъ. Но слѣдовало ли сейчасъ же приступить къ подготовкѣ этой массы къ предстоящей политической борьбѣ? Да. И соціалдемократическія организаціи начала и середины 90-хъ годовъ такъ и дѣлали. Начавъ широкую агитацію на почвѣ экономическихъ нуждъ и взявъ въ свои руки фактическое руководство уже существующей экономической борьбой рабочей массы, они въ тоже время принялись широко выяснять массамъ необходимость и неизбѣжность перехода отъ экономической борьбы къ классовой, которая вмѣстѣ съ тѣмъ является и борьбой политической. Въ своей политической агитаціи соціалдемократы должны были начать съ критики существующаго политическаго строя, съ политическихъ разоблаченій и обличеній, съ широкаго ознакомленія съ политической жизнью Западной Европы; выработать же свою опредѣленную политическую тактику они, конечно, не могли. Въ этомъ смыслѣ, разумѣется, совершенно справедливо будетъ сказать, что соціалдемократы 94 — 95 гг. политической борьбы не вели. Съ ихъ стороны было бы величайшимъ донкихотствомъ призывать небольшую кучку въ нѣсколько десятковъ или даже сотенъ спропагандированныхъ и отчасти сорганизованныхъ рабочихъ къ какимъ нибудь политическимъ выступленіямъ или дѣйствіямъ. Они хорошо понимали, что измѣнить политическую жизнь страны можетъ только массовое движеніе и при томъ движеніе сознательное, а ни въ коемъ случаѣ не стихійное. До тѣхъ поръ, пока масса рабочихъ не станетъ болѣе или менѣе сознательной и

не пойметъ необходимости для нея бороться не только за улучшеніе своего экономическаго, но и за улучшеніе правового положенія, до тѣхъ поръ нѣтъ надежды на успѣшную борьбу съ реакціей, нѣтъ надежды на политическій переворотъ.

Констатируя политическую незрѣлость рабочихъ и отказываясь поэтому на время отъ всякаго открытаго вступленія въ активную политическую борьбу, соціалдемократы были тѣмъ не менѣе твердо убѣждены въ томъ, что стихійно начавшаяся борьба рабочихъ за свои экономическія нужды неминуемо должна, вслѣдствіе классового характера нашего государства, превратиться въ политическую. Но будучи увѣрены, что сознаніе необходимости политической борьбы будетъ внушено рабочему классу самой жизнью, соціалдемократы въ тоже время не желали оставаться пассивными наблюдателями уроковъ жизни и съ самаго начала рѣшили помогать усвоенію этихъ уроковъ; путемъ ознакомленія съ существующимъ политическимъ строемъ и путемъ его обличеній, они старались воспитывать въ рабочихъ массахъ сознательное недовольство этимъ строемъ и сознательную потребность борьбы съ нимъ. Съ этой цѣлью каждый листокъ, выпускаемый по поводу того или иного частнаго случая изъ жизни рабочихъ, обязательно долженъ былъ связывать этотъ частный случай съ общеполитическимъ строемъ государства. Въ каждомъ такомъ листкѣ непремѣнно указывалось, что интересы капиталиста-хозяина всегда поддерживаются и не могутъ не поддерживаться правительствомъ, что правительство помогаетъ капиталистамъ угнетать рабочихъ— и это съ очевидной ясностью проявляется всякій разъ, когда рабочій вступаетъ въ борьбу съ хозяиномъ за улучшеніе своего положенія,—что, наконецъ, заграницей рабочимъ легче бороться за свое экономическое положеніе, потому что они пользуются извѣстными политическими правами и участвуютъ въ законодательствѣ страны и т. д., и т. д,

Совершенно не понимаютъ тактики тогдашнихъ соціалдемократовъ тѣ, которые утверждаютъ, что, приступивъ къ широкой агитаціи на почвѣ экономическихъ нуждъ, агитаторы совсѣмъ отбросили мысль о политической борьбѣ и стали пріучать рабочихъ бороться только за свои «шкурные» матеріальные интересы. Не понимаетъ этой тактики и Акимовъ, авторъ «Очерковъ развитія соціалдемократіи въ Россіи, не понимали ея и широкіе интеллигентскіе слои 94-го года.

IX.

Начавъ работу среди пролетаріата, пропагандисты отдались этой работѣ цѣликомъ и почти совершенно ушли отъ остальной интеллигенціи. Лишь изрѣдка появлялись они на студенческихъ вечеринкахъ, чтобы поспорить съ представителями другихъ теченій, а главнымъ образомъ для того, чтобы подъ тѣмъ, либо инымъ предлогомъ произвести сборъ въ пользу дорогого имъ дѣла. На работу среди студенчества они смотрѣли теперь, какъ на пустую забаву.

Широкіе слои интеллигентнаго общества попрежнему были враждебно настроены къ марксистамъ, попрежнему не вѣрили въ возможность у насъ рабочаго движенія въ западноевропейскомъ смыслѣ и презрительно вышучивали грубыхъ матеріялистовъ, идеологовъ «желудочныхъ» интересовъ. Правда, часть молодежи уже перестала относиться безразлично къ политикѣ—въ этомъ сказалось несомнѣнное благотворное вліяніе голодныхъ 91—92 гг., приподнявшихъ настроеніе публики,—но молодежь эта предпочитала перенимать средства борьбы у старыхъ революціонеровъ, а не искать другихъ. Казалось, идеи «Народной Воли» снова восторжествуютъ; опять началась раздаваться проповѣдь необходимости объединенія всей интеллигенціи на борьбу съ правительствомъ. Она, эта интеллигенція должна пойти во всѣ слои русскаго общества, чтобы расшевелить его и призвать всѣ недовольные элементы подъ знамя борьбы съ реакціей.—Теперь не время заглядывать въ далекое будущее, не время говорить о классовой борьбѣ, о соціализмѣ: ближайшій этапъ всѣ слои общества должны пройти вмѣстѣ рука объ руку, ибо врагъ у всѣхъ одинъ—это самодержавіе. Мы должны свернуть сейчасъ свое соціалистическое знамя, которое можетъ отпугнуть отъ насъ имущіе классы, должны отказаться отъ проповѣди классовой борьбы рабочихъ и звать на политическую борьбу всѣхъ. За нами пойдутъ и дворяне, и фабриканты, и рабочіе, и крестьяне, потому что всѣ недовольны, всѣ страдаютъ отъ политическаго гнета.

Таково было знамя, выдвинутое новой организаціей, окончательно окристализировавшейся въ 94 году въ партію «Народнаго Права».

Марксъ въ предисловіи къ «18 Брюмера» говоритъ: «Гегель гдѣ то замѣчаетъ, что всѣ великія всемірно-историческія событія и личности повторяются дважды. Онъ забылъ только

прибавить: въ первый разъ они фигурируютъ трагически, а во второй—комически, ибо Косидьеры появляются вмѣсто Дантоновъ, Луи Бланы вмѣсто Робеспьеровъ, Гора 1848—51 гг., вмѣсто Горы 1793—95 г., «племянники» вмѣсто своихъ великихъ дядей. Не менѣе каррикатурна и та обстановка, при которой вышло, такъ сказать, вторымъ изданіемъ событіе 18 брюмера (coup d'état 2-го декабря 1851 г.)».—Если бы Марксъ писалъ эти строки послѣ 94 года и былъ бы хорошо освѣдомленъ въ русскихъ дѣлахъ, онъ навѣрное дополнилъ бы этотъ списокъ каррикатурныхъ вторыхъ изданій великихъ событій «Народнымъ Правомъ»—вмѣсто «Народной Воли».

Партія «Народнаго Права» считала себя прямой наслѣдницей и продолжательницей политическихъ традицій «Народной Воли». Что же касается научной подоплеки народоправцевъ, то о нихъ можно сказать, что „они ничего не забыли и ничему не научились». Правда, ихъ рѣчи уже пестрятъ марксистской терминологіей, они всуе цитируютъ Маркса, но... признаютъ только экономическіе взгляды его, отрицая историческую теорію. Эта послѣдняя осталась у нихъ старая: «Мы», герои, сознательные внѣклассовые интеллигенты подымемъ знамя, за которымъ сломя голову устремятся толпы сытыхъ буржуевъ, угнетенныхъ и эксплоатируемыхъ рабочихъ, спесивыхъ прибалтійскихъ юнкеровъ и пухнущихъ съ голоду крестьянъ. Всѣ они недовольны, и достаточно «намъ» дать имъ лозунгъ, знамя, разбудить ихъ нашимъ альтруистическимъ примѣромъ, нашимъ геройскимъ подвигомъ и они пойдутъ за нами, забывъ свои классовые, сословные и узко-эгоистическіе экономическіе интересы. Самымъ могучимъ средствомъ разбудить спящаго мирнымъ сномъ обывателя считался, конечно, терроръ. Терроръ и... земскія петиціи—вотъ два „политическихъ“ орудія борьбы, вотъ два средства для внесенія сознанія въ народныя массы и пробужденія этихъ массъ. На соціалдемократовъ, не вѣрившихъ въ чудодѣйственную силу террора и зло смѣявшихся надъ либеральными петиціями и ихъ составителями, народоправцы смотрѣли, какъ на измѣнниковъ и чуть ли не продавшихся правительству. Съ своей стороны соціалдемократы противопоставляли трогательному объединенію всѣхъ недовольныхъ слоевъ русскаго общества сознательную классовую борьбу пролетаріата. Онъ одинъ является дѣйствительно революціоннымъ классомъ, потому что дѣйствительно заинтересованъ въ коренной ломкѣ существую-

щаго политическаго порядка. Они говорили, что политическая борьба не отдѣлима отъ классовой, что наше правительство не виситъ въ воздухѣ, что оно защищаетъ фактическіе интересы господствующихъ классовъ и выражаетъ ихъ волю, ихъ желанія. Внѣклассовая политическая борьба, которую рекомендуютъ народоправцы есть ни болѣе ни менѣе, какъ замаскированное желаніе буржуазной интеллигенціи повторить комедію 48 года, стремленіе руками и жизнями рабочихъ добиться чисто буржуазной „куцой“ конституціи. У насъ, въ Россіи— говорили далѣе соціалдемократы—дѣйствительная политическая борьба начинается въ такое время, когда классовыя противорѣчія между предпринимателями и рабочими уже значительно обострились, и наша задача—не затушевывать эти противорѣчія, не откладывать выясненіе ихъ до послѣреволюціоннаго періода, а наоборотъ еще болѣе обнажать и углублять ихъ. Наше самодержавіе является уже далеко не тѣмъ чисто дворянскимъ абсолютизмомъ, какимъ оно было въ Германіи до мартовской революціи 48 года: оно въ значительной степени успѣло уже приспособиться къ новымъ буржуазнымъ условіямъ. Правда, рабочіе будутъ пользоваться всѣми такими случаями, когда правительство, становясь на сторону одного изъ господствующихъ классовъ (крупныхъ землевладѣльцевъ или крупныхъ промышленниковъ) и нарушая тѣмъ самымъ интересы другого, временно будетъ дѣлать его недовольнымъ всѣмъ существующимъ строемъ, какъ это было, напримѣръ, при введеніи новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г., новаго городового положенія 1892 г., учрежденія дворянскаго банка или во время русско-германской таможенной войны. Но рабочій долженъ понять, что господствующій классъ бываетъ недоволенъ не системой привилегій вообще, а тѣмъ, что привилегіи оказываются не ему, а другому господствующему классу. До сихъ поръ наше правительство, обидѣвъ какой нибудь изъ господствующихъ классовъ, очень ловко умѣло сейчасъ же утѣшитъ его. Тѣ свободы, которыя необходимы крупной буржуазіи, какъ классу, и изъ за которыхъ она была оппозиціонной до 48 года въ Германіи и революціонной до 1879 г., во Франціи, русская буржуазія или уже завоевала себѣ безъ всякой борьбы, или сумѣетъ завоевать, не входя въ конфликтъ съ правительствомъ. Революціонной или даже рѣзко оппозиціонной наша крупная буржуазія не можетъ быть. Не можетъ быть революціоннымъ — говорили

тогда социалдемократы—и наше крестьянство въ цѣломъ. Часть его, по примѣру западно-европейскаго крестьянства будетъ по всей вѣроятности постоянно служить оплотомъ реакціи, другая же часть, т. е. крестьянская бѣднота, если и выступитъ, то какъ стихійная сила для того только, чтобы спихнуть съ себя остатки крѣпостническаго гнета въ видѣ земскаго начальника, круговой поруки, выкупныхъ платежей и т. п., и дальше этого не пойдетъ. Марксисты и тутъ ссылались на Западъ, гдѣ въ 48 году крестьяне дружно возстали, когда возсталъ городъ; но когда ихъ специфически крестьянскія требованія были такъ или иначе удовлетворены, они сразу успокоились; они даже стали помогать правительству противъ горожанъ, которые продолжали бунтовать и добиваться какихъ-то правъ въ то время, какъ они, крестьяне уже освободились отъ феодальнаго гнета.

Интелегенція, на которую народоправцы возлагали самыя крупныя надежды и которая по ихъ словамъ, «какъ безкорыстная служительница народа, должна выдвинуть проектъ конституціи, основанной не на классовыхъ вожделѣніяхъ, а на чистыхъ идеалахъ народнаго блага, на справедливомъ сочетаніи разнообразныхъ интересовъ существующихъ въ государствѣ и потребностей самого государства, какъ цѣлаго»,—эта интелегенція не пользовалась никакимъ кредитомъ среди социалдемократовъ Она, по ихъ словамъ, могла составить, проектъ конституціи, но провести его въ жизнь у нея не было ни силъ, ни возможности.—Интеллигенція, какъ классъ, какъ цѣлое, не существуетъ, а поэтому и выступить въ качествѣ этого цѣлаго она не можетъ. Изъ ея среды можетъ, по примѣру 70-ыхъ и начала 80-ыхъ годовъ, выдѣлиться кучка отдѣльныхъ личностей, героевъ и только, и единственная тактика, которую въ состояніи предложить эти герои—это терроръ; но, какъ показалъ опыть исторіи, такая тактика къ цѣли привести не можетъ.

Вообще, относительно террора русскіе, социалдемократы съ самаго начала въ противовѣсъ группѣ «Освоб. Труда», заняли опредѣленную отрицательную позицію. Мы боремся и должны бороться—говорили социалдемократы—не съ отдѣльными личностями, какое бы высокое общественное положеніе онѣ ни занимали, а со всѣмъ строемъ, продуктами котораго онѣ являются. Каковы бы ни были индивидуальныя качества высокопоставленнаго лица, оно все же будетъ поступать такъ, какъ заставитъ его окружающая среда. То же самое справедливо и

по отношенію къ представителямъ правительства. Запугать ихъ террористическими актами и заставить пойти на уступки нельзя, потому что съ какой бы опасностью для жизни ни былъ связанъ постъ того либо иного администратора, всегда, даже послѣ удачнаго покушенія, найдутся желающіе занять этотъ постъ ради тѣхъ очень высокихъ матерьяльныхъ выгодъ, которыя онъ представляетъ и которыя растутъ въ прямой зависимости отъ опасности. Но главное—терроръ, при отсутствіи массового движенія, не только безполезенъ, онъ прямо вреденъ. Террористическія покушенія «Народной Воли» потребовали отъ организаціи всего наличнаго запаса матерьяльныхъ средствъ и отвлекли отъ организаціонной и пропагандистской работы всѣ лучшія силы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь вспомнить исторію Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ.— Нѣтъ, не единичнымъ терроромъ будетъ свергнутъ существующій политическій строй, а массовымъ сознательнымъ выступленіемъ пролетаріата. Терростической тактикѣ—орудію борьбы отдѣльныхъ интеллигентовъ—героевъ—соціалдемократы противопоставляли сознательное массовое выступленіе рабочаго класса. Это противопоставленіе вызывало среди народовольцевъ и массы учащейся молодежи явное недовольство соціалдемократами.— Что же, по вашему, сидѣть сложа руки и ждать, пока проснется классовое самосознаніе рабочихъ, которые сами по себѣ можетъ быть еще и миѳъ, выдуманный марксистами на зло народническимъ традиціямъ?—Нѣтъ, возражали соціалдемократы—не сидѣть сложа руки, не ждать, пока проснется самосознаніе рабочихъ, а принять самое дѣятельное участіе въ пробужденіи этого сознанія, въ созданіи кадровъ сознательныхъ вожаковъ рабочаго движенія, организаціи рабочихъ массъ. Правда, задача эта далеко не легкая, для выполненія ея недостаточно одного «желанія быть полезнымъ», недостаточно обладать «революціоннымъ настроеніемъ», нужно имѣть знанія и серьезныя знанія. Громадное большинство нашей «интеллигенціи не въ состояніи выполнить ее, потому что оно само несознательно воспитано по рецепту Карѣева, который смотрѣлъ на исторію, какъ на сборникъ примѣровъ, «что и какъ слѣдуетъ дѣлать и чего дѣлать не слѣдуетъ для народнаго блага» *); эта интеллигенція, конечно, не годится въ воспитательницы классового самосознанія пролетаріата.

*) См. Карѣевъ, «Письма къ учащейся молодежи».

Для того, чтобы возбудить въ массахъ недовольство существующимъ положеніемъ вещей, достаточно только обладать темпераментомъ, даромъ слова и знаніемъ фактовъ за послѣдніе дни русской жизни. Но возбудить недовольство—этого, съ точки зрѣнія соціалдемократовъ, еще мало: возбудитъ недовольство и сама жизнь; надо, чтобы масса сознательно относилась къ окружающимъ событіямъ, сознательно стремилась бы къ вполнѣ опредѣленной цѣли, сознательно участвовала въ борьбѣ, а не вѣрила бы наслово своимъ вожакамъ, что намѣченный ими путь наилучшій, и не шла бы слѣпо за этими вожаками всюду, куда имъ заблагоразсудится ее повести.

Наша «интеллигенція» этого понять не могла или не хотѣла. Ей казалось, что соціалдемократы предлагаютъ ей заняться сначала самообразованіемъ, затѣмъ подождать пока выварится въ фабричномъ котлѣ все наше крестьянство (нельзя же начинать съ кучкой въ какой нибудь милліонъ рабочихъ), потомъ выждать, когда эти новоявленные рабочіе пріобрѣтутъ классовое самосознаніе, и только тогда выйти въ бой съ правительствомъ. Интеллигенція рвалась въ этотъ бой немедленно, хотѣла немедленнаго примѣненія своихъ силъ и поэтому предпочитала... толковать о террорѣ. Мы говоримъ «толковать», потому что, если не считать дѣтской комедіи, разыгранной группой, связанной съ именемъ авантюриста Распутина, ни одной сколько нибудь серьезной попытки осуществить болтовню о террорѣ во все это время не было.

Наряду съ разговорами о террорѣ обычной темой «радикальныхъ» круговъ были анекдоты изъ высшихъ сферъ. Какъ разъ въ это время ожидалась смѣна царствованія. Ни для кого не было тайной, что Александръ III присмерти боленъ. О личности наслѣдника ходили самые фантастическіе и нелѣпые разсказы. Передавали, напримѣръ, въ видѣ несомнѣннаго факта, что онъ либераленъ, тяготится реакціей и что, какъ только онъ вступитъ на родительскій престолъ, въ Россіи немедленно воцарится эра свободы, немедленно будетъ дарована конституція.

Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ снова ожила и земская «оппозиція», совершенно было замершая со временъ разгрома «Народной Воли». Немногіе, наиболѣе крайніе представители этой оппозиціи, состоявшіе изъ такъ называемаго третьяго элемента земства, т. е. земскіе наемники, примкнули къ партіи

«Народнаго Права»; и по всей вѣроятности отсюда то и вышелъ столь нашумѣвшій тогда проектъ «Основного государственнаго устава Россійской Имперіи», который широко распространялся въ рукописи среди «интеллигенціи» и считался въ ея кругахъ верхомъ радикализма, несмотря на то, что предлагаемая проектомъ конституція, по выраженію авторовъ проекта, «основана не на ломкѣ государственныхъ учрежденій», «не отрицаетъ, а воспринимаетъ тѣ основныя политическія понятія о царѣ и народѣ, которыя господствуютъ въ массахъ русскаго населенія» и предусматриваетъ даже возможность введенія положенія о чрезвычайной охранѣ *).

Эта «конституція» и должна была служить тѣмъ лозунгомъ, вокругъ котораго слѣдовало объединиться всѣмъ недовольнымъ слоямъ общества. Авторы ея, начертавъ ее на своемъ знамени, подобно Христу, призывали: «Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и азъ упокою вы!» Чтобы злостные, недовѣрчивые марксисты не успѣли внушить публикѣ, что будущая «конституціонная» чрезвычайная охрана послужитъ плохой замѣной чрезвычайной и усиленной охранѣ самодержавія, они торопятся убѣдить, что ихъ «конституція»—самый настоящій товаръ, что она отнюдь не является выраженіемъ какихъ нибудь классовыхъ интересовъ.—Какіе тамъ въ самомъ дѣлѣ классы,—у насъ ихъ вовсе нѣтъ. Есть «народъ», который недоволенъ; есть бюрократія, которой недовольны, и есть безкорыстная служительница народа—интеллигенція, знающая рецептъ, который всѣхъ, рѣшительно всѣхъ можетъ сдѣлать довольными. Боже упаси, чтобы кто нибудь подумалъ, будто эта «интеллигентная конституція» является плодомъ классовыхъ вожделѣній господствующихъ классовъ. Нѣтъ, «въ нашемъ отечествѣ невозможна ни дворянская, ни буржуазная, ни клерикальная конституція», утверждаютъ авторы ея. У насъ не можетъ быть классового господства: «средніе вѣка не оставили въ Россіи такихъ элементовъ, которыми ка Западѣ могли держаться дворянскія и клерикальныя конституціи, а капитализмъ не успѣлъ еще закабалить народъ подъ владычество буржуазіи».

Но какъ не распинались авторы «конституціи», какъ ни старались они привлечь всѣ слои русскаго общесства, гаран-

*) Къ сожалѣнію у насъ подъ руками не имѣется самаго проекта «конституціи» и мы цитируемъ его по Сватикову «Общ. движ. въ Россіи».

тируя имъ «громадный просторъ героическимъ усиліямъ личности, которая въ Россіи являлась и является двигателемъ прогресса, замѣняя работу чуждыхъ русской жизни корпорацій и ассоціацій», недовольные слои продолжали молча изживать про себя свое недовольство. Не трогала эта «внѣклассовая» конституція и сердца русской буржуазіи, несмотря на обѣщаемый ею просторъ для «усилій личности», т. е. на полную свободу отъ бюрократическихъ фабричныхъ законовъ, несмотря на увѣренія, что «чуждыя русской жизни ассоціаціи» и послѣ конституціи останутся чуждыми для русскихъ рабочихъ, особенно если принять во вниманіе возможность гарантируемой конституціей «чрезвычайной (внѣклассовой конечно!) охраны». Русская буржуазія, не успѣвшая еще, по словамъ авторовъ проекта, закабалить народъ, предпочитала закабалять его безъ конституціонной подержки «внѣклассовыхъ» интеллигентовъ. Даже либеральные земцы (не третій элементъ, не наемники, а земскіе гласные-землевладѣльцы) и тѣ молчали и не выражали своего недовольства. Они устраивали обѣды, а не либеральные банкеты, и пили на нихъ за настоящее, а не за будущее.

Только когда ожидаемая смѣна царствованія стала совершившимся фактомъ, когда съ воцареніемъ Николая II все русское «образованное общество» почему то вдругъ рѣшило, что неуклонное шествіе правительства къ дореформеннымъ временамъ должно прекратиться и молодой монархъ вступитъ на стезю не отца, а дѣда, на сцену опять выступили либеральные «освободители». Они снова извлекли на свѣтъ божій свои лежавшія болѣе 20 ти лѣтъ подъ спудомъ либеральныя рѣчи и приспособили ихъ къ современнымъ обстоятельствамъ. Рѣчи 81 года оказались слишкомъ радикальными. Тогда вѣдь навѣрняка было извѣстно, что въ правительственныхъ сферахъ заготовленъ не одинъ проектъ «конституціи» (вродѣ Лорисъ-Меликовской диктатуры сердца), поэтому говорить можно было болѣе смѣло и открыто; къ тому же, въ благодарность за дарованную конституцію можно было предложить свои «либеральныя» услуги для борьбы съ «крамолой», въ которой, по мнѣнію тогдашнихъ «освободителей», не въ силахъ была справиться одна бюрократія. Теперь положеніе было совершенно иное. Крамолу правительство успѣшно подавило и безъ просвѣщеннаго содѣйствія либераловъ, такъ что предложеніемъ услугъ соблазнить его было нельзя, а о какихъ бы то не

было конституціонныхъ планахъ въ правительственныхъ кругахъ совершенно ничего не было слышно. Единственное, на чемъ можно было строить свои надежды, это была личность молодого монарха, о которомъ въ обществѣ ходило столько легендъ. Приходилось, стало быть, дѣйствовать крайне осмотрительно.

Только 9 земствъ рѣшились въ своихъ поздравительныхъ адресахъ тонко намекнуть на желательность... не конституціи— нѣтъ, Боже избави, объ этомъ господа освободители не смѣли и мечтать,—а того, «чтобы съ высоты престола всегда былъ услышанъ голосъ нужды народной». Они хотѣли только «возможности и права для общественныхъ учрежденій (т. е. составленныхъ по рецепту 90-го года дворянскихъ земствъ) выражать свое мнѣніе по вопросамъ ихъ касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выраженіе потребностей и мысли не только администраціи, но и народа русскаго».

Однако весна либеральныхъ надеждъ продолжалось недолго. Когда «русскій народъ», въ лицѣ депутаціи отъ земствъ, устно принесъ свои поздравленія, искусно переплетенныя съ пожеланіями новому императору, онъ получилъ ясный и не допускающій двухъ толкованій отвѣтъ относительно земцевъ «увлекшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земствъ въ дѣлахъ внутренняго управленія» и изъявленіе непреклонной воли «охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его незабвенный покойный родитель». Послѣ этого отвѣта духъ земской оппозиціи снова замеръ до слѣдующаго, болѣе благопріятнаго момента.

Всѣмъ этимъ инцидентомъ наша земская буржуазія ясно показала, что дѣйствительное ограниченіе самодержавія при наличныхъ условіяхъ, т. е, при существованіи уже классовой борьбы пролетаріата, не можетъ считаться для нея насущнымъ классовымъ требованіемъ, ради котораго можно было бы рискнуть рѣшительнымъ шагомъ. Русская либеральная буржуазія не прочь, конечно, была получить «дарованную» самодержавіемъ милость въ видѣ, напримѣръ, права отъ имени всего «народа» гласно заявлять о своихъ буржуазныхъ нуждахъ. Но милость эта должна быть дарована добровольно. Если требовать силой, т. е. если приняться за широкую агитацію дѣйствительно среди всего народа, то, кто знаетъ, не выставитъ ли этотъ народъ, или хотя бы часть его—рабочіе, требованія, которыя пойдутъ дальше насущныхъ классовыхъ требованій буржуазіи?

Если «внѣклассовые» интеллигенты выловленной безъ остатка партіи «Народнаго Права» еще сомнѣвались въ наличности и даже возможности у насъ классовой борьбы пролетаріата, то близко заинтересованная въ дѣлѣ наша промышленная буржузія имѣла всѣ основанія считаться съ реальнымъ существованіемъ зачатковъ этой борьбы. Въ мартѣ 95 года Общество содѣйствія мануфактурной промышленности обсуждало въ Москвѣ предложеніе Лодзинскаго отдѣла этого общества о законодательной нормировкѣ рабочаго дня. Представитель этого общества С. И. Прохоровъ, владѣлецъ крупной Прохоровской мануфактуры, поставилъ вопросъ ясно и опредѣленно, что если сейчасъ не ввести дѣйствительнаго улучшенія въ положеніи рабочихъ, то есть основаніе продполагать, что рабочіе сами примутся за это дѣло. Большинство фабрикантовъ съ горестью констатировало возникновеніе и у насъ въ Россіи рабочаго движенія. И для борьбы съ этимъ движеніемъ у буржуазіи не было лучшаго и болѣе вѣрнаго союзника, чѣмъ самодержавіе. Этого не могли понять «внѣклассовые» интеллигенты, но отлично понимали сознательные представители рабочаго класса—соціалдемократы.

Какъ разъ въ самый разгаръ либеральныхъ упованій и надеждъ московскіе соціалдемократы выпустили брошюрку «На смерть Александра III». Въ этой брошюркѣ, подведя итогъ реакціи, связанной съ именемъ этого императора, они вмѣстѣ съ тѣмъ указывали, что рабочему классу нечего ждать отъ перемѣны царствованія. Тотъ политическій строй, который необходимъ пролетаріату, который дѣйствительно можетъ улучшить его положеніе, дарованъ быть не можетъ, онъ можетъ быть только завоеванъ. Главными орудіями борьбы рабочихъ можетъ быть только развитіе классового самосознанія и организованность пролетаріата. Только при наличности того и другого можно разсчитывать на коренную перемѣну существующаго политическаго строя.

X.

Итакъ, жизнь выдвинула передъ соціалдемократами задачу широкой агитаціи и организаціи рабочей массы, и они бодро вступили на путь рѣшенія этой задачи. Спорадическія случайныя стачки конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ къ 94 г. начинаютъ принимать эпидемическій характеръ. Промышленный кризисъ 92—93 г. смѣняется лихорадочнымъ подъемомъ про-

мышленности. Начинается спѣшная постройка цѣлаго ряда новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Вмѣшательство русскаго правительства въ японско-китайскій конфликтъ начинаетъ эру дальневосточныхъ авантюръ, въ видѣ захвата Портъ-Артура, постройки фантастическаго Дальняго и Восточно-Китайской дороги. Все это сулитъ огромные барыши нашей буржуазіи. Концессіи, развѣдки, казенные подряды и заказы сыплются, какъ изъ рога изобилія. Иностранные банкиры усиленно поддерживаютъ правительственную авантюру «внѣшними займами», въ полной увѣренности, что сливки со всѣхъ этихъ концессій и заказовъ достанутся имъ. Правительство идетъ имъ навстрѣчу. Заграничные капиталы въ небывалыхъ до того размѣрахъ притекаютъ въ Россію и съ 94 года начинается эпоха настоящаго грюндерства. Заводы, въ особенности машиностроительные, сталелитейные, желѣзодѣлательные, растутъ, какъ грибы послѣ дождя. Начинается усиленная эксплуатація природныхъ богатствъ, какъ, напримѣръ, донецкаго угля, бакинской нефти и т. д. Мертвый, чисто земледѣльческій югъ Россіи въ какихъ-нибудь два—три года превращается въ густую сѣть промышленныхъ центровъ. Заводы въ Екатеринославѣ, Баку и другихъ городахъ юга и Кавказа растутъ съ чисто американской быстротой.

Но параллельно съ заводами растутъ и соціалдемократическія организаціи. Если первыя марксистскія группы образовывались чисто случайно,—въ зависимости отъ скопленія въ данной мѣстности интеллигенціи,—главнымъ образомъ въ университетскихъ городахъ и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя служили пристанищемъ для политическихъ поднадзорныхъ, какъ, напр., Орелъ, Саратовъ, Самара, Казань и т. д., то теперь широкія рабочія организаціи возникаютъ уже преимущественно въ промышленныхъ мѣстностяхъ: въ Лодзи, Варшавѣ, Бѣлостокѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Нижнемъ, Екатеринославѣ, Баку и т. д. Въ Польшѣ въ 1894 г. начинаетъ выходить уже чисто соціалдемократическая газета. Такія же газеты намѣчаются въ Москвѣ и въ Петербургѣ. И тутъ, и тамъ создаются уже оформленныя организаціи. Московскій союзъ рабочихъ, С.-Петербургскій союзъ борьбы, Екатеринославскій, Нижегородскій, Иваново-Вознесенскій и Южно-русскій рабочій союзъ.

Первоначальная форма организаціи въ Москвѣ была слѣдующая. Во главѣ находилась Центральная группа, которая руководила всѣмъ движеніемъ, писала и редактировала литературу, сносилась съ иногородними группами, вѣдала техникой

и занималась добываніемъ литературы. Первоначально группа эта состояла изъ всѣхъ пропагандистовъ-интеллигентовъ (которыхъ къ началу 94 года было четверо)—и изъ пяти—шести человѣкъ наиболѣе сознательныхъ рабочихъ. Далѣе шли кружки № 1, состоявшіе изъ болѣе или менѣе распропагандированныхъ рабочихъ, и кружки № 2, куда входили рабочіе, съ которыми только что завязывались связи. Въ кружкахъ № 1 готовились вполнѣ сознательные соціалдемократы; здѣсь проходился систематическій курсъ, подготовлялись агитаторы, которые должны были широко влiять на массу; массу же эту пропускали сквозь себя кружки № 2. Намѣченъ былъ планъ при помощи 8—10 лекцій подготовить слушателей къ чтенію популярной литературы и къ возможности въ устной бесѣдѣ истолковывать прочитанное.

Составъ послѣднихъ (№ 2) кружковъ приходилось мѣнять довольно часто, чтобы дать такимъ образомъ возможность пройти сквозь нихъ наибольшему количеству рабочихъ. Съ тою же цѣлью подготовки широкихъ слоевъ рабочей массы Московская группа параллельно стала выпускать рядъ систематическихъ листковъ по различнымъ вопросамъ рабочей жизни. Намѣчена была цѣлая серія, долженствовавшая расширить кружковую аудиторію до предѣловъ всей фабрики. Изъ этой серіи успѣли выпустить, насколько помнится, лишь слѣдующіе листки: 1) «Много-ли мы зарабатываемъ» (гдѣ обсуждался вопросъ о заработной платѣ); 2) «Долго-ли мы живемъ» (о гигіеническихъ и санитарныхъ условіяхъ труда и о вліяніи ихъ на организмъ рабочаго) и 3) «У фабричнаго инспектора» (о фабричномъ законодательствѣ).

Эти листки трактовали обыкновенно какой нибудь частный вопросъ, который въ то же время связывался съ общимъ положеніемъ рабочаго класса и непремѣнно заканчивался указаніемъ на то, что окончательное освобожденіе рабочаго класса можетъ быть достигнуто лишь съ введеніемъ соціалистическаго строя. Листки вывѣшивались всегда на видныхъ и въ то же время укромныхъ мѣстахъ на фабрикахъ (обыкновенно въ ретирадѣ) и читались буквально всѣми. Около нихъ постоянно толпилась кучка рабочихъ; кто-нибудь одинъ читалъ вслухъ, а изъ толпы то и дѣло раздавались вопросы; сейчасъ-же какой-нибудь изъ распропагандированныхъ рабочихъ начиналъ объяснять и образовывалась аудиторія изъ самыхъ внимательныхъ слушателей. Рабочіе заинтересовывались, появлялись желающіе узнать больше, получить книжку, попасть въ кружокъ.

Кромѣ листковъ по болѣе или менѣе общимъ вопросамъ выпускались и листки по поводу того или иного происшествія на данной фабрикѣ, въ которыхъ, опять-таки, отъ частнаго всегда старались перейти къ общему.

Несмотря на крайне плохую технику (печатали преимущественно на гектографѣ или на мимеографѣ) листки пользовались большой популярностью, и ихъ выхода ждали съ нетерпѣніемъ. На кружковыя занятія доставлялся богатѣйшій матеріалъ, который, къ сожалѣнію, не всегда удавалось использовать, такъ какъ не хватало силъ. Само собой разумѣется, о раздѣленіи труда въ то время и думать было нечего. Всѣмъ, какъ рабочимъ такъ и интеллигентамъ, кромѣ революціонной работы, приходилось тратить силы еще и на добываніе средствъ къ существованію, на что уходила масса времени. Пропагандистамъ приходилось самимъ не только писать, но и печатать листки. Кромѣ того страшно тормозили дѣло и конспиративныя условія работы. Помощниковъ изъ интеллигенціи вовсе почти не было. Иной разъ цѣлый день приходилось тратить на то только, чтобы, не обративъ на себя вниманія, купить принадлежности для гектографа, сварить его въ своей конурѣ незамѣтно отъ глазъ квартирной хозяйки и напечатать нѣсколько десятковъ листковъ. Затѣмъ, нужно было еще спрятать напечатанное, чтобы потомъ, въ благопріятный моментъ, передать кому слѣдуетъ для распространенія. Все это вмѣстѣ взятое поглощало невѣроятно много времени.

Рабочіе, особенно вновь привлеченные, роптали что не хватаетъ литературы, что организація не поспѣваетъ удовлетворять сильно разросшійся спросъ на нее. Что было дѣлать? Что бы какъ нибудь устранить этотъ недостатокъ или, по крайней мѣрѣ, уменьшить его, организація приходитъ къ рѣшенію—съ одной стороны усилить дѣятельность среди учащейся молодежи, а съ другой—какъ можно больше функцій передавать самимъ рабочимъ. Въ послѣднемъ рѣшеніи не малую роль играло и то соображеніе, что если рабочіе займутся чисто техническими функціями, то поймутъ, съ какими трудностями сопряжено снабженіе ихъ литературой; кромѣ того, въ привлеченіи рабочихъ къ участію къ этой работѣ видѣли также и гарантію прочности самого дѣла.

За интеллигентами въ то время слежка была очень большая и каждую минуту они рисковали провалиться. Правительство подобно широкимъ слоямъ «интеллигентнаго общества», мало

вѣрило въ возможность у насъ рабочаго движенія и весь центръ тяжести революціи полагало въ «крамольной» дѣятельности горсти «смутьяновъ». Поэтому россійскія охранки и жандармскія отдѣленія всю свою энергію употребляли на погоню за интеллигентами; выслѣживаніе либераловъ и совершенно проморгали зародыши рабочаго движенія. Еще въ 1895 году, когда въ Нижнемъ было учреждено охранное отдѣленіе, жандармскій полковникъ въ разговорѣ съ тамошними поднадзорными заявилъ, что самыми опасными правительство считаетъ «народовольцевъ» (о которыхъ въ то время уже и помину не было), затѣмъ идутъ «народники»; они-де-хотя и говорятъ о мирныхъ, культурныхъ средствахъ борьбы, но это только такъ, для отвода глазъ, на самомъ же дѣлѣ они тѣ-же народовольцы; ну, а марксисты, тѣ пока не опасны». Приблизительно ту же мысль высказалъ на одномъ изъ допросовъ и петербургскій прокуроръ; по его мнѣнію «пока марксисты у насъ только теотерики». Это обстоятельство, т. е. близорукость нашего полицейскаго правительства, соціалдемократы постарались использовать въ интересахъ своихъ организацій. Чтобы ослабить надзоръ за собой, они прерывали почти всякія сношенія съ учащейся молодежью и главную часть конспиративной работы передавали рабочимъ. Послѣдніе снимали на свое имя квартиры для кружковыхъ собраній, для храненія нелегальной литературы для библіотечекъ, для постановки гектографа и они же стали потомъ печатать листки.

Но не однѣ только чисто-техническія функціи стали переходить къ рабочимъ. Чѣмъ шире стала распространяться листковая литература, тѣмъ популярнѣе долженъ былъ быть языкъ, которымъ она писалась. Передовые рабочіе часто настолько уже свыкались съ обыкновеннымъ литературнымъ языкомъ, что не могли уже являться компетентными судьями того, достаточно ли популярно написанъ данный листокъ или нѣтъ. И вотъ въ Москвѣ и Екатеринославѣ, чтобы избѣжать упущеній въ этомъ слыслѣ, рѣшено было устроить нѣчто вродѣ представительнаго совѣщанія.

На каждой болѣе или менѣе крупной фабрикѣ, заводѣ или мастерской въ то время имѣлся уже кружокъ изъ болѣе сознательныхъ рабочихъ. Эти кружки выбирали изъ своей среды представителей, которые, вмѣстѣ съ пропагандистами-интеллигентами, входили въ центральную группу, которая являлась руководящимъ коллективомъ и редактировала листки общаго

характера. Первое время нѣкоторые изъ интеллигентовъ и передовыхъ рабочихъ опасались, какъ бы такая постановка дѣла не повела къ приниженію движенія; но имъ справедливо возражали, что опасаться на самомъ дѣлѣ нечего, такъ какъ заводскіе кружки создаются подъ строгимъ контролемъ организаціи и туда попадаютъ лишь тѣ, кого хорошо знаетъ организаторъ какъ въ смыслѣ сознательности, такъ въ конспиративномъ отношеніи. Кромѣ того почти не было сомнѣнія, что выбранными окажутся именно организаторы, которые при наличности движенія на данной фабрикѣ являются обыкновенно самыми активными изъ рабочихъ. На всякій случай, организаціи предоставлено было право самопополненія. Дѣйствительность показала, что расчеты оправдались. На первомъ засѣданіи московской центральной группы присутствовало 12 представителей различныхъ заводовъ и фабрикъ, въ число которыхъ попали всѣ наиболѣе сознательные рабочіе, всѣ активные организаторы кружковъ. Въ нижегородской организаціи все подлежащее распространенію среди рабочихъ прочитывалось и обсуждалось въ кружкахъ, послѣ чего уже отдавалось въ печать.

Между тѣмъ стачки, какъ мы указывали выше, происходили все чаще и чаще, рѣзко отличаясь отъ стачекъ 80-хъ и начала 90-хъ годовъ. Въ большинствѣ случаевъ, тамъ, гдѣ существуетъ организація, онѣ возникаютъ уже не стихійно. Организація заранѣе обсуждаетъ вопросъ, выгодна ли стачка въ данный моментъ, можно-ли разсчитывать на успѣхъ и только въ этомъ случаѣ призываетъ рабочихъ приступить къ ней. Однако, на стачку соціалдемократы того времени вовсе не смотрѣли, какъ на цѣль саму по себѣ. Наоборотъ, первыя соціалдемократическія организаціи скорѣй можно было упрекнуть въ слишкомъ прямолинейномъ, догматическомъ отношеніи къ вопросу объ экономической борьбѣ. Прочныхъ улучшеній въ положеніи рабочихъ—говорили соціалдемократы—не можетъ дать ни одна, даже самая удачная, стачка; она есть лишь средство борьбы за далекое будущее, средство для широкой соціалистической агитаціи. Дѣйствительнось оказалась менѣе пессимистичной, чѣмъ соціалдемократы, такъ какъ фактически благодаря стачкамъ 94—97 годовъ положеніе рабочихъ значительно улучшилось. Во многихъ мѣстахъ рабочій день былъ доведенъ до 9—10 часовъ и заработная плата повышена. Киты Китычи, почувствовавъ серьезный и совершенно для нихъ

неожиданный отпоръ и будучи вынуждены считаться съ рабочимъ движенiемъ, пошли на уступки.

Въ Москвѣ сигналъ къ стачечному движенiю подали машиностроительные заводы Вейхельта, Гужона, Бромлея, Доброва и Набгольца. Чаще всего требованiя рабочихъ удовлетворялись довольно скоро и это подымало авторитетъ организацiи. Съ агитацiонною цѣлью организацiя широко пользовалась и стачками въ другихъ городахъ. Въ 94 г. въ Егорьевскѣ вспыхнула стачка на Хлудовской мануфактурѣ. Началась она вполнѣ мирно и первое время шла подъ руководствомъ распропагандированныхъ рабочихъ, которые сдерживали неорганизованную массу. Директоръ фабрики всѣми силами старался провоцировать безпорядки, чтобы имѣть поводъ вызвать войско. Онъ выдалъ, напримѣръ, части рабочихъ 100 руб. на водку якобы для того, чтобы привлечь ихъ на свою сторону. Тѣ приняли деньги, напились и стали громить фабрику. Вытребованы были солдаты. Однако, до примѣненiя оружiя дѣло не дошло, потому что сознательнымъ рабочимъ въ концѣ концовъ удалось взять верхъ надъ массой и успокоить ее. Стачка продолжалась больше недѣли. Къ рабочимъ Хлудовской мануфактуры присоединились рабочiе почти всѣхъ остальныхъ расположенныхъ въ Егорьевскѣ фабрикъ. Правда, успѣхъ былъ лишь частичный, такъ какъ далеко не всѣ требованiя были удовлетворены, тѣмъ не менѣе и эта стачка имѣла громадное агитацiонное значенiе. Она показала, что въ интересахъ самихъ предпринимателей превращать мирную стачку въ буйный погромъ, такъ какъ съ нимъ легче справиться при помощи вооруженной силы, которую наше правительство всегда очень охотно предоставляетъ къ услугамъ предпринимателей.

Еще болѣе, въ агитацiонномъ смыслѣ, была использована стачка на Большой мануфактурѣ Корзинкина, въ Ярославлѣ, въ началѣ 1895 г. Тамъ погрома никакого не произошло и настроенiе у всѣхъ рабочихъ было самое мирное. Старики-рабочiе, окончательно выведенные изъ себя голодными заработками, невѣроятно жестокой системой штрафовъ и цѣлымъ рядомъ фактовъ самой грубой эксплуатацiи, послѣ тщетныхъ переговоровъ съ представителями мѣстной власти, рѣшили наконецъ обратиться съ жалобой и мольбой о защитѣ къ московскому генералъ-губернатору, вел. князю Сергѣю. Составлена была телеграмма въ самыхъ лояльныхъ и вѣрноподданническихъ

выраженіяхъ, и для подачи ея губернатору была отправлена депутація изъ нѣсколькихъ сотъ рабочихъ, преимущественно стариковъ и женщинъ. Губернаторъ встрѣтилъ толпу просителей батальономъ фанагорійскаго гренадерскаго полка, который безъ предупрежденія привѣтствовалъ рабочихъ тремя залпами, уложившими на мѣстѣ человѣкъ 15. Подробности это геройской атаки стали вскорѣ извѣстны по всей Россіи, всѣмъ рабочимъ, благодаря опубликованному въ газетахъ приказу по арміи, въ которомъ державный вождь арміи, Николай II выражалъ «свое царское спасибо молодцамъ фанагорійцамъ за геройское усмиреніе бунта». Теперь съ увѣренностью можно сказать, что это «усмиреніе бунта» и въ особенности опубликованный приказъ по арміи сослужили очень важную службу въ дѣлѣ революціонизированія массъ, дали блестящую иллюстрацію классового характера нашего правительства. Революціонерамъ оставалось лишь какъ можно шире использовать этотъ случай, подчеркивая и рѣзче формулируя намѣченные уже самой массой выводы изъ него. Впрочемъ, правительство и тутъ поспѣшило помочь соціалдемократамъ. Сейчасъ же послѣ «усмиренія бунта» значительная часть рабочихъ Корзинкинской мануфактуры была административнымъ порядкома выслана на родину, откуда они, конечно, разбрелись по всѣмъ концамъ Россіи. Эти то очевидцы геройскаго подвига фанагорійцевъ въ устной бесѣдѣ, просто пересказывая ходъ разыгравшейся въ Ярославлѣ драмы, явились лучшими разоблачителями истиннаго характера нашего правительства.

Вообще, нужно отдать справедливость русскому правительству, что съ самаго возникновенія у насъ соціалдемократическаго движенія оно все время оказывало и оказываетъ ему неоцѣнимыя услуги. Оно всегда самымъ трогательнымъ образомъ заботилось о томъ, чтобы соціалдемократы не оставались голословными, отвлеченными теоретиками; всякое проповѣдуемое ими положеніе оно старалось немедленно иллюстрировать въ самой жизни. Оно помогало также и распространять идеи соціалдемократовъ вширь. При помощи высылокъ интеллигентовъ-марксистовъ изъ столицы, оно создало соціалдемократическое движеніе въ Нижнемъ, Екатеринославѣ, Саратовѣ, Орлѣ и другихъ городахъ. Принявшись же за высылку стачечниковъ-рабочихъ, оно заносило сѣмена пропаганды въ такія мѣста, гдѣ безъ его помощи долго еще нельзя было бы разсчитывать на возможность завести связи съ массой. Уже въ 1895 году высланные изъ Москвы

за стачку рабочіе начали усиленную пропаганду соціалдемократическихъ идей среди крестьянства. Высылая, кромѣ того, отдѣльныхъ членовъ кружковъ въ различные города, правительство тѣмъ самымъ способствовало также и революціонной связи этихъ городовъ между собой, помогало превращенію движенія изъ мѣстнаго во всероссійское.

Массовыя репрессіи по отношенію къ рабочимъ, въ видѣ массовыхъ высылокъ ихъ во внутреннія губерніи Россіи начались прежде всего въ Западномъ краѣ. Такимъ образомъ сознательные соціалдемократы—польскіе рабочіе попадаютъ всюду, неся съ собой живыя традиціи и практику уже развившагося рабочаго движенія и сильно способствуя проникновенію въ широкія массы соціалдемократическихъ идей. Прежде всего они наглядно иллюстрируютъ идею объ интернаціональномъ характерѣ движенія. Польскіе рабочіе эксплуатируются такъ-же, какъ и русскіе. Какъ тамъ, такъ и тутъ степень эксплуатаціи зависитъ исключительно отъ степени отпора, которую въ состояніи противопоставить рабочіе. Выселеніе или, вѣрнѣе, переселеніе рабочихъ съ одного мѣста на другое способствовало также усвоенію проводимой соціалдемократами мысли, что плохія условія жизни рабочаго не зависятъ отъ злой воли отдѣльнаго фабриканта, отдѣльныхъ представителей власти, и причину ихъ слѣдуетъ искать глубже, въ самомъ общественномъ строѣ, во всей государственной системѣ.

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ соціалдемократическое движеніе естественно начинаетъ выходить за предѣлы отдѣльнаго города, организаціи связываются другъ съ другомъ. Москва уже въ 1894 г. поддерживаетъ сношенія съ Петербургомъ, Нижнимъ, Екатеринославомъ, Тулой, Вильной, Иваново-Вознесенскомъ, Ковровымъ, Минскомъ и Дерптомъ. Всѣ эти организаціи обмѣниваются другъ съ другомъ своимъ опытомъ, литературой, передаютъ личныя связи. Правда, связь между ними болѣе или менѣе случайная, непостоянная, основанная въ большинствѣ случаевъ на личныхъ знакомствахъ; общая освѣдомленность дѣйствуетъ очень плохо, вслѣдствіе чего, напримѣръ, нерѣдко случается, что одно и то же предпріятіе, въ ущербъ экономіи силъ, затѣивается одновременно въ различныхъ мѣстахъ, какъ это было, съ переводомъ и изданіемъ Эрфуртской программы, «Изложенія теоріи Маркса» Каутскаго, «Женщины и соціализмъ» Бебеля, «Революціи 48 года въ Германіи» Блосса, Антидюринга, «Гражданской войны»

Маркса, «Происхожденія семьи и собственности» Энгельса и другихъ капитальныхъ произведеній западныхъ соціалдемократовъ. Извѣстіе о томъ, что «Эрфуртская программа» напечана заграницей точно также было получено лишь послѣ того, какъ она была переведена въ Москвѣ и съ громадной затратой силъ и средствъ издана на гектографѣ.

Заграничные соціалдемократы вообще въ это время оказываются совсѣмъ почти отрѣзанными отъ работающихъ въ Россіи. Группа «Освобожденія Труда» хотя и издаетъ литературу, но литература эта не всегда отвѣчаетъ назрѣвшей потребности болѣе широкихъ слоевъ рабочихъ. Агитаціонныя брошюры, вродѣ рѣчи Алексѣева, Варлена, Четырехъ рѣчей петербургскихъ рабочихъ и т. п. читаются съ жаромъ, производятъ сильное впечатлѣніе, но ихъ однѣхъ недостаточно. Выходящій за границей «Соціалдемократъ» въ Россію почти не попадаетъ. Не попадаетъ въ руки рабочихъ и изданный за границей Дикштейнъ «Кто чѣмъ живетъ», хотя спросъ на него громадный, и каждой почти организаціи приходится издавать его на гектографѣ. Вмѣсто нужной литературы въ нелегальный заграничный транспортъ попадаютъ часто совершенно никуда негодныя вещи, вродѣ изданныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ бюллетеней, старыхъ народовольческихъ листковъ и т. п. Русскіе эмигранты, по мнѣнію работающихъ въ Россіи, многое могли бы сдѣлать; у нихъ были знанія, досугъ, возможность издавать и они могли бы создать необходимую для массового распространенія литературу, что было совершенно не по силамъ работникамъ на мѣстахъ. Но очевидно, вслѣдствіе своей оторванности отъ Россіи, заграничные товарищи не поняли новаго массового характера движенія. И вотъ изъ Москвы и Петербурга за границу къ группѣ «Освобожденія Труда» отправляются представители мѣстныхъ организацій со специальной цѣлью познакомить эмигрантовъ съ настроеніемъ въ Россіи, съ новой формой движенія, совершенно имъ неизвѣстной, съ новой уже фактически выступившей на политическую арену массовой силой, съ ея потребностями и со способами удовлетворенія этихъ потребностей.

Съ этою же цѣлью Московская организація поручаетъ своему делегату объѣхать передъ отъѣздомъ за границу всѣ наиболѣе важные пункты движенія, чтобы лично переговорить съ мѣстными работниками, собрать на мѣстахъ весь пріобрѣтенный опытъ и выяснить всѣ назрѣвшія потребности.

Кромѣ того, онъ долженъ былъ отвезти имъ нѣсколько рукописей—оригинальныхъ и переводныхъ, чтобы напечать ихъ за границей. Это были все рукописи, уже циркулировавшія среди московскихъ рабочихъ. Поѣздка московскаго делегата не привела, однако, къ тѣмъ результатамъ, на которые разсчитывали пославшіе его. Члены группы «Освобожденія Труда» не поняли, что собственно отъ нихъ требуется, и литературы, въ которой въ то время такъ нуждались русскіе работники, заграница не дала. Только одна рукопись изъ всѣхъ посланныхъ изъ Москвы вернулась въ напечатанномъ видѣ; это былъ передѣланный съ польскаго «Рабочій день».

Отправляя человѣка за литературой за границу, организаціи въ то же время употребляли всѣ усилія, чтобы улучшить производство мѣстной литературы. Гектографъ уже не въ состояніи удовлетворить разросшейся потребности, его замѣняетъ мимеографъ, а кой-гдѣ удается даже поставить и ручную типографію. Первый печатный листокъ, выпущенный въ Москвѣ въ концѣ 1894 г., производитъ колоссальное впечатлѣніе. Теперь уже можно было быть увѣреннымъ, что листокъ прочтетъ и малограмотный рабочій. Но какъ ни улучшалась техника производства литературы, она все-таки далеко отставала отъ все расширявшагося спроса. Организаціи оказываются слишкомъ слабыми: у нихъ прежде всего нѣтъ денегъ. Надо замѣтить, что въ этомъ пунктѣ т. е. въ вопросѣ о добываніи средствъ рѣзче всего сказалось различіе между первыми соціалдемократическими организаціями и интеллигентскими революціонными партіями стараго и новаго времени. У послѣднихъ всегда имѣлись связи съ «обществомъ». Либералы, какъ бы трусливы они не были, всегда считали своимъ долгомъ поддерживать революціонеровъ матеріальными средствами. Какъ бы крайни не были взгляды революціонеровъ, либералы все же видѣли въ нихъ выразителей своихъ собственныхъ «бредней» и смотрѣли на нихъ, какъ на «дѣтей», которымъ такъ и подобаетъ увлекаться крайними идеями; но въ то же время они не теряли увѣренности, что рано или поздно эти «дѣти» станутъ «отцами», т. е. такими же солидными либералами, какъ и они сами. И они помогали «дѣтямъ», помогали, тая въ глубинѣ души смутную надежду, что если «дѣти» и добьются, какого нибудь ограниченія политическаго произвола то плодами ихъ побѣды воспользуются они же, «отцы». Точнѣй говоря, либералы помогали интеллигентскимъ

политическимъ партіямъ, несмотря на ихъ соціалистическую окраску потому, что интеллигентскій утопическій соціализмъ, не внушалъ имъ большого опасенія, политическіе же идеалы этихъ соціалистовъ не противорѣчили идеаламъ либераловъ и не шли дальше ихъ собственныхъ вожделѣній.

Совсѣмъ иное дѣло соціалдемократическое движеніе. Здѣсь вопросъ шелъ не о стихійномъ движеніи массъ подъ руководствомъ «соціалистической» внѣклассовой интеллигенціи, а о воспитаніи самосознанія этихъ массъ и подготовкѣ ея активнаго, сознательнаго выступленія. Воспитать же сознаніе этой массы можно было лишь выясняя положеніе различныхъ классовъ, раскрывая классовой характеръ требованій и вожделѣній каждой группы населенія, въ томъ числѣ и либераловъ. Либераловъ соціалдемократы не щадили; съ самаго начала они выступали противъ нихъ на каждой вечеринкѣ, на каждой студенческой сходкѣ. Понятно поэтому, что при такихъ условіяхъ трудно было разсчитывать на какую-нибудь матерьяльную поддержку со стороны. либеральной буржуазіи.

А между тѣмъ нужда въ деньгахъ была страшная. Изъ-за денегъ иногда останавливалась типографія, не на что, бывало, купить бумагу, нанять конспиративную квартиру. Недостатокъ въ деньгахъ нерѣдко также бывалъ причиною проваловъ. Такъ провалъ первой московской типографіи несомнѣнно произошелъ отъ того, что, благодаря отсутствію средствъ, организація не имѣла возможности во время перемѣнить квартиру, на которой стоялъ типографскій станокъ и о которой было извѣстно, что она прослѣжена полиціей. Съ вопросомъ о деньгахъ, кромѣ того, былъ тѣсно связанъ еще одинъ очень важный вопросъ, это вопросъ о выпискѣ и выпускѣ литературы; а между тѣмъ, единственнымъ денежнымъ источникомъ въ то время были членскіе взносы, урѣзываніе личныхъ потребностей, да какія-нибудь ничтожныя финансовыя операціи, вродѣ лотерей, перепродажи книгъ и т. п. Недостатокъ литературы, само собой разумѣется, долженъ былъ восполняться усиленіемъ устной агитаціи, при которой все чаще и чаще приходилось игнорировать конспиративныя правила первыхъ временъ кружковой дѣятельности.

Если раньше кружки составлялись по строгому выбору лично знакомыхъ другъ съ другомъ рабочихъ, то теперь нерѣдки были случаи, когда агитаторы шли ко всѣмъ рабочимъ, напримѣръ, въ спальни фабричныхъ казармъ. Съ тою же

цѣлью устраивались массовыя сходки на гуляньяхъ, а также нѣчто въ родѣ рабочихъ клубовъ, какими являлись, напримѣръ, ресторанъ «Россія» въ Одессѣ и Аненгофская роща въ Москвѣ. Во время стачекъ или даже волненій среди рабочихъ соціалдемократическіе агитаторы обращаются уже непосредственно ко всей массѣ рабочихъ. Такъ, въ Раменской мануфактурѣ подъ Москвой на Пасхѣ ораторъ говоритъ сначала въ биткомъ-набитомъ кабакѣ, а затѣмъ, когда кабакъ оказывается не въ состояніи вмѣстить всѣхъ желающихъ слушать, собраніе переносится въ лѣсъ. Патрули охраняютъ собраніе отъ фабричныхъ хожалыхъ, рабочіе же пропускаются всѣ.

XI.

30 апрѣля 1895 года Московская организація рѣшается, наконецъ, произвести смотръ организованнымъ рабочимъ и сообща отпраздновать впервые 1-ое мая. До того 1-ое мая праздновалось въ Россіи (не считая Польши) лишь въ Петербургѣ въ 91 г. и въ Вильнѣ—въ 92 г. Въ обоихъ этихъ случаяхъ празднованіе носило чисто кружковой, строго законспирированный характеръ. Были созваны всѣ болѣе или менѣе сознательные кружковые рабочіе—въ Петербургѣ человѣкъ 200, въ Вильнѣ человѣкъ 100. Это былъ своего рода экзаменъ, годичный торжественный актъ для прошедшихъ соціалдемократическую школу рабочихъ. И надо отдать справедливость, что говорившіе на этихъ двухъ маевкахъ рабочіе доказали, что русскій пролетаріатъ въ состояніи выдѣлить изъ своей среды свою собственную интеллигенцію. Сознательные рабочіе показали, что они понимаютъ, какимъ могучимъ орудіемъ въ ихъ рукахъ является знаніе Наше «оружіе»—говорилъ одинъ изъ петербургскихъ ораторовъ—есть знаніе историческихъ законовъ развитія человѣчества; намъ стоитъ только этимъ вооружить себя, тогда мы всюду побѣдимъ врага: никакія его притѣсненія и высылки на родину, заточеніе насъ въ тюрьмы и даже высылка въ Сибирь не отнимутъ у насъ этого оружія. Мы всюду найдемъ поле побѣды, всюду будемъ передавать свое знаніе: на родинѣ своимъ крестьянамъ, а въ тюрьмахъ будемъ объяснять арестантамъ, что они тоже люди и имѣютъ всѣ человѣческія права, чтобы они сознавали эти права, передавали свои знанія другимъ и организовали ихъ въ группы.

«Въ этомъ залогъ нашего успѣха!» *).

«... успѣхъ развитія и организаціи рабочихъ зависитъ исключительно отъ нашихъ знаній и нашей энергіи», **)— добавляетъ другой ораторъ-рабочій.

Рабочіе, говорившіе на петербургской маевкѣ, прекрасно понимаютъ, также что безъ сознательныхъ руководителей, вышедшихъ изъ рабочей среды, невозможно подойти къ массѣ; а такихъ руководителей должна дать работа въ кружкахъ. Считая, что «въ настоящее время намъ (соціалдемократамъ) остается только возможность заняться развитіемъ и организаціей рабочихъ», т. е. чисто кружковой работой, они въ то же время сознаютъ, что скоро наступитъ время, когда имъ придется свои знанія претворить въ дѣло и приступить къ активной борьбѣ за замѣну «существующаго экономическаго строя, дающаго широкій просторъ для произвольной кулаческой эксплуатаціи на болѣе лучшій и справедливый строй» ***). Петербургскіе рабочіе уже знаютъ, что путь къ соціализму ведетъ черезъ борьбу съ произволомъ, борьбу за политическія права. Въ одной изъ рѣчей намѣчается уже цѣлая соціалдемократическая программа — minimum ****). Итакъ, русскій пролетаріатъ въ лицѣ петербургскихъ рабочихъ уже въ 91 году блестяще сдалъ свой кружковой экзаменъ. Московская маевка 95 года должна была служить какъ бы экзаменомъ въ старшій классъ. Ей пришлось подвести итогъ двухлѣтней агитаціонной работѣ московской организаціи. По замыслу организаторовъ эта маевка должна была уже носить массовой характеръ и явиться официальнымъ праздникомъ московскаго пролетаріата. Всѣ болѣе или менѣе затронутые пропагандой и агитаціей рабочіе были заранѣе извѣщены о предполагаемомъ праздновании 1-го мая; по всѣмъ заводамъ широко разбрасывались первомайскіе листки. Предложеніе ознаменовать этотъ день забастовкой отклоняется лишь потому, что полиціи тогда будетъ очень легко выловить всѣхъ сознательныхъ рабочихъ; надежды же на то, что къ забастовкѣ пристанетъ вся масса рабочихъ, у организаціи не было. Въ виду этого постановлено было день празднованія перенести на воскресенье. Чтобы

*) Первое мая 1891 г. Четыре рѣчи рабочихъ. Женева. 1892. Стр. 1—2.

**) Тамъ же. Стр. 13.

***) Тамъ же. Стр. 8.

****) Тамъ же. Стр. 8—10.

избѣгнуть риска общаго провала, на «маевку» рѣшено было идти не всѣмъ, а лишь нѣсколькимъ человѣкамъ съ каждой фабрики или мастерской, по выбору организованныхъ. Организація употребила всѣ усилія, чтобы ни время, ни мѣсто собранія не были заранѣе извѣстны полиціи. И въ самомъ дѣлѣ, хотя полиція знала, что предполагается маевка, а «шпиги» ея старательно рыскали за всѣми наиболѣе замѣченными интеллигентами и рабочими, пронюхать ей такъ ничего и не удалось.

На маевку собралось свыше 250 рабочихъ, представлявшихъ до тридцати фабрикъ и заводовъ; интеллигентовъ было человѣкъ пять. За городомъ провели цѣлый день; тамъ раздавались прокламаціи трехъ родовъ и говорились рѣчи рѣзко-политическаго характера; а затѣмъ вечеромъ, съ пѣніемъ марсельезы и «Дубинушки», всей компаніей вернулись въ городъ. Эта официальная маевка 30 апрѣля должна была служить прелюдіей къ настоящей массовой маевкѣ. На слѣдующій день, 1-го мая на всѣхъ гуляньяхъ—въ Сокольникахъ, у Новодѣвичьяго монастыря и т. д. рабочіе кучками слушали разсказы тѣхъ, кто присутствовалъ на маевкѣ и читали листки, розданные на праздникѣ.

Слухъ о маевкѣ немедленно разошелся буквально по всему рабочему населенію Москвы. О томъ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ первый майскій праздникъ, можно судить хотя бы по слѣдующему примѣру. Одинъ старикъ-рабочій изъ мастерскихъ Московско-Курской ж. д., вернувшись съ праздника, созвалъ у себя сосѣдей и всю свою многочисленную семью, велѣлъ одному изъ внуковъ прочесть вслухъ листокъ—самъ онъ былъ неграмотный—и затѣмъ со слезами на глазахъ сталъ сравнивать этотъ листокъ съ манифестомъ 19 февраля. «Тогда царь далъ волю крестьянамъ, но воля та только называлась волей. Ничего мы не получили: землю нашу отняли, а сами мы изъ крѣпостныхъ помѣщика стали крѣпостными хозяина. Вотъ сегодня насъ зовутъ самихъ воевать за волю, и она будетъ ужъ покрѣпче той; сами мы добудемъ ее. Я хорошо помню, какъ читали намъ царскій манифестъ. Порадовались мы тогда—не понимали; только такой радости, какъ сегодня, я не упомню. Великое дѣло, когда понимаешь, что тебѣ дѣлать нужно, чего добиваться. А мы сегодня всѣ поняли. Наше это дѣло, будемъ стойко бороться. Пусть каждый, кто понялъ, скажетъ всѣмъ... пояснитъ, и другіе поймутъ. Наше кровное это дѣло!»

На маевкѣ было единогласно принято рѣшеніе немедленно же приступить къ осуществленію самой широкой организаціи. Проектъ организаціи былъ выработанъ центральной группой, а затѣмъ постепенно обсуждался и принимался на цѣломъ рядѣ собраній всѣми сознательными рабочими. Въ этомъ проектѣ уже рѣзко подчеркивается политическій характеръ организаціи, она должна служить зародышемъ будущей политической партіи. Относительно кассъ постановляется, что онѣ должны быть фабричными, а не раздѣляться по профессіямъ. На этомъ особенно настаивали представители хуже оплачиваемаго труда, въ особенности ткачи и прядильщики; они указывали, что рабочіе лучше оплачиваемыхъ профессій должны помогать своимъ хуже обставленнымъ товарищамъ. Рѣшено было взаимопомощь отодвинуть на задній планъ и пользоваться ею лишь какъ агитаціоннымъ средствомъ, главная же цѣль кассъ должна быть боевая. Онѣ должны доставлять средства на пріобрѣтеніе литературы, на помощь арестованнымъ и потерявшимъ работу на агитацію, на стачечный фондъ, и только остатки ото всѣхъ этихъ суммъ могутъ идти на оказаніе поддержки рабочимъ въ другихъ случаяхъ. Послѣдовательно проводилась мысль, что руководство движеніемъ должно принадлежать лишь вполнѣ сознательнымъ товарищамъ—безразлично, рабочимъ или интеллигентамъ. Предложеніе одного изъ авторовъ устава дать интеллигентамъ лишь совѣщательный голосъ было единогласно отклонено всѣми рабочими.

Организація приняла названіе «Московскаго рабочаго союза», но по всему своему характеру, по своимъ задачамъ и по способу выполненія этихъ задачъ это былъ не только «рабочій» союзъ, а вполнѣ «соціалдемократическій» союзъ. Правда, слово «соціалдемократическій» было опущено сознательно, но не потому, что организаторы союза желали сузить свои задачи, скрыть на время свой соціалдемократическій характеръ, а исключительно потому, что были убѣждены, что пропагандировать извѣстную идею во всей ея широтѣ можно и безъ употребленія словъ, могущихъ отпугнуть безсознательную массу. Московскіе соціалдемократы 95 года считали обязательнымъ для себя съ самаго начала вести наряду съ широкой экономической и политическую, а также соціалистическую агитацію; но вся предыдущая агитаціонная практика показала имъ, что, для успѣшности агитаціи, выясненіе идеи должно предшествовать усвоенію опредѣленныхъ выраженій, опре-

дѣленной терминологіи. Не упоминая, напримѣръ, ни слова о республикѣ, ограничиваясь лишь критикой существующаго монархическаго строя и обличеніемъ его порядковъ, удавалось въ самый короткій срокъ выработать изъ слушателей убѣжденныхъ республиканцевъ. Безо всякаго упоминанія о Богѣ или религіи, однимъ лишь выясненіемъ господствующихъ общественныхъ отношеній агитаторамъ нерѣдко случалось превращать даже самыхъ закоренѣлыхъ раскольниковъ - старообрядцевъ въ убѣжденнѣйшихъ атеистовъ. «Наши листки, говоритъ С. М., всегда встрѣчали горячій интересъ въ самой сѣрой массѣ; они были для нея понятны и касались ея наболѣвшихъ нуждъ. Благодаря нашей тактикѣ, успѣшно достигалась и цѣль политическаго воспитанія. Одинъ примѣръ развитія политическаго и религіознаго сознанія, достигнутаго тѣмъ, что мы начинали съ экономики, я приведу здѣсь. Одинъ рабочій говорилъ мнѣ, что наша тактика сравнительно съ прежней народовольческой, скорѣе приводитъ къ цѣли—развитія политическаго сознанія у рабочаго. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—разсказывалъ онъ,—жилъ я въ Тулѣ, на оружейномъ заводѣ; тамъ одинъ рабочій сталъ мнѣ говорить, что царя не надо. Бога нѣтъ. Я слушалъ - слушалъ его, да какъ дамъ ему по рожѣ, да и ушелъ отъ него; а вотъ какъ я прочелъ ваши листки, то я понялъ все правильно и о царѣ и о Богѣ». Другой рабочій прочиталъ брошюру Плеханова— «8-мичасовой рабочій день», въ которой очень мало говорится о политикѣ, и послѣ ея прочтенія тоже сталъ высказывать самымъ рѣзкимъ образомъ республиканскіе взгляды, и подобныхъ примѣровъ было много» *).

Желаніе не навязывать рабочимъ непонятную терминологію, а выяснять самую сущность понятій заставляло революціонеровъ-соціалдемократовъ употреблять болѣе скромные организаціонные ярлыки. И этотъ фактъ наблюдается не только въ одной Москвѣ. Въ Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Екатеринославѣ, Вильнѣ въ этотъ періодъ въ названіяхъ организацій точно такъ-же, какъ и въ названіяхъ выпущенныхъ или предполагаемыхъ къ выпуску органовъ мы нигдѣ почти не встрѣчаемъ эпитета «соціалистическій» или «соціалдемократическій», всюду преобладаетъ эпитетъ «рабочій».

Исходя изъ этого, Акимовъ считаетъ возможнымъ бросить

*) „Текущій моментъ", „На зарѣ раб. движ. въ Москвѣ", стр. 12.

упрекъ дѣятелямъ послѣдующаго (искровскаго) періода, что они «даже въ именахъ своихъ изданій постарались отграничить себя отъ «чисто рабочаго» дѣла» *). Но этими словами Акимовъ только лишній разъ доказалъ свое полное непониманіе какъ «чисто рабочаго», такъ и соціалдемократическаго дѣла въ особенности. Дѣятели перваго періода соціалдемократической работы, каковымъ мы считаемъ время съ начала агитаціи приблизительно до 1897 г.,—вели агитацію соціалдемократическую (а не только «чисто рабочую»), и съ благоговѣніемъ относились къ тому, что подразумѣвается подъ словомъ «соціалдемократъ», большинство же дѣятелей слѣдующаго періода (самымъ типичнымъ хранителемъ традицій котораго Акимовъ остался и до сихъ поръ), всуе упоминая эпитетъ «соціалдемократическій», на самомъ дѣлѣ вели лишь «чисто рабочую», т. е. тредъ-юніонистскую дѣятельность, которую они наивно смѣшивали съ соціалдемократической. Но объ этомъ рѣчь будетъ еще впереди.

Мы остановились на Московской организаціи болѣе подробно, потому что считаемъ ее самой типичной для перваго періода соціалдемократической работы. Движенію въ Москвѣ особенно благопріятствовало то обстоятельство, что въ теченіе трехъ лѣтъ работу здѣсь вела одна и та же группа интеллигентовъ и передовыхъ рабочихъ. Эта группа начала свою дѣятельность съ кружковъ и довела ее до широкой массовой агитаціи и попытки сорганизовать всю поднятую агитаціей массу. Въ томъ же духѣ велась работа и во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ Россіи. Правда, не всюду удавалось совершить весь путь, пройденный въ эти годы Москвой, но намѣченъ онъ былъ вездѣ одинъ и тотъ же: развить классовое сознаніе рабочихъ массъ и сорганизовать распропагандированныхъ рабочихъ. Развитіе соціалдемократической мысли шло параллельно съ ростомъ стихійнаго рабочаго движенія. Каждый изъ этихъ двухъ факторовъ вліялъ на другого и самъ подвергался его воздѣйствію.

Подъ вліяніемъ стихійной борьбы рабочихъ на почвѣ экономическихъ нуждъ, кабинетный марксизмъ превратился въ соціалдемократизмъ; въ свою очередь соціалдемократическія идеи, попавъ на благотворную почву страшнаго гнета, въ которомъ жилъ рабочій классъ, въ значительной мѣрѣ способствовали превращенію стихійнаго исканія выхода изъ этого угнетеннаго

*) Очерки разв. соц. демократіи въ Россіи, стр. 95, примѣч.

положенія, которое нерѣдко принимало самыя уродливыя формы (вродѣ погромовъ, фабричныхъ бунтовъ и т. п.) въ сознательное, организованное стачечное движеніе. «Въ это время (95 г.)— читаемъ мы въ брошюрѣ «Рабочее движеніе въ Иваново-Вознесскомъ районѣ—среди ивановскихъ рабочихъ (ткачей) еще существовала деревенская вѣра, что есть высшее начальство, которое покараетъ и казаковъ, и губернатора за устроенное ими побоище. Среди нѣкоторыхъ группъ рабочихъ подымался вопросъ объ отправкѣ жалобы къ московскому генералъ-губернатору. даже были намѣчены депутаты, но эта попытка не осуществилась. Черезъ два года послѣ этой стачки не было даже разговора о какихъ либо генералъ-губернаторахъ или великихъ князьяхъ, какъ о защитникахъ рабочихъ. Ивановцы уже доросли до мысли, что противъ ихъ враговъ—фабрикантовъ у нихъ нѣтъ защитниковъ, ибо на законныя и справедливыя требованія рабочихъ правительство всегда отвѣчаетъ прикладомъ, нагайками и пулями» *).

«До послѣдняго времени—говоритъ другая брошюра «Рабочее движеніе въ Екатеринославѣ»—рабочее движеніе въ городѣ Екатеринославѣ носило чисто стихійный характеръ. Будучи явленіемъ послѣднихъ 2—3 лѣтъ, это движеніе еще не успѣло создать передового слоя рабочей интеллигенціи, который могъ бы взять на себя организацію рабочей массы на борьбу противъ эксплуататоровъ и руководительство этой борьбой. Между тѣмъ, алчность нашихъ южныхъ горнопромышленниковъ не знаетъ предѣловъ. Милліонные дивиденды создаются путемъ обсчитыванія темныхъ и невѣжественныхъ рабочихъ, путемъ громадныхъ штрафовъ, смѣшенія поденной и поштучной платы и тому подобными уловками. Неудивительно, если при такихъ условіяхъ столкновенія между рабочими и администраціей заводовъ нерѣдко сопровождаются убійствами, поджогами, разрушеніемъ машинъ и зданій. И лишь за самое послѣднее время, подъ вліяніемъ пропаганды и агитаціи соціалдемократической рабочей интеллигенціи, эта борьба начинаетъ принимать все болѣе сознательный и организованный характеръ» **).

Уже стачка въ Порту въ Петербургѣ, стачки на машиностроительныхъ заводахъ въ Москвѣ, Виленская стачка поражаютъ своей выдержанностью, мирнымъ, но энергичнымъ

*) Женева, 1900 г. Стр. 17.
**) Женева. 1900 г. Стр. 2.

отстаиваніемъ своихъ интересовъ; это уже стачки наступательныя, стачки за улучшеніе своего положенія, стачки противъ попиранія своего человѣческаго достоинства.

Сознательное стачечное движеніе достигло своего апогея весной 1896 г., когда въ Петербургѣ сразу, какъ одинъ человѣкъ, забастовали около 40 тысячъ рабочихъ и продержались свыше трехъ недѣль. Эти 40 тысячъ рабочихъ выступили не только для того, чтобы улучшить свое собственное положеніе: въ нихъ уже есть сознаніе, что они борются за улучшеніе положенія всего рабочаго класса. И это сознаніе является несомнѣннымъ результатомъ предыдущей работы соціалдемократовъ. «Усилія петербургскихъ соціалдемократовъ,—какъ сообщаютъ въ 96 году русскіе делегаты Лондонскому международному соціалистическому конгрессу,—не пропали даромъ: брошеныя сѣмена дали богатую жатву. Въ средѣ рабочихъ создалась атмосфера, насыщенная духомъ недовольства и протеста. При такихъ-то условіяхъ возникла и разрослась колоссальная (на русскую мѣрку) стачка почти всѣхъ петербургскихъ бумагопрядиленъ,—стачка, сыгравшая крупнѣйшую роль въ исторіи не только петербурскаго, но и всего русскаго рабочаго движенія.

«Какъ извѣстно, русскіе промышленники, не безъ пріятности пріютившіеся подъ сѣнью русской протекціонной системы, всѣ, безъ исключенія, «патріоты своего отечества», пользующіеся всякой оказіей для выраженія своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. «Патріотами» явились они и во время недавнихъ коронаціонныхъ торжествъ. Ихъ «патріотизмъ» однако, быстро изсякъ, когда дѣло дошло до реальныхъ, хотя и незначительныхъ жертвъ, когда дѣло коснулось ихъ туго набитаго кошелька. Почтенные представители русской промышленности, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ, наотрѣзъ отказались удовлетворить требованія рабочихъ, настаивавшихъ на полученіи платы за коронаціонные дни, которые они «прогуляли» не по собственной винѣ. Такой отказъ получили, между прочимъ, рабочіе такъ называемой Екатерингофской мануфактуры, расположенной на одной изъ окраинъ Петербурга. Рабочіе этой мануфактуры обратились за помощью къ другимъ бумагопрядильнямъ и послали къ нимъ своихъ делегатовъ. Рабочіе цѣлаго ряда бумагопрядиленъ горячо отозвались на этотъ призывъ; было постановлено представителямъ разныхъ фабрикъ собраться на сходку и формулировать общія для всѣхъ бумагопрядиленъ требованія. Въ концѣ мая состоялось въ Екате-

рингофскомъ паркѣ собраніе делегатовъ; присутствовало на немъ человѣкъ сто—явленіе, совершенно необычайное для Петербурга и поражающее всякаго, хотя немного знакомаго съ полицейскимъ режимомъ русскаго государства. На этой сходкѣ подъ открытымъ небомъ были выставлены общія требованія всѣхъ занятыхъ въ бумагопрядильняхъ рабочихъ; они были затѣмъ формулированы въ прокламаціи, изданной «Союзомъ» и распространенной въ огромномъ количествѣ по всему Петербургу. Затѣмъ началась стачка.

«Приводимъ текстъ этой прокламаціи, подписанной «Союзомъ» 30 мая и озаглавленной: «Чего требуютъ рабочіе петербургскихъ бумагопрядиленъ».

Мы хотимъ,

1. Чтобы рабочій день у насъ вездѣ продолжался отъ 7 час. утра до 7 час. вечера, вмѣсто теперешнихъ отъ 6 ч. утра до 8 ч. вечера;

2. Чтобы обѣденное время длилось полтора часа и, такимъ образомъ, весь рабочій день продолжался $10^1/_2$ час. вмѣсто 12;

3. Чтобы расцѣнки вездѣ были повышены на одну копѣйку и, гдѣ можно, на двѣ коп. противъ нынѣшнихъ;

4. Чтобы шабашили по субботамъ вездѣ одновременно въ 2 часа;

5. Чтобы хозяева самовольно не останавливали машинъ и не пускали ихъ въ ходъ раньше времени;

6. Чтобы заработокъ за первую половину мѣсяца выдавали правильно и во-время, а не оттягивали;

7. Чтобы было сполна заплочено за коронаціонные дни.

«Въ теченіе нѣскольких дней стачка охватила 17 бумагопрядиленъ, вскорѣ примкнули еще 4, и, такимъ образомъ, за ничтожными исключеніями, всѣ петербургскія бумагопрядильни прекратили работу. Въ стачку вовлечено было отъ 30 до 40 тысячъ рабочихъ .

«Впечатлѣніе отъ стачки получилось потрясающее. Петербургское буржуазно-чиновничье общество, ошеломленное неожиданнымъ для него явленіемъ, задавало себѣ вопросъ: неужели и у насъ на Руси есть рабочій вопросъ? неужели и у насъ проснулся безпокойный духъ пролетарія, не дающій спать «гнилому Западу?» Въ особенное недоумѣніе приводило петербургскаго обывателя необычайное спокойствіе, дисциплина забастовавшей массы рабочихъ. Патрули казаковъ и усиленные патрули полицейскихъ передвигались въ рабочихъ кварталахъ

среди пустынныхъ улицъ, на которыхъ не было даже слышно обычнаго шума и гама. Тамъ, гдѣ собиралась толпа и говорились рѣчи, единичные призывы къ насилію встрѣчали отпоръ со стороны сознательныхъ рабочихъ. Толпа была спокойна, когда тотъ или другой мѣстный полицейскій чинъ обращался къ ней съ рѣчами, выхвалявшими заслуги фабрикантовъ, якобы въ потѣ лица своего трудящихся на общую пользу. Изумленный Петербургъ въ первый разъ заговорилъ о рабочемъ движеніи: стачку обсуждали, ее защищали, на нее нападали, о ней толковали всѣ, она у всѣхъ была на устахъ, даже у тѣхъ, кому впервые приходилось обращать вниманіе на подобнаго рода вопросы. А представители власти между тѣмъ не теряли времени: созвано было экстренное собраніе фабричнаго присутствія, на которомъ обсуждался вопросъ, что дѣлать; министръ финансовъ конфиденціально сообщилъ фабрикантамъ о готовности правительства поддержать ихъ; градоначальникъ обращался къ рабочимъ съ печатными воззваніями, тонъ которыхъ замѣтно понижался по мѣрѣ того, какъ стачка затягивалась, а рабочіе продолжали сохранять спокойствіе, на зло и удивленіе полиціи. Положеніе становилось угрожающимъ. Стачечное настроеніе заразительно. Ходили слухи, что рабочіе Путиловскаго и нѣкоторыхъ другихъ металлическихъ заводовъ не сегодня—завтра бросятъ работу,—а это было равносильно увеличенію числа стачечниковъ еще на нѣсколько десятковъ тысячъ. На писчебумажной фабрикѣ Варгунина было неспокойно. На Александровскомъ чугунномъ заводѣ рабочіе уже забастовали; но начальство поспѣшило ихъ успокоить, пообѣщавъ выполнить ихъ требованія. На огромной резиновой мануфактурѣ ходили листки, вызывая волненіе. Нужно было покончить со стачкой во что бы то ни стало. Тѣмъ болѣе что — неслыханное дѣло!—и з ъ-з а с т а ч к и самъ царь откладывалъ свой торжественный въѣздъ въ Петербургъ» *).

Сознаніе, что петербургскіе рабочіе борются за улучшеніе положенія всего рабочаго класса, заставило многихъ рабочихъ пойти на помощь своимъ борющимся товарищамъ, которая выражалась въ отчисленіяхъ ихъ заработковъ на поддержку стачечниковъ. Такія отчисленія и сборы въ пользу петербуржцевъ происходили повсюду, гдѣ только имѣлись организаціи и гдѣ

---

*) «Докладъ русск. соц.-дем—овъ Междун. раб. соц. конгр. въ Лондонѣ въ 1896 г.» Изд. «Союза русск. с.-д» Женева. Стр. 10—13.

только этимъ организаціямъ было извѣстно о стачкѣ — газетамъ было строго запрещено сообщать о забастовкѣ какія бы то ни было свѣдѣнія и правительственное сообщеніе о ней появилось лишь послѣ ея окончанія. Московскій союзъ выпустилъ, напримѣръ, въ это время двѣ прокламаціи, въ которыхъ приглашалъ московскихъ рабочихъ оказать товарищескую поддержку своимъ петербургскимъ братьямъ, борющимся за интересы всего рабочаго класса въ Россіи.

Характерны также стачки желѣзнодорожниковъ въ Москвѣ, которыя тоже совпали съ коронаціоннымъ временемъ. Выборъ момента стачки и включеніе въ число требованій требованія уплаты за коронаціонные дни придавали этимъ стачкамъ характеръ политическаго протеста. Распоряженіе министра путей сообщенія немедленно удовлетворить всѣ требованія рабочихъ (волновались главнымъ образомъ мастерскія) показало, что и само правительство поняло политическій характеръ волненій и поспѣшило уступками заглушить протестъ въ зародышѣ. Когда нибудь изъ архивовъ департамента полиціи будутъ извлечены показанія рабочихъ, массами попавшихъ въ 95—96 г. въ тюрьму, и изъ этихъ показаній можно будетъ увидѣть, насколько тогдашніе рабочіе проникнуты были соціалдемократическимъ сознаніемъ и какъ ясна для нихъ уже тогда была связь между политикой и экономикой.

Въ Москвѣ во время лѣтнихъ проваловъ 95 года была захвачена почти вся организація, въ томъ числѣ всѣ интеллигенты и самые передовые рабочіе. Но, несмотря на это, рабочіе, у которыхъ совершенно порвалась всякая связь съ интеллигенціей и которые совершенно лишены были поэтому возможности добывать нелегальную литературу, все-же продолжаютъ революціонную работу: сами пишутъ листки, сами печатаютъ ихъ въ легальныхъ типографіяхъ и тысячами распространяютъ по Москвѣ и окрестностямъ, устраиваютъ, наконецъ, сходки, на которыхъ присутствуютъ по нѣскольку сотъ человѣкъ. Оставшіеся безъ интеллигентныхъ руководителей рабочіе не мѣняютъ тактики, не отказываются отъ «политики». Въ своихъ прокламаціяхъ и на сходкахъ они продолжаютъ вести какъ экономическую, такъ и политическую агитацію. Этотъ фактъ показываетъ, что работа соціалдемократовъ не пропала даромъ и постановка ея не была искусственной. Идея необходимости политической борьбы отлично привилась въ рабочей средѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ ея слояхъ, которые были

вовлечены въ кругъ агитаціонной деятельности соціалдемократовъ. «Какъ на яркій признакъ пробужденія сознанія русскаго рабочаго класса — говорится въ докладѣ русскихъ делегатовъ Лондонскому конгрессу—укажемъ, наконецъ, на тотъ интересъ, съ которымъ читаются нашеми рабочими всѣ, попадающія въ русскія газеты извѣстія о движеніи западно-европейскаго пролетаріата; на празднованіе перваго мая, которое происходитъ на тайныхъ собраніяхъ русскихъ рабочихъ, и на тѣ привѣтствія, съ которыми рабочіе Петербурга и Москвы обратились въ нынѣшнемъ году къ французскому пролетаріату по поводу празднованія памяти Парижской Коммуны. На общей могилѣ борцовъ Коммуны, на кладбище Père-Lachaise, между другими многочисленными вѣнками были также вѣнки отъ русскихъ рабочихъ Москвы и Петербурга и отъ еврейскихъ рабочихъ организацій западной Россіи» *). Конечно, что касается широкой массы рабочихъ, то она, хотя и набрасывается съ жаромъ на соціалдемократическую литературу, но понять все, о чемъ говорится въ выпускаемыхъ соціалдемократами листкахъ и прокламаціяхъ она далеко еще не можетъ; она вылавливаетъ изъ нихъ лишь то, что является для нея или, вѣрнѣй, кажется ей наиболѣе близкимъ.

Какъ мы уже указывали, съ переходомъ къ широкой массовой агитаціи соціалдемократы всѣ были согласны между собой въ томъ, что агитація эта должна исходить изъ ближайшихъ нуждъ данныхъ рабочихъ. Въ этомъ отношеніи, несмотря на оторванность и разобщенность первыхъ соціалдемократическихъ организацій, царило полное единодушіе. Ни съ принципіальной, ни съ тактической точки зрѣнія разногласій между работавшими въ Москвѣ, Петербургѣ, Екатеринославѣ, Одессѣ, Нижнемъ и другихъ мѣстахъ не было. Задача и планъ ея выполненія у всѣхъ были одни и тѣ же; вопросъ могъ быть лишь въ способѣ проведенія плана.

Массовое движеніе рабочихъ, эпидемія забастовокъ, ихъ организованный сознательный характеръ, слухи о громадныхъ сходкахъ, о празднованіи перваго мая, наконецъ литература, въ особенности мѣстная агитаціонная литература—все это заставило наше правительство обратить усиленное вниманіе на рабочихъ. Въ рабочую среду отправляются цѣлые кадры

*) «Докл. рус. соц.-дем. Междун. раб. соц. конгрессу въ Лондонѣ въ 1896 г.» Стр. 20.

шпіоновъ, которые появляются всюду: на фабрикахъ, на заводахъ, въ трактирахъ, на гуляньяхъ, пролѣзаютъ даже въ кружки и на сходки. Но главныя усилія жандармовъ направляются прежде всего на интеллигентовъ. Въ городахъ марксисты наперечетъ; они извѣстны департаменту полиціи по прежнимъ выступленіямъ на студенческихъ и другихъ интеллигентскихъ вечеринкахъ. Ихъ арестовываютъ, при чемъ прежде всего попадаются не приставшіе къ активной работѣ марксисты - теоретики, а потомъ уже и болѣе опытные въ конспираціи практики—соціалдемократы.

Съ 95 года начинаются массовые аресты соціалдемократовъ въ Варшавѣ, Лодзи, Москвѣ, Петербургѣ, Ивановѣ-Вознесенскѣ, Нижнемъ, Екатеринославѣ, Одессѣ, Вильнѣ, Бѣлостокѣ, Самарѣ. Аресты эти продолжаются почти непрерывно. Арестовывается масса рабочихъ, а среди нихъ въ первую голову самые сознательные, самые активные. Громадное большинство соціалдемократовъ «перваго призыва» оказывается въ тюрьмѣ *). Жандармы и прокуроры хвастаютъ, что имъ удалось въ корнѣ задушить все соціалдемократическое движеніе, но при этомъ они съ удивленіемъ констатируютъ, что съ рабочимъ движеніемъ справиться было не такъ-то легко. На допросахъ московскій товарищъ прокурора Лопухинъ **) признавался, что, приступая къ дознанію, онъ и не предполагалъ, что соціалдемократы, несмотря на существованіе усиленнаго сыска, такъ много успѣли сдѣлать. Его поражала также высокая степень развитія простыхъ рабочихъ; нѣкоторыхъ онъ даже заподозрилъ въ томъ, что они интеллигенты, скрывающіеся подъ видомъ рабочихъ. Несомнѣнно, однако, что правительство, которое тратило цѣлые милліоны на организацію сыска и шпіонажъ и которое почти всю Россію держало на положеніи усиленной

---

*) Съ 94 по 96 г. возбуждается 726 политическихъ дѣлъ; по этимъ дѣламъ къ отвѣтственности привлекаются 3531 лицо. Въ это число вошли лишь тѣ лица, которыя подвергались взысканію въ тк. наз. судебно административномъ порядкѣ; масса же рабочихъ, высланныхъ за это время въ Сибирь, Сѣв. губерніи и на родину полицейско-административнымъ или охраннымъ порядкомъ, сюда не вошла.

**) Впослѣдствіи директоръ деп. полиціи при Плеве. Здѣсь вообще слѣдуетъ замѣтить, что правительство щедро вознаградило всѣхъ тѣхъ шпіоновъ, прокуроровъ и жандармовъ, которые вели первыя соціалдемократическія дѣла. Укажемъ хотя бы напр. на Зубатова, Лопухина, Гуровича, Пирамидова, Васильева и Гандера; всѣ они очень быстро сдѣлали карьеру и вышли „въ люди“.

упрекъ дѣятелямъ послѣдующаго (искровскаго) періода, что они «даже въ именахъ своихъ изданій постарались отграничить себя отъ «чисто рабочаго» дѣла» *). Но этими словами Акимовъ только лишній разъ доказалъ свое полное непониманіе какъ «чисто рабочаго», такъ и соціалдемократическаго дѣла въ особенности. Дѣятели перваго періода соціалдемократической работы, каковымъ мы считаемъ время съ начала агитаціи приблизительно до 1897 г.,—вели агитацію соціалдемократическую (а не только «чисто рабочую»), и съ благоговѣніемъ относились къ тому, что подразумѣвается подъ словомъ «соціалдемократъ», большинство же дѣятелей слѣдующаго періода (самымъ типичнымъ хранителемъ традицій котораго Акимовъ остался и до сихъ поръ), всуе упоминая эпитетъ «соціалдемократическій», на самомъ дѣлѣ вели лишь «чисто рабочую», т. е. тредъ-юніонистскую дѣятельность, которую они наивно смѣшивали съ соціалдемократической. Но объ этомъ рѣчь будетъ еще впереди.

Мы остановились на Московской организаціи болѣе подробно, потому что считаемъ ее самой типичной для перваго періода соціалдемократической работы. Движенію въ Москвѣ особенно благопріятствовало то обстоятельство, что въ теченіе трехъ лѣтъ работу здѣсь вела одна и та же группа интеллигентовъ и передовыхъ рабочихъ. Эта группа начала свою дѣятельность съ кружковъ и довела ее до широкой массовой агитаціи и попытки сорганизовать всю поднятую агитаціей массу. Въ томъ же духѣ велась работа и во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ Россіи. Правда, не всюду удавалось совершить весь путь, пройденный въ эти годы Москвой, но намѣченъ онъ былъ вездѣ одинъ и тотъ же: развить классовое сознаніе рабочихъ массъ и сорганизовать распропагандированныхъ рабочихъ. Развитіе соціалдемократической мысли шло параллельно съ ростомъ стихійнаго рабочаго движенія. Каждый изъ этихъ двухъ факторовъ вліялъ на другого и самъ подвергался его воздѣйствію.

Подъ вліяніемъ стихійной борьбы рабочихъ на почвѣ экономическихъ нуждъ, кабинетный марксизмъ превратился въ соціалдемократизмъ; въ свою очередь соціалдемократическія идеи, попавъ на благотворную почву страшнаго гнета, въ которомъ жилъ рабочій классъ, въ значительной мѣрѣ способствовали превращенію стихійнаго исканія выхода изъ этого угнетеннаго

---

*) Очерки разв. соц. демократіи въ Россіи, стр. 95, примѣч.

положенія, которое нерѣдко принимало самыя уродливыя формы (вродѣ погромовъ, фабричныхъ бунтовъ и т. п.) въ сознательное, организованное стачечное движеніе. «Въ это время (95 г.)— читаемъ мы въ брошюрѣ «Рабочее движеніе въ Иваново-Вознесскомъ районѣ—среди ивановскихъ рабочихъ (ткачей) еще существовала деревенская вѣра, что есть высшее начальство, которое покараетъ и казаковъ, и губернатора за устроенное ими побоище. Среди нѣкоторыхъ группъ рабочихъ подымался вопросъ объ отправкѣ жалобы къ московскому генералъ-губернатору. даже были намѣчены депутаты, но эта попытка не осуществилась. Черезъ два года послѣ этой стачки не было даже разговора о какихъ либо генералъ-губернаторахъ или великихъ князьяхъ, какъ о защитникахъ рабочихъ. Ивановцы уже доросли до мысли, что противъ ихъ враговъ—фабрикантовъ у нихъ нѣтъ защитниковъ, ибо на законныя и справедливыя требованія рабочихъ правительство всегда отвѣчаетъ прикладомъ, нагайками и пулями» *).

«До послѣдняго времени—говоритъ другая брошюра «Рабочее движеніе въ Екатеринославѣ»—рабочее движеніе въ городѣ Екатеринославѣ носило чисто стихійный характеръ. Будучи явленіемъ послѣднихъ 2—3 лѣтъ, это движеніе еще не успѣло создать передового слоя рабочей интеллигенціи, который могъ бы взять на себя организацію рабочей массы на борьбу противъ эксплуататоровъ и руководительство этой борьбой. Между тѣмъ, алчность нашихъ южныхъ горнопромышленниковъ не знаетъ предѣловъ. Милліонные дивиденды создаются путемъ обсчитыванія темныхъ и невѣжественныхъ рабочихъ, путемъ громадныхъ штрафовъ, смѣшенія поденной и поштучной платы и тому подобными уловками. Неудивительно, если при такихъ условіяхъ столкновенія между рабочими и администраціей заводовъ нерѣдко сопровождаются убійствами, поджогами, разрушеніемъ машинъ и зданій. И лишь за самое послѣднее время, подъ вліяніемъ пропаганды и агитаціи соціалдемократической рабочей интеллигенціи, эта борьба начинаетъ принимать все болѣе сознательный и организованный характеръ» **).

Уже стачка въ Порту въ Петербургѣ, стачки на машиностроительныхъ заводахъ въ Москвѣ, Виленская стачка поражаютъ своей выдержанностью, мирнымъ, но энергичнымъ

*) Женева, 1900 г. Стр. 17.
**) Женева. 1900 г. Стр. 2.

отстаиванiемъ своихъ интересовъ; это уже стачки наступательныя, стачки за улучшенiе своего положенiя, стачки противъ попиранiя своего человѣческаго достоинства.

Сознательное стачечное движенiе достигло своего апогея весной 1896 г., когда въ Петербургѣ сразу, какъ одинъ человѣкъ, забастовали около 40 тысячъ рабочихъ и продержались свыше трехъ недѣль. Эти 40 тысячъ рабочихъ выступили не только для того, чтобы улучшить свое собственное положенiе: въ нихъ уже есть сознанiе, что они борются за улучшенiе положенiя всего рабочаго класса. И это сознанiе является несомнѣннымъ результатомъ предыдущей работы соцiалдемократовъ. «Усилiя петербургскихъ соцiалдемократовъ,—какъ сообщаютъ въ 96 году русскiе делегаты Лондонскому международному соцiалистическому конгрессу,—не пропали даромъ: брошеныя сѣмена дали богатую жатву. Въ средѣ рабочихъ создалась атмосфера, насыщенная духомъ недовольства и протеста. При такихъ-то условiяхъ возникла и разрослась колоссальная (на русскую мѣрку) стачка почти всѣхъ петербургскихъ бумагопрядиленъ,—стачка, сыгравшая крупнѣйшую роль въ исторiи не только петербурскаго, но и всего русскаго рабочаго движенiя.

«Какъ извѣстно, русскiе промышленники, не безъ прiятности прiютившiеся подъ сѣнью русской протекцiонной системы, всѣ, безъ исключенiя, «патрiоты своего отечества», пользующiеся всякой оказiей для выраженiя своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. «Патрiотами» явились они и во время недавнихъ коронацiонныхъ торжествъ. Ихъ «патрiотизмъ» однако, быстро изсякъ, когда дѣло дошло до реальныхъ, хотя и незначительныхъ жертвъ, когда дѣло коснулось ихъ туго набитаго кошелька. Почтенные представители русской промышленности, по крайней мѣрѣ, многiе изъ нихъ, наотрѣзъ отказались удовлетворить требованiя рабочихъ, настаивавшихъ на полученiи платы за коронацiонные дни, которые они «прогуляли» не по собственной винѣ. Такой отказъ получили, между прочимъ, рабочiе такъ называемой Екатерингофской мануфактуры, расположенной на одной изъ окраинъ Петербурга. Рабочiе этой мануфактуры обратились за помощью къ другимъ бумагопрядильнямъ и послали къ нимъ своихъ делегатовъ. Рабочiе цѣлаго ряда бумагопрядиленъ горячо отозвались на этотъ призывъ; было постановлено представителямъ разныхъ фабрикъ собраться на сходку и формулировать общiя для всѣхъ бумагопрядиленъ требованiя. Въ концѣ мая состоялось въ Екате-

рингофскомъ паркѣ собраніе делегатовъ; присутствовало на немъ человѣкъ сто—явленіе, совершенно необычайное для Петербурга и поражающее всякаго, хотя немного знакомаго съ полицейскимъ режимомъ русскаго государства. На этой сходкѣ подъ открытымъ небомъ были выставлены общія требованія всѣхъ занятыхъ въ бумагопрядильняхъ рабочихъ; они были затѣмъ формулированы въ прокламаціи, изданной «Союзомъ» и распространенной въ огромномъ количествѣ по всему Петербургу. Затѣмъ началась стачка.

«Приводимъ текстъ этой прокламаціи, подписанной «Союзомъ» 30 мая и озаглавленной: «Чего требуютъ рабочіе петербургскихъ бумагопрядиленъ».

Мы хотимъ,

1. Чтобы рабочій день у насъ вездѣ продолжался отъ 7 час. утра до 7 час. вечера, вмѣсто теперешнихъ отъ 6 ч. утра до 8 ч. вечера;

2. Чтобы обѣденное время длилось полтора часа и, такимъ образомъ, весь рабочій день продолжался 10½ час. вмѣсто 12;

3. Чтобы расцѣнки вездѣ были повышены на одну копѣйку и, гдѣ можно, на двѣ коп. противъ нынѣшнихъ;

4. Чтобы шабашили по субботамъ вездѣ одновременно въ 2 часа;

5. Чтобы хозяева самовольно не останавливали машинъ и не пускали ихъ въ ходъ раньше времени;

6. Чтобы заработокъ за первую половину мѣсяца выдавали правильно и во-время, а не оттягивали;

7. Чтобы было сполна заплочено за коронаціонные дни.

«Въ теченіе нѣсколькихъ дней стачка охватила 17 бумагопрядиленъ, вскорѣ примкнули еще 4, и, такимъ образомъ, за ничтожными исключеніями, всѣ петербургскія бумагопрядильни прекратили работу. Въ стачку вовлечено было отъ 30 до 40 тысячъ рабочихъ.

«Впечатлѣніе отъ стачки получилось потрясающее. Петербургское буржуазно-чиновничье общество, ошеломленное неожиданнымъ для него явленіемъ, задавало себѣ вопросъ: неужели и у насъ на Руси есть рабочій вопросъ? неужели и у насъ проснулся безпокойный духъ пролетарія, не дающій спать «гнилому Западу?» Въ особенное недоумѣніе приводило петербургскаго обывателя необычайное спокойствіе, дисциплина забастовавшей массы рабочихъ. Патрули казаковъ и усиленные патрули полицейскихъ передвигались въ рабочихъ кварталахъ

зывается, съ пеленокъ. Но того полицейскаго рабства, которое свило себѣ гнѣздо въ «чертѣ еврейской осѣдлости», трудно себѣ представить даже и безправному обывателю центральныхъ губерній.

Реакція 80-хъ годовъ жестоко отомстила всему еврейству за тѣхъ отдѣльныхъ личностей изъ его среды, которыя украсили своими именами славную эпопею 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Въ лицѣ Побѣдоносцевыхъ, Игнатьевыхъ, Плеве и К° она сначала натравила на евреевъ темную христіанскую массу, организовавъ еврейскіе погромы, а затѣмъ всѣхъ ихъ загнала въ «черту осѣдлости», предоставивъ еврейской бѣднотѣ съѣдать другъ друга въ погонѣ за жалкой коркой хлѣба. Масса ремесленниковъ, которые до того кормились въ крупныхъ городахъ или находили себѣ заработокъ въ деревняхъ, гдѣ они нерѣдко являлись единственными представителями ремесла, теперь насильно скучиваются въ маленькихъ мѣстечкахъ и городкахъ. Здѣсь они утрачиваютъ свою прежнюю ремесленную самостоятельность и превращаются даже не въ наемныхъ рабочихъ, а сразу заполняютъ собой ряды громадной резервной арміи безработныхъ, готовыхъ отдать себя въ кабалу всякому, кто осчастливитъ ихъ предоставленіемъ работы и отдалитъ такимъ образомъ голодную смерть.

Что касается еврейской буржуазіи, менѣе всѣхъ пострадавшей отъ еврейскихъ погромовъ, то такъ или иначе она довольно быстро приспосабливается къ новымъ для нея условіямъ. Подобно тому, какъ это происходило въ средневѣковомъ «гетто», она за деньги покупаетъ себѣ свободу и гражданскія права. Гордые кокардоносцы, начиная съ губернатора и кончая послѣднимъ городовымъ или стражникомъ, очень скоро оказываются на постоянномъ жалованьи у еврейскихъ богатѣевъ и дружно содѣйствуютъ имъ въ эксплуатаціи еврейской массы. Еврейское духовенство, подобно всякому духовенству вообще, становится на сторону сильнаго, на сторону богатыхъ и власть имущихъ. Оно направляетъ всѣ свои усилія на то, чтобы окончательно заглушить въ и безъ того темной еврейской массѣ всякую человѣческую искру, всякую попытку борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей. Съ малыхъ лѣтъ, т. е. чуть ли не съ пятилѣтняго возраста, головы еврейскихъ мальчиковъ подвергаются обработкѣ въ такъ называемыхъ «гедерахъ», (еврейскихъ духовныхъ школахъ), гдѣ имъ прививаютъ восточный фатализмъ, надежду на Бога, какъ на единствен-

наго вершителя человѣческихъ судебъ и гдѣ въ нихъ съ первыхъ же шаговъ глушится даже самая малѣйшая искра протеста. Еврейскіе погромы, полицейскій гнетъ, экономическое рабство, — все это вызываетъ въ евреяхъ одни лишь стоны, слезы, жалобы, а не желаніе дать отпоръ бороться, отомстить насильникамъ. Богъ накажетъ жестокихъ обидчиковъ своего избраннаго народа; онъ же, т. е. народъ, долженъ терпѣливо ждать, пока не придетъ Мессія и не выведетъ его изъ новаго плѣненія вавилонскаго. И въ то время, какъ еврейская масса, страдающая отъ голода и болѣзней, оплеванная всякимъ, кому только не лѣнь, терпѣливо ждала своего Мессію, еврейская буржуазія, тоже ожидавшая его прихода, спѣшила, не теряя времени, превращать потъ и кровь своихъ нищихъ собратьевъ въ деньги и набивала ими свои карманы.

Трудно было даже предположить, что эта жалкая, забитая порабощенная масса сможетъ когда нибудь измѣниться, вступить на путь борьбы. Съ недовѣріемъ, какъ бы поневолѣ, приступили первые еврейскіе интеллигенты - марксисты къ пропагандѣ среди своихъ соплеменниковъ. Эти интеллигенты, подобно всѣмъ остальнымъ евреямъ, также загнаны были русскимъ правительствомъ въ черту осѣдлости. Сидѣть сложа руки они не могли и, въ ожиданіи благопріятнаго случая, когда явится возможность уйти въ крупные центры на настоящую работу, они занялись работой среди еврейскихъ пролетаріевъ.

«Первые еврейскіе социалдемократическіе кружки,—читаемъ мы въ «Матеріалахъ къ исторіи еврейскаго рабочаго движенія»,—возникаютъ въ Вильнѣ приблизительно около 1887 года. Первые интеллигенты-евреи, начавшіе пропаганду среди еврейскихъ рабочихъ, не думаютъ о созданіи спеціально еврейскаго рабочаго движенія. Прикованные къ «чертѣ» и лишенные возможности приложить свои молодыя силы къ русскому рабочему движенію, они волей-неволей начинаютъ работать въ еврейской средѣ, чтобы дать хоть нѣкоторый выходъ жаждѣ революціонной работы. Еврейскому рабочему движенію они придаютъ второстепенное значеніе; глаза ихъ обращены главнымъ образомъ на русскаго рабочаго, на котораго они возлагаютъ всѣ свои надежды и отъ котораго они ждутъ спасенія и для еврейскаго пролетаріата. Они даже считаютъ одной изъ своихъ главныхъ задачъ—созданіе возможно болѣе тѣсной связи между еврейскимъ и русскимъ рабочимъ движеніемъ. Пропаганду ведутъ

на русскомъ языкѣ; не знающихъ же русскаго—обучаютъ грамотѣ» *).

Кружковая дѣятельность, вопреки всѣмъ ожиданіямъ пошла хорошо. Жажда знанія оказалась очень сильной въ еврейской бѣднотѣ. Набитыя средневѣковымъ талмудистскимъ мусоромъ головы быстро очищаются положительными знаніями научнаго соціализма. Кружки растутъ, и соціалдемократы евреи начинаютъ проникаться увѣренностью въ возможности постановки прочной работы среди еврейскаго пролетаріата, который представляется имъ теперь благодарной почвой. Какъ и во всей остальной Россіи, въ первые кружки попадаютъ главнымъ образомъ сливки рабочихъ — рабочіе, знающіе русскій языкъ, воспитанные за чертой осѣдлости. Характеръ и методы пропаганды здѣсь ничѣмъ не отличаются отъ того, что мы видѣли уже въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, съ тою только разницей, что пропаганда въ чертѣ осѣдлости носитъ, пожалуй, болѣе кабинетный, болѣе догматическій характеръ, что объясняется отсутствіемъ здѣсь крупно-капиталистической промышленности. Трудовъ по изслѣдованію жизни ремесленниковъ-евреевъ не было вовсе, и теоретическія положенія марксизма приходилось поэтому иллюстрировать чуждыми примѣрами Западной Европы.

Вслѣдствіе вынужденнаго догматизма кружковъ, а также полнѣйшаго отсутствія стихійнаго движенія среди еврейскихъ ремесленниковъ, кружковая дѣятельность приняла здѣсь тотъ мертвенный, интеллигентскій характеръ, о которомъ мы упоминали уже въ одной изъ предыдущихъ главъ нашей работы. «Занятія ведутъ по старому, унаслѣдованному отъ предшественниковъ шаблону, занимаются естественной исторіей, географіей исторіей и политической экономіей. Пропаганда идей научнаго соціализма носитъ абстрактный характеръ безъ опредѣленныхъ конкретныхъ выводовъ для повседневной жизни. На этой пропагандѣ въ кружкахъ интеллигенція пока сосредоточиваетъ всѣ свои силы» **).

«92-ой годъ можетъ считаться началомъ массового рабочаго движенія въ Зап. краѣ, говоритъ Акимовъ.—Непосредственнымъ поводомъ для его проявленія послужило, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, очень маловажное событіе».

*) Вып. I, стр. 28.
**) «Матер. къ ист. евр. раб. движ.» Вып. I Стр. 29.

«Виленскій городской голова, въ пику ремесленной управѣ, приказалъ расклеить по городу объявленіе, что по закону Екатерины II рабочій день долженъ продолжаться въ ремесленныхъ заведеніяхъ не дольше двѣнадцати часовъ. Ремесленники повсюду заговорили о сокращеніи рабочаго дня до законныхъ предѣловъ, обсуждали вопросъ, какъ бы воспользоваться этимъ забытымъ закономъ» *).

Очень вѣроятно, что потребовалось такое постороннее и притомъ оффиціальное вмѣшательство, чтобы темная, забитая еврейская масса осмѣлилась заговорить о возстановленіи своихъ попранныхъ правъ. Цѣлый рядъ послѣдующихъ стачекъ въ различныхъ профессіяхъ начинается съ требованія «законнаго» права на двѣнадцатичасовой рабочій день.

Эта стихійная стачечная борьба и послужила той почвой, на которой могло, наконецъ, произойти сближеніе сознательныхъ соціалдемократовъ съ безсознательной массой. Но для того, чтобы проникнуть въ эту массу, чтобы повлíять на нее, нужно было радикально измѣнить характеръ проповѣди. Отвлеченный, кабинетный характеръ кружковыхъ занятій могъ быть годенъ для небольшого числа передовыхъ, уже болѣе или менѣе сознательныхъ рабочихъ, для массовой же агитаціи онъ не годился. Къ массѣ нужно было подойти съ проповѣдью болѣе конкретнаго свойства или, вѣрнѣе, съ конкретнымъ, понятнымъ для нея предложеніемъ. Такимъ конкретнымъ предложеніемъ могли явиться кассы. Онѣ не были новостью у еврейскихъ ремесленниковъ: со временъ цеховъ въ цѣломъ рядѣ профессій сохранились еще кассы взаимопомощи подмастерьевъ. «Среди рабочихъ (еврейскихъ),—говоритъ Акимовъ**),—изстари существовали кассы для поддержки борьбы противъ хозяевъ за улучшеніе условій труда; можетъ быть, даже эти организаціи ведутъ свое начало отъ временъ существованія въ Польшѣ и Германіи цеховъ, въ которые не принимались еврейскіе рабочіе; по крайней мѣрѣ, нѣкоторые обычаи этихъ кассъ напоминаютъ цехи: торжественный обрядъ принятія новыхъ членовъ, ежегодный цеховой праздникъ, храненіе въ глубокой тайнѣ всѣхъ дѣлъ общества. Одинъ свѣдущій въ этомъ вопросѣ писатель нашелъ въ Могилевѣ очень старыя кассовыя книги, принадлежавшія организаціи, не допускавшей въ свои

---

*) «Оч. разв. соц.-демократіи въ Россіи» Стр. 13.
**) «Оч. разв. соц.-демократіи въ Россіи» Стр. 15.

члены хозяевъ. Одинъ мой товарищъ встрѣтилъ въ Житомірѣ старую тайную организацію рабочихъ, которымъ удалось добиться значительнаго улучшенія своего быта долгой, упорной борьбой, исторія которой свято хранится въ преданіяхъ; когда къ нимъ явились пропагандисты-соціалисты, они были встрѣчены очень враждебно. Въ Лодзи старая профессіональная организація «Ахдусъ» («солидарность») пользовалась такой репутаціей, что это имя стало нарицательнымъ для организованныхъ рабочихъ и даже вообще для всѣхъ сознательныхъ рабочихъ».

Вопреки мнѣнію Акимова, можно съ увѣренностью сказать, что описываемыя имъ кассы ничего общаго съ кассами борьбы не имѣли; это были типичныя цеховыя кассы на случай похоронъ, болѣзней и временной безработицы. Когда соціалдемократы, въ цѣляхъ сближенія съ массой, стали проникать въ эти кассы, то какъ это, впрочемъ указываетъ и самъ Акимовъ, они встрѣтили тамъ отпоръ. И нужно было, чтобы уже началась стихійная экономическая борьба,—борьба вначалѣ неудачная, кончавшаяся пораженіемъ рабочихъ, чтобы они поняли необходимость превращенія этихъ кассъ взаимопомощи въ стачечныя, боевыя кассы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наряду съ кассами взаимопомощи, отличавшимися особой консервативностью, приходилось даже устраивать свои особыя боевыя кассы.

Но стачечная борьба, разъ она уже возникла, стала распространяться съ неимовѣрною быстротой. Въ одномъ Минскѣ, по свидѣтельству доклада Бунда Парижскому конгрессу, за одно двухлѣтіе 94—96 г. было 45 стачекъ; за это же время въ Вильнѣ было 56 стачекъ, въ которыхъ принимало участіе 27 профессій. Каждая стачка создаетъ и боевую кассу. Въ 1895 году въ Вильнѣ насчитывается уже 850 сорганизованныхъ вокругъ кассъ рабочихъ, а въ Минскѣ—870. «Волна движенія разливается все шире и захватываетъ все новые города и районы. Просыпается щетинный районъ (Вилковишки, Креславка, Выстинецъ), начинается движеніе въ Брестъ-Литовскѣ, въ Бѣлостокѣ. Кассы борьбы растутъ, какъ грибы. Усиливается и стачечное движеніе, и стачки считаются уже теперь десятками» *).

Мало по малу отдѣльныя кассы начинаютъ соединяться

*) «Матер. къ исторіи евр. раб. движ.» Вып. I. Стр. 50.

между собой, создаются организаціи цѣлой профессіи. Вотъ исторія одной изъ такихъ организацій: «Когда въ щетинномъ районѣ началось движеніе за 12-час. раб. день, агитаторы-щетинщики собрались для обсужденія вопроса «о значеніи борьбы за 12-час. раб. день и за отмѣну посредничества для щетинщиковъ всего края» (щетинщиковъ въ нашемъ краѣ нѣсколько тысячъ челов.). На собраніи было выработано нѣсколько положеній, которыя легли въ основаніе брошюры, спеціально-написанной на вышеозначенную тему. Такимъ образомъ были впервые выработаны общіе пункты борьбы для всего щетиннаго района. Не доставало лишь общей организаціи, которая бы объединила всѣхъ щетинщиковъ въ ихъ борьбѣ. Хотя пока такой организаціи еще нѣтъ, щетинщики фактически во всѣхъ серьезныхъ случаяхъ дѣйствуютъ сообща и даже съѣзжаются для обсужденія вопросовъ о своей борьбѣ и тактикѣ. На этомъ небольшомъ съѣздѣ было впервые заложено основаніе для будущаго «Всеобщаго союза рабочихъ щетинщиковъ въ Польшѣ и Литвѣ» *).

Уже въ 1896 г. «на интернаціональномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Лондонѣ еврейскій пролетаріатъ былъ представленъ четырьмя делегатами—отъ Варшавы, Вильны, Минска и Сморгони, гдѣ вмѣстѣ было организовано свыше 3.000 еврейскихъ рабочихъ» **).

Итакъ, рабочее движеніе въ Сѣверо-Западномъ краѣ стало несомнѣннымъ фактомъ. Небольшіе Виленскій и Минскій кружки изъ передовыхъ рабочихъ и нѣсколькихъ интеллигентовъ разрослись въ стройное и сильное рабочее движеніе.

Мы видѣли, что во всей остальной Россіи ростъ стихійнаго рабочаго движенія не оказалъ никакого принижающаго дѣйствія на соціалдемократическую сознательность руководителей. Намѣченная въ кружкахъ соціалдемократическая тактика, при выступленіи передъ массами, только получила свое осуществленіе на дѣлѣ. Какъ-же обстояло въ этомъ отношеніи дѣло въ районѣ «Бунда»?

«Группа интеллигентовъ, получившая революціонное крещеніе отъ народовольцевъ и принявшая затѣмъ соц.-дем. принципы, пытается вызвать рабочій классъ къ политической жизни путемъ пропаганды своихъ идей въ кружкахъ рабочихъ. Это

---

*) «Мат. къ ист. евр. раб. движенія». Вып. I Стр. 52—53.
**) То же Стр. 57.

средство оказалось недѣйствительнымъ: широкіе слои рабочаго класса остались недоступны пропагандѣ»... «они (евр. соц.-демократы) были чужды... рабочему классу, и потому ихъ страстное желаніе вести еврейскій пролетаріатъ къ его великимъ задачамъ не могло не остаться тщетнымъ» *). Но вскорѣ соціалдемократы одумались и поняли, что «стихійная борьба пролетаріата ведетъ къ тому самому исходу, который сознательно выбралъ себѣ соціалдемократъ и призналъ своимъ идеаломъ»... «Развитіе движенія, какъ фатумъ, отодвигало на второй планъ культурническую работу революціонеровъ» **).

Вотъ какъ, по Акимову, совершался у еврейскихъ соціалдемократовъ поворотъ отъ кружковой дѣятельности къ агитаціи; но даже и по его мнѣнію дѣло при этомъ не обошлось «безъ суженія задачъ соціалдемократіи ради возможности руководить широкими массами пролетаріата» ***).

Мы уже знаемъ, что появившаяся въ 1894 году брошюра «Объ агитаціи» формулировала совершающійся переходъ отъ кружковщины къ агитаціонной дѣятельности. Мы знаемъ также, что эту брошюру привѣтствовали всѣ тогдашніе соціалдемократы, привѣтствовали главнымъ образомъ за тѣ практическія указанія, которыя авторъ ея даетъ агитаторамъ. Когда брошюра «Объ агитаціи» вскорѣ послѣ ея написанія появилась въ Нижнемъ, то тамъ она вызвала нѣкоторое недоумѣніе, такъ какъ члены нижегородской организаціи вычитали въ ней временный отказъ отъ политической борьбы. Узнавъ, что Московская организація собирается издать эту брошюру, они посылаютъ въ Москву спеціальнаго человѣка съ требованіемъ выяснить вызвавшій сомнѣніе пунктъ. На состоявшемся совѣщаніи сначала Московской организаціи, въ присутствіи нижегородскего делегата, а затѣмъ организаціи Нижегородской, въ присутствіи московскаго делегата, вопросъ о политической борьбѣ былъ подвергнутъ подробнѣйшему обсужденію; и тутъ и тамъ рѣшено было ни въ коемъ случаѣ не откладывать политическую агитацію и не отдѣлять ее отъ экономической. Что же касается брошюры «Объ агитаціи», то было постановлено при изданіи ея исправить или, точнѣй, комментировать тѣ мѣста ея, которыя, какъ предполагалось, были вызваны особыми мѣстными условіями

---

*) Акимовъ. «Оч. разв. соц.-демокр. въ Россіи». Стр. 12—13.
**) То-же стр. 17—18.
***) «Оч. разв. соц.-демократіи въ Россіи». Стр. 18.

работы среди еврейскихъ ремесленниковъ и могли дать поводъ къ сомнѣніямъ. Единогласно всѣ пришли къ тому заключенію, что экономическая борьба въ Россіи должна носить политическій характеръ *). Таково было общее мнѣніе всѣхъ работавшихъ тогда въ Россіи. «Первые соціалдемократы этого періода,—говоритъ одинъ изъ видныхъ практическихъ работниковъ того времени, Ленинъ,—усердно занимаясь экономической агитаціей (и вполнѣ считаясь въ этомъ отношеніи съ дѣйствительно полезными указаніями тогда еще рукописной брошюры «Объ агитаціи»), не только не считали ее единственной своей задачей, а, напротивъ, съ самаго начала выдвигали самыя широкія историческія задачи русской соціалдемократіи вообще и задачу ниспроверженія самодержавія въ особенности» **).

Точно такой же взглядъ на задачи соціалдемократовъ, какой выражали первые соціалдемократы всей остальной Россіи, былъ и у виленскихъ товарищей, въ томъ числѣ и у автора брошюры «Объ агитаціи». Но причислить къ числу этихъ первыхъ сознательныхъ соціалдемократовъ оратора на майскомъ собраніи агитаторовъ въ Вильнѣ въ 95 г. мы ни въ коемъ случаѣ не считаемъ возможнымъ. Его рѣчь «Поворотный пунктъ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія» показываетъ, насколько сильно работа среди ремесленной массы успѣла уже принизить соціалдемократическое сознаніе руководителей. Въ своей рѣчи ораторъ привѣтствуетъ болѣе демократическій и матеріалистическій характеръ, принятый движеніемъ еврейскихъ рабочихъ. «Демократическій характеръ теперешняго періода нашего движенія сравнительно съ прошлымъ,—говоритъ онъ,—заключается въ томъ, что мы свою программу, свою тактику, свою борьбу приспособили къ массѣ» (курсивъ подлинника) ***).

Московскіе, петербургскіе, екатеринославскіе и другіе товарищи, перейдя къ агитаціи, приспособили къ массамъ свою борьбу и, пожалуй, еще тактику, но программа осталась у нихъ

---

*) Къ сожалѣнію, у меня подъ руками не имѣется изданнаго въ Москвѣ гектографированнаго экземпляра этой брошюры, и потому я съ точностью не могу указать, какія именно исправленія были сдѣланы въ ней; но, какъ участникъ и московскаго, и нижегородского совѣщаній, помню, что дѣло касалось главнымъ образомъ невозможности «чисто экономической» борьбы.

**) Ленинъ, «Что дѣлать». Stuttgart. 1902, стр. 21

***) «Мат. къ ист. евр. раб. движ». Стр. 145—146.

неприкосновенной; приспособлять ее къ потребностямъ массы они не могли и не желали. Они не могли также согласиться съ вульгарнымъ пониманіемъ роли соціалистовъ, выраженнымъ хотя бы въ слѣдующихъ положеніяхъ виленскаго оратора. «Политическаго движенія мы ожидаемъ не отъ того времени, когда намъ удастся убѣдить массу, что наши политическіе идеалы справедливы, а тогда, когда въ массѣ выработаются, вслѣдствіе экономическаго развитія, политическія потребности». Соціалдемократамъ нечего, по его мнѣнію, развивать классовое самосознаніе массы, нечего проповѣдывать идею соціализма: — «вѣра во всемогущество нашихъ идей и теорій—это идеалистическое міровоззрѣніе». «Если исторія движется борьбой классовъ, то роль идей въ исторіи заключается лишь въ выраженіи и освѣщеніи матеріальныхъ потребностей» *). Слѣдовательно, если масса въ данную минуту борется за 12-часовой рабочій день, было бы «идеалистично», «буржуазно», «недемократично» толковать ей о политикѣ, о 8-мичасовомъ рабочемъ днѣ, о классовой борьбѣ вообще, о соціализмѣ, словомъ—обо всемъ томъ, что не вытекаетъ непосредственно изъ ея ближайшихъ потребностей. Вѣдь только «мыслящее меньшинство живетъ преимущественно идейной жизнью, борется не за лучшее матеріальное положеніе, а за торжество той или другой идеи». Въ противоположность ему, «для массы матеріальныя потребности являются самыми важными» **). «Тотъ взглядъ, что для экономическаго освобожденія пролетаріата первое условіе—его умственное и нравственное развитіе,—этотъ взглядъ есть нечто иное, какъ отраженіе въ головѣ рабочаго обыкновеннаго буржуазнаго взгляда, что экономическое превосходство буржуа надъ рабочими есть слѣдствіе его болѣе высокого умственнаго и нравственнаго развитія. Каждый образованный буржуа подпишется подъ программой нашихъ противниковъ, что прежде, чѣмъ думать объ улучшеніи своего положенія, работникъ долженъ стать развитою личностью—онъ даже дастъ вамъ двугривенный и старую азбуку для этой благой цѣли» ***).

Противники виленскаго оратора словами автора брошюры «Объ агитаціи» возражали ему, что агитаторъ «долженъ идти шагомъ дальше, чѣмъ пойдетъ масса, онъ долженъ освѣтить

*) «Мат. къ ист. евр. раб. движ.». Стр. 149—150.
**) Тамъ-же. Стр. 148.
***) «Мат. къ ист. евр. раб. движ.». Стр. 150—151.

въ ея глазахъ ея борьбу, объяснивъ ея значеніе съ болѣе общей точки зрѣнія противоположности интересовъ, долженъ такимъ образомъ «расширять горизонтъ массы» *). Другими словами, онъ долженъ стихійно-возникающую борьбу освѣщать съ классовой точки зрѣнія. А для этого прежде всего необходимо, чтобы самъ онъ былъ соціалдемократомъ и обладалъ знакомствомъ съ теоріей, которая, правда, какъ и всякая другая теорія «создалась на почвѣ матеріальныхъ потребностей даннаго класса» **), а въ нашемъ случаѣ пролетаріата, но далеко еще не сознана имъ. «Утопично предполагать,—говоритъ далѣе авторъ брошюры «Объ агитаціи»,—что русскіе рабочіе въ общей своей массѣ могутъ повести политическую борьбу, если только не выяснить съ достаточной убѣдительностью необходимость ея въ ихъ собственныхъ интересахъ». Но кто-же долженъ выяснить это? Виленскій ораторъ полагаетъ, что это сдѣлаетъ сама жизнь, такъ какъ «нравственность и самосознаніе рабочаго класса создается въ процессѣ развитія экономической борьбой» ***), стало быть пропагандисту и агитатору дѣлать здѣсь совершенно нечего. Разъ политическая борьба не является еще потребностью массъ, то и говорить о ней незачѣмъ, иначе эта масса окажется «пассивнымъ стадомъ, не играющимъ никакой сознательной роли и слѣпо идущимъ за тѣмъ либо инымъ пастухомъ». Поэтому нѣтъ надобности и развивать самосознаніе отдѣльныхъ рабочихъ, проводить ихъ черезъ пропагандистскіе кружки, готовить изъ нихъ руководителей массового движенія, такъ какъ это будетъ лишь «распространеніе... идеи между критически мыслящими личностями и содѣйствіе выработки такихъ личностей», что вовсе нежелательно, потому что это являлось-бы „аристократизмомъ буржуазной интеллигенціи, нераздѣльно связанной съ ея идеализмомъ, вѣрой въ то, что исторіей двигаютъ идеи“ ****).

Первые соціалдемократы, въ томъ числѣ и авторъ брошюры „Объ агитаціи“, котораго уже никоимъ образомъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ кружковщинѣ, не соглашались съ виленскимъ ораторомъ. Въ брошюрѣ «Объ агитаціи» говорится: «Мы не признаемъ ни одной изъ крайностей: ни оторваться отъ практической почвы и только учиться, ни агитировать въ

*) «Объ агитаціи» Женева 1896 г.
**) Тамъ-же.
***) «Мат. къ исторіи евр. раб. движ.», стр. 151.
****) Тамъ-же. Стр. 149.

массѣ, не занимаясь въ то-же время теоретически. Лишь параллельная дѣятельность, восполненіе одного другимъ, даетъ дѣйствительную подготовку и вырабатываетъ прямыя убѣжденія».

Несогласными съ виленскимъ товарищемъ оказалось и большинство спропагандированныхъ рабочихъ. «Среди рабочихъ,— пишетъ Акимовъ *),—шло какое-то броженіе, свидѣтельствовавшее о томъ, что ихъ не удовлетворяетъ дѣятельность ихъ идеологовъ, учителей.

«Спропагандированные рабочіе съ Абрамомъ, рѣзчикомъ, во главѣ объяснили свое недовольство переходомъ революціонеровъ къ агитаціи. Они не поняли глубокаго смысла этого измѣненія тактики; имъ казалось, что, отказываясь отъ кружковой пропаганды, интеллигенція оставляетъ свою культурную роль, хочетъ воспользоваться безсознательнымъ стихійнымъ движеніемъ массы, смотритъ на рабочихъ, какъ на пушечное мясо». Вполнѣ сочувствующій «глубокому смыслу этого измѣненія тактики» Акимовъ, само собой разумѣется, обрушивается на сознательныхъ рабочихъ. «Кружковые рабочіе,—пишетъ онъ,—оказались менѣе демократичны, чѣмъ революціонеры изъ интеллигенціи; они чувствовали себя выше массы и ихъ коробило появленіе на сходкахъ некультурнаго рабочаго; поэтому отъ движенія устранились цѣлыя ремесла, какъ, напр., наборщики, которые прежде были впереди» **).

Не вѣрнѣе-ли будетъ предположить, что эта оппозиція передовыхъ рабочихъ объяснялась не ихъ «аристократизмомъ», а большей сознательностью, большей соціалдемократичностью, чѣмъ у ихъ новыхъ учителей? Не повторилось-ли въ данномъ случаѣ то же явленіе, которое отмѣтилъ Плехановъ, говоря о Сѣверно-русскомъ рабочемъ союзѣ? «Отвѣтъ Сѣверно-русскаго рабочаго союза редакціи «Земли и Воли» показалъ, что по крайней мѣрѣ члены этого союза раньше нашей «интеллигенціи» поняли всю неумѣстность «политическаго невмѣшательства рабочаго класса» ***). Самъ Акимовъ вынужденъ былъ признать, что оппозиція виленскихъ сознательныхъ рабочихъ являлась протестомъ противъ односторонняго увлеченія агитаціей, противъ суженія задачъ соціалдемократіи ради возможности руководить широкими массами пролетаріата.

---

*) «Оч. разв. соц. демократіи въ Россіи» стр. 18.
**) Тамъ-же.
***) «Соціализмъ и полит. борьба» Спб. 1906 г. Стр. 41.

«Недовольство новой тактикой выразилось, однако, не только въ идеализаціи предыдущаго періода кружковщины. Недовольны ею были также и предвозвѣстники новой фазы движенія. Они находили, что экономическая борьба не должна являться исключительнымъ предметомъ заботъ соціалдемократіи, что надо также пользоваться каждымъ случаемъ для «политической агитаціи» *).

Но поворотъ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія совершился. Въ 1895 г. на еврейскихъ соціалдемократовъ обрушивается тяжесть правительственнаго вниманія. За арестами въ Бѣлостокѣ слѣдуютъ аресты въ Вильнѣ, Лодзи и Варшавѣ. Основатели работы среди еврейскаго пролетаріата попадаютъ въ тюрьму, идутъ въ ссылку, а ихъ мѣста занимаются единомышленниками автора «Поворотнаго пункта»; «прекращается виленская оппозиція, становятся на почву агитаціонной тактики и поднимаютъ самую широкую агитацію въ массѣ. Организуются профессіональные союзы и кассы борьбы»)*) и,—добавимъ мы отъ себя,—на время во всемъ районѣ Сѣверо-западнаго края прекращается соціалдемократическое движеніе, уступая мѣсто движенію „чисто рабочему" т. е. тредъ-юніонистскому и притомъ сильно окрашенному въ узко-національный цвѣтъ.

Переходъ къ широкой агитаціонной работѣ среди еврейской ремесленной массы, настроеніе которой, какъ и настроеніе всего угнетеннаго еврейскаго народа, было рѣзко націоналистично, заставило новыхъ руководителей движенія, не отличавшихся, какъ мы видѣли, строгой соціалдемократической выдержкой, вступить на путь компромисса и удариться въ шовинизмъ. Само собой разумѣется, что мы никоимъ образомъ не можемъ считать компромиссомъ тотъ фактъ, что первые еврейскіе соціалдемократы въ массовой агитаціи стали прибѣгать къ еврейскому жаргону. Это было необходимо, потому что вести широкую агитацію на языкѣ, непонятномъ массамъ, было немыслимо. Но приступить къ агитаціи на еврейскомъ жаргонѣ не значило еще начать «еврейскую» агитацію. И первые соціалдемократы такой агитаціи не вели, они усердно боролись противъ палестинофильствующихъ буржуазныхъ интеллигентовъ, которые какъ разъ въ то время стали расширять

*) «Оч. разв. с. демокр. въ Россіи» стр. 18.
**) «Мат. къ ист. евр. раб. движ.» стр. 44.

свою дѣятельность среди еврейскаго народа. Имъ (соціалдемократамъ) было ясно, что пролетаріатъ всѣхъ національностей, входящихъ въ Россію, объединенный однимъ общимъ гнетомъ, страдающій отъ одного и того же политическаго строя, можетъ освободиться лишь общими, совмѣстными усиліями. До какой степени ясно было соціалдемократическое сознаніе первыхъ руководителей еврейскаго рабочаго движенія, свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія строки, выписанныя нами изъ изданной въ Вильнѣ въ 1895 г. брошюрки по поводу стачки на папиросной фабрикѣ Эдельштейна:

«Нѣтъ единаго еврейскаго народа: внутри его имѣется два народа, два враждебныхъ класса, и борьба этихъ классовъ дошла до такихъ размѣровъ, что ее не можетъ уже погасить ни уваженіе къ синагогѣ и духовенству, ни грозная власть начальства».

И далѣе.

«Намъ-ли сожалѣть объ этомъ? Намъ-ли стараться помѣшать этому? Вѣдь мы только въ этой борьбѣ съ капиталистами почувствовали себя людьми, только на этой борьбѣ научились понимать свои интересы, только въ этой ненависти къ капиталу мы воспитали въ себѣ любовь и братское чувство къ своимъ товарищамъ по страданіямъ, вѣдь только изъ этого раскола между капиталомъ и трудомъ возрасло наше сознаніе, въ этой борьбѣ оно развилось и окрѣпло. Намъ-ли жалѣть о тѣхъ старыхъ временахъ, когди невѣжественные, презираемые и ненавидимые снизу, оплевываемые и притѣсняемые сверху евреи влачили жизнь дикарей, вѣчно трясущихся за свое жалкое существованіе, вѣчно ожидающихъ грозы? Намъ-ли жалѣть о потерѣ связи между еврейскимъ бѣднякомъ и еврейскимъ магнатомъ, когда мы вмѣсто нея пріобрѣли связь, соединяющую насъ съ рабочимъ русскимъ, польскимъ, литвинскимъ, съ рабочимъ всѣхъ странъ? Будущее несетъ намъ укрѣпленіе этой связи, ростъ нашей силы и нашего сознанія; чего же намъ жалѣть о темномъ прошедшемъ, безъ борьбы, безъ раскола, но зато и безъ жизни?» *).

Первые еврейскіе соціалдемократы понимали, что освобожденіе еврейскаго пролетаріата, а съ нимъ вмѣстѣ и всего еврейскаго народа отъ политическаго рабства и всѣхъ спеціальныхъ

---

*) Цитируемъ по „Докладу русск. с.-дем. межд. раб. соц. конгрессу въ Лондонѣ въ 1896 г.“ Женева. Стр. 19.

формъ національнаго угнетенія можетъ осуществиться лишь тогда, когда весь пролетаріатъ Россіи стряхнетъ съ себя цѣпи безправія и произвола и завоюетъ политическую свободу себѣ и всей Россіи.

Совершивъ поворотъ отъ сознательности къ стихійности, новые руководители еврейскаго пролетаріата повернули и отъ этого единственно вѣрнаго разрѣшенія національнаго вопроса къ мелкобуржуазному національзму. Воспріемникъ новой тактики, авторъ не разъ уже цитированнаго «Поворотнаго пункта» уже обѣими ногами стоитъ на этой мелкобуржуазной точкѣ зрѣнія. «Нашей буржуазной интеллигенціи,—говоритъ онъ,—и въ голову не приходитъ, что еврей только отъ собственной деятельности можетъ ожидать улучшенія своего положенія... взгляды этой буржуазной интеллигенціи сыграли прямо вредную роль въ нашемъ движеніи, которое въ первое время испытывало на себѣ вліяніе этой національной пассивности... въ первые годы нашего движенія мы всего ожидали отъ движенія русскаго рабочаго класса и на самихъ себя смотрѣли только какъ на придатокъ къ общерусскому рабочему движенію» *).

Первые соціалдемократы, говоря о русскомъ движеніи, о русскомъ рабочемъ классѣ, стоя на соціалдемократической точкѣ зрѣнія, подразумѣвали подъ этимъ россійское движеніе, россійскій пролетаріатъ, т. е. совокупность всѣхъ рабочихъ, живущихъ въ Россіи, безъ различія національностей. Авторъ же «Поворотнато пункта» придаетъ эпитету «русскій» національную окраску,—ту окраску, которая свойственна мечтающему о Палестинскомъ отечествѣ мелкому ремесленнику. Только съ этой точки зрѣнія понятно его заявленіе: «мы... должны помнить, что нашъ демократическій лозунгъ: «все посредствомъ народа», не позволяетъ намъ ожидать освобожденія еврейскаго пролетаріата отъ экономическаго, политическаго и гражданскаго порабощенія ни отъ русскаго, ни отъ польскаго движенія» **). Правда, онъ соглашается, что «безъ успѣха русскихъ и польскихъ товарищей мы многаго не добьемся; но, съ другой стороны,—продолжаетъ онъ,—мы уже не можемъ попрежнему ожидать всего отъ русскаго пролетаріата, какъ наша буржуазія ожидаетъ всего отъ русскаго правитель-

*) «Мат. къ ист. евр. раб. движ.» Стр. 152.
**) Тамъ-же. Стр. 153.

ства и чиновничьяго либерализма. Мы должны имѣть въ виду, что русскій рабочій классъ въ своемъ классовомъ развитіи будетъ встрѣчать такого рода препятствія, что каждое ничтожное завоеваніе ему будетъ стоить страшныхъ усилій, а потому ему лишь постепенно и упорной борьой удастся добиться уступокъ политическихъ и экономическихъ; а въ такомъ случаѣ очевидно, что, когда русскому пролетаріату придется жертвовать нѣкоторыми изъ своихъ требованій для того, чтобы добиться хоть чего-нибудь, онъ скорѣе пожертвуетъ такими требованіями, которыя касаются исключительно евреевъ, напримѣръ, свободы религіи или равноправія евреевъ» *). Типичная мелкобуржуазная психологія, признающая только борьбу за матеріальныя, будничныя потребности, не въ состояніи, конечно, постичь великой идеальной миссіи пролетаріата, который, борясь за свое освобожденіе, борется вмѣстѣ съ тѣмъ и за освобожденіе всѣхъ угнетенныхъ. «Поставивъ въ центрѣ программы массовое движеніе,— читаемъ мы дальше въ «Поворотномъ пунктѣ»,—мы должны были приспособить нашу пропаганду и агитацію къ массѣ, т. е. сдѣлать ихъ болѣе еврейскими. И въ этой перемѣнѣ мы видимъ новую нашу побѣду надъ заимствованными у буржуазной интеллигенціи взглядами» **).

Здѣсь, какъ и всюду, подъ словами «буржуазная интеллигенція» авторъ подразумѣваетъ основателей еврейскаго рабочаго движенія, первыхъ соціалдемократовъ, «виленскую оппозицію», среди которой, какъ намъ извѣстно, было не мало рабочихъ—сознательныхъ соціалдемократовъ.

Итакъ, оппозиція была сломлена и мелкобуржуазный націоналистическій инстинктъ одержалъ верхъ надъ здоровой идеей о международности пролетаріата, которая подъ вліяніемъ первыхъ соціалдемократовъ начала было уже проникать въ массу еврейскихъ рабочихъ. Вмѣсто сознательнаго соціалдемократическаго движенія начала 90-хъ годовъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ съ 95 года начинается широкое, чисто профессіональное еврейское рабочее движеніе. Понадобилась зубатовщина, разные независимцы, фонъ-Вали, чтобы снова вернуть это движеніе на прежній правильный путь.

---

*) «Мат. къ ист. евр. раб. движ.» Стр. 154.
**) Тамъ же. Стр. 153.

XIII.

Выше мы говорили, что аресты 95—97 гг. нанесли тяжелый ударъ социалдемократическому движенію въ Россіи, мы указывали, что существуетъ несомнѣнная причинная связь между этими массовыми арестами и общимъ приниженіемъ сознательности. Но, само собой разумѣется, мы далеки отъ мысли считать массовое изъятіе почти всѣхъ первыхъ социалдемократовъ единственной причиной кризиса социалдемократическаго движенія. Громадную роль въ смыслѣ увеличенія «стачкизмомъ», т. е. чисто экономической борьбой исключительно въ цѣляхъ поднятія благосостоянія занятыхъ рабочихъ, сыгралъ, какъ мы уже упоминали, блестящій расцвѣтъ нашей промышленности. Но къ этимъ двумъ причинамъ слѣдуетъ добавить еще третью. Третьей причиной было переполненіе рядовъ нашей зарождавшейся партіи непролетарскими элементами или, точнѣй говоря, массой «интеллигентовъ», состоявшей главнымъ образомъ изъ учащейся молодежи.

Съ 1895 года замѣчавшееся раньше враждебное настроеніе учащейся молодежи противъ марксизма начинаетъ вдругъ рѣзко мѣняться. Подъ вліяніемъ быстро развившейся марксистской и quasi-марксистской легальной литературы, а главнымъ образомъ подъ вліяніемъ неожиданнаго выступленія на сцену широкаго рабочаго движенія, того самаго движенія, возможность котораго считалась совершенно невѣроятной и утопичной для всѣхъ воспитанниковъ школы Михайловскаго, В. В., Карѣева, Николай—она и К°,—недовѣріе и даже прямо ненависть къ марксистамъ смѣнились поголовнымъ, стаднымъ увлеченіемъ марксизмомъ. Но увлеченіе марксизмомъ относилось не къ его положительнымъ выводамъ,—которые вели къ научному социализму,—а лишь къ критической, разрушительной части его. Интеллигентная молодежь привѣтствовала марксизмъ за его удачную критику утопическаго народничества, совершенно въ то же время не понимая революціонной, классовой точки зрѣнія, съ какой велась эта критика.

Въ началѣ 90-хъ годовъ марксистской литературы совершенно почти не существовало. Изданный еще въ 60-хъ годахъ переводъ перваго тома «Капитала» Маркса считался въ то время уже библіографической рѣдкостью и цѣнился чуть не на вѣсъ золота. Марксистскіе кружки стараются для своихъ потребностей скупить всѣ имѣющіеся у букинистовъ экземпляры, которые,

какъ реликвіи, передаются затѣмъ изъ кружка въ кружокъ. «Капиталъ» изучаютъ лишь члены кружковъ; для непосвященныхъ же, стоящихъ внѣ этихъ законспирированныхъ ячеекъ, достать его почти такъ же трудно, какъ богатому, по свидѣтельству евангелія, войти въ царствіе небесное. Еще менѣе доступна была для непосвященныхъ нелегальная русская соціалдемократическая литература — какъ привозная изъ-за границы, такъ и мѣстнаго, отечественнаго производства. Активные соціалдемократы, въ распоряженіи которыхъ имѣлась эта литература, не успѣвали удовлетворять страшно возросшій спросъ на нее среди рабочихъ. А такъ какъ во главу угла они ставили работу среди пролетаріата, на работу же среди учащейся молодежи смотрѣли въ то время лишь какъ на подсобное, а стало быть второстепенное дѣло, то понятно, что вся литература, которой вообще было очень мало, отдавалась рабочимъ. Изданія Московскаго рабочаго союза не попадали не только въ руки учащихся, но не доходили даже и въ марксистскіе интеллигентскіе кружки. Нѣмецкая же соціалдемократическая литература была доступна лишь немногимъ, знакомымъ съ нѣмецкимъ языкомъ.

Такимъ образомъ, для громаднаго большинства русской интеллигенціи марксистской литературы не существовало вовсе. „У марксистовъ нѣтъ книги“—становится общимъ убѣжденіемъ широкихъ слоевъ учащейся молодежи,—убѣжденіемъ, которое поддерживается и публицистами изъ «Русскаго Богатства» и другихъ народническихъ органовъ.

Единственнымъ источникомъ знакомства съ марксистской точкой зрѣнія для тогдашней интеллигенціей было изложеніе взглядовъ Маркса въ статьяхъ Михайловскаго, Карѣева, Николай—она, Южакова и другихъ пророковъ субъективизма и народничества, да споры на студенческихъ вечеринкахъ. Доступъ на эти вечеринки былъ тоже весьма ограниченъ; кромѣ того, споры велись тамъ безо всякой системы, безалаберно, такъ что дать сколько-нибудь вѣрное представленіе о марксизмѣ они не могли.

Между тѣмъ, начиная съ 93—94 гг., въ нашей литературѣ начинаетъ наблюдаться явленіе совершенно непонятное для многихъ, въ особенности провинціальныхъ читателей. Въ «Русскомъ Богатствѣ», «Вѣстникѣ Европы» и въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ брошюръ и книгъ начинается вдругъ систематическій походъ противъ врага, котораго широкій кругъ чита-

телей не только не видитъ и не знаетъ, но многіе едва-ли слыхали о его существованіи. Легальные литераторы выступаютъ въ походъ противъ рѣчей, сказанныхъ гдѣ-нибудь на нелегальной вечеринкѣ. На вопросъ, возбужденный марксистами передъ аудиторіей въ какихъ нибудь сто человѣкъ, отвѣчается въ легальномъ журналѣ, имѣющемъ громадный кругъ читателей. Само собой разумѣется, что, при такой постановкѣ спора, побѣдителями обыкновенно являлись публицисты-народники и профессора Карѣевы. У нихъ были книги, у нихъ были журналы, у нихъ была, наконецъ, установленная репутація «друзей народа»; всѣ они значились въ спискѣ «освободителей», или, по терминологіи участковыхъ охранителей, считались присяжными «крамольниками». А кто же зналъ марксистовъ? Это были никому невѣдомые «молодые люди», часто даже безо всякаго образовательнаго ценза, и притомъ въ ихъ распоряженіи не было ни книгъ, ни толстыхъ журналовъ.

И читатели «Русскаго Богатства» наслово вѣрили Михайловскому, что у Маркса нѣтъ труда, соотвѣтствующаго труду Дарвина, что «не только нѣтъ такой работы у Маркса, но ея нѣтъ и во всей марксистской литературѣ, несмотря на всю ея обширность и распространенность». Тотъ же Михайловскій увѣрялъ своихъ читателей, что «самыя основныя теоріи экономическаго матеріализма, безчисленное множество разъ повторяемыя, какъ аксіомы, до сихъ поръ остаются между собой несвязанными и фактически непровѣренными, что особенно заслуживаетъ вниманія въ теоріи, въ принципѣ опирающейся на матеріальные, осязательные факты и присваивающей себѣ титулъ по преимуществу «научной» *). Онъ утверждалъ, что вся увѣренность Маркса въ неизбѣжности соціалистическаго строя «держится исключительно на концѣ гегелевской трехчленной цѣпи».

Читателямъ «Рус. Богатства» приходилось вѣрить наслово и г. Кривенко, который клялся, что ученіе Маркса требуетъ отъ его учениковъ „стараться облегчить переходъ къ нему (капиталистическому порядку) и употреблять всѣ усилія къ скорѣйшему его наступленію, т. е. стараться о развитіи капиталистической промышленности и капитализаціи промысловъ, о развитіи кулачества, о разрушеніи общины, объ обезземеливаніи населенія и вообще о выкуриваніи лишняго мужика

*) «Рус. Бог.» Янв. 94.

изъ деревни на фабрику" *). Они, эти „ученики" Маркса прежде всего даже не революціонеры, такъ какъ толкуютъ только о рабочихъ, объ ихъ интересахъ, а вѣдь «рабочій вопросъ въ Россіи есть вопросъ консервативный, ибо тутъ требуется только сохраненіе условій труда въ рукахъ работника» **). Да затѣмъ, развѣ борьбу изъ-за пятака, грубо матеріалистическую «шкурную» борьбу, можно сравнить съ высоко-идеалистическимъ міровоззрѣніемъ народниковъ, съ широкимъ кругозоромъ ихъ субъективныхъ идеаловъ?

Народники праздновали полную побѣду. Вѣдь марксисты молчали, не отвѣчали на всѣ ихъ нападки, слѣдовательно они неправы и имъ нечего возразить. Марксисты, какъ мы знаемъ, не молчали, но отвѣчать они могли только въ нелегальной литературѣ, да на нелегальныхъ собраніяхъ, Поэтому широкой интеллигентской публикѣ ихъ отвѣтовъ не было слышно: слышала ихъ лишь небольшая кучка молодежи, которая вращалась въ нелегальныхъ кружкахъ.

Но вотъ начинается эпоха такъ называемаго «легальнаго марксизма», и картина быстро мѣняется. «Это было вообще чрезвычайно оригинальное явленіе, въ самую возможность котораго не могъ бы даже повѣрить никто въ 80-хъ или началѣ 90-хъ годовъ. Въ странѣ самодержавной, съ полнымъ порабощеніемъ печати, въ эпоху отчаянной политической реакціи, преслѣдовавшей самомалѣйшіе ростки политическаго недовольства и протеста,—внезапно пробиваетъ себѣ дорогу въ подцензурную литературу теорія революціоннаго марксизма, излагаемая эзоповскимъ, но для всѣхъ „интересующихся" понятнымъ языкомъ. Правительство привыкло считать опасной только теорію (революціоннаго) народовольчества, не замѣчая, какъ водится, ея внутренней эволюціи, радуясь всякой направленной противъ нея критикѣ Пока правительство спохватилось, пока тяжеловѣсная армія цензоровъ и жандармовъ разыскала новаго врага и обрушилась на него,—до тѣхъ поръ прошло немало (на нашъ русскій счетъ) времени. А въ это время выходили одна за другой марксистскія книги, открывались марксистскіе журналы и газеты, марксистами становились повально всѣ; марксистамъ льстили; за марксистами уха-

---

*) «Рус. Бог». Дек. 93 г.

**) Соч. Михайловскаго. Т, II. Стр. 1[illegible]2.

живали; издатели восторгались необычайно ходкимъ сбытомъ марксистскихъ книгъ» *).

Первымъ легальнымъ выступленіемъ марксистовъ принято считать обыкновенно вышедшую въ 94 году книжку П. Струве „Критическія замѣтки". Но эта книга не дала яснаго и опредѣленнаго отвѣта на нападки народниковъ на марксизмъ, не разсѣяла того тумана, которымъ народники сволокли марксистскую идеологію. Заключительнымъ аккордомъ «Критическихъ замѣтокъ» Струве была знаменитая фраза: «Нѣтъ, признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму». Ликующій тонъ автора при констатированіи торжества капитализма, отсутствіе указаній или хотя бы намековъ на неизбѣжность борьбы съ капитализмомъ, борьбы иной, чѣмъ, та которую якобы вели народники,—все это скорѣй еще болѣе запутало, чѣмъ выяснило сложившееся у интеллигенціи представленіе о марксизмѣ.

Въ дѣйствительности первымъ рѣшительнымъ натискомъ русскихъ марксистовъ на широкую интеллигентскую читающую публику можно считать книгу Бельтова (Плеханова) «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію», вышедшую въ 1895 году.

Бельтовъ далъ въ въ своей книгѣ и прекрасный отвѣтъ народникамъ на ихъ нападки на марксистовъ, и цѣлостное изложеніе основъ марксизма. Онъ зло осмѣялъ «исторіософію» господъ Карѣевыхъ, ясно показавъ всю ненаучность міровозрѣнія, по которому «міръ должнаго, міръ истиннаго и справедливаго стоитъ внѣ всякой связи съ объективнымъ ходомъ историческаго развитія» **). Онъ доказалъ полную утопичность вожделѣній нашихъ субъективистовъ, которые, несмотря на всю ихъ якобы «самобытность», въ сущности повторяли только азы нѣмецкихъ мелкобуржуазныхъ утопистовъ. Подвергнувъ рѣзкой критикѣ идеи народниковъ и высмѣявъ изготовляемые ими „гигіеническіе рецепты" для оздоровленія общества, ихъ «формулу прогресса», ихъ исканіе «самостоятельной схемы эволюціи экономическихъ отношеній, соотвѣтствующей потребностямъ и условіямъ нашей страны», ихъ желаніе втиснуть нашу жизнь въ эту выдуманную схему, Бельтовъ вмѣстѣ

*) Ленинъ. „Что дѣлать". Stuttgart. 1902. Стр. 8.

**) Бельтовъ. «Къ вопр. о разв. мон. взгл. на ист.». Стр. 49. Первое изданіе.

съ тѣмъ представилъ массу доказательствъ того, что господа народники, не исключая и единственнаго истиннаго, по словамъ Михайловскаго, марксиста Николай—она, никогда не понимали и не понимаютъ излагаемаго ими марксизма. «Они,— говоритъ Бельтовъ,—сначала припишутъ марксистамъ утопическій взглядъ на законосообразность общественныхъ явленій, а потомъ побиваютъ этотъ взглядъ съ болѣе или менѣе сомнительнымъ успѣхомъ».

Сравнивая нашихъ народниковъ съ утопистами Западной Европы, Бельтовъ приходитъ къ заключенію, что они, подобно послѣднимъ, ничего общаго съ революціей не имѣютъ. «Утописты воображали себя чрезвычайно практичными людьми. Они ненавидѣли «доктринеровъ» и всѣ самые громкіе ихъ принципы они, не задумываясь, приносили въ жертву своимъ idées fixes. Они не были ни либералами, ни консерваторами, ни монархистами, ни республиканцами. Они безразлично готовы были идти и съ либералами, и съ консерваторами, и съ монархистами, и съ республиканцами, лишь бы осуществить свои практическіе и, какъ казалось, чрезвычайно практичные планы» *).

О томъ, насколько нелѣпо представленіе русскихъ субъективистовъ о непризнаваемой ими исторической теоріи Маркса, по которой якобы „ученики“ обречены лишь на пассивное созерцаніе историческаго процесса, Бельтовъ говоритъ слѣдующее: «Ахиллъ субъективной школы воображаетъ, что „экономическіе“ матеріалисты должны говорить лишь о «саморазвитіи формъ производства и обмѣна». Что-же это за «саморазвитіе», глубокомысленный г. Михайловскій? Если вы думаете, что, по мнѣнію Маркса, формы производства могутъ развиваться «сами собой», то вы жестоко ошибаетесь. Что такое общественныя отношенія производства? Это отношенія людей. Какъ-же будутъ они развиваться безъ людей? Вѣдь тамъ, гдѣ не было-бы людей, не было бы и отношеній производства! Химикъ говоритъ: матерія состоитъ изъ атомовъ, которые группируются въ молекулы, а молекулы группируются въ болѣе сложныя соединенія. Всѣ химическіе процессы совершаются по опредѣленнымъ законамъ. Изъ этого вы неожиданно заключаете, что, по мнѣнію химика, все дѣло въ законахъ, а что матерія—атомы и молекулы—могла бы

*) Бельтовъ. Стр. 51.

совсѣмъ не двигаться, не помѣшавъ этимъ «саморазвитію» химическихъ соединеній. Всѣмъ ясна нелѣпость такого умозаключенія. Къ сожалѣнію, не всѣмъ ясна еще нелѣпость совершенно аналогичнаго по своей внутренней стоимости противопоставленія личностей закснамъ общественной жизни, дѣятельности людей—внутренней логикѣ формъ ихъ общежитія» *).

Но Бельтовъ не только критикуетъ и популяризируетъ, онъ дѣлаетъ также указанія, какъ примѣнить на дѣлѣ философію марксизма, даетъ планъ дѣйствія.

«Степень развитія производительныхъ силъ—говоритъ онъ опредѣляетъ мѣру власти надъ природой.... Діалектическій методъ не только не стремится, какъ это приписываютъ ему противники, убѣдить человѣка, что нелѣпо возставать противъ экономической необходимости, но онъ впервые указываетъ, какъ справиться съ нею.... Разъ мы узнали этотъ желѣзный законъ, отъ насъ зависитъ свергнуть его иго, отъ насъ зависитъ сдѣлать необходимость послушной рабой разума.

«Я—червь, говоритъ идеалистъ. Я—червь, пока я невѣжественъ, возражаетъ матеріалистъ-діалектикъ; я—богъ, когда я знаю. Tantum possumus, quantum scimus» **).

«Дѣйствіе (законосообразная дѣятельность людей въ общественно-производительномъ процессѣ) объясняетъ матеріалисту-діалектику историческое развитіе разума общественнаго человѣка. Къ дѣйствію же сводится и практическая философія. Діалектическій матеріализмъ есть философія дѣйствія» ***).

«Но если уже давно сказано,—продолжаетъ Бельтовъ—что никто не зажигаетъ свѣтильника, чтобы ставить его подъ спудомъ, то матеріалисты-діалектики прибавляютъ: не слѣдуетъ оставлять свѣтильника въ тѣсномъ кабинетѣ «интеллигенціи»! Пока существуютъ «герои», воображающіе, что имъ достаточно просвѣтить свои собственныя головы, чтобы повести толпу всюду, куда имъ угодно, чтобы лѣпить изъ нея, какъ изъ глины, все, что имъ вздумается, царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнетъ приближаться къ намъ семимильными шагами лишь тогда, когда сама толпа

*) Бельтовъ. Стр. 222.
**) Тамъ-же. Стр. 232.
***) Тоже. Стр. 233.

станетъ героемъ историческаго дѣйствія и когда въ ней, въ этой сѣрой массѣ, разовьется соотвѣтствующее этому самосознаніе. Развивайте человѣческое сознаніе, сказали мы. Развивайте сознаніе производителей, прибавляемъ мы теперь. Субъективная философія кажется намъ вредной именно потому, что она мѣшаетъ интеллигенціи содѣйствовать развитію этого самосознанія, противопоставляя толпу героямъ, воображая, что толпа есть не болѣе, какъ совокупность нулей, значеніе которыхъ зависитъ лишь отъ идеаловъ становящагося во главѣ ея героя» *)... «Надо разбудить въ толпѣ героическое самосознаніе» **)... надо «увеличивать силу ихъ (пролетаріевъ) сопротивленія противъ кабака, противъ кабатчика и противъ всякаго дурмана, какой только подноситъ или будетъ подносить имъ исторія» ***).

Легко понять, какое громадное впечатлѣніе должна была произвести эта книга съ ея яснымъ, цѣлостнымъ міровоззрѣніемъ, съ рѣзко выраженной революціонной физіономіей. Это впечатлѣніе усиливалось еще болѣе вслѣдствіе контраста съ общей умѣренностью и безцвѣтностью всей тогдашней литературы. Но въ первый моментъ широкая читающая публика была только ошеломлена; она прежде всего обидѣлась за своихъ признанныхъ вожаковъ, за свои «унаслѣдованныя» традиціи. Общее мнѣніе было таково, что Бельтовъ только «ругается» и ругается грубо. Очень возможно, что, принявъ такое рѣшеніе, наша интеллигентская публика на этомъ бы и успокоилась, тѣмъ болѣе, что народники-литераторы, убоясь полемики съ такимъ сильнымъ противникомъ, какъ Бельтовъ, прекратили свои нападки по существу и стали только горько жаловаться на нанесенную имъ и ихъ «устоямъ» обиду. Но жизнь поторопилась иллюстрировать положенія, выставленныя въ книгѣ Бельтова.

Могучей волной разлившееся рабочее движеніе показало интеллигенціи, что «дѣйствіе» уже началось и что «ученики» не только спорили съ народниками и господами Карѣевыми, но успѣли и кое-что сдѣлать въ смыслѣ развитія самосознанія «производителей» и пробужденія ихъ къ классовой борьбѣ. Удивленные взоры вѣровавшихъ въ незыблемость «устоевъ»

---

*) Бельтовъ. Стр. 234.
**) » Стр. 235.
***) » Стр. 262.

увидали вдругъ, что за «учениками» оказались цѣлые батальоны сознательныхъ и отчасти уже сорганизованныхъ рабочихъ, которые мощными пролетарскими голосами заявляли о своемъ правѣ на существованіе, о своемъ твердомъ намѣреніи встать въ авангардѣ борьбы противъ «всякаго дурмана, какой только подноситъ или будетъ подносить намъ исторія».

И это фактическое выступленіе рабочихъ: 600 подписей московскихъ рабочихъ подъ адресомъ къ 25-лѣтію Парижской Коммуны, 40,000 забастовавшихъ въ Питерѣ, шумныя маевки, участіе московскихъ рабочихъ въ демонстраціи по поводу мученической смерти Вѣтровой, массовые аресты «учениковъ» и рабочихъ,—все это вмѣстѣ взятое сдѣлало вдругъ марксизмъ «моднымъ ученіемъ». Сплошными рядами покидала молодежь народническія позиціи и становилась подъ знамя марксизма. Бельтовымъ клялись, Бельтова читали запоемъ въ каждомъ гимназическомъ кружкѣ. «Народникъ», «субъективистъ» стали бранными словами, синонимами «инвалида». Народническіе храмы пустѣли все болѣе и болѣе.

За учащейся молодежью потянулись и болѣе или менѣе сознательные идеологи капиталистическаго общества. Имъ также, какъ и марксистамъ, нужно было очистить горизонтъ отъ мелкобуржуазныхъ утопій господъ В. В. и Николай-оновъ; какъ и марксистамъ, имъ важно было доказать безсмысленность и безполезность всѣхъ попытокъ осуществить на дѣлѣ эти утопіи; и вотъ, чтобы достигнуть этого, они тоже начинаютъ группироваться вокругъ авторитетнаго имени Маркса.

«Въ настоящее время—говоритъ Ленинъ—объ этой полосѣ можно говорить спокойно, какъ о прошломъ. Ни для кого не тайна, что кратковременное процвѣтаніе марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзомъ людей крайнихъ съ людьми весьма умѣренными. Въ сущности, эти послѣдніе были буржуазными демократами, и этотъ выводъ (до очевидности подкрѣпленный ихъ дальнѣйшимъ «критическимъ» развитіемъ) напрашивался кое передъ кѣмъ еще во времена цѣлости «союза» *)... Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая побѣда надъ народничествомъ и громадное распространеніе вширь идей марксизма (хотя и въ вульгаризированномъ видѣ). Притомъ союзъ заключенъ былъ не совсѣмъ безъ всякихъ «условій». Доказательство: сожженный

*) Ленинъ. «Что дѣлать». Стр. 8.

въ 1895 г. цензурой марксистскій сборникъ «Матеріалы къ вопросу о хозяйственномъ развитіи Россіи». Если литературное соглашеніе съ легальными марксистами можно сравнить съ политическимъ союзомъ, то эту книгу можно сравнить съ политическимъ договоромъ» *).

Въ этомъ сборникѣ революціонный марксизмъ обрушивается на своего «союзника» П. Струве, ясно доказывая всю нереволюціонность постановки имъ вопроса въ его «Критическихъ замѣткахъ». Бельтовъ проглядѣлъ эту нереволюціонность и возражая на нападки Михайловскаго на Струве ограничился только тѣмъ, что призналъ неловкость выраженія. «Г. Михайловскій—говоритъ Бельтовъ—въ своей статьѣ поднялъ смѣшной шумъ по поводу словъ г. Струве: «Нѣтъ, признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму». Г. Михайловскому хочется изобразить дѣло такъ, какъ будто бы эти слова означали: отдадимъ же производителя въ жертву эксплуататору. Г. П. Струве легко будетъ показать тщету усилій г. Михайловскаго, да ее, вѣроятно, и теперь видитъ всякій внимательно прочитавшій «критическія замѣтки». Но г. Струве все таки очень неосторожно выразился, чѣмъ, вѣроятно, ввелъ въ соблазнъ многихъ простяковъ и обрадовалъ нѣсколькихъ акробатовъ» **).

Сборникъ былъ сожженъ цензурой, поэтому въ руки широкой публики не попалъ, и она продолжала считать «только союзника» единомышленникомъ.

Вслѣдъ за первыми легальными марксистскими книгами начинаютъ выходить и марксистскіе газеты и журналы. Первой появляется издаваемая въ Ригѣ на латышскомъ языкѣ «Deenas Lapa» ***), затѣмъ «Самарская Газета», «Новое Слово», «Начало» и «Жизнь», въ которыхъ все еще продолжалась совмѣстная дѣятельность революціонныхъ соціалдемократовъ съ „легальными марксистами“, вродѣ Струве, Туганъ-Барановскаго, Изгоева и др.

Въ настоящее время для насъ является совершенно неоспоримымъ тотъ фактъ, что совмѣстное выступленіе Плеханова, Засуличъ, Ленина съ одной стороны, и Струве, Туганъ-Барановскаго и Ко—съ другой—несомнѣнно способствовало тому

---

*) Ленинъ «Что дѣлать». Стр. 9.

**) Бельтовъ. «Къ вопр. о разв. монист. взгл. на ист.». Стр. 285.

***) См. объ этомъ у П. К. «Револ. с.-демократія въ Прибалтійскомъ краѣ».

разброду, той теоретической безпринципности, которые явились отличительнымъ признакомъ всего послѣдующаго періода. Ошибка революціонной соціалдемократіи заключалась, конечно, не въ заключеніи ими временнаго соглашенія съ буржуазными критиками, а въ томъ, что она не взвѣсила того обстоятельства, что правительственная цензура, которая пропускала «критику» буржуазныхъ идеологовъ, непремѣнно должна будетъ наложить свою лапу на всякую попытку довести эту критику до конца, т. е. на попытку отъ критики утопической теоріи народниковъ перейти къ критикѣ реальной дѣйствительности.

«Разрывъ— говоритъ Ленинъ—вызванъ былъ, конечно не тѣмъ, что «союзники» оказались буржуазными демократами. Напротивъ, представители этого послѣдняго направленія— естественные и желательные союзники соціалдемократіи, поскольку дѣло идетъ о ея демократическихъ задачахъ, выдвигаемыхъ на первый планъ современнымъ положеніемъ Россіи. Но необходимымъ условіемъ такого союза является полная возможность для соціалистовъ раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересовъ и интересовъ буржуазіи. А то бернштейніанство и «критическое» направленіе, къ которому повально обратилось большинство легальныхъ марксистовъ, отнимало эту возможность и развращало соціалистическое сознаніе, опошляя марксизмъ, проповѣдуя теорію притупленія соціальныхъ противорѣчій, объявляя нелѣпостью идею соціальной революціи и диктатуры пролетаріата, сводя рабочее движеніе и классовую борьбу къ узкому трэдъ юніонизму и «реалистической» борьбѣ за мелкія, постепенныя реформы. Это вполнѣ равносильно было отрицанію со стороны буржуазной демократіи права на самостоятельность соціализма, а, слѣдовательно, и права на его существованіе; это означало на практикѣ стремленіе превратить начинающееся рабочее движеніе въ хвостъ либераловъ.

„Естественно, что при такихъ условіяхъ разрывъ былъ необходимъ. Но „оригинальная“ особенность Россіи сказалась въ томъ, что этотъ разрывъ означалъ простое удаленіе соціалдемократовъ изъ наиболѣе всѣмъ доступной и широко распространенной «легальной» литературы. Въ ней укрѣпились бывшіе марксисты, ставшіе «подъ знакъ критики» и получившіе почти что монополію на «разносъ» марксизма. Клики: «противъ ортодоксіи» и «да здравствуетъ свобода критики» (по-

изъ деревни на фабрику" *). Они, эти „ученики" Маркса прежде всего даже не революціонеры, такъ какъ толкують только о рабочихъ, объ ихъ интересахъ, а вѣдь «рабочій вопросъ въ Россіи есть вопросъ консервативный, ибо тутъ требуется только сохраненіе условій труда въ рукахъ работника» **). Да затѣмъ, развѣ борьбу изъ-за пятака, грубо матеріалистическую «шкурную» борьбу, можно сравнить съ высоко-идеалистическимъ міровоззрѣніемъ народниковъ, съ широкимъ кругозоромъ ихъ субъективныхъ идеаловъ?

Народники праздновали полную побѣду. Вѣдь марксисты молчали, не отвѣчали на всѣ ихъ нападки, слѣдовательно они неправы и имъ нечего возразить. Марксисты, какъ мы знаемъ, не молчали, но отвѣчать они могли только въ нелегальной литературѣ, да на нелегальныхъ собраніяхъ, Поэтому широкой интеллигентской публикѣ ихъ отвѣтовъ не было слышно: слышала ихъ лишь небольшая кучка молодежи, которая вращалась въ нелегальныхъ кружкахъ.

Но вотъ начинается эпоха такъ называемаго «легальнаго марксизма», и картина быстро мѣняется. «Это было вообще чрезвычайно оригинальное явленіе, въ самую возможность котораго не могъ бы даже повѣрить никто въ 80-хъ или началѣ 90-хъ годовъ. Въ странѣ самодержавной, съ полнымъ порабощеніемъ печати, въ эпоху отчаянной политической реакціи, преслѣдовавшей самомалѣйшіе ростки политическаго недовольства и протеста,—внезапно пробиваетъ себѣ дорогу въ подцензурную литературу теорія революціоннаго марксизма, излагаемая эзоповскимъ, но для всѣхъ „интересующихся" понятнымъ языкомъ. Правительство привыкло считать опасной только теорію (революціоннаго) народовольчества, не замѣчая, какъ водится, ея внутренней эволюціи, радуясь всякой направленной противъ нея критикѣ Пока правительство спохватилось, пока тяжеловѣсная армія цензоровъ и жандармовъ разыскала новаго врага и обрушилась на него,—до тѣхъ поръ прошло немало (на нашъ русскій счетъ) времени. А въ это время выходили одна за другой марксистскія книги, открывались марксистскіе журналы и газеты, марксистами становились повально всѣ; марксистамъ льстили; за марксистами уха-

---

*) «Рус. Бог». Дек. 93 г.
**) Соч. Михайловскаго. Т, II. Стр. 1.2.

живали; издатели восторгались необычайно ходкимъ сбытомъ марксистскихъ книгъ» *).

Первымъ легальнымъ выступленіемъ марксистовъ принято считать обыкновенно вышедшую въ 94 году книжку П. Струве „Критическія замѣтки". Но эта книга не дала яснаго и опредѣленнаго отвѣта на нападки народниковъ на марксизмъ, не разсѣяла того тумана, которымъ народники сбволокли марксистскую идеологію. Заключительнымъ аккордомъ «Критическихъ замѣтокъ» Струве была знаменитая фраза: «Нѣтъ, признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму». Ликующій тонъ автора при констатированіи торжества капитализма, отсутствіе указаній или хотя бы намековъ на неизбѣжность борьбы съ капитализмомъ, борьбы иной, чѣмъ, та которую якобы вели народники,—все это скорѣй еще болѣе запутало, чѣмъ выяснило сложившееся у интеллигенціи представленіе о марксизмѣ.

Въ дѣйствительности первымъ рѣшительнымъ натискомъ русскихъ марксистовъ на широкую интеллигентскую читающую публику можно считать книгу Бельтова (Плеханова) «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію», вышедшую въ 1895 году.

Бельтовъ далъ въ въ своей книгѣ и прекрасный отвѣтъ народникамъ на ихъ нападки на марксистовъ, и цѣлостное изложеніе основъ марксизма. Онъ зло осмѣялъ «исторіософію» господъ Карѣевыхъ, ясно показавъ всю ненаучность міровоззрѣнія, по которому «міръ должнаго, міръ истиннаго и справедливаго стоитъ внѣ всякой связи съ объективнымъ ходомъ историческаго развитія» **). Онъ доказалъ полную утопичность вожделѣній нашихъ субъективистовъ, которые, несмотря на всю ихъ якобы «самобытность», въ сущности повторяли только азы нѣмецкихъ мелкобуржуазныхъ утопистовъ. Подвергнувъ рѣзкой критикѣ идеи народниковъ и высмѣявъ изготовляемые ими „гигіеническіе рецепты" для оздоровленія общества, ихъ «формулу прогресса», ихъ исканіе «самостоятельной схемы эволюціи экономическихъ отношеній, соотвѣтствующей потребностямъ и условіямъ нашей страны», ихъ желаніе втиснуть нашу жизнь въ эту выдуманную схему, Бельтовъ вмѣстѣ

*) Ленинъ. „Что дѣлать". Stuttgart. 1902. Стр. 8.

**) Бельтовъ. «Къ вопр. о разв. мон. взгл. на ист.». Стр. 49. Первое изданіе.

съ тѣмъ представилъ массу доказательствъ того, что господа народники, не исключая и единственнаго истиннаго, по словамъ Михайловскаго, марксиста Николай—она, никогда не понимали и не понимаютъ излагаемаго ими марксизма. «Они,— говоритъ Бельтовъ,—сначала припишутъ марксистамъ утопическій взглядъ на законосообразность общественныхъ явленій, а потомъ побиваютъ этотъ взглядъ съ болѣе или менѣе сомнительнымъ успѣхомъ».

Сравнивая нашихъ народниковъ съ утопистами Западной Европы, Бельтовъ приходитъ къ заключенію, что они, подобно послѣднимъ, ничего общаго съ революціей не имѣютъ. «Утописты воображали себя чрезвычайно практичными людьми. Они ненавидѣли «доктринеровъ» и всѣ самые громкіе ихъ принципы они, не задумываясь, приносили въ жертву своимъ idées fixes. Они не были ни либералами, ни консерваторами, ни монархистами, ни республиканцами. Они безразлично готовы были идти и съ либералами, и съ консерваторами, и съ монархистами, и съ республиканцами, лишь бы осуществить свои практическіе и, какъ казалось, чрезвычайно практичные планы» *).

О томъ, насколько нелѣпо представленіе русскихъ субъективистовъ о непризнаваемой ими исторической теоріи Маркса, по которой якобы „ученики“ обречены лишь на пассивное созерцаніе историческаго процесса, Бельтовъ говоритъ слѣдующее: «Ахиллъ субъективной школы воображаетъ, что „экономическіе“ матеріалисты должны говорить лишь о «саморазвитіи формъ производства и обмѣна». Что-же это за «саморазвитіе», глубокомысленный г. Михайловскій? Если вы думаете, что, по мнѣнію Маркса, формы производства могутъ развиваться «сами собой», то вы жестоко ошибаетесь. Что такое общественныя отношенія производства? Это отношенія людей. Какъ-же будутъ они развиваться безъ людей? Вѣдь тамъ, гдѣ не было-бы людей, не было бы и отношеній производства! Химикъ говоритъ: матерія состоитъ изъ атомовъ, которые группируются въ молекулы, а молекулы группируются въ болѣе сложныя соединенія. Всѣ химическіе процессы совершаются по опредѣленнымъ законамъ. Изъ этого вы неожиданно заключаете, что, по мнѣнію химика, все дѣло въ законахъ, а что матерія—атомы и молекулы—могла бы

*) Бельтовъ. Стр. 51.

совсѣмъ не двигаться, не помѣшавъ этимъ «саморазвитію» химическихъ соединеній. Всѣмъ ясна нелѣпость такого умозаключенія. Къ сожалѣнію, не всѣмъ ясна еще нелѣпость совершенно аналогичнаго по своей внутренней стоимости противопоставленія личностей закснамъ общественной жизни, дѣятельности людей—внутренней логикѣ формъ ихъ общежитія» *).

Но Бельтовъ не только критикуетъ и популяризируетъ, онъ дѣлаетъ также указанія, какъ примѣнить на дѣлѣ философію марксизма, даетъ планъ дѣйствія.

«Степень развитія производительныхъ силъ—говоритъ онъ опредѣляетъ мѣру власти надъ природой.... Діалектическій методъ не только не стремится, какъ это приписываютъ ему противники, убѣдить человѣка, что нелѣпо возставать противъ экономической необходимости, но онъ впервые указываетъ, какъ справиться съ нею.... Разъ мы узнали этотъ желѣзный законъ, отъ насъ зависитъ свергнуть его иго, отъ насъ зависитъ сдѣлать необходимость послушной рабой разума.

«Я—червь, говоритъ идеалистъ. Я—червь, пока я невѣжественъ, возражаетъ матеріалистъ-діалектикъ; я—богъ, когда я знаю. Tantum possumus, quantum scimus» **).

«Дѣйствіе (законосообразная дѣятельность людей въ общественно-производительномъ процессѣ) объясняетъ матеріалисту-діалектику историческое развитіе разума общественнаго человѣка. Къ дѣйствію же сводится и практическая философія. Діалектическій матеріализмъ есть философія дѣйствія» ***).

«Но если уже давно сказано,—продолжаетъ Бельтовъ—что никто не зажигаетъ свѣтильника, чтобы ставить его подъ спудомъ, то матеріалисты-діалектики прибавляютъ: не слѣдуетъ оставлять свѣтильника въ тѣсномъ кабинетѣ «интеллигенціи»! Пока существуютъ «герои», воображающіе, что имъ достаточно просвѣтить свои собственныя головы, чтобы повести толпу всюду, куда имъ угодно, чтобы лѣпить изъ нея, какъ изъ глины, все, что имъ вздумается, царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнетъ приближаться къ намъ семимильными шагами лишь тогда, когда сама толпа

---

*) Бельтовъ. Стр. 222.
**) Тамъ-же. Стр. 232.
***) Тоже. Стр. 233.

станетъ героемъ историческаго дѣйствія и когда въ ней, въ этой сѣрой массѣ, разовьется соотвѣтствующее этому самосознаніе. Развивайте человѣческое сознаніе, сказали мы. Развивайте сознаніе производителей, прибавляемъ мы теперь. Субъективная философія кажется намъ вредной именно потому, что она мѣшаетъ интеллигенціи содѣйствовать развитію этого самосознанія, противопоставляя толпу героямъ, воображая, что толпа есть не болѣе, какъ совокупность нулей, значеніе которыхъ зависитъ лишь отъ идеаловъ становящагося во главѣ ея героя» *)... «Надо разбудить въ толпѣ героическое самосознаніе» **)... надо «увеличивать силу ихъ (пролетаріевъ) сопротивленія **противъ** кабака, противъ кабатчика и противъ всякаго дурмана, какой только подноситъ или будетъ подносить имъ исторія» ***).

Легко понять, какое громадное впечатлѣніе должна была произвести эта книга съ ея яснымъ, цѣлостнымъ міровоззрѣніемъ, съ рѣзко выраженной революціонной физіономіей. Это впечатлѣніе усиливалось еще болѣе вслѣдствіе контраста съ общей умѣренностью и безцвѣтностью всей тогдашней литературы. Но въ первый моментъ широкая читающая публика была только ошеломлена; она прежде всего обидѣлась за своихъ признанныхъ вожаковъ, за свои «унаслѣдованныя» традиціи. Общее мнѣніе было таково, что Бельтовъ только «ругается» и ругается грубо. Очень возможно, что, принявъ такое рѣшеніе, наша интеллигентская публика на этомъ бы и успокоилась, тѣмъ болѣе, что народники-литераторы, убоясь полемики съ такимъ сильнымъ противникомъ, какъ Бельтовъ, прекратили свои нападки по существу и стали только горько жаловаться на нанесенную имъ и ихъ «устоямъ» обиду. Но жизнь поторопилась иллюстрировать положенія, выставленныя въ книгѣ Бельтова.

Могучей волной разлившееся рабочее движеніе показало интеллигенціи, что «дѣйствіе» уже началось и что «ученики» не только спорили съ народниками и господами Карѣевыми, но успѣли и кое-что сдѣлать въ смыслѣ развитія самосознанія «производителей» и пробужденія ихъ къ классовой борьбѣ. Удивленные взоры вѣровавшихъ въ незыблемость «устоевъ»

---

*) Бельтовъ. Стр. 234.
**) » Стр. 235.
***) » Стр. 262.

увидали вдругъ, что за «учениками» оказались цѣлые батальоны сознательныхъ и отчасти уже сорганизованныхъ рабочихъ, которые мощными пролетарскими голосами заявляли о своемъ правѣ на существованіе, о своемъ твердомъ намѣреніи встать въ авангардѣ борьбы противъ «всякаго дурмана, какой только подноситъ или будетъ подносить намъ исторія».

И это фактическое выступленіе рабочихъ: 600 подписей московскихъ рабочихъ подъ адресомъ къ 25-лѣтію Парижской Коммуны, 40,000 забастовавшихъ въ Питерѣ, шумныя маевки, участіе московскихъ рабочихъ въ демонстраціи по поводу мученической смерти Вѣтровой, массовые аресты «учениковъ» и рабочихъ,—все это вмѣстѣ взятое сдѣлало вдругъ марксизмъ «моднымъ ученіемъ». Сплошными рядами покидала молодежь народническія позиціи и становилась подъ знамя марксизма. Бельтовымъ клялись, Бельтова читали запоемъ въ каждомъ гимназическомъ кружкѣ. «Народникъ», «субъективистъ» стали бранными словами, синонимами «инвалида». Народническіе храмы пустѣли все болѣе и болѣе.

За учащейся молодежью потянулись и болѣе или менѣе сознательные идеологи капиталистическаго общества. Имъ такъ-же, какъ и марксистамъ, нужно было очистить горизонтъ отъ мелкобуржуазныхъ утопій господъ В. В. и Николай-оновъ; какъ и марксистамъ, имъ важно было доказать безсмысленность и безполезность всѣхъ попытокъ осуществить на дѣлѣ эти утопіи; и вотъ, чтобы достигнуть этого, они тоже начинаютъ группироваться вокругъ авторитетнаго имени Маркса.

«Въ настоящее время—говоритъ Ленинъ—объ этой полосѣ можно говорить спокойно, какъ о прошломъ. Ни для кого не тайна, что кратковременное процвѣтаніе марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзомъ людей крайнихъ съ людьми весьма умѣренными. Въ сущности, эти послѣдніе были буржуазными демократами, и этотъ выводъ (до очевидности подкрѣпленный ихъ дальнѣйшимъ «критическимъ» развитіемъ) напрашивался кое передъ кѣмъ еще во времена цѣлости «союза» *)... Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая побѣда надъ народничествомъ и громадное распространеніе вширь идей марксизма (хотя и въ вульгаризированномъ видѣ). Притомъ союзъ заключенъ былъ не совсѣмъ безъ всякихъ «условій». Доказательство: сожженный

*) Ленинъ. «Что дѣлать». Стр. 8.

движеніемъ; а такъ какъ она этого не сдѣлала, то движеніемъ начали руководить мѣстныя организаціи—каждая на свой рискъ и страхъ *). Такъ, движеніе въ Сѣверо—Западномъ краѣ пошло совершенно въ сторону отъ соціалистическаго пути, и авторъ «Поворотнаго пункта въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія» не находитъ за границей никакой отповѣди. Наоборотъ, членъ Группы Осв. Тр., Плехановъ, представлявшій еврейское движеніе на Лондонскомъ конгрессѣ, своимъ молчаніемъ даже какъ-бы признаетъ справедливость новаго характера движенія. «Экономизмъ», т. е. «чисто рабочее движеніе», перекидывается и въ остальную Россію, найдя здѣсь благопріятную почву въ стихійномъ увлеченіи, рабочихъ массъ «стачкизмомъ» и въ стадномъ увлеченіи интеллигенціи «модной» теоріей легальнаго марксизма.

Правда, уцѣлѣвшіе отъ массовыхъ проваловъ «старики»—первые соціалдемократы, еще крѣпко держатся за старую программу. Издаваемые ими органы: «С.-Петербургскій рабочій Листокъ» и «Рабочая Газета» цѣликомъ стоятъ на точкѣ зрѣнія революціонной соціалдемократіи; они видятъ первую и насущнѣйшую задачу соціалдемократовъ въ томъ, чтобы объединить и сорганизовать всѣхъ вовлеченныхъ въ агитацію рабочихъ въ одно органическое цѣлое, слить въ одинъ потокъ всѣ отдѣльные ручейки соціалдемократическаго движенія, словомъ создать единую политическую рабочую партію. «Ниспровергнуть самодержавіе... можетъ лишь крѣпко организованная, многочисленная рабочая партія»—писали въ 97 году петербургскіе соціалдемократы.—«Организовавшись въ сильную партію, рабочіе освободятъ себя и всю Россію отъ всякаго политическаго и экономическаго гнета» **).

«Борьба съ самодержавнымъ правительствомъ за полити-

*) Въ это время конфликтъ между Гр. Осв. Тр. и русскими соціалдемократами происходилъ не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ и Кіевѣ. На просьбу кіевскихъ товарищей издавать популярную агитаціонную литературу одинъ изъ членовъ Гр. Осв. Тр., Аксельродъ, заявилъ, что они ни въ коемъ случаѣ не станутъ издавать вульгаризированную литературу для широкихъ массъ. Почти такой же отвѣтъ получилъ и московскій депутатъ отъ Плеханова, хотя привезенныя имъ изъ Россіи для напечатанія рукописи состояли изъ слѣд. вещей: «Что долженъ знать и помнить каждый рабочій», «О конкуренціи», передѣлка «Религіи и капитала» Лафарга и т. п. вещей, ходившихъ до этого времени по рукамъ въ рукописномъ видѣ.

**) «С.-Петерб. Раб. Листокъ» № 2. Сент. 97 г.

ческую свободу—писали кіевскіе товарищи—есть ближайшая задача русскаго рабочаго движенія... Русское рабочее движеніе удесятеритъ свои силы, если выступитъ, какъ единое стройное цѣлое, съ общимъ именемъ и стройной организаціей... Отдѣльные рабочіе кружки должны превратиться въ одну общую партію... Русская рабочая партія будетъ партіей соціалдемократической» *).

Лозунгъ, данъ и всѣ «старые» соціалдемократы приняли его. Начинается работа по подготовкѣ перваго съѣзда, который долженъ положить начало партійному выступленію русской соціалдемократіи.

Но наряду съ «Рабочей Газетой» появляется уже «Рабочая Мысль»; наряду съ группой Рабочей Газеты то тутъ, то тамъ укрѣпляются «молодые», неся съ собой свою тактику. Начинается новый періодъ нашей исторіи, «періодъ разброда, распаденія, шатанія. Въ отрочествѣ бываетъ такъ, что голосъ у человѣка ломается. Вотъ и у русской соціалдемократіи этого періода сталъ ломаться голосъ, сталъ звучать фальшью,—съ одной стороны въ произведеніяхъ гг. Струве и Прокоповича, Булгакова и Бердяева, съ другой стороны—у В. И—на и Р. М., у Б. Кричевскаго и Мартынова. Но брели розно и шли назадъ только руководители: само движеніе продолжало расти и дѣлать громадные шаги впередъ. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочихъ и распространялась по всей Россіи, вліяя въ то же время косвенно и на оживленіе демократическаго духа въ студенчествѣ и въ другихъ слояхъ населенія. Сознательность же руководителей спасовала передъ широтой и силой стихійнаго подъема; среди соціалдемократовъ преобладала уже другая полоса—полоса дѣятелей, воспитавшихся почти только на одной «легальной» марксистской литературѣ, а ея было тѣмъ болѣе недостаточно, чѣмъ большей массы сознательности требовала отъ нихъ стихійность массы. Руководители не только оказывались позади и въ теоретическомъ отношеніи («свобода критики») и въ практическомъ («кустарничество»), но пытались защищать свою отсталость всякими выспренными доводами. Соціалдемократизмъ принижался до трэдъ-юніонизма и брентанистами легальной, и хвостистами нелегальной литературы» **).

---

*) «Рабочая Газета» № 2. Ноябрь 97 г.
**) Ленинъ «Что дѣлать?» стр. 139.

Оглавленіе I части.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗЕРНО“.

М. Лядовъ.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Созданіе Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

(1897—1902 года).

Содержаніе:

Цѣна 1 руб.

М. Лядовъ.

Исторія Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Созданіе Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

(1897—1903 года).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва «Дѣло», Фонтанка, 96.
1906.

I.

«Что это ныньче все политическаго мужика стали сюда возить?» спросилъ меня какъ-то въ 96 году старый сѣдой надзиратель московской тюрьмы (Таганки), водившій обыкновенно политиковъ на прогулку—«Раньше все господъ возили, студентовъ тамъ, барышень, а теперь вотъ нашъ братъ, сѣрый мужикъ—рабочій пошелъ». И это появленіе за тюремной рѣшеткой «политическаго мужика» такъ сильно подѣйствовало на воображеніе тюремнаго надзирателя, что онъ, до того времени свято исполнявшій тюремную инструкцію абсолютнаго молчанія по отношенію къ политическимъ заключеннымъ, сталъ пользоваться теперь всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы изъ разговоровъ съ политиками выяснить себѣ причину ошеломившаго его явленія. Впервые за 20 лѣтъ своей тюремной службы заинтересовался онъ вопросомъ, за что вообще сидятъ политики, чего они добиваются, къ чему стремятся. И выяснивъ себѣ столь неожиданно возникшіе въ его головѣ вопросы, сухой педантъ тюремнаго долга превратился въ лучшаго друга заключенныхъ и, постоянно рискуя потерей мѣста, сталъ совершенно безкорыстно оказывать имъ всевозможныя услуги

«Политическій мужикъ», т. е. рабочій съ 96 года все болѣе и болѣе начинаетъ вытѣснять «политическаго барина». Уже въ полугодовой день ходынскаго кроваваго жертвоприношенія на алтарь «патріотизма» главный фонъ собравшейся для демонстративной панихиды толпы составляетъ не обычный въ представленіи россійскаго обывателя типъ бунтующаго студента или курсистки, а представитель *рабочей* Москвы. И это первое открытое появленіе на улицахъ столицы протестующаго «политическаго мужика» произвело на психику средняго обывателя дѣйствіе совершенно аналогичное

тому, какое произвело его появленіе въ тюрьмѣ на психику старой тюремной крысы.

Московскій обыватель, которому въ прежнія времена не разъ приходилось быть свидѣтелемъ студенческихъ безпорядковъ и волненій, совсѣмъ не интересовался вопросомъ, ради чего «господа» бунтуютъ, чего они могутъ хотѣть. Наблюдая за расправой полицейскихъ и казаковъ со студентами и видя, какъ ихъ, словно барановъ, избивъ, загоняли въ манежъ или въ бутырскую тюрьму, онъ безъ долгихъ размышленій рѣшалъ, что такъ имъ крамольникамъ и безбожнымъ «сицилистамъ» и надо: они молъ убили одного царя и навѣрное собираются убить другого. И московскій обыватель съ наслажденіемъ протягивалъ руку помощи полицейскимъ и въ лицѣ охотнорядскихъ молодцовъ не за страхъ, а за совѣсть дубасилъ «длинноволосыхъ» студентовъ и «стриженыхъ» курсистокъ.

Ноябрьская демонстрація въ память «ходынки» и въ особенности широкое участіе въ этой демонстраціи рабочихъ заставила московскаго обывателя заинтересоваться ея причинами и накинуться на прокламаціи, которыя были выпущены Московскимъ Рабочимъ Союзомъ въ память ходынскихъ жертвъ полицейскихъ порядковъ. И тутъ обывателямъ гор. Москвы впервые въ массѣ пришлось задуматься надъ политическимъ вопросомъ. Мы глубоко убѣждены, что этого результата не добилась бы демонстрація, не мелькай на Ваганьковскомъ кладбищѣ, рядомъ съ форменной студенческой шинелью, чуйка или полушубокъ рабочаго. Только присутствіе этихъ чуекъ и полушубковъ въ разгоняемой полиціей толпѣ, породнило эту толпу съ окружающей ее массой собравшихся любопытныхъ обывателей. Долго послѣ этой демонстраціи шли по Москвѣ толки о ней, толки сочувственные, сопровождавшіеся критикой правительства.

Еще большее значеніе въ смыслѣ революціонизированія обывателя имѣла грандіозная лѣтняя петербургская стачка 96 года. Она происходила на глазахъ у всѣхъ. Каждый лавочникъ, каждый мелкій чиновникъ знали, чего требуютъ рабочіе; въ душѣ они [illegible] требованія рабочихъ вполнѣ законными и восхищались выдержкой, дисциплинированностью и спокойствіемъ стачечниковъ. Вотъ, напр., разсказъ очевидца: «Городовой, поставленный «смотрѣть» за рабочими, замѣтилъ на мостовой свертокъ. Это была только что изданная

прокламація Союза, но по какой то случайности не дошедшая до «Новой» бумагопрядильни. Поднявши свертокъ и прочтя прокламацію, блюститель порядка нашелъ, что «хорошо написано, справедливо сказано», и передалъ свертокъ обступившей толпѣ, «завѣряя», что ихъ дѣло правое и они навѣрное получатъ свое» *). Такъ-же, какъ и этотъ городовой, думалъ всякій обыватель; онъ не сомнѣвался, что правительство должно стать на сторону рабочихъ, должно заставить фабрикантовъ уступить законнымъ требованіямъ послѣднихъ. Но этотъ же обыватель очень скоро воочію убѣдился, на чьей сторонѣ правительство, и увидалъ, какъ «законныя» власти приняли «законныя» требованія рабочихъ. Очень скоро эти власти «стали арестовывать всѣхъ, кто казался подозрительнымъ. Тюрьмы были переполнены» **). «Обыскивали цѣлыми домами.... пошли массовыя высылки на родину. Стали силой принуждать идти на работу. Конные жандармы, напавши на толпу рабочихъ на улицѣ гнали ее по направленію къ фабрикѣ и загоняли во дворъ... Околоточные и городовые, въ сопровожденіи дворниковъ, по утрамъ врывались въ квартиры, стаскивали рабочихъ съ постелей, полураздѣтыхъ женщинъ отрывали отъ дѣтей и тащили на фабрики. Рабочіе прятались, куда могли: на чердаки, въ сортиры... Происходили раздирающія сцены» ***). Все это происходило на глазахъ у обывателя и онъ моталъ себѣ на усъ этотъ наглядный урокъ солидарности интересовъ фабриканта и правительства.

Появленіе на улицѣ «политическаго мужика» сразу демократизировало и популяризировало революцію, сломило ледъ, отдѣлявшій кучку революціонеровъ отъ широкой народной массы, создало цѣлый рядъ живыхъ нитей, связывающихъ носителей революціонной идеи съ этой массой.

И это наблюдалось не только въ городахъ, но даже и въ деревняхъ. Правительство, не будучи въ силахъ держать въ тюрьмахъ всю массу арестованныхъ рабочихъ, торопится ссылать ихъ по мѣстамъ родины. И вотъ въ глухую деревню какой-нибудь Новгородской или Костромской губерніи по этапу приходитъ питерскій сознательный

---

*) Петербуржецъ «Очеркъ петербург. раб. движенія 90-хъ годовъ» Лондонъ, 1902 г., стр. 34.
**) Тамъ же, стр. 35
***) Тамъ же, стр. 36.

портной, прядильщикъ, ярославскій ткачъ, московскій слесарь. Въ ихъ лицѣ деревня съ удивленіемъ встрѣчаетъ не обычнаго, хорошо ей знакомаго этапнаго путешественника «зимогора», спившагося безпаспортнаго бродягу или мелкаго воришку, а какой-то новый совершенно невѣдомый ей типъ. По этапу стали пригонять людей трезвыхъ, хорошо большей частью одѣтыхъ, людей, у которыхъ вмѣсто гармоники и бутылки изъ подъ водки—обычного багажа этапныхъ странниковъ—въ узелкѣ оказывались ученыя книжки. Сначала деревня сторонится своего новаго невольнаго сочлена, ожидаетъ отъ «арестанта» проявленія какихъ-нибудь «художествъ». Но «художества» не обнаруживаются, если не считать за таковыя разспросы про житье-бытье, стараніе вникнуть въ самыя наболѣвшія мѣста деревни, да дѣльные совѣты въ критическую минуту деревенской жизни. И вотъ деревня все болѣе и болѣе свыкается съ присланнымъ къ ней на житье рабочимъ. Онъ не скрываетъ того, за что высланъ, почему «лишенъ столицы». Разсказывая свою исторію, онъ передаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ слушателямъ и всѣ тѣ свѣдѣнія и знанія, которыя успѣлъ извлечь изъ кружковъ, брошюрокъ или агитаціи. Такимъ образомъ, передъ поднадзорнымъ рабочимъ тутъ въ деревнѣ постепенно открывается широкое поле дѣятельности. На сельскомъ сходѣ онъ отстаиваетъ интересы бѣдняковъ, разоблачаетъ міроѣдовъ, поповъ, обучаетъ невѣдомымъ деревнѣ новымъ способамъ борьбы. Такъ, напримѣръ, одинъ питерскій рабочій, попавъ на житье въ родную деревню, создаетъ тамъ потребительную лавку, другіе обучаютъ сельскихъ батраковъ городскимъ пріемамъ борьбы съ капиталомъ. Очень скоро, послѣ первыхъ же высылокъ рабочихъ въ деревни то тутъ, то тамъ появляются извѣстія о стачкахъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ крупныхъ экономіяхъ. Однимъ словомъ начинаетъ оправдываться предсказаніе группы «Освобожденія Труда», что «выброшенный изъ деревни въ качествѣ обѣднѣвшаго члена общины пролетарій вернется въ нее соціалдемократическимъ агитаторомъ»

Высланные рабочіе, съ одной стороны, вносятъ въ деревню начала классовой борьбы, сплачиваютъ сельскую бѣдноту противъ сельскихъ міроѣдовъ и помѣщиковъ, а съ другой—пробуждаютъ среди крестьянъ сознаніе необходимости бороться

за лучшую жизнь или, по крайней мѣрѣ, давать отпоръ слишкомъ ужъ рѣзкимъ проявленіямъ административнаго и помѣщичьяго гнета. Случаи такъ называемаго «сопротивленія властямъ» становятся все чаще и чаще повторяющимся явленіемъ.

Словомъ, какъ только на политическую арену выдвигается рабочій, сонная атмосфера страны сразу начинаетъ расшевеливаться. То, чего не удалось сдѣлать народоправцамъ, мечтавшимъ въ 94 году при помощи земской оппозиціи и разговоровъ о террорѣ разбудить политическую мысль Россіи, поднять «спящее болото» русскаго общества, сразу начинаетъ удаваться рабочимъ. Ихъ выступленіе пробуждаетъ классовые инстинкты буржуазіи. Боязнь самостоятельнаго, сознательнаго политическаго выступленія рабочей массы съ ея классовыми требованіями политической свободы заставляетъ либеральную буржуазію встряхнуться отъ политической спячки, а ея идеологовъ тщательнѣй разработать ту программу maximum, дальше которой не должна идти политическая реформа въ Россіи.

«Мы требуемъ, чтобы при обсужденіи вопросовъ, касающихся торговопромышленнаго класса, правительство выслушивало наши совѣты и считалось съ нашими нуждами»,—говорилъ въ 96 году предсѣдатель нижегородскаго ярмарочнаго комитета отъ имени всероссійскаго купечества министру финансовъ, выражая тѣмъ minimum требованій, при которомъ можетъ заключить сдѣлку съ самодержавнымъ правительствомъ крупная промышленная буржуазія. «Не время и нелѣпо думать въ Россіи о всеобщемъ избирательномъ правѣ» — училъ на московскихъ вечеринкахъ тогдашній «вождь» либераловъ В. А. Гольцевъ—«При невѣжествѣ нашихъ рабочихъ, не говоря уже о крестьянахъ, политическими правами могутъ пользоваться только лица съ высокимъ образовательнымъ цензомъ»*). И эта мысль, выраженная между строкъ, привычнымъ эзоповскимъ языкомъ, начинаетъ все чаще и чаще пестрѣть на страницахъ нашихъ толстыхъ либеральныхъ журналовъ, вродѣ «Русской Мысли» и «Вѣстника Европы». Либералы готовятся воспользоваться проснувшимся рабочимъ движеніемъ, чтобы

---

*) Передаю фразу г. Гольцева такъ, какъ она врѣзалась въ моей памяти на вечеринкѣ, на которой я лично присутствовалъ; понятно, могу поручиться лишь за точную передачу мысли оратора, а не формы.

руками или вѣрнѣй тѣлами пролетаріевъ добиться для себя «права и властнаго всероссійскаго земства».*)

Выступленіе рабочаго класса на политическую арену пробудило отъ политическаго индиферентизма широкіе слои городской обывательщины, заставило отдѣльные классы общества заняться выработкой своихъ классовыхъ требованій и пробило брешь въ полномъ безразличіи крестьянства. Рѣзче всего и скорѣй всего политическое выступленіе рабочихъ подѣйствовало на самый чуткій элементъ «общества», на учащуюся молодежь. Радикальное настроеніе студенчества выливается въ 96 г. въ демонстраціи въ память «ходынки», въ демонстративныя панихиды по Вѣтровой и т. д., и съ тѣхъ поръ студенческія волненія уже не прекращаются; политическій элементъ начинаетъ играть въ нихъ все большую и большую роль.

Общество оживаетъ, отряхиваясь отъ долгой спячки 80-хъ и начала 90-хъ годовъ. Витіи безвременья, декаданса, мистики, опрощенія и малыхъ дѣлъ—разные Льдовы, Волынскіе, Мережковскіе, Абрамовы, В. В.—вынуждены уступить дорогу новымъ силамъ. Въ беллетристикѣ, къ великому негодованію хранителя славныхъ традицій, Михайловскаго мѣсто мужицкихъ повѣстей приторно слащаваго народника Златовратскаго и пессимистическихъ картинъ борьбы «Власти земли» съ надвигающимся «чумазымъ» Глѣба Успенскаго занимаютъ бурныя пѣсни барда городской голытьбы Максима Горькаго. Вмѣстѣ съ Горькимъ появляется цѣлая плеяда новыхъ силъ: Вересаевы, Андреевы, Чириковы... Въ ихъ литературѣ уже не слышно пессимизма, отъ нея не вѣетъ безвременьемъ, въ ней чуется борьба, чуется новая грядущая сила, новая грядущая буря. Ликованіемъ вѣетъ отъ этой новой литературы, но не ликованіемъ сытой, отъѣвшейся, довольной собой буржуазіи, а ликованіемъ голодныхъ, узрѣвшихъ лучъ свѣта, почуявшихъ возможность и близость борьбы.

Пессимизмъ, созданный и взлелѣянный разочарованіемъ народниковъ въ народническихъ идеалахъ, и потерей вѣры въ близкое торжество этихъ идеаловъ, долженъ былъ подъ напоромъ новой могучей арміи борцовъ неминуемо смѣниться оптимизмомъ, ликованіемъ, «имянинным натроеніемъ», какъ злобно

*) См. предисловіе Р. Н. С. къ изданной въ 1901 г. въ Штутгартѣ конфиденціальной запискѣ Витте« Самодержавіе и земство».

характеризуетъ новое настроеніе апостолъ «Русск. Богатства» Гриневичъ.

Реакція 80-хъ годовъ не только разсѣяла ряды активныхъ революціонеровъ-народовольцевъ, она сблизила между собой или вѣрнѣй слила въ одно единое цѣлое всѣхъ оппозиціонно настроенныхъ. Во тьмѣ реакціи всѣ кошки оказались сѣрыми Умѣренно бюрократически-либеральный «Вѣстникъ Европы», профессорски-либеральныя (чуть чуть не радикальныя) «Русскія Вѣдомости» и «Русская Мысль», радикальное народничество Михайловскаго, реакціонное, политически консервативное народничество Воронцовыхъ, Кривенко и Абрамовыхъ—все это перемѣшивается, сливается въ одинъ «блѣдно розовый» оппозиціонный комокъ, который «пуще огня боится всего, что способно нарушить добрыя сосѣдскія отношенія и ослабить силу совмѣстнаго и дружнаго... бездѣйствія» *). Отдѣльные элементы этого комка мирно уживались вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока въ жизни господствовало кладбище и активно выступала одна лишь реакція. Но какъ только на политическомъ горизонтѣ появился рабочій классъ, появился съ шумомъ, въ грозномъ величіи 40 тысячной арміи петербургскихъ забастовщиковъ, бездѣйствію общества *долженъ* былъ наступить конецъ. Ночная мгла начала разсѣиваться, и радикальные сотрудники «Рус. Богатства» съ Михайловскимъ,—однимъ изъ авторовъ «открытаго письма Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли къ императору Александру III»—во главѣ, съ ужасомъ увидѣли, что всю реакціонную спячку они мирно мурлыкали въ униссонъ съ Воронцовыми, Абрамовыми и прочими «малыхъ дѣлъ» мастерами. «Нѣтъ, главная причина успѣха новаго ученія,—говоритъ Гриневичъ,—заключалась по нашему мнѣнію въ его отрицательной сторонѣ, въ той страстной критикѣ, съ какой оно обрушилось на наше современное и устарѣлое народничество, возложившее всѣ упованія на трехъ китовъ земли русской (общину, артель и кустарные промыслы) и побѣдоносно успокоившееся на ложѣ «малыхъ дѣлъ» и, симпатичныхъ начинаній». Съ народническими теоріями и идеалами были когда то связаны всѣ лучшія мечты и надежды русскаго общества, но тогдашнее народничество было нѣчто другое и тогдашніе народолюбцы тоже были сортомъ повыше»**)

*) А. Потресовъ (Старовѣръ) Этюды о русской интеллигенціи «О наслѣдствѣ и наслѣдникахъ», стр. 74.

**) «Русск. Богатство» 98 г. VIII. «Итоги двухъ юбилеевъ» стр. 121.

И вотъ очнувшіеся отъ сна народники просятъ щадить ихъ не за то, что фактически дѣлали *они* въ 80-ые и 90-ые годы, а за то, что дѣлали когда-то народники «сортомъ повыше»— революціонеры 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Вступившіе въ политическую борьбу русскіе рабочіе и ихъ идеологи—революціонные марксисты и не думали отрекаться отъ преемственной связи съ революціонными героями «Народной Воли», народниками «сортомъ повыше» господъ сотрудниковъ «Русскаго Богатства». Но, не отрекаясь отъ наслѣдства, оставленнаго дѣятелями 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, сознательные рабочіе и ихъ идеологи поняли и запомнили также и тѣ ошибки, которыя привели къ крушенію весь «героизмъ» революціонныхъ народниковъ. «Народная Воля» логическимъ ходомъ событій пришла къ сознанію необходимости политической борьбы, но эта борьба по ея мнѣнію не была связана съ коренной задачей революціоннаго народничества съ «соціалистическимъ переворотомъ». Поэтому политическая борьба не могла считаться народовольцами борьбой народной, борьбой массовой. «Мы», интеллигенты-соціалисты захватимъ при помощи заговора политическую власть, свергнемъ самодержавное правительство и своей диктаторской властью поможемъ народу провозгласить соціализмъ. Политическая борьба старыхъ народовольцевъ, это не что иное, какъ единоборство заговорщиковъ революціонеровъ съ представителями существующей власти; отсюда съ неизбѣжностью вытекала пассивная роль массы—всего народа —въ этой борьбѣ. «Народъ», какъ думали народовольцы, можетъ подняться лишь во имя «соціализма», т. е. во имя упроченія и усовершенствованія тѣхъ «коммунистическихъ началъ» которыя присущи русскому крестьянину и которыя воспитали въ немъ «вѣковыя устои» жизни въ крестьянскомъ міру, въ крестьянской общинѣ.

Соціалдемократы подняли политическое знамя народовольцевъ, но рѣшительно отреклись отъ ихъ идеологіи и ихъ тактики. «Бунтари народники,—писалъ идеологъ русскихъ соціалдемократовъ, Плехановъ,—вынуждены были вести политическую борьбу, хотя и считали политическую свободу вредной буржуазной выдумкой. Мы будемъ вести ту-же борьбу, хорошо сознавая значеніе политическихъ правъ въ дѣлѣ освобожденія рабочихъ. «Партія Народной Воли» сосредоточила всѣ вои силы на борьбѣ съ царской властью, извиняясь передъ «ссоціализмомъ» съ помощью *фикцій*. Мы будемъ продолжать

ея великое дѣло, но мы не будемъ нуждаться въ фикціяхъ: для насъ не существуетъ противоположенія *соціализма политикѣ;* бунтари отрицали ее во имя *«агитаціи»*. Мы будемъ заниматься и тѣмъ и другимъ, такъ какъ никакая агитація *немыслима*, если она не приводитъ къ организаціи, къ *вліянію на массы»* *).

Еще рѣзче и опредѣленнѣе высказали эту идею московскіе сознательные рабочіе: «И Россія съ 1861 г. все больше и больше вступаетъ въ кругъ европейскихъ странъ,—пишутъ они въ своемъ адресѣ, рабочимъ Франціи;—подъ могучимъ напоромъ капитализма трещатъ и разрушаются въ ней всѣ «вѣковые» устои. Буржуазія съ каждымъ днемъ становится все сильнѣе и сильнѣе, съ ней теперь считается абсолютизмъ, осыпающій ее обильнымъ дождемъ привилегій. Послѣднія вмѣстѣ съ примѣненіемъ новѣйшихъ усовершенствованій дѣлаютъ особенно болѣзненнымъ непосредственный переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ капитализму. Антагонизмъ классовъ становится поэтому все болѣе и болѣе явственнымъ, пролетаріатъ проникается все болѣе и болѣе классовымъ самосознаніемъ. Многочисленныя стачки въ различныхъ мѣстахъ имперіи, ставшія почти безпрерывными, стачки, которыхъ русское правительство не въ состояніи ни скрыть отъ общества, ни подавить силою оружія, являются лучшимъ доказательствомъ пробужденія молодого русскаго пролетаріата.

«Ничто не въ силахъ остановить разъ начавшееся движеніе. Русскіе рабочіе, поднявшіе старое революціонное знамя, обагренное кровью с..лькихъ мучениковъ изъ ихъ среды и среды интеллигенціи, вооружившись идеями научнаго соціализма, стали подъ общее знамя пролетаріата всего міра. Они горды сознаніемъ, что передовой бастіонъ европейской реакціи, который предстоитъ взять пролетаріату всѣхъ странъ—царизмъ— долженъ быть *ими* разрушенъ, что послѣдній оплотъ буржуазнаго господства, безъ уничтоженія котораго немыслима побѣда всего пролетаріата, долженъ быть *ими* свергнуть» **).

---

*) Плехановъ «О соціальной демократіи въ Россіи», послѣсловіе къ Туну «Исторія рев. движеній въ Россіи», изд. «Библіотеки для всѣхъ», стр. 386.

**) Адресъ московскихъ рабочихъ рабочимъ Франціи ко дню 25-лѣтія провозглашенія парижской коммуны, 29 февраля 1896 г. Цитировано по соціалдемократическому календарю на 1902 г. Женева 1900 г., стр. 211—212.

Въ этомъ адресѣ 605 рабочихъ, подписавшихъ его, смѣло заявляютъ, что только ихъ руками можетъ быть свергнуто самодержавіе. «Мы смѣло можемъ заявить нашимъ товарищамъ Франціи,—пишетъ въ то-же время Петербургскій Союзъ Борьбы,—что русскому рабочему классу положено прочное основаніе, и никакая сила въ мірѣ не въ состояніи задержать его поступательный ходъ... Царизмъ чуетъ, что его врагъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, что этотъ врагъ его не безсильный либерализмъ русскихъ образованныхъ классовъ, а подымающаяся волна соціалдемократическаго движенія. Русскій рабочій людъ, стоящій подъ знаменемъ научнаго соціализма, спокойно смотритъ въ будущее, увѣренный въ своей конечной побѣдѣ» *).

Московскіе рабочіе говорятъ о «старомъ революціонномъ знамени, обагренномъ кровью столькихъ мучениковъ», о томъ знамени, на которомъ когда-то красовалось «Земля и Воля». Когда партія «Земли и Воли» раскололась, фактически было разорвано и это старое знамя. Чернопередѣльцы оставили себѣ борьбу за «землю» (за соціализмъ), народовольцы—борьбу за «волю» (политическую борьбу). Соціалдемократы вновь соединили старый лозунгъ воедино. Но вставъ подъ старое знамя, они очистили его отъ всего утопическаго, отъ всего ненаучнаго. Активное выступленіе массъ, а не заговоръ интеллигентовъ—революціонеровъ, сломитъ самодержавіе, классовая пролетарская борьба, а не прирожденная соціалистичность крестьянства, добьется соціалистическаго строя. Еще въ 1895 г. ветеранъ народовольчества, Петръ Лавровъ задается вопросомъ, возможно ли «организовать русскую рабочую партію при господствѣ абсолютизма, не организуя въ то-же время революціонной партіи противъ этого абсолютизма» **). По его мнѣнію это невозможно. Онъ все еще противопоставляетъ «революціонныя личности и группы для борьбы съ абсолютизмомъ» группировкѣ «рабочихъ силъ для борьбы съ капиталомъ» ***). «Политическій заговоръ» это по его мнѣнію единственно возможная форма борьбы съ абсолютизмомъ, а въ политическомъ заговорѣ нѣтъ мѣста массамъ, рабочему класс[у].

---

*) Адресъ петербургскихъ рабочихъ французскому пролетаріату 3 февраля 96 г.

**) «Летучій листокъ группы Народной Воли» № 4, декабрь 95 г. ст. Лаврова «О программныхъ вопросахъ», стр. 21.

***) Тамъ-же стр. 21.

«Организацію русской рабочей партіи,—говоритъ онъ,—пр[illegible]шлось бы создавать при условіи существованія абсолютизма со всѣми его прелестями. Если соціалдемократамъ удалось бы сдѣлать это, не организуя въ то же время политическаго заговора противъ абсолютизма со всѣми условіями подобнаго заговора, то конечно ихъ политическая программа была бы надлежащей программой русскихъ соціалистовъ, такъ какъ освобожденіе рабочихъ силами самихъ рабочихъ совершилось бы. Но оно весьма сомнительно, если не невозможно»*).

Народовольцы, работающіе въ Россіи, начинаютъ уже иначе смотрѣть на этотъ вопросъ. Тѣ изъ нихъ, которые не удовлетворялись воспоминаніями старины, мечтами о былыхъ герояхъ и безплодными поисками героевъ современныхъ, а приступили къ единственно возможной въ то время работѣ, къ пропагандѣ среди рабочихъ, подъ натискомъ рабочаго движенія вынуждены были отрѣшаться отъ старыхъ утопій, становиться на классовую точку зрѣнія, т. е. дѣлаться соціалдемократами. Петербургскіе народовольцы, издававшіе тотъ самый «Летучій Листокъ группы Народной Воли», въ № 4 котораго помѣщено было цитированное письмо Лаврова, еще въ 3-мъ номерѣ начинаютъ колебаться, а въ 4-мъ рѣшительно и безповоротно заявляютъ, что становятся на точку зрѣнія соціалдемократіи. «Грядущая политическая революція,—читаемъ мы въ этомъ номерѣ, —тѣмъ въ большей мѣрѣ удовлетворитъ соціалистическимъ требованіямъ, тѣмъ полнѣй будетъ соотвѣтствовать интересамъ трудящагося класса, чѣмъ большей ясности и напряженія достигнетъ въ немъ сознаніе своихъ классовыхъ интересовъ и средствъ ихъ удовлетворенія» **). «Способствовать развитію классового самосознанія,—говорится въ другой статьѣ, —мы можемъ, организуя его (пролетаріата) борьбу за матеріальное благосостояніе и конечно освѣщая ее свѣтомъ соціализма» ***).

Печатая статью Лаврова «Къ программнымъ вопросамъ», редакція «Летучаго Листка» оговариваетъ свое несогласіе съ ней и обѣщаетъ по ея поводу помѣстить въ 5-мъ номерѣ редакціонную статью. Но № 5 не вышелъ. Лѣтомъ 96 года редакція и отлично оборудованная типографія группы были арестованы.

---

*) «Летучій Листокъ» № 4, ст. Лаврова, стр. 21.
**) Тамъ-же. Передовая статья.
***) Тамъ-же. Статья «Къ дѣлу».

Изданіе прекратилось. До ареста Группа Летучаго Листка Народной Воли, отчасти по собственному почину, отчасти по заказу Петербургскаго Союза Борьбы издала цѣлый рядъ популярныхъ агитаціонныхъ и пропагандистскихъ соціалдемократическихъ брошюръ: 1) О стачкахъ, 2) Рабочій день, 3) Рѣчь на 1-ое мая 95 года, 4) Передѣлка хитрой механики, 5) Рѣчи петербургскихъ рабочихъ, 6) Ткачи Гауптмана, 9) Популярное изложеніе теоріи Маркса, 10) Первое мая, 11) Что такое соціализмъ и политическій преступникъ и т. п.

Фактически въ это время единственнымъ революціоннымъ классомъ въ Россіи былъ рабочій классъ. Всякій революціонеръ-интеллигентъ, желавшій дѣйствовать, а не только говорить о революціи, долженъ былъ идти въ рабочую среду. А разъ уже онъ попадалъ въ эту среду, она, часто даже противъ его воли, втягивала его въ свою классовую психологію, и, извлекая изъ него всѣ его теоретическія знанія, давала ему взамѣнъ знанія дѣйствительной жизни и въ конечномъ счетѣ дѣлала его соціалдемократомъ*). Случай съ петербургской группой Народной Воли былъ далеко не единственный. Мы знаемъ аналогичные случаи съ народовольческими кружками въ Москвѣ и въ Харьковѣ. И тамъ члены этихъ кружковъ, подъ вліяніемъ работы среди пролетаріата превращались въ соціалдемократовъ. Къ 96—97 годамъ въ Россіи уже нѣтъ иныхъ дѣйствительно работающихъ революціонныхъ группъ, кромѣ соціалдемократическихъ **). Но хотя соціалдемократы

---

*) Одинъ изъ основателей группы Летуч. Листка Н. В., М. С. Александровъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ постепенно, самъ того не замѣчая, подъ вліяніемъ сношеній съ рабочими, усваивалъ соціалдемократическую точку зрѣнія. Онъ обратилъ на это свое вниманіе лишь послѣ того, какъ его товарищи, не имѣвшіе непосредственнаго соприкосновенія съ рабочими, съ негодованіемъ охарактеризовали одну изъ предложенныхъ имъ рукописей, какъ «чисто Плехановскую».

**) За исключеніемъ Польши, гдѣ какъ разъ въ это время особенно усилилась послѣ провала соціалдемократическихъ организацій ярко окрашенная въ шовинистическій цвѣтъ «польская соціалистическая партія». (П. П. С.). Косвеннымъ доказательствомъ отсутствія другихъ революціонныхъ группъ можетъ служить инцидентъ съ русской делегаціей на Лондонскомъ конгрессѣ. Делегатъ Народной Воли имѣлъ мандатъ лишь отъ заграничной группы «старыхъ народовольцевъ» и былъ допущенъ въ делегацію только изъ уваженія къ памяти старой «Народной Воли». Делегатъ группы русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ на конгрессъ допущенъ не былъ, по-

дѣйствовали почти исключительно среди рабочихъ, ихъ выступленіе уже тогда оказало вліяніе на все общество. Самый фактъ зарожденія соціалдемократическаго массового рабочаго движенія въ Россіи далъ урокъ политическаго воспитанія всему обществу, всему народу, пробудилъ ихъ отъ политической спячки, нарушилъ ихъ политическій индиферентизмъ. Рабочіе Россіи, часто еще не будучи сами революціонерами, своими первыми массовыми выступленіями сыграли громадную революціонную роль и тѣмъ уже тогда завоевали себѣ мѣсто въ авангардѣ русской революціи.

II.

Развиваясь и расширяясь, соціалдемократическое движеніе естественно принуждено было постепенно утрачивать то однообразіе въ настроеніи и ходѣ мыслей своихъ членовъ, которое наблюдалось въ началѣ работы.

При кружковой дѣятельности крупнаго разномыслія между отдѣльными соціалдемократами быть не могло, не было его и при первыхъ шагахъ агитаціонной работы. Какъ мы говорили уже въ первой части нашего труда, «единство плана и единство дѣйствія обсусловливалось единствомъ матерьяла, надъ которымъ приходилось работать, и единствомъ орудій производства, т. е. имѣющейся въ распоряженіи группъ легальной и нелегальной литературы» *). Но по мѣрѣ развитія движенія вширь и вглубь, это положеніе должно было измѣниться. Широкая работа среди массъ предъявляла работникамъ все новыя и новыя задачи. Горизонтъ окружающей жизни становился шире, сама жизнь сложнѣй. Исчезло и однообразіе въ подготовкѣ. Какъ мы уже видѣли, наряду съ выдержанной нелегальной соціалдемократической литературой начинаетъ пріобрѣтать все большія права грждакства литература легальная, вульгаризированный марксизмъ. Въ ряды дѣйствующихъ соціалдемократовъ начинаютъ все болѣе и болѣе проникать лица, воспитанныя на этой болѣе доступной литературѣ. Если раньше, во времена самой ожесточенной

тому что было доказано, что онъ представлялъ лишь нѣсколькихъ заграничныхъ студентовъ. См. объ этомъ у Плеханова «Новый походъ противъ русскихъ соціалдемократовъ.» Женева 1897 г.

*) См. часть I, стр. 71.

борьбы съ народничествомъ каждый марксистъ говорилъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, независимо отъ того, къ какой группѣ онъ принадлежалъ и въ какомъ городѣ онъ получилъ свое соціалдемократическое воспитаніе, то теперь уже не то: ходъ мыслей практическаго участника уже начавшагося широкаго фабрично-заводскаго рабочаго движенія какого-нибудь крупнаго центра, вродѣ Москвы или Петербурга, долженъ уже сильно разниться отъ хода мыслей практическаго участника работы среди ремесленниковъ Вильны или Минска и еще болѣе не совпадать съ ходомъ мыслей работника не-промышленнаго города (Орла, Казани), въ которомъ нѣтъ и слѣда ни фабрично-заводскаго, ни ремесленнаго массового движенія, гдѣ дѣятельность поневолѣ вынуждена не выходить за рамки чистой кружковщины и при томъ интеллигентской кружковщины. Ходъ мыслей соціалдемократа—практика, ставшаго соціалдемократомъ именно благодаря своему личному участію во всей черновой подготовительной работѣ среди рабочихъ, долженъ уже сильно расходиться съ ходомъ мыслей соціалдемократа, вовлеченнаго въ соціалдемократизмъ уже прорвавшимся потокомъ рабочаго движенія, бьющими всѣмъ въ глаза внѣшними проявленіями этого движенія.

Для того, чтобы понять всю неизбѣжность разномыслія среди соціалдемократовъ 97 года, необходимо серьезно вдуматься и ясно представить себѣ конкретную обстановку тогдашнихъ условій работы, всю ту оторванность отдѣльныхъ кружковъ другъ отъ друга, положительную невозможность болѣе или менѣе правильно дѣлиться опытомъ, установить общую традицію работы. Петербургскій кружокъ соціалдемократовъ, напримѣръ, работаетъ 2—3 года. Онъ самъ развивался вмѣстѣ съ развитіемъ рабочаго движенія, становился соціалдемократическимъ кружкомъ, благодаря работѣ именно среди петербургскихъ рабочихъ; вмѣстѣ съ ними онъ постепенно, въ самомъ ходѣ работы вырабатывалъ опредѣленныя нормы, вмѣстѣ съ ними вступилъ въ типично петербургское массовое движеніе. Вѣнцомъ работы этой группы лицъ является учрежденіе Петербургскаго Союза Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса. Вскорѣ послѣ организаціи Союза кружокъ иниціаторовъ почти цѣликомъ проваливается. Его мѣсто не остается пустымъ. Быстро организуется новый кружокъ. Въ этотъ кружокъ входитъ, допустимъ, только что пріѣхавшій изъ Вильны работникъ. Онъ привезъ съ собою свой собст-

венный опытъ, свою собственную традицію работы. Онъ сталъ соціалдемократомъ, работая именно среди еврейскихъ ремесленниковъ. Эта работа наложила на него свое вполнѣ опредѣленное клеймо. Онъ видѣлъ, какъ его методъ работы тамъ въ Вильнѣ блестяще оправдывалъ себя, далъ прямо поразительные результаты; понятно, что попавъ въ новый городъ, онъ прежде всего аппелируетъ къ своему личному опыту, къ опыту своего кружка, своей организаціи.

Правда такой пріѣзжій, проработавъ нѣкоторое время при новыхъ условіяхъ, постепенно знакомясь съ ними, въ концѣ концовъ приспособился-бы къ нимъ; но бѣда въ томъ, что жизнь не ждетъ, работа требуетъ его немедленнаго участія; немедленно-же по пріѣздѣ онъ долженъ окунуться въ самую гущу, сейчасъ-же, напримѣръ, написать прокламацію, пойти на сходку, въ кружокъ или на организаціонное собраніе. Прокламація пишется и она невольно носитъ отпечатокъ столь близкой и знакомой автору среды, но чуждый и непонятный для данной массы оттѣнокъ. Тоже самое происходитъ съ нимъ и въ организаціонномъ собраніи и въ устной агитаціи.

Допустимъ теперь, что послѣ разгрома Петербургскаго Союза составъ его пополняется—наряду съ практикомъ, виленцемъ, практиками—москвичемъ, тулякомъ и казанцемъ. Всѣ они одинаково съ виленцемъ опытные работники, но каждый изъ нихъ прошелъ свою школу, имѣетъ свои традиціи работы. Москвичъ, предположимъ, работалъ при условіяхъ почти полнаго отсутствія въ организаціи «интеллигенціи». Успѣхъ московскаго движенія онъ объясняетъ именно этимъ отсутствіемъ интеллигентовъ, тѣмъ, что тамъ почти вся главная агитаціонная и организаціонная работа велась сознательными рабочими. Онъ привыкъ относиться съ презрѣніемъ къ «интеллигентщинѣ» и это презрѣніе начинаетъ возводить въ принципъ. Конечно его точка зрѣнія должна казаться дикой какому нибудь практику изъ Тулы. Тамъ работа не успѣла еще выйти за предѣлы кружковой дѣятельности, вся тяжесть работы лежала исключительно на интеллигентныхъ пропагандистскихъ силахъ; тамъ энергичная интеллигентская группа создала для кружковыхъ рабочихъ чуть-ли не соціалистическій университетъ, который доставлялъ кадры сознательныхъ соціалдемократовъ рабочихъ въ крупные промышленные центры. Еще болѣе дикой должна будетъ казаться точка зрѣнія москвича казанцу, воспитанному въ организаціи, не успѣвшей выйти

за предѣлы чисто интел лигентскихъ кружковъ, который благодаря этому не можетъ себѣ конкретно представить дѣйствительно существующаго сознательнаго, не требующаго интеллигентской опеки рабочаго.

Когда каждый изъ этихъ практиковъ работалъ въ своемъ углу, онъ, за рѣдкими исключеніями, не сталкивался вовсе съ опытомъ другихъ мѣстъ, съ практикой другихъ кружковъ. Всѣ, кого онъ видѣлъ, всѣ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться, въ общемъ и цѣломъ мыслили такъ-же, какъ онъ. Различія въ образѣ мыслей въ предѣлахъ одного кружка могли обусловливаться лишь исключительно индивидуальными, чисто субъективными особенностями того или иного лица: большимъ или меньшимъ запасомъ знанія одной и той же литературы, большей или меньшей впечатлительностью, большей или меньшей способностью реагировать на одни и тѣ же событія. Теперь жизнь сталкиваетъ его съ представителями иной практики, прошедшими иную школу, воспитавшимися въ иныхъ условіяхъ работы. Нѣтъ времени разобраться, какая изъ всѣхъ различныхъ, столкнувшихся вмѣстѣ практикъ наиболѣе практична, наиболѣе подходяща для данныхъ новыхъ условій работы. Въ дѣйствительности этотъ вопросъ въ большинствѣ случаевъ и вовсе не ставится, дѣло рѣшается не въ этой плоскости. Обыкновенно происходитъ одно изъ двухъ: либо вновь сформировавшійся кружокъ принимаетъ тактику наиболѣе энергичнаго работника, независимо отъ того, является ли этотъ работникъ представителемъ московскаго, виленскаго или казанскаго теченія, либо же,—если въ одномъ и томъ же кружкѣ столкнутся болѣе или менѣе равные по силѣ и по личной энергіи представители двухъ разныхъ теченій, непоколебимо убѣжденные въ правотѣ своихъ взглядовъ,—каждый начинаетъ проводить свою тактику до поры до времени въ рамкахъ одной и той же организаціи, а затѣмъ, если практическое примѣненіе различной тактики не сгладится жизнью, происходитъ расколъ, образуются конкуррирующія другъ съ другомъ организаціи.

Расколу часто способствуетъ остальной составъ организаціи. Исторически сложившіяся, вполнѣ спѣвшіяся организаціи, какъ мы видѣли, почти всѣ были разгромлены во время проваловъ 95—96 годовъ. Разгромъ коснулся не только интеллигенціи, но и въ очень сильной степени сознательныхъ рабочихъ. Больше всего пострадали

наиболѣе активныя организаціи крупныхъ промышленныхъ центровъ. На время громадное большинство наиболѣе активныхъ и сознательныхъ работниковъ было вовсе изъято изъ обращенія, разсажено по тюрьмамъ. Въ это время ряды выбывшихъ изъ строя активныхъ работниковъ пополняются съ одной стороны пріѣзжими изъ другихъ мѣстъ социалдемократами, которые до того никакого участія въ работѣ не принимали, или, въ лучшемъ случаѣ, исполняли ту или иную вспомогательную, второстепенную функцію. Своего критическаго опыта у этихъ послѣднихъ нѣтъ, и тѣмъ не менѣе, участвуя вмѣстѣ съ пріѣзжими практиками въ обсужденіи пригодности того или иного практическаго пріема, они по чисто субъективнымъ мотивамъ давали перевѣсъ тому или иному направленію. Я подчеркиваю, что предпочтеніе того или иного направленія принималось и не могло не приниматься иначе, какъ по чисто субъективнымъ мотивамъ, потому что разница между всѣми тогда намѣчавшимися направленіями въ то время была не принципіальная, а, если можно такъ выразиться, только количественная, сводившаяся къ той или иной оцѣнкѣ имѣющихся въ наличности силъ. *Для всѣхъ практиковъ было идеаломъ повести дѣло такъ, чтобы во главѣ работы стояли по преимуществу сознательные рабочіе.* Весь вопросъ сводился именно къ оцѣнкѣ имѣющихся на лицо рабочихъ; одни считали ихъ достаточно сознательными, чтобы руководить движеніемъ, другіе были болѣе осторожными и предпочитали продолжать выработку сознательности, а пока руководить самимъ. Понятно, что болѣе осторожными оказывались не увлекавшіеся старые практики. Они на опытѣ познали разницу между стремленіями и наклонностями сознательнаго, социалдемократически выдержаннаго рабочаго и стремленіями и наклонностями всей рабочей массы вообще и только что извлеченныхъ изъ этой массы, уже затронутыхъ агитаціей, но не ставшихъ еще сознательными среднихъ рабочихъ въ частности. Къ сознательнымъ рабочимъ эти старые практики относились какъ къ вполнѣ равнымъ себѣ. Ихъ участіе въ руководствѣ движеніемъ они считали не только желательнымъ, но и прямо необходимымъ. Интеллигентные же неофиты этой разницы не понимали. Лишенные всякого практическаго опыта, они вносили въ свою работу идеализацію *всякаго рабочаго*, своего рода «культъ» рабочаго, сильно напоминающій культъ «мужичка» кающимися дворянами народническаго пошиба. Какъ разъ эта, не успѣвшая еще

окончательно отдѣлиться отъ родной интеллигентской среды, молодежь съ ярымъ презрѣніемъ относилась къ «интеллигентщинѣ» и рабски преклонялась передъ всѣмъ, что дѣлаетъ, что говоритъ и чего желаетъ «рабочій». Исходя изъ этого культа молодежь эта и явилась горячей защитницей полной и самой широкой «самодѣятельности» рабочихъ, совершенно не желая въ тоже время считаться съ ихъ подготовкой къ *соціалдемократической* самодѣятельности.

Точно также дѣло обстояло и со всѣми остальными спорными вопросами. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ еще совершенно отсутствуетъ принципіальное обоснованіе спорной точки зрѣнія. Нѣтъ еще литературной обработки выдвинутыхъ жизнью тактическихъ и организаціонныхъ вопросовъ. Все дѣло сводится къ коллективному или личному опыту уже работавшихъ.

Въ Москвѣ работала, напримѣръ, одна активная группа, которая, проработавъ 3—4 года, въ 95 г. провалилась «Затишье, наступившее послѣ августовскаго погрома продолжалось недолго. Уже въ октябрѣ того же года возникаетъ новый интеллигентный кружокъ, который старается возстановить дѣло своихъ предшественниковъ» *). Въ первой части мы подробно останавливались на исторіи этого перваго московскаго кружка, мы видѣли, что, приступивъ къ массовой агитаціи, онъ завелъ самыя широкія связи съ рабочими и отчасти успѣлъ уже организаціонно закрѣпить эти связи. Новому кружку приходилось начинать дѣло сначала, связи благодаря провалу утрачены, зародышъ организаціи исчезъ. На первый планъ вновь приходится ставить пропагандистскіе кружки. Центральный Комитетъ Московскаго Рабочаго Союза въ только что цитированномъ отчетѣ [illegible] причину этого тѣмъ, что: 1) имѣя мало [illegible], онъ только ею и могъ заниматься, и 2) [illegible] погрома чувствовался такой недостатокъ [illegible] опытныхъ руководителямъ [illegible] вопросъ о пропагандѣ пріобрѣталъ [illegible] **). Но вотъ мало по малу выплываютъ [illegible] заводахъ, отыскиваются [illegible] организаціей рабоч[illegible]

*) Рабочее движеніе [illegible] Центр. Комитета Моск. Раб. Союза. «Работникъ», № 3—4. [illegible] 97 г., стр. 35.

**) Тамъ-же стр. 35.

и подъ ихъ давленіемъ «занятія начали принимать скорѣй агитаціонный характеръ: на нихъ старались быстро создать активнаго участника въ движеніи, хотя бы это и шло въ ущербъ его основательности» *).

Многолѣтній опытъ первой московской организаціи, выработавшій практику одновременнаго параллельнаго существованія пропаганды и агитаціи, для ея преемниковъ пропалъ даромъ. Сначала они занимаются исключительно одной пропагандой, затѣмъ очень скоро забрасываютъ ее вовсе и вдаются въ противоположную крайность — одну агитацію. Вотъ, что читаемъ мы въ концѣ отчета за зиму 95—96 года: «Въ ночь съ 10 на 11 ноября были арестованы 23 интеллигента и 30 съ лишнимъ рабочихъ. Второй погромъ, хотя и меньшій по размѣрамъ, произошелъ ровно черезъ мѣсяцъ съ 9-го на 10-е декабря. Кромѣ того, между этими двумя погромами былъ цѣлый рядъ единичныхъ арестовъ. Несмотря на эти погромы московское движеніе растетъ и развивается, требуя все болѣе и болѣе интеллигентныхъ силъ. Къ сожалѣнію въ Москвѣ въ нихъ чувствуется большой недостатокъ» **). Такъ кончается одинъ отчетъ, а вотъ начало слѣдующаго, помѣщеннаго въ той же книжкѣ «Работника». Этотъ отчетъ касается дѣятельности Московскаго Рабочаго Союза за декабрь 96 г. и январь 97 г., — «Московское движеніе за послѣдніе мѣсяцы отличается двумя особенностями. Первая—это почти полное отсутствіе вмѣшательства въ него интеллигенціи; вызвано оно отчасти тѣмъ, что безпрерывные аресты не даютъ ей возможности слиться съ движеніемъ, отчасти же тѣмъ, что, *желая держаться стараго способа дѣйствій, она оказывается безсильной руководить движеніемъ и принуждена постоянно идти въ его хвостѣ* (курсивъ мой М. Л.). Вторая особенность, о которой мы упомянули выше, — это борьба за сокращеніе рабочаго дня, охватившая всѣ московскіе заводы и переходящая въ послѣднее время на фабрики» ***).

За два мѣсяца очевидно радикально измѣнился составъ «Союза» традиціонная связь между новымъ и старымъ составомъ Союза исчезла. Небольшіе остатки стараго направленія чувствуютъ и отстаиваютъ необходимость не забрасывать окончательно

*) Тамъ же, та же страница.
**) Тамъ-же стр. 52.
***) «Работникъ», № 3—4, стр. 94.

кружковую работу. Но агитаціонная работа при усилившемся стачечномъ движеніи требуетъ всѣхъ наличныхъ силъ организаціи. Пропаганда уже считается анахронизмомъ, отстаивающіе ее характеризуются, какъ «идущіе въ хвостѣ» движенія. Очевидно, что во главѣ движенія теперь уже стоятъ тѣ быстро сфабрикованные агитаціей «активные участники въ движеніи»—интеллигенты и рабочіе, «активность» которыхъ по словамъ перваго отчета шла въ ущербъ ихъ, основательности.

Мы остановились на московскомъ отчетѣ, который охватываетъ періодъ приблизительно въ два года. За это время, массовое движеніе разрослось страшно быстро, а между тѣмъ организація потерпѣла три почти полныхъ провала. Съ каждымъ проваломъ работа совершенно прерывалась, и каждому новому составу характеръ работы приходилось вырарабатывать каждый разъ сызнова. Все зависѣло отъ немногихъ уцѣлѣвшихъ отъ погрома работниковъ и отъ вновь привлеченныхъ къ работѣ. При такихъ условіяхъ взаимныя недоразумѣнія и даже расколы становятся неизбѣжными. Особенно богата по части расколовъ и межгрупповыхъ распрей хроника петербургскаго движенія. Попытаемся по даннымъ Акимова хотя бы только перечислить всѣ группы, работавшія въ Петербургѣ и существовавшія одновременно въ періодъ 95—97 годовъ. «Наряду съ «Союзомъ Борьбы» въ это время работала въ Петербургѣ группа «Молодыхъ» *) «Весною 96 г. кромѣ двухъ группъ дѣйствовала также группа, ведшая свое происхожденіе отъ группы рабочихъ Невскаго завода ...и еще одна организація, создавшаяся около одной воскресной школы» **); затѣмъ «группа 4-го листка ***); «молодые въ свою очередь распадались на двѣ группы—назову ихъ А и Б, которыя обѣ не ладили со стариками... Уже лѣтомъ (97 г.) сложилась группа рабочихъ «Рабочая Мысль», осенью же образовалась «группа технологовъ», вышедшихъ изъ союза» ****). И всѣ эти группы,—а мы убѣждены, что списокъ ихъ далеко не полонъ, — то сливаясь, то опять раскалываясь, дѣйствуютъ одновременно, часто на одномъ и томъ же заводѣ, среди однихъ и тѣхъ же

---

*) «Очеркъ развитія соціалдемократіи въ Россіи» стр. 46.
**) Тамъ же стр. 54.
***) Тамъ же стр. 56.
****) Тамъ же стр. 59.

рабочихъ и при томъ каждая изъ этихъ группъ отъ времени до времени то частично, то цѣликомъ проваливается и такимъ образомъ сама, быть можетъ, не разъ мѣняетъ свою физіономію. «Въ ночь съ 8-го на 9-ое декабря 1895 г. произошли аресты членовъ обѣихъ группъ. Аресты продолжались весь декабрь и январь 96 г. и частью въ февралѣ. Союзъ Борьбы пострадалъ особенно сильно, потому что его членовъ забрали сразу, хотя и не всѣхъ; аресты же молодыхъ растянулись, и тѣ, кого взяли позже, успѣли передать дѣла вновь привлеченнымъ лицамъ. Поэтому работа съ января 96 г. легла преимущественно на группу «молодыхъ»... черезъ два мѣсяца событія заставили всѣхъ работавшихъ въ С.П.Б. соціалдемократовъ дѣйствовать сообща; это объединило ихъ, и съ осени они выступили, какъ единая организація, принявшая старое имя Союза Борьбы» *). Затѣмъ опять произошли провалъ и расколъ. Лѣтомъ 97 г. «во главѣ ослабленнаго разгромомъ Союза формально стояли не тѣ товарищи, которые руководили борьбой 96-го и начала 97-го года, а «старики», члены Союза Борьбы 95-го года» **). И такъ далѣе безъ конца. Все это происходитъ далеко не въ одномъ только Петербургѣ; въ каждомъ городѣ, гдѣ ведется интенсивная работа, мы наблюдаемъ тоже самое. Чѣмъ шире разростается движеніе, тѣмъ чаще происходятъ аресты и массовые провалы, тѣмъ слабѣе становится связь между вновь вступившими въ работу и старыми работниками; растетъ разноголосица между отдѣльными членами организацій, а съ нею множатся и поводы къ расколамъ и взаимнымъ недоразумѣніямъ. Съ другой стороны, чѣмъ меньше подготовленными къ работѣ вообще оказываются новобранцы движенія (а мы знаемъ, что благодаря «легальному» — вульгаризированному марксизму, а также отсутствію возможности болѣе или менѣе продолжительной работы, подготовка практиковъ въ это время сильно хромала), тѣмъ болѣе неизбѣжной становилась возможность раскола...

«У насъ есть много людей, — говоритъ Плехановъ, — называющихъ себя соціалдемократами и не усвоившихъ себѣ *даже азбуки современнаго соціализма*. Этимъ и объясняется господствующая у насъ теперь неразбериха, благо-

*) Акимовъ. «Очеркъ разв. с.-д. въ Россіи.» Стр. 53—**54**.
**) Тамъ же стр. 58.

даря которой скоро можно будетъ съ увѣренностью сказать, что тамъ, гдѣ встрѣтятся два русскихъ соціалдемократа, навѣрно окажется три соціалдемократическихъ партіи»*) Плехановъ писалъ эти строки въ 900 г. Русскіе практики ясно сознавали эту неразбериху уже въ 97 году. Уже тогда, встрѣчаясь другъ съ другомъ, два соціалдемократа невольно задавали каждый себѣ вопросъ: да дѣйствительно ли соціалдемократъ мой собесѣдникъ? Эта разноголосица чувствовалась практиками тѣмъ сильнѣе, что несмотря на то, что вся дѣятельность соціалдемократовъ происходила въ подпольи, результаты ея все съ большей силой пробивались наружу. О соціалдемократахъ говорило уже все общество, соціалдемократы участвовали на публичныхъ дискуссіяхъ въ Вольно-экономическомъ Обществѣ въ Петербургѣ, на лекціяхъ въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ, на всевозможныхъ студенческихъ вечеринкахъ. Прокламаціи соціалдемократовъ цитировались даже въ правительственныхъ сообщеніяхъ. Какъ мы увидимъ ниже, правительство въ то время уже начинало приспособлять свою тактику борьбы съ рабочимъ движеніемъ къ тактикѣ соціалдемократовъ. На публичныхъ дискуссіяхъ (на которыхъ уже сильно замѣтно присутствіе рабочихъ), въ кружкахъ, па агитаціонныхъ сходкахъ ораторамъ ставятся вопросы, какъ смотрятъ русскіе соціалдемократы на то или иное событіе русской или міровой жизни, какъ оцѣниваютъ они тотъ или иной правительственный актъ. Задаваемые вопросы выходятъ уже далеко за рамки обычной темы борьбы рабочихъ съ капиталистами. И вотъ ораторомъ отъ имени соціалдемократовъ выступаетъ какой нибудь студентъ или недавно кончившій гимназистъ, вся соціалдемократическая эрудиція котораго зиждется на только что прочитанныхъ двухъ-трехъ популярныхъ брошюркахъ и нѣсколькихъ плохо понятыхъ, но тѣмъ тверже заученныхъ фразъ изъ Бельтова, Волгина, Туганъ-Барановскаго или Струве. И этотъ ораторъ отъ имени соціалдемократіи вѣщаетъ отвѣты, безъ запинки говоритъ о золотой валютѣ, о миссіи пролетаріата, о торговомъ договорѣ, о хлѣбномъ рынкѣ, объ экономическомъ матеріализмѣ и т. д. Слова: метафизика, монизмъ, эклектизмъ такъ и сыплются, а рѣчь такъ и пестритъ цитатами якобы изъ Маркса, Плеха-

---

*) Vademekum. Для редакціи Рабочаго Дѣла. Предисловіе Плеханова стр. LII. Женева 1900 г.

нова и т. д. Такой ораторъ говоритъ по большей части чушь, ничего общаго съ соціалдемократической точкой зрѣнія не имѣющую, разбить которую не стоитъ большого труда маломальски образованному слушателю. И если такого «соціалдемократа» оппоненты сажаютъ, что называется, въ калошу это — еще полбѣды; но бѣда въ томъ, что завтра таже аудиторія, выслушавъ уже серьезнаго, научно подготовленнаго соціалдемократа, становится втупикъ: кто же изъ двухъ ораторовъ въ самомъ дѣлѣ говоритъ отъ имени соціалдеморкатіи, кто изъ нихъ выражаетъ дѣствительное настроеніе дѣйствительныхъ русскихъ соціалдемократовъ? А такъ какъ широкое общество гораздо чаще сталкивается именно съ этими только что описанными, недавно вышедшими изъ его среды интеллигентными недоучками—«соціалдемократами» или съ легальными вульгаризаторами Маркса — пока еще тоже причисляющими себя къ соціалдемократіи, — и лишь очень рѣдко видитъ болѣе серьезныхъ, настоящихъ работниковъ, цѣликомъ ушедшихъ въ практическую подпольную работу, то понятно, что соціалдемократической точкой зрѣнія оно склонно считать взгляды этихъ «салонныхъ» соціалдемократовъ. На этой почвѣ—говоритъ Ленинъ,—«оказалось возможнымъ сочинить комическій слухъ будто петербургскій «Союзъ Борьбы» есть организація не соціалдемократическая» *). Этотъ слухъ оказался возможнымъ лишь потому, что дѣйствительная практика дѣйствительныхъ соціалдемократическихъ организацій рѣзко разнилась отъ болтовни тѣхъ соціалдемократовъ, вся роль которыхъ сводилась исключительно къ тому, что они давали обильный матеріалъ для каррикатуръ, рисуемыхъ на русскихъ марксистовъ господами Карѣевыми, Михайловскими и Кривенко.

Но еще большая неразбериха должна была проявиться, когда чушь стали говорить и писать не только отдѣльные, по выраженію Михайловского, «марксята» ,но и цѣлыя организаціи, вродѣ питерскихъ «молодыхъ», и когда эту чушь начинали возводить въ принципъ, противопоставлять его принципамъ революціонной соціалдемократіи и этимъ принципомъ объяснять право на свое отдѣльное существованіе.

---

*) Ленинъ. «Задачи русскихъ соціалдемократовъ». 3-е изданіе Женева 1905 г. стр. 36.

III

Московская организація уже въ 94 году, какъ только стала переходить къ широкой агитаціонной работѣ, на одномъ изъ своихъ засѣданій возбудила вопросъ о необходимости выпустить манифестъ съ изложеніемъ основной точки зрѣнія организаціи по главнѣйшимъ вопросамъ, чтобы этимъ манифестомъ разъ на всегда закрѣпить политическую физіономію организаціи. Инициаторы этой идеи въ самомъ фактѣ изданія манифеста видѣли первый шагъ къ созданію единой партіи. Московскій союзъ, говорили они, послужитъ ядромъ для группировки всѣхъ единомыслящихъ. Географическое положеніе Москвы прямо навязываетъ ей роль центра рабочаго движенія. Весь центральный промышленный районъ, все Поволжье легко могутъ связаться съ Москвой, и московская организація будетъ снабжать остальныя организаціи однообразной литературой, будетъ сосредоточивать и распространять по другимъ организаціямъ свѣдѣнія о рабочемъ движеніи всей Россіи и содѣйствовать такимъ образомъ дѣйствительно общей и единообразной дѣятельности всѣхъ соціалдемократовъ.

Тогда эта идея была оставлена. Въ качествѣ главнаго возраженія противъ нея выставлялось то, что прежде чѣмъ мечтать о созданіи единой партіи, надо предварительно закончить работу по организаціи въ самой Москвѣ «Мы еще не въ силахъ объединить въ одну организацію всѣхъ дѣйствующихъ въ Москвѣ соціалдемократовъ-одиночекъ, гдѣ-же намъ мечтать объ объединеніи всей Россіи»... «Съ другой стороны,—продолжали оппоненты,— мы выпустимъ манифестъ, завтра мы провалимся, будутъ-ли наши преемники смотрѣть на дѣло такъ-же, какъ мы смотримъ, будутъ-ли у насъ вообще преемники, все это неизвѣстно; манифестъ можно будетъ выпустить лишь тогда, когда рабочее движеніе въ Москвѣ настолько упрочится, что у насъ будутъ гарантіи, что оно сохранится и послѣ нашего провала». Весной 95 года, послѣ того какъ московская организація окрѣпла настолько, что, выдержавъ рядъ проваловъ, продолжала функціонировать и все расширяться, она снова поднимаетъ вопросъ объ изданіи манифеста. Но теперь она уже ставитъ вопросъ иначе. Теперь она уже знаетъ о самостоятельномъ суще-

ствованіи цѣлаго ряда организацій, работающихъ въ другихъ мѣстахъ. Теперь, по ея мнѣнію, было бы желательнѣе издать этотъ манифестъ не отъ имени одной организаціи, а отъ имени всѣхъ наличныхъ дѣйствующихъ организацій. Желательно, чтобы этотъ манифестъ былъ результатомъ коллективнаго опыта всѣхъ соціалдемократовъ-практиковъ. Поэтому необходимо, чтобы манифестъ былъ выработанъ на съѣздѣ. Но этотъ съѣздъ не долженъ ограничиваться выработкой одного манифеста: онъ долженъ создать партію, а съ этой цѣлью нужно, чтобы онъ утвердилъ въ качествѣ ценральной организаціи одну какую нибудь наиболѣе старую и опытную организацію. Такой утвержденный съѣздомъ центръ будетъ обслуживать всѣ мѣстныя организаціи партіи по части изданія и распространенія литературы, по части сношеній, связей, распредѣленія силъ и т. п.

Чтобы осуществить на дѣлѣ идею о съѣздѣ, москвичи командируютъ двухъ товарищей, чтобы тѣ при помощи мѣстныхъ связей разыскали всѣ дѣйствующія организаціи и связали ихъ съ Москвой. Та же идея о съѣздѣ возникаетъ и у петербургской «Группы 4-го листка». Она, по словамъ Акимова, предлагаетъ «немедленно созвать съѣздъ соціалдемократическихъ организацій въ Россіи, сорганизоваться въ партію и передать къ ея услугамъ типографію «Группы». *) Провалы 95—96 годовъ покончили съ этими попытками. Но идея о съѣздѣ носится въ воздухѣ, она возникаетъ самостоятельно въ различныхъ организаціяхъ и неотступно ставится передъ каждой дѣйствующей группой, передъ каждымъ активнымъ работникомъ.**)

Петербургскому «Союзу необходимо было формулировать всю совокупность тѣхъ основныхъ принциповъ, которыми онъ руководился въ своей практической дѣятельности. Такимъ

*) См. Акимова «Очеркъ разв. с.-д. въ Россіи» стр. 57.

**) Къ сожалѣнію мнѣ ничего не извѣстно объ остальныхъ попыткахъ и планахъ созвать партійный съѣздъ; ничего также не удалось мнѣ узнать и о той конференціи, о которой въ № 11 «Вѣстника Жизни» говоритъ рецензентъ первой части моей книжки, такъ какъ въ имѣющейся въ моемъ распоряженіи литературѣ я не могъ найти никакихъ слѣдовъ этой конференціи и ея работъ. Могу только выразить пожеланіе, чтобы партійные работники, принимавшіе активное участіе въ работѣ въ 97—98 г. поторопились съ изданіемъ своихъ воспоминаній объ этомъ мало извѣстномъ періодѣ партійной жизни.

образомъ ростъ сознательнаго рабочаго движенія неизбѣжно ставилъ передъ Союзомъ вопросъ о вполнѣ опредѣленной соціалдемократической программѣ. Программа требовалась тѣмъ настоятельнѣй, что функціи Союза, какъ представителя петербургскаго сознательнаго рабочаго движенія, становились все болѣе важными и отвѣтственными. Какъ таковому, Союзу приходилось выступать и передъ русскимъ обществомъ, и передъ правительствомъ, и передъ заграничными русскими и иностранными соціалистическими организаціями и, наконецъ, передъ соціалистическими организаціями, существующими въ предѣлахъ Россійской имперіи, каковы напр., группы Народовольцевъ, Польская соціалистическая партія и Еврейская организація. Союзу необходимо было опредѣлить свою физіономію и слѣдовательно вопросъ о программѣ былъ вопросомъ крайне важнымъ» *).

Въ 97 году инициативу по созыву съѣзда взяла на себя Кіевская группа «Рабочей Газеты»

Въ мартѣ 1898 г. состоялся, наконецъ, первый съѣздъ соціалдемократическихъ организацій.

Къ сожалѣнію у насъ очень мало свѣдѣній о работахъ этого съѣзда. Нѣтъ ни протоколовъ, ни воспоминаній, ни докладовъ о немъ. Весь матеріалъ, касающійся съѣзда, сводится къ опубликованнымъ Петербуржцемъ изъ архива «Рабочей Мысли» «программѣ съѣзда» **) и принятымъ на съѣздѣ рѣшеніямъ, да и то только тѣмъ, которыя могли быть опубликованы, сообразуясь съ русскими полицейскими условіями того времени. Поэтому, говоря о первомъ съѣздѣ нашей партіи, намъ остается только привести цѣликомъ эти документы и, сравнивая намѣченную инициаторами программу съѣзда съ его постановленіями, такъ сказать реконструировать приблизительную картину его занятій.

---

*) Петербуржецъ.-«Очерк. Петербург. рабоч. движенія» Лондонъ 1902 г. стр. 49—50.

**) «Оч. петерб. раб. дв. 90-ыхъ годовъ» стр. 110—112.

Программа Съѣзда.

А.

«I. Ознакомленіе съ положеніемъ дѣлъ въ различныхъ пунктахъ даетъ основаніе для постановки вопроса о формѣ объединенія группъ. Здѣсь возникаетъ вопросъ: возможна-ли въ настоящее время организація партіи или только федеративнаго союза отдѣльныхъ группъ.

Доводы pro и—contra.

«II. Цѣль предполагаемой организаціи.

«III. Необходимость въ томъ и другомъ случаяхъ учрежденія:

«1) Центральный комитетъ, задачи его и соотвѣтствующій составъ.

а) Входятъ-ли въ его задачу редакціонныя функціи и не должны-ли эти послѣднія быть представлены особому органу редакціонной комиссіи?

«Сюда необходимо примыкаетъ вопросъ о постановкѣ органа и объ устройствѣ типографіи.

> «*Примѣчаніе*. Центральный Комитетъ есть учрежденіе представительное. Ему присваиваются двѣ функціи: а) иниціаторская и в) исполнительная. Функція а) заключается въ томъ, чтобы намѣчать ближайшія задачи общаго характера (съѣзды, маевки, и проч.) и предлагать ихъ обсужденію всѣхъ группъ. Функція в) исполнительная распадается на а) внутренняя—помѣстная и в) внѣшняя: сношенія однѣхъ группъ съ другими, сношенія съ заграницей, установленіе единства шифра, паролей и т. д., и т. д.

Сюда входитъ также вопросъ о транспортахъ.

в) Отношеніе Центральнаго Комитета къ мѣстнымъ организаціямъ.

2) Мѣстныя организаціи.

а) Мѣстные центральные комитеты.

в) Рабочіе комитеты.

c) Организацiи рабочихъ.

3) Вопросы тактики.

а) Агитацiя и пропаганда на почвѣ рабочаго движенiя. Вопросные листки для собиранiя свѣденiй о положенiи рабочаго класса въ данной мѣстности.

в) Агитацiя: агитаторы, листки.

c) Пропаганда: газеты, книги, кружки.

Б.

«Выработка общей программы соцiалдемократовъ.

«*Примѣчанiе*. Петербугскiй Союзъ Борьбы за Освобожденiе Рабочаго Класса представилъ съ своей стороны мотивированный проектъ програмы.

Важнѣйшими пунктами являются:

I. Тезисы теоретическихъ основъ русской соцiалдемократiи.

II. Практическая программа.

а) рабочiй вопросъ,

в) экономика и политика,

c) практическое отношенiе къ абсолитизму,

д) аграрный вопросъ,

е) отношенiе къ другимъ революцiоннымъ партiямъ,

f) отношенiе къ Польской соцiалистической партiи,

g) отношенiе къ «Группѣ Освобожденiя Труда»,

h) отношенiе къ западно-европейской соцiалдемократiи,

i) участiе въ конгрессахъ».

Къ этому проекту программы приложена также и «Объяснительная записка». Къ сожалѣнiю Петербуржецъ, перепечатывая ее въ качествѣ матерьяла для исторiи перваго съѣзда, совершенно не указалъ, является-ли эта записка комментарiемъ къ проекту программы, предложеннымъ иницiаторами созыва съѣзда, или это своего рода контръ-проектъ программы съѣзда, представленный какой нибудь другой группой. На вторую мысль насъ наталкиваетъ нѣкоторое разногласiе между «Объяснительной запиской» и «Программой съѣзда», какъ напримѣръ, по вопросу о мѣстной организацiи. Впрочемъ, вопросъ объ авторствѣ этой записки въ данную минуту для насъ довольно безразличенъ; важна лишь сама постановка вопросовъ въ обоихъ документахъ, по которой можно судить о тенденц къ рѣшенiю ихъ. Въ виду особой важности, отмѣтимъ всѣ с

ществовавшія тогда тенденціи къ рѣшенію наболѣвшихъ вопросовъ, мы и этотъ документъ перепечатываемъ цѣликомъ.

«Главная цѣль съѣзда—объединить отдѣльныя группы въ соціалдемократическую партію. Это можно лишь при существованіи общей теоретической и практической программы.

«Задача съѣзда выработать ее. Для этого каждый депутатъ долженъ представить проектъ программы. Теоретическія посылки ипрактическіе выводы изъ нихъ должны быть выражены въ ясныхъ и краткихъ выраженіяхъ. Каждое изъ послѣднихъ должно быть отдѣльно обосновано (образцомъ можетъ служить Эрфуртская программа). Важно въ современномъ экономическомъ положеніи Россіи особенное вниманіе обратить на аграрный вопросъ, общину, переселенія, артели, кустарей, дать подробную и опредѣленную характеристику общественныхъ слоевъ Россіи. Групировка партій, отношеніе къ нимъ соціалдемократовъ, критика народниковъ и народовольцевъ, отношеніе къ П. П. С. Выразителемъ партіи является общій органъ въ Россіи: программа, составъ редакціи, техника дѣла, необходимость и характеръ заграничнаго органа, мѣстные органы, ихъ характеръ. Необходимо для яснаго представленія о практической работѣ, чтобы каждый депутатъ выдвинулъ назрѣвшіе въ его районѣ вопросы. Во 1) агитація: устная и письменная, экономическая и политическая, стачки, 1-ое Мая. 2) Пропаганда: а) кружки, цѣль ихъ, способъ и программа занятій; б) Литература—подготовительная, переходная и серьезная, экономическая, политическая и религіозная, намѣтить темы; в) легальная пропаганда: воскресныя школы, народныя читальни, чтенія, библіотеки. 3) Организація: общая организація партіи и ея организація по районамъ; сношенія отдѣльныхъ городовъ (заготовка къ съѣзду побольше адресовъ), финансы. Мѣстная организація, общій рабочій союзъ, собраніе представителей, центральный рабочій комитетъ, заводскіе кружки, руководители; проффесіональные союзы. Кассы, общая и мѣстная (въ каждомъ заводѣ и фабрикѣ), характеръ ихъ (боевая и взаимопомощи). Библіотеки, дисциплина. Отношеніе къ рабочей интеллигенціи, къ рабочимъ организаціямъ. Организація такой интеллигенціи. Транспортъ, обмѣнъ литературой, сношенія съ организаціями; гдѣ лучше издавать литературу—въ Россіи или за границей? Работа въ деревнѣ, характеристика, нужная для этого литература, практическія отношенія къ другимъ революціоннымъ группамъ, къ П. П. С.

Завѣдываніе изданіемъ литературы. Отношеніе къ эмигрантамъ. Програма вопросовъ для собиранія свѣдѣній о положеніи рабочаго класса въ Россіи.

«Работы съѣзда должны начаться выслушаніемъ докладовъ представителей различныхъ группъ о положеніи дѣлъ въ районахъ дѣйствія этихъ группъ. Такимъ образомъ будутъ выяснены силы и средства, которыми мы сможемъ располагать».

Прежде, чѣмъ перейти къ постановленіямъ съѣзда, попытаемся разобрать приведенные нами документы. Изъ нихъ явствуетъ, что главнѣйшими и насущнѣйшими задачами организаторы съѣзда считали формулировку общеобязательной для всѣхъ русскихъ соціалдемократовъ теоретической основы работы, затѣмъ созданіе, на основаніи практическаго опыта мѣстныхъ работниковъ, единообразнаго типа мѣстныхъ организацій и, наконецъ, образованіе центральнаго аппарата, облегчающаго и регулирующаго работу на мѣстахъ. Авторы проекта «Программы съѣзда» допускаютъ двоякій способъ рѣшенія вопроса объ объединеніи дѣйствующихъ организацій: федерація вполнѣ самостоятельныхъ отдѣльныхъ группъ или полное сліяніе въ одну единую партію. Авторы «Объяснительной записки» на этотъ вопросъ отвѣчаютъ: «главная цѣль съѣзда объединить отдѣльныя группы въ соціалдемократическую партію», но тутъ же добавляютъ: «это можно лишь при существованіи общей теоретической и практической программы». И такъ, слѣдовательно, вопросъ ставился такимъ образомъ: объединеніе необходимо во чтобы то ни стало, продолжать разрозненную работу,—это значитъ тратить понапрасну массу силъ и, послѣ каждаго провала, терять опытъ предшественниковъ, терять выработанныя ими традиціи работы, словомъ, каждый разъ начинать работу сначала. Если съѣхавшимся организаціямъ не удастся спѣться въ программныхъ вопросахъ, нужно создать хотя бы федерацію, т. е. объединеніе на почвѣ только техническихъ функцій. Если окажется возможнымъ сойтись на одной программѣ—сліяніе должно быть полнымъ, должна быть образована партія.

Вопросъ этотъ могъ быть предрѣшенъ уже при самомъ созывѣ съѣзда; онъ могъ быть поставленъ иниціаторами съѣзда въ слѣдующей формѣ. Созвать ли съѣздъ изъ представителей всѣхъ дѣйствующихъ въ Россіи соціалдемократическихъ организацій, не выяснивъ предварительно ихъ отношенія къ важнѣйшимъ программнымъ вопросамъ и рискуя, такимъ образомъ,

возможностью, не добившись соглашенія въ вопросѣ о программѣ, удовлетвориться одной лишь технической федераціей —или же, жертвуя полнотой представительства, во чтобы то ни стало стремиться къ созданію вполнѣ единомыслящаго, вполнѣ спѣвшагося партійнаго ядра, могущаго послужить знаменемъ, вокругъ котораго въ будущемъ сгруппировались бы принявшія программу организаціи. Есть основаніе предположить, что иниціаторы съѣзда рѣшили этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ и, по нашему крайнему убѣжденію, рѣшить его иначе они въ то время и не могли.

Если даже оставить всторонѣ фактическую невозможность, при тогдашнихъ условіяхъ конспиративной работы, кому бы то не было знать всѣ дѣйствовавшія въ Россіи организаціи и спеститсь съ ними, передъ иниціаторами съѣзда стоялъ прямо таки неразрѣшимый вопросъ: какую установить норму приглашенія на съѣздъ. Представимъ себѣ дѣйствительное положеніе вещей въ то время. Начиная съ 96—97 г. соціалдемократическіе группы, кружки и организаціи расли, какъ грибы послѣ дождя. Они возникали совершенно самостоятельно и среди оторванныхъ отъ центра рабочихъ, и среди студентовъ и гимназистовъ, и среди поднадзорныхъ въ какомъ нибудь глухомъ углу Россіи и, наконецъ, среди ссыльныхъ въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири. Втѣ эти группки и кружки съ жадностью ищутъ работы, но далеко не всѣ находятъ ее. (Мнѣ вспоминается, напримѣръ, одинъ весьма курьезный, но тѣмъ не менѣе весьма характерный случай, который имѣлъ мѣсто въ Орлѣ. Кружокъ интеллигентовъ-пропагандистовъ, состоявшій изъ 8 человѣкъ, не находя приложенія своимъ силамъ, употребляетъ всю свою энергію на то, чтобы «обслуживать» одного единственнаго пролетарія, котораго имъ удалось, наконецъ, заполучить въ лицѣ мѣстнаго водовоза.) И наряду съ этими маленькими группками, которыя сочиняли уставы для своихъ существующихъ или будущихъ организацій и открывали цѣлый рядъ уже давно открытыхъ Америкъ, возникали крупныя рабочія организаціи чисто профессіональнаго характера, вродѣ Всеобщаго еврейскаго союза щетинщиковъ, а также организаціи, ведущія широкую вполнѣ соціалдемократическую работу, но по той либо иной причинѣ не называющія себя соціалдемократическими. Были организаціи съ прочно установившейся репутаціей и обширнымъ боевымъ опытомъ, съ самыми широкими связями, были и такія, которыя возникли только вчера

и не обладали ни опытомъ, ни связями. Нѣкоторыя организаціи существовали хотя и давно, но благодаря совершенно новому (вслѣдствіе проваловъ) составу своихъ членовъ, утратили всякія традиціи своихъ предшественниковъ и не были знакомы со своей собственной исторіей; наряду съ этимъ, гдѣ-нибудь вдали отъ нихъ, въ ссылкѣ, сидѣли не у дѣлъ, выбитые изъ строя, создавшіе эти организаціи и прожившіе съ ними всю ихъ исторію опытные практики. Кромѣ того, въ Петербургѣ, напримѣръ, какъ мы уже видѣли, одновременно дѣйствовалъ цѣлый рядъ конкурировавшихъ другъ съ другомъ организацій, что нерѣдко имѣло мѣсто и въ провинціи.

Нужно ли было звать на съѣздъ всѣ конкурирующія организаціи и такимъ образомъ давать равное право голоса, какъ Союзу Борьбы, такъ и какой нибудь, по номенклатурѣ Акимова, части группы «молодыхъ»—А или Б, всѣ заслуги которыхъ сводились къ тому, что они «не ладили» со стариками?» Все это въ высшей степени затрудняло иниціаторовъ съѣзда и дѣлало почти неразрѣшимымъ вопросъ о томъ, кого именно и на какихъ основаніяхъ приглашать на съѣздъ. Попытка разобраться въ этомъ вопросѣ затянула бы самый созывъ съѣзда до безконечности и все таки заранѣе можно было быть увѣреннымъ, что достигнуть хотя бы сколько нибудь полнаго представительства на съѣздѣ всѣхъ дѣйствительно работающихъ истинныхъ соціалдемократическихъ организацій ни въ коемъ случаѣ не удастся.

Такимъ образомъ, группа иниціаторовъ волей неволей должна были отказаться отъ мысли о полномъ съѣздѣ всѣхъ соціалдемократическихъ организацій и должна была остановиться на единственно въ то время возможномъ созывѣ представителей болѣе или менѣе спѣвшихся въ важнѣйшихъ вопросахъ организацій. Изъ безчисленнаго множества дѣйствовавшихъ тогда кружковъ, группъ и организацій на первомъ съѣздѣ участвовали лишь слѣдующіе: Петербургскій, Кіевскій и Екатеринославскій Союзы Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса, Московскій Рабочій Союзъ, Кіевская группа, издававшая «Рабочую Газету» и Общееврейскій Рабочій Союзъ въ Россіи и Польшѣ (Бундъ).

Нѣтъ сомнѣнія, что только что названныя нами организаціи не исчерпывали собой списка всѣхъ единомыслящихъ. Что это дѣйствительно такъ, видно изъ того, что Иваново-Вознесенскій Рабочій Союзъ какъ только узнаетъ о рѣшеніяхъ съѣзда, не-

медленно примыкаетъ къ партіи. Очевидно уже во время созыва съѣзда онъ въ общихъ чертахъ раздѣлялъ принципіальную позицію приглашенныхъ на съѣздъ организацій и если не попалъ туда, то это объясняется исключительно невозможностью во время снестись съ нимъ по чисто полицейскимъ условіямъ. «Лѣтомъ 98 года,—читаемъ мы въ брошюрѣ, посвященной работѣ въ этомъ районѣ,—въ Ивановѣ былъ полученъ манифестъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи, который сначала не произвелъ на товарищей сильнаго впечатлѣнія, не прибавилъ бодрости и энергіи; но уже къ осени 1898 года началось горячее обсужденіе его, а вмѣстѣ съ этимъ нашъ Рабочій Союзъ преобразовался въ Иваново-Вознесенскій Комитетъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Теперь мы не одни: мы соединились съ другими товарищами, чтобы лучше бороться съ правительствомъ противъ политическаго гнета, а съ фабрикантомъ противъ экономическаго рабства»*).

Очевидно на съѣздѣ могла бы также присутствовать и группа, издававшая «Рабочее Знамя» и выступившая подъ громкимъ именемъ Русской Соціалдемократической Партіи. Въ первомъ же номерѣ своей вышедшей немедленно послѣ съѣзда газеты она заявляетъ свою солидарность съ выпущеннымъ партіей манифестомъ. «Нашъ номеръ былъ почти законченъ,—читаемъ мы въ этомъ органѣ,—когда мы получили Манифестъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи... Привѣтствуя это объединеніе, какъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ русскомъ рабочемъ движеніи, мы высказываемъ надежду и увѣренность, что обѣ партіи будутъ дѣлать одно дѣло, двигаться къ одной цѣли и встрѣчаться на пути только для того, чтобы оказывать одна другой содѣйствіе. Только безобразныя условія, заставляющія борцовъ за рабочее дѣло дѣйствовать тайно, могли привести къ одновременному образованію двухъ партій, стремящихся къ одной цѣли. Насколько можно судить по манифесту, у насъ не только общая цѣль, повидимому, одинаковъ и путь**).

Почему не попала эта «партія» на съѣздъ — потому ли, что иниціаторы съѣзда не знали о ея существованіи или же

*) „Рабоч. движеніе въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ за послѣднія 15 лѣтъ. Женева, 1900 г., стр. 27.

**) „Раб. Знамя“ орг. Русск. Соц.-Дем. Партіи № 1. Май. 1898.

что, пожалуй, ближе къ истинѣ, группа «Рабочаго Знамени» не была приглашена потому, что двѣ изъ участвовавшихъ въ съѣздѣ организацій: Петербургскій Союзъ и Бундъ хорошо знали ее*) и не считали ее своей,—намъ неизвѣстно.

Чтобы покончить съ вопросомъ о составѣ съѣзда, мы должны отмѣтить еще отсутствіе на съѣздѣ представителей отъ группы «Освобожденія Труда». Созывавшая съѣздъ группа «Рабочей Газеты несомнѣнно находилась въ сношеніяхъ съ группой «Освобожденія Труда». «Выпустивъ № 1 «Рабочей Газеты» осенью 97 года,—говоритъ Акимовъ со словъ доклада Кіевскаго комитета II-му съѣзду,—кіевская соціалдемократическая группа послала своего делегата за границу, чтобы просить помощи у гр. «Освобожденія Труда» и подѣлиться съ ней своими мнѣніями**). О сношеніяхъ съ «Рабочей Газэтой говоритъ и Аксельродъ, который посылалъ въ нее статьи «Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціалдемократовъ***); о существованіи въ то время сношеній съ Россіей читаемъ мы также у Плеханова ****). Какъ бы тамъ ни было, но вопросъ о томъ, отсутствовала-ли группа «Освобожденія Труда» на съѣздѣ потому, что не успѣла спѣться съ иниціаторами съѣзда, или потому, что работавшіе въ Россіи товарищи не сочли нужнымъ приглашать ее, имѣя въ виду созвать съѣздъ только изъ русскихъ практиковъ, — остается до сихъ поръ не выясненнымъ. Мы знаемъ лишь, что въ программѣ съѣзда съ одной стороны совершенно обходится молчаніемъ «Проектъ программы русскихъ соціалдемократовъ», выработанный группой «Освобожденія Труда» тогда, какъ говорится о до сихъ поръ оставшемся неизвѣстнымъ проектѣ программы Петербургскаго Союза Борьбы; а съ другой стороны въ той же программѣ съѣзда мы находимъ пунктъ объ отношеніи къ группѣ Освобожденія Труда. Этотъ пунктъ авторами «Объяснительной записки» расширяется въ вопросъ объ отношеніи къ эмигрантамъ. Очевидно, для иниціаторовъ перваго съѣзда вопросъ этотъ былъ далеко не ясенъ, и они до-

*) „Партія" эта составилась изъ вышедшей изъ Союза „Группы Технологовъ" и конкурировавшей съ Бундомъ въ Бѣлостокѣ группы „Рабочихъ Революціонеровъ".

**) Акимовъ. „Очеркъ развитія Соц.-Демократіи въ Россіи". Стр. 100.

***) „Работникъ" № 5—6. Женева 1899 г. Стр. 1.

****) „Vademekum". Женева 1900 г. Предисловіе. Стр. XLVII.

пускали возможность разногласій съ группой Освобожденія Труда по пунктамъ существенной важности.

Петербургскій Союзъ Борьбы долженъ былъ, какъ мы видѣли, представить на съѣздъ мотивированный проектъ партійной программы; но представилъ ли онъ его или нѣтъ—намъ точно не извѣстно. «Союзъ былъ такъ заваленъ текущей работой,—говоритъ Петербуржецъ,—что у него рѣшительно не хватало ни времени, ни силъ заняться составленіемъ программы, и эта работа была поручена одному товарищу, стоявшему тогда всторонѣ отъ активной дѣятельности. Порученіе было выполнено въ видѣ проекта программы партіи. Но, къ несчастью, въ виду полицейскихъ условій проектъ программы былъ уничтоженъ, даже не будучи прочитанъ большинствомъ участниковъ Союза»*). Повторяю, въ литературѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, указывающихъ на то, былъ ли возстановленъ и доставленъ съѣзду этотъ уничтоженный проектъ, или былъ представленъ другой и разбирался ли вообще какой нибудь проектъ программы. Печатавшій рѣшенія съѣзда «Листокъ Работника» сообщаетъ лишь, что «подробная программа партіи будетъ опубликована по разсмотрѣнію ея мѣстными комитетами»**). По всему видно, что съѣздъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи какого либо проекта программы, выработать же ее коллективными силами во время своихъ засѣданій онъ не имѣлъ возможности; поэтому, поручивъ центральному комитету или какому нибудь одному лицу выработать проектъ, онъ рѣшилъ этотъ будущій проектъ считать принятымъ послѣ утвержденія его комитетами на мѣстахъ.

Сравнивая «Программу съѣзда» съ «Объяснительной запиской», мы видимъ, что и въ программныхъ вопросахъ точки зрѣнія авторовъ не вполнѣ совпадаютъ. «Программа съѣзда» выдвигаетъ два вопроса, касающіеся политической борьбы— «экономика и политика» и «практическое отношеніе къ абсолютизму». Первый изъ упомянутыхъ пунктовъ долженъ былъ, очевидно, разрѣшить вопросъ, уже волновавшій многихъ практиковъ: въ какомъ отношеніи должна находиться борьба экономическая къ борьбѣ политической. Программа съѣзда не

---

*) Очеркъ петерб. рабоч. движенія. Стр. 50. Этотъ проектъ программы былъ написанъ сидѣвшимъ въ то время въ петербургской тюрьмѣ Н. Ленинымъ и включалъ въ себя основныя положенія принятой на II съѣздѣ аграрной программы.

**) „Листокъ Работника“ № 8. Іюнь 1898, стр. 8.

берется предрѣшать этотъ вопросъ, потому что второй изъ отмѣченныхъ нами пунктовъ—«практическое отношеніе къ абсолютизму» допускаетъ самый широкій просторъ для отвѣта, вплоть до полнаго игнорированія абсолютизма и признанія несвоевременности борьбы съ нимъ. Авторы «Объяснительной записки», заявляя, что образцомъ для партійной програмы должна служить «Эрфуртская програма», тѣмъ самымъ уже предрѣшаютъ вопросъ, дѣлая отказъ отъ «политики» невозможнымъ. Въ основу партійной програмы долженъ быть положенъ тщательный анализъ экономическаго положенія Россіи, при чемъ авторы «Объяснительной записки» требуютъ, чтобы прежде, чѣмъ перейти къ критикѣ существующихъ политическихъ партій, была-бы дана подробная и опредѣленная характеристика общественныхъ слоевъ Россіи. Другими словами, они желаютъ, чтобы отношеніе къ той или иной партіи опредѣлялось классовой сущностью этой партіи. Авторы записки заранѣе опредѣляютъ свое отношеніе къ различнымъ партіямъ. Относительно «народниковъ» и «народовольцевъ», по ихъ мнѣнію, возможна лишь «критика», съ польской же соціалистической партіей могутъ быть установлены опредѣленныя отношенія. «Програма съѣзда», какъ и «Объяснительная записка» одинаково далеки отъ той узости въ которой обвиняли въ то время соціалдемократовъ литераторы—народники, приписывавшіе имъ полное игнорированіе крестьянскаго вопроса. Мы находимъ «аграрный вопросъ» и въ «Програмѣ съѣзда», и въ «Объяснительной запискѣ», при чемъ послѣдняя рекомендуетъ обратить особое вниманіе на него и въ числѣ тактическихъ вопросовъ на видное мѣсто выдвигаетъ работу въ деревнѣ и созданіе необходимой для этого литературы.

IV.

Чтобы понять постановку на I съѣздѣ организаціоннаго вопроса, сыгравшаго такую громадную роль въ исторіи нашей партіи, мы должны съ одной стороны подробнѣй остановиться на имѣвшихся до съѣзда проектахъ организаціи партіи вообще и мѣстной работы въ частности, а съ другой —разсмотрѣть, какъ фактически складывались и уже успѣли сложиться къ съѣзду наши организаціи.

Объ организаціи партіи впервые заговорила группа Освоб. Труда. Какъ же представляла она себѣ будущую партію? Въ первой же своей соціалдемократической брошюрѣ Плехановъ говоритъ: «Мы думаемъ, что единственной нефантастической цѣлью русскихъ соціалистовъ можетъ быть теперь только завоеваніе свободныхъ политическихъ учрежденій съ одной стороны и выработка элементовъ для образованія *будущей рабочей соціалистической партіи* (курсивъ Плеханова) Россіи съ другой» *). Плехановъ. отдѣляетъ «соціалистическую» партію, которая будетъ добиваться свободныхъ учрежденій, отъ «рабочей соціалистической» партіи, которая, по его мнѣнію, явится лишь послѣ сверженія абсолютизма. «Она, т. е. соціалистическая интеллигенція,—говоритъ Плехановъ, —должна всѣми силами стремиться къ тому, чтобы въ первый же періодъ конституціонной жизни Россіи нашъ рабочій классъ могъ выступить въ качествѣ особой партіи съ опредѣленной соціально-политической программой» **). Это будущее послѣконституціонное появленіе «рабочей соціалистической» партіи «можетъ быть достигнуто лишь путемъ усиленной работы въ средѣ, по крайней мѣрѣ, передовыхъ слоевъ нашего рабочаго класса, путемъ устной и печатной пропоганды и организаціи рабочихъ соціалистическихъ кружковъ» ***). «Промышленные рабочіе... *примкнутъ къ нашей революціонной интеллигенціи въ ея борьбѣ съ абсолютизмомъ, и затѣмъ, добившись политической свободы, организуются въ рабочую соціалистическую партію»* ****) (курсивъ мой М. Л.). «Самая первая, самая настоящая и въ то-же время самая очевидная и безспорная изъ всѣхъ ближайшихъ задачъ русскихъ соціалистовъ,—говоритъ Плехановъ въ другомъ мѣстѣ,—заключается *въ поддержаніи своего существованія, какъ особой соціалистической партіи рядомъ съ другими либеральными партіями* (курсивъ Плеханова), образующимися или имѣющими образоваться для борьбы съ абсолютизмомъ... Но поддерживать свое существованіе, какъ особой партіи, русскіе соціалисты смогутъ только

---

*) Плехановъ «Соціализмъ и политич. борьба». Сборн. «На два фронта». Женева 1905 г., стр. 75.

**) Тамъ же, стр. 78.

***) Тамъ же, та же стр.

****) Тамъ же, стр. 82.

при одномъ условіи, именно при возбужденіи сознательнаго политическаго движенія въ средѣ рабочаго класса» *).

Организаціонный планъ Плеханова сводится, стало быть, къ слѣдующему: необходимо немедленно объединить въ одну боевую соціалистическую партію всѣхъ дѣйствующихъ нынѣ интеллигентовъ-соціалистовъ. Эта партія должна поставить себѣ *двѣ* важнѣйшихъ задачи: бороться съ самодержавіемъ и, организуя соціалистическіе кружки рабочихъ, подготовлять такимъ образомъ организацію *будущей* рабочей партіи. До паденія абсолютизма широкая рабочая партіи въ Россіи невозможна, возможна лишь революціонная организація, вродѣ «Народной Воли» или «Земли и Воли». «Въ Россіи вообще, а не только между соціалдемократами,—формулируетъ Плехановъ свой организаціонный планъ,—пока еще нѣтъ сильной революціонной организаціи. Остается говорить лишь о нащихъ *пожеланіяхъ* на этотъ счетъ. А пожеланія наши сводятся къ созданію подвижной боевой организаціи, вродѣ общества «*Земля и Воля*» или «*Партіи Народной Воли*», организаціи, являющейся *всюду, гдѣ можно нанести ударъ правительству, поддерживающей всякое революціонное движеніе противъ существующаго порядка вещей и въ то-же время ни на минуту не упускающей изъ виду будущности нашего движенія*» **) (курсивъ Плеханова).

Этотъ-же организаціонный планъ поддерживаетъ и другой видный дѣятель группы «Освоб. Труда», П. Аксельродъ. «Вамъ необходимо,—пишетъ онъ въ своемъ письмѣ къ соціалистамъ-рабочимъ,—прежде всего самимъ организоваться и образовать изъ себя такое же крѣпкое *революціонное ядро* (курсивъ мой М. Л.), какимъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ была организація «Земли и Воли», а потомъ «Народная Воля» ***). Но Аксельродъ, въ отличіе отъ Плеханова, допускаетъ возможность созданія соціалистической рабочей партіи и до паденія абсолютизма, въ самомъ процессѣ борьбы съ абсолютизмомъ. Правда, такая партія не будетъ открытой, широкой партіей въ западно-европейскомъ смыслѣ, а будетъ лишь расширенной заговорщицкой, бланкистской партіей со

---

*) Плехановъ. «Политич. задачи рус. соціалистовъ». «Соціалистъ» Женева. Іюнь 1889 г.

**) «О соц. демократіи въ Россіи». Послѣсловіе къ Туну. Стр. 390

***) «Зад. раб. интеллигенціи въ Россіи». Предисловіе ко 2-му изд. Женева 1893 г., стр. II.

включеніемъ въ нее передовыхъ рабочихъ. «*Нашимъ передовымъ рабочимъ*,—говоритъ Аксельродъ,—*необходимо организоваться въ кружки и стараться о томъ, чтобы возможно скорѣй образовать изъ этихъ кружковъ одну рабочую партію или одинъ обще-русскій рабочій союзъ*»*) (курсивъ мой М. Л.). Здѣсь рѣчь идетъ только о передовыхъ рабочихъ, рабочей же массѣ въ этой рабочей партіи мѣста нѣтъ. «Въ послѣднее время,—продолжаетъ Аксельродъ, —наша революціонная молодежь начинаетъ сознавать, что однѣхъ только собственныхъ силъ ея далеко не достаточно для сколько нибудь успѣшной борьбы съ правительствомъ. Нѣкоторые изъ ея представителей поняли, что для обезпеченія успѣха этой борьбы необходимо заручиться дѣятельнымъ сочувствіемъ и серьезной поддержкой со стороны фабричныхъ рабочихъ. Пусть же *развитые представители послѣднихъ спѣшатъ воспользоваться этимъ настроеніемъ революціонной интеллигенціи для созданія при ея помощи и совмѣстно съ ней самостоятельнаго рабочаго движенія.* И чѣмъ энергичнѣе и упорнѣе будутъ они преслѣдовать свою цѣль, тѣмъ скорѣе теперешнее, далеко не лестное мнѣніе образованныхъ людей о нашихъ рабочихъ уступитъ мѣсто сочувствію и уваженію къ нимъ. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ рабочихъ кружковъ и объединеніемъ ихъ въ одинъ союзъ, будетъ рости и готовность революціонеровъ изъ другихъ классовъ не только помогать дѣлу этихъ кружковъ, но и вступать въ нихъ членами. Окончательнымъ послѣдствіемъ дѣятельности нашей рабочей интеллигенціи на указанномъ пути будетъ то, что всѣ искренніе и сознательные *соціалисты-революціонеры* (кусивъ Аксельрода), какого бы званія и происхожденія они не были, войдутъ въ общій рабочій союзъ; вмѣсто теперешнихъ революціонныхъ кружковъ, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ за народъ и отъ имени народа, образуется одна *соціалистическая рабочая* (курсивъ Аксельрода) партія, въ составъ которой будутъ входить *всѣ дѣйствительные друзья трудящихся классовъ населенія*» **).

Когда брошюра Аксельрода появилась въ Москвѣ, она вызвала цѣлую бурю негодованія среди сознательныхъ рабочихъ.

---

*) «Задачи рабочей интеллигенціи въ Россіи», стр. 15.

**) Тамъ-же, стр. 15—16. Во всѣхъ случаяхъ, кромѣ отмѣченныхъ въ текстѣ курсивъ мой. М. Л.

Они никакъ не могли понять, о какихъ это «дѣйствительныхъ друзьяхъ трудящихся классовъ» говоритъ Аксельродъ, о какихъ «образованныхъ людяхъ», чье «лестное мнѣніе» о себѣ должны рабочіе превратить въ «уваженіе и сочувствіе». Да и многое другое осталось имъ непонятнымъ въ изреченіяхъ Аксельрода. До этого они, напримѣръ, привыкли думать, что революціонеры-интеллигенты становились соціалдемократами не только потому, что они «убѣдились, что ихъ собственныхъ силъ недостаточно для борьбы съ правительствомъ», а потому, что, изучивъ соціалдемократическую литературу и ставъ на точку зрѣнія классовой борьбы, они поняли, что, несмотря на свое «званіе и происхожденіе», по своему *экономическому положенію* они въ громадномъ большинствѣ случаевъ являются такими же пролетаріями, какъ и рабочіе физическаго труда. Зная это, сознательные рабочіе, весьма критически относились къ тѣмъ интеллигентамъ, которые являлись къ нимъ и изображали изъ себя благодѣтелей-народолюбцевъ. Имъ рабочіе менѣе всего вѣрили и никогда не считали своими. Мнѣ лично пришлось слышать, какъ въ Москвѣ на одной студенческой вечеринкѣ рабочій отчитывалъ говорившаго передъ нимъ студента-народоправца, который толковалъ объ альтруизмѣ студенчества и о тѣхъ жертвахъ, которыя оно приносило и приноситъ «для народа». Рабочій отвѣчалъ приблизительно слѣдующими словами: «Только тотъ изъ васъ можетъ принести дѣйствительную пользу рабочему дѣлу, кто придетъ къ намъ не изъ филантропіи, не изъ народолюбія, а потому, что созналъ свой классовый интересъ, въ силу котораго онъ долженъ бороться вмѣстѣ съ нами, въ нашихъ рядахъ. А «народолюбцы», тѣ придутъ, наговорятъ разныхъ жалкихъ словъ, вродѣ того, что мы де жертву приносимъ, что до васъ хамовъ спускаемся. А тамъ, глядишь, получилъ дипломъ, снялъ революціонный мундиръ, пристроился къ казенному пирогу и поминай, какъ звали. Нѣтъ, намъ такихъ филантроповъ не нужно, подальше бы имъ отъ насъ!»

Далѣе мы поговоримъ нѣсколько подробнѣй о томъ различіи, которое существовало во взглядѣ на интеллигенцію у громаднаго большинства русскихъ практиковъ соціалдемократовъ и вполнѣ сознательныхъ рабочихъ съ одной стороны и у группы Освобожденія Труда—съ другой. Позднѣе, во времена разцвѣта такъ называемаго экономизма, его послѣдователи въ этомъ вопросѣ стали цѣликомъ на точку зрѣнія Аксельрода.

Исходя изъ этого взгляда, который разсматривалъ интеллигентовъ, какъ «друзей», чуждыхъ пролетаріату, они подняли травлю противъ интеллигенція и старались изгнать ее изъ организацій, какъ элементъ *посторонній рабочему дѣлу*. Но объ этомъ послѣ. Теперь же вернемся къ организаціонному вопросу.

И такъ, къ чему же сводился организаціонный планъ группы Освобожденія Труда? По этому плану прежде всего необходимо создать революціонное ядро, нѣчто вродѣ организаціи «Земли и Воли» или «Народной Воли», т. е. строго конспиративный центральный заговорщицкій аппаратъ. Центръ этого аппарата, при помощи цѣлой сѣти исполнительныхъ, филіальныхъ отдѣленій и агентуръ, руководитъ всѣмъ движеніемъ, вѣдаетъ всю техническую работу. Неудачи «Земли и Воли» и «Народной Воли» объясняются тѣмъ, что онѣ представляли штабъ безъ арміи. Задача соціалдемократовъ, создавъ штабъ по примѣру старыхъ революціонеровъ, приступить къ созданію арміи. Арміей долженъ служить промышленный пролетаріатъ. Сорганизоваться и выступить въ правильномъ боевомъ порядкѣ въ видѣ самостоятельной рабочей партіи эта армія, по мнѣнію Плеханова, сможетъ лишь послѣ свержепія абсолютизма, а до той поры пролетаріатъ долженъ служить только средой, въ которой въ процессѣ борьбы съ абсолютизмомъ преимущественно будутъ дѣйствовать революціонеры-соціалисты. Проникать въ эту среду они будутъ при помощи пропагандистскихъ кружковъ. Кружки эти, становясь сознательными, будутъ постепенно входить въ обще-русскій рабочій союзъ, т. е. примыкать къ основному революціонному ядру. Но это не будетъ *чисто рабочій* союзъ, потому что по мѣрѣ его роста, какъ мы только что видѣли у Аксельрода, будетъ «расти и готовность революціонеровъ изъ другихъ классовъ... вступать въ нихъ (въ кружки) членами». Конечная цѣль этого организаціоннаго плана, по мнѣнію того же Аксельрода, заключается въ томъ, чтобы этотъ обще-русскій союзъ или соціалистическая рабочая партія поглотила «всѣхъ дѣйствительныхъ друзей трудящихся классовъ населенія».

Всего два года прошло съ тѣхъ поръ какъ Плехановъ написалъ свою статью «О соціальной демократіи въ Россіи», и Аксельродъ — свое предисловіе къ «Задачамъ рабочей интеллигенціи» *), а уже петербургскія и московскія стачки даютъ сиг-

*) Обѣ вещи написаны были въ 1893 г.

палъ къ массовому рабочему выступленію. Широко поставленная агитація глубоко проникаетъ въ рабочія массы и расшевеливаетъ ихъ настолько, что онѣ настоятельно требуютъ организаціонной связи съ соціалдемократіей. Узкія рамки пропагандистскихъ кружковъ уже не могутъ вмѣстить всѣхъ жаждущихъ войти въ ряды дѣйствующей арміи. Боевые руководящіе мѣстные центры, при необходимости соблюденія строгой конспираціи, не могутъ уже поглотить всѣхъ вполнѣ распропагандированныхъ соціалдемократовъ-рабочихъ. Рабочія массы выдѣлили изъ своей среды уже значительные кадры рядовыхъ, унтеръ-офицеровъ и офицеровъ, которые настоятельно желали быть *дѣйствительно сорганизованными* въ армію, чтобы ихъ революціонная энергія, ихъ пробудившаяся жажда дѣятельности могла быть использована, какъ слѣдуетъ. Исторія революціоннаго движднія 70-хъ и 80-хъ годовъ дала богатый опытъ организаціи штаба, но не могла дать ничего въ смыслѣ организаціи самой арміи. И литература группы Освобожденія Труда, твердившая о необходимости созданія организаціи соціалдемократовъ по образу и подобію «Земли и Воли» и «Народной Воли», не давала ровно никакихъ указаній для разрѣшенія *этой* выдвинутой жизнью задачи. Она не давала ничего, такъ какъ и безъ того каждый *мѣстный центръ*, по условіямъ самой русской жизни, не могъ организоваться иначе, чѣмъ это дѣлали и не могли не дѣлать всѣ прежніе революціонеры. Простая же ссылка на примѣръ «Народной Воли» не отвѣчала на вопросъ, какъ связать уже создавшіеся мѣстные центры другъ съ другомъ, а главное, какъ сорганизовать уже появившуюся армію. Плехановъ, какъ мы видѣли выше, отрицалъ самую возможность возникновенія послѣдняго вопроса до паденія абсолютизма. По его мнѣнію *рабочая партія* могла явиться лишь при конституціонномъ режимѣ. Аксельродъ, допускавшій возможность созданія рабочей партіи въ доконституціонное время, тѣмъ не менѣе, подобно Плеханову, ставитъ въ примѣръ организацію «Народной Воли» и такимъ образомъ не даетъ никакихъ указаній, какъ именно сорганизовать эту соціалистическую рабочую партію.

Въ Россіи *каждая* мѣстная организація складывалась совершенно естественнымъ путемъ, безъ заранѣе обдуманнаго плана, внѣ всякой зависимости отъ сосѣднихъ родственныхъ ей по духу организацій. Въ какомъ нибудь городѣ появляются, скажемъ, нѣсколько соціалдемократовъ; они образуютъ пер-

вичную организаціонную ячейку и начинают заводить связи среди рабочих. Послѣднее удается ей тѣмъ легче, чѣмъ сильнѣе успѣло привиться въ данной мѣстности стихійное рабочее движеніе. По мѣрѣ роста этихъ связей растетъ и сама организація. Если группа организаторовъ проваливается до того момента, когда ей удалось организаціонно закрѣпить свои связи, все дѣло въ данной мѣстности прерывается и исчезаютъ слѣды всякой организаціи до появленія новой группы иниціаторовъ. Возьмемъ для примѣра исторію хотя бы костромской организаціи.

«Съ развитіемъ рабочаго движенія въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ — въ Костромѣ начинаютъ проявлять себя высланные изъ этихъ центровъ глубоко проникнутые революціоннымъ духомъ рабочіе. Съ появленіемъ выходцевъ изъ столицъ въ Костромѣ значительно усилилось обращеніе среди костромскихъ рабочихъ нелегальной литературы. Наконецъ въ Кострому былъ высланъ подъ надзоръ одинъ интеллигентъ, убѣжденный соціалдемократъ, который первый положилъ начало соціалдемократической пропагандѣ среди костромскихъ рабочихъ, организовалъ въ 1895году первый чисто соціалдемократическій кружокъ изъ нѣсколькихъ рабочихъ. Затѣмъ въ Кострому прибыли еще соціалдемократы, и около этихъ лицъ сгруппировался небольшой кружокъ сочувственно относящихся къ соціалдемократическимъ идеямъ мѣстныхъ интеллигентовъ» *). Этотъ кружокъ постепенно переходитъ къ широкой агитаціи и подъ его вліяніемъ и руководствомъ въ сентябрѣ 1896 года удачно проводится сильно нашумѣвшая въ свое время стачка на фабрикѣ Зотовыхъ. Стачка эта была такъ организована и рабочіе держали себя такъ хорошо, что пріѣхавшій для увѣщеванія рабочихъ полицеймейстеръ, сказалъ: «Ну, видно, что здѣсь петербургскіе агитаторы дѣйствовали» **). Послѣ стачки начались провалы. Члены первоначальнаго кружка либо были арестованы, либо вынуждены были уѣхать. Начатая было работа прекращается вовсе. Лишь въ 1897 году образуется новый кружокъ. «Этотъ кружокъ состоялъ изъ очень горячихъ, революціонно настроенныхъ лицъ, но въ то же время крайне юныхъ, не успѣвшихъ еще выработать себѣ опредѣленныхъ убѣжденій. Такимъ образомъ вліяніе соціалдемократовъ на

*) «Раб. движ. въ Костромѣ». Женева, 1902 г. стр. 6—7.
**) Подробности о стачкѣ см. въ «Работникѣ» 3—4 кн. стр. 64—68.

костромское рабочее движеніе свелось единственно къ тому что они передавали черезъ новую группу интеллигентовъ рабочимъ соціалдемократическую нелегальную литературу» *) Тѣмъ не менѣе уцѣлѣвшіе отъ перваго кружка распропагандированные рабочіе вмѣстѣ съ вновь пріѣзжими изъ центровъ подымаютъ вопросъ о постоянной организаціи и въ 1898 году имъ дѣйствительно удается сорганизоваться въ боевую кассу.

Такъ развивалось дѣло въ Костромѣ; приблизительно то же мы наблюдаемъ въ Харьковѣ **) и въ цѣломъ рядѣ другихъ мѣстъ. Въ Ковровѣ, напримѣръ, мѣстныхъ интеллигентовъ не было. Къ рабочимъ случайно попадаетъ изъ Москвы нелегальная соціалдемократическая литература; они съ жаромъ накидываются на нее и сейчасъ же организуютъ кружки для совмѣстнаго чтенія. Образуется библіотечка, при чемъ нелегальная литература пополняется легальной; устраивается библіотечная касса. Кассиру вмѣняется въ обязанность во чтобы то ни стало какъ можно регулярнѣе добывать нелегальную литературу; съ этой цѣлью его отправляютъ въ Москву. Послѣ долгихъ мытарствъ ему удается, наконецъ, черезъ личныхъ знакомыхъ связаться съ московской организаціей, и подъ ея вліяніемъ, вернувшись домой, онъ прекращаетъ самопроизвольно возникшую на почвѣ библіотеки рабочую организацію въ боевую соціалдемократическую организацію.

Мы привели эти примѣры для того, чтобы показать, что наша партія исторически складывалась совершенно иначе, чѣмъ старыя революціонныя организаціи, вродѣ «Земли и Воли». Тамъ *сначала создавался центръ*, который укрѣплялся, вырабатывалъ свою программу и выкидывалъ свое опредѣленное знамя. Изъ *этого центра* разсылались эмиссары, устраивались временныя поселенія революціонеровъ, филіальныя отдѣленія центральной организаціи на мѣстахъ, при центрѣ же организовывались различныя спеціальныя группы, которыя по его порученію исполняли какія нибудь опредѣленныя функціи. Наконецъ центръ начиналъ работу съ изданія партійнаго органа. *Однимъ словомъ центръ создавалъ партію вокругъ себя.* Онъ фактически являлся единственнымъ практическимъ и теоретическимъ руководителемъ движенія. Организаціи на мѣстахъ создавались имъ, отъ него же онѣ получали литера-

*) «Раб. движ. въ Костромѣ», стр. 12.
**) См. «Раб. движ. въ Харьковѣ». Женева, 1900 г.

туру, директивы, прямые приказы, онъ снабжалъ ихъ работниками, средствами и связями. Всѣ мѣстныя организаціи были лишь исполнителями приказаній центра. «Организація мелкихъ тайныхъ обществъ со всевозможными революціонными цѣлями необходима какъ для исполненія многочисленныхъ функцій партіи, такъ и для тактической выработки ея членовъ» *).

Народовольческая организація была организаціей строго заговорщицкой, служившей для подготовки политическаго заговора и потому она могла быть только организаціей штаба, массѣ же въ ней не было и не могло быть мѣста. Можно было сочувствовать «Народной Волѣ», считать себя принадлежащимъ *къ партіи «Народной Воли»* и все-таки не быть организаціонно связаннымъ *съ организаціей Народной Воли»* «Необходимо различать,—говоритъ А. Михайловъ въ процессѣ 20-ти,—понятіе партіи отъ понятія организаціи. Партія это неопредѣленная группировка людей единомыслящихъ, не связанныхъ между собой никакими взаимными обязательствами. Организація же, кромѣ непремѣннаго условія единомыслія предполагаетъ уже извѣстную замкнутость, тѣсную сплоченность и полную обязательность отношеній... Партія это солидарность мысли, организація—солидарность дѣйствія»**). «Наша непосредственная задача,—заявляютъ народовольцы въ другомъ мѣстѣ,—организація заговора съ цѣлью ниспроверженія существующаго государственнаго строя... Работа партіи Народной Воли направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы соединить всѣ активно протестующія силы, сплотить ихъ въ крѣпкую централистическую организацію, способную взять на себя иниціативу возстанія въ рѣшительный моментъ, а до тѣхъ поръ успѣшно вести заговорщицкую дѣятельность, несмотря ни на какія преслѣдованія правительства... *Мы ведемъ организованную работу только среди тѣхъ* элементовъ, которые примутъ участіе въ самомъ переворотѣ» ***) (курсивъ мой М. Л.).

Народовольцы ставили себѣ ясную и опредѣленную задачу при помощи заговора создать возстаніе. На возможность массового возстанія крестьянства они не разсчитывали, поэтому

---

*) Программа Исполн. Комитета «Нар. Воля» № 3, 1 янв. 1880 г.

**) Объясненіе А. Михайлова на судѣ. Прибавленіе къ №№ 8—9 «Нар. Воли» 1882 г.

***) Передовица изъ № 8—9 «Народн. Воли», февраль 82 г.

организація крестьянской массы считалась ими «совершенной фантазій» *). Ихъ планъ организаціи долженъ отвѣчать слѣдующимъ цѣлямъ:

«1) Созданіе центральной боевой организаціи, способной начать возстаніе.

2) Созданіе провинціальныхъ революціонныхъ организацій, способныхъ поддержать возстаніе.

3) Обезпечить возстанію поддержку городскихъ рабочихъ.

4) Подготовлять возможность привлеченія на свою сторону войска или парализованіе его дѣятельности.

5) Заручиться сочувствіемъ и содѣйствіемъ интеллигенціи главнаго источника силъ при подготовительной работѣ.

6) Склонить на свою сторону общественное мнѣніе Европы»**)

Преслѣдуя эти задачи, центръ создавалъ соотвѣтствующія группы: боевую, рабочую, пропагандискую, студенческую, финансовую, военную и т. д. Онъ создавалъ всю организацію, руководилъ всей работой, но не былъ отвѣтственъ передъ организаціей. Она не могла ни смѣстить его, ни измѣнить при помощи выборовъ его состава и тѣмъ повліять на его направленіе, на его рѣшенія. «*Центральная организація не можетъ быть создана въ видѣ выборнаго представительства;* она должна явиться въ видѣ тайнаго общества» ***). Она пополняется сама собой.

Мы особенно подчеркиваемъ, что исторически партія Народной Воли, Земли и Воли, да и вообще всѣ старыя революціонныя партіи въ Россіи складывались такимъ образомъ, что *сначала* создавался «неуловимый и недосягаемый» ****), употребляя выраженіе А. Михайлова, центръ и *онъ уже создавалъ всю партію.* Какъ же обстояло дѣло съ нашей партіей. Сначала она идетъ какъ будто бы по тому же пути. За границей среди русскихъ эмигрантовъ создается центръ— группа «Освобожденія Труда». Этотъ центръ выкидываетъ свое знамя «Программу русскихъ соціалистовъ», начинаетъ издавать литературу, группируетъ вокругъ себя кружки живущей за границей студенческой молодежи и наконецъ дѣлаетд по-

*) См. объ этомъ «Календарь Нар. Воли». Подготовит. работы партіи».
**) Тамъ же.
***) Кал. Нар. Воли. «Подготов. работы партіи».
****) Объясненія на судѣ. Прибавл. къ № 8—9 Нар. Воли.

туру, директивы, прямые приказы, онъ снабжалъ ихъ работниками, средствами и связями. Всѣ мѣстныя организаціи были лишь исполнителями приказаній центра. «Организація мелкихъ тайныхъ обществъ со всевозможными революціонными цѣлями необходима какъ для исполненія многочисленныхъ функцій партіи, такъ и для тактической выработки ея членовъ» *).

Народовольческая организація была организаціей строго заговорщицкой, служившей для подготовки политическаго заговора и потому она могла быть только организаціей штаба, массѣ же въ ней не было и не могло быть мѣста. Можно было сочувствовать «Народной Волѣ», считать себя принадлежащимъ *къ партіи «Народной Воли»* и все-таки не быть организаціонно связаннымъ *съ организаціей Народной Воли»* «Необходимо различать,—говоритъ А. Михайловъ въ процессѣ 20-ти,—понятіе партіи отъ понятія организаціи. Партія это неопредѣленная группировка людей единомыслящихъ, не связанныхъ между собой никакими взаимными обязательствами. Организація же, кромѣ непремѣннаго условія единомыслія предполагаетъ уже извѣстную замкнутость, тѣсную сплоченность и полную обязательность отношеній... Партія это солидарность мысли, организація—солидарность дѣйствія»**). «Наша непосредственная задача,—заявляютъ народовольцы въ другомъ мѣстѣ,—организація заговора съ цѣлью ниспроверженія существующаго государственнаго строя... Работа партіи Народной Воли направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы соединить всѣ активно протестующія силы, сплотить ихъ въ крѣпкую централистическую организацію, способную взять на себя иниціативу возстанія въ рѣшительный моментъ, а до тѣхъ поръ успѣшно вести заговорщицкую дѣятельность, несмотря ни на какія преслѣдованія правительства... *Мы ведемъ организованную работу только среди тѣхъ* элементовъ, которые примутъ участіе въ самомъ переворотѣ» ***) (курсивъ мой М. Л.).

Народовольцы ставили себѣ ясную и опредѣленную задачу при помощи заговора создать возстаніе. На возможность массового возстанія крестьянства они не разсчитывали, поэтому

---

*) Программа Исполн. Комитета «Нар. Воля» № 3, 1 янв. 1880 г.

**) Объясненіе А. Михайлова на судѣ. Прибавленіе къ №№ 8—9 «Нар. Воли» 1882 г.

***) Передовица изъ № 8—9 «Народн. Воли», февраль 82 г.

организація крестьянской массы считалась имъ «совершенной фантазій» *). Ихъ планъ организаціи долженъ отвѣчать слѣдующимъ цѣлямъ:

«1) Созданіе центральной боевой организаціи, способной начать возстаніе.

2) Созданіе провинціальныхъ революціонныхъ организацій, способныхъ поддержать возстаніе.

3) Обезпечить возстанію поддержку городскихъ рабочихъ.

4) Подготовлять возможность привлеченія на свою сторону войска или парализованіе его дѣятельности.

5) Заручиться сочувствіемъ и содѣйствіемъ интеллигенціи главнаго источника силъ при подготовительной работѣ.

6) Склонить на свою сторону общественное мнѣніе Европы»**)

Преслѣдуя эти задачи, центръ создавалъ соотвѣтствующія группы: боевую, рабочую, пропагандискую, студенческую, финансовую, военную и т. д. Онъ создавалъ всю организацію, руководилъ всей работой, но не былъ отвѣтственъ передъ организаціей. Она не могла ни смѣстить его, ни измѣнить при помощи выборовъ его состава и тѣмъ повліять на его направленіе, на его рѣшенія. «*Центральная организація не можетъ быть создана въ видѣ выборнаго представительства;* она должна явиться въ видѣ тайнаго общества» ***). Она пополняется сама собой.

Мы особенно подчеркиваемъ, что исторически партія Народной Воли, Земли и Воли, да и вообще всѣ старыя революціонныя партіи въ Россіи складывались таким образомъ, что *сначала* создавался «неуловимый и недосягаемый» ****), употребляя выраженіе А. Михайлова, центръ и *онъ уже создавалъ всю партію.* Какъ же обстояло дѣло съ нашей партіей. Сначала она идетъ какъ будто бы по тому же пути. За границей среди русскихъ эмигрантовъ создается центръ— группа «Освобожденія Труда». Этотъ центръ выкидываетъ свое знамя «Программу русскихъ соціалистовъ», начинаетъ издавать литературу, группируетъ вокругъ себя кружки живущей за границей студенческой молодежи и наконецъ дѣлаетд по-

*) См. объ этомъ «Календарь Нар. Воли». Подготовит. работы партіи».

**) Тамъ же.

***) Кал. Нар. Воли. «Подготов. работы партіи».

****) Объясненія на судѣ. Прибавл. къ № 8—9 Нар. Воли.

пытку (при помощи Дейча) связаться съ Россіей. И первые соціалдемократы дѣйствительно были связаны съ центромъ и дѣйствовали по его программѣ. Но тутъ сходство съ исторіей старыхъ революціонныхъ организацій кончается. Первые русскіе соціалдемократическіе кружки безслѣдно гибнутъ во тьмѣ общаго индиферентизма 80-хъ годовъ, и центръ окончательно отрывается отъ Россіи. Оторванная отъ стихійнаго рабочаго движенія, группа Освобожденія Труда не можетъ ни вліять на него, ни сама подвергаться его вліянію, а потому, оставаясь такъ сказать *марксистскимъ* центромъ, она не въ состояніи была сохранить роль революціоннаго *соціалдемократическаго* центра.

Въ 90-хъ годахъ уже внѣ всякой связи съ программой заграничнаго центра, съ его планомъ дѣйствія, совершенно независимо отъ него и даже другъ отъ друга возникаютъ соціалдемократическія организаціи и начинаетъ вестись дѣйствительно соціалдемократическая работа. Эти новыя организаціи причисляютъ себя къ соціалдемократіи *не потому, что онѣ принимаютъ* программу центра—«Программу русскихъ соціалдемократовъ» (очень часто онѣ ея совершенно не знаютъ), а потому, что онѣ вполнѣ примыкаютъ *къ принципамъ всемірной соціалдемократіи.* Ихъ знаменемъ становится не программа группы «Освобожденія Труда», а Эрфуртская программа германской с.-д. партіи, ученіе западно-европейскихъ соціалистовъ (ученіе группы Освоб. Труда въ томъ числѣ). Принимая идейное соціалдемократическое знамя, русскіе соціалдемократы не находили уже готоваго центра, вокругъ котораго они могли бы организаціонно сплотиться. Группа Освобожденія Труда не сумѣла сыграть роль такого центра, повторить роль центральныхъ организацій «Земли и Воли» и «Народной Воли». Не могла взять на себя эту задачу и ни одна изъ остальныхъ существовавшихъ организацій.

Въ каждой данной мѣстности создавался свой центръ, независимо отъ другихъ. Центръ этотъ на мѣстѣ строилъ всю работу, создавалъ всю организацію. Наша партія, въ противоположность «Народной Волѣ» фактически складывалась съ низовъ, съ периферіи, а не отъ центра. Мѣстные штабы создались у насъ при отсутствіи центральнаго штаба. При ростѣ движенія передъ каждымъ такимъ мѣстнымъ штабомъ неотложно стояла двоякая задача—съ одной стороны сгруппировать вокругъ себя свой мѣстный отрядъ, организаціонно за-

терию, что между двумя организаціями—работавшей до 95 г. и работавшей въ 96 г.—почти совсѣмъ не сохранилось преемственной связи. Соотвѣтствуетъ ли этотъ планъ организаціонному плану Народной Воли, который проповѣдывался группой Освобожденія Труда? Въ извѣстномъ смыслѣ, да. Центральный комитетъ здѣсь, какъ и тамъ не выбирается организаціей, онъ строго законспирированъ, «недосягаемъ» для всей массы; онъ создаетъ всю работу, всю остальную организацію. Это генеральный штабъ, главная квартира московскаго рабочаго движенія. Но на этомъ сходство прекращается. Уже представительское собраніе есть шагъ впередъ по сравненію съ старыми революціонными организаціями. Оно является учрежденіемъ, непосредственно связывающимъ штабъ съ арміей, и свидѣтельствуетъ уже объ организаціи самой арміи. Армія эта организуется въ кассу.

Вопросъ о кассѣ вызвалъ сильные споры среди присутствующихъ; споры эти шли не о задачахъ кассы, которыя всѣ понимали одинаково, а о способахъ ея устройства. На собраніи заводскихъ представителей возникъ вопросъ: ставить ли сразу общую центральную кассу или дойти до нея путемъ организаціи объединенія мѣстныхъ кассъ. Большинство стояло вначалѣ за второй планъ, но въ концѣ концовъ было рѣшено все таки приступить сразу къ устройству общей кассы... Собраніе же фабричныхъ представителей единогласно высказалось за немедленное устройство общей кассы хотя бы съ необязательнымъ на первое время взносомъ. Средства общей кассы образуются изъ вступительнаго рублеваго взноса и ежемѣсячныхъ взносовъ въ размѣрѣ двухъ копеекъ съ заработаннаго рубля. Лица, ежемѣсячная выработка которыхъ не достигаетъ 15 рублей, отъ вступительнаго взноса освобождаются. Сюда же идутъ пожертвованія сочувствующей интеллигенціи. Касса должна быть почти исключительно боевою (т. е. поддерживать стачки, разъ онѣ начаты съ согласія организаціи) и оказывать помощь пострадавшимъ за рабочее дѣло и ихъ семьямъ. Кромѣ того, часть денегъ удѣляется на литературу. Выдача ссудъ и пособій допускается въ крайнихъ случаяхъ»*).

Здѣсь, какъ мы видимъ, въ вопросѣ о кассахъ сталкиваются уже два направленія. Соціалдемократы-руководители и представители массовыхъ фабричныхъ рабочихъ стоятъ за

*) Работникъ № 3—4. Стр. 37—38.

ской оставались и не могли не оставаться пустыми, безсодержательными и безполезными для мѣстныхъ работниковъ фразами. Само собой поэтому разумѣется, что организацiонный планъ группы Освобожденiя Труда не могъ вовсе приниматься въ разсчетъ дѣйствовавшими въ Россiи практиками.

V.

«Въ мартѣ (1896 г.) руководителями движенiя,—читаемъ мы въ не разъ уже цитированномъ отчетѣ Ц. К. Московскаго рабочаго союза,—была сдѣлана попытка приступить къ устройству организацiи и боевой кассы. Съ этой цѣлью рѣшено было созвать собранiе представителей отдѣльныхъ заводовъ и фабрикъ. Недостатокъ подходящаго помѣщенiя заставилъ собрать порознь представителей заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ. На этихъ собранiяхъ выяснились результаты зимней работы и имѣющiяся въ настоящее время связи, а, главнымъ образомъ, обсуждался планъ устройства организацiи. Планъ этотъ въ общихъ чертахъ представлялся въ слѣдующемъ: организацiя состоитъ изъ *собранiя представителей* по одному съ каждаго заведенiя и изъ *центральнаго комитета*. Въ составъ центральнаго комитета входитъ нѣсколько интеллигентовъ и человѣкъ 6—7 наиболѣе сознательныхъ, развитыхъ и энергичныхъ рабочихъ, приблизительно по одному отъ каждаго района, на которые для быстроты сношенiй раздѣляется Москва. Центральный комитетъ руководитъ всѣмъ московскимъ движенiемъ, распоряжается средствами организацiи, доставляетъ и печатаетъ нелегальную литературу и ведетъ сношенiя, какъ съ другими городами, такъ и съ заграницей. Собранiя его происходятъ правильно отъ одного до двухъ разъ въ мѣсяцъ. Представительское собранiе состоитъ при центральномъ комитетѣ въ качествѣ совѣщательнаго органа, своевременно доставляетъ центру извѣстiя о всемъ, что дѣлается въ ихъ мастерскихъ. Такимъ образомъ, является возможность для непрерывной широкой агитацiи. Организацiя имѣетъ свою кассу и библiотеку»*).

Этотъ планъ организацiи, выработанный въ 98 году лишь въ мелкихъ деталяхъ отличается отъ плана Московской организацiи, принятаго лѣтомъ 95 года**). Это тѣмъ болѣе харак-

*) „Раб. движ. въ Москвѣ". „Работникъ" № 3—4, стр. 36—37.
**) См. первую часть этой работы гл. XI.

есть улучшеніе въ жизни, есть новое средство къ дальнѣйшимъ побѣдамъ. Разъ привлечена вся масса рабочихъ—этимъ обезпечены средства къ борьбѣ. Движеніе перестаетъ быть нищимъ, живущимъ подачками со стороны. Средства должны давать сами бойцы, и каждый трудовой грошъ, вложенный въ дѣло, будетъ дороже тысячъ, данныхъ со стороны. Стремленіе рабочихъ заводить кассы знаменуетъ переходъ къ вполнѣ сознательной эпохѣ движенія. *Эти кассы должны давать въ будущемъ средства прежде всего не для занятій, не для книгъ, а для насущнаго хлѣба во время разгара боя*, во время стачекъ. Вокругъ кассъ должны группироваться рабочіе, *и каждая изъ нихъ дороже для движенія, чѣмъ сотня другихъ организацій.* Конечно, и дѣло самообразованія должно идти своимъ чередомъ, воспитывая интеллигентныя единицы. *Пусть рабочіе ведутъ борьбу, зная, что борятся они не для какихъ то будущихъ поколѣній, а для себя и для своихъ дѣтей, пусть помнятъ, что каждая побѣда, каждая пядь, отбитая у врага, есть пройденная ступень лѣстницы, ведущей къ ихъ собственному благополучію»* *).

Соціалдемократической, революціонной точкѣ зрѣнія — борьба рабочихъ есть борьба за освобожденіе рабочаго класса —противопоставляется здѣсь трэдъ-юніонистская точка зрѣнія— борьба рабочихъ есть борьба за улучшеніе положенія данныхъ сорганизованныхъ рабочихъ. Эти двѣ точки зрѣнія казались настолько непримиримыми, что обѣимъ имъ сразу не было мѣста въ рамкахъ одной и той-же организаціи; одна изъ нихъ необходимо должна была вытѣснить другую. На примѣрѣ Бунда мы видимъ, что вторая точка зрѣнія дѣйствительно на долгое время вытѣснила тамъ первую **). Одну и ту же армію нельзя было сорганизовать подъ обоими знаменами; а поднять второе знамя значило отказаться отъ конечной цѣли пролетарскаго движенія, отказаться отъ классовой борьбы.

Но что же могло заставить соціалдемократовъ стать на эту точку зрѣнія? Главнымъ образомъ и прежде всего стремленіе во что бы то ни стало сорганизовать рабочую армію.

---

*) «Рабочая Мысль», № 1. Передовая статья. С.-Пб., октябрь 97 г. Послѣдніе два курсива мои М. Л.

**) См. I часть этой работы гл. XII.

Мало сознательные рабочіе въ революціонную кассу не идутъ; они еще бояться «сицилиста», пугаются «революціи»,—но въ пользу стачекъ они уже увѣровали, постигли связь между удачей или неудачей стачки и организаціей стачечныхъ кассъ. Охотниковъ войти въ такія кассы найдется много. Первые соціалдемократы, организовывая сѣть кассъ, располагали такія общедоступныя кассы или отдѣленія центральной кассы на самой периферіи этой сѣти. Назначеніе такихъ кассъ было служить какъ бы щупальцами для втягиванія малосознательныхъ рабочихъ въ общую соціалдемократическую организацію. Это втягиваніе происходило такимъ образомъ, что, попавъ въ описываемую кассу, малосознательный рабочій воочію убѣждался въ томъ, что при современныхъ политическихъ условіяхъ совершенно невозможно вести даже чисто экономическую борьбу, организовать даже чисто профессіональное движеніе. Соціалдемократическіе руководители этихъ первичныхъ кассъ съ перваго же дня вступленія въ нее новичка, противопоставляя дѣятельность этой кассы дѣятельности западноевропейскихъ профессіональныхъ союзовъ, указывали на связь между политической свободой и экономической борьбой и такимъ образомъ малосознательнаго рабочаго толкали къ идеѣ о необходимости политической борьбы, другими словами, превращали его въ соціалдемократа. Вступивъ въ такую кассу въ надеждѣ при ея помощи улучшить свое положеніе, пользоваться пособіемъ въ трудную минуту, запастись правомъ на помощь во время стачки, рабочій очень скоро убѣждался, что при вынужденной, благодаря самодержавному режиму, подпольной дѣятельности кассы, нѣтъ никакой возможности создать не только стачечнаго фонда, но даже фонда для взаимопомощи. Правда, часть рабочихъ, убѣдившись въ этомъ охладѣвала къ дѣлу кассы и къ рабочему движенію вообще и вскорѣ покидала кассу, зато оставшіеся рабочіе становились соціалдемократами и уже охотно голосовали—и при томъ совершенно сознательно—за передачу значительной части наличности кассы въ центральную организацію на чисто революціонныя нужды.

Чтобы лучше иллюстрировать послѣднюю точку зрѣнія, я приведу нѣсколько выдержекъ изъ крайне интереснаго письма одного петербургскаго рабочаго, написаннаго имъ приблизительно за годъ до выхода № 1 «Рабочей Мысли» и впервые опубликованнаго Петербужцемъ.

«Главная цѣль передовыхъ, критически мыслящихъ людей, —пишетъ онъ,—должна быть: соединить въ одно цѣлое рабочую массу. Задача эта весьма сложная и требуетъ немалаго труда, благодаря деморализаціи рабочихъ и нашего строя. Нужно почти заставить рабочихъ хорошенько вдуматься въ свое положеніе, нужно вырвать у нихъ рутинное убѣжденіе и доказать выгодность соціалистическаго строя. Повторяю, этого достигнуть трудно.... Передовые люди, отдѣльныя личности должны быть, по возможности, предусмотрительны, при чемъ ни на минуту не слѣдуетъ забывать, что передовыя личности это только *механизмы, дающіе направленіе;* но главная двигательная сила это *масса;* слѣдовательно, на обязанности личности лежитъ забота о сохраненіи этой силы и ея группированіи. Здѣсь нужно нѣкоторое терпѣніе, чтобы выждать большаго скопленія силы и, не разсѣивая ее въ разныхъ пунктахъ, дать отпоръ угнетающему строю.

«Въ настоящее время борьба безспорно далеко не равная: на золотомъ знамени противоположнаго лагеря начертаны пугающія массу слова: «Богъ, Царь и Отечество», на нашемъ: «Равенство, Свобода, Братство». Не слѣдуетъ забывать, что первыя слова, которыя выкрикиваются попами и полиціей, заглушаютъ шопотъ вторыхъ, произносящихся шопотомъ. Но мы видимъ, что время отъ времени попы и полиція теряютъ свою силу, и армія подъ соціалистическимъ знаменемъ увеличивается».

Какъ-же содѣйствовать увеличенію этой арміи и помочь группированію ея, т. е. какъ организовать ее?—спрашиваетъ авторъ и тутъ-же отвѣчаетъ:

«Первымъ и главнымъ къ этому шагомъ должны быть рабочія кассы, объ устройствѣ которыхъ я и хочу поговорить нѣсколько подробнѣе.

«Кассы должно устроить такъ, чтобы онѣ не казались рабочимъ непосильными; для этого опредѣленнаго взноса выставить нельзя, и члены должны дѣлать таковые по возможности своихъ средствъ, при чемъ необходимо заботиться о томъ, чтобы участвующіе въ кассѣ не смотрѣли бы на нее, какъ на лимонъ, изъ котораго можно въ свое удовольствіе выжимать сокъ.

«Касса прямо для революціонныхъ цѣлей хороша, но она найдетъ слишкомъ мало участвующихъ лицъ, слѣдовательно

должны быть нѣкоторые побочные интересы, которые могли бы придать ей наружный колеръ.

«Въ каждой фабрикѣ или заводѣ удобнѣе устраивать нѣсколько маленькихъ кассъ; каждой изъ нихъ можетъ руководить одинъ болѣе развитой рабочій; число членовъ, смотря по возможности обстоятельствъ, человѣкъ 5—6 и болѣе. Представители каждой изъ такихъ кассъ въ каждомъ заводѣ или фабрикѣ должны имѣть сообщеніе, руководить книгами и вообще литературой, вести отчеты и проч.

«Каждый представитель кружка долженъ вырабатывать изъ своихъ товарищей быть способными въ будущемъ руководить такими же кружками и одного всегда не мѣшаетъ имѣть въ виду для необходимыхъ порученій, замѣнить, если то потребуется, себя, или откомандировать во вновь образовавшійся кружокъ и т. д.

«При каждомъ заводѣ или фабрикѣ нужно имѣть главную кассу, куда будетъ помѣщаться запасный капитальчикъ мелкихъ кассъ. Личность, завѣдующая этимъ пунктомъ, должна быть вполнѣ надежная, потому что здѣсь будутъ стянуты всѣ нити завода или фабрики въ одинъ узелъ. Этотъ кассиръ долженъ имѣть прямое или косвенное сообщеніе съ представителями кружковъ, слѣдить за нелегальной литературой, выбирать время для прокламацій, имѣть сообщеніе съ интеллигенціей, вести отчетъ главной книги и пр.

«Изъ такихъ кассъ каждаго завода или фабрики деньги должны откладываться и препровождаться въ центральную кассу соц.-дем. партіи, которая должна храниться, «аки зеница ока». Завѣдующіе центральной кассой прямого сообщенія съ заводами имѣть не должны, хотя не мѣшаетъ иногда пересылать отчетъ завѣдующимъ главными кассами и, по усмотрѣнію опытнаго интеллигента, остальнымъ надежнымъ рабочимъ.

«Въ случаѣ стачки, завѣдующіе центральной кассой должны быть предусмотрительны, чтобы пособіе (если таковое будетъ возможно сдѣлать) достигало своей цѣли...

«...Вообще надо стараться, чтобы рабочіе сами шли впередъ; косвенно на нихъ вліять нужно, но не слѣдуетъ ставить въ такое положеніе, чтобы они чувствовали, что ихъ тянутъ» *).

*) «Очеркъ петерб. раб. движенія», стр. 64—65.

Авторъ этой рукописи рабочій и при томъ соціалдемократъ-практикъ. Онъ отлично понимаетъ, что штабъ безъ арміи безсиленъ, что нужно создать, сорганизовать армію; онъ считается съ психологіей хорошо ему извѣстнаго массового рабочаго, но онъ не хочетъ мириться съ этой психологіей. «Нужно *заставить* рабочаго хорошенько вдуматься въ свое положеніе, — говоритъ онъ, — нужно *вырвать* рутинное убѣжденіе». Какъ это сдѣлать? — «Нужно придать наружный колеръ» соприкасающейся съ массой части революціонной организаціи. Маленькія первичныя кассы должны носить желательный для массового рабочаго характеръ. Онѣ должны быть чисто стачечными кассами; но руководить ими долженъ сознательный соціалдемократъ, который воспитываетъ вступившихъ въ кассу сѣрыхъ рабочихъ и въ то-же время передаетъ въ строго конспиративную организацію ихъ настроеніе, ихъ нужды, ихъ желанія. Такимъ образомъ эта чисто рабочая касса связывается съ соціалдемократической организаціей и превращается въ одно изъ колесиковъ большого партійнаго механизма, при чемъ втягиваніе рабочихъ въ этотъ сложный механизмъ должно совершаться такъ, чтобы они не чувствовали, «что ихъ тянутъ» туда.

Фактически всѣ попытки созданія массовой организаціи въ 1895—97 годахъ и сводились къ практическому выполненію плана, намѣченнаго только что цитированнымъ авторомъ. И при этомъ характерно, что планъ этотъ больше всего встрѣчалъ сочувствіе у рабочихъ, вышедшихъ изъ болѣе сѣрой массы и тѣхъ, которые были тѣснѣе связаны съ ней, т. е. у фабричныхъ — ткачей, прядильщиковъ и т. д. Оппозицію же этотъ планъ встрѣчалъ обыкновенно среди рабочихъ заводскихъ, въ особенности среди лучше оплачиваемыхъ токарей, модельщиковъ, машинистовъ и т. п. Оно и понятно: касса модельщиковъ при сравнительно высокой заработной платѣ, которую они получали, очень быстро могла стать реальной величиной. Другое дѣло фабричные рабочіе. Ихъ заработокъ равнялся 12—18 рублямъ въ мѣсяцъ; понятно, что изъ такого заработка трудно скопить мало-мальски значительный фондъ. Голосуя за центральную кассу, они тѣмъ самымъ высказывались за мысль, чтобы каждый рабочій, независимо отъ своей профессіи, чувствовалъ себя обязаннымъ помогать въ каждомъ случаѣ стачки, чтобы рабочая аристократія приходила на помощь своимъ болѣе нуждающимся собратьямъ. Этому разряду

должны быть нѣкоторые побочные интересы, которые могли бы придать ей наружный колеръ.

«Въ каждой фабрикѣ или заводѣ удобнѣе устраивать нѣсколько маленькихъ кассъ; каждой изъ нихъ можетъ руководить одинъ болѣе развитой рабочій; число членовъ, смотря по возможности обстоятельствъ, человѣкъ 5—6 и болѣе. Представители каждой изъ такихъ кассъ въ каждомъ заводѣ или фабрикѣ должны имѣть сообщеніе, руководить книгами и вообще литературой, вести отчеты и проч.

«Каждый представитель кружка долженъ вырабатывать изъ своихъ товарищей быть способными въ будущемъ руководить такими же кружками и одного всегда не мѣшаетъ имѣть въ виду для необходимыхъ порученій, замѣнить, если то потребуется, себя, или откомандировать во вновь образовавшійся кружокъ и т. д.

«При каждомъ заводѣ или фабрикѣ нужно имѣть главную кассу, куда будетъ помѣщаться запасный капитальчикъ мелкихъ кассъ. Личность, завѣдующая этимъ пунктомъ, должна быть вполнѣ надежная, потому что здѣсь будутъ стянуты всѣ нити завода или фабрики въ одинъ узелъ. Этотъ кассиръ долженъ имѣть прямое или косвенное сообщеніе съ представителями кружковъ, слѣдить за нелегальной литературой, выбирать время для прокламацій, имѣть сообщеніе съ интеллигенціей, вести отчетъ главной книги и пр.

«Изъ такихъ кассъ каждаго завода или фабрики деньги должны откладываться и препровождаться въ центральную кассу соц.-дем. партіи, которая должна храниться, «аки зеница ока». Завѣдующіе центральной кассой прямого сообщенія съ заводами имѣть не должны, хотя не мѣшаетъ иногда пересылать отчетъ завѣдующимъ главными кассами и, по усмотрѣнію опытнаго интеллигента, остальнымъ надежнымъ рабочимъ.

«Въ случаѣ стачки, завѣдующіе центральной кассой должны быть предусмотрительны, чтобы пособіе (если таковое будетъ возможно сдѣлать) достигало своей цѣли...

«...Вообще надо стараться, чтобы рабочіе сами шли впередъ; косвенно на нихъ вліять нужно, но не слѣдуетъ ставить въ такое положеніе, чтобы они чувствовали, что ихъ тянутъ» *).

---

*) «Очеркъ петерб. раб. движенія», стр. 64—65.

право участія въ центральной организаціи или нѣтъ? Споръ по этому поводу не носилъ еще того принципіальнаго характера, который онъ принялъ впослѣдствіи съ легкой руки «Рабочей Мысли».

«Ни для кого не составляетъ тайны,—говоритъ Петербуржецъ,—что ядро Союза можно было бы опредѣлить слѣдующими словами: оно состояло изъ центральной и мѣстныхъ группъ, членами которыхъ были интеллигенты, имѣвшіе связи съ дѣятельными рабочими. Такой составъ Союза можетъ быть еще годился для кружковой работы и отчасти для той начальной стадіи агитаціи, которая велась еще до лѣтнихъ стачекъ; но онъ совершенно не соотвѣтствовалъ тѣмъ организаціоннымъ, агитаціоннымъ и даже пропагандистскимъ задачамъ, какія впервые были поставлены передъ Союзомъ лѣтними стачками.

«Прежде всего было необходимо возстановить общую рабочую организацію (объединеніе мѣстныхъ ройонныхъ организацій), разрушенную арестами конца 95 и начала 96 г.г. Единство дѣйствій районныхъ организацій обезпечивалось бы центральной агитаціонной группой или рабочимъ комитетомъ изъ рабочихъ, представителей отъ районовъ. Такая группа организовалась, но относительно ея роли между членами центральной организаціи происходили разногласія»*).

Акимовъ, разсказывая объ этомъ спорѣ, видитъ въ немъ борьбу двухъ уже ясно проявившихся направленій. «У Союза Борьбы,—говоритъ онъ,—была своя особая болѣе широкая цѣль, для которой вся экономическая борьба рабочихъ была лишь средствомъ: создавая и поддерживая рабочія кассы, Союзъ имѣлъ въ виду не ихъ непосредственные результаты, но ихъ значеніе въ дѣлѣ развитія классовой борьбы пролетаріата. Но свою цѣль—ниспроверженіе существующаго порядка Союзъ не высказывалъ ни въ прокламаціяхъ, ни на собраніяхъ кассъ. Это придавало Союзу Борьбы характеръ заговорщицкой организаціи, желавшей опираться на рабочія массы, это отличало его отъ организаціи массъ, отъ стачечныхъ кассъ«**).

Петербуржецъ горячо протестуетъ противъ подобныхъ объясненій. По его мнѣнію здѣсь «не было не только «корешковъ», но даже тѣни тѣхъ разногласій, которыя потомъ были

*) «Оч. петерб. раб. движ.» стр. 66—67.
**) «Оч. разв. соц-діи въ Россіи» стр. 50.

окрещены именемъ борьбы между «политиками» и «экономистами».

«Разногласіе въ тогдашнемъ Союзѣ происходило по той причинѣ, что часть членовъ центральной организаціи Союза настаивала, чтобы *все оставалось по старому*, т. е. ядро Союза состояло бы по прежнему только изъ интеллигентовъ и чтобы только они были руководителями движенія. Что же касается агитаціонной рабочей группы, то она должна стоять на периферіи.

«Другіе же настаивали, что вести дѣло подобнымъ способомъ дальше нельзя, ибо тогда Союзъ потеряетъ все значеніе и вліяніе среди рабочихъ; что мы *должны* считаться съ наличностью среди рабочихъ сознательныхъ силъ, которыя рвутся къ работѣ и къ дѣятельному участію въ Союзѣ. Организація Союза *должна* быть измѣняема, сообразно потребностямъ времени, иначе она будетъ мертвою организаціей; что не надо закрывать глаза на факты: функціи Союза растутъ, мы не успѣваемъ дѣлать даже ту работу, которую выполнять можемъ только мы, въ то время, какъ мы безполезно тратимъ силы на такую работу, которая съ большимъ успѣхомъ можетъ быть выполнена самими рабочими. Силъ у насъ недостаетъ, и главное недостаетъ такихъ силъ, которыя могли бы вести организаціонную работу въ рабочей средѣ. Потому *необходимо* отказаться отъ прежней системы, необходимо включить въ центральную организацію Союза нѣсколькихъ представителей отъ агитаціонной рабочей группы и ввести болѣе правильное раздѣленіе труда. Только такимъ путемъ Союзъ можетъ развиваться дальше, расширить свою дѣятельность, распространять свое вліяніе и проникать глубже во все болѣе и болѣе широкіе круги рабочихъ и пріобрѣтать фактическую возможность руководить рабочимъ движеніемъ Петербурга. Вмѣстѣ съ этимъ, наконецъ, было бы разъ навсегда покончено съ той перегородкой, которая отдѣляетъ соціалистовъ-интеллигентовъ отъ соціалистовъ-рабочихъ.

«Читатель спроситъ, какіе же аргументы выдвигали тѣ члены Союза, котсрые отстаивали старый порядокъ. Эти аргументы сводились главнымъ образомъ на то, что введеніе рабочихъ въ центральную группу Союза не выгодно въ конспиративномъ отношеніи... Впрочемъ, однажды одинъ изъ главныхъ сторонниковъ стараго порядка вещей выразилъ даже опасеніе, что «рабочіе внесутъ въ Союзъ новые порядки и быть

можетъ играть насъ руководящей роли»*). Исходя изъ этихъ соображеній они «стояли за прежнюю конституцію Союза и хотя признавали пользу рабочаго комитета, но спорили противъ включенія представителей отъ него въ центральную организацію Союза; вмѣсто того они предлагали наоборотъ послать изъ центра Союза одного или двухъ членовъ въ качествѣ представителей въ рабочій комитетъ, иными словами они стояли за status quo»**).

Ленинъ по поводу этого спора, подобно Петербуржцу, утверждаетъ, что «само собой разумѣется, что спорившіе далеки были отъ мысли видѣть въ этомъ разногласіи начало расхожденія, считая его наоборотъ единичнымъ и случайнымъ»***).

Для насъ несомнѣнно одно, что если въ началѣ 97 года споръ этотъ не носилъ еще принципіальнаго характера, если тогда по всей вѣроятности сущность его сводилась не къ участію или неучастію въ соціалдемократической организаціи, *рабочихъ вообще*, а къ *оцѣнкѣ опредѣленныхъ, хорошо извѣстныхъ обѣимъ сторонамъ рабочихъ*, и уже въ зависимости отъ этого къ рѣшенію вопроса объ ихъ участіи, то очень скоро вопросъ факта свелся къ вопросу принципа. Очень скоро, повторяю я, вопросъ объ участіи сознательныхъ рабочихъ въ соціалдемократической организаціи свелся къ вопросу объ *участіи въ ней рабочихъ вообще* или, другими словами, къ принципіальному вопросу: *должна ли соціалдемократическая организація быть выше уровня средняго массового рабочаго*, должна ли она *руководить* движеніемъ, *воспитывать* массу, «вырывать у нея — употребляя выраженіе вышецитированнаго автора-рабочаго — рутинное убѣжденіе» или она должна *опуститься* до уровня массовика, превратиться въ одну лишь *выразительницу желаній массы, стать простой исполнительницей ея воли.*

Мы не беремся сейчасъ судить, кто былъ правъ въ вышеупомянутомъ спорѣ Союза Борьбы. Тѣ ли, которые не видѣли среди имѣвшихся въ то время на лицо рабочихъ людей достаточно сознательныхъ, достаточно искушенныхъ въ конспиративномъ отношеніи, и поэтому, *и только поэтому* отстаивали status quo, или же тѣ, которые оцѣнивали знакомыхъ имъ рабо-

*) «Оч. Петерб. раб. движ.» стр. 67—68

**) Тамъ же стр. 70.

***) „Что дѣлать", Stuttgart. 1902 г. стр. 23.

окрещены именемъ борьбы между «политиками» и «экономистами».

«Разногласіе въ тогдашнемъ Союзѣ происходило по той причинѣ, что часть членовъ центральной организаціи Союза настаивала, чтобы *все оставалось по старому*, т. е. ядро Союза состояло бы по прежнему только изъ интеллигентовъ и чтобы только они были руководителями движенія. Что же касается агитаціонной рабочей группы, то она должна стоять на периферіи.

«Другіе же настаивали, что вести дѣло подобнымъ способомъ дальше нельзя, ибо тогда Союзъ потеряетъ все значеніе и вліяніе среди рабочихъ; что мы *должны* считаться съ наличностью среди рабочихъ сознательныхъ силъ, которыя рвутся къ работѣ и къ дѣятельному участію въ Союзѣ. Организація Союза *должна* быть измѣняема, сообразно потребностямъ времени, иначе она будетъ мертвою организаціей; что не надо закрывать глаза на факты: функціи Союза растутъ, мы не успѣваемъ дѣлать даже ту работу, которую выполнять можемъ только мы, въ то время, какъ мы безполезно тратимъ силы на такую работу, которая съ большимъ успѣхомъ можетъ быть выполнена самими рабочими. Силъ у насъ недостаетъ, и главное недостаетъ такихъ силъ, которыя могли бы вести организаціонную работу въ рабочей средѣ. Потому *необходимо* отказаться отъ прежней системы, необходимо включить въ центральную организацію Союза нѣсколькихъ представителей отъ агитаціонной рабочей группы и ввести болѣе правильное раздѣленіе труда. Только такимъ путемъ Союзъ можетъ развиваться дальше, расширить свою дѣятельность, распространять свое вліяніе и проникать глубже во все болѣе и болѣе широкіе круги рабочихъ и пріобрѣтать фактическую возможность руководить рабочимъ движеніемъ Петербурга. Вмѣстѣ съ этимъ, наконецъ, было бы разъ навсегда покончено съ той перегородкой, которая отдѣляетъ соціалистовъ-интеллигентовъ отъ соціалистовъ-рабочихъ.

«Читатель спроситъ, какіе же аргументы выдвигали тѣ члены Союза, которые отстаивали старый порядокъ. Эти аргументы сводились главнымъ образомъ на то, что введеніе рабочихъ въ центральную группу Союза не выгодно въ конспиративномъ отношеніи... Впрочемъ, однажды одинъ изъ главныхъ сторонниковъ стараго порядка вещей выразилъ даже опасеніе, что «рабочіе внесутъ въ Союзъ новые порядки и быть

понятна лишь немногимъ сознательнымъ рабочимъ, «масса» воспринять этого лозунга не можетъ, поэтому его слѣдуетъ отбросить, а вмѣсто него выдвинуть лозунгъ «немедленнаго улучшенія положенія каждаго отдѣльнаго рабочаго» и уже подъ этимъ лозунгомъ строить организацію. Это теченіе желало сорганизовать рабочую армію при условіи отказа отъ той борьбы, ради которой эта армія собиралась.

И, наконецъ, третье теченіе, медленно и постепенно складывавшееся среди старыхъ практиковъ, сводилось къ тому, чтобы по возможности расширить рамки тайной организаціи и, сохранивъ въ неприкосновенности конспиративный характеръ штаба, цѣлымъ рядомъ нитей непосредственно связать его съ массой. Сама масса въ партійную организацію входить не должна. Она дисциплинируется непрерывной агитаціей, постоянно развиваемымъ въ ней стремленіемъ къ партійной организаціи и ея участіемъ въ пропагандистскихъ кружкахъ и въ кассахъ стачечной борьбы. Широко ставился вопросъ объ извлеченіи изъ этихъ первичныхъ кассъ и кружковъ сознательныхъ, распропагандированныхъ рабочихъ и о привлеченіи ихъ въ организаціонную партійную работу. Взгляды этого теченія были высказаны Ленинымъ въ написанной имъ передъ съѣздомъ въ 1897 г. брошюрѣ. Въ этой брошюрѣ, полемизируя съ Лавровымъ, онъ опредѣленно подчеркиваетъ разницу между соціалдемократической и старой народовольческой организаціей.

«Традиціи бланкизма, заговорщичества,—говоритъ онъ,— страшно сильны у народовольцевъ, до того сильны, что они не могутъ себѣ представить политической борьбы иначе, какъ въ формѣ политическаго заговора. Соціалдемократы же въ подобной узости формы не повинны, въ заговоры они не вѣрятъ, думаютъ, что время заговоровъ давно миновало, что сводить политическую борьбу къ заговору, значитъ непомѣрно ее съуживать, съ одной стороны, а съ другой—выбирать самыя неудачныя формы борьбы»*).

Лавровъ высмѣивалъ русскихъ соціалдемократовъ за то, что они будто бы хотятъ организацію германской партіи перенести цѣликомъ въ Россію. «На самомъ дѣлѣ,— возражаетъ ему Ленинъ, — никогда русскіе соціалдемо-

---

*) Ленинъ. „Задачи русскихъ соціалдемократовъ“. 3-е изданіе.

краты не забывали о нашихъ политическихъ условіяхъ, никогда не мечтали о возможности создать въ Россіи открыто рабочую партію, никогда не отдѣляли соціализмъ отъ задачи борьбы за политическую свободу. Но они думали всегда и продолжаютъ думать, что эту борьбу должны вести не заговорщики, а революціонная партія, опирающаяся на рабочее движеніе. Они думаютъ, что борьба противъ абсолютизма должна состоять не въ устройствѣ заговоровъ, а въ воспитаніи, дисциплинированіи и организаціи пролетаріата, въ политической агитаціи среди рабочихъ, клеймящей всякое проявленіе абсолютизма, прибивающей къ позорному столбу всѣхъ рыцарей полицейскаго правительства и вынуждающей у этого правительства уступки. Развѣ не такова именно дѣятельность С.-Петербургскаго «Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса»? Развѣ эта организація не представляетъ изъ себя именно зачатка революціонной партіи, которая опирается на рабочее движеніе, руководитъ классовой борьбой пролетаріата, борьбой противъ капитала и противъ абсолютнаго правительства, не устраивая никакихъ заговоровъ и почерпая свои силы именно изъ *соединенія* соціалистической и демократической борьбы въ одну нераздѣльную классовую борьбу петербургскаго пролетаріата? Развѣ дѣятельность «Союза при всей ея краткости, не доказала уже, что руководимый соціалдемократіей пролетаріатъ представляетъ изъ себя крупную политическую силу, съ которой вынуждено уже считаться правительство, которой оно спѣшитъ дѣлать уступки?

Законъ 2 іюня 1897 года, какъ торопливостью его проведенія, такъ и своимъ содержаніемъ показываетъ свое значеніе, какъ вынужденной уступки пролетаріату, какъ отвоеванной позиціи у врага русскаго народа. Эта уступка весьма миніатюрна, позиція очень незначительна, но вѣдь и та организація рабочаго класса, которой удалось вынудить эту уступку, тоже не отличается ни широтой, ни давностью, ни богатствомъ опыта или средствъ: «Союзъ Борьбы» основался, какъ извѣстно, лишь въ 1895—96 г. и его обращенія къ рабочимъ ограничивались лишь гектографированными и литографированными листками. Возможно ли отрицать, что подобная организація, объединяющая, по крайней мѣрѣ, крупнѣйшіе центры рабочаго движенія въ Россіи (округа С.-ПБ-ій, М.-Владимирскій, южный и важнѣйшіе города, какъ Одесса, Кіевъ, Саратовъ и т. д.), располагающая революціоннымъ органомъ и

пользующаяся такимъ же авторитетомъ въ средѣ русскихъ рабочихъ, какимъ пользуется «Союзъ Борьбы» среди петербургскихъ рабочихъ, что подобная организація была бы крупнѣйшимъ политическимъ факторомъ въ современной Россіи,— факторомъ, съ которымъ правительство не могло бы не считаться во всей внутренней и внѣшней политикѣ? Руководя классовой борьбой пролетаріата, развивая организацію и дисциплину среди рабочихъ, помогая имъ бороться за свои экономическія нужды и отвоевывать у капитала одну позицію за другой, политически воспитывая рабочихъ и систематически, неуклонно преслѣдуя абсолютизмъ, травя каждаго башибузука, дающаго почувствовать пролетаріату тяжелую лапу полицейскаго правительства, — подобная трганизація была бы, въ одно и то же время, и приспособоенной къ нашимъ условіямъ организаціей рабочей партіи и логучей революціонной партіей, направленной противъ абсолюмизма. Разсуждать же напередъ о томъ, къ какому средству прибѣгнетъ эта организація для нанесенія рѣшительнаго удара абсолютизму, предпочтетъ ли она, напримѣръ, возстаніе или массовую политическую стачку или другой пріемъ атаки,— разсуждать объ этомъ напередъ и рѣшать этотъ вопросъ въ настоящее время было бы пустымъ доктринерствомъ»*).

Если мы всмотримся въ «Программу съѣзда» и въ «Объяснительную записку», то и тутъ въ постановкѣ организаціонныхъ вопросовъ мы найдемъ отраженіе различныхъ намѣтившихся теченій. Прежде всего, хотя и ставится вопросъ о федераціи или полномъ сліяніи партіи, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ предрѣшается, что Центральный Комитетъ партіи долженъ быть не руководящимъ органомъ, а исключительно представительнымъ и исполнительнымъ. Послѣдовательная централизація всѣхъ функцій, проведенная въ мѣстныхъ организаціяхъ, считается непримѣнимой къ организаціи партійной. Ц. К., исполняя рядъ техническихъ функцій, долженъ лишь намѣчать ближайшія задачи общаго характера. Что же касается мѣстной работы, то «Программа съѣзда» предлагаетъ фактически существующій, исторически сложившійся типъ организаціи: а) мѣстный центральный комитетъ, т.-е. главный руководящій центръ, состоящій изъ самыхъ энергичныхъ и наиболѣе сознательныхъ соціалдемократовъ,

*) „Задачи русск. соціалдемократовъ“ стр. 30—31.

безразлично рабочихъ или интеллигентовъ; b) рабочій комитетъ, т.-е. совѣщательное учрежденіе при мѣстномъ Ц. К. изъ болѣе сознательныхъ представителей всѣхъ заводовъ, на которыхъ имѣются связи и c) организація рабочихъ, т.-е. фабрично-заводскіе кружки, кассы, вплоть до непартійныхъ кассъ взаимопомощи. Авторы «Объяснительной записки» предлагаютъ новую схему. Вся организація на мѣстахъ должна составить общій рабочій союзъ во главѣ съ *рабочимъ* центральнымъ комитетомъ, далѣе идетъ собраніе представителей заводскіе кружки.

Очевидно организація второго типа, въ противоположность первой должна быть построена не сверху, а снизу, на демократическихъ выборныхъ началахъ. Этотъ выводъ можно сдѣлать изъ того пункта, который ставитъ вопросъ о выдѣленіи изъ этой чисто рабочей организаціи руководителей, т.-е. интеллигентовъ, при чемъ съѣздъ долженъ также рѣшить вопросъ объ отношеніи этихъ выдѣленныхъ изъ организаціи интеллигентовъ къ рабочимъ организаціямъ. «Объяснительная записка», наряду съ вопросомъ о чисто рабочихъ организаціяхъ, выдвигаетъ вопросъ и о профессіональныхъ союзахъ.

Вопросъ о необходимости центральнаго органа предрѣшается авторами и «Программы съѣзда», и «Объяснительной записки»; но въ то время, какъ «Программа» говоритъ лишь объ одномъ центральномъ органѣ, авторы «Записки» выдвигаютъ вопросъ объ особомъ заграничномъ и о мѣстныхъ органахъ.

VI

Посмотримъ теперь, какъ справился съѣздъ съ поставленными ему задачами. Съ этой цѣлью мы прежде всего приведемъ цѣликомъ опубликованныя имъ рѣшенія:

МАНИФЕСТЪ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

«Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ надъ Европой пронеслась живительная буря революціи 1848 года.

«Впервые на сцену выступилъ—какъ крупная историческая сила современный рабочій классъ. Его силами буржуазіи удалось смести много устарѣлыхъ феодально-монархическихъ порядковъ. Но буржуазія быстро разсмотрѣла въ

вовомъ союзникѣ своего злѣйшаго врага и предала и себя, и его, и дѣло свободы въ руки реакціи. Однако было уже поздно: рабочій классъ, на время усмиренный, черезъ 10—15 лѣтъ снова появился на исторической сценѣ—съ удвоенными силами, съ возросшимъ самосознаніемъ, какъ вполнѣ зрѣлый боецъ за свое конечное освобожденіе.

«Россія все это время оставалась повидимому всторонѣ отъ столбовой дороги и историческаго движенія. Борьбы классовъ въ ней не было видно, но она была, и, главное, все зрѣла и росла. Русское правительство съ похвальнымъ усердіемъ само насаждало сѣмена классовой борьбы, обездоливая крестьянъ, покровительствуя помѣщикамъ, выкармливая и откармливая насчетъ трудящагося населенія крупныхъ капиталистовъ. Но буржуазно-капиталистическій строй немыслимъ безъ пролетаріата или рабочаго класса. Послѣдній родится вмѣстѣ съ капитализмомъ, растетъ вмѣстѣ, крѣпнетъ по мѣрѣ своего роста и все больше и больше наталкивается на борьбу съ буржуазіей.

«Русскій фабричный рабочій, крѣпостной и свободный, всегда велъ скрытую и явную борьбу со своими эксплуататорами. По мѣрѣ развитія капитализма, размѣры этой борьбы расли, они захватывали все большіе и большіе слои рабочаго населенія. Пробужденіе классового самосознанія русскаго пролетаріата и ростъ стихійнаго рабочаго движенія совпали съ окончательнымъ развитіемъ международной соціалдемократіи, какъ носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательныхъ рабочихъ всего міра. Всѣ новѣйшія русскія организаціи всегда въ своей дѣятельности сознательно или безсознательно дѣйствовали въ духѣ соціалдемократическихъ идей. Силу и значеніе рабочаго движенія и опирающейся на него соціалдемократіи всего ярче обнаружилъ цѣлый рядъ стачекъ въ послѣднее время въ Россіи и Польшѣ, въ особенности знаменитыя стачки петербургскихъ ткачей и прядильщиковъ въ 96 и 97 годахъ. Стачки эти вынудили правительство издать законъ 2-го іюня 1897 года о продолжительности рабочаго времени. Этотъ законъ — какъ бы не были велики его недостатки — остается навсегда достопамятнымъ доказательствомъ того могущественнаго давленія, которое оказываютъ на законодательную и иную дѣятельность правительства соединенныя усилія рабочихъ. Напрасно только правительство мнитъ, что уступками оно можетъ успокоить рабо-

чихъ. Вездѣ рабочій классъ становится тѣмъ требовательнѣе, чѣмъ больше ему даютъ. Тоже будетъ и съ русскимъ пролетаріатомъ. Ему давали до сихъ поръ лишь тогда, когда онъ *требовалъ* и впредь будутъ давать лишь то, чего онъ *потребуетъ*.

«А чего только не нужно русскому рабочему классу? Онъ совершенно лишенъ того, чѣмъ свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участія въ управленіи государствомъ, свободы устнаго и печатнаго слова, свободы союзовъ и собраній—словомъ, всѣхъ тѣхъ орудій и средствъ, которыми западно-европейскій и американскій пролетаріатъ улучшаетъ свое положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ борется за свое конечное освобожденіе,—противъ частной собственности, за соціализмъ. Политическая свобода нужна русскому пролетаріату, какъ чистый воздухъ нуженъ для здороваго дыханія. Она—основное условіе его свободнаго развитія и успѣшной борьбы за частичныя улучшенія и конечное освобожденіе.

«Но нужную ему политическую свободу русскій пролетаріатъ можетъ завоевать себѣ только *самъ*.

«Чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ въ политическомъ отношеніи слабѣе, трусливѣе и подлѣе становится буржуазія, тѣмъ большія культурныя, политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата. На своихъ крѣпкихъ плечахъ русскій рабочій классъ долженъ вынесть и вынесетъ дѣло завоеванія политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шагъ къ осуществленію великой исторической миссіи пролетаріата, къ созданію такого общественнаго строя, въ которомъ не будетъ мѣста эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

«Русскій пролетаріатъ сброситъ съ себя ярмо самодержавія, чтобы съ тѣмъ большей энергіей продолжать борьбу съ капитализмомъ и буржуазіей до полной побѣды соціализма.

«Первые шаги русскаго рабочаго движенія и русской соціалдемократіи не могли не быть разрозненными, въ извѣстномъ смыслѣ случайными, лишенными единства и плана. Теперь настала пора объединить мѣстныя силы, кружки и организаціи русской соціалдемократіи въ единую «Россійскую Соціалдемократическую Рабочую Партію». Въ сознаніи этого, представители: «Союзовъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса», группы, издающей «Рабочую Газету» и «Общееврейскаго рабочаго Союза въ Россіи и Польшѣ» устроили съѣздъ, рѣшенія котораго приводятся ниже.

«Мѣстныя группы, соединяясь въ Партію, сознаютъ всю важность этого шага и все значеніе вытекающей изъ него отвѣтственности. Имъ они окончательно закрѣпляютъ переходъ русскаго революціоннаго движенія въ новую эпоху сознательной классовой борьбы. Какъ движеніе и направленіе соціалистическое Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія продолжаетъ дѣло и традиціи всего предшествующаго революціоннаго движенія въ Россіи; ставя главнѣйшею изъ ближайшихъ задачъ Партіи въ ея цѣломъ завоеваніе политической свободы, соціалдемократія идетъ къ цѣли, ясно намѣченной еще славными дѣятелями старой «Народной Воли». Но средства и пути, которые выбираетъ соціалдемократія, иные. Выборъ ихъ опредѣляется тѣмъ, что она сознательно хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ. Она твердо убѣждена, что «освобожденіе рабочаго класса можетъ быть только его собственнымъ дѣломъ» и будетъ неуклонно сообразовать всѣ свои дѣйствія съ этимъ основнымъ началомъ международной соціалдемократіи.

«Да здравствуетъ русская, да здравствуетъ международная соціалдемократія!»

Рѣшенія Съѣзда *).

«1) Организаціи: «Союзовъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса», группа «Рабочей Газеты» и «Общееврейскаго Рабочаго Союза въ Россіи и Польшѣ» сливаются въ единую организацію, подъ названіемъ «Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи», при чемъ «Общееврейскій Рабочій Союзъ въ Россіи и Польшѣ» входитъ въ Партію, какъ автономная организація, самостоятельная лишь въ вопросахъ, касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата.

«2) Исполнительнымъ органомъ Партіи является Центральный Комитетъ, избранный съѣздомъ Партіи, которому онъ и отдаетъ отчетъ въ своей дѣятельности.

---

*) Здѣсь приводятся лишь тѣ постановленія Съѣзда, которыя сообразно съ существующими въ Россіи политическими условіями могутъ быть опубликованы.

Прим. авторовъ манифеста.

«3) На обязанности Центральнаго Комитета лежитъ:

«а) созданіе и доставка мѣстнымъ комитетамъ литературы;

«б) организація такихъ предпріятій, которыя имѣютъ общее для всей Россіи значеніе (празднованіе 1-го мая, изданіе листковъ по поводу выдающихся фактовъ, помощь стачечникамъ и проч.).

«4) Въ особо важныхъ случаяхъ Центральный Комитетъ руководится слѣдующими принципами:

«а) въ вопросахъ, допускающихъ отсрочку, Центральный Комитетъ обязанъ обращаться за указаніями къ съѣзду Партіи;

«б) въ вопросахъ, не допускающихъ отсрочки, Центральный Комитетъ, по единогласному рѣшенію, поступаетъ самостоятельно, отдавая отчетъ въ сдѣланномъ ближайшему очередному или экстренному съѣзду Партіи.

«5) Центральный Комитетъ имѣетъ право пополнять свой составъ новыми членами.

«6) Средства Партіи, которыя находятся въ распоряженіи Центральнаго Комитета, составляются:

«а) изъ добровольныхъ единовременныхъ взносовъ мѣстныхъ комитетовъ въ моментъ образованія Партіи;

«б) изъ добровольныхъ періодическихъ отчисленій изъ средствъ мѣстныхъ комитетовъ и

«в) изъ спеціальныхъ сборовъ на Партію.

«7) Мѣстные комитеты выполняютъ постановленія Центральнаго Комитета въ той формѣ, которую они найдутъ болѣе подходящей по мѣстнымъ условіямъ. Въ исключительныхъ случаяхъ мѣстнымъ комитетамъ предоставляется право отказаться отъ выполненія требованій Центральнаго Комитета, извѣстивъ его о причинѣ отказа. Во всемъ остальномъ мѣстные комитеты дѣйствуютъ вполнѣ самостоятельно, руководясь лишь программой Партіи.

«8) Партія черезъ свой Центральный Комитетъ вступаетъ въ сношенія съ другими революціонными организаціями, поскольку это не нарушаетъ принциповъ ея программы и пріемовъ ея тактики. Партія признаетъ за каждою національностью право самоопредѣленія.

Примѣчаніе. Мѣстные комитеты вступаютъ въ сношенія съ такими организаціями только съ вѣдома и по указанію Центральнаго Комитета.

«9) Высшимъ органомъ Партіи считается съѣздъ представителей мѣстныхъ комитетовъ. Съѣзды бываютъ очередные и

экстренные. Каждый очередной съѣздъ назначаетъ время слѣдующаго очередного. Экстренные съѣзды созываются Центральнымъ Комитетомъ какъ по собственной иниціативѣ, такъ и по требованію двухъ третей числа мѣстныхъ комитетовъ.

«10) «Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ» за границей является частью партіи и ея заграничнымъ представителемъ.

«11) Офиціальнымъ органомъ Партіи является «Рабочая Газета».

«Подробная программа Партіи будетъ опубликована по разсмотрѣніи ея мѣстными комитетами» *)

Сравнивая результатъ работъ съѣзда съ намѣченной иниціаторами программой, мы видимъ, что съѣзду очевидно не удалось разработать всѣхъ намѣченныхъ вопросовъ. Это вполнѣ естественно, такъ какъ съѣздъ работалъ въ Россіи, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Каждый лишній день, даже лишній часъ грозилъ проваломъ всего состава съѣзда. Онъ долженъ былъ торопиться для того, чтобы сдѣлать хоть что нибудь, а поэтому остановился только на самыхъ важныхъ, самыхъ существенныхъ вопросахъ. Прежде всего онъ занялся составленіемъ Манифеста. Это была важнѣйшая задача съѣзда. Всѣ остальные вопросы могли быть рѣшены лишь послѣ того, когда будетъ выяснено, что между собравшимися существуетъ принципіальное единство.

Манифестъ начинается съ противопоставленія будущей русской революціи революціи 48 года, къ пятидесятилѣтію которой какъ разъ собрался съѣздъ. 48-й годъ важенъ не какъ годъ паденія западноевропейскаго самодержавія, а какъ начало классовой борьбы пролетаріата. Рабочій классъ съ этого момента перестаетъ быть слѣпымъ политическимъ орудіемъ въ рукахъ буржуазіи; съ этого года онъ начинаетъ свою самостоятельную классовую роль. И эта роль тѣмъ значительнѣе, чѣмъ трусливѣе и оппортунистичнѣе въ революціонномъ отношеніи является въ моментъ выступленія пролетаріата буржуазія данной страны. Далѣе манифестъ переходитъ къ анализу русскихъ общественныхъ отношеній и подчеркиваетъ классовой характеръ нашего самодержавія, всего нашего общественнаго строя. Нашъ абсолютизмъ не носитъ ярко выра-

*) Манифестъ и рѣшенія съѣзда мы перепечатываемъ изъ «Листка Работника» № 8, іюнь 98 г., стр. 3—8.

женнаго феодально-сословнаго характера, враждебнаго развитію капитализма; онъ приспособился къ буржуазно-капиталистическому строю, а русская буржуазія, въ свою очередь приспособилась къ абсолютизму. Отсюда ясно, что политическая борьба русскихъ рабочихъ должна носить и въ дѣйствительности уже носитъ ярко выраженный классовой характеръ. Русская буржуазія тѣмъ болѣе мирится съ самодержавіемъ, что оно является ея вѣрнымъ союзникомъ въ защитѣ ея интересовъ отъ домогательствъ пролетаріата. Побѣда-же пролетаріата надъ буржуазіей Россіи является въ то же время побѣдой его надъ самодержавіемъ. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ законъ 2-го іюня 97 года. Слѣдуетъ ли отсюда, что русскому пролетаріату нечего бороться за ближайшія политическія требованія, а ограничиваться лишь одной экономической борьбой съ буржуазіей. На этотъ вопросъ манифестъ категорически отвѣчаетъ—нѣтъ, потому что «политическаясвобода нужна русскому пролетаріату, какъ чистый воздухъ нуженъ для здороваго дыханія». Но пользуясь уроками западноевропейскихъ товарищей, русскій пролетаріатъ завоюетъ себѣ свободу самъ, не ожидая помощи со стороны буржуазныхъ классовъ. И тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что революцію въ Россіи, по мнѣнію авторовъ манифеста, произведетъ пролетаріатъ только своими собственными силами, они отмѣчаютъ, что ближайшая революція не можетъ совпасть съ революціей соціалистической. Это будетъ «лишь первый шагъ къ осуществленію великой исторической миссіи пролетаріата».

Въ заключеніи Манифестъ указываетъ на то, что новое, соціалдемократическое движеніе признаетъ преемственную связь между собой и всѣми предыдущими революціонными движеніями въ Россіи, что оно продолжаетъ ихъ дѣло, по въ то же время рѣзко расходится съ ними въ средствахъ и формахъ борьбы. Каждый шагъ, предпринимаемый новой партіей, будетъ опредѣляться классовыми интересами пролетаріата, и она всегда будетъ помнить, что «освобожденіе рабочаго класса можетъ быть только его собственнымъ дѣломъ». Заканчивается Манифестъ выраженіемъ солидарности съ международной соціалдемократіей.

Въ Манифестѣ уже съѣздъ разрѣшилъ вопросъ, который былъ поставленъ, но не рѣшенъ еще «программой съѣзда», а именно должны ли мѣстныя организаціи слиться въ единую партію или удовлетвориться федераціей отдѣльныхъ группъ.

Достигнутое принципіальное единство по основнымъ программнымъ вопросамъ дѣлало вопросъ о полномъ сліяніи неизбѣжнымъ. Съѣздъ призналъ, что всѣ вступившія въ партію организаціи могутъ и должны дѣйствовать по одному плану, подчиняться однѣмъ и тѣмъ же директивамъ. Была выдѣлена лишь одна группа вопросовъ, касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата, рѣшеніе которыхъ съѣздъ изъялъ изъ компетенціи всей партіи, предоставивъ его автономной организаціи «Общееврейскаго Рабочаго Союза въ Россіи и Польшѣ» (Бунду).

Какъ понималъ съѣздъ автономію Бунда мы видимъ изъ статьи, помѣщенной въ центральномъ органѣ Бунда сейчасъ же послѣ съѣзда: «Положеніе евреевъ въ Россіи,—говорится тамъ,—политика правительства по отношенію къ нимъ и другія особенности (какъ, напримѣръ, отдѣльный языкъ) создали у еврейскаго пролетаріата спеціальные интересы, требующіе спеціальной защиты. Защиту то этихъ спеціальныхъ еврейскихъ интересовъ сможетъ взять на себя отдѣльная еврейская организація, имѣющая полное право защищать ихъ такъ, какъ она находитъ это нужнымъ, при чемъ партія не вмѣшивается въ дѣятельность этого Союза. Въ дѣлахъ же, касающихся всего русскаго пролетаріата, безъ различія національности и религіи, «Еврейскій Союзъ» обязанъ, какъ часть партіи, подчиняться Центральному Комитету. Понятно, что «Еврейскій Союзъ» не имѣетъ особой привилегіи въ партіи. Партія относится къ «Еврейскому Союзу» такъ-же, какъ она относится ко всякой рабочей организаціи, защищающей спеціальные интересы рабочихъ какой либо націи» *).

Съѣздъ, назвавъ вновь образовавшуюся партію «Россійской» а не «Русской», тѣмъ самымъ подчеркнулъ, что рамки партіи должны быть шире узко національныхъ интересовъ *русскихъ* рабочихъ, что онѣ должны быть настолько широки, чтобы вмѣстить въ себя пролетаріевъ всѣхъ національностей, живущихъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Но вмѣстѣ съ этимъ съѣздъ принялъ также пунктъ о національномъ самоопредѣ-

---

*) «Наши цѣли» Arbeiterstimme № 9—10. Іюль 98 г. Бундъ, какъ мы увидимъ въ слѣдующей части настоящей работы, скоро покинулъ эту правильную точку зрѣнія на отношеніе къ нему партіи. Такъ на II съѣздѣ бундовскіе делегаты уже обижались, когда автономія Бунда приравнивалась къ автономіи «всякой» иной партійной организаціи.

леніи. Такимъ образомъ по національному вопросу имъ была установлена слѣдующая точка зрѣнія: Исходя изъ интересовъ всего пролетаріата Россіи, желательно бороться подъ однимъ общимъ партійнымъ знаменемъ съ общимъ для всѣхъ врагомъ: но въ то-же время пролетаріатъ каждой національности вправѣ выставлять свои національные интересы, которые могутъ не совпадать съ интересами пролетаріата всей остальной Россіи. Партія должна допустить возможность стремленія у пролетаріата той или иной національности отдѣлиться отъ Россійской имперіи, бороться за государственную независимость или автономію своей національности и тѣмъ пріобрѣсти право на отдѣльное существованіе своей національной соціалдемократической партіи. Всѣ остальныя національныя организаціи, не считающія своей задачей добиться отдѣленія своей націи отъ Россіи, входя въ Россійскую партію, должны, подобно Бунду, пользоваться автономіей, чтобы въ рамкахъ единой партіи бороться противъ спеціальнаго угнетенія своей національности при помощи своей національной литературы и языка.

Выше мы уже говорили, что инициаторы съѣзда, приглашая на съѣздъ, должны были руководиться главнымъ образомъ тѣмъ, существуетъ ли между ними и данной организаціей единомысліе по важнѣйшимъ программнымъ вопросамъ. Несомнѣнно, однако, что при этомъ не принимались въ разсчетъ разногласія по вопросамъ организаціоннымъ; а что такія разногласія намѣчались мы видѣли уже изъ досъѣздовскихъ документовъ. Мѣстная практика выработала самые различные типы мѣстныхъ организацій, напримѣръ, петербургскій и бундовскій. Намъ извѣстно, что споры по организаціонному вопросу хотя бы напримѣръ въ Петербургскомъ Союзѣ въ то время не отлились еще въ принципіальную форму; вопросъ этотъ, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи спорящихъ не былъ еще связанъ съ общимъ міровоззрѣніемъ, съ программными вопросами *). Такимъ образомъ, товарищи, вполнѣ единомыслящіе по программнымъ вопросамъ, могли рѣзко разойтись по вопросамъ организаціоннымъ, что несомнѣнно и произошло на съѣздѣ.

Въ рѣшеніяхъ съѣзда мы совершенно не находимъ отвѣта

---

*) Впрочемъ, въ вышедшемъ до съѣзда № 1-мъ «Рабочей Мысли» связь между организаціоннымъ и программнымъ вопросами обнаружилась уже довольно рельефно.

на жгучій въ то время для каждаго практика вопросъ, какъ построить мѣстную организацію, какъ фактически сорганизовать уже имѣющіеся на лицо элементы рабочей арміи. Мы уже видѣли, какое важное мѣсто удѣляли этому вопросу авторы «Программы съѣзда» и «Объяснительной записки». Не могъ не признать серьезности и важности этого вопроса и съѣздъ, и если, тѣмъ не менѣе, онъ не принялъ по этому поводу никакихъ рѣшеній, то это можно объяснить только тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не въ состояніи былъ примирить тактику различныхъ мѣстъ, выработать общую схему мѣстной организаціи, годуюн и для Петербурга, и для Бунда, или навязать всѣмъ организаціямъ практическій опытъ какой-нибудь одной изъ нихъ. Мѣстнымъ организаціямъ предоставляется право ничѣмъ не ограничиваемое организовываться по тому плану, который онѣ найдутъ болѣе подходящимъ по мѣстнымъ условіямъ. Въ этомъ вопросѣ каждый мѣстный комитетъ совершенно автономенъ, для него обязательны лишь партійная программа, да тѣ проводимыя черезъ посредство Ц. К. поста новленія съѣзда, которыя по его мнѣнію соотвѣтствуютъ мѣстнымъ условіямъ.

На съѣздѣ ясно обнаружилась одна весьма характерная черта. Всѣ принимавшія въ немъ участіе мѣстныя организаціи были построены на принципахъ строгой централизаціи. У себя, на мѣстахъ онѣ энергично боролись противъ всякой попытки ограниченія своей руководящей роли и своего права распоряжаться низшими организаціями. Но съѣхавшись на съѣздъ и приступивъ къ выработкѣ общепартійнаго устава, эти строгіе централисты сразу проявили поразительную боязнь партійной централизаціи, созданія дѣйствительно дѣеспособнаго центра. Согласно рѣшеніямъ съѣзда Центральный Комитетъ является исключительно лишь исполнителемъ постановленій съѣзда, и только въ экстренныхъ, не терпящихъ отлагательства случаяхъ Ц. К. можетъ дѣйствовать самостоятельно, да и то при условіи, если данное рѣшеніе принято имъ единогласно. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ онъ обязанъ созвать съѣздъ и рѣшеніе вопроса предоставить ему. Даже суверенитетъ съѣзда, этого высшаго органа партіи подвергнутъ ограниченію со стороны мѣстныхъ комитетовъ; такъ, въ исключительныхъ случаяхъ мѣстнымъ комитетамъ предоставлено право отказываться отъ выполненія его постановленій. Боязнью централизаціи можно объяснить также и не обязательность,

а «добровольность» во взносѣ въ кассу Ц. К. единовременныхъ и періодическихъ отчисленій.

Въ этомъ опасеніи потерять благодаря созданію партіи частичку своей самостоятельности сказалась вся исторія нашихъ организацій. До сихъ поръ каждая изъ нихъ появлялась на свѣтъ, росла и развивалась сама по себѣ, безо всякой помощи и поддержки со стороны другихъ организацій Она еще совершенно не знаетъ своихъ сосѣдей: ей кажется, что ея исторія рѣзко разнится отъ исторіи всѣхъ другихъ организацій и что условія ея работы совершенно не похожи на условія работы ея сосѣдей. И вотъ, отправляясь на съѣздъ, такая организація прежде всего заботится о сохраненіи своей мѣстной самостоятельности отъ возможныхъ посягательствъ на нее чуждаго ей коллектива изъ представителей другихъ организацій. Представители «Бунда», вернувшись со съѣзда, торопятся успокоить своихъ сочленовъ: «Партія, поставившая себѣ цѣлью объединеніе различныхъ группъ русскаго пролетаріата,—читаемъ мы въ уже цитированной статьѣ изъ Arbeiterstimme,—для общей планомѣрной борьбы съ эксплуататорами, ни въ коемъ случаѣ не имѣетъ въ виду лишить отдѣльныя вошедшія въ ея составъ организаціи самостоятельности. Она оставитъ мѣстнымъ комитетамъ и отдѣльнымъ союзамъ достаточно свободы, чтобы вести свои мѣстныя дѣла такъ, какъ они считаютъ это полезнымъ. Кромѣ широкой свободы самостоятельно вести свои мѣстныя дѣла, комитеты имѣютъ право отказаться отъ резолюцій и рѣшеній Центр. Комитета Партіи, если мѣстный комитетъ не находитъ возможнымъ выполненіе этихъ рѣшеній въ силу условій даннаго мѣста... Эта политика Партіи умна и практична. Партія не желаетъ, чтобы всѣ рабочіе союзы плясали по одной дудкѣ. Дѣла, касающіяся отдѣльныхъ группъ рабочихъ, она оставляетъ за тѣми, которые сумѣютъ лучше справиться съ ними»*). У себя дома «Бундъ», конечно, разсуждалъ иначе: постановленіе его Ц. К. были обязательны для всѣхъ «рабочихъ группъ», входящихъ въ составъ бундовской организаціи.

Наряду съ Центр. Комитетомъ съѣздъ утвердилъ и офиціальный органъ Партіи. Избравъ таковымъ «Рабочую Газету», онъ тѣмъ самымъ, съ одной стороны, рѣшилъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о томъ, что офиціальный органъ Партіи

---

*) «Наши цѣли» Arbeiterstimme № 9—10.

долженъ издаваться въ Россіи, а съ другой— что направленіе «Рабочей Газеты» соотвѣтствуетъ направленію, котораго намѣрена держаться Партія.

Своимъ заграничнымъ представителемъ съѣздъ призналъ «Союзъ русскихъ соціалдемократовъ», но далъ ли онъ ему какія нибудь инструкціи и полномочія—совершенно неизвѣстно.

Съѣздъ закончилъ свои работы, делегаты разъѣхались по мѣстнымъ комитетамъ, Ц. К. издалъ манифестъ, а вскорѣ затѣмъ всѣ—и мѣстные комитеты, и Ц. К., и редакція, и типографія «Рабочей Газеты»—были арестованы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ центръ попалъ провокаторъ и при его содѣйствіи полиціи удалось разгромить всю только что созданную партійную организацію.

Такимъ образомъ, единственное, что сохранилось отъ трудовъ съѣзда, это выработанный имъ Манифестъ, да провозглашенная имъ фирма партіи, и тѣмъ не менѣе работа его не пропала даромъ. Въ Россіи было, наконецъ, водружено собственное революціонное соціалдемократическое знамя.

Рабочіе на мѣстахъ, читая прокламаціи и листки съ заголовкомъ Р. С.-Д. Р. П., знали теперь, что они не одиноки въ борьбѣ за рабочее дѣло, что и въ другихъ городахъ выпускаются листки съ такимъ же заголовкомъ, что ихъ организація не единственная, что въ другихъ мѣстахъ существуютъ такія же организаціи, которыя преслѣдуютъ общую съ ними цѣль и ведутъ борьбу тѣмъ же оружіемъ. Манифестъ Партіи, попадая въ какую-нибудь мѣстную организацію, которая до того времени очень мало задумывалась надъ принципіальными вопросами и была занята исключительно своей маленькой текущей работой, заставлялъ ее теперь горячо обсуждать его содержаніе, высказывать свое отношеніе къ нему и подъ именемъ комитета Партіи сознательно становиться подъ общее идейное знамя. Правда, съѣзду не удалось создать партію въ собственномъ смыслѣ этого слова, какъ нѣчто органически цѣлое: мѣстные комитеты остались такими же изолированными, не связанными другъ съ другомъ, какими были до съѣзда; разгромленная центральная организація не возстанавливается вновь, а возстановленные послѣ провала мѣстные комитеты не спѣшатъ съѣхаться опять, чтобы возобновить попытку перваго съѣзда; на мѣстахъ замѣчается еще большій страхъ передъ партійной централизаціей, которой именно и объясняютъ возможность такого общаго и крупнаго провала; комитеты еще

болѣе уходятъ въ свою скорлупу и зарываются исключительно въ мѣстную работу. И все-таки, несмотря на все это, первый шагъ къ партійному единству былъ сдѣланъ. Если не фактически, то въ идеѣ, *въ умѣ каждаго работника партія уже существуетъ и онъ чувствуетъ себя членомъ одного великаго цѣлаго.*

VII.

Я уже упоминалъ, что рѣшенія съѣзда отнюдь не могли быть обязательными для всѣхъ социалдемократическихъ организацій Россіи, такъ какъ на немъ были представлены далеко не всѣ организаціи; тѣ же изъ отсутствующихъ, которыя принимали рѣшенія съѣзда, тѣмъ самымъ присоединялись къ Партіи. Какъ намъ извѣстно, группа Освобожденія Труда на съѣздѣ не присутствовала. Своимъ представителемъ за границей съѣздъ призналъ «Союзъ русскихъ соціалдемократовъ», а такъ какъ съ 1888 г. группа Освобожденія Труда редактировала изданія «Союза», то съ присоединеніемъ его къ Партіи, примкнула къ Партіи и она. Опубликовывая Манифестъ, она пишетъ: «Появленіе Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи и ея манифеста, который мы здѣсь перепечатываемъ, является очень крупнымъ шагомъ впередъ въ движеніи нашего рабочаго класса. Быстрый ростъ этого движенія въ послѣдніе годы усилится еще больше, когда наши товарищи проникнутся сознаніемъ общности интересовъ пролетаріата всего русскаго государства и когда каждый изъ нихъ будетъ чувствовать и сознавать, что ему всегда готовы помочь и дѣйствительно помогаютъ остальные товарищи... Мы убѣждены, что общая организація русскихъ соціалдемократовъ будетъ все больше расти и крѣпнуть, пока движеніе рабочаго класса не превратится въ громадный потокъ, который, облегчая на пути экономическое положеніе пролетаріата, снесетъ, наконецъ, своимъ могучимъ теченіемъ тяготѣющій надъ Россіей политическій гнетъ и расчистить дорогу для свободной широкой борьбы за полное, всестороннее освобожденіе всѣхъ трудящихся»*).

Слѣдующій номеръ «Листка Работника», вышедшій въ ноябрѣ 1898 г., заканчивается извѣщеніемъ отъ редакціи слѣ-

---

*) «Листокъ Работника» № 8. Іюнь 98 г. стр. 2—3.

дующаго содержанія: «Съ настоящаго номера группа Освобожденія Труда не редактируетъ больше «Листка Работника». Предлагаемый читателямъ 9—10 номеръ выпущенъ въ свѣтъ подъ временной редакціей. Слѣдующіе номера «Листка будутъ выходить подъ новой, окончательно образованной редакціей «Союза Русскихъ Социалдемократовъ» *).

Въ только что приведенной передовицѣ редакція «Листка», т. е. группа Освобожденія Труда высказываетъ свою солидарность со съѣздомъ и тѣмъ не менѣе почти сейчасъ же послѣ съѣзда уходитъ отъ редакторства. «Всѣ сношенія съ Россіей,—объясняетъ Плехановъ этотъ уходъ,—вела тогда...ская группа..., которая цѣликомъ состояла изъ «экономистовъ». Она увѣряла насъ, что товарищи, дѣйствующіе въ Россіи вполнѣ раздѣляютъ ея образъ мыслей. Этому противорѣчилъ Манифестъ Россійской Партіи. Но невѣроятно тяжелыя условія дѣятельности въ Россіи ведутъ за собой чрезвычайно частую смѣну дѣятелей. Чтобы уяснить себѣ, какое направленіе тамъ преобладаетъ и чего хотятъ отъ нашихъ изданій наши товарищи въ Россіи, мы послали въ Петербургъ изложеніе нашихъ споровъ съ «молодыми». Намъ отвѣтили лаконическимъ совѣтомъ дать нѣкоторый просторъ новымъ силамъ. Тогда мы попробовали вести дѣло изданія «Листка Работника» совмѣстно съ нѣкоторыми представителями «экономическаго» направленія. Какъ и слѣдовало ожидать, эта попытка кончилась полнѣйшей неудачей. Что было дѣлать? Оставалось совсѣмъ выйти изъ редакціи. Такъ мы и поступили въ ноябрѣ 1898 г.» **).

Итакъ группа Освобожденія Труда ушла изъ редакціи не потому, что она была не согласна съ рѣшеніями съѣзда а потому, что находила направленіе большинства русскихъ работниковъ не соотвѣтствовавшимъ направленію, принятому на съѣздѣ, которое, по мнѣнію Плеханова, совпадало съ направленіемъ группы Освобожденія Труда. N-скій заграничный кружокъ, состоявшій изъ «экономистовъ», убѣждаетъ группу Освобожденія Труда, что всѣ русскіе товарищи думаютъ, какъ она. Группа Освобожденія Труда справляется у *одной* русской организаціи, та подтверждаетъ мнѣніе N-ской группы, и вотъ группа Освобожденія Труда считаетъ это достаточнымъ

---

*) «Лист. Раб.» № 9—10 стр. 96.

**) «Vademekum». Для редакціи «Раб. Дѣла». Предисловіе Плеханова стр. XLVIII.

сснованіемъ, чтобы передать редакцію заграничнаго органа въ руки завѣдомыхъ «экономистовъ», среди которыхъ, по словамъ Плеханова, были лица, высказывавшіяся противъ признанія Манифеста*), лица, принадлежащія къ направленію, въ которомъ, по его мнѣнію, «нѣтъ ни *соціализма*, ни *демократизма*»**).

Въ Россіи зародышъ партіи былъ разгромленъ, офиціальный органъ не существовалъ. Единственное, что уцѣлѣло отъ работъ съѣзда, былъ его Манифестъ и единственно, кто имѣлъ возможность до слѣдующаго съѣзда Партіи сохранить въ неприкосновенности выработанные съѣздомъ и формулированные въ Манифестѣ *партійные взгляды*, былъ заграничный, обезпеченный отъ проваловъ представитель Партіи «Союзъ Русскихъ Соціаль-демократовъ», и въ частности его редакція. И несомнѣнно, группа Освобожденія Труда тѣмъ, что въ такой важный моментъ ушла со своего поста, нанесла непоправимый вредъ нашей зарождающейся Партіи. Это была непростительная ошибка со стороны основателей русскаго ортодоксальнаго марксистскаго направленія, со стороны теоретическихъ руководителей русскихъ соціаль-демократовъ. Группа Освобожденія Труда готова была покинуть свой постъ еще до полученія отвѣта отъ Петербургской организаціи. Но предоставимъ слово Плеханову. «Совѣтъ дать нѣкоторый просторъ молодымъ силамъ», полученный нами изъ Петербурга,—говоритъ онъ,—показываетъ, что наши товарищи въ Россіи не имѣли правильнаго понятія о нашемъ отношеніи къ «молодымъ» заграничнымъ товарищамъ. Эти послѣдніе не переставали жаловаться на то, что мы мѣшаемъ имъ работать сообразно ихъ убѣжденіямъ. Но ихъ жалобы были совершенно неосновательны. Какимъ образомъ могли мы стѣснять дѣятельность «молодыхъ» товарищей? Только однимъ путемъ: путемъ устраненія ихъ отъ редактированія заграничныхъ соціальдемократическихъ изданій. *Но мы не только не хотѣли устранять ихъ отъ этого, а напротивъ не разъ, и давно уже, выражали имъ свое намѣреніе отказаться отъ редактированія «Работника»* (курсивъ мой М. Л.). Это доказывается слѣдующими строками: «Относительно редакціи ...скіе товарищи высказались категорически противъ всякихъ пере-

---

*) См. «Vademekum» Предисл. Плеханова стр. XXIV.
**) Тамъ же стр. XXX.

мѣнъ, такъ какъ не могутъ представить себѣ, кто бы могъ въ настоящее время замѣнить членовъ группы Освобожденія Труда... Эти строки взяты мною изъ письма М. М.*), которому П. Аксельродъ предлагалъ отъ имени группы Освобожденія Труда списаться съ русскими товарищами относительно назначенія новой редакціи для «Листка Работника».

«Къ числу товарищей, категорически высказавшихся противъ всякихъ перемѣнъ въ этой области, г. NN., впослѣдствіи авторъ брошюры противъ группы Освоб. Труда, и г. Г., «вполнѣ» съ нимъ «согласный». Г. NN до такой степени не желалъ никакихъ перемѣнъ въ редакціи, что нашелъ нужнымъ съ своей стороны написать П. Аксельроду: «Мы рѣшительно высказываемся противъ перемѣны редакціи по двумъ причинамъ. — Во-первыхъ, среди молодыхъ товарищей нѣтъ ни одного опытнаго литератора, ни одного человѣка съ литературнымъ именемъ. Мы думаемъ, что ни одинъ уважающій себя человѣкъ не согласится стать редакторомъ на томъ основаніи, что ему пришлось на его вѣку написать 1—2 статейки. Во-вторыхъ, среди молодыхъ товарищей *нѣтъ ни одного достаточно знакомаго съ Россіей*. (Курсивъ М. Л.). Молодо-зелено»**)

Пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1883 г. группа Освобожденія Труда не побоялась вопреки и впротивовѣсъ всѣмъ дѣйствовавшимъ тогда революціонерамъ поднять знамя русской соціаль-демократіи. Въ этомъ заключалась ея громадная заслуга передъ русскимъ соціальдемократическимъ движеніемъ. Теперь же въ 1898 г. она безъ бою готова передать, и дѣйствительно передаетъ, это знамя въ руки тѣхъ, кого она сама не считаетъ способнымъ съ честью нести его, и дѣлаетъ это подъ давленіемъ одного заграничнаго кружка и на основаніи случайнаго письма одной изъ многочисленныхъ дѣйствовавшихъ въ

---

*) Я очень радъ, что еще до выхода въ свѣтъ второй части моей книги, я получилъ право раскрыть упомянутые здѣсь псевдонимы идейныхъ отцовъ нашихъ «экономистовъ». Подъ литерами «М. М.» писала г-жа Кускова (ст. ея статью «Ф. Данъ. Исд. раб. движенія и соціаль-демократіи въ Россіи 1900—1904 г.» «Былое» кн. X, стр. 329, примѣч.), буквами «N. N.» подписывался г. Прокоповичъ (См. его статью «Партійная безпринципность», газ. «Товарищъ» № 108 отъ 8/XI 906 г.), подъ буквой же „Г“ скрывался одинъ изъ видныхъ дѣятелей Бунда.

**) Vademekum стр. XLVIII—XLIX.

Петербургѣ группъ *вопреки ясно выраженной волѣ только что сплотившихся въ партію организацій.*

Я говорилъ, правда, въ первой части этой книги, что старые соціаль-демократы—практики (а съѣздъ явился выраженіемъ именно ихъ направленія) были недовольны дѣятельностью группы Освоб. Труда. Но будучи недовольны *дѣятельностью* старыхъ эмигрантовъ, они всегда и всюду подчеркивали свою солидарность съ *принципами*, проводимыми группой Освоб. Труда. Ошибки эмигрантовъ практики объясняли оторванностью ихъ отъ Россіи, фактической невозможностью для нихъ представить себѣ происшедшія въ ней за 15 лѣтъ перемѣны, ясно понять уже начавшееся массовое рабочее движеніе. Отсюда-то, т. е. изъ этого незнанія положенія вещей въ Россіи и проистекала по мнѣнію практиковъ, переоцѣнка силъ революціонной интеллигенціи и тѣсно связанный съ ней народовольческій (чисто заговорщицкій) планъ организаціи, который пропагандировался группой Освоб. Труда. Чего же собственно добивались всѣ пріѣзжавшіе (за время отъ 1894—97 г.) за границу уполномоченные отъ русскихъ практиковъ? Чтобы группа передала редакцію въ другія руки? Отнюдь нѣтъ; этого не требовали даже, какъ мы видѣли, ультра-экономисты, въ родѣ гг. Прокоповича, Кусковой и Г. Единственно, чего хотѣли русскіе практики отъ гр. Освобожденія Труда, это большаго общенія съ живой русской дѣйствительностью и большей освѣдомленности въ русскихъ дѣлахъ. Всѣ безъ исключенія русскіе практики считали группу Освобожденія Труда *незамѣнимой* въ качествѣ идейной руководительницы, но наряду съ этимъ они требовали отъ нея и *практическаго* руководства; а этого послѣдняго требованія группа удовлетворить не могла. Она не сумѣла настолько связаться съ Россіей, чтобы дѣйствительно быть au courant настроенія не только случайнаго состава той или иной организаціи, но настроенія и степени сознанія уже дѣйствующихъ рабочихъ—какъ соціаль-демократовъ, такъ и остальной рабочей массы. Правда, группа Освоб. Труда дѣлаетъ кое-какія попытки въ этомъ направленіи. Такъ, приступая къ изданію «Работника», Плехановъ пишетъ отъ имени редакціи: «Къ этой-то новой рабочей Россіи, составляющей нашу радость, нашу гордость, нашу надежду и обращаемся мы со своимъ скромнымъ изданіемъ. Мы цѣликомъ посвятимъ его интересамъ рабочаго класса. *Мы не навязываемъ своихъ взглядовъ нашимъ чита-*

телямъ-рабочимъ. Мы не беремъ на себя роли руководителей. Намъ хотѣлось бы только принести посильную пользу тѣмъ обездоленнымъ, но бодрымъ и смѣлымъ труженникамъ, которые борятся на нашей далекой и несчастной родинѣ. *Страницы нашего непеpiодическаго изданiя,* если ему суждено *продолжаться, будутъ открыты всѣмъ рабочимъ, желающимъ* воспользоваться имъ для обсужденiя своихъ задачъ и выраженiя своихъ стремленiй» *) Группа заявляетъ даже, что она отказывается отъ роли руководителя и хочетъ, чтобы «Работникъ» сталъ дискуссiоннымъ органомъ русскихъ рабочихъ. Но у нея не было связи съ этими рабочими. Въ вышедшихъ нумерахъ «Работника» *нѣтъ ни одной статьи, написанной рабочими.* Органъ не уничтожилъ оторванности группы Освоб. Труда отъ Россiи. Россiю для нея замѣняютъ заграничныя русскiя колонiи, которыя должны отражать настроенiя, желанiя и образъ мыслей дѣйствующихъ въ Россiи товарищей. Но могли-ли заграничныя колонiи выполнить эту роль? Первые соцiаль-демократы-практики были арестованы въ перiодъ 95—96 г.г. По тогдашнему обычаю слѣдствiе надъ ними тянулось около 2-хъ лѣтъ. Громадное большинство изъ нихъ изъ тьюрмы отправляется въ ссылку въ Сибирь или Архангельскъ на срокъ отъ 3-хъ до 10 лѣтъ. Самые активные, ближе всего стоявшiе къ дѣлу, попадаютъ именно въ Сибирь. Первые побѣги изъ Сибири соцiаль-демократовъ начались въ 99 году; а первыя легальныя возвращенiя ихъ оттуда могли начаться не раньше 1900 года. До этого времени дѣйствительные соцiаль-демократы-практики, за самыми ничтожными единичными исключенiями, за границу не попадаютъ. Попадаютъ же туда либо учащаяся молодежь, совершенно не работавшая и совершенно незнакомая съ движенiемъ, либо *случайно* уцѣлѣвшiя отъ тюрьмы и ссылки второстепенныя силы, по большей части пособники, а не активные участники движенiя. Вотъ изъ этихъ-то элементовъ и составлялись заграничныя русскiя колонiи. Начиная съ 1897 года почти всякiй «мыслящiй» гимназистъ считалъ себя марксистомъ. Прiѣхавъ за границу, онъ, конечно, сейчасъ же входитъ въ мѣстную соцiальдемократическую организацiю и такимъ образомъ получаетъ право выражать «настроенiе» Россiи, служа единственнымъ матерiаломъ для ознакомленiя группы Освобо-

*) «Работникъ» № 1 и 2 Женева 1896 г. стр. XIII и XIV.

жденія Труда съ этимъ настроеніемъ. Можно ли послѣ этого удивляться, что Группа не могла понять, чего собственно желаютъ русскіе товарищи отъ ихъ изданій? Другимъ источникомъ, служившимъ Группѣ для характеристики русской дѣйствительности, были русскія легальныя газеты. Достаточно вспомнить условія, въ которыя была поставлена печать того времени, чтобы сдѣлать должную оцѣнку этому матеріалу. Онъ не только не отражалъ дѣйствительнаго положенія вещей въ Россіи, но до неузнаваемости искажалъ это положеніе. Либеральныя газеты не смѣли на своихъ столбцахъ выходить за рамки обсужденія вопросовъ городского и земскаго хозяйствъ, да подчеркиванія бьющаго въ глаза убожества русской культуры. Это была единственная сфера, въ которой печать могла говорить во всю. «Либеральный тактъ» требовалъ, чтобы о земствѣ «порядочная» печать писала лишь хвалебные гимны, предоставляя ругать земцевъ «Московскимъ Вѣдомостямъ», да «Гражданину». Благодаря этому, жизнь земскаго и городского самоуправленія страшно идеализировалась, а свѣтлыя стороны его дѣятелей до невѣроятности переоцѣнивались. Съ другой стороны, тотъ же либеральный тактъ требовалъ особаго сгущенія красокъ для изображенія народнаго невѣжества и царящаго въ Россіи культурнаго мрака. Тщательно выискивая и смакуя случаи разныхъ суевѣрій и т. п., либеральные принципы заставляли печать обходить гробовымъ молчаніемъ всякое проявленіе самостоятельности и самодѣятельности рабочихъ, все значеніе уже проявившагося рабочаго движенія. Этотъ жалкій и притомъ совершенно искаженный легальный матеріалъ дополнялся жиденькими, чисто фактическими нелегальными корреспонденціями о той или иной стачкѣ, о числѣ арестованныхъ, о той или иной прокламаціи.

Повторяю, что при наличности такого матеріала незнакомство эмигрантовъ съ практикой русскихъ соціаль-демократовъ, психологіей русскихъ рабочихъ и общественной жизнью всей Россіи являлось фактомъ совершенно неизбѣжнымъ. До тѣхъ поръ, пока Плехановъ или Аксельродъ дѣлали тотъ или иной выводъ изъ чисто теоретическихъ построеній научнаго соціализма и оперировали съ фактами историческаго прошлаго Россіи или ея современнаго экономическаго положенія, они давали нѣчто цѣнное, за чѣмъ шли всѣ соціаль-демократы. Но какъ только имъ приходилось, на основаніи оцѣнки *современнаго* момента, оцѣнки психологіи *дѣйствующихъ клас-*

совъ и знанія *текущихъ* событій, дѣлать тотъ или иной *практическій* выводъ, давать *тактическія* директивы, они всегда оказывались не на высотѣ положенія: ихъ оцѣнка событій не отвѣчала дѣйствительности, и практическое руководство уходило изъ ихъ рукъ.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ. Въ январѣ 1892 г. Плехановъ, подъ впечатлѣніемъ голода въ Россіи, написалъ брошюру «Всероссійское разореніе». Послѣ блестящаго анализа экономической жизни Россіи, послѣ мастерского доказательства связи между этимъ разореніемъ и существованіемъ абсолютизма онъ заканчиваетъ свою статью призывомъ *ко всѣмъ классамъ* русскаго общества немедленно вступить въ борьбу съ абсолютизмомъ за созывъ Земскаго Собора, долженствующаго сыграть роль Учредительнаго Собранія. По его мнѣнію въ этой борьбѣ заинтересованы всѣ, «кромѣ достаточно опозорившейся *партіи кнута и палки*», и возможность такой общей борьбы—«не утопія, измышленная изгнанникомъ, оторваннымъ отъ родной почвы». *)

Русскіе соціаль-демократы-практики въ цѣломъ рядѣ писемъ поспѣшили увѣрить Плеханова, что звать сейчасъ *всѣ классы* общества на немедленную борьбу съ абсолютизмомъ есть именно только «утопія», что въ сохраненіи у насъ существующаго строя заинтересована далеко не одна «партія кнута и палки», и что вопли либеральной печати отражаютъ настроеніе не общественныхъ классовъ, а лишь небольшой кучки интеллигентовъ. Интеллигенты же несоціаль-демократы, прочтя брошюру Плеханова, возликовали. «Въ моей статьѣ, «Всероссійское разореніе,—писалъ затѣмъ Плехановъ,—нѣкоторые увидѣли отказъ отъ прежней соціальдемократической программы и не то поворотъ, не то отступленіе въ сторону «чистой политики».**) И вотъ, чтобы доказать, что онъ держится прежняго соціаль-демократическаго взгляда, онъ пишетъ новую статью, въ которой съ чисто научной точки зрѣнія доказываетъ необходимость для русской буржуазіи столкнуться *современемъ* съ абсолютизмомъ, такъ какъ наступитъ моментъ, когда этого потребуютъ ея экономическіе интересы. Съ такой отвлеченной постановкой

---

*) «Всерос. разореніе» СПБ. 1906 г. стр, 61.

**) «О зад. соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи» С.П.Б.—906 г. стр, 43

вопроса согласились, конечно, всѣ соціаль-демократы, какъ согласились и съ остальными высказанными въ этой новой брошюрѣ положеніями, касающимися выясненія сущности классовой борьбы. Но въ это же время они нашли, что тактическій совѣтъ, данный во «Всероссійскомъ разореніи» не соотвѣтствуетъ сущности теоретическихъ положеній, приведенныхъ въ брошюрѣ «О задачахъ соціалистовъ»... и что попытка объяснить этотъ совѣтъ въ концѣ второй статьи витаетъ, вопреки научнымъ убѣжденіямъ Плеханова, въ области *желательнаго*, а *не дѣйствительно существующаго*. Приведемъ самое интересное мѣсто изъ этого объясненія: «Какъ вы думаете достичь постановленныхъ себѣ задачъ, въ родѣ сбора 300 милліоновъ рублей, которыхъ не даетъ Вышнеградскій»?—спрашиваетъ меня живущій въ Россіи читатель... На этотъ вопросъ можно было бы отвѣтить очень кратко: у Земскаго Собора *непремѣнно и во всякомъ случаѣ* будутъ всѣ тѣ средства, которыя понадобятся для помощи голодающимъ и которыхъ нѣтъ и не можетъ быть въ распоряженіи царскаго правительства. Но такой отвѣтъ подалъ бы поводъ къ новымъ недоразумѣніямъ, поэтому я выскажусь подробнѣе.

«Что означало бы созваніе Земскаго Собора? То же самое, что означало созваніе Генеральныхъ Штатовъ въ концѣ прошлаго вѣка во Франціи: признаніе правительствомъ своей несостоятельности, уступку вырванную у него неотвратимымъ ходомъ историческихъ событій, *прологъ революціи*. Разъ былъ бы созванъ Земскій Соборъ, судьбы Россіи фактически тотчасъ же перешли бы изъ рукъ царя въ руки новаго революціоннаго правительства, и революціонное правительство лишь постольку и было бы дѣйствительно революціоннымъ, лишь постольку и поднялось бы на высоту своей задачи,—поскольку оно сумѣло бы преодолѣть тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ *царскому* правительству предпринять что-нибудь полезное для голоднаго народа. *Если собравшіеся на Соборъ представители не сумѣютъ рѣшить эту задачу, ихъ снесетъ волна революціоннаго движенія которая поставитъ the right men on the right place* (настоящихъ людей на настоящее мѣсто) *и которая создастъ, наконецъ, правительство, способное побороться съ обстоятельствами* (курсивъ мой М. Л.) Для правительства, которое будетъ заслуживать названіе *революціоннаго правительства*,

легко будетъ достать даже не такую бездѣлицу, какъ 300 милліоновъ рублей». *)

Я повторяю, что съ этими положеніями, взятыми in abstrakto долженъ былъ согласиться всякій соціаль-демократъ; но въ качествѣ тактическаго совѣта для 92 года, когда крестьянство, несмотря на голодъ, спало непробуднымъ сномъ, когда промышленная буржуазія, благодаря абсолютизму и связаннымъ съ нимъ голодовкамъ, наживала рубль на рубль, когда крупные землевладѣльцы (опять таки благодаря абсолютизму) безконтрольно хозяйничали въ земствахъ и эксплуатировали голодающихъ, заставляя ихъ работать за кусокъ хлѣба два дня, когда пролетаріатъ не успѣлъ еще приступить къ организаціи, и даже интеллигенція, этотъ главный кадръ старыхъ революціонеровъ, въ массѣ своей ушла въ «малыя дѣла», въ толстовщину и индиферентизмъ, въ качествѣ тактическаго совѣта эти положенія могли только свидѣтельствовать о полномъ незнакомствѣ автора съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ и съ господствующимъ настроеніемъ въ Россіи.**)

То же абсолютное непониманіе положенія вещей въ Россіи заставило Аксельрода написать слѣдующія строки: «Время, переживаемое теперь Россіей, особенно благопріятно для пріобрѣтенія вами славнаго вліянія въ средѣ низшихъ классовъ и *для созданія той революціонной силы, во главѣ которой вы могли бы начать смѣлую войну противъ правительства и эксплуататоровъ народа.* Говорятъ: «нѣтъ худа безъ добра». Эта поговорка какъ разъ примѣнима къ постигшему нашу родину въ прошломъ и нынѣшнемъ году неурожаю. Велики бѣдствія, принесенныя имъ русскому народу. Но эти бѣдствія *могли бы сдѣлаться* источникомъ его избавленія отъ угнетающаго его правительственнаго произвола, *если бы нашлись люди, способные разъяснить ему истинныя причины*

---

*) «О зад. соц-овъ въ борьбѣ съ голод.» стр. 81—82.

**) Характерно, что когда революціонное движеніе въ Россіи создало возможность осуществленія плана Плеханова 92 года, когда передъ уже организованнымъ пролетаріатомъ во всей своей неотложности всталъ вопросъ о революціонномъ правительствѣ, о томъ, чтобы революціонная волна снесла представителей не сумѣвшаго выполнить своей задачи правительства и поставила бы «настоящихъ людей на настоящее мѣсто», то Плехановъ забилъ отбой и сталъ пытаться удержать эту революціонную волну. См. его «Дневники» за 906 г. Мѣстомъ писанія этихъ дневниковъ осталась все та же Женева; въ этомъ-то и горе Плеханова.

его страданій и возбудить его на борьбу съ ними... Пять, десять лѣтъ тому назадъ только революціонеры и очень образованные люди могли понимать, какое великое зло причиняетъ Россіи царское и жаддармско-полицейске самовластіе. Но теперь печальныя предсказанія этихъ людей вполнѣ сбылись. Когда самовластное правительство привело всю страну на край гибели и оказывается совершенно неспособнымъ даже временно облегчить народныя страданія, и самому неразвитому человѣку нетрудно объяснить необходимость коренной перемѣны въ нашемъ государственномъ строѣ. *Развѣ одни только Сысойки неспособны были бы теперь сочувственно отозваться на призывъ къ борьбѣ за политическую свободу и за созваніе Земскаго Собора изъ выборныхъ отъ всего народа.* И никто не могъ бы у насъ обратиться къ трудящимся классамъ съ этимъ призывомъ съ такимъ успѣхомъ, какъ именно вы, дорогіе товарищи. Вы оказали бы этимъ неоцѣнимую услугу Россіи вообще и ея рабочему классу въ особенности.»*)

Эти строки Аксельродъ писалъ послѣ Плехановскаго «Всероссійскаго разоренія» въ февралѣ 1893 г., когда острый кризисъ въ значительной степени уже миновалъ, надежды Плеханова, что *всѣ классы общества* вступятъ на революціонный путь не оправдались, и когда крестьянская масса въ отдѣльныхъ мѣстахъ, какъ въ Саратовѣ, Астрахани и друг. проявляла свое отчаяніе въ видѣ единичныхъ бунтовъ, ничего, конечно, общаго съ политическимъ движеніимъ не имѣвшихъ. Говоря о послѣднихъ, Аксельродъ указываетъ интеллигентнымъ рабочимъ, что если бы у нихъ въ 92 г. было такое же «крѣпкое революціонное ядро, какимъ 15 лѣтъ тому назадъ были организаціи «Земля и Воля», а потомъ «Народная Воля», то «подобный народный союзъ навѣрное не пропустилъ бы даромъ такихъ народныхъ волненій, какъ астраханскій и холерные бунты и безпорядки, охватившіе двадцатитысячное рабочее населеніе въ екатеринославской губерніи».**) То обстоятельство, что объ этихъ «бунтахъ» приходилось судить по краткимъ и часто ложнымъ извѣстіямъ заграничныхъ газетъ, а также старый бунтарски-блакистскій закалъ, согласно которому каждая

*) Аксельродъ «Задачи рабоч. интеллигенціи» Женева 93 года стр. I и II.

**) Тамъ-же. Стр. II

стихійная народная вспышка, безразлично противъ кого бы она ни была направлена, и въ какой бы формѣ она ни выражалась, могла считаться началомъ возстанія,—все это вмѣстѣ взятое подало Аксельроду поводъ предположить, что вспышки 92 г. могли бы быть превращены въ революціонное движеніе за созывъ Земскаго Собора. По его мнѣнію «одни лишь Сысойки неспособны отозваться на этотъ призывъ». Тактика, предложенная группой Осв. Труда, отвергнутая въ то время всѣми марксистами, считавшими ее утопичной и совершенно непримѣнимой при данномъ настроеніи общественныхъ силъ въ Россіи, эта тактика была подхвачена московскимъ *народовольческимъ* кружкомъ, группировавшимся вокругъ Астырева, попытка котораго поднять народыя массы во имя революціоннаго лозунга за «Земскій Соборъ», какъ извѣстно, окончилась полной неудачей. Только живя долгое время за границей можно было въ 93 году написать слѣдующія заключительныя строки: «къ сожалѣнію, дѣло объединенія русскихъ рабочихъ въ революціонную партію повидимому нисколько не подвинулось впередъ за это время. Только этимъ и можно объяснить тотъ въ высшей степени печальный фактъ, что наша рабочая интеллигенція *до сихъ поръ ничѣмъ не проявила своего вліянія на народную массу*. А между тѣмъ и почва для этого вліянія какъ нельзя болѣе подготовлена разорительнымъ хозяйничаньемъ надъ Россіей самовластнаго правительства. *Народныя волненія и «безпорядки» послѣднихъ лѣтъ показываютъ, что народныя массы не хотятъ уже больше сносить* произволъ и грабежъ, производимый надъ ними чиновниками совмѣстно съ помѣщиками, кулаками и всякими эксплуататорами народнаго труда. *Но ни въ одномъ изъ этихъ волненій не водружено было знамя «свободы»*, нигдѣ среди «бунтовщиковъ» не была провозгашена необходимость созыва выборныхъ отъ всего народа».*)

Въ первой части этой книги я указывалъ уже, какъ смотрѣли на этотъ вопросъ марксисты въ Россіи. **) Только что приведенная цитата показываетъ лишь, насколько дѣйствительно полная оторванность отъ Россіи мѣшала членамъ группы Освобожденія Труда на практикѣ, а не въ теоріи осво-

*) Аксельродъ «Зад. раб. интел.» стр. 16-17 (Курсивъ во всѣхъ случаяхъ мой М. Л.)

**) «Ист. Р. С. Д. Р. П.» ч. I. стр. 58 и слѣд.

бодиться отъ старыхъ бунтарски-заговорщицкихъ взглядовъ и отъ свойственной бунтарямъ-народникамъ утопической переоцѣнки степени сознательности и революціонности русскаго народа. По Аксельроду выходитъ такъ, что появись въ 92 г. хорошіе вожаки, и масса крестьянъ, масса астраханскихъ и саратовскихъ погромщиковъ пошла бы за ними добывать «Земскій Соборъ». Этотъ бунтарски-народническій утопизмъ еще не такъ сильно проявляется у Плеханова, который лишь въ рѣдкихъ случаяхъ переходилъ отъ разработки теоретическихъ вопросовъ къ тактическимъ; но у Аксельрода, специализировавшагося въ то время на тактическихъ вопросахъ, эта интеллигентски-бунтарская черта проявлялась особенно сильно. «Будь у насъ теперь серьезная организація энергичныхъ революціонеровъ (въ родѣ народовольческой или землевольческой),—писалъ онъ въ «Соціальдемократѣ», — пріобрѣвшая популярность хотя бы среди нѣсколькихъ тысячъ петербургскихъ рабочихъ, она имѣла бы больше шансовъ на успѣхъ въ военномъ столкновеніи съ правительствомъ, чѣмъ соціаль-демократія въ Германіи» *).

Это не случайная фраза изъ одного примѣчанія — какъ впослѣдствіи въ полемикѣ съ экономистами защищалъ Аксельрода Плехановъ,— это характеризуетъ *тактическую* точку зрѣнія Аксельрода, которая, повторяю, вслѣдствіе незнакомства его съ общественными силами Россіи, *всегда* значительно отставала и даже противорѣчила *принципіальной основѣ* группы Освобожденія Труда.

Аксельродъ не отрицалъ тогда извѣстной близости между заговорщицки-бунтарской дѣятельностью и дѣятельностью соціальдемократической. «Бакунистская теорія «пропаганды дѣйствіемъ», вовлеченія народныхъ массъ въ движеніе противъ существующаго строя,—говоритъ онъ,—и сплоченія ихъ въ революціонную силу при помощи мелкихъ бунтовъ и всевозможныхъ «протестовъ» представляетъ собой въ сущности не что иное, какъ примитивное выраженіе того же соціальдемократическаго воззрѣнія, сложившееся въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ революціонныхъ традицій пройденныхъ уже историческихъ эпохъ. **) Измѣнилось лишь содержаніе

*) «Соціальдемократъ» № 4 стр. 26.

**) «Историч. положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціалистической демократіи въ Россіи». Работникъ № 5—6. 1899 г. II отд. стр. 40.

агитаціи и объектъ ея, субъектъ же остается все тотъ же— это *внѣклассовая интеллигенція*. Я уже не разъ говорилъ, что въ вопросѣ о сущности интеллигенціи взгляды русскихъ марксистовъ рѣзко расходились со взглядами группы Осв. Труда и въ особенности со взглядами Аксельрода. «Въ центрѣ и во главѣ этихъ элементовъ (недовольныхъ абсолютизмомъ), — говорилъ Аксельродъ, — стоятъ представители либеральныхъ профессій, адвокаты, врачи, ученые, учителя, писатели, судьи, разнаго рода техники, наконецъ, учащаяся молодежь и т. д. Мало того, даже часть образованной бюрократіи принадлежитъ по своимъ симпатіямъ и своимъ стремленіямъ къ этимъ прогрессивнымъ кругамъ высшихъ сословій, составляющимъ въ совокупности значительную часть буржуазіи и носящимъ общее названіе «интеллигенціи». *) Вся дѣятельность этой интеллигенціи направлена противъ существующаго политическаго режима, «даже неполитическое, вполнѣ легальное, просвѣтительное культурничество становится неизсякаемымъ источникомъ политическаго броженія». Этимъ культурничествомъ, «подготовительной работой въ области революціонизированія народныхъ массъ» **) занята вся интеллигенція безъ различія. Но вотъ изъ этой общей интеллигентской массы начинаетъ выдѣляться радикально демократическая интеллигенція. «Средства, употреблямыя либералами, и достигнутые ими непосредственные осязательные результаты содержатъ въ себѣ, правда, революціонную силу, но лишь въ скрытомъ состояніи, изъ котораго ее еще нужно превратить въ живую энергію; для этой исторической роли какъ бы назначены полупролетаріи и пролетаріи интеллигенціи, учащаяся молодежь и вообще наиболѣе темпераментные и наиболѣе демократическіе элементы интеллигенціи. ***) Впрочемъ, и либеральные помѣщики далеко не очарованы своей тихой кропотливой работой подкапыванія и подтачиванія устоевъ. И они чувствуютъ себя отвратительно подъ давленіемъ тяжелой руки бюрократіи и хотѣли бы освободиться отъ нея, но либеральные помѣщики и хорошо оплачиваемые редакторы «уважаемыхъ» газетъ склонны резонировать, что нельзя де пробить стѣну лбомъ. На что радикально-демокра-

*) Тамъ-же стр. 51.
**) Тамъ-же стр. 52.
***) Тамъ-же стр. 55

тическая интеллигенція имъ заявляетъ: «Мы никогда не удовлетворимся и не желаемъ удовлетворяться вашимъ черепашьимъ прогрессомъ. Ваше смиреніе безнравственно. Источники его—трусость и эгоистическій страхъ за ваши личные интересы. Нашъ же лозунгъ гласитъ: безстрашная, безпощадная война съ власть имущими не на животъ, а на смерть. *А такъ какъ нашихъ силъ не хватаетъ, то мы призовемъ угнетенныя массы на революціонную арену* (курсивъ мой М. Л.) и научимъ ихъ бороться съ угнетающимъ ихъ общественнымъ строемъ и вооружимъ ихъ къ этой борьбѣ» *).

Богатые помѣщики и либеральные редакторы, конечно, могутъ только радоваться такому плану поднятія рабочихъ массъ на борьбу; стѣну прошибить они очень желаютъ, да сдѣлать это самимъ и страшно, и опасно, ну а пролетарскій лобъ пустить въ ходъ дѣло хорошее, тѣмъ болѣе, что Аксельродъ увѣряетъ ихъ, что «въ Россіи, гдѣ пролетаріатъ находится еще только въ процессѣ выдѣленія изъ вѣками жившей въ рабствѣ и невѣжествѣ народной массы, онъ самъ стоитъ еще въ массѣ своей на слишкомъ низкой ступени культурнаго развитія, *чтобы быть въ состояніи—уже въ желѣзныхъ тискахъ абсолютизма—возвыситься до роли сознательной революціонной силы безъ прямой или косвенной помощи со стороны буржуазіи*». **) И вотъ, по точному смыслу сказаннаго Аксельродомъ выходитъ, что слѣдуетъ поддерживать такое безсознательное состояніе пролетаріата. Онъ не разъ подчеркиваетъ, что необходимо тщательно избѣгать въ агитаціи выраженія взглядовъ на всю буржуазію, какъ на массу, враждебную рабочему классу: «это препятствовало бы, — говоритъ онъ, — установленію умственнаго взаимодѣйствія образованныхъ классовъ и народныхъ массъ. Между тѣмъ такое воздѣйствіе уже само по себѣ имѣетъ въ современной Россіи огромное прогрессивное значеніе, такъ какъ *самый блѣдный либерализмъ любого интеллигента все же гораздо выше некультурнаго міровоззрѣнія этихъ массъ*».***)

Акесльродъ писалъ эти строки уже послѣ петербургской стачки 96 — 97 г., когда пролетаріатъ на дѣлѣ по-

*) Тамъ-же, стр. 55—56.
**) Тамъ-же, стр. 64. Курсивъ мой
***) «Историч. положеніе и взаимное отношеніе либер. и соц. демократіи въ Россіи» Работникъ № 5—6. 1899 г. II отд. стр. 61.

казалъ относительную цѣнность дѣятельности его массы въ сравненіи съ дѣятельностью блѣдныхъ либеральныхъ помѣщиковъ и редакторовъ. Я нарочно привожу эти многочисленныя цитаты изъ Аксельродовской статьи, потому что онѣ рельефнѣе всего рисуютъ намъ его исходную точку зрѣнія. Для него та интеллигенція, которая засѣдала въ земскихъ и бюрократическихъ учрежденіяхъ и которая подъ видомъ либеральныхъ помѣщиковъ, эксплуатировала крестьянина и та, которая въ качествѣ «кающихся дворянъ» шла въ народъ и тамъ постепенно превращалась въ бунтарей, землевольцевъ и народовольцевъ, вся эта интеллигенція была вполнѣ однородной съ интеллигенціей, которая по своему положенію пролетаріевъ, изучивъ *свое* классовое положеніе, пошла къ своимъ *братьямъ* по классу, чтобы вмѣстѣ съ ними бороться за *общія* цѣли. Интеллигенція послѣдней категоріи не была знакома Аксельроду; онъ зналъ только интеллигенцію 70-хъ и 80-хъ годовъ. Тогдашняя интеллигенція дѣйствительно представляла изъ себя нѣчто однородное, то были «отцы и дѣти». Въ тѣ времена каждый либералъ считалъ себя «соціалистомъ» и могъ смѣло назвать своимъ «сыномъ» любого народовольца или бунтаря. Но то было тогда, когда самъ Аксельродъ былъ еще чернопередѣльцемъ. Тогда онъ, пожалуй, былъ бы правъ, говоря: «вѣдь большая часть нашей свободомыслящей буржуазіи сама настроена «антикапиталистически» и на всевозможные лады громитъ капитализмъ... Несомнѣнно одно, не только радикальные элементы интеллигенціи, но и наше либеральное общество, т. е. большинство свободомыслящихъ людей настроено враждебно по отношенію къ капиталистической буржуазіи». *)

Въ ту эпоху дѣйствительно можно было сказать, что либеральная интеллигенція отличалась отъ революціонной только темпераментомъ. Но съ тѣхъ поръ много воды утекало. Значительная часть чисто землевладѣльческаго дворянства, доставлявшаго въ 70-хъ годахъ главные кадры «интеллигентовъ», къ описываемому моменту давно уже успѣла проѣсть выкупные платежи, окончательно разорить свои вотчины и, присосавшись къ разнымъ банкамъ, акціонернымъ компаніямъ и пр., отмѣнно познала всѣ блага капитализма. Съ другой стороны, и промышленная «кулацкая» буржуазія за это время тоже успѣла кое-чему научиться: она отлично постигла всю пользу

*) Тамъ-же, стр. 60.

интеллигентности для себя самой; купеческіе сынки составляютъ уже довольно значительный процентъ слушателей высшихъ учебныхъ заведеній и во главѣ различныхъ промышленныхъ предпріятій появляется все большее и большее число вполнѣ интеллигентныхъ руководителей.

Вся эта дифференціація интеллигенціи произошла уже послѣ того, какъ сложилась группа Освоб. Труда. Она ея не замѣтила и поэтому продолжала смѣшивать въ одну кучу и либеральнаго помѣщика, и адвоката съ тысячнымъ окладомъ, и живущаго впроголодь интеллигентнаго пролетарія и, зачисливъ всѣхъ ихъ гуртомъ въ «буржуазію», надѣлила эту буржуазію «народолюбіемъ» и стремленіемъ при помощи культурной работы революціонизировать «народъ», и такимъ образомъ подготовить почву для дѣятельности болѣе «темпераментныхъ» членовъ интеллигенціи. Этимъ отношеніемъ къ интеллигенціи объясняются и нападки Группы на практиковъ за то, что они говорятъ о «сплошной реакціонной массѣ» буржуазіи вмѣсто того, чтобы говорить о реакціонности одной лишь партіи «кнута и палки».

«Если вникнуть въ *практическую* мотивировку идеи образованія революціонной рабочей партіи въ современной Россіи, —говоритъ Аксельродъ, пропагандируя программу группы Освоб. Труда,—то мы увидимъ, что на ней отразилась духовная связь соціальдемокатическаго теченія съ предыдущимъ періодомъ нашего революціоннаго движенія. Политическая организація рабочихъ мотивируется здѣсь *не отдаленными* цѣлями соціализма, а настоятельной необходимостью такой организаціи для *ближайшихъ общедемократическихъ* цѣлей русскаго революціоннаго движенія для обезпеченія успѣха въ борьбѣ противъ современнаго государства за интересы трудящагося класса, класса вообще, т. е. крестьянскихъ массъ и городскихъ рабочихъ. Можно подумать, что въ представленіи первой русской соціальдемократической группы рабочее движеніе рисовалось не, какъ нѣчто само по себѣ заключающее цѣль и оправданіе своего существованія, а лишь, какъ средство или орудіе, предназначенное служить другимъ общественнымъ силамъ. *Но несомнѣнно то, что для этой группы мысль объ организаціи рабочей партіи въ Россіи тѣснѣйшимъ образомъ связывалась съ тактическими и соціальными тенденціями и задачами, воодушевлявшими и воодушевляющими всѣ*

демократическіе элементы нашей интеллигенціи» *) (Курсивъ мой М. Л.).

Именно этими общедемократическими задачами объясняется, что въ программѣ группы Освоб. Труда мы находимъ лишь одинъ пунктъ, касающійся спеціально рабочихъ, и что всѣ требованія ея «благопріятны и интересамъ прогрессивныхъ слоевъ высшихъ классовъ вообще, а демократической интеллигенціи въ особенности», **) потому что «*въ Россіи нѣтъ еще самаго главнаго условія для политической борьбы съ буржразіей — нѣтъ политически господствующихъ классовъ*». ***)

Это послѣднее утвержденіе такъ рѣзко расходилось съ мнѣніемъ, господствовавшимъ среди первыхъ русскихъ соціалъ-демократовъ—практиковъ, что дѣйствительно эмигранты и они скоро перестали понимать другъ друга. Практики смотрѣли на наше правительство не какъ на нѣчто, висящее въ воздухѣ и не могли не видѣть въ немъ проявленія *классового господства*. Тоже классовое господство видѣли они и въ «либеральныхъ» земствахъ, *несмотря на тѣ конфликты, которые совершенно въ иной плоскости происходили между послѣдними и абсолютизмомъ*. Аксельродъ говоритъ: «Легальныя усилія и средства, которыми прогрессивные элементы высшихъ классовъ стараются усилить и упрочить все свое вліяніе на общество и государство будутъ непосредственно служить и на пользу созданія условій, благопріятствующихъ политическому развитію и организаціи рабочихъ въ оковахъ деспотическаго государства». Съ этимъ безусловно соглашались и старые практики, но они тутъ же добавляли, что только въ томъ случаѣ домогательства демократическихъ и либреальныхъ слоевъ высшихъ классовъ окажутся полезными пролетаріату, если соціаль-демократы съ самаго начала *не* будутъ затушевывать *классовыхъ* стремленій въ политической борьбѣ буржуазіи, съ одной стороны, и пролетаріата съ другой, другими словами, если политическая борьба рабочихъ съ абсолютизмомъ будетъ носить классовый характеръ.

---

*) Аксельродъ. «Къ вопр. о совр. задач. и тактикѣ русскихъ соц—въ». «Работникъ» № 5—6. 1899 г., стр. 9.

**) Тамъ же стр. 10.

***) Тамъ же стр. 15.

Говоря о привлеченіи въ ряды рабочей партіи «народолюбивыхъ и революціонныхъ элементовъ», *) Аксельродъ, по мнѣнію русскихъ практиковъ, превращалъ *классовую рабочую партію* въ *демократически-буржуазную партію, дѣйствующую среди рабочихъ* **). Аксельродъ предостерегаетъ, напримѣръ, отъ увлеченія стачечной борьбой рабочихъ, при чемъ однимъ изъ мотивовъ противъ этого увлеченія онъ выдвигаетъ слѣдующее: «Несмотря на свою соціальную безпомощность и полную безкультурность, крестьянство наше являлось до сихъ поръ средоточіемъ заботъ и симпатій прогрессивныхъ и революціонныхъ слоевъ интеллигенціи. Почему? Между прочимъ и потому, что они лишь въ немъ видѣли и видятъ какъ бы спеціальное воплощеніе своихъ прогрессивныхъ стремленій и рычагъ для избавленія отъ сковывающаго русскую жизнь государственнаго строя. *Односторонняя же практика русскихъ соціалъ-демократовъ замедляетъ развитіе въ интеллигенціи такого же отношенія къ рабочему классу*, несмотря на то, что послѣдній исторически дѣйствительно призванъ къ роли главной революціонной силы въ освободительномъ движеніи противъ устарѣлыхъ политическихъ порядковъ». ***)

Русскіе практики старались воспитать рабочую массу въ той идеѣ, что освободить себя политически рабочій классъ можетъ только самъ, не надѣясь на помощь извнѣ, но поль-

*) Тамъ же. Письмо 2-ое стр. 20.

**) Тамъ же стр. 26. Курсивъ мой

***) Въ 98 году, находясь въ ссылкѣ въ Якутскѣ, я прочелъ цитированную статью Аксельрода и сейчасъ же поднялъ среди ссыльныхъ соц.-демократовъ вопросъ о протестѣ противъ этой статьи. По этому поводу якутская соц.-демократическая колонія рѣзко раздѣлилась на два лагеря. Одни соглашались со мной, другіе выступили на защиту Аксельрода. И характерно то, что защитники Аксельрода являлись одновременно и защитниками позиціи нашихъ «экономистовъ» Раб. Мысли и позиціи Бернштейна въ Германіи и Жореса и Мильерана во Франціи. Послѣ долгихъ дебатовъ рѣшено было обратиться къ Аксельроду съ письмомъ, въ которомъ предполагалось указать ему на опасность увлеченія «общенаціональными цѣлями» въ ущербъ классовой позиціи пролетаріата, указать, что именно подобное увлеченіе можетъ и должно на практикѣ привести къ бернштейніадѣ и мильеранизму. Мнѣ не удалось участвовать въ окончательной редакціи письма, такъ какъ пришлось уѣхать изъ Якутска еще до окончанія дебатовъ. Но впослѣдствіи, уже отъ самого Аксельрода я узналъ, что письмо это имъ было получено

зуясь всякой реальной силой въ господствующихъ классахъ, которая помимо своей воли временно будетъ итти по тому же пути, по которому идетъ пролетаріатъ. Тактическій же планъ Аксельрода сводился къ тому, что всю политическую борьбу пролетаріатъ долженъ вести совмѣстно съ демократическими и либеральными элементами высшихъ классовъ, при чемъ организоваться въ особую партію онъ долженъ лишь для использованія, уже послѣ общей побѣды, результатовъ этой побѣды. Но и сама рабочая партія по плану Аксельрода должна носить не «узко-классовый характеръ», а дать широкій просторъ всѣмъ демократическимъ и революціоннымъ элементамъ высшихъ классовъ. Именно съ этой цѣлью онъ постоянно твердилъ рабочимъ, что они не одни борятся, что у нихъ есть союзники, что «работать на освобожденіе ея (Россіи) изъ-подъ ига самовластія составляетъ долгъ всѣхъ честныхъ и развитыхъ людей», *) что измѣненіе правительственныхъ порядковъ Россіи есть цѣль, къ которой должны теперь стремиться *совмѣстно всѣ классы населенія*», что «значительная часть нашихъ образованныхъ классовъ не откажется даже прямо поддерживать (конечно тайно) русскую рабочую интеллигенцію, лишь только она подыметъ знамя политической свободы среди этихъ массъ». **) Подобныхъ выписокъ изъ статей Аксельрода, если бы понадобилось, мы могли бы привести цѣлую массу.

Незнакомство съ уже развившимся въ теченіе восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ буржуазнымъ характеромъ Россіи, заставляетъ группу Освобожденія Труда, наряду съ проповѣдью классового характера пролетарской борьбы въ теоріи, въ тактическихъ вопросахъ помимо своей воли сходить съ классовой точки зрѣнія и тѣмъ давать своимъ читателямъ основаніе смотрѣть на рабочее движеніе, какъ на простой придатокъ интеллигентскаго демократическаго революціоннаго движенія. Типичнымъ въ этомъ отношеніи является взглядъ Аксельрода, что «самый блѣдный либерализмъ любого интеллигента гораздо выше некультурнаго міровоззрѣнія народныхъ массъ». ***)

Группа Осв. Труда, и въ особенности Аксельродъ, видѣла лишь одну общенаціональную задачу сверженія абсолю-

*) «Зад. раб. интеллигенціи». Женева 93 г. стр. 13.
**) Тамъ же, стр. 6.
***) «Историч. полож. и т. д.» стр. 64.

тизма и искренно вѣрила «блѣдному либерализму» буржуазіи, что и для него эта общенаціональная задача въ состояніи на время заглушить классовые интересы. Аксельродъ самъ не думалъ, что увлеченіе этой «общенаціональной задачей» идетъ вразрѣзъ съ классовыми интересами пролетаріата; онъ не вѣрилъ въ клссовой характеръ вожделѣній либеральныхъ помѣщиковъ и обезпеченныхъ адвокатовъ. Онъ искренно считалъ ихъ способными (не понимая ихъ буржуазной сущности) встать на точку зрѣнія революціоннаго пролетаріата, войти въ ряды пролетарской партіи, такъ какъ онъ вѣрилъ имъ на-слово, что они одинаково съ пролетаріатомъ ненавидятъ капитализмъ.

VIII.

Говоря о «Поворотномъ пунктѣ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія», я уже указывалъ, *) что авторъ этой статьи противопоставляетъ рабочихъ «буржуазной» интеллигенціи, къ которой онъ цѣликомъ причисляетъ всѣхъ дѣйствующихъ среди рабочихъ сознательныхъ социаль-демократовъ.

«Матеріалистическій характеръ теперешняго нашего движенія,—говоритъ онъ,—въ сравненіи съ прежнимъ состоитъ въ томъ, что всѣ наши надежды и ожиданія опираются не на вѣру во всемогущество нашихъ идей и теорій... но основаны на потребностяхъ массы, на развитіи этихъ потребностей и на измѣненіи самой массы подъ вліяніемъ этого развитія»... **) «Мыслящее меньшинство одно только живетъ преимущественно идейной жизнью, борется не за лучшее матеріальное положеніе, а за торжество той или другой идеи.» ***) Рабочія массы способны бороться не за «идею», а за кусокъ хлѣба, за осязаемое улучшеніе своего положенія, поэтому ложна та теорія, которая учитъ, «что для экономическаго освобожденія пролетаріата первое условіе его умственное развитіе», ****) т. е. его классовая сознательность, потому что только о ней и шла рѣчь у противниковъ автора.

«Буржуазная» интеллигенція идетъ къ рабочимъ съ предвзятой мыслью вырвать ихъ изъ среды «критически мыслящихъ лично-

*) «Ист. Р. С. Д. Р. П. часть I гл. XII.
**) «Мат. къ ист. евр. раб. движ.» стр. 146.
***) Тамъ же стр. 148.
****) Тамъ же стр. 150.

стей» и при ихъ содѣйствіи повести за собой всю рабочую массу къ тѣмъ цѣлямъ, которыя диктуются этой интеллигенціи ея классовымъ положеніемъ. Буржуазія не можетъ мириться съ существующимъ политическимъ строемъ, собственныхъ силъ у нея нѣтъ, вотъ почему она и хочетъ воспользоваться рабочими. Съ легкой руки автора «Поворотнаго пункта» подобная точка зрѣнія съ 97 года начинаетъ все больше и больше распространяться среди практическихъ работниковъ и въ остальной Россіи. Интеллигенція вся «буржуазная», и въ той борьбѣ, которую ведутъ стихійно, неорганизованно рабочіе, она не заинтересована. Можно ли ей, слѣдовательно, довѣрять, когда она берется руководить рабочимъ движеніемъ, организовать его? Конечно нѣтъ, потому что рано или поздно она должна проявить свою классовую сущность и измѣнить чисто рабочимъ цѣлямъ. Она «чужая»—и этимъ все сказано.

Литература группы Освобожденія Труда, какъ мы уже видѣли, все время тоже рѣзко выдѣляла въ особую категорію «демократическую» и «соціалистическую» интеллигенцію. Читая Аксельрода, нельзя было найти отвѣта, почему рабочіе должны довѣрять этой интеллигенціи. Бóльшая «темпераментность», «народолюбіе» и т. п. чисто индивидуальныя качества могли служить плохой гарантіей тому, что вся буржуазно-демократическая или, что то же, «соціалистическая» интеллигенція будетъ вѣрна рабочимъ. Сознательный рабочій могъ понять, почему онъ *долженъ* стремиться къ соціалистическому строю, т. е. быть соціалистомъ, но онъ не находилъ отвѣта на вопросъ, почему должна быть «соціалистичной» интеллигенція, которая по своему положенію связана съ высшими классами, заинтересованными въ сохраненіи существующаго экономическаго строя. Какъ связать эту ея «соціалистичность» съ общимъ взглядомъ на классовую борьбу, классовую психологію? Мы знаемъ, какъ отвѣчали на эти сомнѣнія первые соціаль-демократы —практики. Они утверждали, что невѣрна уже сама исходная точка зрѣнія, считающая «буржуазной» всю интеллигенцію, приводили въ доказательство страшно быстрый ростъ дифференціаціи въ ея средѣ и указывали, что отношенія хотя бы наемнаго сотрудника газеты къ ея издателю или земскаго служащаго къ «хозяевамъ» земства—землевладѣльцамъ по существу ничѣмъ не отличаются отъ отношеній между фабричнымъ рабочимъ и владѣльцемъ фабрики. По ихъ мнѣнію далеко не вся учащаяся молодежь была «соціалистичной», а только та,

которая съ дѣтства узнала нужду и сейчасъ вынуждена жить своимъ заработкомъ. Бываютъ, разумѣется, случаи, когда то, либо иное интеллигентное лицо, не будучи по положенію своему пролетаріемъ, становится на пролетарскую точку зрѣнія; но такіе случаи являются лишь исключеніемъ. Какъ правило— соціальдемократичной можетъ стать только пролетарская интеллигенція. Такое объясненіе удовлетворяло рабочихъ и они не дѣлали никакого различія между этой интеллигенціей и интеллигеціей, вышедшей изъ ихъ собственной среды, между интеллигентами умственнаго и интеллигентами физическаго труда.

Но вотъ, послѣ побѣды, одержанной марксизмомъ надъ народничествомъ, въ ряды соціаль-демократіи хлынула цѣлая волна интеллигенціи, самыхъ разнообразныхъ категорій, и на мѣстѣ прежняго голодранца-разночинца или вѣчно недоѣдающаго студента, въ качествѣ пропагандиста, можно было уже видѣть какого-нибудь адвоката, приватъ-доцента или литератора съ именемъ и общественнымъ положеніемъ. Рабочее дѣло обсуждается часто уже не въ душной чердачной коморкѣ, нанятой для конспиративныхъ цѣлей на мѣдные гроши пропагандиста или рабочаго-интеллигента, а въ буржуазной квартирѣ какого-нибудь сочувствующаго или непосредственно принимающаго участіе «интеллигента». Да и сами рѣчи начинають мѣняться. «Мы», олицетворявшее полную нераздѣльность стараго пропагандиста со своей аудиторіеи начинаетъ уступать мѣсто мѣстоимѣнію «вы», подчеркивающему различіе въ соціальномъ положеніи. Впрочемъ, и старое «мы», произносимое теперь въ этой новой обстановкѣ, звучало фальшью. — Что общаго между мной, думалъ какой-нибудь рабочій, возвращаясь съ такого собранія, и этой изящно одѣтой барышней или студентомъ, въ квартирѣ которыхъ мы собирались? Какіе мы съ ними товарищи: я пойду къ себѣ въ холодный, сырой уголъ, завтра встану въ 5 часовъ на работу, а они «интеллигенты» будутъ себѣ спать на мягкой постели, пока не надоѣстъ. Ни холода, ни голода, ни труда они не знали никогда—развѣ они могутъ понять меня и все наше рабочее дѣло?.. Подобныя разсужденія мнѣ не разъ приходилось слышать отъ рабочихъ, и они всегда являлись исходной точкой ихъ недовѣрія къ интеллигентному руководству. И чѣмъ больше такая непролетарская интеллигенція попадала въ рабочее дѣло, тѣмъ больше должно было сказаться это недовѣ-

ріе. Очень низкій, сравнительно, уровень теоретической подготовки этихъ новыхъ «интеллигентовъ», самое поверхностное пониманіе классовой борьбы, взглядъ на себя самихъ, какъ на выходцевъ изъ другой среды, и потому постоянное стараніе заставить свою аудиторію забыть объ этомъ, вынужденное подчеркиванье своей эмансипаціи отъ буржуазныхъ взглядовъ—все это очень скоро заставило этихъ интеллигентовъ прибѣгать къ поддѣлыванію подъ тонъ аудиторіи, подъ тѣ мысли, которыя *уже* господствуютъ среди рабочихъ. Они стараются быть служителями пролетаріата, а не его руководителями, не навязывать ему своихъ взглядовъ, а только формулировать *его* собственные взгляды. Къ такимъ интеллигентамъ рабочіе, которымъ приходилось съ ними сталкиваться, чувствовали весьма понятное недовѣріе. Это недовѣріе было подхвачено и обобщено въ положеніе: «освобожденіе рабочихъ есть дѣло самихъ рабочихъ», а потому долой интеллигенцію изъ рабочихъ организацій, изъ рабочихъ газетъ, изъ руководства рабочимъ движеніемъ! Долой «интеллигентскія» идеи о классовой борьбѣ, о политикѣ, о «соціализмѣ». «*Борьба за экономическое положеніе, борьба съ капиталомъ на почвѣ ежедневныхъ насущныхъ интересовъ и стачки, какъ средство этой борьбы* — вотъ девизъ рабочаго движенія» *.

Любопытно, что автору «Поворотнаго пункта» пришлось причислить къ буржуазной интеллигенціи даже всѣхъ сознательныхъ соціальдемократически образованныхъ рабочихъ, самого же себя онъ противопоставляетъ этой интеллигенціи, какъ истиннаго выразителя мнѣній массы. То же самое приходилось дѣлать и всѣмъ новоявленнымъ защитникамъ «чисто рабочаго девиза». «Долой интеллигенцію!» кричатъ они громче всѣхъ, но сами уходить не желаютъ—для нихъ должно быть мѣсто и въ «рабочей» газетѣ, и въ «рабочемъ» комитетѣ. И тутъ и тамъ они опошляютъ рабочую мысль, *возводя въ принципъ* плохо понятое настроеніе средняго рабочаго, и таща назадъ рабочаго уже сознательнаго.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ предполагать, что вся такъ называемая «экономическая», «чисто рабочая» литература является произведеніемъ рабочихъ. Возьмемъ, напримѣръ, «Рабочую Мысль» тотъ же первый номеръ, изъ котораго я уже

*) «Раб Мысль» № 1. Окт. 97 г. передовая статья.

не разъ цитировалъ. Рецензентъ изъ состава новой «экономической» редакціи «Листка Работника» съ удовольствіемъ отмѣчаетъ и цѣликомъ приводитъ одну статью *) изъ этого номера. Петербуржецъ же, для характеристики направленія «Рабочей Мысли», приводитъ вторую статью, которая и по духу, и по содержанію своему рѣзко отличается отъ первой. Какая же изъ нихъ выражаетъ истинное направленіе «Рабочей Мысли»? Я бы сказалъ обѣ: первая выражала направленіе «интеллигентовъ» — гонителей интеллигенціи, вторая являлась выраженіемъ дѣйствительной *рабочей* мысли.

Я не знакомъ съ составомъ редакціи «Раб. Мысли», но со словъ Петербуржца видно, что въ редакціи принимали участіе и интеллигенты. Да и безъ показаній это достаточно явствуетъ изъ вычурнаго, искусственно «упрощеннаго» языка, которымъ написаны нѣкоторыя статьи; такъ писать не можетъ рабочій, такъ пишетъ поддѣлывающійся подъ тонъ рабочаго интеллигентъ. И вотъ, судя по тону, по стилю, я думаю, что не ошибусь, если скажу, что вторая, приведенная у Петербуржца статья написана рабочимъ. Обѣ статьи исходятъ изъ одной общей формулы, что «улучшеніе положенія рабочихъ зависитъ отъ самихъ рабочихъ».

«Живучестью рабочее движеніе обязано тому,—читаемъ мы въ первой статьѣ, — что рабочій самъ берется, наконецъ, за свою судьбу, *вырвавъ ее изъ рукъ руководителей*. Это вполнѣ понятно. До тѣхъ поръ, пока движеніе было лишь средствомъ успокоенія больной совѣсти кающагося интеллигента, оно было чуждо самому рабочему» **). Рабочіе вырвали свою судьбу изъ рукъ руководителей — вотъ самая главная заслуга рабочаго движенія послѣдняго времени по мнѣнію интеллигента-сотрудника «Рабочей Мысли», и вотъ поэтому-то теперь они *должны* устраивать кассы которыя «*будутъ давать въ будущемъ средства прежде всего не для занятій, не для книгъ, а для насущнаго хлѣба во время разгара боя, во время стачекъ*» (курсивъ автора)... «Пусть рабочіе идутъ въ борьбу, зная, что борются, они не для какихъ то будущихъ поколѣній, а для себя, для своихъ дѣтей, пусть помнятъ, что каждая по-

*) «Листокъ Работника» № 9 - 10. Стр. 47—53.

**) «Раб. Мысль», цитируемъ по Листку Работника № 9 — 10, стр. 49.

бѣда, каждая пядь, отбитая у врага, есть пройденная ступень лѣстницы, ведущей къ ихъ собственному благополучію; пусть имѣющіе силы призываютъ слабыхъ къ борьбѣ и строятъ ихъ въ ряды сами, не разсчитывая ни на чью помощь. Побѣда впереди, и только тогда верхъ будетъ одержанъ бойцами, когда девизомъ ихъ будетъ: рабочіе для рабочихъ» *).

Освободившись отъ своихъ прежнихъ руководителей, рабочіе должны также освободиться отъ идеологіи этихъ руководителей, отречься отъ борьбы для будущихъ поколѣній и итти въ тюрьму и ссылку, голодать во время стачекъ, умирать во время усмиренія—и все это во имя немедленнаго улучшенія своего собственнаго благополучія! Только недоучившійся интеллигентъ, вообразившій себя истолкователемъ воли и желаній рабочихъ, могъ приписать рабочимъ эту нелѣпую и пошлую точку зрѣнія.

Ничего подобнаго не встрѣчаемъ мы во второй статьѣ. Да, и тамъ говорится про необходимость самодѣятельности рабочихъ, и тамъ указывается, что «дѣло улучшенія рабочихъ зависитъ отъ нихъ самихъ» **) Но приглашаетъ ли авторъ отказаться отъ руководителей? Ничуть. Авторъ только что приведенной фразы видитъ не противуположность интересовъ рабочихъ съ интересами руководителей—соціаль-демократовъ, а противоположность интересовъ пролетаріата и капиталистовъ. Не объ улучшеніи своего собственнаго положенія говоритъ онъ далѣе, а объ улучшеніи всего класса рабочихъ. «Выдумать такого способа, конечно, нельзя, при помощи котораго каждый изъ рабочихъ могъ бы улучшить свое положеніе, а пока мы будемъ заботиться только о своемъ собственномъ положеніи отдѣльно, можно смѣло сказать, что мы не достигнемъ ничего лучшаго»» ***). Улучшеніе положенія каждаго тѣсно связано съ улучшеніемъ положенія всего класса. «Рабочіе разныхъ заводовъ и фабрикъ составляютъ, такъ сказать, одинъ классъ: разница между нами только та, что одинъ изъ насъ исполняетъ одну, другой другую работу, но всѣ мы обязаны работать съ утра до вечера, всѣ мы подчиняемся общему закону, возложенному на насъ капиталистами

---

*) Тамъ-же стр. 50.

**) «Раб. Мысль» № 1 цитир. по Петербуржцу «Оч. Петерб. раб. движ». Стр. 82.

***) Тамъ-же стр. 83.

и стоящимъ на ихъ сторонѣ правительствомъ... Мы всѣ скованы одною цѣпью произвола, порвать которую мы можемъ только общими силами».

Авторъ, призывая своихъ товарищей къ самодѣятельности, не кричитъ въ то же время «ату его!» всѣмъ руководителямъ. Основная точка зрѣнія всей его статьи сводится къ тому, что безъ иниціативы со стороны самихъ рабочихъ невозможно осуществить руководство и установить прочную связь между руководителями и рабочими. «Причиной нашей разрозненности, — говоритъ онъ, — являются первымъ долгомъ тѣ неудобства, которыя приходится встрѣчать при поддержкѣ связей, при чемъ нельзя не признать *того грустнаго явленія, что мы сами слишкомъ мало заботимся о возстановленіи связей;* но главная причина этого зла заключается въ томъ, что у насъ нѣтъ ничего такого, что представляло бы общій интересъ. Разрозненность эта не остается безслѣдной; ея результатомъ является то, что кружки рабочихъ, потерявши своего руководителя, ищутъ востановленія новыхъ связей черезъ товарищей другихъ заводовъ или фабрикъ; между тѣмъ ихъ можно было бы возобновить черезъ лицо, находящееся только въ другой мастерской. Такъ, мнѣ приходилось встрѣчать организовавшуюся группу товарищей, которая составилась сама по себѣ и не знала, какъ ей примкнуть къ Союзу и получать книги» *).

Не отказываясь отъ руководителей, авторъ далекъ также и отъ того, чтобы суживать задачи рабочаго движенія, опошлять его, какъ это дѣлаетъ авторъ первой статьи. «Многіе изъ насъ,—пишетъ онъ, — и быть можетъ даже большинство рабочихъ, сознаютъ необходимость объединенія и желаютъ его, но слишкомъ мало стараемся перейти отъ слова къ дѣлу, утѣшая себя тѣмъ, что сдѣлать этого у насъ пока нельзя; мы видимъ передъ собой мрачную стѣну монархическаго строя, которая препятствуетъ доступу къ намъ свѣта; мы сознаемъ все неудобство нашего пребыванія во мракѣ, но приступить къ той стѣнѣ не рѣшаемся, видя, какъ отдѣльныя попытки къ этому ведутъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Но вотъ въ томъ то и дѣло, что мы видимъ случаи только отдѣльныхъ попытокъ и принимаемъ результатъ ихъ за общую неизбѣжность. Стѣна современнаго строя крѣпка и произволъ нашего царизма не-

---

*) Тамъ-же, стр. 84.

поборимъ, но непоборимъ только въ томъ случаѣ, когда на это направляются отдѣльныя силы, которыя настолько малы, что падаютъ жертвой произвола. Но дѣло приметъ совсѣмъ иной оборотъ, когда противъ произвола капиталистовъ и правительства будетъ направлена объединенная сила — сила сознанія самостоятельности рабочаго класса, справедливыя требованія котораго должны быть удовлетворены».

Въ противоположность первой статьѣ мы находимъ здѣсь и призывъ къ борьбѣ за будущія поколѣнія: «Историческое положеніе наше, какъ рабочаго класса, — читаемъ мы, — таково, что работая надъ достиженіемъ своего благополучія, мы исполняемъ общественную работу. Мы послѣдній классъ За нами нѣтъ никого. Господство рабочаго класса есть всеобщее господство, или лучше всеобщее равноправіе, и къ достиженію его мы должны стремиться; только тогда мы можемъ сказать, что жили не напрасно, и это подтвердятъ наши дѣти. Чтобы сдѣлать что-нибудь полезное для рабочаго класса, намъ необходимо объединить наши силы, такъ какъ требованія наши будутъ удовлетворены только тогда, когда онѣ будутъ общимъ требованіемъ всего рабочаго класса, а иначе всѣ наши заявленія на принадлежащія намъ права останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ *).

Самый планъ изданія «Рабочей Мысли» авторъ сводитъ не къ эмансипаціи отъ интеллигентовъ, не къ отказу отъ теорій, а къ тому, чтобы выполнить ту-же задачу, которую ставила себѣ группа «Освобожденія Труда», приступая къ изданію «Работника», т. е. дать возможность самимъ рабочимъ обсуждать свои нужды и выражать свои стремленія. При этомъ авторъ вовсе не намѣренъ отказываться, подобно Плеханову, написавшему предисловіе къ «Работнику», отъ руководства. «Рабочая Мысль»,—говоритъ онъ,—будетъ отражать жизнь рабочихъ въ ея настоящемъ свѣтѣ, *будетъ способствовать пробужденію въ нихъ интереса къ окружающему*, выражая ихъ нужды и клеймя словами презрѣнія и насмѣшки нашу опричину» **).

Мы нарочно остановились подробнѣй на этихъ двухъ статьяхъ перваго номера «Рабочей Мысли», чтобы показать, насколько невѣрно обычное представленіе, будто «Рабочая

*) Тамъ-же стр. 84—85.
**) Тамъ же стр. 85.

Мысль» возникла какъ бы въ пику соціальдемократической дѣятельности «Союза Борьбы», и будто задачей ея организаторовъ было противопоставить политической агитаціи «Союза» экономическую агитацію самихъ рабочихъ. Этой цѣли организаторы не ставили. Приведемъ словами Петербуржца исторію возникновенія «Рабочей Мысли».

«Послѣдняя возникла не сразу. Еще въ началѣ 1896 г. одинъ кружокъ рабочихъ замышлялъ издавать свою рабочую газету. И рабочій, ставшій впослѣдствіи однимъ изъ основателей и главнѣйшимъ сотрудникомъ «Р. М.», принадлежалъ именно къ этому кружку. Я не знаю, что помѣшало этому кружку рабочихъ завести свою газету хотя бы весною 1896 г. Быть можетъ, недостатокъ силъ. Быть можетъ, надежды на изданія Союза; я не знаю. Впрочемъ, косвеннымъ подтвержденіемъ такой догадки можетъ служить то обстоятельство, что въ архивѣ Петербургскаго Союза того времени мы могли бы найти нѣсколько рукописей сказаннаго рабочаго, писанныхъ имъ еще осенью 1896 г. и переданныхъ имъ въ Союзъ для напечатанія. Рукописи эти не были напечатаны Союзомъ, главнымъ образомъ, по недостатку для того у Союза техническихъ средствъ.

«Въ началѣ февраля 1897 г. Союзъ выпустилъ первый и можно сказать единственный номеръ своей газеты «Петербургскій Рабочій Листокъ» (помѣченный январемъ 1897 г.). Въ немъ были, между прочимъ, помѣщены корреспонденціи двухъ работницъ. Происшедшій вскорѣ послѣ выпуска перваго номера «Листка» провалъ лишилъ Союзъ силъ и средствъ для продолженія этого изданія, а рабочихъ лишилъ послѣдней надежды видѣть свои рукописи напечатанными. Такимъ образомъ давно сознаваемая потребность въ заведеніи своей собственной газеты получила въ глазахъ петербургскихъ рабочихъ новое основаніе.

«Первый номеръ «Рабочей Мысли» появился въ октябрѣ 1897 года. Даже трафаретъ и мимеографъ для напечатанія «Рабочей Мысли» были собственноручно приготовлены самими рабочими *).

«Десятки лѣтъ русскіе соціалисты,—говоритъ по этому поводу Акимовъ,—пытались разбудить мысль рабочаго. И со времени Халтурина она пыталась вырваться, вылиться въ

*) „Оч. петерб. раб. движ." стр. 73.

рѣчь, проявиться въ рабочей газетѣ. Долго, долго не удавалось ей это въ тискахъ самодержавнаго политическаго строя. Наконецъ, въ двухъ концахъ Россіи—въ Вильнѣ и въ Петербургѣ—въ одинъ и тотъ же годъ рабочимъ удалось создать свои газеты: «Рабочій Голосъ» и «Рабочую Мысль». Еврейскіе интеллигенты-соціаль-демократы вняли *голосу рабочаго* поддержали, сдѣлали громкимъ, сильнымъ и славнымъ. Но какъ разъ ортодоксальное теченіе «революціонныхъ» соціальдемократовъ осмѣяло, осудило *Петербургскую рабочую мысль*!— Да она таки дѣйствительно была не ученою, не гибкою, не тонкою мыслью! Тѣмъ болѣе радостно, что все же нашлись въ Петербургѣ соціаль-демкраты «экономисты», которые поддержали ее, отдались ей на служеніе! Зачтутся имъ за это всѣ ихъ невольныя ошибки, которыя дѣлали они при этомъ на ихъ трудномъ пути» *).

Акимовъ жалуется, что революціонная соціаль-демократія осудила, осмѣяла рабочую мысль безъ кавычекъ. Гдѣ же и когда она это дѣлала? Зачѣмъ фальсифицировать? Всѣ тѣ статьи въ этой газетѣ, которыя осмѣливались и осуждались менѣе всего были рабочей мыслью. Эти статьи писались тѣми «экономистами», которые выступали отъ имени рабочихъ, не зная ихъ или зная слишкомъ поверхностно, и подъ флагомъ рабочей мысли выпускали свои собственныя мелко-мѣщанскія, пошленькія мыслишки о борьбѣ за собственное благополучіе, о пятакѣ, какъ о высшемъ идеалѣ земного существованія. Рабочіе менѣе всего были повинны въ такихъ мысляхъ, и это видно изъ тѣхъ корреспонденцій и статей, которыя несомнѣнно были написаны рабочими.

Въ то время, когда интеллигенты писали о томъ, что наука, теоріи, идеи—достояніе меньшинства, у рабочихъ же никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ «экономическихъ» не имѣется, сами рабочіе въ той же газетѣ отмѣчали свою борьбу за эти идеи, за эту науку. Вотъ что разсказываетъ одинъ изъ корреспондентовъ, несомнѣнно рабочій:

«Въ вечернихъ классахъ рабочіе перваго курса заявили преподавателю, что они русскую исторію слушать не желаютъ. Сначала это выразилъ одинъ изъ нихъ, говоря, что слушать о войнахъ, да величіи царей не интересно. Лекторъ отвѣтилъ, что кто не желаетъ, тотъ можетъ уходить. Но ка-

*) Акимовъ. „Оч. разв. с.-д-іи въ Россіи" стр. 76.

кого было его удивленіе, когда рабочіе ученики одинъ за другимъ стали направляться къ выходу. 8 человѣкъ уже ушли, когда онъ сталъ просить остаться и объяснить, чего они хотятъ. Всѣ предложили исторію культуры. «Нельзя» былъ отвѣтъ. «Исторію Европы и географію?». «Не могу, мнѣ не приказано». Согласились, наконецъ, на русскомъ языкѣ и исторіи хозяйственнаго развитія Россіи» *).

Въ цѣломъ рядѣ писемъ жалуются рабочіе какъ на недостаточное количество «недозволенныхъ» книгъ, такъ и на ихъ однообразіе. «Одну прочтешь, то другую читать неинтересно». Что же отвѣчаютъ на это редактора? Что книги сочиняются интеллигенціей, а она де плохо знаетъ потребности и обстановку рабочихъ, но что если рабочіе будутъ описывать «болѣе значительные случаи на ихъ фабрикахъ»; то книги станутъ болѣе интересными. Рабочіе только что указывали, какую борьбу приходится вести имъ въ воскресныхъ школахъ за то, чтобы вмѣсто исторіи царей имъ давали настоящую науку. Но воскресная школа, гдѣ занятія ведутся подъ строгимъ контролемъ попа и пристава, науки дать не можетъ, не могутъ ея дать и доступныя рабочимъ, прошедшія черезъ цензуру легальныя книжки. И вотъ, въ поискахъ за этой наукой рабочіе обращаются въ «свою» редакцію, къ представителямъ своей «Рабочей Мысли». Но интеллигентные выразители ея продолжаютъ пребывать въ глубокой увѣренности, что рабочіе другими вопросами, кромѣ тѣхъ, которые тѣсно связаны съ ихъ фабричнымъ бытомъ, интересоваться не могутъ; и вотъ редакція «Рабочей Мысли» заявляетъ, что будетъ охотно издавать, а также печатать статьи, брошюры и проч. во 1-хъ о томъ, какъ вести *экономическую борьбу*, устраивать кассы, союзы, стачки и т. д., во 2-хъ о томъ, какъ боролись и борятся иностранные рабочіе за лучшую долю и въ 3-хъ статьи теоретическаго характера, разъясняющія основныя положенія политической экономіи и проч., въ родѣ брошюръ: «Кто чѣмъ живетъ», «Что долженъ знать и помнить каждый рабочій», «Рабочій день», «О штрафахъ» 1-ое изд. и «Какъ бельгійскіе рабочіе боролись за свободу *).

Всѣ эти брошюры сами по себѣ безспорно хороши, но развѣ не о нихъ писали рабочіе, что онѣ однообразны, и

*) «Раб. М.» № 2. Письмо рабочаго съ А. И. з.
**) «Раб. Мысль» № 3. Іюнь 98 г.

если прочтешь одну, то не захочешь другой. И дѣйствительно, отмѣченный «Рабочей Мыслью» списокъ желательныхъ изданій касается лишь одной стороны вопроса и совершенно не отвѣчаетъ на тѣ стремленія, которыя уже зародились и за которыя *уже начали бороться* рабочіе. Вотъ эти то тенденціи интеллигентныхъ опошлителей рабочей мысли, тенденціи, стремящіяся сузить рамки рабочаго движенія и осуждала революціонная соціальдемократія. Проявленіе же дѣйствительной рабочей мысли, поскольку она, вопреки стараніямъ редакціи, все же пробивалась на страницахъ упомянутой газеты, революціонная соціаль-демократія, наоборотъ, горячо привѣтствовала.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь прочесть искренно и тепло написанную представительницей группы Освоб. Труда—Вѣрой Засуличъ рецензію по поводу второго номера «Рабочей Мысли». «Пожелаемъ же еще разъ,—читаемъ мы въ этой рецензіи,—возможно болѣе широкаго развитія той чисто рабочей литературы, образчики которой мы видѣли въ Борьбѣ» *) и «Рабочей Мысли». Между прочимъ она будетъ полезна уже тѣмъ, что, заинтересовавъ русское общество, познакомивъ его съ истинной физіономіей новаго борца, выступающаго на то поле, на которомъ, не дожидавшись его, уже погибло столько русскихъ людей, слишкомъ нетерпѣливо рвавшихся къ жизни **).

«Если бы разсказы о стачкахъ,—говорится въ другомъ мѣстѣ этой статьи, — составлялись ихъ участниками, умѣющими писать такъ же хорошо, какъ корреспондентъ «Борьбы», въ ихъ описаніяхъ каждая стачка имѣла бы свой особенный характеръ, именно потому, что авторы передавали бы намъ не одни факты, а свои собственныя впечатлѣнія отъ фактовъ. Такія корресподенціи знакомили бы насъ не только съ общимъ ходомъ борьбы, но также и съ умственной и нравственной физіономіей борцовъ» ***).

Осмѣивая и осуждая «интеллигентскія» quasi-научныя статьи № 4 «Рабочей Мысли», другой сотрудникъ группы Освобожденія Труда—Кольцовъ, заканчиваетъ свою рецензію слѣдующими словами: «Если мы скажемъ, что послѣ этихъ

---

*) Вѣра Засуличъ по ошибкѣ сочла вторую часть 2-го № «Раб. Мысли» за особую газету «Борьба», см. объ этомъ въ № 3 «Р. М.» Іюль 1898 г. «Къ свѣдѣнію В. Засуличъ».

**) «Листокъ Работника» № 7. Апрѣль 1898 г. стр. 21.

***) Тамъ же стр. 19.

писаній господъ изъ «интеллигенціи» отдыхаешь душой при чтеніи безхитростныхъ и безыскусственныхъ корреспонденцій, писанныхъ рабочими, то, надѣемся, никто не увидитъ въ этомъ заигрыванья съ представителями ручного труда, науськиванія на представителей умственнаго труда. Мы воздаемъ лишь каждому свое и, повторяя уже высказанную мысль, что русскій рабочій можетъ и долженъ итти рядомъ съ революціонной интеллигенціей, мы пожелаемъ только, чтобы среди этой интеллигенціи было поменьше родственниковъ Митрофана Простакова» *).

Изъ этихъ двухъ рецензій Акимовъ долженъ былъ бы видѣть, что высмѣивались революціонной соціаль-демократіей мысли отнюдь не рабочихъ, а только тѣхъ «интеллигентовъ», которые, присвоивъ себѣ монополію быть единственными вѣрными толкователями этой мысли, искажали ее до неузнаваемости и фальсифицировали примѣсью своихъ, повторяю, мелкобуржуазныхъ мыслишекъ. Высмѣивались какъ разъ тѣ герои-«экономисты», которые по мнѣнію Акимова, за свои услуги рабочей мысли заслужили себѣ полнаго отпущенія грѣховъ и царствія небеснаго.

Отпущеніе грѣховъ они дѣйствительно получили. Но отъ кого? Отъ той буржуазіи, которая готова была примириться съ *подобнаго рода* рабочимъ движеніемъ и даже примкнуть къ нему. Любопытно, что какъ разъ въ то время, когда среди русскихъ практиковъ начинаютъ пріобрѣтать господство идеи интеллигентныхъ руководителей «Рабочей Мысли», начинаетъ сбываться и пожеланіе Аксельрода, чтобы «теперешнее, далеко не лестное мнѣніе образованныхъ людей о нашихъ рабочихъ» уступило бы «мѣсто сочувствію и уваженію къ нимъ». Тогда «вмѣстѣ съ увеличеніемъ рабочихъ кружковъ и объединеніемъ ихъ въ одинъ союзъ будетъ расти и готовность революціонеровъ изъ другихъ классовъ не только помогать дѣлу этихъ кружковъ, но и вступать въ нихъ членами» **)

Но вопреки ожиданію Аксельрода, это сочувствіе рабочіе пріобрѣли не потому, что они вступили на путь борьбы за общенаціональную цѣль сверженія самодержавія, а потому,

---

*) „Работникъ“ № 5—6. Женева. 1899. ст. „Рабочіе и интеллигенція“ стр. 138.

**) „Зад. раб. интеллигенціи“ стр. 15—16.

что ихъ именующіе себя соціаль-демократами руководители тщательно препятствовали рабочимъ вступить въ *самостоятельную* политическую борьбу. Дѣйствительно, буржуазная интеллигенція съ готовностью стала содѣйствовать такой соціаль-демократіи, и не только содѣйствовать, но и вступать въ ея организаціи. Пока наше движеніе носило рѣзко классовой характеръ, пока соціаль-демократы-практики, призывая пролетаріатъ на политическую борьбу, въ то же время подчеркивали (какъ это дѣлалось, напримѣръ, въ спорахъ съ народоправцами) необходимость для него вести эту борьбу изолированно отъ буржуазіи, и лишь координировать ее съ тѣмъ, либо инымъ оппозиціоннымъ теченіемъ среди той или иной части буржуазіи, до тѣхъ поръ революціонеры другихъ классовъ и сословій были враждебно настроены противъ соціаль-демократіи.

Буржуазная интеллигенція почти совсѣмъ не выдѣляла изъ своей среды соціаль-демократовъ, а предпочитала группироваться вокругъ преслѣдующей исключительно «общенаціональную», а не «узко-классовую» цѣль партіи «Народнаго Права».

Теперь картина рѣзко мѣняется. «Народное Право», не сумѣвъ повлечь за собой рабочихъ, исчезаетъ съ революціонной арены, а члены этой партіи *почти всѣ* переходятъ въ ряды соціаль-демократіи. Гора не пошла къ Магомету, и Магометъ пошелъ къ горѣ, но пошелъ онъ къ ней со всѣми своими старыми идеями, со всей своей классовой психологіей. И эту психологію стали навязывать рабочимъ, убѣждая ихъ, что это ихъ собственная «рабочая» психологія, ихъ собственная «рабочая» мысль. Идея о *междуклассовомъ положеніи нашей интеллигенціи*, которая въ теченіи 15-ти лѣтъ проводилась группой Освобожденія Труда, благодаря затушевываніямъ классовыхъ противорѣчій въ рядахъ этой самой интеллигенціи и увѣреніямъ, будьто вся она стремится къ одной и той же революціонной цѣли, что вся она «антикапиталистически настроена», *) что даже свободомыслящіе слои землевладѣльческаго сословія» могутъ заключить союзъ «съ организованнымъ авангардомъ этого (рабочаго) класса»—все это могло только помочь этимъ буржуазнымъ выходцамъ навязать

*) См. Аксельрода „Исторія положенія и т. д," „Работникъ" № 5—6, стр. 60.

рабочимъ свою идею и замѣнить ею идею революціонной соціаль-демократіи.

«Есть полное основаніе опасаться,—писаль Аксельродъ,— что дальнѣйшее развитіе стачечнаго движенія можетъ отразиться временнымъ истощеніемъ нашихъ силъ и повлечь за собой періодъ разочарованія и реакціи въ рядахъ нашихъ и самой народной массы. *Только постоянно возрастающій притокъ новыхъ силъ изъ интеллигенціи и сочувствіе нашему движенію со стороны прогрессивныхъ слоевъ высшихъ классовъ вообще могли бы обезпечить насъ противъ такой тягостной перспективы.* А для созданія себѣ такой опоры въ этихъ классахъ мы должны всею своей практической дѣятельностью, включая и сферу чисто экономической борьбы, наглядно и неустанно обнаруживать обще-демократическія задачи нашего движенія и такимъ путемъ популяризировать общенаціональное революціонное его значеніе для современной Россіи» *)

Такъ поступали старые соціальдемократы-практики, та же мысль проведена и въ Манифестѣ 1-го съѣзда, выражавшемъ настроеніе всѣхъ первыхъ русскихъ соціаль-демократовъ,—и что же, какъ отнеслась къ такого рода дѣятельности «интеллигенція?» Она чуралась соціаль-демократіи, обвиняла ее въ измѣнѣ «наслѣдственнымъ традиціямъ» и чуть ли не въ прислужничествѣ правительству. Но когда это революціонное настроеніе соціаль-демократіи уступило мѣсто «одностороннему развитію стачечнаго движенія», когда въ рядахъ экономистовъ поднялась травля революціонной соціальдемократіи, тогда «прогрессивные слои высшихъ классовъ» стали аплодировать соціаль-демократіи и заполнять ея ряды.

Ошибка Аксельрода заключалась въ томъ, что онъ не понялъ общественной ситуаціи въ тогдашней Россіи. Въ 98 году онъ воображалъ, что прогрессивные слои нашей буржуазіи, думаютъ такъ же, какъ они думали въ 80-мъ году, что они одинаково сочувственно отнесутся къ революціонному движенію *сознательнаго пролетаріата*, какъ когда-то они относились къ революціоннымъ попыткамъ *интеллигентныхъ заговорщиковъ*. Тогда буржуазія отлично понимала, что успѣхъ революціи при *безсознательности* народа означалъ не что иное, какъ переходъ власти всецѣло

---

*) „Къ вопр. о совр зап. и тактикѣ русск. соц.-демокр.“ стр. 27

въ ея руки, теперь же, какъ говорится, бабушка еще надвое сказала, чѣмъ можетъ кончиться революція. Не лучше ли поэтому обойтись безъ революціи и ограничиться медленными уступками со стороны самодержавія, т. е. такими реформами, которыя не шли бы дальше удовлетворенія дѣйствительныхъ *классовыхъ* нуждъ буржуазіи, нимало не заботясь о томъ, совпадаютъ ли онѣ съ нуждами «общенаціональными».

Этого происшедшаго за 80-ые и 90-ые годы *фактическаго* примиренія «прогрессивной» буржуазіи съ реформированнымъ въ ея вкусѣ самодержавіемъ и ея увѣренности, что для проведенія нужныхъ ей реформъ менѣе всего пригодно сознательное политическое выступленіе пролетаріата, Аксельродъ не замѣтилъ. «Двѣ перспективы рисуются мнѣ въ недалекомъ будущемъ,—говоритъ онъ: рабочее движеніе не выходитъ изъ тѣснаго русла чисто экономическихъ столкновеній рабочихъ съ предпринимателями и само по себѣ въ цѣломъ лишено политическаго характера. Въ борьбѣ же за политическую свободу передовые слои пролетаріата идутъ за революціонными кружками или фракціями изъ такъ-называемой интеллигенціи. Словомъ, освободительное движеніе идетъ если не совсѣмъ, то въ одномъ очень важномъ отношеніи, тѣмъ же путемъ, какъ и на западѣ въ давнопрошедшія времена, когда и тамъ еще господствовалъ монархически-чиновничій произволъ: рабочія массы не играютъ въ немъ самостоятельной революціонной роли, онѣ идутъ за буржуазной интеллигенціей и сражаются за свободу не подъ собственнымъ знаменемъ, а подъ чужимъ.

«Другая перспектива: социаль-демократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу, *частью рядомъ и въ союзѣ* съ буржуазными революціонными фракціями (поскольку таковыя будутъ въ наличности), а частью же, *привлекая въ свои ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенціи»* *)

Не считаясь съ дѣйствительными условіями русской жизни, Аксельродъ не могъ себѣ представить третьяго пути, по которому въ дѣйствительности и пошла наша партія. Могучее рабочее движеніе, хотя и выразившееся въ чисто экономи-

---

*) „Къ вопр. о совр. зад. и т. д." стр. 19—20.

ческихъ столкновеніяхъ съ предпринимателями, приняло, благодаря слишкомъ уже очевидной тѣсной связи между этими предпринимателями и правительствомъ, сразу вполнѣ опредѣленный политическій характеръ. Этотъ политическій характеръ наглядно проявился въ петербургскихъ массовыхъ стачкахъ, окончившихся побѣдой 2-го іюня 1897 года. Одержанная пролетаріатомъ политическая побѣда привлекла въ *его ряды* всѣ «народолюбивые» элементы буржуазной интеллигенціи, которая, дѣйствуя уже *въ рядахъ рабочей партіи*, а не внѣ ея, стала пытаться повести рабочихъ по тому пути, который былъ наиболѣе выгоденъ ей, этой «народолюбивой буржуазной интеллигенціи, т. е. по пути, который несомнѣнно долженъ былъ повлечь рабочее движеніе къ финалу, рисуемому Аксельродомъ въ его первой перспективѣ. Вотъ этой третьей перспективы и не могъ себѣ представить Аксельродъ, живя за границей и черпая извѣстія о Россіи изъ подцензурныхъ газетъ, а на дѣлѣ какъ разъ именно эта переспектива и начала осуществляться.

Вся бѣда нашей партіи въ то время и заключалась въ томъ, что она впитала въ себя слишкомъ большую дозу буржуазной интеллигенціи, настолько большую, что у этой интеллигенціи надолго исчезла потребность организоваться отдѣльно въ свои собственные буржуазно-революціонные кружки или фракціи. Соціаль-демократія того времени свела на нѣтъ всѣ остальныя революціонно-оппозиціонныя организаціи; и это неминуемо должно было отозваться какъ на ея тактикѣ, такъ и на самой теоріи русскихъ марксистовъ. Легальные марксисты, къ великой радости обломковъ народничества, камня на камнѣ не оставили отъ научнаго соціализма, отъ теоріи революціоннаго марксизма, а нелегальные руководители «Рабочей Мысли» употребляли всѣ усилія, чтобы вытравить въ умахъ рабочихъ послѣдніе слѣды революціонной соціаль-демократіи и направить ихъ на путь трэдъ-юніонизма.

И эту обезвреженную соціальдемократію привѣтствовала вся интеллигентская буржуазія; теперь соціаль-демократія стала пользоваться «уваженіемъ и сочувствіемъ» всѣхъ «образованныхъ людей». Но могъ ли этому радоваться Аксельродъ? Конечно, нѣтъ. Вѣдь онъ надѣялся, что эти «образованные люди», «народолюбивые интеллигенты», дѣйствительно революціонны, что они еще не успѣли проникнуться «буржуазнымъ духомъ», что они дѣйствительно стремятся къ «общенаціо-

пальной цѣли» сверженія абсолютизма, а не къ «узко-классовой» задачѣ кастрировать во чтобы то ни стало рабочее движеніе, хотя бы цѣною отказа отъ своей чисто буржуазной самостоятельной политической организаціи и полнаго подчиненія пролетарской партіи.

IX.

«Марксизмъ нетерпимый, марксизмъ отрицающій, марксизмъ примитивный *(пользующійся слишкомъ схематическимъ представленіемъ классового дѣленія общества)* уступитъ мѣсто марксизму демократическому, и общественное положеніе партіи въ нѣдрахъ современнаго общества должно рѣзко измѣниться. Партія признаетъ общество, ея *узко-корпоративныя*, въ большинствѣ случаевъ сектантскія задачи расширяются до задачъ общественныхъ, и ея стремленіе къ захвату власти преобразуется въ стремленіе къ измѣненію, реформированію современнаго общества въ демократическомъ направленіи, приспособительно къ современному положенію вещей съ цѣлью наиболѣе удачной, наиболѣе полной защиты правъ (всяческихъ) трудящихся классовъ» *).

Такъ рисуется автору знаменитаго «Credo» будущее развитіе соціальдемократическихъ партій въ Западной Европѣ. Если мы вчитаемся во всѣ тактическія статьи Аксельрода, то увидимъ, что авторы «Credo» не выдумали ничего новаго: такъ именно и должны были по мнѣнію Аксельрода поступать *русскіе* марксисты, стремящіеся осуществить общенаціональную революціонную задачу. Онъ обвинялъ ихъ въ узкой нетерпимости по отношенію къ обществу въ томъ, что они на всю буржуазію смотрятъ, какъ на одну сплошную реакціонную массу, и убѣждалъ, что главная задача ихъ — это вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ добить партію «кнута и палки» и такимъ образомъ сообща достигнуть «общенаціональной» цѣли, и что рабочая организація нужна для ближайшей общедемократической цѣли», «для обезпеченія успѣха въ борьбѣ противъ современнаго государства за интересы трудящагося класса».

---

*) Vademecum» Для ред. «Раб. Дѣла». «Протестъ», стр. 4. Курсивъ мой.

По, въ противоположность автору «Credo», всегда и всюду Аксельродъ спѣшилъ оговариваться, что такое положеніе русскіе соціаль-демократы должны занять, благодаря совершенно особымъ условіямъ общественныхъ отношеній у насъ въ Россіи, благодаря тому, что Россія еще не вышла изъ періода первоначальнаго накопленія, и въ ней еще не создались политически господствующіе классы. Говоря о западно-европейскомъ рабочемъ движеніи и о *будущемъ*, послѣ конституціонномъ русскомъ движеніи онъ не сомнѣвается въ необходимости для него чисто классового характера. Авторъ же «Credo» Аксельродовскую схему борьбы распространяетъ на все рабочее движеніе отъ начала до конца, что объясняется его полнымъ невѣжествомъ въ исторіи западно-европейскихъ революцій вообще и рабочаго движенія въ частности Но во всемъ, что касается дѣятельности русскихъ марксистовъ, они буквально повторяютъ мысли, уже 15 лѣтъ пропагандируемыя группой Освобожденія Труда. «Забывъ, что на Западѣ рабочій классъ выступилъ уже на расчищенное политическое поле дѣятельности,—говорятъ они,—наши марксисты болѣе, чѣмъ нужно относятся съ презрѣніемъ къ радикально или либерально-оппозиціонной дѣятельности всѣхъ другихъ нерабочихъ слоевъ общества. Малѣйшая попытка сосредоточить вниманіе на общественныхъ проявленіяхъ либерально-политическаго свойства вызываетъ протестъ ортодоксальныхъ марксистовъ, забывающихъ, что цѣлый рядъ историческихъ условій мѣшаетъ намъ быть марксистами Запада и требуетъ отъ насъ иного марксизма, умѣстнаго и нужнаго въ русскихъ условіяхъ... Если классовая схема помѣшаетъ дѣятельному участію русскаго интеллигента въ жизни и отодвинетъ его слишкомъ далеко отъ оппозиціонныхъ круговъ — это будетъ существенный ущербъ для всѣхъ, кто вынужденъ бороться за правовыя формы не объ руку съ рабочимъ классомъ, еще не выдвинувшимъ политическихъ задачъ» *).

Все, что говорится здѣсь, повторяю, не разъ говорилъ въ своихъ статьяхъ и Аксельродъ. Но Аксельродъ говорилъ это изъ *тактическихъ* соображеній, чтобы, съ одной стороны, привлечь на сторону рабочаго движенію «буржуазную» интеллигенцію, а съ другой, чтобы направить рабочую массу по революціонному пути. Исходнымъ пунктомъ его тактиче-

*) «Vademecum», «Протестъ», стр. 5—6.

скаго плана служила мысль, что революцію въ Россіи можетъ совершить *только* рабочій классъ, но совершитъ онъ ее тогда, когда *буржуазной интеллигенціи*, этой «революціонной бациллѣ», этому «ферменту» *удастся оплодотворить стихійное рабочее движеніе сознаніемъ необходимости революціонной борьбы*. Авторъ «Credo» въ революціонное будущее русскаго рабочаго класса не вѣритъ, не вѣритъ, слѣдовательно, и въ возможность самой революціи.

«Линія наименьшаго сопротивленія у насъ, говоритъ онъ,— никогда не будетъ направлена въ сторону политической дѣятельности. Невозможный политическій гнетъ заставитъ много говорить о немъ, именно на этомъ вопросѣ сосредоточивать вниманіе, но *никогда не заставитъ онъ практически дѣйствовать*. Если на Западѣ слабыя силы рабочихъ, будучи вовлечены въ политическую дѣятельность, окрѣпли на ней и сформировались, у насъ слабыя силы эти, наоборотъ, стоятъ передъ стѣной политическаго гнета и не только не имѣютъ практическихъ путей для борьбы съ нимъ, а, слѣдовательно, и для всего развитія, но даже систематически душатся ими и не могутъ пускать даже слабыхъ ростковъ. Если прибавить къ этому, что рабочій классъ нашъ не получилъ въ наслѣдіе того организаціоннаго духа, какимъ отличались борцы на западѣ, то картина получится удручающая и способная повергнуть въ уныніе самаго оптимистическаго марксиста... Разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву».

Какъ извѣстно, «Credo», впервые было опубликовано вмѣстѣ съ протестомъ противъ него, составленнымъ на собраніи 17 человѣкъ ссыльныхъ соціаль-демократовъ. «Такъ какъ «Искра» совершенно исказила историческую оцѣнку «Credo», —говоритъ по этому поводу Акимовъ,—то будетъ не безполезно отмѣтить его исторію. Нѣсколько частныхъ лицъ (кажется четыре) случайно сошлись въ редакціи одного петербургскаго журнала. Въ разговорѣ нѣкто N. высказалъ мысль, которую я выше привелъ (что рабочій классъ не въ силахъ низвергнуть самодержавіе, онъ призывалъ соціалистовъ примкнуть въ дѣлѣ ихъ борьбы съ самодержавіемъ не къ рабочему классу, а къ «интеллигенціи»). Присутствующіе нашли эту мысль ошибочной и просили говорившаго формулировать ее письменно, что тотъ и исполнилъ. Одинъ изъ нашихъ то-

варищей по партіи, въ руки котораго попала эта записка, снабдилъ ее громкимъ именемъ «Credo» и послалъ своимъ знакомымъ. Тѣ, собравшись въ числѣ 17-ти рѣзко раскритиковали это «Credo» *).

Далѣе, Акимовъ утверждаетъ, что «Credo» отнюдь не являлось символомъ вѣры какой бы то ни было группы, а тѣмъ болѣе всего «экономическаго направленія». «Авторъ Credo,— говоритъ онъ,—никогда ни къ одной дѣйствующей въ Россіи соціальдемократической организаціи не принадлежалъ. Онъ бывшій народоправецъ. Правда, онъ былъ одно время членомъ *стараго* союза за границей» **).

Прежде всего, Акимовъ невѣрно приводитъ основную мысль автора «Credo». Еслибы онъ приглашалъ только «интеллигентныхъ» соціалистовъ примкнуть въ борьбѣ съ самодержавіемъ не къ рабочему классу, а къ «интеллигенціи», то это было бы зло еще не такъ большой руки и не могло бы служить достаточнымъ поводомъ для протеста, для всей той бучи, которую затѣяли 17 ссыльныхъ—старыхъ практиковъ. Подобная точка зрѣнія и до того высказывалась народоправцами: соціальдемократы спорили съ ними, доказывали нелѣпость ихъ надеждъ на интеллигенцію, но въ то же время считали въ порядкѣ вещей, что объединившаяся подъ знаменемъ «Народнаго Права» *буржуазная* интеллигенція иначе разсуждать не можетъ, что разсужденіе это вполнѣ отвѣчало классовымъ интересамъ буржуазіи.

Но когда «бывшій народоправецъ», называясь марксистомъ, и считая себя членомъ соціальдемократической партіи, говоритъ, что нелѣпо «разсуждать о самостоятельной рабочей *политической* партіи, и въ то же время считаетъ, что «для русскаго марксиста исходъ одинъ: участіе, т. е. помощь экономической борьбѣ пролетаріата и участіе въ либерально-оппозиціонной дѣятельности» ***), то тутъ уже получается нѣчто совершенно иное. Мысль автора «Credo» сводится уже не къ тому, чтобы «соціалисты-интеллигенты»

---

*) «Оч. разв. соц. дем. въ Россіи», стр. 51. Примѣчаніе.

**) Тамъ же, стр. та же. Г-жа Е. Кускова, единственный, по ея словамъ, авторъ Credo, въ журналѣ «Былое» въ общихъ чертахъ подтверждаетъ разсказанную Акимовымъ исторію происхожденія этого документа. См. ея статью «Ф. Днъ. Изъ исторіи раб движенія и т. д.» Былое № 10. стр. 325—326, въ примѣчаніи.

***) «Vademekum», стр. 5.

шли бороться за политическую свободу въ чисто интеллигентскія фракціи, а чтобы они, *оставаясь въ рядахъ рабочей партіи*, старались не допускать эту партію за предѣлы экономической борьбы пролетаріата. Другими словами, интеллигенты-марксисты, организуя экономическую борьбу пролетаріата, не должны допускать его до созданія чуждой русскимъ условіямъ «самостоятельной рабочей *политической* партіи». Авторъ «Credo» вовсе не думаетъ, что русскимъ рабочимъ не придется вести политической борьбы; по словамъ Акимова, онъ былъ крайнимъ политикомъ. *) «Трудна, безконечно трудна и экономическая борьба,—говоритъ авторъ Credo, —но она возможна, *она, наконецъ, практикуется самими массами*. Пріучаясь въ этой борьбѣ къ организаціи *поминутно наталкиваясь въ ней на политическій режимъ*, русскій рабочій создаетъ, наконецъ, то, что можно назвать формой рабочаго движенія». Отъ борьбы рабочихъ не избавишься; рабочій классъ у насъ существуетъ, и какъ бы не относились къ этому «интеллигенты», сами массы уже начали экономическую борьбу; эта борьба при русскихъ условіяхъ неизбѣжно сталкиваетъ ихъ съ политическимъ режимомъ. Рабочія массы, воспитанныя экономической борьбой въ классовомъ духѣ могутъ и эту вынужденную борьбу съ политическимъ режимомъ повести въ классовомъ же духѣ, создать классовую форму политическаго движенія. Вотъ этого то необходимо избѣжать. До сихъ поръ русскіе соціаль-демократы «относились съ презрѣніемъ къ радикально и либерально-оппозиціонной дѣятельности всѣхъ другихъ не-рабочихъ слоевъ общества, «какъ «отрицатель» русскій марксистъ пришелъ очень рано» и тѣмъ содѣйствовалъ классовому характеру будущей политической борьбы рабочихъ. Нужно въ этомъ смыслѣ измѣнить тактику; нужно *воспитать* рабочихъ такъ, чтобы они въ либерально-оппозиціонной дѣятельности не-рабочихъ слоевъ общества видѣли защиту своихъ интересовъ. Революція у расъ немыслима, но о революціи и не думаютъ эти либерально-оппозиціонные слои общества; идею о захватѣ власти «приспособительно къ современному положенію вещей»,

---

*) „Что касается принципіальнаго отказа экономистовъ отъ политической борьбы"—говоритъ г-жа Кускова,—то эта нехорошая неправда принадлежитъ къ числу тѣхъ политическихъ пріемовъ, которые такъ сильно компрометируютъ с. д. партію» (Былое № 10. стр. *326)*.

они преобразовали уже въ идею о мирномъ измѣненіи, реформированіи современнаго строя. Къ этому же мирному развитію нужно готовить и рабочихъ. Вотъ дѣйствительный смыслъ «Credo».

Все значеніе «Credo» заключалось въ томъ, что оно являлось выраженіемъ истинныхъ, хотя и плохо сознаваемыхъ желаній и стремленій тѣхъ непролетарскихъ элементовъ, которые широкой волной нахлынули въ ряды нашей партіи. Чуткость старыхъ соціальдемократовъ-практиковъ подсказала имъ всю опасность этихъ стремленій для пролетарскаго движенія.

«Мы не знаемъ, — говорятъ авторы «Протеста», — много ли найдется русскихъ соціаль-демократовъ, раздѣляющихъ эти воззрѣнія. Но несомнѣнно, что вообще идеи этого рода имѣютъ сторонниковъ, и потому-то мы считаемъ себя обязанными категорически протестовать противъ подобныхъ воззрѣній и предостеречь всѣхъ товарищей отъ грозящаго совращенія русской соціаль-демократіи отъ намѣченнаго уже ею пути, именно: образованія самостоятельной политической рабочей партіи, неотдѣлимой отъ классовой борьбы пролетаріата и ставящей своей ближайшей задачей завоеваніе политической свободы» *).

«Рабочее Дѣло», перепечатывая «Протестъ 17-ти» привѣтствуетъ его, но тутъ же добавляетъ: «мы твердо убѣждены, что этотъ «символъ вѣры» представляетъ собой не больше, какъ мнѣніе единичныхъ лицъ, отражаетъ лишь идейную путаницу въ головахъ его авторовъ**), въ дѣйствительности же въ Россіи среди практиковъ такого направленія не существуетъ «возьмите изданныя мѣстными комитетами Р. Соц.-Дем. Партіи майскія прокламаціи нынѣшняго года (разсчитанныя на *широкую массу* рабочихъ), и вы увидите цѣлый рядъ ближайшихъ *политическихъ* требованій, начиная съ установленія *закономъ* 10-часового рабочаго дня и кончая требованіями гласнаго суда присяжныхъ по дѣламъ о стачкахъ, отмѣны административныхъ высылокъ и произвольныхъ арестовъ безъ суда, права устраивать кассы, свободы стачекъ, собраній, союзовъ»***).

---

*) «Vademecum» «Протестъ», стр. 6.
**) «Раб. Дѣло» № 4 окт. 99 г. стр. 24.
***) «Раб. Дѣло» № 4 стр. 25.

Я увѣренъ, что авторъ «Credo», и его единомышленники, въ родѣ г. NN, т. е. Прокоповича, прочтя эти «политическія» требованія, отвѣтили бы редакціи «Рабочаго Дѣла», что и они готовы подписаться подъ такими требованіями, но что дѣло не въ требованіяхъ, а въ томъ, какъ проводить, какъ добиваться ихъ. «Рабочее Дѣло» совершенно не поняло, въ какой именно плоскости поставленъ сторониками «Credo» вопросъ, и вслѣдствіе этого получился довольно странный и для постороннихъ ,казалось бы, совершенно нелѣпый споръ между группой Освоб. Труда, съ одной стороны, и «Рабочимъ Дѣломъ»—съ другой. Обѣ стороны согласны съ «Протестомъ 17-ти, одинаково бичуютъ и отрекаются отъ солидарности съ «Credo», а между тѣмъ рѣзко расходятся другъ съ другомъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вплоть до появленія въ 903 году знаменитой статьи Плеханова «Чего не дѣлать» *), не могутъ понять одинъ другого. **)

Прежде всего споръ зашелъ о томъ, имѣются или не имѣются среди русскихъ соціаль-демократовъ сторонники «Credo». Авторы «Протеста» могли указать лишь на программную статью № 1-го «Рабочей Мысли», которая высказывала «ту совершенно ошибочную и противорѣчащую соціальдемократизму мысль, что экономическая основа движенія «можетъ быть» затемнена стремленіемъ постоянно не забывать политическаго идеала,***) и несомнѣнно ярко отражала точку зрѣнія «Credo». Плехановъ же, въ доказательство того, что эти взгляды далеко не являются чисто личными взглядами авторовъ «Credo», составилъ цѣлый сборникъ писемъ и статей разныхъ «молодыхъ» соціальдемократовъ. Редакція «Рабочаго Дѣла», — пишетъ онъ, — твердо увѣрена, что названное «Credo» есть не болѣе, какъ «мнѣніе единичныхъ лицъ». Эта твердая увѣренность, конечно, весьма отрадна и для

*) «Искра« № 52. 7 ноября 903 г.

**) Съ единомышленниками авт. «Credo» Плеханову и Аксельроду удалось окончательно сговориться лишь послѣ появленія въ «Товарищѣ» знаменитаго письма Плеханова къ товарищамъ-рабочимъ по поводу соглашенія съ кадетами въ предвыборной агитаціи и послѣ начатой Аксельродомъ агитаціи за рабочій съѣздъ. Только послѣ этого другъ автора «Credo», г. Прокоповичъ удостаиваетъ основателдй гр. Осв. Труда прощенія за всѣ ихъ прежнія прегрѣшенія на ортодоксальномъ поприщѣ. См. об этомъ ст. г. Прокоповича «Партійная бозпринципность». «Товарищъ» № 108 8 ноября 1905 г.

***) Vademecum» стр. 12.

самой редакціи и для читателей ея журнальчика. Но вопросъ не въ этомъ. Надо знать, *много-ли* такихъ «единичныхъ лицъ» и каково ихъ положеніе въ партіи. А что если ихъ много? И что если они занимаютъ такое положеніе въ нашихъ рядахъ, пользуясь которымъ, они могутъ сильно содѣйствовать торжеству «экономическаго направленія»? *).

Прежде, чѣмъ перейти къ разбору доказательствъ существованія «экономическаго направленія» среди живущихъ за границей русскихъ соціаль-демократовъ, которымъ посвященъ сборникъ «Vademekum», я напомню читателю то настроеніе, которое начало распространяться среди рабочихъ въ 97 и 98 годахъ. Въ первой части этой книги*) я указалъ, какъ, въ связи съ массовыми провалами сознательныхъ рабочихъ и съ блестящими успѣхами стачечнаго движенія, среди пролетаріата зарождалась идея о возможности улучшенія положенія рабочихъ въ рамкахъ самодержавнаго строя. Я говорилъ, что такая возможность рисовалась рабочимъ не только въ области экономической, но и правовой. Вырвавъ у правительства законъ 2-го іюня и фактически устранивъ для него возможность карать за участіе въ стачкахъ, рабочіе могли пріобрѣсти увѣренность, что и необходимыхъ имъ для экономической борьбы свободъ союзовъ, собраній и слова они смогутъ добиться, не вступая въ острый конфликтъ съ самодержавіемъ, при посредствѣ одной только чисто экономической борьбы съ предпринимателями.

«Правительство и фабриканты,—пишетъ выражающая мнѣнія петербургскихъ рабочихъ «Рабочая Мысль, — заключили «союзъ» для борьбы съ рабочими и дружными усиліями полиціи, войска и духовенства имъ удастся подавить требованія рабочихъ. Понятно, что для отпора союза враговъ и намъ надо устроить союзъ рабочаго класса. Если запротестуетъ одинъ рабочій, то начальство увольняетъ его съ завода. Если сдѣлаютъ это двое или трое, то изъ нихъ кого-нибудь да оставятъ. Если потребуетъ удовлетворенія своихъ нуждъ цѣлая мастерская, то начальство начинаетъ трусить и обѣщаетъ удовлетворить требованія рабочихъ. Затѣмъ, если возстанетъ цѣлый заводъ, то начальство начинаетъ уступать больше и, перетрусивъ, ведетъ переговоры

*) Тамъ-же. Предисловіе ст. IX.
**) Ист. Р. С.-Д. Р. Партіи ч. I стр. [illegible]

съ рабочими, охраняя себя полиціей и жандармами. Наконецъ, когда рабочіе поймутъ, что силъ одного завода еще недостаточно, и когда къ выставившему свои требованія заводу примкнутъ другіе заводы и образуется цѣлое море забастовавшихъ рабочихъ, тогда фабрикантовъ и заводчиковъ уже не найдешь; они всѣ попрячутся отъ трусости, а съ рабочими будетъ уже разговаривать самъ министръ, окруженный солдатами, казаками и жандармами. Такимъ образомъ, чѣмъ больше, обширнѣе стачки рабочихъ, тѣмъ слабѣе и трусливѣе становятся наши враги»*).

Вотъ въ какомъ видѣ послѣ 97 года рисовалась среднему рабочему борьба и побѣда пролетаріата. А что эта статья «Рабочей Мысли» несомнѣнно отражала дѣйствительное настроеніе тогдашнихъ среднихъ рабочихъ, можно судить по корреспонденціямъ въ «Р. М.», писаннымъ самими рабочими, въ которыхъ всюду можно прослѣдить несокрушимую вѣру въ этотъ единственный доступный имъ способъ борьбы. Надо сплотиться, создать кассу, и стачка наша будетъ, должна быть удачной. «Какъ только сплотимся въ одну армію, тогда не будемъ имѣть горя и нужды»,—пишетъ рабочій съ Алекс. мех. завода. **)

И дѣйствительно, въ то время организованныя стачки съ напечатанными въ листкахъ требованіями рабочихъ довольно часто оканчивались успѣшными результатами. Иногда достаточно было организаціи распространить листки съ требованіями, какъ эти требованія, всѣ или частично, во избѣжаніе стачки, сейчасъ же удовлетворялись. Все это, конечно, должно было содѣйствовать убѣжденію рабочихъ, что имъ незачѣмъ искать другихъ путей борьбы. «Мы все равно страдаемъ отъ изнурительнаго труда, холода, голода и болѣзней, — пишетъ рабочій «Живъ духомъ». Такъ почему же намъ не пострадать за такое чистое дѣло, какъ борьба за лучшую долю и за все бѣдствующее наше собратство. Опаснаго для насъ ничего не можетъ быть: если мы дружно, какъ одинъ человѣкъ, возьмемся за руки, *то одно наше слово будетъ дѣломъ* (курсивъ мой М. Л.). Тогда для насъ ни тюремъ, ни висѣлицъ не хватитъ, да и некому будетъ надъ нами исполнять приго-

---

*) «Раб. Мысль» № 3 Іюль 98 г. ст. «Какъ мы можемъ побѣдить?».

**) «Раб. Мысль» № 3,

воры. Даже наши враги перейдутъ на нашу сторону, такъ какъ большинство изъ нихъ таково, что пристаетъ къ той сторонѣ, которая сильнѣй»*).

Отражающая настроеніе рабочихъ редакція «Рабочей Мысли» спѣшитъ уже возвести это настроеніе въ принципъ. «Что такое отдѣльная стачка,—читаемъ мы въ передовицѣ № 4-го,—какъ не временное сообщество данныхъ рабочихъ? Что такое собраніе забастовщиковъ, какъ не временный настоящій рабочій союзъ (ферейнъ, юніонъ, синдикатъ, какъ говорятъ за границей)? Что такое совѣтъ забастовщиковъ, какъ не временный совѣтъ рабочаго синдиката? Что такое сборъ денегъ на стачку, какъ не временная боевая рабочая касса?»**) Но всѣ эти синдикаты, кассы, собранія, совѣты существуютъ у насъ помимо закона, вопреки закону, при отсутствіи политической свободы, при самодержавномъ режимѣ. Слѣдовательно, «довольно толковать, что рабочее движеніе оттого развивается, что уже налицо политическая свобода». «Истина въ томъ, что всякая стачка, всякая касса, всякій рабочій союзъ, только тогда становится законнымъ, когда сталъ уже дѣломъ обычнымъ, когда запрещай его или дозволяй—все равно ничего не подѣлаешь. Законъ дѣйствующій—это вѣдь лишь запись современныхъ житейскихъ взаимныхъ (сословныхъ, классовыхъ) отношеній. Сила закона—сила обычая. Сумѣть сдѣлать обычнымъ— значитъ сдѣлать законнымъ. *Организаціонное дѣло —вопросъ не законности, а необходимѣйшихъ потребностей жизни.»****)

А разъ это такъ, то къ чему бороться съ самодержавіемъ, стремиться свергнуть его? Да этого и не нужно. Уже и теперь «правительство чувствуетъ себя не въ силахъ остановить все усиливающееся движеніе рабочихъ, охватившее всю страну, и измѣнить политику. (замѣчайте!) Попрежнему, жестоко преслѣдуя «зачинщиковъ» и «главарей», оно начинаетъ уже разрѣшать настоящія рабочія общества (напр. Харьковское Общество взаимопомощи заводскихъ рабочихъ, уставъ котораго недавно утвержденъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ).»****)

---

*) «Раб. Мысль» № 3 фельетонъ «Мысли рабочаго».
**) «Раб. Мысль» № 4. Окт. 98 г.
***) «Раб. Мысль» № 4, передовица.
****) Тамъ же.

Вотъ это-то и есть та политическая борьба, которая нужна рабочимъ, и она ведется, значитъ она единственно возможная. «Какую же борьбу желательно, чтобы вели рабочіе?—спрашиваетъ авторъ программной статьи «Наша дѣйствительность». — Не ту ли, какую только возможно вести имъ при данныхъ обстоятельствахъ? А возможна при данныхъ обстоятельствахъ не та ли борьба, какую они ведутъ въ дѣйствительности въ данную минуту?»*) Можно выставлять лишь такія требованія, которые опирались бы на уже сознанные рабочими «общіе политическіе потребности и интересы минуты, чтобы требованія эти были требованіями самихъ рабочихъ (цеховыхъ) организацій, чтобы они были ими выработаны дѣйствительно сообща и также сообща выставлены этими рабочими организаціями по ихъ частной инициативѣ, по собирательной общественной волѣ ихъ членовъ.»**)

Этимъ условіямъ удовлетворяютъ лишь требованія законодательнаго сокращенія рабочаго дня до 10 часовъ и возстановленія праздниковъ, уничтоженныхъ закономъ 2-го іюня 1897 г. «Понимая такимъ образомъ настоящую общественную борьбу русскихъ рабочихъ, мы готовы» «не понять» тѣхъ нашихъ товарищей, которые считаютъ «облегченіе экономическаго положенія пролетаріата» лишь «попутнымъ» дѣломъ ниспровержения самодержавія, равно какъ и тѣхъ, которые свою программу «освобожденія труда» считаютъ простымъ отвѣтомъ на вопросъ, «откуда взять силы для борьбы съ царизмомъ.... На первый планъ выставляемъ мы развитіе рабочихъ организацій, т. е. главнымъ образомъ цеховыхъ (боевыхъ) рабочихъ союзовъ, также обществъ взаимопомощи, потребительныхъ, образовательныхъ и другихъ. Намъ опять скажутъ, что «открывать такія общества правительство не разрѣшаетъ, а цеховые рабочіе союзы борьбы имъ прямо запрещены». На это мы отвѣтимъ: первое не совсѣмъ вѣрно, а что касается до того, что такіе союзы запрещены, то, какъ говоритъ рабочій «р-в»—,вѣдь и стачки (тѣ-же, только временные боевые союзы) запрещены, а между тѣмъ происходятъ все чаще и чаще». ***)

*) Отд. приложеніе къ Р. М. Сент. 99 г. стр. 14.
**) Тамъ же стр. 5.
***) Особ. прилож. къ «Р. М.» стр. 15.

Только что цитированный авторъ, подобно автору «Credo» отнюдь не отрицаетъ необходимости борьбы съ самодержавіемъ, но онъ отрицаетъ *революціонную* борьбу. Подобно Аксельроду онъ во всякомъ проявленіи общественной самодѣятельности всѣхъ классовъ общества видитъ постоянное подтачиваніе самодержавія, но расходится съ Аксельродомъ, отрицая роль тѣхъ «темпераментныхъ» и болѣе радикально настроенныхъ членовъ этого общества, которые, не удовлетворяясь кропотливой работой либераловъ, ищутъ и находятъ въ рабочихъ силы для революціонной борьбы съ самодержавіемъ.

«Борьба съ самодержавіемъ,—говоритъ онъ—раньше всего есть самооборона всѣхъ дѣйствительно жизненныхъ *общественныхъ* элементовъ русскаго общества, отстаиваніе всѣми и каждымъ *общественнымъ* слоемъ и группами своихъ *общественныхъ* учрежденій, своей *общественной* инициативы, своей *общественной* воли, отстаиваніе всякихъ своихъ *общественныхъ* начинаній, всякаго проявленія своей общественной дѣятельности, всякой общественной жизни противъ ежеминутныхъ, вѣчныхъ и всевозможныхъ, часто даже совершенно безсмысленныхъ давленій, ограниченій, запрещеній нашихъ самодержавныхъ Горемыкиныхъ, Витте, Побѣдоносцевыхъ и самовластія ихъ полномочныхъ чиновниковъ (министерскихъ, судейскихъ, полицейскихъ, духовныхъ, сельскихъ, городскихъ, уличныхъ и фабричныхъ урядниковъ). Вѣдь и борьба за земское и городское общественное самоуправленіе, и борьба за общественную школу, и борьба за общественный судъ, и борьба за общественную помощь голодающему населенію и т. д. есть борьба съ самодержавіемъ. И борьба рабочихъ за право имѣть выборныхъ для переговоровъ съ хозяевами, за право устройства временныхъ и постоянныхъ сообществъ, и борьба хозяевъ за право участія въ законодательствѣ и управленіи страны, и борьба передовыхъ группъ образованнаго общества за болѣе широкое и свободное развитіе своихъ образовательныхъ, научныхъ профессіональныхъ обществъ есть все та же борьба съ самодержавіемъ и бюрократіей»*)

Каждый слой общества борется только за тѣ нужды, которыя имъ уже сознаны. Рабочіе уже сознали, что имъ необходимъ 10-ти часовой рабочій день, и роль соціаль-демократіи заключается въ томъ, чтобы поддерживать это ихъ требованіе,

*) Тамъ же стр. 8.

предоставивъ передовымъ слоямъ другихъ классовъ общества отстаивать тѣ требованія, которыя соотвѣтствуетъ нуждамъ и текущимъ интересамъ этихъ классовъ, какъ напримѣръ, «хозяевамъ» добиваться своего вполнѣ ими сознаннаго права участвовать въ законадательствѣ страны.

Вотъ здѣсь-то и зарыта собака, какъ говорятъ нѣмцы, въ этомъ то и заключается вся сущность «экономизма», и Акимовъ съ г-дами Кусковой и Прокоповичемъ совершенно напрасно распинаются, доказывая что именно «экономисты» то и были настоящими политиками. Они безусловно правы —экономисты были политиками, но политика ихъ была чисто *буржуазной* политикой и фактически сводилась къ тому, чтобы избавить русскую буржуазію отъ сознательнаго выступленія рабочаго класса и превратить рабочее движеніе изъ соціаль-демократическаго (какимъ оно начинало становиться въ срединѣ 90-хъ годовъ) въ тредъ-юніонистское. «Думайте о томъ, какъ вамъ устроить вашу (общественную) жизнь, а заботу о судьбѣ противника оставьте праправнукамъ,» *) такъ резюмируетъ вышецитированный авторъ свое отношеніе къ соціализму. Отказавшись отъ самостоятельной политической роли рабочаго класса, онъ логически долженъ былъ отказаться и отъ соціализма.

Къ чему своимъ умомъ пришелъ Р. М., авторъ статьи «Наша дѣйствительность», къ тому М. М., (г-жа Кускова) авторъ письма къ Аксельроду пришелъ, наблюдая въ Бельгіи «антагонизмъ интеллигенціи, мечтающей о захватѣ власти и соціальной революціи, съ рабочими, защищающими свои *реальные интересы*. Послѣ Бельгіи мнѣ стыдно теперь говорить о соціальной революціи. Не знаю почему слова: «имущественный», «реальный» вызываютъ непремѣнно у многихъ представленіе о чемъ то низшемъ, низменномъ. Развѣ слово «реальный» не значитъ просто существующій? Развѣ защита имущественныхъ интересовъ не потребуетъ въ ближайшемъ будущемъ политическихъ правъ? *Но требованіе политическихъ правъ рабочими ничего не имѣетъ общаго съ сверженіемъ самодержавія.* **)

Да существуетъ ли у насъ вообще самодержавіе? Вѣдь постепенно оно уже измѣнилось такъ, какъ это нужно было господствующимъ классамъ, а съ теченіемъ времени оно и со-

---

*) Прилож. къ «Р. М.» стр, 16

**) Vademekum, Письмо къ Аксельроду одного изъ авторовъ брошюры противъ Г. О. Т. стр. 18. Курсивъ мой.

всѣмъ «уступитъ мѣсто буржуазной конституціи. При чемъ же тутъ рабочій классъ»? спрашиваетъ далѣе авторъ и тутъ же отвѣчаетъ: «рабочему въ Россіи нельзя ожидать чего-либо отъ конституціи. Что же остается дѣлать? Остается, ничего не ожидая, ни на кого не возлагая надеждъ, самимъ рабочимъ и *при существующей формѣ правленія*, теперь немедленно, неустанно шагъ-за-шагомъ добиваться политическихъ правъ. Для рабочихъ нѣтъ этапа, на которомъ можно было бы отдохнуть; тѣмъ болѣе не явится такимъ этапомъ конституція. Такимъ же путемъ, какимъ добились они легализированія стачки, необходимо добиться свободы собраній и печати» *)

То, чего не договариваетъ авторъ «Credo», мы ясно читаемъ у М. М.: «пропагандировать теперь рабочимъ сверженіе самодержавія—*а значитъ просто-напросто революцію* — это значитъ подвергать ихъ всевозможной опасности, какая только была возможна въ исторіи. Пока нѣтъ среди нихъ сознанія своихъ интересовъ (а его нѣтъ), пока нѣтъ выработанной на практикѣ стойкости и организованности, до тѣхъ поръ всякій призывъ къ сверженію самодержавія повлечетъ за собой лишь серпуховскія побоища... *Я думаю, что никогда революція не можетъ войти ни въ одну программу*» **)

Предохранить Россію отъ возможности революціи—такова, повторяю, *была главная основная идея всѣхъ такъ называемыхъ «экономистовъ»*. Въ этомъ, вопреки мнѣнію группы Освобожденія Труда, была заинтересована и вся русская, болѣе или менѣе, буржуазія, поскольку она уже понимала, что помимо пролетаріата въ Россіи нѣтъ другого революціоннаго класса, и что русскій пролетаріатъ, если и начнетъ политическую революцію, то, воспитанный экономической борьбой въ классовомъ духѣ, онъ и тутъ выставитъ свои классовыя цѣли, будетъ сражаться подъ *своимъ*, а не подъ буржуазнымъ знаменемъ. Выходцы изъ буржуазной интеллигенціи, какими являлись идеологи «экономическаго» направленія, внесли въ ряды нашей партіи болѣе или менѣе сознательный страхъ передъ пролетарской революціей. Принявшись вести борьбу противъ возможности этой будущей

*) Тамъ же стр. 19
**) Тамъ же стр. 20

революціи, они нашли себѣ опору въ средѣ наименѣе сознательной массы рабочихъ, которые еще не понимали связи между политическимъ строемъ и экономической борьбой и увлекались удачами стачекъ, обусловленными временнымъ расцвѣтомъ промышленности. «Экономисты» не только старались удержать широкую рабочую массу на такомъ уровнѣ, но они начали отчаянную борьбу противъ всѣхъ тѣхъ, кто, подобно старымъ социаль-демократамъ (а въ томъ числѣ и *сознательнымъ* рабочимъ), продолжалъ социальдемократическую дѣятельность, кто старался воспитывать рабочихъ въ классовомъ духѣ. Надо убѣдить рабочихъ, что «буржуазная конституція» ничего рабочимъ дать не можетъ, и что поэтому слѣдуетъ предоставить именно ей, буржуазіи, самой измѣнять политическій строй, какъ ей заблагоразсудится, другими словами, пусть буржуазія дѣйствительно сдѣлаетъ такъ, чтобы конституція ничего рабочимъ не дала.

Мы уже указывали, со словъ Акимова, что апостолъ экономизма, авторъ «Credo»—бывшій народоправецъ. Къ той же партіи принадлежалъ и другой видный апостолъ «новаго ученія» NN., авторъ брошюры противъ группы „Освобожденія Труда. «N. N.человѣкъ молодой,—пишетъ про него его ученикъ и послѣдователь Г.,—бывшій народоправецъ, народоволецъ и сравнително только недавно перешедшій на сторону социаль-демократіи». Но, перейдя на сторону социаль-демократіи, онъ рѣшилъ реформировать ее по-своему: у него «взглядъ на прошлое социаль-демократіи совершенно другой, чѣмъ онъ установился въ нѣмецкой литературѣ. Коммунизмъ Маркса, взгляды Лассаля, тенденціи, проявлявшіяся въ революцію 48 года—все это принимаетъ у него совершенно другую окраску. Основной его взглядъ, что всѣ идеологическія построенія революціи, всѣ ихъ отдаленныя цѣли носятъ чисто идеалистическій характеръ... Всѣ ихъ надежды на близкій конецъ капиталистической эры, всѣ ихъ пророчества на близкую социальную революцію не научны. Онъ вполнѣ въ этомъ отношеніи согласенъ съ взглядами Бернштейна, высказанными имъ недавно въ Neue-Zeit—, что въ социализмѣ для него «Bewegung» (движеніе) все, а все остальное его мало интересуетъ» *)

*) Тамъ же. Отвѣтъ на брош. Аксельрода стр. 43.

Вотъ такой-то господинъ, назвавшись «соціаль-демократомъ» и проникнувъ въ ряды пролетарской партіи, естественно долженъ былъ стремиться передѣлать всю соціальдемократическую тактику на свой ладъ. *) Больше всего нападаетъ онъ на группу Освобожденія Труда за ея стремленіе использовать рабочее движеніе въ цѣляхъ общедемократическаго переворота, за то, что она «слишкомъ много вниманія обращаетъ на внѣшнія отношенія пролетаріата главнымъ образомъ къ правительству». **) «*Мы должны не допускать попытокъ беспочвенной политической агитаціи точно такъ же, какъ мы избѣгаемъ провокаторовъ*». ***)

Вотъ какъ строго разсуждаетъ N. N. (г. Прокоповичъ), когда дѣло доходитъ до огражденія русскаго рабочаго отъ соціальдемократической агитаціи, потому что не соціальдемократическую агитацію онъ и его ученикъ Г. допускаютъ. «Толковать рабочей массѣ въ Россіи объ уничтоженіи капитализма, о соціализмѣ, наконецъ, объ уничтоженіи самодержавія—вообще нелѣпо и непроизводительная трата силъ. Объ этихъ вопросахъ можно, конечно, говорить въ кружкахъ, можно, наконецъ, пропагандировать, и то съ надлежащимъ умѣніемъ, но ни въ коемъ случаѣ не дѣлать эти вопросы и требованія предметомъ агитаціи и разбрасывать ихъ въ литературѣ, предназначающейся для широкихъ массъ рабочаго населенія... Если мы говоримъ о томъ, что мы не можемъ теперь говорить о борьбѣ съ самодержавіемъ, это не значитъ, что мы отказываемся отъ политической агитаціи. Пожалуй, если понимать подъ борьбой съ самодержавіемъ политическую агитацію, т. е. выставленіе требованій рабочихъ: право сходокъ, слова, собраній и т. п., то противъ этого нельзя ничего имѣть. Я пишу «пожалуй», потому что теперь поднять агитацію на этой почвѣ можно только въ нѣкоторыхъ крупныхъ и подготовленныхъ центрахъ, какъ Петербургъ, Варшава, Вильна, Кіевъ, и кромѣ этого эта агитація будетъ

---

*) Г-да Прокоповичъ и Кускова дѣйствовали противъ соц.-демократіи, находясь въ рядахъ с.-д. партіи. Оба они состояли членами того заграничнаго кружка, черезъ который гр. Осв. Тр. вела переговоры съ Россіей, и который, по словамъ Плеханова, убѣдилъ Группу, что всѣ русскіе товарищи придерживаются ихъ точки зрѣнія.

**) Vademekum Письмо г. «Г.» стр. 28—29.

***) Тамъ же, стр. 54.

носить характеръ пропаганды. Затѣмъ, когда говорятъ о борьбѣ, слѣдуетъ же ясно поставить вопросъ, въ чемъ она должна выражаться. Если она выражается въ политической агитаціи въ тѣхъ пунктахъ и тѣхъ размѣрахъ, о которыхъ я говорю выше, то съ этимъ нельзя не согласиться. Но если понимать подъ борьбой то, что понимается въ Западной Европѣ, т. е. устройство демонстрацій, волненій и т. п., это преждевременно, да и *невозможно*... Правильнѣе всѣхъ этотъ вопросъ ставятъ виленцы: въ своей прокламаціи они указываютъ, что *единственнымъ и главнымъ средствомъ* политической борьбы пока является только неустанная, широкая массовая борьба на почвѣ экономической, такъ какъ въ данномъ случаѣ рабочіе нарушаютъ то, что запрещено закономъ, и фактически ставятъ свои насущныя требованія. Устраивая тайные союзы и собранія, стачки, распространяя нелегальное слово, рабочіе фактически ведутъ политическую борьбу. Другой формы я абсолютно теперь не знаю». *)

Систематически нарушать существующіе законы и такимъ образомъ добиваться легализаціи этихъ нарушеній, вотъ единственный способъ дѣйствія пролетарской массы, который могутъ ей рекомендовать «учителя» экономизма, причемъ широкая масса, выполняя на дѣлѣ этотъ планъ, не должна знать, что она такимъ путемъ подтачиваетъ самодержавіе. Выясненіе ей сущности этой борьбы отнюдь не должно допускаться. Говорить объ этомъ можно лишь въ передовыхъ кружкахъ крупныхъ центровъ. Масса рабочихъ должна быть убѣждена, что она борется только за улучшеніе своего собственнаго положенія. Когда она *сама* пойметъ дѣйствительный характеръ своей борьбы и укажетъ на это своему агитатору, только тогда онъ имѣетъ право подтвердить и формулировать эту догадку массы. «Когда въ нашемъ рабочемъ движеніи назрѣютъ силы для политической борьбы, онѣ не замедлятъ проявить себя и указать агитатору, что его роль должна начаться» **). А что эти силы назрѣютъ нескоро, этому порукой служитъ установленный N.N. общественный законъ, по которому «чѣмъ свободнѣе страна, тѣмъ скорѣй рабочее движеніе становится въ ней политическимъ, чѣмъ деспотичнѣе страна, чѣмъ слабѣе въ ней

---

*) «Vademeknm». Письмо г. Г., 32—34.

**) Vademekum. Отвѣтъ на брош. Аксельрода. стр. 53.

развита политическая жизнь, тѣмъ дольше рабочее движеніе лишено политическаго характера» *).

Попытаемся формулировать теперь сущность «экономизма». Обычное представленіе о немъ, будто онъ отрицаетъ «политику» невѣрно. Экономисты всѣ политики, но они политики не соціальдемократическіе, а буржуазные. Какъ таковые они боятся революціоннаго сверженія самодержавія, надѣясь на постепенное подтачиваніе его со стороны всѣхъ общественныхъ классовъ, борющихся за сознанные ими насущные интересы. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, они понимаютъ, что достигнутая такимъ путемъ конституція положенія рабочаго класса не улучшитъ, поэтому заранѣе убѣждаютъ рабочихъ держаться въ сторонѣ отъ политики, не интересоваться ею, какъ предметомъ, не соотвѣтствующимъ ихъ реальнымъ нуждамъ, а фактически проводить тѣ «политическія свободы», которыя тѣсно связаны съ борьбой за эти нужды. Провести эти свободы можно мирнымъ путемъ, не свергая самодержавія. Всякій несогласный съ такой тактикой, говорящій нелѣпости о сверженіи самодержавія, о соціализмѣ и т. п. «идеалистическихъ вещахъ» долженъ быть устраненъ отъ рабочаго движенія, его слѣдуетъ остерегаться, какъ провокатора.

Чтобы повліять въ своемъ направленіи на рабочія массы для экономистовъ всего выгоднѣе было выставить лозунгъ «рабочіе для рабочихъ», толкуя этотъ лозунгъ въ такомъ смыслѣ, чтобы сознательнымъ соціальдемократамъ,—безразлично интеллигентамъ или рабочимъ, — противопоставить безсознательную или малосознательную массу, которой жизнь пока еще не подсказала необходимости политической борьбы. Поэтому-то въ организаціонномъ вопросѣ «экономисты» начинаютъ противопоставлять «централизаціи» старыхъ практиковъ, т. е. построенію организаціи сверху, «демократизмъ», «выборное начало», построеніе снизу.

Соціальдемократическія организаціи должны перестать «навязывать» рабочимъ свои чисто «интеллигентскія» фантазіи о марксизмѣ, соціализмѣ и сверженіи самодержавія; они должны говорить лишь о томъ, что уже сознано рабочими и притомъ всей *рабочей массой*, а не только передовыми и средними рабочими. Чтобы легче справиться съ этой задачей, начинается травля интеллигенціи, интересы которой, какъ «бур-

*) Тамъ-же. стр. 52.

жуазной интеллигенціи» противопоставляются интересамъ рабочихъ.

«Говорятъ, что мы «противъ интеллигенціи»,—пишетъ интеллигентская редакція «Рабочей Мысли». Это въ значительной долѣ вѣрно. Но при этомъ надо условиться, что понимать подъ словомъ «интеллигентъ». Въ широкомъ смыслѣ подъ этимъ названіемъ идутъ представители вольныхъ профессій: учителя, адвокаты, попы и др. Это междуклассовый элементъ; разсчитывать на этихъ господъ вообще такъ же не слѣдуетъ, какъ ждать отъ козла молока. Въ болѣе узкомъ русскомъ смыслѣ подъ интеллигентами подразумѣваются люди, не обученные никакому ремеслу и не получившіе никакого образованія (ни сапожники, ни портные, ни адвокаты), какихъ создаютъ наши гимназіи, городскія училища и т. д. Эти интеллигенты по какому-то грустному недоразумѣнію считаютъ себя какъ бы прирожденными революціонерами. Но не можемъ же мы подписаться подъ всякимъ недоразумѣніемъ.

«Дальше, часто подъ кличкой «интеллигента» идетъ учащаяся молодежь — преимущественно университетская. Она оказываетъ намъ много существенныхъ услугъ: собираетъ деньги, хранитъ и передаетъ литературу и т. д. Но никогда не слѣдуетъ забывать, что сегодня революціонеры—они завтра будутъ прокурорами, судьями, инженерами, фабричными инспекторами, словомъ—чиновниками русскаго правительства. Мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы молодые люди, прежде, чѣмъ окунуться съ головой въ море грязи, которое ихъ ожидаетъ, хоть годъ—другой прожили человѣческой жизнью и чувствовали, что они дѣлаютъ хорошее дѣло, и мы съ удовольствіемъ принимаемъ ихъ услуги, какъ и услуги другихъ нашихъ доброжелателей интеллигентовъ. Но всякое вмѣшательство въ наши дѣла мы считаемъ, по меньшей мѣрѣ, неумѣстнымъ. Въ этомъ смыслѣ мы противъ интеллигенціи.

«Есть еще люди, которые идутъ подъ кличкой интеллигентовъ. Во всѣ времена встрѣчались отдѣльныя лица во всѣхъ общественныхъ классахъ, *которыхъ, независимо отъ того, къ какому общественному классу они принадлежали, тянуло впередъ къ свободѣ и равенству*. Есть такіе и въ наше время. Правильнѣе назвать ихъ идеологами (Бебель назвалъ ихъ очень мѣтко «бѣлыми воронами»). Изъ всей разношерстной массы, шествующей подъ флагомъ интеллигенціи, только «бѣлые вороны» принадлежатъ душой и тѣ-

ломъ намъ, какъ они во всѣ времена принадлежали ко всякому передовому движенію» *).

И вотъ, причисливъ всю соціальдемократическую интеллигенцію къ одному изъ разрядовъ «интеллигенціи», которому неумѣстно вмѣшиваться въ рабочія дѣла, «вышедшіе изъ разныхъ общественныхъ классовъ», «экономисты», подъ видомъ «бѣлыхъ вороновъ», которыхъ тянетъ «къ свободѣ и равенству», стали фальсифицировать рабочую мысль на свой буржуазный ладъ, бороться съ соціальдемократическимъ движеніемъ въ рядахъ самой соціальдемократической партіи.

X.

«Нельзя не признать, что могущественное пространственное расширеніе всемірнаго рынка въ связи съ необычайнымъ сокращеніемъ времени, необходимаго для передачи свѣдѣній и перевозки, настолько увеличиваетъ возможность сглаженія разстройствъ рынка, а чрезвычайно возросшее богатство европейскихъ промышленныхъ странъ, въ связи съ эластичностью современной кредитной системы и съ развитіемъ промышленныхъ картелей настолько уменьшаетъ обратное воздѣйствіе мѣстныхъ и частичныхъ разстройствъ на общее положеніе дѣлъ, что, по крайней мѣрѣ, на продолжительное время, можно считать невѣроятнымъ возникновеніе всеобщихъ промышленныхъ кризисовъ, подобныхъ бывшимъ раньше» **).

Такъ писалъ Бернштейнъ въ своей знаменитой, «дрянной» —по выраженію Плеханова—книжкѣ. Эта книжка вышла на русскомъ языкѣ сразу чуть ли не въ трехъ различныхъ переводахъ, которые выдержали по нѣскольку изданій. Кризисовъ больше не будетъ, капитализму удастся овладѣть производствомъ, идеи объ историческомъ скачкѣ, о переходѣ количества въ качество, о насильственномъ переворотѣ (Zusammenbruchstheorie) — все это является старыми отжившими понятіями. Кризисовъ больше не будетъ; медленно, постепенно соціализмъ будетъ завоевывать себѣ одну позицію за другой; реформируя современный строй, онъ шагъ за шагомъ будетъ двигаться по направленію къ своей окончательной побѣдѣ.

---

*) «Раб. Мысль» № 4. «Во избѣжаніе недоразумѣній».
**) Бернштейнъ. «Историч. матеріализмъ.» стр.

Наступитъ или нѣтъ эта окончательная побѣда — это еще вопросъ, да оно и неважно, потому что «движеніе — все, конечная цѣль—ничто».

Врядъ ли въ какой нибудь-другой странѣ идеи Бернштейна такъ быстро успѣли пріобрѣсти себѣ такое количество послѣдователей, какъ у насъ въ Россіи. Наши легальные «критики», которые до бернштейновскихъ откровеній еще побаивались открыто порвать съ «догмой», а ограничивались лишь «толкованіемъ» Маркса, теперь, что называется, пустились во всю. Они звали «назадъ къ Канту», придумывали каждый свою «теорію цѣнности» и снисходительно трепали по плечу старика Маркса: умный де былъ старикъ, но вѣдь онъ жилъ то когда. При немъ были 10-лѣтніе циклы промышленнаго развитія, вотъ онъ на нихъ и построилъ свою теорію противорѣчій въ нѣдрахъ капиталистическаго строя; гдѣ же ему было, въ самомъ дѣлѣ, предвидѣть, что крупная промышленность при помощи телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, трестовъ и картелей сумѣетъ разъ навсегда покончить съ кризисами и, захвативъ властной рукой бразды промышленнаго развитія, не допуститъ впредь ни перепроизводства, ни крупныхъ поднятій цѣнъ. А разъ это такъ, то всѣ разговоры объ обнищаніи, о желѣзномъ законѣ заработной платы, о невозможности для рабочихъ улучшить свое положеніе въ рамкахъ существующаго строя — все это пустыя фразы, опровергаемыя жизнью. Промышленность, развиваясь, поглотитъ всю резервную армію рабочихъ, положеніе мелкихъ собственниковъ будетъ улучшаться, число ихъ будетъ расти, а слѣдовательно, будетъ падать число безработныхъ.

Страницы нашихъ толстыхъ журналовъ были переполнены такими дифирамбами капиталистическому строю, толкованіемъ, популяризаціей и углубленіемъ Бернштейна и его русскаго конкурента Струве.

Идеи «критиковъ» нашли, какъ мы видѣли, благопріятную почву и среди нелегальныхъ «идеологовъ», «бѣлыхъ вороновъ» экономизма. Ихъ апостолы—авторы «Credo» и брошюры противъ Аксельрода—съ гордостью заявляютъ, что они камня на камнѣ не оставили отъ теоріи Маркса. Русская жизнь, казалось, подтверждала выводы Бернштейна. Нигдѣ въ другихъ странахъ не чувствовалось такого подъема, такого быстраго развитія крупной промышленности. За одинъ только 1898-й годъ употребляется хлопка на 32% больше, чѣмъ въ предыдущій;

за это же время на одномъ только югѣ выплавляется чугуна на 30% больше прежняго, въ Лодзи ставится больше 100 тысячъ новыхъ веретенъ, а въ Екатеринославской губерніи вмѣсто 25 имѣвшихся въ 97 году доменныхъ печей появляется уже 30 работающихъ и 11 еще находящихся въ постройкѣ. Вывозъ нефти изъ Баку за первое полугодіе 98 года увеличивается на 31 мил. пудовъ. За 5 лѣтъ (съ 94 по 98 г.) основной капиталъ акціонерныхъ предпріятій возрастаетъ на 1007 мил. рублей, достигая maximum'а своего развитія въ 97 году, когда приростъ равнялся 329 мил. рублей.

Если мы къ этому добавимъ, что государственный долгъ за 90-е годы возросъ на 1531 мил. руб. и что изъ этого долга правительство потратило 1139 мил. на выкупъ частныхъ и на постройку казенныхъ дорогъ *), т. е., другими словами, что всѣ эти полтора милліарда, за вычетомъ денегъ, приставшихъ къ рукамъ бюрократіи, цѣликомъ перешли въ видѣ казенныхъ заказовъ, подрядовъ и т. п. въ руки крупной промышленности, то станутъ понятны толки буржуазныхъ идеологовъ о незыблемости дальнѣйшаго развитія нашей промышленности. Министръ финансовъ Витте въ своемъ отчетѣ къ 1 января 99 г. съ гордостью могъ заявить, что «государственные финансы страны, несмотря на быстрый ростъ издержекъ продолжаютъ развиваться при полномъ равновѣсіи между доходами и расходами». «Свободная наличность» — это остроумнѣйшее изобрѣтеніе Витте,—правда, сократилась съ 214,7 мил. до 115, но это объясняется экстраординарнымъ расходомъ въ 90 мил. на постройку по случаю «манифеста о разоруженіи» новыхъ броненосцевъ, а металлическій запасъ равнялся 1591 мил. р. золотомъ и 190 мил. высокопробнымъ серебромъ.

Однимъ словомъ, налицо были всѣ причины, чтобы ликовать и мечтать о томъ, какъ молодая, свѣжая Россія въ самомъ скоромъ времени заткнетъ за поясъ гнилой Западъ. Впереди открываются самыя блестящія перспективы. Съ одной стороны, золотая валюта радикально измѣнила условія частнаго кредита за границей, съ другой—наша колоніальная политика на дальнемъ Востокѣ рисовала весьма заманчивыя картины. Сибирская дорога завоевала уже для русскихъ капиталистовъ всю Сибирь; хлѣбъ, который до того времени гнилъ тамъ безъ употребленія, начинаетъ переправляться въ

---

*) Всего на эту статью за десятилѣтіе истрачено 1564 мил. руб.

Европейскую Россію, а оттуда на всемірный рынокъ. Изъ одной Тобольской губерніи въ 1899 году было вывезено 11.607.000 пуд. сырья (пшеницы, муки, маслянич. сѣмянъ, продуктовъ скотоводства). Но это далеко не все.

«Чтобы представить себѣ значеніе русскаго «имперіализма» въ Азіи,—пишетъ Л. Клейнбортъ,—надо имѣть въ виду, что дорога установила прямое сообщеніе Европы съ Китаемъ, Японіей, Кореей, населеніе которыхъ достигаетъ полумилліарда человѣкъ, обороты же въ международной торговлѣ выражаются въ суммѣ свыше 600 милл. руб. Читатель помнитъ, какую тревогу забило «русское купечество», когда были подняты попытки снабжать Сибирь желѣзомъ, земледѣльческими орудіями, машинами и пр. черезъ Сѣверный океанъ. Благодаря же сибирской желѣзной дорогѣ, вошелъ въ тѣсныя сношенія съ Европой, какъ съ рынкомъ высокой промышленной культуры, втянулъ мало-по-малу въ обмѣнъ и внутреннія свои провинціи, болѣе удаленныя отъ береговой линіи, весь азіатскій Востокъ. Участвуя на протяженіи 10.000 верстъ своимъ непрерывнымъ рельсовымъ путемъ, наша буржуазія воспользовалась всѣми выгодами не только посредника въ торговомъ обмѣнѣ произведеніями Азіи, но и выгодами крупнаго производителя, ближе всѣхъ стоящаго къ народамъ азіатскаго востока. Англія, напр., занимала видное мѣсто въ вывозной торговлѣ Китая. Но послѣднее время она начала конкурировать съ послѣднимъ въ производствѣ чая: у Англіи свои плантаціи въ Цейлонѣ и самой Индіи. Попытки эти оказываются успѣшными, тѣмъ болѣе, что индійскія желѣзныя дороги способствуютъ удобной доставкѣ чая къ портамъ. Очевидно,—разсуждаетъ нашъ капиталъ,—Китай не можетъ съ выгодой воспользоваться морскимъ путемъ. Желая поддержать торговлю чаемъ на прежней высотѣ, онъ долженъ искать новыя сухопутныя дороги. Единственнымъ такимъ путемъ является сибирская желѣзная дорога, слѣдовательно, — съ сибирской желѣзной дорогой Россія снова завладѣетъ торговлей чаемъ. По его мнѣнію, въ этомъ одинаково заинтересованъ какъ Китай, такъ и Россія. Эта взаимность интересовъ усиливаетъ тяготѣніе всѣхъ вывозимыхъ изъ Китая товаровъ къ новому пути сообщенія, тѣмъ болѣе, что другой важнѣйшій продуктъ китайской вывозной торговли, шелкъ, не только легко выдерживаетъ желѣзнодорожный тарифъ на дальней перевозкѣ, но дѣлается предметомъ переработки въ ткани въ самой Россіи.

«Въ свою очередь Россія принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ снабженія Востока тѣми товарами, которыми до сихъ поръ снабжали его другія страны. Хлопчатобумажныя и шерстяныя издѣлія, въ общемъ составляющія значительную часть китайскаго ввоза, выдерживаютъ желѣзнодорожную перевозку изъ Москвы. Металлы идутъ въ Китай какъ съ Урала, такъ, въ особенности, изъ болѣе близкихъ къ Китаю горнозаводскихъ округовъ Сибири, по богатству рудныхъ мѣсторожденій мало уступающихъ Уралу. Какъ извѣстно, въ Китаѣ ощущается недостатокъ лѣса. И вотъ тянутся громадныя лѣсныя богатства сибирскими лѣсопромышленниками. Тянутся кожевенные, пушные товары изъ Сибири. Китай дѣлается крупнымъ рынкомъ для Сибири...

«Мы уже, какъ извѣстно, ввозимъ изъ-за границы шерсть, кожи, сало, воскъ на десятки милліоновъ, сильно сокративъ эту еще недавно значительную статью нашего вывоза. Въ виду хлопковаго голода, конечно, и мысль о созданіи новой хлопковой площади чревычайно своевременна. А гдѣ все это сможетъ быть осуществлено такъ, какъ въ Азіи. Хлопокъ произрастаетъ (помимо нынѣшнихъ «нашихъ» среднеазіатскихъ областей) въ Восточномъ Туркестанѣ, Персіи. Скотоводство можно возстановить въ степяхъ Манчжуріи, Монголіи. Китай—производительница шелку. Богатѣйшія залежи каменнаго угля и нефти въ Сахалинѣ, рыбныя богатства Амура и Камчатки, золотыя розсыпи Манчжуріи, колоссальныя лѣсныя богатства—можетъ ли все это не прельщать воображенія той же русской буржуазіи, не говоря уже о кучкѣ Алексѣевыхъ и Безобразовыхъ!..» *).

И русская буржуазія отлично понимала, что добиться всѣхъ этихъ благъ при существованіи свободной конкуренціи и «открытыхъ дверей» она не сможетъ. Ей небходимо огражденіе русской таможенной стѣны необъятной Манчжуріи и захватъ дѣвственной Кореи. Чтобы использовать ихъ какъ слѣдуетъ, необходимо превратить ихъ въ русскія губерніи и сдѣлать «внутреннимъ», недоступнымъ для иностранцевъ рынкомъ. Захватить же эти обѣтованныя земли можетъ только сильная самодержавная власть, опирающаяся на «непобѣдимое» мил-

*) Л. Клейнбортъ. «Русскіи имперіализмъ въ Азіи». С.-П.Б.. 1906 г.

ліонное войско, передъ которымъ дрожатъ и преклоняются всѣ западно-европейскіе сосѣди.

Открывая передъ нашей промышленной буржуазіей столь заманчивые горизонты, Витте пытается слить воедино интересы этой буржуазіи съ интересами самодержавія, т. е. съ интересами самого Витте, Безобразова и tutti quanti.

Съ развитіемъ нашей крупной промышленности, съ расширеніемъ ея размаха, представители ея, въ силу своихъ классовыхъ интересовъ, становятся все болѣе и болѣе заинтересованными въ сохраненіи существующаго политическаго строя. По мѣрѣ роста нашей имперіалистической политики растетъ и консерватизмъ нашей промышленной буржуазіи. Наши «аграріи», правда, недовольны; они будируютъ въ земствахъ, будируютъ въ печати. Ихъ вѣрный бардъ Шараповъ строчитъ одинъ доносъ за другимъ на всемогущаго Витте. Министерство внутреннихъ дѣлъ, совершенно устраненное отъ дальневосточнаго лакомаго пирога, въ лицѣ Горемыкина дѣлается «либеральнымъ», оно начинаетъ покровительствовать Шарапову, «сельскохозяйственнымъ обществамъ», мѣстному самоуправленію и становится на сторону земства противъ «бюрократіи».

Между Витте и Горемыкинымъ завязывается «принципіальный» споръ. Споръ этотъ, конечно, не представлялъ бы для насъ никакого интереса, если бы за этими высшими представителями власти не стояли вполнѣ реальныя силы, другъ у друга оспаривающія фактическую власть. Какъ бы ни отнеслись наши «радикальные круги» къ случайно попавшей въ ихъ руки и ими опубликованной конфиденціальной запискѣ Витте «Самодержавіе и земство», но можно считать несомнѣннымъ, что какъ Витте, такъ и Горемыкинъ одинаково точно отражали дѣйствительные интересы двухъ господствующихъ и оспаривающихъ другъ у друга господство классовъ. Обычная терминологія—«либералъ» и «реакціонеръ» менѣе всего подходитъ къ этому спору. Точка зрѣнія Горемыкина сводилась къ тому, «что основной, дѣйствительной силой всякаго государства, какова бы ни была его форма, есть развитая и окрѣпшая въ самодѣятельности личность и что выработать въ народѣ способность къ самоустройству и самоопредѣленію можетъ только привычка къ самоуправленію, развитіе же

бюрократіи и правительственной опеки создаетъ лишь безличныя и безсвязныя толпы населенія, людскую пыль?» *).

Неправда ли это звучитъ «либерально» и подъ этимъ подписался бы любой радикальный земецъ. Но не менѣе «либерально» звучатъ и слова Витте: «Господство закона и права, свобода самодѣятельности и вытекающая изъ этого источника самодѣятельность общества въ ея разнообразныхъ примѣненіяхъ и направленіяхъ—все это можетъ быть задачей государства при всякой формѣ его правленія и управленія... Каковы же тѣ общія условія, какія необходимы для достиженія такой задачи. Первое условіе отрицательнаго свойства: безъ серьезныхъ къ тому поводовъ государство не должно вооружать себя ни правомъ производить аресты, ни учрежденіемъ исключительныхъ судовъ, ни стѣсненіемъ свободы передвиженія, а также свободы труда, совѣсти и мысли»**).

Самодержавіе должно сохраниться—въ этомъ согласны оба министерства, но какъ упрочить его сущесвованіе?—Самодержавіе должно опираться на организованную въ мѣстное самоуправленіе земщину, говоритъ Горемыкинъ.—Нѣтъ, возражаетъ Витте, принципъ «самоуправленія» въ корнѣ противорѣчитъ идеѣ самодержавія. Аппетитъ приходитъ во время ѣды: занятые «мѣстными дѣлами» всесословныя земства неизбѣжно будутъ стремиться пустить корни въ странѣ, войти въ болѣе тѣсную связь съ крестьянскимъ самоуправленіемъ, объединить свою дѣятельность и принять участіе въ дѣятельности законодательной; поставленъ былъ даже вопросъ о центральномъ общеземскомъ органѣ—земскомъ соборѣ—поставленъ былъ не умышленно, не въ видѣ оппозиціи правительству, а въ полной увѣренности, что такое послѣдовательное развитіе земской дѣятельности входитъ въ его виды и намѣренія».***) Въ результатѣ «правительство (бюрократія) не довѣряетъ земству, земство—правительству. Земство весьма естественно желаетъ оказать вліяніе на дѣятельность законодательную, которая такъ тѣсно связана съ дѣятельностью мѣстной. Правительство видитъ въ этомъ поползновеніе на свои прерогативы. Правительство желаетъ осуществить на мѣстахъ то или другое мѣропріятіе, земство усматриваетъ посягательство на свои права, на свою

*) «Самодержавіе и земство». Stuttgart 1901 г. стр. 194.
**) Тамъ-же стр. 196.
***) Тамъ же стр. 199.

самостоятельность. Правительство видитъ предвзятую мысль и отказываетъ. Правительство даетъ распоряженіе, земство становится ему въ оппозицію (скрытую или открытую). Вслѣдъ за оппозиціей и взаимнымъ недовольствомъ являются репрессивныя мѣры, стѣсненія, регламентаціи земской дѣятельности, ограниченіе земской компетенціи, усиленіе правительственной опеки съ одной стороны—охлажденіе къ земскому дѣлу, отказъ отъ участія въ немъ лучшихъ людей и, какъ неизбѣжное слѣдствіе, его полный упадокъ»*).

Горемыкинъ согласенъ, что «конституціоннымъ стремленіямъ» не должно быть мѣста въ земствахъ, но для этого достаточно усилить тенденцію, положенную въ основу земской «реформы» 1890 г., т. е. усилить ихъ «сословный» характеръ и регламентацію ихъ дѣятельности правительствомъ.

Р.Н.С, издавшій эту записку Витте,въ своемъ предисловіи къ ней пишетъ: «Мы цѣнимъ произведеніе г. Витте не только за его правду о самодержавіи, но также и какъ драгоцѣнный аттестатъ, выданный земству самой бюрократіей. Этотъ аттестатъ служитъ превосходнымъ отвѣтомъ всѣмъ тѣмъ, кто по недостатку политическаго образованія или *по увлеченію революціонной фразой не желалъ и не желаетъ видѣть крупнаго политическаго значенія русскаго земства и его легальной культурной дѣятельности*».**)

Но на ряду съ цинизмомъ, съ которымъ Витте раскрываетъ опасность для самодержавія со стороны земства, онъ по мнѣнію автора предисловія, прибѣгаетъ и къ лицемѣрію. «Обращаемъ вниманіе читателя на стр. 194—196,—пишетъ онъ въ предисловіи,—гдѣ товарищъ по министерству г. г.Побѣдоносцева, Муравьева, Боголѣпова и Сипягина статсъ секратарь Витте объявляетъ себя сторонникомъ «господства закона и права», «свободы и самодѣятельности личности и вытекающей изъ нея самодѣятельности общества», гдѣ онъ говоритъ противъ «произвольныхъ арестовъ», противъ «учрежденія исключительныхъ судовъ», противъ «стѣсненія свободы передвиженія, а также свободы совѣсти и мысли ***)... Если земское самоуправленіе по положеніямъ 1864 и 1890 годовъ есть историческій зародышъ русской конституціи, то вы, предлагая упразднить

---

*) Самодерж. и земство. Стр. 198.

**) Тамъ-же. Предисловіе стр. IX и X. Курсивъ мой.

***) Самод. и земство. Предисловіе стр. XII.

этотъ зародышъ русской конституціи, проектируете взамѣнъ его дать Россіи огромный кусокъ вполнѣ готовой конституціи. Къ сожалѣнію, мы знаемъ, что вы ничего не хотите дать, что въ вашихъ рукахъ ничего нѣтъ, что вы только швыряетесь громкими и пустыми, воистину лицемѣрными словами въ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который произвелъ бы цѣлую мирную революцію въ Россіи, еслибъ задумалъ всерьезъ осуществить хоть одну десятую пышной предлагаемой вами политической программы».*)

Я нарочно уклонился въ сторону отъ непосредственной темы и обратилъ вниманіе читателей на приведенную записку, потому что по этой запискѣ и по предисловію къ ней мы лучше всего можемъ опредѣлить политическую физіономію русскаго «общества» наканунѣ XX столѣтія. Сама записка, какъ я уже говорилъ, трактуетъ вопросъ о земствѣ съ точки зрѣнія двухъ господствующихъ классовъ. Авторъ же предисловія выдвигаетъ на сцену представителей тѣхъ, «кто увлекается революціонной фразой», и тѣхъ, кто революціонной фразой не увлекается, а по достоинству оцѣниваетъ «политическое значеніе русскаго земства и его легальной дѣятельности».

Заранѣе предвидя упрекъ въ лицемѣріи, Витте пишетъ: «финансовое вѣдомство всегда прислушивалось къ общественному мнѣнію и къ заявленіямъ представителей тѣхъ или другихъ спеціальныхъ интересовъ, всегда стремилось къ тому, чтобы общество принимало живое участіе въ дѣятельности правительства, и, какъ въ разработкѣ законопроектовъ въ центральныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ исполнительной дѣятельности мѣстныхъ органовъ, всегда старалось привлекать представителей общества къ совмѣстной работѣ со своими чиновниками» **).

И Витте правъ. Вспомнимъ, напримѣръ, изданіе фабричнаго закона 1897 г., въ которомъ представители «общества» принимали самое горячее участіе. Точка зрѣнія Витте и того класса, идеологомъ котораго онъ является въ данной запискѣ, сводится къ слѣдующему. Самодержавный произволъ вреденъ, но самодержавная централизація власти полезна и необходима. Точка зрѣнія Горемыкина: бюрократическая централизація препятствуетъ самодѣятельности личности и создаетъ

*) Тамъ же стр. XIII.
**) «Самод. и земство», стр. 15—16.

вмѣсто общества людскую пыль. «Общество должно быть организовано въ земское самоуправленіе, дѣятельность катораго должна быть строго регламентирована, сами земства, поставленныя въ узко сословныя рамки, должны получить частичку децентрализованной власти и войти въ общій механизмъ всей государственной машины.» Ни Витте, ни Горемыкинъ не пытаются скрыть, что подъ именемъ «общества» они понимаютъ вполнѣ опредѣленныя величины, что это понятіе у нихъ далеко не совпадаетъ съ понятіемъ «народъ». Съ цинизмомъ, возможнымъ лишь въ «конфиденціальныхъ запискахъ», оба сановника считаютъ совершенно излишнимъ прикрывать наготу чисто классовыхъ интересовъ.

Могла-ли крупная промышленная буржуазія довѣрить земству защиту своихъ интересовъ? Нѣтъ не могла, потому что въ земствѣ господствовалъ крупный землевладѣлецъ, интересы котораго далеко не совпадали съ ея собственными интересами. Могли-ли представители крупнаго капитала желать дальнѣйшаго развитія земской самодѣятельности? Поскольку дѣло касалось поднятія общаго культурнаго уровня населенія—распространенія грамотности, заботы о народномъ здравіи, объ улучшеніи дорогъ—крупный капиталъ былъ въ этомъ кровно заинтересованъ; что-же касается дальнѣйшаго развитія земской самодѣятельности, то оно неизбѣжно должно было привести къ ограниченію самодержавія и ограниченію именно *земствомъ*, т. е. представителями землевладѣльческаго класса. А этому промышленный капиталъ сочувствовать уже не могъ. Только при самодержавіи онъ могъ, не боясь конкуренціи другихъ классовъ, вліять на законодательство въ томъ духѣ, какъ это ему нужно, и пользоваться тѣми свободами, которыя ему необходимы, имѣя въ то же время гарантію, что право на эти свободы не будетъ раздѣлять съ нимъ рабочій классъ.

Малѣйшія попытки создать *писаное*, закрѣпленное закономъ ограниченіе самодержавія, т. е. конституцію — хотя бы даже съ рѣзко выраженнымъ классовымъ характеромъ — должны повлечь за собой расширеніе правъ угнетенныхъ классовъ, а это никоимъ образомъ не желательно. Имѣть всѣ нужныя буржуазныя свободы, пользоваться своей матеріальной силой для вліянія на законодательство, имѣть въ своемъ распоряженіи весь самодержавный аппаратъ для борьбы съ рабочими и всѣ могучія внѣшнія силы самодержавія для завоеванія «*внутренняго*» рынка (единственно воз-

можной для русскаго капиталиста формы борьбы на всемірномъ рынкѣ)—вотъ что означало для крупнаго капиталиста и его идеолога Витте сохраненіе самодержавія.

Только въ узко-сословномъ земствѣ могутъ проявить землевладѣльцы свое вліяніе. Только земство, какъ ходатай «всенародныхъ нуждъ» можетъ служить противовѣсомъ алчнымъ аппетитамъ капиталистовъ. Только подъ видомъ этихъ «всенародныхъ нуждъ» могутъ аграріи проводить свои классовые интересы, бороться, напримѣръ, противъ увлеченія колоніальной политикой или постройками такихъ дорогъ, какъ сибирская, которыя создаютъ имъ конкурентовъ по продажѣ сырья, какими стали теперь сибирскіе крестьяне. Отнимите у земства всю его самостоятельность, ограничьте и контролируйте его «культурную» дѣятельность, превратите его по существу въ бюрократическое учрежденіе, но сохраните за нимъ право «ходатайства», право говорить отъ имени всего населенія, выражать его желанія, сохраните «компетенцію» земства хотя бы и лишеннаго власти.

Витте указываетъ на то, что фактически землевладѣльцы очень мало интересуются дѣлами земства и что вся культурная дѣятельность его давно перешла въ руки «третьяго элемента», земскихъ наемниковъ. Кто же этотъ «третій элементъ»? Это именно и есть тѣ «не увлекающіеся революціонной фразой» люди, къ которымъ аппелируетъ авторъ предисловія. Это та самая «интеллигенція», «разночинная» и «буржуазная» въ одно и то-же время, къ которой аппелировала и группа Освобожденія Труда. Это тѣ кроты, которые своей культурнической дѣятельностью медленно подтачивали «основы самодержавія».

Эта интеллигенція «третьяго элемента» видитъ, что на ряду съ ея работой началась другая. «Не надо—говоритъ представитель ея, авторъ предисловія Р. Н. С., (П. Б. Струве) обманываться молчаніемъ легальной печати и самого правительства, —упускать изъ виду, что современное рабочее движеніе несравненно шире распространено и гораздо глубже проникаетъ въ рабочій народъ, чѣмъ соціалистическое «хожденіе въ народъ» 70-хъ годовъ, и что на его почвѣ поэтому можетъ и должно вырасти и чисто политическое движеніе, гораздо *болѣе устойчивое*, чѣмъ геройское народовольчество конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Формы этого движенія

мы не беремся предсказать, но въ томъ, что оно явится, въ этомъ мы убѣждены» *).

И Р. Н. С. обращается къ «обществу»: Смотрите, какъ бы вы вмѣстѣ съ нами не остались за флагомъ. «Если правительство пойдетъ по пути, указываемому г. Витте, и упразднитъ земство, то оно отниметъ у общества главнѣйшее поприще постепеннаго и легальнаго совершенствованія русскихъ общественныхъ и государственныхъ порядковъ и перенесетъ центръ тяжести общественной самодѣятельности на почву нелегальную» **), т. е., другими словами, передастъ рѣшеніе вопроса изъ рукъ земцевъ въ руки рабочаго класса. Теперешнее правительство съ нимъ справиться не сможетъ. «Для соціалдемократическаго движенія характерно то, что оно, имѣя готовую и чрезвычайно широкую теорію, на практикѣ начинаетъ съ мелкихъ мѣстныхъ нецентрализованныхъ организацій и попытокъ, которыя постепенно органическимъ путемъ растутъ и централизуются, не теряя своего мѣстнаго характера, а наоборотъ все глубже и прочнѣе проникая въ мѣстную почву... Противъ такого постепеннаго и органическаго роста рабочаго движенія и соціаль-демократіи въ Россіи правительству нѣтъ смысла выступить сразу съ драконовскими мѣропріятіями. Когда же движеніе выраститъ во внушительную политическую силу и начнетъ выступать съ соотвѣтствующими такой политической силѣ пріемами, драконовскія мѣропріятія придутъ слишкомъ поздно... Только въ такомъ случаѣ дѣло не дойдетъ до конечной и кровавой борьбы революціонной Россіи съ самодержавнымъ бюрократическимъ режимомъ, если среди власть имущихъ окажутся лица, у которыхъ найдется мужество смириться передъ исторіей и смирить передъ ней верховное правительство» ***).

Нельзя было изобразить рельефнѣе дѣйствительное настроеніе «третьяго элемента». Да, реформы необходимы, необходимо ограниченіе самодержавія, но это должно быть сдѣлано «нами», «обществомъ», а не народомъ, не рабочими, не при помощи революціи. Они «люди, давшіе Аннибалову клятву борьбы съ самодержавіемъ****)», страсть, какъ боятся пролетар-

---

*) «Самодержавіе и земство», стр. XXXIX.
**) Тамъ же стр. XXXI.
***) Тамъ же, стр. XL—XLI
****) Тамъ-же стр. XLIV.

ской кровавой революціи, но они не прочь припугнуть ею и «власть имущихъ», и своихъ союзниковъ дворянъ-землевладѣльцевъ и тѣмъ заставить послѣднихъ слиться съ ними въ одну сплоченную оппозицію противъ бюрократизма и опричины. «При наличности яркаго политическаго движенія—а создать таковое задача все болѣе и болѣе консолидирующейся въ Россіи соціалдемократической партіи, хоть сколько-нибудь организованная либеральная оппозиція можетъ сыграть крупную роль; *умѣренныя партіи при умѣлой тактикѣ выигрываютъ отъ обостряющейся борьбы между крайними общественными элементами, каковыми въ данномъ случаѣ явятся, съ одной стороны, самодержавная бюрократія, а съ другой—революціонная соціалъ-демократія»**) (курсивъ мой М. Л.).

Какъ мы видимъ ,«вліяніе времени» не пропало даромъ для русской буржуазной интеллигенціи. Она рѣшительно сбрасываетъ съ себя «революціонный» и «соціалистическій» мундиръ, въ которомъ она щеголяла въ 70-ые и 80-ые г.г. Не находя поддержки у промышленнаго капитала, благодаря тому, что «въ такой странѣ, какъ Россія, промышленные предприниматели положительно даже заинтересованы въ господствѣ бюрократіи, отъ которой они могутъ добиваться гораздо большихъ уступокъ, чѣмъ отъ народнаго представительства, дѣйствующаго подъ контролемъ свободнаго общественнаго мнѣнія и вынужденнаго на каждомъ шагу считаться съ потребительскими интересами» —она, т. е. эта интеллигенція всецѣло бросается въ объятія борющихся *за свое господство* аграріевъ, принимая ихъ недовольство чисто буржуазной дѣятельностью бюрократіи за недовольство всѣмъ политическимъ строемъ вообще. И вотъ совмѣстно съ ними она приступаетъ къ организаціи «либеральной» оппозиціи, которая, борясь направо и налѣво, должна выполнить Аннибалову клятву борьбы съ самодержавіемъ и добиться «права и властнаго всероссійскаго земства».

Таково было настроеніе верховъ нашего общества къ концу 90-хъ годовъ, къ тому времени, когда наши легальные марксисты и нелегальные экономисты употребляли всѣ усилія, чтобы свернуть наше рабочее движеніе съ самостоятельнаго

Тамъ же стр. XXX-X. Курсивъ мой

революціоннаго пути. Настроеніе среди рабочихъ могло только благопріятствовать ихъ усиліямъ. И въ самомъ дѣлѣ, за періодъ промышленнаго расцвѣта 1894-98 г.г. нашимъ рабочимъ удалось пройти тотъ путь, на который ихъ западно-европейскіе товарищи потратили десятилѣтія. Нигдѣ въ другой странѣ рабочимъ не удавалось въ такой короткій промежутокъ отвоевать себѣ столько уступокъ, добиться столь радикальнаго измѣненія всего строя фабрично-заводской жизни.

Въ теченіе какихъ-нибудь трехъ-четырехъ лѣтъ русскимъ рабочимъ *путемъ стачечной борьбы* удалось превратить *чисто патріархальныя* отношенія между предпринимателями и ими въ отношенія, *продиктованныя побѣдоносными стачками*. Все это не могло не отразиться на психологіи нашихъ рабочихъ. Пропаганда экономистовъ о «чисто рабочемъ движеніи», освобожденномъ отъ всякой «интеллигентской» революціонности находитъ среди нихъ все больше и больше адептовъ. И тѣ самые «интеллигенты», которые братски обнимаются съ предводительствуемой Горемыкинымъ и Шараповымъ дворянско-земской оппозиціей, хвалятъ и одобряютъ вѣрный путь, по которому намѣреваются вести рабочихъ новые «соціаль-демократы». «Соціалдемократическіе агитаторы и пропагандисты въ рабочей средѣ,—говоритъ авторъ предисловія,—отчасти уже выходящіе изъ этой самой среды, идутъ въ нее съ *практическими* и обдуманными предложеніями и пріемами, основанными на дѣйствительномъ знакомствѣ съ бытомъ рабочихъ... *Типично въ этомъ отношеніи соціаль-демократическое движеніе среди еврейскихъ рабочихъ въ Россіи»* *), т. е. какъ разъ то движеніе, которое, какъ мы видѣли изъ «Поворотнаго пункта въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія» дальше всего ушло отъ соціаль-демократіи.

XI.

Какъ извѣстно, сова Минервы вылетаетъ только ночью. Когда заграничные и русскіе «критики» стали возводить въ теорію наблюденія изъ временъ промышленнаго расцвѣта, когда они всѣ свои выводы относительно дальнѣйшей тенденціи развитія общества стали строить на этомъ расцвѣтѣ, какъ на чемъ-то постоянномъ, неизмѣнномъ, въ это же самое время

*) „Самодерж. и земство", пред. стр. XI.

болѣе чувствительный барометръ ближайшаго будущаго, чѣмъ вульгарные экономисты и фальсифицированные—по выраженію Плеханова—марксисты, а именно биржа, сталъ довольно ясно намѣчать близкую перемѣну въ промышленной жизни.

«Биржа уже подготовляется къ слѣдующему краху,—пишетъ Карлъ Каутскій.—Она, повидимому, дальновиднѣй иныхъ нашихъ молодыхъ соціалистовъ, для которыхъ достаточно двухъ лѣтъ промышленнаго подъема, чтобы выкинуть за бортъ опытъ цѣлаго столѣтія и теоріи, основанныя на данныхъ этого опыта *). И приготовленіе къ этому краху прежде всего выразилось въ небываломъ поднятіи учетнаго процента всѣми европейскими банками.

Заграничные капиталы пошли въ новыя страны, прежде всего на Дальній Востокъ, куда вслѣдъ за нѣмцами, оттягавшими у Китая Кіау-Чау, потянулась Англія и другія страны. Притокъ заграничныхъ капиталовъ въ Россію начинаетъ останавливаться. Уже осенью 98 года въ Россіи чувствуется недостатокъ въ свободныхъ средствахъ; бумаги на биржѣ не находятъ покупателей. Государственный Банкъ подымаетъ учетный процентъ до 6 на 3 мѣсяца и до $8^1/_2$ на годъ. Къ биржевому застою въ Россіи присоединяется обычный предвѣстникъ русскаго кризиса—голодъ. Уже въ 97 году началась голодовка въ черноземныхъ губерніяхъ. Въ 98 году неурожай повторился еще съ большей силой, захвативъ, кромѣ прошлогоднихъ районовъ, Поволжье и южныя губерніи. Тифъ и цынга начинаютъ свирѣпствовать такъ же, какъ они свирѣпствовали въ 91 — 92 годахъ. «Либеральный» Горемыкинъ издаетъ свой знаменитый указъ, отмѣняющій голодъ административнымъ путемъ. Но ни этотъ указъ, ни закрытіе «продовольственнаго комитета» при Вольно-экономическомъ обществѣ, ни 32 репрессіи, наложенныя за время голода на періодическую печать, ни даже 35 мил. руб., отпущенныхъ правительствомъ на 10 мил. голодающихъ крестьянъ, не могли справиться со всѣми послѣдствіями этого бѣдствія.

«Изъ поступающихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній,—сообщается въ секретномъ циркулярѣ департамента полиціи губернаторамъ,—усматривается, что въ нѣкоторыхъ, по преимуществу южныхъ и юговосточныхъ губерніяхъ за послѣд-

---

*) «Бернштейнъ и соціалдемокр. программа». С.-Петербургъ, 906 г. Стр. 180—181.

нее время возникаетъ цѣлый рядъ крестьянскихъ безпорядковъ, проявляющихся въ видѣ систематическихъ потравъ помѣщичьихъ полей и луговъ съ выгономъ скота подъ карауломъ вооруженныхъ палками, кольями и вилами, нападеній на помѣщичьихъ объѣздчиковъ и сторожей, или значительныхъ порубокъ въ помѣщичьихъ лѣсахъ, при дракахъ съ полѣсовщиками. При захватѣ объѣздчиками крестьянскаго скота крестьяне, съ цѣлью его освобожденія, нерѣдко цѣлыми деревнями совершаютъ вооруженныя нападенія на экономіи и усадьбы землевладѣльцевъ и производятъ разгромъ хозяйственныхъ и даже жилыхъ построекъ, наносятъ побои и увѣчья служащимъ и караульщикамъ. Подобныя безчинства въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопровождались вооруженнымъ сопротивленіемъ прибывающимъ для усмиренія безпорядковъ властямъ и нанесеніемъ побоевъ и ранъ чинамъ полиціи; а въ Воронежской губ. въ маѣ сего (98) года былъ произведенъ выстрѣлъ въ ѣхавшаго по деревнѣ арендатора и становаго пристава, принимавшаго участіе въ прекращеніи безпорядковъ, возникшихъ на почвѣ экономическихъ недоразумѣній крестьянъ, при чемъ становой приставъ былъ убитъ... также былъ случай жестокаго избіенія толпой на базарѣ одного изъ землевладѣльцевъ изъ за денежныхъ расчетовъ по полевымъ работамъ, съ угрозой и впредь расправляться подобнымъ образомъ съ нанимателями»*).

Сотни тысячъ голодающихъ крестьянъ направляются въ города въ поискахъ за работой. Они идутъ прежде всего на благодатный Югъ, гдѣ еще такъ недавно почти каждый могъ найти работу. Тысячи ихъ бродятъ въ Николаевскомъ и Одесскомъ портахъ, въ посадахъ въ родѣ Каховки, которые служатъ рынкомъ для найма сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Но цѣны на трудъ сбиты до нельзя. Работнику платятъ по 10, работницѣ по 5 коп. на своихъ харчахъ. Въ Николаевѣ одурманенные отъ голоду, ненашедшіе работы пришельцы набрасываются на лавки. Сначала громятъ несчастныя базарныя лавченки, принадлежащія преимущественно евреямъ, а затѣмъ толпой двигаются въ самый городъ, гдѣ принимаются за дома богатыхъ и за полицейскіе участки. Затѣмъ полиція начинаетъ усмирять погромщиковъ при помощи обычнаго средства—розогъ, при чемъ арестуется 600 человѣкъ буяновъ. Изъ Николаева волна погромовъ разливается по другимъ

---

*) Циркуляръ 17 іюня 98 г., напечатанный въ „Раб. Дѣлѣ" № 1.

мѣстамъ Юга, и съ особенной силой разражается въ посадахъ Каховкѣ и Березневатомъ.

Само собой разумѣется, что голодъ не могъ не отразиться и на положеніи городскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. Корреспонденты «Раб. Мысли» то и дѣло отмѣчаютъ сбавку расцѣнковъ и прочія притѣсненія экономическаго характера. «Съ новаго года расцѣнки понизились на 50%,—пишетъ рабочій съ Обуховскаго завода *); то-же сообщаютъ и изъ Колпина. «Раньше за комплектъ платили 24 р., а теперь—12 р.»,—жалуются съ Невскаго механическаго завода **) Съ Россійской бумагопрядильни (Калинкина) пишутъ: «расцѣнокъ не понижаютъ, но онѣ до того сбиты, что сбавлять дальше некуда». ***) «Положеніе подмастерьевъ тоже ужасное,—пишетъ рабочій съ фабрики Торнтона;—которые прожили по 30 лѣтъ, добились сноснаго заработка, ихъ разсчитываютъ безъ всякихъ причинъ, а на ихъ мѣста ставятъ новыхъ за ничтожное жалованье и удваиваютъ работу». «На работу плату все сбавляютъ, а за квартиры въ хозяйскомъ домѣ все набавляютъ» ****) и т. д. въ томъ же духѣ.

Подобныя же извѣстія получаются отовсюду. Стачечное движеніе временно затихаетъ: невыгодно устраивать стачки, нѣтъ шансовъ на успѣхъ. Одинъ только югъ пока представляетъ исключеніе. Тамъ заводы продолжаютъ еще расти. Масса голодающихъ, нахлынувшихъ изъ деревень, не можетъ удовлетворить спроса на обученныхъ рабочихъ—слесарей, токарей, литейщиковъ,—такъ какъ она, эта масса представляетъ главнымъ образомъ чернорабочую силу. Хозяева еще жалуются на недостатокъ рабочихъ рукъ. Немудрено поэтому, что еще въ 98 г. большинство начатыхъ здѣсь на заводахъ стачекъ кончается побѣдой, хотя и носитъ не оборонительный, а наступательный характеръ. Конечно, соотвѣтственно этому, здѣсь царятъ «экономисты», которые считаютъ политическую агитацію «несвоевременной». «Пользоваться для политической агитаціи,—пишетъ Екатеринославскій корреспондентъ «Рабочаго Дѣла»,—нерасположеніемъ массы къ полиціи нецѣлесообразно по той простой причинѣ, что рабочіе

---

*) „Раб. М.“ № 4.
**) Тамъ же.
***) Тамъ же. № 6.
****) Тамъ же № 7.

еще не сознають своей силы. Это сознаніе должно явиться у нихъ лишь послѣ того, какъ они будутъ имѣть кой-какіе успѣхи въ экономической борьбѣ за свои ближайшіе нужды и интересы» *). Эта выписка можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, насколько «экономисты», желавшіе только «выражать» настроеніе рабочихъ, мало понимали это настроеніе и какъ не умѣли пользоваться имъ.

Въ томъ же номерѣ «Раб. Дѣла», въ которомъ помѣщена только что цитированная корреспонденція Екатеринославскаго корреспондента, мы находимъ другую, разсказывающую о бунтѣ на Брянскомъ заводѣ въ Екатеринославѣ. «На заводѣ,—говорится тамъ,—сторожами служили черкесы, которые играли здѣсь роль иноземной стражи и по справедливости заслужили сильную ненависть къ себѣ со стороны рабочихъ. Какъ-то рабочіе, желая подразнить одного сторожа, унесли у него сторожевую доску. Сторожъ черкесъ бросился отнимать эту доску и въ спорѣ убилъ кинжаломъ одного рабочаго съ трубопрокатнаго завода въ поселкѣ Кайдаки (въ этомъ же поселкѣ находится Брянскій заводъ); проходившіе мимо рабочіе бросились на сторожа и на другихъ черкесовъ, избили ихъ и принялись жечь сторожевыя будки. Бунтъ вспыхнулъ. Толпа рабочихъ подошла къ главной конторѣ Брянскаго завода, перерѣзала телефонную проволоку и сожгла контору до тла. Ночью къ толпѣ присоединились другіе рабочіе, шедшіе съ завода, разрушили въ поселкѣ Кайдаки казенную винную лавку, а водку выпили. Опьянѣвшая толпа стала разрушать еврейскіе дома, потомъ вернулась на фабричную улицу и сожгла тамъ магазинъ Общества потребителей Александровскаго Южно-Русскаго завода. Этимъ безпорядки окончились. Когда сожгли главную контору, были вызваны войска и пожарные. Въ это время былъ побитъ полицеймейстеръ. Войска стояли два дня. Арестовано было 1200 человѣкъ, многихъ изъ нихъ вскорости освободили, а 500 человѣкъ высланы на родину» **).

Рабочіе не стали ждать указки комитета, когда онъ сочтетъ возможнымъ признать за ними право на борьбу съ полиціей и вступили въ нее сами, но вступили стихійно, отчего борьба эта приняла уродливую форму погрома. Но даже и послѣ

---

*) „Раб. движ. въ Екатеринославѣ“ „Р. Д.“ № 1. Апрѣль 99 г. стр. 83.

**) „Раб. Дѣло“ № 1, стр. 87—88.

этого погрома комитетъ не считаетъ нужнымъ использовать случившагося для выясненія политическаго положенія рабочихъ. Въ прокламаціи, съ которой онъ обращается къ рабочимъ Брянскаго завода, онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о «бунтѣ», не дѣлаетъ ни одного указанія на непосредственную связь между ихъ экономическимъ положеніемъ и всѣмъ политическимъ строемъ *).

И не въ одномъ только Екатеринославѣ не желали «экономисты» считаться съ настроеніемъ рабочихъ и, что самое важное, съ измѣнившимися условіями промышленной жизни. Въ Петербургѣ въ декабрѣ 98 года произошли стачки у Паля и Максвеля. Забастовало около 4 тысячъ человѣкъ. «Союзъ Борьбы», уже объединившійся съ «Рабочей Мыслью», т. е. принявшій «экономическое направленіе», составляетъ обычный листокъ съ требованіями, при чемъ, несмотря на настояніе рабочихъ, умышлено не включаетъ въ нихъ требованій свободы собраній и свободы стачекъ.

Сначала все шло, какъ слѣдуетъ. «Рабочіе вели себя замѣчательно сдержанно и спокойно, и ни одинъ изъ нихъ не выходилъ на работу... Правительство приняло самыя энергичныя мѣры противъ стачечниковъ. Вся мѣстность, гдѣ расположены эти фабрики, была окружена полиціей... полиція распорядилась закрыть на Шлиссельбургскомъ трактѣ всѣ кухмистерскія и съѣстныя лавки. Пошли аресты, при чемъ съ рабочими обращались самымъ возмутительнымъ образомъ и били арестованныхъ на улицахъ нагайками, все это для того, чтобы запугать стачечниковъ». **)

Возмущенные всѣмъ этимъ рабочіе при первыхъ же переговорахъ съ фабричнымъ инспекторомъ категорически заявляютъ, что, помимо экономическихъ требованій, выставленныхъ въ листкѣ «Союза», они требуютъ отъ правительства свободы стачекъ и собраній. Они не удовлетворяются этимъ, и максвельцы рѣшаются на дѣлѣ отстоять свое право на стачку. «Въ ночь съ 16-го на 17-ое декабря,— пишетъ очевидецъ—рабочій,—въ казарму Максвеля явились 8 полицейскихъ, чтобы арестовать рабочихъ. Озлобленные рабочіе прогнали ихъ, надѣясь, конечно, что тѣ не воротятся.

---

*) См. прокламацію „Къ раб. Брянск. зав. въ Екатер.", выпущена осенью 98 г.

**) „Раб. Дѣла" № 1 стр. 79—80.

Полицейскіе, наоборотъ, явились въ громадномъ числѣ, и конные и пѣшіе. Началась настоящая атака. Рабочіе затворили дверь, и когда полицейскіе хотѣли войти, то кто-то бросилъ чугунъ внизъ и нѣсколько полѣньевъ дровъ». *) Затѣмъ началось избіеніе, окончившееся, конечно, побѣдой полиціи.

Редакція «Рабочей Мысли», которая посвящаетъ стачкамъ у Паля и Максвеля передовую статью, не довольна палевскими и максвелевскими рабочими. «Послѣ первыхъ арестовъ при переговорахъ съ фабричнымъ инспекторомъ,—пишетъ она въ томъ же номерѣ,—рабочіе потребовали права собираться, чтобы обсуждать свои дѣла во время стачекъ. Нечего говорить, что это одно изъ самыхъ справедливыхъ нашихъ требованій. *Но* наши права правительство признаетъ за нами только тогда, *когда мы всѣ сознаемъ необходимость этихъ правъ для насъ и* всѣ, какъ одинъ человѣкъ, потребуемъ для насъ этихъ правъ», **) а до того объ нихъ нечего и говорить. Нехорошо поступили и максвельцы. Правда, полиція ихъ била нагайками, арестовывала, закрыла съѣстныя лавки, но не нужно было давать «полицейскимъ повода къ расправѣ», «не слѣдовало попадаться въ полицейскую ловушку». «Въ максвелевскія казармы явилось нѣсколько сотъ полицейскихъ и они избили рабочихъ. Если возстанетъ больше рабочихъ, то противъ нихъ будетъ высланъ полкъ солдатъ, если понадобится, то и цѣлая армія... *Никогда* такія столкновенія къ добру не приведутъ». Вотъ, «благодаря напримѣръ этому столкновенію съ полиціей, «съ трудомъ налаженное дѣло было проиграно, и рабочіе, скрѣпя сердце, принялись за дѣло» Надо дѣйствовать тихо, мирно, и тогда мы всего добьемся. «Рабочіе двигаются уже въ разныхъ углахъ Россіи, сознаніе растетъ всюду. Побольше спокойствія, побольше хладнокровія и наши враги будутъ уступать намъ шагъ за шагомъ.»***)

Хорошо пѣли «экономисты», недаромъ же ими восхищались всѣ «образованные классы» русскаго общества. Но жизнь все нагляднѣе доказывала, что періодъ «мирной», «спокойной», «хладнокровной» стачки уже прошелъ. Оставалось либо терпѣть всякое ухудшеніе положенія, либо, взглянувъ глубже на вещи, начать готовиться къ болѣе рѣшительной борьбѣ. И

---

*) „Раб. Мысль" № 5. Янв. 99 г.
**) Тамъ же. Передовая статья.
***) Тамъ же.

рабочіе начинаютъ вступать на этотъ послѣдній путь. «Въ первый разъ *) политическія требованія,—читаемъ мы въ Екатеринославскомъ отчетѣ,—были выставлены въ воззваніи къ 1 мая (99 г.), написанномъ и напечатанномъ *самими рабочими*. Воззваніе это въ количествѣ 3-хъ тысячъ экземпляровъ въ ночь съ 17-го на 18-ое апрѣля было расклеено и разбросано по всему городу и по всѣмъ предмѣстьямъ. Вездѣ толковали о праздникѣ 1-го мая, о 8-часовомъ рабочемъ днѣ. Около 19 апрѣля состоялось собраніе около 100 человѣкъ ремесленныхъ рабочихъ. На этомъ собраніи екатеринославскіе рабочіе въ первый разъ въ своихъ рѣчахъ и тостахъ заявили о своемъ присоединеніи къ великому международному празднику 1-го мая и о своей готовности къ борьбѣ за политическую свободу»**).

И въ это же самое время «экономисты» изъ «Рабочей Мысли» стараются, какъ говорится, втереть очки своимъ читателямъ, сообщая имъ «*важнѣйшія на нашъ взглядъ—постановленія* парижскаго конгресса 1889 г.»***), при чемъ они перечисляютъ одни лишь требованія экономическаго характера, ни словомъ не упоминая о резолюціи, которая говоритъ, что «во всѣхъ странахъ, гдѣ пролетаріи лишены избирательнаго права и конституціонныхъ правъ, они должны бороться за полученіе права голоса всѣми средствами, которыми располагаютъ». Они обходятъ молчаніемъ какъ это требованіе, такъ и требованіе уничтоженія постояннаго войска, которыя должны считаться самыми важными для всего пролетаріата, и стараются внушить рабочимъ, будто единственными политическими требованіями, выставленными конгрессомъ, были требованія права собираться и устраивать союзы.

Промышленный кризисъ въ Россіи между тѣмъ все усиливался. Взлетаютъ на воздухъ два крупнѣйшихъ столпа русской промышленности—фонъ-Дервизъ и Мамонтовъ. Въ рукахъ этихъ капиталистовъ былъ сосредоточенъ цѣлый рядъ самыхъ крупныхъ предпріятій. Такъ фонъ-Дервизъ былъ фактическимъ хозяиномъ Русскаго торгово-промышленнаго банка, Сѣверностекольнаго промышленнаго общества, общества «Рязанско-

*) Отчетъ ошибается, что въ первый разъ: въ Екатеринославѣ уже въ 94—95 г. велась политическая агитація и майскій листокъ 95 г. тоже содержитъ политич. требованія.

**) Раб. движ. въ Екатеринославѣ. Женева 900 г. стр. 8.

***) Раб. Мысль № 6. Апрѣль 99 г. Передовица.

Уральской и Московско-Казанской ж. д., общества подъѣздныхъ путей, общества пароходства на Волгѣ, общества «Кавказъ», Волжско-Стального общества, Глухо-озерно-цементнаго завода, Московскаго завода Вейхельта, Франко-русскаго общества, Сѣверно-страхового, Сормовскаго завода и Восточнаго общества товарныхъ складовъ. Мамонтовъ царилъ на Московско-Ярославско-Архангельской ж. д., въ об-вѣ Невскаго механическаго завода, въ Сѣверномъ лѣсопромышленномъ об-вѣ, въ об-вѣ Восточно-Сибирскихъ механическихъ заводовъ и въ Московскомъ вагоностроительномъ заводѣ *).

Крахъ этихъ промышленныхъ царей не могъ не отразиться и на безчисленномъ множествѣ тѣсно связанныхъ съ ними предпріятій. «Черные дни» петербургской биржи 22-го и 23-го сентября отмѣчаютъ цѣлый рядъ новыхъ банкротствъ. Отъ дивидентныхъ бумагъ отказываются всѣ; ихъ цѣна падаетъ съ тѣмъ большей быстротой, чѣмъ выше онѣ котировались до того. Акціи механическаго завода Фениксъ съ 600 руб. опускаются до 70 руб., Сормовскія доходятъ до 90 р. «Хищенія Мамонтова и Комп.—пишетъ Шараповъ въ своемъ письмѣ государственному контролеру Филиппову,—происходили съ вѣдома, а можетъ быть и подъ прямымъ руководствомъ финансоваго вѣдомства, гдѣ хищники всѣхъ видовъ поощряются и вызволяются» **).

И дѣйствительно обнаруживаются и становятся всѣмъ извѣстными факты положительно невѣроятные. Такъ, несмотря на «строгій контроль» министерства финансовъ, растраты въ обществѣ Московско-Ярославско-Архангельской ж. дор., хотя акціонеры и продолжали получать 30% дивидентовъ, давно уже превысили весь акціонерный капиталъ. Общество «Фениксъ» выдало своимъ акціонерамъ по 45 р. за акцію дивидента въ то время, какъ уже весь капиталъ былъ растраченъ и дѣло фактически не давало никакой прибыли. Общество «Сталь» растратило 7 милліоновъ и его акціи годились развѣ на оклейку стѣнъ. Конечно, наша печать не могла раскрыть и сотой доли всего, что творилось за кулисами биржи, но уже одного того, съ какимъ рвеніемъ министерство финан-

---

*) См. Мигулина. «Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышл. кризисъ». Харьковъ 902 г, стр. 251 и слѣд.

**) Это письмо опубликовано въ «Рабочемъ Дѣлѣ» № 6. Женева 900 г. стр. 65.

совъ принялось при помощи казенныхъ денегъ тушить биржевой пожаръ, было достаточно, чтобы показать нашему обществу, на что идутъ народныя деньги. Эти «черные дни», эта промышленная Цусима послужили не малымъ толчкомъ къ пробужденію русскаго высшаго общества отъ политическаго индифферентизма. Оппозиція и будированіе земцевъ и другихъ либераловъ изъ общества усиливаются, и отношенія съ правительствомъ обостряются. «Либеральный» Горемыкинъ долженъ былъ уступить мѣсто ставленнику Витте—Сипягину. Реакція правительства усиливается.

Результаты промышленнаго краха всей своей тяжестью ложатся прежде всего на рабочихъ. Сотни фабрикъ и заводовъ закрываются и рабочихъ тысячами выбрасываютъ на улицу; заводы, прекративъ платежи, не платятъ также и рабочимъ. Голодъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова царитъ среди безработныхъ. Все добытое стачками 90-хъ годовъ исчезаетъ почти безслѣдно; законъ 2-го іюня министерскимъ циркуляромъ фактически отмѣняется и замѣняется закономъ объ учрежденіи фабричной полиціи и циркулярами объ организаціи фабричнаго сыска; хозяева, помимо наружной полиціи, обязуются принимать на фабрику по одному шпіону на каждыхъ 200 рабочихъ. Фабричные инспектора фактически освобождаются отъ всякой иной дѣятельности, кромѣ надзора за политической благонадежностью рабочихъ. Передъ рабочими встаетъ альтернатива: либо отказаться отъ дальнѣйшей борьбы и примириться съ экономической и политической реакціей, либо найти новый путь борьбы.

Еще въ 97 году, въ самый разгаръ побѣдоносной стачечной борьбы Ленинъ предвидѣлъ, что такого рода борьба недолговѣчна, и что съ измѣненіемъ условій промышленной жизни долженъ измѣниться и методъ борьбы. Онъ писалъ тогда:

«Передъ русской соц.-демократіей еще громадное, едва начатое поле работы. Пробужденіе русскаго рабочаго класса, его стихійное стремленіе къ знанію, къ объединенію, къ соціализму, къ борьбѣ противъ своихъ эксплуататоровъ и угнетателей проявляется съ каждымъ днемъ все ярче и шире. Гигантскіе успѣхи, которые дѣлаетъ русскій капитализмъ въ послѣднее время, ручаются за то, что рабочее движеніе будетъ безостановочно расти вширь и вглубь. Въ настоящее время мы переживаемъ, видимо, тотъ періодъ капиталистическаго цикла, когда промышленность «процвѣтаетъ», торговля

идетъ бойко, фабрики работаютъ во всю и, какъ грибы послѣ дождя, появляются безчисленные заводы, новыя предпріятія, акціонерныя общества, желѣзнодорожныя сооруженія и т. д. и т. д. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать неизбѣжность краха (болѣе или менѣе крутого), который долженъ послѣдовать за этимъ «процвѣтаніемъ» промышленности. Такой крахъ разоритъ массу мелкихъ хозяйчиковъ, броситъ массы рабочихъ въ ряды безработныхъ и поставитъ, такимъ образомъ, передъ всѣми рабочими массами въ острой формѣ тѣ вопросы соціализма и демократизма, которые давно уже встали передъ каждымъ сознательнымъ, каждымъ думающимъ рабочимъ. *Русскіе соціалдемократы должны позаботиться о томъ, чтобы этотъ крахъ засталъ русскій пролетаріатъ болѣе сознательнымъ, болѣе объединеннымъ, понимающимъ задачи русскаго рабочаго класса*, способнымъ дать отпоръ классу капиталистовъ, пожинающихъ нынче гигантскіе барыши и стремящихся всегда сваливать убытки на рабочихъ,—способнымъ *вступить во главѣ русской демократіи въ рѣшительную борьбу противъ полицейскаго абсолютизма*, связывающаго по рукамъ и по ногамъ русскихъ рабочихъ и весь русскій народъ»*).

Подготовили ли русскіе соціаль-демократы рабочій классъ къ наступившему краху? Нѣтъ. Вся дѣятельность экономистовъ была направлена къ тому, чтобы рабочіе оказались передъ нимъ съ пустыми руками. Да и сейчасъ, когда крахъ уже наступилъ, когда рабочіе инстинктивно начинаютъ искать новаго выхода и когда,—какъ мы видѣли на стачкѣ у Паля и Максвеля и на «бунтѣ» брянскихъ рабочихъ,—рабочіе хотятъ уже *активно* вступить въ борьбу со ставшимъ невыносимымъ полицейскимъ гнетомъ, ихъ руководители и выразители ихъ настроенія всячески удерживаютъ ихъ отъ борьбы причитаніями, что не нужно терять «спокойствія и хладнокровія».

«Вокругъ нашихъ домовъ шумятъ, буйствуютъ, жгутъ, стрѣляютъ. Казаки съ нагайками бьютъ и неистовствуютъ. Старая, милая Рига превратилась въ бѣснующееся море—стрейкуютъ (забастовали) тысячи рабочихъ. Забастовка началась 5-го мая, а теперъ уже 10-ое» **). Рижскіе рабочіе не

---

*) Н. Ленинъ «Зад. русск. соц.-демократовъ» 3-ое изд. Женева. 905 г. стр. 36—37. Курсивъ мой.

**) «Рабочій бунтъ въ Ригѣ». Раб. Дѣло № 2—3. Женева. Авг. 1899 г. стр. 65.

сохранили, видно, хладнокровія и, вопреки увѣреніямъ экономистовъ, что рабочіе еще не сознали своей силы, чтобы вступать въ бой съ правительствомъ, здѣшніе рабочіе въ этотъ бой уже вступили, и вступили не изъ-за «пятачка», не ради улучшенія своего экономическаго положенія, а исключительно изъ чувства солидарности со своими угнетенными товарищами.

«Дѣло было такъ,—читаемъ мы далѣе въ цитированной выше корреспонденціи:—собственникъ джутовой фабрики обѣщалъ своимъ работницамъ повысить заработную плату и даже переманилъ этимъ нѣкоторыхъ изъ другихъ фабрикъ, —но надулъ работницъ: «онъ не только не даетъ большей платы, но даже и прежнюю уменьшилъ на 15 коп. въ день. Тогда работницы отправились жаловаться губернатору. Вызванныя полиція и жандармерія загнали ихъ въ «Псковскій садъ» и не выпускали оттуда. Объ этой нахальной расправѣ полиціи узнали рабочіе завода «Фениксъ», пришли въ «Псковскій садъ» и освободили работницъ. Съ этого и начались схватки».

Рабочіе завода «Фениксъ» никакого отношенія къ порядкамъ на джутовой фабрикѣ не имѣли; но, увидавъ, какъ ихъ товарищей—работницъ точно скотъ загнали въ загонъ и какъ полиція, дабы умѣрить пылъ забастовщицъ, стала поливать ихъ водой изъ пожарныхъ трубъ, рабочіе Феникса набросились на полицію и отбили товарищей. Достаточно было полицеймейстеру сказать, что работницамъ нечего бастовать, такъ какъ онѣ могутъ пополнить свой заработокъ проституціей, какъ рабочіе набросились на стоящіе подъ опекой правительства публичные дома и стали ихъ жечь и громить. Къ рабочимъ Феникса присоединились почти всѣ заводы Риги. Никакихъ экономическихъ требованій они не выставляли. Разгромивъ публичные дома, они приступили къ разгрому фабрикъ, но не потому, что видѣли въ послѣднихъ очаги своей эксплуатаціи, а потому, что фабрики охранялись войсками и на нихъ въ данную минуту было сосредоточено все вниманіе властей. «Къ забастовщикамъ присоединяется все больше и больше рабочихъ (сталъ Балтійскій вагонный заводъ—до 4000 человѣкъ)... продолжается та же работа, т. е. разгромъ фабрикъ... Оружіемъ пользуются всѣ: рабочіе, фабриканты и... башибузуки. Жертва за жертвой. На улицахъ, на площадяхъ необозримыя толпы народа. Рельсы ж. д. за-

нружены густой толпой. Подходитъ поѣздъ, его не пропускаютъ. Казаки бросаются на толпу и бьютъ направо и налѣво нагайками... Въ прошлую ночь (11 мая) разрушили до тла чугунный заводъ «Моторъ» и одну прядильную фабрику. Стычка стачечниковъ съ полиціей и войсками прошлой ночью дала массу жертвъ; бой превзошелъ всѣ предыдущія схватки» *).

Это уже не «бунтъ», не погромъ, гдѣ погромщики храбры, пока нѣтъ войскъ или пока войска и полиція сочувствуютъ имъ. Это уже *форменное возстаніе*, хотя пока и безъ опредѣленнаго плана и лозунга. Это предвѣстникъ будущаго возстанія, возстанія сознательнаго, стремящагося къ опредѣленной цѣли.

«Еще весной (99 года), — пишетъ рабочій-корреспондентъ изъ Маріуполя, — среди рабочихъ листопрокатнаго и трубопрокатнаго заводовъ «Русскій Провидансъ» и желѣзо-чугунно дѣлательнаго завода Никополь-Маріупольскаго Горнометаллургическаго о-ва началось волненіе. 1-го мая почти ни одинъ рабочій не вышелъ на работу. Собравшись у главной конторы, рабочіе послали выборныхъ депутатовъ къ директорамъ съ письменнымъ требованіемъ... Отвѣтъ обѣщали дать черезъ недѣлю. Заводы въ этотъ день не работали... 10-го іюня на стѣнахъ мастерскихъ появилось объявленіе отъ завѣдующихъ цехами, что никакихъ уступокъ рабочимъ на ихъ требованіе сдѣлано не будетъ... Рабочіе завода Провидансъ стали собираться на сходки и рѣшили устроить стачку. День забастовки былъ назначенъ на 13 іюля. Утромъ въ этотъ день значительная часть рабочихъ завода Провидансъ не пошла на работу и стали собираться вблизи завода. Часа черезъ два къ нимъ присоединились остальные и заводъ сталъ; чтобы не произошло несчастья, весь готовый чугунъ выпустили». Делегаты завода Провидансъ убѣдили стать и Никополь-Маріупольскій заводъ и сообща выработали требованія. «Къ двумъ часамъ на заводъ явились и власти — жандармскій офицеръ, исправникъ съ 50-ью челов. городской полиціи и 1½ роты солдатъ съ офицерами. Всего явилось 250 вооруженныхъ людей. Но такъ какъ эта сила исправнику казалась слишкомъ ничтожной рядомъ съ 6-ью тысячами забастовавшихъ, то онъ

---

*) Тамъ же стр. 65—66.

не рѣшился дѣйствовать открыто до прибытія экстренно вызванныхъ изъ Екатеринослава войскъ» *).

Начался обычный пріемъ: ласковое предложеніе выбрать делегатовъ, обѣщаніе исполнить всѣ требованія. Делегаты выбраны. «Прошло нѣкоторое время въ томительномъ ожиданіи, какъ вдругъ разнеслась вѣсть, что выборные рабочихъ арестованы. Нѣсколько человѣкъ видѣли, какъ отъ задняго крыльца двинулась къ городу телѣга съ привязанными къ ней семью рабочими въ сопровожденіи сильнаго конвоя изъ солдатъ. Словно электрическій токъ пробѣжалъ по толпѣ, всѣ заволновались, зашумѣли. Тотчасъ же человѣкъ 600 рабочихъ бросились въ догонку конвою, чтобы отбить такъ предательски схваченныхъ товарищей. Рабочимъ удалось не только нагнать телѣгу, но и перерѣзать ей дорогу, окруживъ ее такимъ плотнымъ кольцомъ, что конвойные солдаты не могли двинуться ни на шагъ. Конвойные испугались такого натиска, прикладами ружей проложили себѣ дорогу и уѣхали, бросивъ арестованныхъ на произволъ судьбы. При этомъ одинъ изъ толпы рабочихъ упалъ смертельно раненый штыкомъ солдата. Арестованные были немедленно освобождены, а затѣмъ толпа, поднявъ убитаго товарища, двинулась назадъ къ главной конторѣ. Можно себѣ представить, какое волненіе охватило всѣхъ оставшихся на мѣстѣ, когда они увидѣли трупъ убитаго! Тутъ уже не подѣйствовали никакіе уговоры болѣе осторожныхъ товарищей, руководителей стачки. Въ окна конторы посыпались камни, машины въ главномъ корпусѣ разламывались на части подъ руками возбужденной толпы. Наконецъ, руководителямъ удалось удержать товарищей отъ дальнѣйшихъ насилій... Ночью, по указанію шпіоновъ было арестовано 80 человѣкъ рабочихъ—ихъ тотчасъ же подъ сильнымъ конвоемъ отправили въ городскую тюрьму. Когда утромъ 14 іюля разнеслась объ этомъ вѣсть по заводу, рабочіе опять взволновались и стали толпами собираться въ главной конторѣ. Часу въ 9-мъ въ толпѣ было уже около 3 тысячъ рабочихъ съ обоихъ заводовъ. Въ 10-мъ часу они вызвали исправника и потребовали освобожденія арестованныхъ ночью 80 товарищей. Исправникъ отказался и поспѣшилъ скрыться въ контору, такъ какъ въ него стали бросать камнями. Волненіе все усиливалось. Тѣсной толпой, громкими криками, требуя выдачи арестован-

*) «Раб. Мысль» № 8. Ферваль 900 г. Стр. 5 столб. 2.

ныхъ, стали подвигаться рабочіе къ конторѣ, гдѣ собралось все начальство. Въ этотъ моментъ изъ конторы въ боевомъ порядкѣ вышли солдаты съ командирами и плотной стѣной стали передъ рабочими. Тогда часть обошла контору съ тылу и стала подступать къ зданію. Но и тутъ ихъ встрѣтили солдатскіе штыки. Положеніе становилось все серьезнѣе. Рабочіе положили трупъ убитаго наканунѣ товарища передъ солдатами и на минуту остановились. Изъ толпы послышался голосъ рабочаго, убѣждавшій солдатъ не проливать крови своего же брата-мужика: «стрѣлять вамъ надо, да только не въ насъ, а въ своихъ офицеровъ», — говорилъ онъ горячо и убѣдительно. Въ отвѣтъ на это офицеръ скомандовалъ: «пли». Грянули выстрѣлы, и три трупа упали на землю. Весь остальной день продолжались стычки рабочихъ съ солдатами и полиціей. Убито было нѣсколько рабочихъ и 1 полицейскій. Всего убито было очень много» *).

Я нарочно остановился подробнѣй на этой стачкѣ. Она очень типична для того переходнаго времени. Рабочіе начинаютъ стачку изъ-за чисто экономическихъ требованій. Она организована и *протекаетъ мирно до тѣхъ поръ, пока въ дѣло не вмѣшаются власти.* Но какъ только начинаются аресты, экономическая перовопричина стачки отходитъ на заднійпланъ, и начинается борьба съпредставителями правительства—полиціей и войсками. Къ этой борьбѣ рабочіе уже приступаютъ безъ предварительнаго уговора, безъ заранѣе обдуманнаго плана. Первоначальная цѣль стачки забывается вовсе, объ экономическихъ требованіяхъ уже не думаютъ. Единственная цѣль дальнѣйшаго движенія—отбить арестованныхъ и наказать насильниковъ. Рабочіе, которые, по увѣреніямъ «экономистовъ», не способны бороться за «идеальныя» цѣли, а борятся лишь за конкретную цѣль улучшенія своего положенія, напираютъ на солдатскіе штыки и умираютъ подъ солдатскими пулями, чтобы спасти своихъ товарищей. Вопреки убѣжденіямъ экономистовъ, и максвельцы, и рижане, и маріупольцы не хотятъ «хладнокровія», они не удовлетворяются больше одной экономической борьбой со своими эксплуататорами-хозяевами, они *уже* вступаютъ въ борьбу съ правительствомъ. И чѣмъ больше обострялся промышленный кризисъ, чѣмъ чаще экономическія требованія рабочихъ не могли

*) Р. М. № 8. Стр. 5, столб. 3.

удовлетворяться хозяевами и чѣмъ чаще, благодаря этому, послѣднимъ приходилось прибѣгать къ вооруженной помощи правительства, тѣмъ рельефнѣе вставалъ передъ рабочими вопросъ о необходимости немедленной борьбы съ правительствомъ, о невозможности добиться какихъ бы то ни было улучшеній при существованіи самодержавія. И тѣмъ чаще сами рабочіе начинаютъ вступать въ борьбу съ этимъ самодержавіемъ.

«Пока надъ ними (рабочими) тяготѣетъ жандармская десница, всѣ ихъ стремленія роковымъ образомъ будутъ обречены на неудачу» *) — такой урокъ выводитъ «Южный Рабочій» изъ
Изд. Екат. Ком. Р. С. Д. Р. П. „Изъ хроники рабочаго движенія“.
послѣднихъ Екатеринославскихъ стачекъ. «Мы представили картину того положенія, въ которомъ находится рабочее движеніе въ Россіи,—говоритъ авторъ хроники въ «Ю. Р.», — и на рядѣ фактовъ показали, какъ необходимы для его успѣшности политическая свобода, обладаніе тѣми правами, которыя являются могущественными орудіями въ дѣлѣ прочнаго подъема жизненнаго уровня рабочаго класса и въ окончательномъ освобожденіи отъ гнета эксплуатаціи, какъ вѣнца его стремленій. И эта задача все болѣе входитъ въ сознаніе самихъ рабочихъ, преобразуя ихъ политическое міросозерцаніе и проявляясь въ фактахъ, которые заставляютъ правительство напрягать всѣ свои усилія для того, чтобы задавить или, по крайней мѣрѣ, задержать рабочее движеніе. 14 августа Екатеринославская губернія объявлена на положеніи усиленной охраны, а въ октябрѣ опубликовано царское повелѣніе, въ силу котораго министрамъ юстиціи и В. Д. предоставлено право нѣкоторыя политическія дѣла (какія имъ заблагоразсудится), а также всѣ дѣла по сопротивленію рабочихъ полиціи или войскамъ разрѣшать не обычнымъ порядкомъ, а передавать съ согласія военнаго министра вѣдѣнію военныхъ судовъ. Этимъ царскимъ повелѣніемъ правительство открыто объявляетъ войну рабочему движенію не на жизнь, а на смерть» **).

«Борьба рабочаго класса съ капиталистами,—пишетъ передовикъ кіевской рабочей газеты «Впередъ»,—привела его къ новому врагу», царскому правительству «и къ борьбѣ съ нимъ

---

*) „Ю. Р.“ Екатеринославская раб. газета № 1 Январь 900 г.
**) Тамъ же.

за политическія права» *). «Пусть тѣ, кто упрекаетъ насъ въ горячности, — говорятъ въ своей прокламаціи рижскіе рабочіе, — попробуютъ вытерпѣть, чтобы ихъ женъ и дѣтей загнали въ заставу и обливали, какъ собакъ, водой, чтобы не поспѣшить освободить ихъ отъ безчеловѣчныхъ обидъ и издѣвательствъ. Мы не желали крови. Мы желали только мирнымъ путемъ бороться со своими экономическими врагами, желали жаловаться правительству на обиды со стороны фабрикантовъ. Но вмѣсто справедливости правительство отвѣтило намъ издѣвательствомъ, да убійствомъ. Это открыло намъ глаза» **).

Но экономисты не хотятъ этому вѣрить и попрежнему убѣждаютъ рабочихъ, что глаза ихъ закрыты. «Русское рабочее движеніе,—иронизируетъ «Рабочая Мысль»,—выросло за послѣднее время и окрѣпло, охвативъ всю Россію. Политическая и соціалистическая пропаганда проникаетъ въ широкія массы рабочихъ, способствуя росту классового самосознанія. Начинаютъ выставляться самыя широкія политическія требованія: «свободы стачекъ, слова, печати, собраній, союзовъ... свободы совѣсти, вѣроисповѣданій... равноправіе всѣхъ національностей... созыва парламета» (Майскія прокламаціи 98 г. С. П. Б.). Такъ или приблизительно такъ принято у насъ говорить о нашемъ рабочемъ движеніи. Но такова ли дѣйствительность?» ***)

Этотъ номеръ Рабочей Мысли вышелъ послѣ рижской и маріупольской стачекъ, во время суда надъ максвелевскими рабочими. Послѣднія стачки, суды надъ рабочими, угроза военными судами за сопротивленіе полиціи внушаютъ этимъ «руководителямъ» и «выразителямъ» настроенія рабочихъ слѣдующую глубокомысленную тактику: «Итакъ, товарищи, на этомъ дѣлѣ (судъ надъ максвельцами) хорошо видно, что не только фабриканты и полиція, но и судъ дружно стоятъ противъ насъ; намъ нужно съ ними дружно бороться, и не только дружно, но и *разумно*. Полиція старается насъ выводить изъ себя, чтобы потомъ насъ же въ бараній рогъ согнуть. Въ отвѣтъ на это мы должны быть дружны, выдержаны и *знать законы, чтобы*,

---

*) Впередъ. Изд. Кіев. Комит. Р. С.-Д. Р. П. № 4. Янв. 99 г. Передовица.

**) „Воззваніе къ латыш. рабочимъ и работницамъ". Союза лат. С.-Д. іюнь 99 г Раб. Дѣло № 2—3, стр. 69.

***) „Р. М," № 7. іюнь 1899 г, 1 стр, 3, столб.

какъ можемъ, бороться за каждую частичку нашихъ правъ, которыхъ у насъ и такъ уже слишкомъ мало. Вотъ почему каждому изъ насъ слѣдуетъ имѣть у себя нѣкоторые законы: Уставъ о промышленности, Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, Уставъ объ уложеніи о наказаніяхъ и Положеніе объ усиленной охранѣ. А такъ какъ книги эти довольно таки дороги, то всего лучше покупать ихъ въ складчину». *)

Итакъ эти прихвостни буржуазныхъ либераловъ, именуя себя соціалдемократами, единственнымъ отвѣтомъ на разстрѣлы въ Ригѣ и Маріуполѣ и на судъ, самымъ безцеремоннымъ образомъ нарушившій всѣ законы, совѣтуютъ рабочимъ вооружаться... уставами и—въ случаѣ если ихъ будутъ разстрѣливать или хлестать нагайками—справляться, соблюдаются ли при этихъ разстрѣлахъ и избіеніяхъ законы и нѣтъ ли повода для обжалованія насильниковъ. Ну, а если все это совершается согласно уставу, хотя бы «о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій», то покорно сносить свою судьбу? «Намъ, товарищи, бояться начальства да людей не приходится! Не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ... Посадятъ въ предварительное заключеніе... Ну, чтожъ! и тамъ жить можно! Дадутъ задаромъ комнату, пищу, да книжки можно доставать. Почитывай, да ума набирайся. Иной оттуда выйдетъ все равно, что въ университетѣ побывалъ. А вышлютъ, мы со своими руками нигдѣ не пропадаемъ, да и друзья найдутся, помогутъ» **).

Въ этой статьѣ очень рельефно выражается истинная сущность экономистовъ: рабочіе рвутся въ бой съ правительствомъ, хватаются уже за камни, палки, ружья, чтобы отстоять своихъ товарищей, вырвать ихъ изъ рукъ насильниковъ, а «выражающая настроеніе» этихъ самыхъ рабочихъ редакція «Рабочей Мысли» удерживаетъ ихъ за фалды и, суя въ руки уставчикъ, утѣшаетъ, что арестованнымъ рабочимъ совсѣмъ даже хорошо сидѣть въ тюрьмѣ, въ родѣ какъ въ университетѣ.

«Поднимемъ свои отвердѣвшія отъ работы желѣзныя руки,—пишутъ въ это же время латышскіе рабочіе,—и по-

---

*) „Р. М, № 8, февраль 1900 г. „Сенатское рѣшеніе по дѣлу максвельцевъ", стр, 1, 3 столб,

**) Тамъ же,

клянемся на могилахъ нашихъ товарищей, что не успокоимся раньше, чѣмъ изъ ихъ крови не выраститъ дерево свободы! *Ножемъ и револьверомъ теперь мы еще не можемъ бороться*. Нашъ врагъ еще крѣпко организованъ и въ кровавой битвѣ сильнѣе насъ. Чтобы помѣряться съ нимъ силами мы *должны организоваться* и тѣмъ примкнуть къ нашимъ товарищамъ въ Россіи и Польшѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ко всей международной соціалдемократіи. *Теперь* всякое кровавое столкновеніе намъ больше вредитъ, чѣмъ приноситъ пользы. Но, организуясь и соединяясь съ русскими и польскими соціалдемократами, *мы ускоримъ наступленіе того дня, когда съ оружіемъ въ рукахъ будемъ въ состояніи отомстить за нанесенныя намъ обиды*». *)

XII

По приведеннымъ въ послѣдней главѣ цитатамъ мы видимъ, что «экономическое» направленіе хотя и преобладало, но отнюдь не было единственнымъ среди дѣйствовавшихъ въ концѣ 90-хъ годовъ соціалдемократовъ. На ряду съ «Рабочей Мыслью» въ Кіевѣ выходила тоже рабочая газета «Впередъ». Хронологически это первая русская соціалдемократическая газета. Первый номеръ ея вышелъ въ декабрѣ 1896 года, а до весны 1900 г. всѣхъ номеровъ вышло 10. Первые три выпускались группой «Рабочее Дѣло», которая современемъ стала называться «Рабочимъ комитетомъ».

Въ вышедшемъ въ январѣ 99 года № 4 газеты «Впередъ» сообщается, что «согласно постановленію перваго съѣзда русскихъ соціалдемократовъ, приложенному къ Манифесту Р. С. Д. Р. П., Кіевскій Союзъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса и Кіевскій Рабочій Комитетъ сливаются въ одно цѣлое, образуя изъ себя Кіевскій Комитетъ Р. С. Д. Р. П.» Газета «Впередъ» съ самаго начала не ставила своей задачей сузить затрагиваемые ею вопросы исключительно сферой непосредственной борьбы рабочихъ съ капиталистами. Уже въ первомъ номерѣ редакція заявляетъ, что она будетъ выяснять рабочимъ всѣ происходящія событія и воспитывать ихъ къ борьбѣ, и надо отдать ей справедливость—что обѣщаніе это по возможности дѣйстви-

---

*) „Воззв. къ лат. рабочимъ и работницамъ" „Р. Д." № 2—3. стр. 71.

тельно исполнялось. Такъ, въ этой газетѣ разбирался, напримѣръ, вопросъ о безправіи рабочихъ, обусловленномъ классовымъ характеромъ нашего государства, указывалось на значеніе для рабочаго движенія образованія Р. С. Д. Р. Партіи; затѣмъ въ статьѣ по поводу «Тайныхъ документовъ русскаго правительства по польскимъ дѣламъ» доказывалось, что правительство уступаетъ только силѣ рабочихъ, а добровольно ничего не даетъ. *) Въ № 5, въ статьѣ «Куда идутъ народные милліоны» разбирается роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, и на основаніи анализа этой росписи доказывается, «что такъ называемые государственные доходы— это трудовыя деньги народа и, что эти сотни милліоновъ народныхъ денегъ идутъ въ видѣ государственныхъ расходовъ не для народа, а противъ народа... И такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока народъ не будетъ имѣть своихъ представителей для охраны своихъ интересовъ, пока у насъ не будетъ политической свободы. **) Въ томъ же номерѣ помѣщена статья «Не говорите мнѣ онъ умеръ, онъ живетъ», посвященная памяти Карла Маркса, въ которой въ популярной формѣ излагаются основы научнаго соціализма.

Въ прошлой главѣ мы видѣли уже, какъ подъ вліяніемъ промышленнаго кризиса рабочіе, вопреки всѣмъ увѣреніямъ «экономистовъ», будто они еще не дозрѣли до политической борьбы, въ цѣломъ рядѣ фактовъ показали всю необходимость для нихъ выйти за предѣлы экономическихъ столкновеній съ капиталистами и вступить уже въ непосредственный бой съ представителями власти. Передъ сознательными соціалдемократами, которые не могли, подобно «Рабочей Мысли», рекомендовать рабочимъ, въ качествѣ единственнаго средства борьбы съ произволомъ, изученіе законовъ и обжалованіе дѣйствій полиціи,***) неизбѣжно вставалъ вопросъ, въ чемъ и какъ должно проявляться массовое политическое движеніе. «Ножемъ и револьверомъ теперь мы еще не можемъ бороться»,—говорили латышскіе соціалдемократы; и въ этомъ, т. е. что для массового возстанія время еще не пришло, соглашались и всѣ сознательные русскіе соціалдемократы.

---

*) См. „Впередъ" кіевская раб. газета. № 4. Янв. 99 г.

**) „Впередъ" № 5. Изд. Кіев. Ком. Р. С. Д. Р. П. Мартъ 99 г.

***) Тотъ же методъ борьбы настойчиво рекомендовалъ въ это же время въ спеціально выпущенной прокламаціи Виленскій Комитетъ Бунда.

Въ Польшѣ, гдѣ, благодаря страшному гнету обрусительной политики, массовое движеніе съ самаго начала носило политическій характеръ, политическія демонстраціи (на 1-ое мая, на похоронахъ товарищей, при чествованіи памяти убитыхъ во время волненій и т. д.) стали практиковаться сравнительно уже давно. Демонстраціи имѣли мѣсто и въ Россіи, какъ, напримѣръ, демонстрація по по воду смерти Вѣтровой, Ходынская демонстрація, не говоря уже объ исторической демонстраціи Земли и Воли на Казанской площади и цѣломъ рядѣ другихъ—у судовъ и на похоронахъ, которыя происходили въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ. Но лишь въ неудавшейся Ходынской демонстраціи въ Москвѣ принимали участіе рабочіе и участіе не только пассивное, но и активное. Въ Вѣтровской демонстраціи, напримѣръ, рабочіе почти совершенно отсутствовали. Въ Кіевѣ мѣстный Союзъ выпустилъ даже особую прокламацію, рекомендуя рабочимъ не итти на эту демонстрацію, которую устраивали студенты и мѣстные соціалисты-революціонеры. «Пусть рабочіе,—говорилось въ этой прокламаціи,—сами почувствуютъ и поймутъ, что правительство мѣшаетъ имъ бороться, тогда они сдѣлаются сознательными сторонниками политической борьбы; пусть они пройдутъ необходимую школу борьбы экономической, а тогда зовите ихъ на политическую борьбу». *)

Въ 1899 году 1-го мая была большая манифестація въ Вильнѣ, въ которой участвовало до 1000 человѣкъ, и въ Либавѣ, гдѣ ко дню перваго мая рабочіе устроили первую въ Россіи общую майскую забастовку. «Въ Новой Либавѣ,—читаемъ мы объ этомъ въ «Раб. Дѣлѣ»,—рабочіе съ жестяной фабрики прошли по улицамъ съ 5-ью красными знаменами, громко требуя 8-ми часового рабочаго дня, конституціи, свободы союзовъ и свободы печати. При этомъ 5 рабочихъ, несшихъ знамена, были арестованы. Затѣмъ тысячи рабочихъ и работницъ въ теченіе нѣсколькихъ дней устраивали грандіозныя демонстраціи по главнымъ улицамъ Либавы. Рабочіе сами наблюдали за порядкомъ, а полицеймейстеръ и жандармскій полковникъ, не рѣшаясь вмѣшаться, въ каретѣ сопровождали демонстрантовъ сзади». **)

---

*) «Къ сознательнымъ рабочимъ». Прокл. Кіевск. Союза Борьбы 20 марта 97 г.

**) Майскій праздникъ въ Россіи въ 99 г. «Раб. Дѣло» № 2—3 августъ 99 г. стр. 32.

«Итакъ, демонстраціи возможны и въ Россіи»—пишетъ «Впередъ» въ № 6, разсказавъ о демонстраціи въ Польшѣ; а затѣмъ редакція посвящаетъ уже цѣлую статью вопросу о демонстраціяхъ. «Демонстраціи, — читаемъ мы въ этой статьѣ, — являются прекраснымъ средствомъ для распространенія какой-нибудь идеи. Онѣ обращаютъ на себя всеобщее вниманіе, но кромѣ того демонстраціи громадную пользу приносятъ и самимъ участникамъ, и вотъ почему. Каждый человѣкъ въ одиночку, какъ бы не желалъ онъ что-нибудь сдѣлать, все же чувствуетъ себя безсильнымъ и не обладаетъ поэтому достаточнымъ количествомъ энергіи—но вотъ онъ вмѣстѣ съ другими людьми, которые думаютъ такъ-же и стремятся къ тому же, какъ онъ; онъ оживляется, становится бодрымъ, энергичнмъ, желанія и надежды его крѣпнутъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпнетъ и все дѣло». *)

Далѣе, авторъ разбираетъ вопросъ объективно, соображаясь съ условіями кіевской работы. «Неумѣстно устроенная демонстрація, —говоритъ онъ,—можетъ повредить дѣлу. Возьмемъ примѣръ изъ нашей жизни. Пусть въ какомъ-нибудь мѣстѣ только что началось рабочее движеніе; большинство рабочихъ еще не понимаетъ своихъ интересовъ и едва найдется какой-нибудь десятокъ сознательныхъ. Если послѣдніе устроятъ сами шествіе 1-го мая, дѣло кончится тѣмъ, что всѣхъ ихъ заберутъ, а остальные рабочіе такъ и останутся безъ всякихъ понятій о своемъ положеніи. Сознательные рабочіе гораздо лучше бы сдѣлали, заручившись сперва достаточной поддержкой—тогда, если даже нѣсколько человѣкъ будутъ имѣть столкновеніе съ полиціей, все же большинство останется и будетъ продолжать начатое дѣло. Итакъ *демонстраціи являются прекраснымъ орудіемъ, и рабочіе должны ими пользоваться* (курсивъ подлинника), но только всегда слѣдуетъ хорошо обсудить, достаточно ли они подготовлены для этого».**)

Судя по слогу, авторъ этой статьи рабочій. Онъ, какъ мы видимъ, считаетъ переходъ къ демонстраціямъ неизбѣжнымъ для русскаго рабочаго движенія. Весь вопросъ у него сводится лишь къ тому, достаточно ли окрѣпло въ настоящій моментъ мѣстное движеніе для того, чтобы рисковать сознательными рабочими: вѣдь на демонстрацію они пойдутъ въ

---

*) «Впередъ» № 6. Апрѣль 99 г.
**) „Впередъ" № 7. „О демонстраціяхъ".

первую голову, а съ ихъ проваломъ можетъ исчезнуть возможность продолженія работы среди массъ. Отсюда ясно вытекаетъ второй вопросъ, какъ заставить самую рабочую массу участвовать въ демонстраціяхъ. При стихійныхъ вспышкахъ, въ родѣ рижской и маріупольской, эта масса принимаетъ самое активное участіе; такое же участіе принимала она и въ демонстраціяхъ въ Польшѣ, отчасти въ Либавѣ. Въ районѣ Бунда въ демонстраціяхъ участвовали, повидимому, одни лишь организованные рабочіе—не даромъ же бундовцамъ удается такъ точно (съ точностью до десятковъ) подсчитывать число участниковъ своихъ демонстрацій. Но можно ли разсчитывать на то, что рабочая масса пойдетъ на демонстрацію гдѣ-нибудь въ Кіевѣ, Петербургѣ или Екатеринославѣ?

«Признавая ближайшей общей задачей рабочаго движенія въ Россіи борьбу за политическія права пролетаріата,—пишетъ въ своемъ Profession de foi Кіевскій комитетъ,—Кіевскій комитетъ не считаетъ, однако, возможнымъ въ настоящій моментъ обращаться къ массѣ рабочихъ съ призывомъ къ политическимъ дѣйствіямъ, иначе говоря вести политическую агитацію, *такъ какъ русскій рабочій въ массѣ не созрѣлъ еще для политической борьбы*». Б—въ (петербургскій практикъ) пытается выяснить степень политической зрѣлости петербургскихъ рабочихъ. «Отличительной чертой современнаго революціоннаго движенія говоритъ онъ нужно признать, съ одной стороны, все возрастающее естественное выдѣленіе пролетаріатомъ сознательныхъ революціонеровъ—рабочихъ; съ другой —сліяніе кружковой дѣятельности съ массовой агитаціей и успѣхъ послѣдней. Сліяніе это до нѣкоторой степени обусловливается появленіемъ новаго, политически развитого слоя рабочихъ, стоящаго между революціонеромъ-рабочимъ и массой. Сообразно съ этимъ общимъ характеромъ соціалистическаго движенія, рабочій классъ съ точки зрѣнія его политическаго развитія распадается на три существенно различныхъ категоріи: дѣятельныхъ, сознательныхъ революціонеровъ, промежуточный политически развитой слой, съ каждымъ годомъ все увеличивающійся численно, и остальную рабочую массу съ слабо выраженнымъ классовымъ самосознаніемъ» *). Б—въ выводитъ отсюда, что «рабочіе Петербурга въ общей массѣ еще

---

*) «Петербургское движеніе и практич. задачи соц.-демократіи» «Р. Д.» № 6, апрѣль 900 г., стр. 28—29.

неясно сознаютъ свои политическіе интересы, но ходъ развитія русскаго революціоннаго движенія, выражающійся во все возрастающемъ числѣ политически зрѣлыхъ рабочихъ, ведетъ къ тому, что *въ недалекомъ будущемъ петербургское рабочее движеніе приметъ характеръ массовой борьбы пролетаріата за свое политическое и экономическое освобожденіе»* *).

Когда-то первые соціалдемократыс читали нужнымъ содѣйствовать «ходу развитія революціоннаго движенія», они устраивали кружки для политически зрѣлыхъ рабочихъ и вели агитацію въ массахъ. Занятія въ кружкахъ имѣли цѣлью направить мысль политически зрѣлыхъ и революціонно настроенныхъ рабочихъ на соціалдемократическій путь, а широкая агитація должна была направить на этотъ путь мысль всей пролетарской массы. Идеологи «экономизма», заявивъ, что имъ «стыдно говорить о соціализмѣ и о сверженіи самодержавія», стали усиленно бороться *противъ* «хода развитія революціоннаго движенія» и всѣми силами толкать массовое движеніе на мирный трэдъ-юніонистскій путь. Они имѣли колоссальный успѣхъ, но этотъ успѣхъ продолжался лишь до тѣхъ поръ, пока промышленная и тѣсно связанная съ ней политическая реакція на зарѣ 20-го вѣка не разбила иллюзію о возможности существованія при самодержавіи мирнаго трэдъюніонизма.

Прежде всего отъ этой иллюзіи отказались сами рабочіе: максвельцы, палевцы, маріупольцы, рижане и др. «Рабочая Мысль» и ея единомышленники нѣкоторое время пытаются еще плыть противъ теченія; они продолжаютъ борьбу съ «политикой» и грозно окрикиваютъ максвельцевъ, но почва все болѣе и болѣе уходитъ у нихъ изъ-подъ ногъ. Мирная экономическая, стачечная борьба становится все болѣе и болѣе немыслимой; медленное подтачиваніе самодержавія высшими классами общества, на которое возлагалъ надежды Аксельродъ, а по его примѣру и авторъ «Credo», привело къ прямо противоположнымъ результатамъ. Самодержавіе окрѣпло настолько что изъ оборонительной позиціи, которой оно по преимуществу держалось въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ, оно переходитъ къ наступательной. Лишеніе Филяндіи конституціи, законъ объ отдачѣ студентовъ въ солдаты, конфискація армянскихъ

*) Тамъ же, стр. 33—34.

церковныхъ имуществъ,—все это наилучшимъ образомъ знаменуетъ собой эру новой наступательной тактики. Самодержавіе окрѣпло, потому что все менѣе и менѣе чувствовало себя висящимъ въ воздухѣ. Политика Витте спаяла его интересы съ интересами крупной промышленной и финансовой буржуазіи. Самодержавіе и буржуазія стали слишкомъ необходимыми другъ для друга. Съ аграрной оппозиціей не трудно было справиться подачками, въ родѣ расширенія правъ дворянскаго банка, усиленія дѣятельности крестьянскаго, вовлеченія все большаго числа аграріевъ въ сферу колоніальной и концессіонной авантюры, и регламентаціей земской дѣятельности при помощи введенія въ составъ земцевъ все большаго числа земскихъ начальниковъ и другихъ чиновниковъ. Съ оппозиціонерами-же, въ родѣ Шарапова, дѣло кончалось просто выдачей субсидіи.

Вся полицейская мощь правительства направилась противъ рабочаго движенія. Передъ соціалдемократами ребромъ сталъ вопросъ: либо политическая борьба, либо отказъ отъ всякой борьбы. «Когда правительство вызывающе относится къ стачечникамъ,—пишетъ въ это время Мартовъ,—когда оно предписываетъ беззаконныя, жестокія расправы надъ ними, когда оно попираетъ ногами самыя элементарныя человѣческія права—въ такихъ случаяхъ имѣемъ ли мы, какъ революціонеры, право призывать рабочихъ къ порядку, если мы въ тоже время не можемъ имъ указать практическихъ путей для борьбы съ этимъ политическимъ строемъ, который создаетъ всѣ эти гнусности? Когда пули славныхъ ярославскихъ и домбровскихъ воителей сѣютъ смерть въ рядахъ женъ и дѣтей пролетаріата, не должны ли казаться насмѣшкой совѣты держаться спокойно и *итти прежнимъ путемъ стачечной борьбы*, той самой борьбы, которая неизбѣжно сопровождается подвигами этихъ слугъ самодержавія. *Только выступая, какъ политическая партія, имѣющая передъ собой опредѣленный планъ политической борьбы* (курсивъ мой М. Л.) мы можемъ, не рискуя уподобиться лишенному всякаго гражданскаго мужества либерализму, призывать рабочія массы къ хладнокровному поведенію въ отвѣтъ на правительственныя безчинства *)... Соціалистамъ остается избрать одинъ изъ двухъ путей: либо ведя попрежнему устно и печатно политическую

*) «Красное Знамя въ Россіи». Женева 1900 г., стр. 61—62.

пропаганду, ограничиваться затѣмъ практическимъ участіемъ въ экономической борьбѣ пролетаріата, выжидая, пока, въ ходѣ все обостряющейся экономической борьбы, рабочія массы *сами перейдутъ* къ непосредственной борьбѣ съ правительствомъ въ тѣхъ формахъ, которыя имъ представятся подходящими, или же *взять на себя задачу* теперь же *организовать политическую борьбу рабочаго класса*, такъ же, какъ они старались организовать въ послѣдніе годы борьбу экономическую» *)..

На этотъ вопросъ цитированный уже нами Б-въ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «Ошибочно было бы думать,—пишетъ онъ,—что политическое развитіе рабочихъ находится въ непосредственной зависимости отъ количества и качества интеллигентовъ-агитаторовъ, ведущихъ среди нихъ устную агитацію. Если революціонеры—рабочіе не только не нуждаются въ воздѣйствіи со стороны интеллигентовъ, но и сами могутъ дать хорошій совѣтъ интеллигенту, то и передовой (промежуточный) слой пролетаріата *лишь съ большими ограниченіями требуетъ руководительства подпольныхъ агитаторовъ*. Интеллигентъ въ кружкѣ является старшимъ товарищемъ, отъ котораго ждутъ разъясненій, но *не направленія мысли* въ ту или иную сторону. Фактомъ вступленія въ революціонный кружокъ рабочій доказываетъ свое оппозиціонное направленіе, а характеръ интересующихъ такого рабочаго вопросовъ не оставляетъ сомнѣнія въ своемъ сильномъ недовольствѣ существующимъ политическимъ строемъ **)... Масса же *пробуждается во время стачекъ*, и стачки Максвеля и Паля въ декабрѣ 1898 года и многія другія ясно показываютъ, что рабочіе оппозиціонно настроены не только къ фабрикантамъ, но также и къ полиціи и жандармамъ» ***).

Выводъ отсюда ясенъ: задача соціалдемократіи не организовывать этотъ новый фазисъ борьбы, не направлять мысль рабочихъ, а лишь выяснять, формулировать уже существующіе взгляды. «Поскольку дѣйствующая организація,—говоритъ далѣе Б-въ,—задается цѣлью *отражать требованія, взгляды, настроеніе наименѣе развитой части фабрично-заводскаго пролетаріата*, оставляя безъ вниманія полити-

*) Тамъ-же, стр. 60.
**) «Петер. движеніе и т. д.». «Раб. Дѣло» № 6. стр. 31.
***) Тамъ же стр. 33.

ческую зрѣлость передовыхъ слоевъ его, постольку практическая дѣятельность ея поневолѣ должна носить преимущественно характеръ агитаціи на почвѣ ближайшихъ экономическихъ интересовъ, и центръ тяжести долженъ лежать въ изданіи прокламацій, эксплуатирующихъ каждый частный фактъ, каждое мѣстное злоупотребленіе на фабрикѣ. С.-Петербургскій комитетъ Р. С. Д. Р. П. и является такой организаціей, которая до сихъ поръ задавалась исключительно цѣлью выяснить и суммировать насущнѣйшія потребности наименѣе развитой части пролетаріата. Если же организація ставитъ себѣ задачей отражать интересы, взгляды, настроеніе передовыхъ рабочихъ, если она хочетъ итти впереди развивающагося (массового) движенія, указывая ему дорогу и пытаясь облегчить ему его поступательный ходъ—организація должна поставить своей ближайшей задачей связать насущные экономическіе интересы массы съ общими экономическими и политическими условіями. Сообразно съ этимъ мѣняется характеръ нелегальной литературы и способъ агитаціи какъ устной такъ и письменной. Такой организаціей въ Петербургѣ является «Рабочее Знамя», такимъ источникомъ нелегальной литературы—издательская дѣятельность «Рабочаго Дѣла» *). «Петербургскій комитетъ, стремясь въ 1899 году объединить всѣ дѣйствующія въ Петербургѣ организаціи, рѣшаетъ сохранить оба органа: органъ для широкихъ слоевъ—Рабочую Мысль и органъ для передовыхъ рабочихъ—Рабочее Знамя» **).

Другими словами, это слѣдуетъ понимать такъ, что въ то время, какъ одинъ органъ будетъ выяснять широкимъ массамъ нелѣпость идеи о сверженіи самодержавія и доказывать, что при помощи мирныхъ стачекъ плюсъ изученіе «устава о пресѣченіи преступленій» можно добиться всего, другой органъ будетъ звать передовыхъ рабочихъ на политическую борьбу съ самодержавіемъ, при чемъ онъ долженъ только выражать ихъ настроеніе, а не направлять ихъ и толкать впередъ, потому что они безъ того будутъ итти впереди развивающагося массового движенія.

Правда, это уже не экономическое направленіе; къ «экономистамъ» не могутъ быть причислены ни Б-въ, ни авторы Кіевскаго Profession de foi, ни даже «Рабочее Дѣло». Но это

---

*) Тамъ-же 35—36.
**) Акимовъ. «Оч. развитія с.-д. въ Россіи», стр. 75.

новое направленіе, съ другой стороны, очень далеко и отъ направленія революціонныхъ соціалдемократовъ начала 90-хъ годовъ, того направленія, которое въ это время не имѣло еще ни своего органа, ни своей собственной издательской фирмы и представители котораго въ большинствѣ случаевъ находились не у дѣлъ, въ ссылкѣ. Это старое направленіе выразилось въ описываемое время въ «Протестѣ 17-ти», въ брошюрѣ Ленина «Задачи русскихъ соціалдемократовъ» и въ брошюрахъ Мартова: «Красное знамя въ Россіи» и «Рабочее Дѣло въ Россіи».

Редакція «Рабочаго Дѣла» въ докладѣ, представленномъ ею по порученію «Союза Русскихъ Соціалдемократовъ» Международному Соціалистическому Конгрессу 1900 г. въ Парижѣ, отвѣчая на упрекъ, что экономисты «суживаютъ свою программу, опускаясь до уровня массы, вмѣсто того, чтобы поднять ее до своего» *), заявляетъ, что «въ различныхъ мѣстахъ мы имѣемъ передъ собой лишь *различныя стадіи развитія одного и того же движенія* **)... Въ то время, какъ рабочіе, воспитанные на предшествовавшей экономической борьбѣ, уже созрѣли для политической агитаціи, только что вовлеченные въ движеніе широкіе слои рабочихъ нуждались пока еще только въ агитаціи на чисто экономической почвѣ. .....къ несчастью члены организаціи «Рабочей Мысли» стали возводить *въ принципъ* самъ по себѣ цѣлесообразный и необходимый вначалѣ агитаціонный пріемъ, противопоставляя экономическую борьбу политической и отодвигая эту послѣднюю на задній планъ». Но «замѣтимъ мимоходомъ,—продолжаетъ отчетъ,—что во всей исторіи русскаго революціоннаго движенія повторяется это печальное явленіе—стремленіе возводить на степень единоспасающаго догмата извѣстный методъ или средство борьбы, оказавшіеся при извѣстныхъ условіяхъ особенно успѣшными. Мы, однако, твердо убѣждены, что *широкая основа рабочаго движенія* въ связи съ его ясными основными принципами *охранитъ русскую соціалдемократію въ ея цѣломъ*, несмотря на временныя ошибки отдѣльныхъ ея группъ, отъ лихорадочныхъ тактическихъ скач-

---

*) Докл. о русск. с.-д. движ. Межд. соц. Конгрессу въ Парижѣ 1900 г. Женева 1901 г. стр. 9.

**) Тамъ же, стр. 11.

ковъ изъ одной крайности въ другую, какими отличалось идеологическое движеніе 70-хъ годовъ» *).

Слѣдовательно, «принципы» «Рабочей Мысли» сами по себѣ хороши; бѣда только въ томъ, что она считала ихъ годными для всѣхъ слоевъ рабочаго класса. Тактика «Рабочей Мысли» является тактикой, необходимой для извѣстной стадіи развитія, но эта стадія уже пройдена и нужно переходить къ другой тактикѣ, которая подскажется самой жизнью, стихійнымъ ростомъ рабочаго движенія. На это стихійное движеніе всѣ надежды; оно сдѣлаетъ безвредными ошибки отдѣльныхъ направленій, лишь бы идеологи соціалдемократіи считались съ «насущными потребностями русскаго рабочаго движенія на данной ступени его развитія», считались «съ разнообразіемъ мѣстныхъ условій и уровнемъ развитія отдѣльныхъ слоевъ рабочаго класса» **). Однимъ словомъ, чтобы они твердо помнили, кому надо конституцію, а кому севрюжины съ хрѣномъ и притомъ одновременно, такъ какъ конституція есть только болѣе развитая форма севрюжины съ хрѣномъ, сирѣчь экономическаго улучшенія. «Политическая борьба рабочаго класса,—говорится далѣе въ только что приведенной программной статьѣ редакціи Р. Д.,—есть лишь наиболѣе развитая, широкая и дѣйствительная форма экономической борьбы. Ближайшими политическими требованіями рабочаго класса въ Россіи являются свобода союзовъ, стачекъ, собраній, слова, печати и неприкосновенности личности» ***) и только. Очевидно, по свѣдѣніямъ редакціи Раб. Дѣла, «насущныя потребности самыхъ развитыхъ рабочихъ не идутъ дальше этихъ требованій. Когда рабочій классъ уже нѣкоторое время поборется за эти свои насущныя нужды, тогда редакція предложитъ ему слѣдующую стадію борьбы, которая ужъ поведетъ его «къ завоеванію полной политической свободы съ равноправнымъ участіемъ всего народа въ государственномъ управленіи, т. е. къ завоеванію демократической конституціи» ****).

Какъ мы видѣли изъ Vademekum'а, редакція, «Союза русской соціалдемократіи за границей» изъ рукъ группы Освобожденія Труда перешла въ руки такъ называемыхъ «моло-

---

*) Тамъ же, стр. 22.
**) Программная статья редакціи. «Раб. Дѣло» № 1, апр. 99, стр. 1
***) Тамъ же, стр. 3,
****) Тамъ же, та же стр.

дыхъ», среди которыхъ, по мнѣнію одного изъ нихъ же N. N., «не было ни одного достаточно знакомаго съ Россіей. Молодо-зелено». И вотъ эта то—зеленая, незнакомая съ Россіей редакція думаетъ, что она выражаетъ настроеніе передовыхъ рабочихъ, ограничивая ихъ политическую борьбу борьбой за политическія реформы, не отвѣчая тутъ же прямо на вопросъ, возможны ли эти реформы при сохраненіи самодержавія. «Нечего и говорить,—заявляетъ практикъ Б-въ,—что этотъ слой рабочихъ (т. е. революціонеровъ-рабочихъ) настроенъ крайне враждебно къ самодержавію. Но не только рабочіе-революціонеры, т. е. сравнительно рѣдкія одиночки, а и весь «промежуточный слой пролетаріата», помимо воздѣйствія интеллигентныхъ агитаторовъ, интересуется «разницей между неограниченной, конституціонной монархіей и республиканской формой правленія»... «Эта категорія рабочихъ часто интересуется больше вопросами политической жизни, чѣмъ своими ближайшими экономическими интересами, связь которыхъ съ общими соціальными условіями давно понята» *).

Эта статья практика появилась лишь въ № 6 Раб. Дѣла, т. е. въ апрѣлѣ 1900 г., а программа Раб. Дѣла была выработана осенью 1898 г. на первомъ съѣздѣ реорганизованнаго Союза Рус. Соціалдемократовъ. Одинъ изъ основателей реорганизованнаго Союза, В. И-нъ посвящаетъ статью майскимъ требованіямъ трехъ комитетовъ (Московскаго, Петербургскаго и Кіевскаго) 1899 года. «Майскія требованія россійскихъ рабочихъ,—пишетъ онъ,—болѣе скромны, чѣмъ западноевропейскихъ, *но онѣ диктуются самой жизнью* и для нашихъ рабочихъ не менѣе цѣнны и важны, чѣмъ требованія 8-ми часового рабочаго дня на Западѣ. Русская соціалдемократія въ своей партійной программѣ, конечно, не ограничивается тѣми требованіями, какія выставлены нынѣ въ майскихъ прокламаціяхъ трехъ комитетовъ Партіи...**) Въ прошломъ году на первомайскихъ прокламаціяхъ тѣхъ же трехъ Союзовъ Борьбы, нынѣ комитетовъ, и на прокламаціи Всеобщаго Евр. Союза стояло «*8-ми часовой рабочій день*» и «Политическая свобода». И нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ эти требованія дѣйствительно станутъ у нашихъ рабо-

*) „Петербургское движ. и т. д.“ Р. Д. № 6 стр. 30.

**) Майскій праздникъ въ Россіи. Р. Д. № 2—3. Авг. 1899 г. стр. 17

чихъ на первую очередь и не сойдутъ уже съ майскихъ требованій, пока не будутъ проведены въ жизнь. Въ нынѣшнемъ году наши россійскіе товарищи выставили въ майскихъ прокламаціяхъ вмѣсто 8-ми часового рабочаго дня и политической свободы, 10-ти часовой день и цѣлый рядъ другихъ сравнительно мелкихъ требованій. *Не пониженіемъ классового самосознанія, конечно, объясняется эта перемѣна въ тактикѣ русской соціалдемократіи, а лишь положеніемъ рабочаго движенія въ данный моментъ»* *).

Дѣло въ томъ, что тогда (въ 1898 г.) соціалдемократы, по мнѣнію В. И-на, заняты были одной лишь пропагандой (это въ самый разгаръ стачечной борьбы!); поэтому «всякій пунктъ соціалдемократической программы одинаково не былъ близокъ ъ осуществленію. Русская соціалдемократія *только просвѣщала рабочихъ, но не вела еще ихъ на борьбу.* Пропагандистъ говорилъ рабочимъ лишь о борьбѣ рабочаго *класса* противъ *класса* капиталистовъ, но не касался еще борьбы *данныхъ* рабочихъ, рабочихъ той или другой фабрики съ *тѣми* или *другими* безобразными условіями труда, созданными даннымъ капиталистомъ. Онъ говорилъ о сверженіи самодержавія, о борьбѣ за политическую свободу и за полное политическое господство рабочаго класса, но не ставилъ еще тѣ или другія опредѣленныя политическія требованія на первую очередь и не указывалъ на необходимость въ данный моментъ за *нихъ* именно бороться» **) (курсивъ подлинника).

Я подчеркиваю, что В. И-нъ сравниваетъ прокламаціи 1898 и 1899 годовъ. Появленіе первыхъ майскихъ прокламацій въ Россіи относится къ 1895 году (въ Москвѣ), когда существовало уже довольно широкое рабочее движеніе. Но до 1899 года, выставляя тѣ или иныя майскія требованія, организаціи дѣйствительно не ставили ихъ *въ первую очередь*, потому что ни одинъ соціалдемократъ, до появленія «экономистовъ», не представлялъ себѣ возможности осуществленія при самодержавіи хоть бы одного изъ политическихъ требованій. Если въ той или иной прокламаціи подчеркивалось, напримѣръ, требованіе свободы стачекъ, то не потому, что она можетъ быть достигнута немедленно, а исключительно потому, что массовому рабочему легче по-

*) Тамъ же, стр. 17—18.
**) Тамъ же, стр. 19.

нять необходимость «свободы стачекъ»; но такъ какъ современный политическій строй ни въ коемъ случаѣ этой свободы ему *не дастъ* и дать не можетъ, то для него сама собой должна стать ясной и необходимость бороться противъ всего этого строя.

«Если раньше русская соціалдемократія,—говоритъ далѣе В. И-нъ,—выставляла тѣ или другія требованія *отъ имени нашего рабочаго класса* (курсивъ мой. М. Л.) лишь на основаніи огромной важности ихъ для рабочихъ (8-ми часовой рабочій день и политическая свобода),—то въ настоящее время ей приходится на почвѣ *агитаціи* формулировать тѣ требованія, какія *выдвинуты* уже самимъ ходомъ рабочаго движенія, сознаны рабочей массой и поставлены ею на очередь... Этимъ объясняется и кажущееся «отодвиганіе политической свободы на второй планъ», въ чемъ нѣкоторые такъ склонны упрекать россійскую дѣйствующую въ настоящее время соціалдемократію... Мнѣ нужно срубить и выкорчевать лѣсъ, но я оставляю его на время и занимаюсь приготовленіемъ топоровъ, пилъ, корчевальныхъ машинъ, которыхъ у меня еще нѣтъ. Таково по существу своему это «отодвиганіе» важнѣйшихъ цѣлей русскаго рабочаго движенія, политической свободы, созыва парламента, общаго, тайнаго, прямого и равнаго для всѣхъ избирательнаго права, 8-ми часового рабочаго дня и т. д. (требованія майскаго воззванія 1898 г.)» *).

Трудно лучше изобразить новое представленное Рабочимъ Дѣломъ направленіе, чѣмъ это сдѣлалъ въ данной статьѣ В. И-нъ. Нужно срубить и выкорчевать лѣсъ, т. е. покончить съ самодержавіемъ. Какъ же это слѣлать? Узкіе догматики, старые соціалдемократы говорили, что на примѣрахъ обыденной жизни рабочихъ нужно выяснить имъ весь вредъ для нихъ существованія самодержавія. Но такъ говорили догматики, В. И-нъ же совѣтуетъ прежде всего приступить къ подготовкѣ пилъ и другихъ орудій, необходимыхъ для корчеванія и рубки лѣса, а такими именно орудіями являются, по его мнѣнію, мелкія ближайшія требованія, выдвинутыя уже самимъ ходомъ движенія. Конечно, могъ возникнуть вопросъ, какой чудакъ станетъ готовить корчевальную машину, не имѣя въ виду корчевать лѣсъ? Но этотъ вопрось могъ

*) «Майскій праздн. 1899 г.» Раб. Дѣло, стр. 21.

возникнуть только благодаря неудачной агитаціи В. И-на. Сама же по себѣ мысль его ясна: жизнь, стихійная борьба сами выдвигаютъ тѣ требованія, удовлетвореніе которыхъ послужитъ орудіями борьбы. Если у рабочихъ будетъ: свобода стачекъ, союзовъ, неприкосновенность личности, 10-ти часовой рабочій день, они уже безъ труда добьются 8-ми часового рабочаго дня и политической свободы, однимъ словомъ, легко вырубятъ лѣсъ.

Но какъ добиться отъ самодержавія того, что нужно, какъ заставить правительство, вмѣсто административныхъ ссылокъ въ Сибирь за стачку, судить рабочихъ-стачечниковъ гласнымъ судомъ? На это ни В. И-нъ, ни все направленіе «Рабочаго Дѣла» не отвѣтили и отвѣтить не могли. Они не дали никакого опредѣленнаго отвѣта, потому что имъ самимъ этотъ отвѣтъ рисовался въ той же формѣ, въ какой онъ былъ данъ «Раб. Мыслью»: съ однимъ недовольнымъ разговариваетъ подмастерье, съ двумя-тремя—мастеръ, съ мастерской—директоръ, съ цѣлымъ заводомъ—хозяинъ, съ нѣсколькими заводами—министръ, а если всѣ рабочіе объединятся и заговорятъ, то отвѣчать имъ будетъ уже самъ царь. И чѣмъ выше начальство, съ которымъ будутъ говорить рабочіе, тѣмъ большія требованія будутъ удовлетворены *).

Въ этомъ смыслѣ «Раб. Дѣло», въ сравнеіни съ «Раб. Мыслью»- сдѣлало только одинъ шагъ впередъ: оно считаетъ возможнымъ, чтобы эти «*разговоры*» съ начальствомъ велись не только во время стачекъ, но и на демонстраціяхъ. «Союзъ,— пишетъ редакція «Рабочаго Дѣла»,—въ своей прессѣ будетъ относиться безусловно сочувственно къ попыткамъ политическихъ манифестацій и въ особенности рекомендовать празднованіе 1-го Мая, какъ общую демонстрацію въ пользу важнѣйшихъ экономическихъ требованій пролетаріата и наиболѣе подходящій моментъ для заявленія ближайшихъ историческихъ требованій» **). Всѣ требованія, выставленныя въ майскихъ прокламаціяхъ, В. И-нъ считаетъ возможнымъ осуществить уже сейчасъ, потому что они выставлены «не только на основаніи огромной важности и желательности для рабочихъ имѣть

---

*) См. ст. «Какъ мы можемъ побѣдить». «Р. М.» № 3 іюнь 1898 г. стр. 1 стиб. 2.

**) Отъ Редакціи. «Раб. Дѣло», № 1, стр. 4 и 5.

такія права, но и по тому соображенію, что необходимость ихъ *сознана* и вполнѣ *понятна* огромной *массп* рабочихъ» *).

Но вотъ выходитъ новое положеніе о фабричной инспекціи, (7 іюня 99 г.) и корреспонденціи изъ Россіи приносятъ цѣлый рядъ извѣстій о варварскомъ разстрѣлѣ мирныхъ стачечниковъ въ Варшавѣ.

«Правительство старается не допустить борьбы рабочихъ съ прeпринимателями, — пишетъ тотъ же В. И-нъ въ слѣдующемъ номерѣ «Раб. Дѣла»;—при каждомъ ихъ столкновеніи съ ними оно само становится на мѣсто хозяевъ и само ведетъ борьбу съ рабочими. Такимъ образомъ, самодержавное правительство сдѣлалось непосредственнымъ и самымъ страшнымъ врагомъ рабочаго класса и *само вынуждаетъ на рѣшительную борьбу съ нимъ*... Невольно рождается вопросъ: преодолѣетъ ли, однако, русскій рабочій всѣ грозныя силы, которыя противъ него выдвигаются. Не задавитъ ли въ дѣйствительности звѣрское правительство наше все еще молодое и неокрѣпшее рабочее движеніе?.. Россійской соціалдемократіи необходимо съ полной опредѣленностью выяснить себѣ, *какъ продолжать въ Россіи борьбу, какія средства находятся въ распоряженіи русскихъ рабочихъ, чтобы побѣдить столь сильнаго врага? Каковы средства борьбы рабочаго класса въ Россіи?* (Курсивъ В. И-на)... Развитіе въ массахъ сознанія о непримиримости и враждебности самодержавія жизненнымъ интересамъ рабочаго народа, о необходимости организованной борьбы за политическую свободу и выясненіе средствъ борьбы рабочаго класса въ Россіи будетъ лучшимъ отвѣтомъ соціалдемократовъ царскому правительству на законъ 7-го іюня» **).

Каковъ съ божьей помощью переворотъ во взглядѣ сотрудника Р. Дѣла въ промежутокъ между двумя номерами этого журнала! То мирное шествіе по пути къ уже сознаннымъ массою политическимъ реформамъ, то вдругъ «навязываніе» массамъ сознанія непримиримой враждебности самодержавія ихъ жизненнымъ интересамъ. И все это подъ вліяніемъ одного фабричнаго закона объ учрежденіи «Главнаго по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія».

Все настроеніе экономистовъ и ихъ наслѣдниковъ—«рабо-

---

*) Майскій праздн. въ Россіи, «Р. Д.» № 2—3 стр. 23.
**) «Фабричная инспекція въ Россіи» «Р. Д.» № 4—5 стр. 43.

чедѣльцевъ» такъ тѣсно связано съ мирнымъ поступательнымъ ходомъ рабочаго движенія, что рѣшительная мобилизація правительственныхъ силъ противъ него заставила ихъ сразу впасть въ истерику и задать себѣ вопросъ: «не задавитъ ли въ дѣйствительности правительство молодое движеніе»? Эта истерика оказалось настолько скандальной, что редакція сочла нужнымъ въ слѣдующемъ номерѣ дать объясненіе, что она «попала на страницы «Раб. Дѣла» помимо воли большинства редакціи»; а В. И-нъ долженъ былъ оговориться, что онъ имѣлъ, конечно, въ виду не окончательное подавленіе движенія, а вопросъ «о той или другой успѣшности рабочаго движенія въ *данный моментъ* и о возможности временной остановки въ немъ, чему мы видимъ примѣры и въ западно-еврепейскомъ рабочемъ движеніи» *).

Эта истерика интересна именно, какъ показатель «чуткости» «Рабочаго Дѣла». Малѣйшій новый фактъ, и оно готово уже измѣнить свою тактику, отказаться отъ борьбы за «политическія права», осуществимыя при самодержавіи, признать, что «беззаконіе и произволъ—да вѣдь это сама суть самодержавія. На вербѣ груши не растутъ, на почвѣ самодержавныхъ порядковъ могутъ расти только произволъ и насиліе. Законное самодержавіе это такая же нелѣпость, какъ горящая вода или ледяной огонь»**), признать это и призывать массу на непосредственную борьбу съ самодержавіемъ, уже безъ всякихъ протежуточныхъ ступеней.

Но вотъ истерика, вызванная фабричнымъ закономъ 99 года прошла, и «Рабочее Дѣло» приступаетъ къ хладнокровному обсужденію тактики русскихъ соціалдемократовъ. «Идутъ вразрѣзъ съ основными ученіями Маркса,—пишетъ Кричевскій,—всѣ тѣ, кто относится къ стачкамъ съ «трансцедентальнымъ презрѣніемъ», въ которомъ Марксъ упрекалъ Прудона и его единомышленниковъ. Но стачки лишь тогда принесутъ рабочему классу наибольшую пользу, если агитаторы используютъ все скрытое въ нихъ политическое содержаніе, превращая ихъ въ наглядный урокъ политическаго воспитанія массы. Близоруки или ослѣплены всѣ тѣ, кто въ *рзличныхъ стадіяхъ* нашего движенія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ

---

*) Заквленіе. «Р. Дѣло» № 6. Апр. 1900 г. стр. 65.

**) Послѣсловіе редакціи къ письму «О нов. беззаконіи русск. равит.„ Р. Д. № 4—5. стр. 55.

видятъ *различныя направленія*. Но всѣ наши организаціи обязаны стремиться къ тому, чтобы какъ можно скорѣй повысить уровень движенія повсемѣстно и тѣмъ *ускорить его тактическое объединеніе* *).

Обращаю вниманіе читателя на подчеркнутое мною, дважды повторяющееся словечко «но». Что означаетъ оно? Признаніе ли того, что «трансцедентальное презрѣніе къ стачкамъ» относится не къ стачкамъ вообще, а къ тѣмъ агитаторамъ, которые не выполняютъ поставленнаго имъ Кричевскимъ условія превращать стачки въ наглядный политичекій урокъ? Если это такъ, то при чемъ здѣсь сравненіе съ Прудономъ,—вѣдь самъ Кричевскій говоритъ,— что «тотъ не соціалдемократъ, кто не признаетъ политической борьбы рабочаго класса» **). Вѣдь ни одинъ соціалдемократъ къ стачкамъ вообще презрѣнія не выражалъ, а выражали его тѣмъ «бѣлымъ воронамъ», которыя, усѣвшись на шесткѣ «Раб. Мысли», каркали оттуда, что политической борьбы не надо, тѣмъ основателямъ «Раб. Дѣла», которые въ письмахъ къ Аксельроду писали, что безумно, нелѣпо говорить о сверженіи самодержавія; однимъ словомъ, выражали презрѣніе тѣмъ членамъ партіи, въ рукахъ которыхъ экономическая борьба рабочихъ изъ школы политическаго воспитанія массы превращалась въ средство затуманить классовое сознаніе пролетарской массы. Но тутъ на сцену выступаетъ второе «но» Кричевскаго. «Близоруки и ослѣплены тѣ, кто въ различныхъ стадіяхъ нашего движенія... видятъ различныя направленія». Значитъ карканье этихъ «бѣлыхъ воронъ», испугавшихся бельгійскаго антагонизма между рабочими массами и стремящейся къ соціальной революціи интеллигенціей, было лишь необходимой стадіей нашего развитія? Но тогда какимъ организаціямъ даетъ Кричевскій отеческій совѣтъ «стремиться къ тому, чтобы повысить уровень движенія»? Отдѣляя этотъ совѣтъ частицей «но» отъ фразы «близоруки и ослѣплены..», не признаетъ ли онъ тѣмъ самымъ, что въ дѣйствительности существовали организаціи, которыя не только уровня движенія не повышали, но наоборотъ употребляли всѣ усилія, чтобы принизить; опошлить его? Вѣдь повторяетъ же онъ мысль,

---

*) „Экономич. и политич. борьба въ рус. раб. движеніи“ „Р. Д.“. № 7. авг. 900 г. стр. 18—19.

**) Тамъ же. стр. 2.

высказанную въ отчетѣ Парижскому конгрессу, что «русское революціонное движеніе въ цѣломъ всегда сильно страдало отъ односторонняго увлеченія какимъ-либо излюбленнымъ пріемомъ борьбы, въ извѣстныхъ условіяхъ давшимъ благопріятные результаты» *).

Если одна организація возводила въ принципъ отказъ отъ «политики», другая—отказъ отъ классовой борьбы, а третья ставила себѣ задачей соціалдемократическую агитацію, то какъ это слѣдовало понимать? Были ли это различныя «стадіи» одного и того же процесса или различныя направленія, лишь по недоразумѣнію объединенныя подъ одной общей соціалдемократической фирмой? «Дѣйствующіе въ Россіи соціалдемократы,—говоритъ Кричевскій, —не отдѣляютъ рабочаго движенія отъ борьбы съ самодержавіемъ, не отдѣляютъ экономической борьбы отъ политической точно такъ же, какъ они не противопоставляютъ самихъ себя рабочей массѣ. Наши организаціи являются лишь руководительницами и воспитательницами массы, ея сознательнымъ авангардомъ» **).

А «Рабочая Мысль», а Николаевскій комитетъ, отчетъ которагобылънапечатанъ въ «Раб. Дѣлѣ», а Екатеринославскій комитетъ во время «брянскаго бунта»? Были ли всѣ эти организаціи воспитательницами рабочей массы или плохими резонаторами, очень скверно отражавшими настроеніе незначительной массы рабочихъ, вогнутыми зеркалами, окаррикатуривавшими рабочее движеніе? Требуется «извѣстная постепенность въ агитаціонной дѣятельности нашихъ организацій... Что сказали бы объ учителѣ, который началъ бы преподавать высшую математику ученикамъ, не знающимъ четырехъ ариѳметическихъ правилъ?... необходимо считаться съ сравнительно низкимъ уровнемъ средняго русскаго рабочаго, начинать съ начала» ***), т. е. съ чисто экономической борьбы. Когда же рабочій по личному опыту убѣдится, что на помощь хозяину приходятъ жандармы и полиція, то обязанность агитатора—выяснить имъ сущность жандарміи; если же полиція въ дѣло не вмѣшивается, какъ это, напримѣръ, было въ 92 г. въ Вильнѣ, гдѣ она даже помогала рабочимъ добиваться законнаго 12-ти часоваго дня, то противъ нея агитаціи отнюдь не

*) Тамъ же стр. 7.
**) Тамъ же, стр. 9.
***) «Экономич. и политич. борьба». «Р. Дѣло» № 7 стр. 10.

вести. «Требованія, которыя агитаторъ бросаетъ въ массу, должны быть связаны съ опытомъ ея борьбы. Только подъ этимъ условіемъ требованія эти станутъ требованіями самой массы» *).

Особенно это важно по отношенію къ политическимъ требованіямъ, «которыя по своему характеру общія для всей Россіи должны, однако, соотвѣтствовать опыту, извлеченному *даннымъ* слоемъ рабочихъ изъ экономической борьбы». Въ Екатеринославѣ, напримѣръ, двѣ фабрики, на обѣихъ были стачки; на одной стачка кончилась мирно, а на другой рабочимъ пришлось познакомиться съ казацкими нагайками. И вотъ, битымъ рабочимъ, стало быть, можно говорить о «неприкосновенности личности», а небитымъ—нѣтъ, потому что они этой неприкосновенности понять еще не могутъ; для поднятія же ихъ «политическаго уровня», по рецепту «Раб. Дѣла», агитаторъ долженъ «подтолкнуть» ихъ на такой шагъ, при которомъ они получили бы наглядный урокъ необходимости выставить требованіе неприкосновенности личности, другими словами, на собственномъ опытѣ познакомиться съ нагайками.

Но тутъ уже самъ Кричевскій чувствуетъ, что дѣло несовсѣмъ ладно, и начинаетъ оговариваться: многіе де понимаютъ черезчуръ буквально, а потому и ложно, значеніе «массового момента», вслѣдствіе чего у нихъ получается «преобладаніе мѣстнаго надъ общеклассовымъ моментомъ». «Если ждать съ политической агитаціей,—говоритъ онъ,—до тѣхъ поръ, пока *вся* масса, или хоть большинство ея, станетъ воспріимчивой къ политическимъ требованіямъ, то мы рисковали бы надолго задержать политическій ростъ этой самой массы... *Не безсознательные элементы массы*, иногда десятилѣтіями остающіеся въ сторонѣ отъ борьбы, опредѣляютъ тактику соціалдемократической партіи, а ея дѣятельные, живые, борющіеся элементы, *ея передовой отрядъ*. Точно такъ же мы должны поступать въ Россіи—всюду, гдѣ масса уже выставила передовой отрядъ борцовъ» **).

Совершенно вѣрно, но къ чему же тогда всѣ разсужденія Кричевскаго о «постепенности въ агитаціонной дѣятельности», о знаменитыхъ «стадіяхъ», о томъ, чтобы преподносить рабо-

*) Тамъ же стр. 11.
**) „Экономич. и политич. борьба". Р. Д. № 7 стр. 18.

чимъ не сразу всю программу, а малыми дозами, черезъ часъ по столовой ложкѣ?

Въ этомъ-то и корень различія между революціонной соціалдемократіей и оппортунистами всѣхъ странъ и всѣхъ временъ, что одни являются выразителями настроеній передового отряда, т. е. сознательной, революціонной части пролетаріата, а другіе, т. е. оппортунисты, ищутъ опоры въ безсознательной массѣ и, заявляя себя выразителями ея настроенія, плетутся въ хвостѣ стихійнаго движенія, удерживаютъ и мѣшаютъ развитію тредъ-юніонистскаго, окрашеннаго въ мѣстный цвѣтъ сознанія въ сознаніе классовое, соціалдемократическое. Лучшій примѣръ этой оппортунистической тактики можетъ показать самъ Кричевскій, который двумя строками ниже своего справедливаго заключенія о необходимости считаться съ настроеніемъ передовыхъ рабочихъ пишетъ: «И такъ, какъ можно скорѣй переходить отъ чисто экономической борьбы къ агитаціи за *ближайшія политическія требованія*, а затѣмъ какъ можно скорѣй расширить содержаніе политической агитаціи—вотъ основное тактическое правило, *обязательное для всѣхъ* нашихъ организацій» *).

Развѣ Кричевскій не читалъ Б—ва, который писалъ, что не только передовой отрядъ рабочихъ, но и весь промежуточный слой вполнѣ уже созрѣлъ для воспріятія всей политической программы? Да и по его собственнымъ словамъ тактику нужно строить па настроеніи передового отряда, а не массы, такъ для чего же нужна эта промежуточная стадія «ближайшихъ политическихъ требованій», этотъ шагъ назадъ сравнительно съ сознаніемъ уже очень многочисленнаго по заявленію Б—ва слоя рабочихъ?

Въ доказательство успѣшности проведенія въ жизнь теоріи «стадій» Кричевскій ссылается на дѣятельность Екатеринославскаго комитета, отчетъ котораго «свидѣтельствуетъ о блестящемъ успѣхѣ, достигнутомъ тактикой послѣдовательнаго перехода отъ экономической къ политической агитаціи въ строгомъ соотвѣтствіи съ опытомъ борьбы» **).

Въ 98 году екатеринославцы начали чисто экономическую борьбу; «выставлять политическія требованія считалось пока невозможнымъ, такъ какъ рабочая масса еще слишкомъ мало

*) Тамъ же стр. 18.
**) Тамъ же, стр. 11.

боролась за свои экономическія требованія, а полиція и жандармерія не проявляли такого активнаго вмѣшательства въ столкновеніяхъ между рабочими и хозяевами, которымъ можно было бы воспользоваться для политической агитаціи» *). И вотъ, «всего черезъ два года послѣ начала экономической агитаціи явилась возможность издавать для широкой массы газету «Южный Рабочій», носящую рѣзкій политическій характеръ. Въ передовой статьѣ перваго номера этой газеты читаемъ: «Поэтому и борьба съ этимъ правительствомъ богачей и эксплуататоровъ, стремленіе къ его нисповерженію и завоеваніе себѣ политическихъ правъ является жизненной задачей рабочаго класса въ Россіи, не менѣе насущной и жизненной, какъ и вопросъ о сокращеніи рабочаго дня, увеличеніи заработной платы» **).

Мнѣ приходилось бывать въ Екатеринославѣ зимой 94—95 года. Тамъ я познакомился съ дѣятельностью старыхъ соціалдемократовъ, которые начали тогда въ Екатеринославѣ агитацію среди массы именно той идеи, которую въ 900 г. выставилъ «Южный Рабочій». Идея эта тогда очень и очень сочувственно принималась тѣми рабочими, съ которыми успѣла связаться организація. Празднованіе 1-го мая, принятіе устава *политической* организаціи показало, что она нашла откликъ среди рабочихъ, несмотря на то, что жандармы не успѣли еще дать имъ предметнаго урока политическаго воспитанія. Но лѣтомъ 95 года первые соціалдемократы провалились и къ 96 году отъ первой организаціи не осталось и слѣда. Но память о ней и результаты ея работы среди массы оказались настолько сильными, что въ 97 году, когда первыхъ соціалдемократовъ увозили въ Сибирь, тысячная толпа рабочихъ, безо всякой предварительной агитаціи, бросила работу и пошла провожать ихъ отъ тюрьмы до вокзала, при чемъ выражала имъ свое сочувствіе пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и революціонными возгласами. И послѣ этого явились непомнящіе родства «экономисты» и стали убѣждать рабочихъ, что имъ еще рано заниматься политикой.

И какъ чисто «хвостисcткая» организація, Екатеринославскій комитетъ началъ лишь *тогда*, когда рабочіе самостоятельно, *помимо него вступили уже на путь политической борьбы;* вступили стихійно, безсмысленно, грубо, въ

*) «Раб. движ. въ Екатеринославѣ». Женева 900 г. стр. 6.
**) «Эконом. и полит. борьба» Р. Д. № 7, стр. 12—13.

видѣ погрома — на брянскомъ заводѣ, стройно, сознательно, съ рѣчами, обращенными къ солдатамъ, съ рѣшительнымъ отпоромъ полиціи—на маріупольскомъ заводѣ.

«Первый разъ политическія требованія были выставлены въ воззваніи къ 1-му мая, написанномъ и напечатанномъ самими рабочими.... Комитету оставалось только пойти навстрѣчу этому настроенію и начать политическую агитацію» *). И такое поведеніе соціалдемократической организаціи Кричевскій, а съ нимъ и все рабочедѣльческое направленіе ставятъ въ примѣръ для подражанія, считаютъ лучшей иллюстраціей своихъ тактическихъ взглядовъ. Да, еслибы екатеринославскіе экономисты не затуманивали классового самосознанія рабочихъ, еслибы они начали въ 98 году свою работу съ изданія органа, въ родѣ «Южнаго Рабочаго» или хотя бы только прокламацій политическаго содержанія, то, весьма вѣроятно, что пожалуй, находившіеся подъ *ихъ* идейнымъ вліяніемъ рабочіе брянскаго завода не проявили бы своего недовольства полиціей въ видѣ еврейскаго и заводскаго погрома.

А Кричевскій пишетъ: «Таковъ результатъ умѣлаго примѣненія тактики политическаго воспитанія массы, прежде всего, на опытѣ ея собственной экономической борьбы» **)

Я еще вернусь къ Рабочему Дѣлу, а пока постараюсь формулировать все вышесказанное. По сравненію съ «Рабочей Мыслью». «Рабочее Дѣло» сдѣлало шагъ впередъ; но сдѣлавъ этотъ шагъ, оно тѣмъ не менѣе осталось въ той же плоскости мышленія. Подобно «Рабочей Мысли» оно продолжало преклоняться передъ стихійностью, продолжало смотрѣть на соціалдемократію только, какъ на выразительницу настроенія массы. Переходъ его къ политикѣ обусловливается лишь невозможностью при измѣнившихся политическихъ и экономическихъ условіяхъ продолжать успѣшную стачечную борьбу. И этотъ переходъ оно совершило лишь послѣ того, когда сама масса стихійно стала искать новыхъ способовъ борьбы. Еще въ 9—10 номерѣ «Листка Работника», изданнаго подъ его редакціей, «Раб. Дѣло» апплодировало «Рабочей Мысли» за ея отказъ отъ политики, и лишь событія въ Ригѣ и у Максвеля заставили его измѣнить фронтъ. Принявъ въ основу «теорію стадій», «Рабочее Дѣло» отказалось отъ революціонной борьбы

---

*) «Рабочее движеніе въ Екатеринославѣ», стр. 7.
**) «Эконом. и полит. борьба», Р. Д., № 7, стр. 13.

съ самодержавіемъ и стало на позицію автора «Credo», N N., М. М. и прочихъ «идеологовъ» экономизма, которые, какъ мы видѣли выше, пуще всего боялись «моря крови», «серпуховскихъ побоищъ» и всего того, съ чѣмъ связана революціонная борьба. Выдвинутая рабочедѣльцами теорія стадій — это замѣна революціи мирными реформами.

XIII.

Въ 1900 году комитеты Партіи существовали уже въ Петербургѣ, Москвѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, Харьковѣ; кромѣ того, болѣе или менѣе постоянныя организаціи были въ Одессѣ, Саратовѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Твери, Брянскѣ, Полтавѣ, Кременчугѣ, Тулѣ, Ростовѣ на Дону, Николаевѣ, на Уралѣ и въ Тифлисѣ. Въ партію, какъ извѣстно, входилъ и Бундъ. На ряду съ Россійской С.-Д. Р. П. въ то время существовали: Польская С.-Д. Партія, Литовская С.-Д. Р. П. и Латышская.

Мы не беремся здѣсь разсказывать исторію каждой изъ перечисленныхъ организацій. Но какъ мы уже видѣли въ первой части, исторія каждой организаціи въ отдѣльности мало чѣмъ отличается отъ исторіи всякой другой. Въ большинствѣ крупныхъ городовъ, гдѣ велась работа, дѣйствовали иногда одновременно нѣсколько организацій. Расколы между ними происходили по самымъ различнымъ поводамъ. Впрочемъ, и внутри одной и той же организаціи сегодня господствовали «политики», завтра они проваливались, и ихъ мѣсто занимали «экономисты». Работа, конечно, страдала отъ этого, кружки почти совершенно не велись. Несмотря на то, что каждая организація считала устройство кружковъ своимъ долгомъ, не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что ни одному кружку не удавалось пройти всей намѣченной программы: агитація отодвинула на задній планъ всякую иную работу.

Само собою разумѣется, что и мечты «экономистовъ» создать прочныя, постоянно дѣйствующія кассы также не могли осуществиться. *На дѣлѣ* кассы попрежнему оставались лишь агитаціоннымъ и организаціоннымъ средствомъ. Онѣ сплачивали рабочихъ, но, вопреки волѣ и желаніямъ идеологовъ «Рабочей Мысли», сплачивали ихъ не для чисто-экономической дѣятель-

ности на почвѣ улучшенія своего положенія, а для революціонной борьбы. Какъ ни пытались экономисты убѣждать рабочихъ, что не ихъ дѣло думать о сверженіи самодержавія, сама жизнь толкала рабочихъ къ политикѣ. Мирная экономическая борьба была настолько непримирима съ самодержавіемъ, что всякій рабочій, начинавшій только думать о своемъ положеніи, долженъ былъ неизбѣжно стать революціонеромъ. Теперешніе защитники экономистовъ главную заслугу ихъ видятъ въ томъ, что своей экономической агитаціей всюду они подняли массу, и тѣмъ расчистили поле для дальнѣйшей соціалдемократической работы. Но мы уже знаемъ, что первую массовую агитацію начали не экономисты, а первые революціонные соціалдемократы, экономисты лишь продолжили ихъ работу, хотя слѣдуетъ признать, что продолжили основательно. Масса была дѣйствительно поднята, и поднята настолько, что очень быстро переросла своихъ учителей и пошла гораздо дальше, совсѣмъ по иному пути, чѣмъ того желали сами учителя. Какъ только руководство мѣстнымъ движеніемъ изъ рукъ экономистовъ переходило въ руки рабочихъ, послѣдніе немедленно начинали политическую агитацію.

Не разъ уже цитированый Б—въ, говоря о массѣ рабочихъ, пишетъ: «не лишнее также отмѣтить, что всякая нелегальная книга будетъ прочитана, если книга эта будетъ умѣло распространена. *Насколько вѣрно* понимаются революціонныя изданія, вопросъ другой, и несомнѣнно, что они въ значительной мѣрѣ толкуются неправильно, но важенъ фактъ все возрастающаго интереса къ нелегальной литературѣ... Изданія, касающіяся интересовъ, непосредственно близкихъ каждому рабочему, всегда могутъ найти большой сбытъ въ рядахъ общей массы фабрично-заводскаго пролетаріата и подготовить ее къ пониманію вопросовъ, болѣе сложныхъ. На ряду съ этимъ нужно сказать, что и явленія политической жизни вызываютъ интересъ въ лучшей части неразвитыхъ рабочихъ. «Рабочую Мысль» читаютъ всѣ, даже старики и пьяницы. Болѣе чуткая, болѣе молодая, менѣе развращенная кабакомъ и церковью масса, почти никогда не имѣя возможности достать книгу политическаго содержанія, толкуетъ вкривь и вкось явленія политической жизни, задумываясь надъ отрывочными свѣдѣніями о «бунтѣ студентовъ», надъ часто невѣрными слухами о жизни за границей, наконецъ, надъ явленіями, непосредственно касающимися ея — по-

лицейскимъ произволомъ и агентами тайной полиціи на заводахъ» *).

Всякій, кому приходилось сталкиваться съ массовыми рабочими, согласится съ Б—вымъ, что это дѣйствительно такъ: каждый листокъ, какого бы онъ ни былъ содержанія, если только онъ затрагиваетъ условія работы на данной фабрикѣ, неизбѣжно натолкнетъ рабочаго и на политическое размышленіе. Выясненіе эксплуатаціи на фабрикѣ невольно заставитъ рабочаго задуматься и объ эксплуатаціи его въ качествѣ плательщика податей; выясняя себѣ свое положеніе въ качествѣ наемника у капиталиста, онъ невольно наталкивается и на свое положеніе въ качествѣ россійскаго подданнаго. Разъ начавшаяся работа мысли уже не прекращается. Правда, подымая массу, экономисты сильно способствовали пробужденію въ ней критической мысли; но отказываясь отъ политики, они заставили эту массу *собственными силами* продѣлать всю аналитическую работу, они не облегчили ея. Читая «Рабочую Мысль», рабочіе вынуждены были вкривь и вкось толковать политическія явленія, такъ какъ въ своей газетѣ они не находили никакихъ указаній и имъ своимъ умомъ приходилось додумываться до объясненія политической и общественной жизни. А что эти объясненія не всегда бывали правильны, подтвердитъ всякій, кому приходилось сталкиваться съ рабочими. Подъ вліяніемъ «экономической» агитаціи, рабочіе, въ концѣ концовъ, становились *революціонерами*, но не соціалдемократами.

Наслѣдники «Раб. Мысли», «рабочедѣльцы» отъ односторонняго увлеченія экономизмомъ отказались. Но, оправдавъ тактику «Рабочей Мысли», какъ соотвѣтствующую первой стадіи развитія движенія, ограничивъ задачу второй стадіи пріобрѣтеніемъ ближайшихъ политическихъ правъ и признавъ въ общемъ то же преклоненіе передъ стихійностью, они, подобно экономистамъ, оказались не въ состояніи направить работу мысли рабочей массы. Правда, затрагивая всевозможныя темы, литература «Раб. Дѣла» ставила передъ массой больше вопросовъ, чѣмъ это дѣлала до сихъ поръ «Раб. Мысль»; но подобно послѣдней и «Раб. Дѣло» не помогло рабочимъ отвѣтить на эти вопросы, не наталкивало мысль рабочихъ на соці-

---

*) Петербургское движеніе, Рабочее Дѣло, № 6, стр. 31—32.

Осв. Труда преподносили рабочимъ, служили лучшимъ противоядіемъ ихъ-же тактическимъ планамъ. Они, эти принципы являлись надежнѣйшей гарантіей того, что, разъ воспринявъ ихъ, рабочій не сможетъ уже превратиться въ чье бы то ни было орудіе, такъ какъ пропагандируемые группой принципы были принципами научнаго соціализма, революціонной соціалдемократіи, тактическій же планъ ея былъ просто безжизненъ, а потому и сравнительно безвреденъ. Наоборотъ, «Раб. Дѣло» предстало передъ рабочими въ очищенномъ отъ всякихъ принциповъ и теорій видѣ, но за-то давало вполнѣ жизненный (какъ вообще у поссибилистовъ) тактическій планъ. И, несмотря на то, что оно паки и паки твердило, что «освобожденіе рабочаго класса есть дѣло самихъ рабочихъ», въ дѣйствительности, широко раскрывъ двери партіи, оно контрабандой пропускало туда всѣхъ, кто былъ заинтересованъ въ использованіи рабочаго движенія въ своихъ непролетарскихъ интересахъ. Подъ вліяніемъ рабочедѣльческаго направленія фактически стирались классовыя грани, отдѣлявшія соціалдемократическую рабочую партію отъ всякой другой.

При господствѣ «рабочедѣльчества» Струве еще нѣтъ надобности выходить изъ рядовъ партіи и образовывать свою. Самая широкая терпимость — вотъ основная черта «рабочедѣльчества». Сама жизнь разберетъ, что правильно, что нѣтъ, а «широкая основа рабочаго движенія въ связи съ его ясными основными принципами» охранитъ русскихъ рабочихъ въ цѣломъ отъ большихъ промаховъ.

По печатному матерьялу того времени трудно возстановить дѣйствительную картину внутренней жизни нашихъ организацій. Правда, у насъ есть «уставъ», выработанный Петербургскимъ Союзомъ Борьбы — комитетомъ партіи въ октябрѣ 1900 г., но у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы судить о томъ, былъ-ли этотъ уставъ проведенъ въ жизнь. Мы приведемъ его въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ редакціей «Раб. Дѣла».

«Ячейку» союзной рабочей организаціи» составляетъ центральная группа на каждомъ заводѣ или фабрикѣ, группирующая вокругъ себя рабочіе кружки (не больше 10 человѣкъ въ каждомъ), при чемъ кружки могутъ выбирать въ «Ц. Гр.» собственныхъ представителей. Условія пріема въ центр. гр. и въ кружки: рекомендація двухъ членовъ и ни одного голоса противъ. Ц. Гр. организуетъ завод-

скую (фабричную) кассу, въ которую всѣ организованные рабочіе вносятъ двѣ коп. съ заработаннаго рубля. Половина мѣсячныхъ взносовъ поступаетъ въ стачечный фондъ, кромѣ того касса оказываетъ помощь платящимъ членамъ. Ц. Гр. ежемѣсячно даетъ отчетъ всѣмъ плательщикамъ о состояніи кассы. Дѣла, имѣющія значеніе для всѣхъ рабочихъ завода, рѣшаются большинствомъ голосовъ всѣхъ членовъ кассы. Ц. Гр. устраиваетъ библіотеки, руководитъ занятіями въ кружкахъ, доставляетъ нелегальную литературу. Выборные на годъ представители центральныхъ группъ всѣхъ районовъ города (или ихъ замѣстители) составляютъ *районную организацію*, завѣдующую всѣми дѣлами района и служащую связью между отдѣльными заводскими организаціями. Новый представитель допускается съ общаго согласія всѣхъ старыхъ представителей. Собраніе представителей, происходящее еженедѣльно, самостоятельно рѣшаетъ только тайныя и экстренныя дѣла, касающіяся всего района, всѣ другія дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ района. *Комитетъ СПБ. Союза*, служащій связью между всѣми районными организаціями города, составляется изъ выборныхъ каждаго района города (или ихъ замѣстителей) и представителей отъ исполнительныхъ группъ, а именно группъ пропагандистовъ, для сношенія съ провинціей, для сношенія съ заграницей, для завѣдыванія складами и кассой. Новый членъ комитета принимается только съ согласія всѣхъ остальныхъ. Для завѣдыванія агитаціей и организаціей рабочихъ по фабрикамъ и заводамъ изъ состава комитета выдѣляется особая *агитаціонная группа («комитетъ рабочей организаціи»)*, состоящая изъ выборныхъ отъ всѣхъ районовъ и одного выборнаго отъ представителей исполнительныхъ группъ. Комитетъ старается вызвать къ жизни рабочія организаціи въ другихъ городахъ. Онъ завѣдуетъ стачечнымъ фондомъ, давая отчетъ каждые 3 мѣсяца. Фондъ этотъ составляется изъ указанныхъ взносовъ организованныхъ рабочихъ и изъ суммъ поступающихъ въ Кассу Союза съ спеціальнымъ назначеніемъ «на помощь стачечникамъ». При забастовкѣ въ Пб-ргѣ помощь изъ стачечнаго фонда оказывается въ тѣхъ случаяхъ, когда стачка была одобрена агитаціонной группой комитета. Всѣ общесоюзныя дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ всѣхъ членовъ союза; тайныя и экстренныя дѣла рѣшаются комитетомъ са-

мостоятельно. Комитетъ издаетъ рабочую газету, а также брошюры, листки и проч.» *).

Перепечатывая этотъ уставъ, редакція Раб. Дѣла съ своей стороны замѣчаетъ: «возможно, что на практикѣ онъ окажется слишкомъ сложнымъ при русскихъ полицейскихъ условіяхъ, что нѣкоторые его пункты, въ особенности строго проведенное въ немъ выборное начало, придется измѣнить въ интересахъ конспиративности. Во всякомъ случаѣ основной характеръ устава, тѣсная связь между комитетомъ и рабочими организаціями отдѣльныхъ заводовъ и фабрикъ соотвѣтствуетъ испытанному уже типу соціалдемократическихъ организацій въ Россіи, типу, естественно созданному всей постановкой соціалдемократической дѣятельности» **). Съ одной стороны, значитъ, этотъ планъ не можетъ осуществиться потому, что онъ совершенно не считается съ конспиративными условіями, но съ другой, такъ какъ онъ выработанъ, написанъ и отпечатанъ, значитъ онъ соотвѣтствуетъ типу, естественно созданному самой жизнью. Это чисто рабочедѣльческое разсужденіе. Руководящій органъ и не думаетъ о томъ, какой вредъ для «соціалдемократической дѣятельности» наносится такой естественно выросшей въ мозгу экономистовъ организацией.

Акимовъ очень трогательно разсказываетъ, какъ создался этотъ уставъ. Послѣ лѣтнихъ каникулъ 1900 г. возвращались интеллигенты въ Петербургъ и думали тяжелую думу: отказаться отъ старыхъ названій или расширить программу организаціи и соотвѣтственно съ этимъ къ n+1 уже существующихъ организацій прибавить еще одну. «Всѣ эти трудные вопросы пали сами собой; какъ только было приступлено къ работѣ, оказалось, что не все было разрушено. Оказалось, что кружки, созданные союзомъ, не только не распались послѣ разгрома, но сильно развились за лѣто и представляли теперь цѣлую организацію многихъ сотенъ рабочихъ. Когда къ нимъ явились возвратившіеся въ Петербургъ агитаторы и стали развивать свои планы организаціи и программы, имъ было отвѣчено, что организація и программа уже существуютъ. Существуетъ «Рабочій Комитетъ». Это неожиданное заявленіе произвело сильное впечатлѣніе на интеллигентовъ. Однихъ

---

*) Листокъ Раб. Дѣла № 4. Декабрь 1900, стр. 6.
**) Тамъ же стр. 7, столб. 2.

обидѣлъ этотъ холодный и нѣсколько пренебрежительный отвѣтъ своимъ недавнимъ самоотверженнымъ учителямъ, другихъ онъ привелъ въ восторгъ: «наконецъ-то,—говорили они, интеллигенція займетъ подобающее ей мѣсто слуги въ рабочемъ движеніи... Эта первая попытка въ Петербургѣ формулировать въ программѣ свои принципы далеко не является совершенной. Но здѣсь важно отмѣтить, что политическія задачи рабочаго движенія въ ней впервые указаны» *).

У насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, точнаго текста программы, выработанной самими рабочими во время дачнаго отдыха экономистовъ. Передъ нами лишь текстъ ея, опубликованный въ № 11 «Рабочей Мысли», т. е. очевидно уже переработанный отдохнувшими интеллигентами. Вотъ этотъ текстъ:

«Союзъ Борьбы за освобожденіе рабочаго класса составляютъ всѣ лица, принявшія изложенную ниже програму и входящія въ составъ фабричныхъ и заводскихъ организацій или группъ, выполняющихъ функціи по пропагандѣ, изданію, по доставкѣ и храненію литературы, по сбору денегъ, по сношеніями съ другими городами и съ заграницей. Принимая во вниманіе, что конечной цѣлью рабочаго движенія является политическое и экономическое освобожденіе рабочаго класса и что такое освобожденіе можетъ быть достигнуто только соціалдемократическимъ движеніемъ широкихъ рабочихъ массъ, СПБ. Союзъ Борьбы ставитъ своей задачей развитіе сознанія этихъ массъ помощью пропаганды и агитаціи по всевозможнымъ конкретнымъ поводамъ окружающей рабочей жизни. Считая, что отстаиваніе своихъ насущныхъ интересовъ, какъ бы они мелки не были, воспитываетъ рабочія массы въ соціалистическомъ сознаніи и подготовляетъ группы активныхъ борцовъ за рабочее дѣло, — Союзъ оказываетъ такой борьбѣ всяческое содѣйствіе, стараясь придать всякому неорганизованному движенію форму организованной сознательной борьбы противъ капиталистической эксплуатаціи и царскаго произвола.

«Средствомъ активной борьбы Союзъ признаетъ частичныя забастовки, общія забастовки и политическія демонстраціи, организованныя при широкомъ участіи рабочихъ. Признавая, что самостоятельность рабочихъ является единственной гарантіей успѣха рабочаго дѣла, Союзъ настоятельно рекомендуетъ организацію рабочихъ въ боевые союзы.

---

*) Акимовъ. Очеркъ развитія соц.-демократіи въ Россіи, стр. 81.

«Со всѣми соц.-дем. группами Союзъ идетъ рука объ руку, признавая прочное объединеніе ихъ дѣломъ первостепенной важности.

«Общность врага—правительства—выдвигаетъ на очередь вопросъ о временныхъ союзахъ съ прочими революціонными фракціями по поводу отдѣльныхъ частныхъ случаевъ.

«Къ изложеннымъ въ программѣ цѣлямъ Союзъ идетъ тремя путями: а) организуя рабочихъ по заводамъ и фабрикамъ для дружной защиты ихъ общихъ интересовъ въ виду соединенныхъ враговъ ихъ—капиталистовъ и правительства; б) выясняя въ сознаніи всѣхъ рабочихъ ихъ общіе интересы, в) руководя самой борьбой рабочихъ».

Безъ сомнѣнія программа эта на цѣлую голову выше всѣхъ программныхъ мудрствованій интеллигентовъ изъ «Раб. Мысли», но всетаки она остается еще «чисто рабочей» программой и очень далека отъ *соціалдемократической рабочей* программы. Всеоправдывающее «Рабочее Дѣло» объясняетъ это несовпаденіе тѣмъ, что «передъ нами именно *программа дѣятельности*, устанавливающая непосредственныя практическія задачи СПБ. Союза. Только съ этой точки зрѣнія и можно правильно оцѣнить ея значеніе, ея достоинства и недостатки. Къ ней нельзя прикладывать мѣрку партійной программы, мотивирующей и устанавливающей общія цѣли партіи..., *общій* характеръ программы, преобладающіе ея элементы въ сущности лишь отражаютъ дѣятельность Союза за все время его существованія. Если новая программа впервые ставитъ на очередь политическія демонстраціи, все-же она ни имъ, ни неразрывно съ ними связанной политической агитаціи не отводитъ того мѣста, которое онѣ по своей важности должны занимать. Она ограничивается одними упоминаніями объ этомъ средствѣ активной борьбы, не указывая на необходимость широкой политической агитаціи среди массъ, этого предварительнаго условія политическихъ демонстрацій. Вообще политическіе элементы программы недостаточно ясно выступаютъ въ общемъ фонѣ. Что соціалдемократія дѣйствуетъ на основѣ массоваго движенія, что она должна руководить борьбой массы и придать этой борьбѣ сознательный характеръ, это руководящее правило соціалдемократической тактики уже давно сдѣлалось общимъ достояніемъ и примѣняется повсемѣстно («Раб. Дѣло», вѣроятно, забыло въ эту минуту о дѣятельности «Раб. Мысли» и прочихъ экономи-

стовъ, которые именно не считали своимъ достояніемъ это руководящее правило. М. Л.). Не имъ опредѣляются задачи даннаго момента и потому не оно должно стоять въ центрѣ программы, желающей намѣтить непосредственныя практическія задачи. Наше движеніе стоитъ теперь, какъ мы уже не разъ подробно доказывали, передъ задачей—*вовлечь рабочую массу въ активную политическую борьбу*" *).

Органомъ комитета (Союза Борьбы) считается «Раб. Мысль», органомъ «Раб. Комитета», входящаго въ тотъ же союзъ, становится «СПБргскій рабочій листокъ». «Рабочая Мысль», такимъ образомъ, перестаетъ быть *рабочей* газетой. Издаваясь теперь заграницей, она не въ силахъ выполнить задачу органа, быстро освѣдомляющаго рабочую массу о положеніи вещей въ Питерѣ, а иной задачи она, какъ рабочая газета, сначала и не ставила себѣ. Ея же такъ называемыя «теоретическія», руководящія статьи такъ непонятно, такъ непопулярно написаны, что вызываютъ со стороны рабочихъ протестъ. «Что пойметъ рабочій изъ кучи терминовъ, предлагаемыхъ ему газетой», спрашиваетъ «практикъ рабочій»,—и это въ его органѣ, который именуетъ себя «Рабочей-Мыслью». «Огня больше! Жизни больше, а не сухой схоластики! Рабочій знаетъ, кто сидитъ на его загорбкѣ, охъ какъ знаетъ! Нужно только, чтобы съ перваго же слова сердце его забилось сильнѣй и онъ не удержался, чтобы не сходить къ сосѣду и съ «чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой» не передать ему, какъ клокочетъ его кровь и разрывается сердце при видѣ такой тьмы человѣческаго насилія... Располагая фактами и сообщеніями изъ разныхъ мѣстъ, сотрудники «Раб. Мысли» должны *дѣлать сводки* и указывать, какъ слагается общее насиліе царской власти изъ этихъ частныхъ, хозяйскихъ чиновничьихъ и жандармскихъ притѣсненій, при чемъ нужны простота, ясность и воодушевленность. Пусть въ наличности мало силъ для этого. Не бойтесь, ставьте цѣль и вы увидите, какъ скоро она будетъ достигнута, вы увидите, что рабочій не просто рабочій, которому нуженъ кусокъ хлѣба, а еще и честный человѣкъ, у котораго есть долгъ гражданина и самоотверженность интеллигента» **). Мы, «по-

*) Листокъ «Раб. Дѣла» № 4, стр. 7, столб. 1 и 2.

**) Письмо въ редакцію »Раб. Мысль» № 8, февр. 1900 г., стр. 10, столб. № 2 и 3.

няли, что такъ жить и трудно, и скучно, и позорно. Мы рѣшили отстоять во что бы то ни стало жизнь свою, честь свою, свою *свободу*. Для этого мы соединились вмѣстѣ»,—такъ пишетъ въ своемъ воззванiи Рабочiй Комитетъ *).

Получили Иваново-Вознесенскiе рабочiе изъ Питера первомайскiе листки; «оказалось, что распространенные листки вызвали негодованiе противъ тѣхъ же листковъ,—пишетъ Рабочiй за рабочихъ.—Въ Иваново-Вознесенскѣ работаютъ девять часовъ чуть ли не на всѣхъ фабрикахъ, а имъ предлагаютъ требовать десятичасового раб. дня. Эхъ, господа составители, писатели и доброжелатели, этакъ можно много натворить пакостей рабочимъ... Я, рабочiй, протестую противъ такой скверной (извините за выраженiе) постановки дѣла, противъ такихъ отжившихъ и предосудительныхъ прiемовъ... Опять-же, требовать суда присяжныхъ надъ стачечниками! Развѣ это не есть смѣшная иронiя? Это значитъ, что мы будемъ признавать справедливость преслѣдованiя стачекъ. Для насъ нуженъ не судъ присяжныхъ надъ стачечниками, а полная свобода стачекъ» **). Не мудрено послѣ всего этого, что сознательные рабочiе во что бы то ни стало старались отдѣлаться отъ опеки такихъ руководителей, указать такой интеллигенцiи ея положенiе «только *слуги* въ рабочемъ движенiи».

Широкая тенденцiя къ демократизацiи нашихъ организацiй, къ противопоставленiю выборныхъ *рабочихъ* комитетовъ самочиннымъ интеллигентскимъ комитетамъ объясняется не враждебностью и недовѣрiемъ рабочихъ къ интеллигентамъ вообще, не простестомъ противъ навязыванiя имъ соцiалдемократической программы, а исключительно протестомъ противъ наличнаго состава «интеллигентныхъ руководителей», которые всей своей поссибилистической дѣятельностью, своимъ антиреволюцiоннымъ настроенiемъ и убожествомъ своего теоретическаго багажа дѣйствительно только мѣшали рабочему движенiю, тормозили ходъ его революцiонизированiя.

Иваново-Вознесенскiе рабочiе, которымъ петербургскiе «экономисты» съ благословенiя «Раб. Дѣла» ***) предлагали, чтобы они, добившiеся уже *9 часового* рабочаго дня, начали потихоньку, да полегонку борьбу *за 10 час. рабочiй день*,

---

*) Перепечатанъ въ «Раб. Мысли» № 9, сент. 1900 г.

**) Изъ Иваново Вознесенска «Искра» № 6, Iюль 1901, стр. 5.

***) См. ст. В. И—на Майскiй праздникъ въ Россiи. «Раб. Дѣло», № 2—3.

выпускаютъ воззваніе ко *всѣмъ русскимъ рабочимъ организаціямъ*. Указавъ, «что грубый деспотизмъ, подъ давленіемъ котораго мы находимся, стоитъ тормазомъ рабочему движенію въ борьбѣ съ капиталистами», иваново-вознесенскіе рабочіе продолжаютъ: «Напрасно мы ищемъ у правительства защиты своихъ интересовъ... Факты показали, что оно никогда не было на сторонѣ рабочихъ, да и не будетъ до тѣхъ поръ, *пока рабочіе не заберутъ все въ свои руки*. Оно обѣщаетъ и даетъ намъ только ружья, нагайки, тюрьмы и высылку.

«Также и крестьянамъ, что оно можетъ дать и обѣщать? Разоряя ихъ и выжимая послѣдніе соки, оно гонитъ ихъ милліонами изъ родныхъ деревень въ города, гдѣ они являются конкуррентами рабочей арміи, или заставляетъ выселяться на новыя мѣста, на произволъ судьбы, навстрѣчу всевозможнымъ условіямъ самой горькой жизни. Вотъ какъ правительство заботится объ участи рабочихъ и бѣдныхъ крестьянъ! Заботы его уже довели крестьянъ до голода. Оно помогаетъ капиталистамъ и фабрикантамъ ковать себѣ капиталъ, а рабочихъ все болѣе заковывать въ цѣпи этого капитала.

«Товарищи, оставимъ надежду на правительство. Воспитаемъ въ себѣ мысль, что намъ надо бороться съ правительствомъ и капиталистами. Объединимъ себя духомъ могучаго орудія истины и кончится часъ нашего угнетенія; и выйдемъ на дорогу болѣе широкую для борьбы за признаніе своихъ правъ и защиту интересовъ всего рабочаго класса. Да здравствуетъ русскій рабочій народъ, да здравствуетъ соціалдемократія!».

Въ заключеніи этого воззванія, которое носитъ подзаголовокъ—«Изъ русскаго Манчестера», «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!», «Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ,» — «Выборный комитетъ» возбуждаетъ вопросъ о созывѣ всероссійскаго конгресса (съѣзда) рабочихъ *). «Борясь за признаніе нашихъ правъ и заботясь о расширеніи пропаганды среди рабочаго класса, обращаемся къ вамъ за содѣйствіемъ этому общему дѣлу. Пора намъ связать отдѣльныя организаціи въ одинъ общій союзъ для веденія и расширенія пропаганды въ мѣстахъ, гдѣ не существуетъ еще

*) Мы видимъ, что напрасно теперешніе наслѣдники экономистовъ „плодотворную“ идею о созывѣ „рабочаго съѣзда“ приписываютъ иниціативѣ Аксельрода. Иниціатива эта впервые проявлена Ив.-Вознесенскимъ выборнымъ комитетомъ въ февралѣ 1900 г.

рабочей организованной партіи: для взаимнаго обмѣна средствами и литературой; для предъявленія одинаковыхъ требованій въ забастовкахъ рабочихъ; для передачи всѣхъ свѣдѣній о рабочемъ движеніи, о дѣйствіяхъ правительства и фабричной администраціи; для присылки—въ случаѣ сильныхъ арестовъ—рабочихъ агитаторовъ, чтобы поддержать разорившееся гнѣздо рабочей партіи.—Выборный комитетъ «Союза рабочихъ Русскаго Манчестера» (Иваново-Вознесенска) обращается ко всѣмъ рабочимъ организаціямъ Россіи: не найдуть-ли онѣ возможнымъ устроить въ этомъ году Всероссійскій Конгрессъ рабочихъ. Цѣль конгресса: 1) обмѣнъ мыслей представителей отдѣльныхъ организацій о ходѣ пропаганды и рабочаго движенія, 2) связь и объединеніе въ общій рабочій союзъ, 3) обсужденіе вопросовъ текущей дѣятельности рабочаго движенія, 4) сужденія о мѣрахъ соціалдемократической партіи въ дѣйствіяхъ противъ правительства и капиталистовъ, 5) объ изданіи нелегальной литературы и передачѣ оной во всѣ организаціи, 6) о всякихъ другихъ возникающихъ вопросахъ. *Желательно, чтобы интеллигенты не были представителями, а исключительно рабочіе.*» подъ этимъ воззваніемъ подпись Соціалдемократическаго Союза рабочихъ Русскаго Манчестера».*)

Это долженъ былъ быть чисто *практическій* съѣздъ для выработки, употребляя выраженіе «Раб. Дѣла», «программы дѣятельности», которую не слѣдуетъ смѣшивать съ программой «партійной». И это характерно для дѣйствовавшихъ въ то время практиковъ: они не чувствуютъ непосредственной связи между идейнымъ шатаніемъ и той неурядицей, которая при каждомъ начинаніи проявляется въ ихъ практической работѣ, они не сознаютъ идейнаго разброда, который царитъ въ рядахъ нашей партіи. Они только практики и знать не хотятъ теоріи. «Теоретическій» же органъ заграничнаго Союза высказываетъ «глубокое убѣжденіе, что этотъ братскій призывъ нашихъ товарищей» изъ «Русскаго Манчестера» найдетъ горячій откликъ въ сердцахъ организованныхъ рабочихъ всей Россіи. Онъ свидѣтельствуетъ, что въ сознаніи передовыхъ отрядовъ русской арміи рабочихъ чувствуется все болѣе настоятельная потребность объединенія, дѣйствія сообща, взаимной помощи и дружной борьбы съ общимъ врагомъ—правительствомъ и

---

*) Перепечатано въ «Раб. Мысли» № 8 февраль 1900 г. стр. 1.

капиталистами».*) И привѣтствуя этотъ призывъ, «Раб. Дѣло» съ своей стороны не считаетъ нужнымъ указать практикамъ-рабочимъ, что безъ теоретической программы соціалдемократическую партію создать нельзя. Перечисливъ рядъ чисто практическихъ вопросовъ, которые долженъ рѣшить съѣздъ, «Раб. Дѣло» въ заключеніе говоритъ: «Эти жизненныя задачи, общія всѣмъ соціалдемократическимъ организаціямъ Россіи, имѣютъ громадное значеніе для русскаго рабочаго движенія. Отъ ихъ рѣшенія зависитъ дальнѣйшій успѣхъ всего рабочаго дѣла въ Россіи». **)

Характерно, что, приводя важнѣйшую часть воззванія, Раб. Дѣло не сочло нужнымъ перепечатать примѣчаніе о томъ, чтобы представителями на конгрессъ не выбирались интеллигенты, а только рабочіе. Ни слова не говорится объ этомъ и въ редакціонной статьѣ, посвященной этому воззванію, такъ что мы не имѣемъ возможности узнать, какъ относилась редакція къ *этому* вопросу. Говоря о томъ, что предлагаемый съѣздъ продолжитъ работу, начатую на первомъ съѣздѣ Росс. С. Д. Р. П., редакція очевидно предполагаетъ, что и этотъ съѣздъ будетъ, соціалдемократическимъ», а не только «рабочимъ». Во всякомъ случаѣ она не указываетъ на разницу между этими двумя понятіями. Впрочемъ, Иваново-Вознесенскій Выборный Комитетъ обращается ко всѣмъ рабочимъ *организаціямъ*, а въ то время *всѣ* рабочія организаціи считали себя соціалдемократическими; подчеркивая же слово «*рабочія*», инициаторы съѣзда противопоставляютъ ихъ интеллигентскимъ организаціямъ,—комитетамъ невыборнымъ. И въ Кіевѣ и въ Одессѣ, и въ Екатеринославѣ, и въ Москвѣ въ это время уже существовало это дѣленіе на «рабочіе» и «не рабочіе» комитеты, которые хотя и составляли общую организацію, но каждый преслѣдовалъ опредѣленную функцію, причемъ на долю Раб. Комитетовъ обыкновенно приходилась организаціонная и агитаціонная работа, на долю же интеллигентскихъ—работа техническая.

Несомнѣнно, что съ переходомъ къ широкой массовой политической агитаціи потребность въ общихъ партійныхъ дѣйствіяхъ и въ общепартійной освѣдомленности должна была ощущаться все сильнѣе и сильнѣе. Тѣмъ не менѣе, однако,

---

*) „Раб. Дѣло“ № 6 Апрѣль 1900 стр. 73.
**) „Раб. Дѣло“ № 6 стр. 74.

воззваніе Ив.-Вознесенска не находитъ отклика; каждая мѣстная организація цѣликомъ ушла въ свою мѣстную, чисто кустарную работу и дальше своихъ приходскихъ дѣлъ она ничего не знаетъ и не хочетъ знать. Укрѣпить мѣстное движеніе, вотъ конечный идеалъ каждаго мѣстнаго практика. Издаваемыя газеты («Раб. Мысль», кіевскій «Впередъ»*), «Петербургскій Рабочій Листокъ» **), «Саратовскій Рабочій» ***), Саратовская «Рабочая Газета» ****), николаевское «Наше Дѣло» †), нижегородская «Раб. Газета» ††), московская «Волна» †††), одесское «Рабочее Слово» ††††), носятъ тотъ-же чисто приходскій, чисто практическій характеръ. Каждая мѣстная организація— это совершенно изолированный островокъ, который, нисколько не считаясь съ сосѣдними организаціями, самъ вырабатываетъ себѣ свою тактику, своимъ умомъ доходитъ до своей «программы». Существуютъ или не существуютъ въ данной мѣстности литературныя силы—мѣстный органъ и прокламаціи должны быть написаны и напечатаны. И нерѣдки случаи, когда съ просьбой написать прокламацію или статью для органа обращаются къ случайно живущимъ въ городѣ литераторамъ, ничего общаго съ соціалдемократіей не имѣющимъ. Разъ перешли къ «политикѣ», тутъ ужъ выдержаннаго тона не требуется для того, чтобы удачно «продернуть» правительство, не требуется быть соціалдемократомъ. Это буквальное выраженіе, которое мнѣ не разъ приходилось слышать.

Нельзя, однако, сказать, чтобы такъ смотрѣли всѣ «практики». Въ Петербургѣ, напримѣръ, образуется группа «Соціалистъ», которая начинаетъ борьбу противъ того «практицизма» и «поссибилизма», благодаря которымъ совершенно покинута классовая соціалдемократическая точка зрѣнія. Эта группа начинаетъ издавать «Соціалдемократическую рабочую библіотеку». «Необходимо *развивать* и *воспитывать* массу политически,—говоритъ редакція этого органа,—т. е. научать не только понимать значеніе *ближайшихъ* политическихъ требованій, но и понимать значеніе политической борьбы *въ ши-*

---

*) Съ 97 до 901 г. вышло 10 №№.
**) Вышло 8 №№.
***) Вышло 2 №№.
****) За 1900—901 г. вышло 7 №№.
†) Вышло 3 №№ за 97—98 гг.
††) Вышелъ 1 № въ 1901 г.
†††) Изд. одной Московской группы; за 99—900 г. вышло 2 №№.
††††) 1 № въ 1901 г.

рокомъ смыслѣ слова... Наше правительство—врагъ его (рабочаго) уже какъ самодержавное правительство, какъ форма власти, съ которой рабочій вообще не можетъ ужиться, такъ какъ она можетъ быть только деспотичной... Способствовать созданію знающихъ пропагандистовъ и убѣжденныхъ агитаторовъ, усиленію интенсивности рабочаго движенія вообще... вотъ цѣль «Рабочей библіотеки». *)

«Южный Рабочій» тоже не можетъ быть отнесенъ къ обычному типу мѣстныхъ газетъ. «Приступая къ изданію Екатеринославской газеты «Южный Рабочій»,—говоритъ редакція въ своей вступительной статьѣ,—мы думаемъ, что идемъ навстрѣчу назрѣвшимъ потребностямъ всего юга Россіи, въ частности екатеринославскихъ рабочихъ: чѣмъ болѣе развивается рабочее движеніе, чѣмъ чаще оно приходитъ въ столкновеніе съ политическими условіями русской жизни, тѣмъ настоятельнѣе чувствуется потребность въ *объединяющемъ органѣ*, который отмѣчалъ бы всѣ моменты и всесторонне освѣщалъ бы факты, выдвигаемые происходящей борьбой»... «Борьба съ этимъ правительствомъ богачей и эксплуататоровъ, стремленіе къ его ниспроверженію и завоеванію политическихъ правъ является жизненой задачей рабочаго класса въ Россіи, задачей не менѣе насущной и жизненной, чѣмъ вопросъ о сокращеніи рабочаго дня и увеличеніи заработной платы». Редакціонная статья заканчивается призывомъ ко всѣмъ южно-русскимъ рабочимъ встать «подъ красное знамя Р. С.-Д. Р. П. на защиту своихъ правъ, на обезпеченіе себѣ лучшаго положенія на установленіе на землѣ царства справедливости, свободы и братства и, вмѣстѣ съ рабочими другихъ мѣстъ, вмѣстѣ съ рабочими всего міра, подхватить боевой кличъ, который раздался 52 года тому назадъ въ Европѣ, обращенный съ призывомъ ко всѣмъ угнетеннымъ и эксплуатируемымъ, указывая имъ путь освобожденія—кличъ этотъ—пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь». **)

Несмотря на провалъ и арестъ типографіи, послѣдовавшіе вскорѣ послѣ выхода № 1-го «Южн. Рабочаго», удается въ іюнѣ выпустить—№ 2-ой, въ ноябрѣ—3-ій. Уже въ 3-ьемъ номерѣ «Южн. Рабочій» значительно расширяетъ сферу своей дѣятельности; онъ обращается уже не только къ южнымъ

*) «Соціалдемократическая Рабочая Библіотека» № 1, 1900 г.

**) «Южный Рабочій» № 1 Екатерин. раб. газет. Январь 1900 изд. Екат. Комит. партіи.

рабочимъ, но и ко всему русскому пролетаріату. Здѣсь въ первый разъ къ совмѣстномувыступленію призывается весь пролетаріатъ.

14-го іюля варшавскій генералъ-губернаторъ издалъ приказъ, по которому 9 польскихъ рабочихъ предаются военному суду за убійство шпіона. «Южный Рабочій» счелъ своимъ правомъ и своимъ долгомъ протестовать противъ этого факта не только отъ имени одной мѣстной организаціи, но отъ имени всей партіи. За подписью Р. С.-Д. Р. П. выпускаетъ онъ особую прокламацію по этому поводу: «Всѣ русскіе рабочіе, — читаемъ мы въ этой прокламаціи, — должны понять и оцѣнить, что значитъ эта новая ласка русскаго правительства... Противъ насъ, противъ всѣхъ направлены эти кровавыя угрозы русскаго правительства... трупами нашихъ польскихъ товарищей хотятъ остановить рабочее движеніе... И мы не можемъ равнодушно смотрѣть, какъ ихъ беззаконно казнитъ военный судъ. Товарищи, мы призываемъ васъ всѣми силами, всѣми средствами протестовать противъ военныхъ судовъ, противъ кровавыхъ замысловъ правительства. Если во всѣхъ городахъ мы заявимъ массовой общій протестъ и выразимъ свое негодованіе, то правительство увидитъ, что рабочій людъ не даетъ безнаказанно убивать своихъ братьевъ... 1) Устраивайте забастовки и требуйте отмѣны военныхъ и чрезвычайныхъ судовъ и пересмотра дѣла Свидерскаго и Возняка судомъ присяжныхъ, 2) собирайте большія собранія для составленія протеста и разрѣшайте комитетамъ партіи дѣйствовать отъ вашего имени, 3) собирайте средства для помощи семействамъ осужденныхъ» *).

Прокламацію эту «Южн. Рабочему» удалось разослать по 18 городамъ, но до массового дѣйствія дѣло не дошло, такъ какъ очень многія мѣстныя организаціи не рѣшились поддержать призывъ «Южн. Рабочаго». Интересы мѣстной работы пересилили интересы всего рабочаго класса въ цѣломъ. Практика мѣстная не могла понять громаднаго политическаго и воспитательнаго значенія такого общаго всероссійскаго протеста. «Забастовки, которыя принесли такъ много пользы въ борьбѣ за наши экономическіе интересы и для развитія политическаго сознанія среди рабочей массы,—пишетъ по по-

*) «Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Россіи» изд. Южн. Рабочаго.

воду этого воззванія органъ кустарничества и приходскихъ интересовъ «Раб. Дѣло»,—далеко не всегда пригодны, какъ средство политической борьбы. Въ борьбѣ съ правительствомъ наиболѣе подходящимъ средствомъ въ настоящее время является манифестація», *) но къ сожалѣнію мы еще къ ней не подготовлены, кромѣ того, «прокламація выпущена отъ имени Р. С.-Д. Р. П., но составлена она была однимъ комитетомъ партіи по совѣту съ другими, а прочіе узнали о ней, когда она уже была напечатана и прислана имъ. Отсюда разныя недоразумѣнія. Прокламацію распространить, пожалуй, и не трудно, но вѣдь она призываетъ рабочихъ къ забастовкѣ, а мѣстный комитетъ партіи какъ разъ къ этому не приготовился... Вообще такое трудное дѣло, какъ обращеніе къ рабочимъ всей Россіи не подъ силу одному мѣстному комитету». **) Однимъ словомъ, «всякъ сверчокъ знай свой шестокъ». Просвѣщайте сознаніе саратовскихъ, московскихъ, екатеринославскихъ рабочихъ, устраивайте революцію въ Кременчугѣ, Харьковѣ, Вилковишкахъ, но не смѣйте призывать къ всероссійской революціи, не думайте объ общихъ задачахъ всего русскаго пролетаріата, ибо можетъ случиться, что когда раздастся призывъ къ общерусскому дѣйствію—соотвѣтствующему стадіи «политическихъ манифестацій», одесскіе или полтавскіе рабочіе окажутся еще на стадіи «чисто экономической борьбы». Вотъ сущность всѣхъ разсужденій мѣстныхъ практиковъ и ихъ «органа» «Рабочаго Дѣла».

XIV.

Въ 1900 г. въ нелегальной печати почти одновременно появились два объявленія: одно—«О возобновленіи изданій Группы «Освобожденія Труда» за подписью Плеханова и Аксельрода, другое анонимное, за подписью: «редакція»—о предполагаемомъ выходѣ въ свѣтъ газеты «Искра».

«Подъ вліяніемъ всепоглощающей практической дѣятельности въ сферѣ пропаганды и агитаціи среди рабочихъ,—пишутъ Аксельродъ и Плехановъ,—и сильнаго запроса на

*) Тамъ же, та-же стр.
**) Сибирякъ «военный судъ надъ польскими рабочими» Листокъ «Раб. Дѣла» № 3 Окт. 1900 г. стр. 5.

популярныя изданія для рабочей массы, въ связи съ попытками отстаиванія такъ называемаго «экономическаго» матерьялизма въ легальной печати интересъ къ литературѣ, посвященной научно-публицистической обработкѣ на русскомъ языкѣ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ соціалдемократіи, до крайности ослабѣлъ въ послѣдніе годы среди активныхъ элементовъ нашего движенія». Задачи, стоящія передъ русской соціалдемократіей, «требуютъ отъ нея неустанной самокритики и зоркаго вниманія къ теоретической сторонѣ революціоннаго движенія пролетаріата. Она пріобрѣла господствующее положеніе на аренѣ революціоннаго движенія въ Россіи. Но въ то же время на периферіи и даже внутри ея образовалось теченіе, прямо противоположное духу ученій соціалдемократіи, теченіе, представляющее собою серьезную опасность для ея дальнѣйшаго развитія» *).

Далѣе авторы объявленія, ссылаясь на «протестъ 17», этихъ «теоретически наиболѣе сознательныхъ изъ активныхъ представителей и основателей партіи», на ихъ предостереженіе отъ «грозящаго совращенія русской соціалдемократіи съ намѣченнаго ею пути» и на ихъ призывъ «объявить рѣшительную войну всему кругу идей», на которыя опирается такъ называемое «чисто экономическое теченіе», заявляютъ, что «члены группы «Осв. Труда» считаютъ себя обязанными пойти навстрѣчу этому призыву компетентныхъ товарищей къ рѣшительной войнѣ противъ циркулирующихъ у насъ подъ нашимъ собственнымъ флагомъ идей и понятій, принципіально враждебныхъ соціалдемократіи... Первоначальнымъ источникомъ этихъ идей и понятій послужило слишкомъ буквальное, догматическое и прямо вульгарное толкованіе ученія научнаго соціализма о классовой борьбѣ и о роли экономическихъ отношеній, какъ историческаго двигателя» **). Этимъ объясняется враждебное отношеніе такихъ соціалдемократовъ къ революціонному движенію 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Въ этомъ «чисто-рабочемъ» направленіи авторы видятъ воскрешеніе реакціонной стороны народничества. «Точка зрѣнія группы или группъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не допускаетъ не только выработки вполнѣ соціалдемократической тактики, но

---

*) „Объявленіе о возобновленіи изданій гр. Осв. Тр. Vademekum. Жен. 1900 г. стр. 61.
**) Тамъ-же стр, 62,

и даже *принципіальной постановки вопроса* о политической роли и задачахъ нашего движенія» *).

Особенно опасно стало это движеніе, когда оно начало искать себѣ теоретической поддержки у Бернштейна и другихъ критиковъ марксизма. «Первоначальныя воззрѣнія представителей антиполитическаго направленія въ нашемъ движеніи въ очень существенныхъ пунктахъ прямо противоположны были воззрѣніямъ бернштейніанцевъ. Но нашлись мудрецы, которые ухитрились образовать изъ тѣхъ и другихъ своеобразную идейную смѣсь и сдѣлать изъ нея теоретическую основу для принципіальной борьбы противъ стремленій, направленныхъ къ организаціи политическаго движенія среди русскихъ рабочихъ. Вражда къ этимъ стремленіямъ мотивируется уже не временными тактическими или примитивными педагогическими соображеніями, а принципіальными, въ силу которыхъ сама идея организаціи самостоятельной рабочей политической партіи является ничѣмъ инымъ, какъ зловредной утопіей, «продуктомъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву».

Программа автора Credo, по мнѣнію группы Осв. Труда, «ведетъ къ тому, что русская соціалдемократія должна отказаться отъ всякихъ революціонныхъ помысловъ и дѣйствій, и завершить свое кратковременное существованіе такимъ же образомъ, какъ и народничество, именно превратиться въ партію мирныхъ культуртрегеровъ, живущихъ и дѣйствующихъ въ порахъ «либеральнаго общества». Но народничество можетъ указать на славныя традиціи своего революціоннаго прошлаго, оно не даромъ появилось на исторической сценѣ, какъ противникъ скромнаго, умѣреннаго, трезваго, словомъ обывательскаго либерализма. Русская же соціалдемократія, всего только безъ году недѣля выступившая, какъ активная боевая сила, на историческое поприще, произнесла бы смертный приговоръ и надъ своимъ кратковременнымъ прошлымъ и надъ своимъ будущимъ, если бы она, по совѣту своихъ мнимыхъ друзей, отказалась отъ преслѣдованія революціонныхъ задачъ революціонными методами. Ради жалкой роли, которую предлагаютъ ей эти «друзья», не стоило ей являться на свѣтъ божій, а усилія, потраченныя на то, чтобы доставить ей преобладаніе надъ остатками старыхъ революціон-

*) Тамъ же, стр, 63,

популярныя изданія для рабочей массы, въ связи съ попытками отстаиванія такъ называемаго «экономическаго» матерьялизма въ легальной печати интересъ къ литературѣ, посвященной научно-публицистической обработкѣ на русскомъ языкѣ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ соціалдемократіи, до крайности ослабѣлъ въ послѣдніе годы среди активныхъ элементовъ нашего движенія». Задачи, стоящія передъ русской соціалдемократіей, «требуютъ отъ нея неустанной самокритики и зоркаго вниманія къ теоретической сторонѣ революціоннаго движенія пролетаріата. Она пріобрѣла господствующее положеніе на аренѣ революціоннаго движенія въ Россіи. Но въ то же время на периферіи и даже внутри ея образовалось теченіе, прямо противоположное духу ученій соціалдемократіи, теченіе, представляющее собою серьезную опасность для ея дальнѣйшаго развитія» *).

Далѣе авторы объявленія, ссылаясь на «протестъ 17», этихъ «теоретически наиболѣе сознательныхъ изъ активныхъ представителей и основателей партіи», на ихъ предостереженіе отъ «грозящаго совращенія русской соціалдемократіи съ намѣченнаго ею пути» и на ихъ призывъ «объявить рѣшительную войну всему кругу идей», на которыя опирается такъ называемое «чисто экономическое теченіе», заявляютъ, что «члены группы «Осв. Труда» считаютъ себя обязанными пойти навстрѣчу этому призыву компетентныхъ товарищей къ рѣшительной войнѣ противъ циркулирующихъ у насъ подъ нашимъ собственнымъ флагомъ идей и понятій, принципіально враждебныхъ соціалдемократіи... Первоначальнымъ источникомъ этихъ идей и понятій послужило слишкомъ буквальное, догматическое и прямо вульгарное толкованіе ученія научнаго соціализма о классовой борьбѣ и о роли экономическихъ отношеній, какъ историческаго двигателя» **). Этимъ объясняется враждебное отношеніе такихъ соціалдемократовъ къ революціонному движенію 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Въ этомъ «чисто-рабочемъ» направленіи авторы видятъ воскрешеніе реакціонной стороны народничества. «Точка зрѣнія группы или группъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не допускаетъ не только выработки вполнѣ соціалдемократической тактики, но

*) „Объявленіе о возобновленіи изданій гр. Осв. Тр. Vademekum. Жен. 1900 г. стр. 61.

**) Тамъ-же стр, 62,

и даже *принципіальной постановки вопроса* о политической роли и задачахъ нашего движенія» *).

Особенно опасно стало это движеніе, когда оно начало искать себѣ теоретической поддержки у Бернштейна и другихъ критиковъ марксизма. «Первоначальныя воззрѣнія представителей антиполитическаго направленія въ нашемъ движеніи въ очень существенныхъ пунктахъ прямо противоположны были воззрѣніямъ бернштейніанцевъ. Но нашлись мудрецы, которые ухитрились образовать изъ тѣхъ и другихъ своеобразную идейную смѣсь и сдѣлать изъ нея теоретическую основу для принципіальной борьбы противъ стремленій, направленныхъ къ организаціи политическаго движенія среди русскихъ рабочихъ. Вражда къ этимъ стремленіямъ мотивируется уже не временными тактическими или примитивными педагогическими соображеніями, а принципіальными, въ силу которыхъ сама идея организаціи самостоятельной рабочей политической партіи является ничѣмъ инымъ, какъ зловредной утопіей, «продуктомъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву».

Программа автора Credo, по мнѣнію группы Осв. Труда, «ведетъ къ тому, что русская соціалдемократія должна отказаться отъ всякихъ революціонныхъ помысловъ и дѣйствій, и завершить свое кратковременное существованіе такимъ же образомъ, какъ и народничество, именно превратиться въ партію мирныхъ культуртрегеровъ, живущихъ и дѣйствующихъ въ порахъ «либеральнаго общества». Но народничество можетъ указать на славныя традиціи своего революціоннаго прошлаго, оно не даромъ появилось на исторической сценѣ, какъ противникъ скромнаго, умѣреннаго, трезваго, словомъ обывательскаго либерализма. Русская же соціалдемократія, всего только безъ году недѣля выступившая, какъ активная боевая сила, на историческое поприще, произнесла бы смертный приговоръ и надъ своимъ кратковременнымъ прошлымъ и надъ своимъ будущимъ, если бы она, по совѣту своихъ мнимыхъ друзей, отказалась отъ преслѣдованія революціонныхъ задачъ революціонными методами. Ради жалкой роли, которую предлагаютъ ей эти «друзья», не стоило ей являться на свѣтъ божій, а усилія, потраченныя на то, чтобы доставить ей преобладаніе надъ остатками старыхъ революціон-

*) Тамъ же, стр, 63,

ныхъ фракцій, не только лишили бы ее всякаго реальнаго смысла, но и заслужили бы еще названія преступленій въ историческомъ смыслѣ... Но антиреволюціонная соціалдемократія такъ же немыслима, какъ мокрый огонь или сухая вода» *). Поэтому, если восторжествуютъ идеи, противъ которыхъ выступили съ протестомъ 17 практиковъ, это означаетъ прекращеніе самого существованія, смерть соціалдемократическаго движенія, поэтому Группа считаетъ себя обязанной «рука объ руку» съ протестантами выступить противъ воззрѣній, пропагандируемыхъ русскими бернштейніанцами. Борьба съ ними, это борьба за существованіе соціалдемократіи въ современной Россіи...» Когда мы въ началѣ 80-хъ годовъ подняли знамя соціалдемократіи въ русской заграничной печати, задачи наши заранѣе опредѣлялись тѣмъ обстоятельствомъ, что соціалдемократическаго движенія въ Россіи въ то время еще не было, что для возникновенія его необходимо было прежде всего теоретически проложить ему путь, и что главнымъ идейнымъ препятствіемъ или камнемъ преткновенія для этого являлись иллюзіи радикальной интеллигенціи насчетъ направленія перспективы нашего экономическаго развитія и отрицательнаго отношенія той же интеллигенціи къ соціально-экономическому и революціонному значенію нарождающагося русскаго пролетаріата»**).

Поэтому тогда главная роль отводилась полемикѣ съ народниками, велась ежедневная борьба съ демократическими фракціями «за право гражданства рабочаго движенія и соціалдемократіи въ русской дѣйствительности». Теперь, разъ уже соціалдемократическое движеніе стало всѣми признаннымъ фактомъ, такая полемика утратила уже свое значеніе. «Въ настоящее время для соціалдемократической прессы на первомъ планѣ стоитъ вопросъ объ интересахъ и задачахъ, вообще о *дальнѣйшемъ развитіи* движенія соціалдемократическаго, которое уже существуетъ, но существованію котораго грозитъ опасность извнутри, со стороны отдѣльныхъ лицъ и группъ, формально или по названію примыкающихъ къ нему. Съ этой точки зрѣнія одной изъ важнѣйшихъ задачъ нашей литературы является безпощадная критика бернштейновскихъ и другихъ антиреволюціонныхъ тенденцій, нашедшихъ себѣ пріютъ въ лагерѣ

---

*) «Объявленіе» Vademekum, стр. 64.
**) «Объявленіе» Vademekum, стр. 65.

самихъ соціалдемократовъ. Съ той же точки зрѣнія, мы полагаемъ, что въ настоящій моментъ соціалдемократическая пресса обязана выдвигать и подчеркивать тѣ стороны и тѣ практическія стремленія, которыя общи нашему движенію съ революціоннымъ народничествомъ. Тѣмъ же соображеніемъ мы будемъ руководствоваться и въ оцѣнкѣ всѣхъ важнѣйшихъ явленій русской дѣйствительности... Убѣждать радикальную интеллигенцію въ жизнеспособности рабочаго движенія уже не приходится, она теперь убѣждена, что «уже споконъ вѣковъ въ этомъ не сомнѣвалась», теперь задача гр. Осв. Тр. «непримиримая теоретическая борьба съ антиреволюціонными элементами въ нашей партіи и выясненіе тактическихъ задачъ, подсказываемыхъ ей какъ ея конечной цѣлью, такъ и соціально-политическими особенностями данной минуты» *).

Аксельродъ и Плехановъ въ этомъ объявленіи вѣрно охарактеризовали всю предшествовавщую роль гр. Освоб. Труда. Эта роль сводилась главнымъ образомъ къ борьбѣ съ народничествомъ за преобладаніе среди «радикальной интеллигенціи». Въ этой борьбѣ побѣдила гр. Осв. Труда.» Радикальная интеллигенція» убѣдилась въ ложности народническихъ иллюзій, признала экономическую основу рабочаго движенія, вошла въ ряды марксистовъ и соціалдемократовъ, но въ значительной степени вошла лишь формально, не превратившись отъ одного этого формальнаго вступленія изъ *«радикальной»* въ *«соціалдемократическую»* интеллигенцію. Дальнѣйшая работа Группы рисуется авторамъ объявленія, какъ продолженіе воздѣйствія на ту же интеллигенцію, для чего необходимо ссылками на революціонное прошлое народничества возстановить въ ея памяти ея прежнюю исторію. Подчеркиваніемъ тѣхъ сторонъ и тѣхъ практическихъ стремленій, которыя общи у насъ съ революціоннымъ народничествомъ, нужно сбить съ нея бернштейновскую ересь и убѣдить ее, что соціалдемократическое движеніе не можетъ быть антиреволюціоннымъ. Однимъ словомъ, объектомъ воздѣйствія должна остаться та же «радикальная интеллигенція».

Основатели и первые борцы *русскаго марксизма*, оторванные и совершенно незнакомые на дѣлѣ съ русскимъ рабочимъ соціалдемократическимъ движеніемъ, иначе поставить вопросъ и не могли. Они не могли себѣ представить, что массовое во-

---

*) «Объявленіе» Vademekum, стр. 65—66.

влеченіе «радикальной», непролетарской интеллигенціи въ ряды соціалдемократіи явилось въ значительной, если не въ преобладающей степени, не результатомъ «*теоретической*» побѣды марксизма надъ народничествомъ, а результатомъ *могучаго выступленія рабочаго класса*, который, какъ единственная революціонная сила, увлекъ въ свои ряды всѣхъ тѣхъ, которые стремились къ измѣненію существующаго политическаго режима, но не находили до тѣхъ поръ ни въ себѣ, ни вокругъ себя реальной силы, которая этотъ режимъ могла бы измѣнить. Русское бернштейніанство, преклоненіе передъ «кругомъ идей» Credo, вся та идейная смѣсь, о которой говорятъ Плехановъ и Аксельродъ, были не *причинами* стремленія свернуть соціалдемократію съ революціоннаго пути на путь мирныхъ реформъ, а лишь *показателями* этого уже существующаго стремленія, стремленія неизбѣжнаго у «радикальной» *непролетарской* интеллигенціи. Этого не могли понять эмигранты, судившіе о рабочемъ движеніи со словъ той же «радикальной» интеллигенціи, наполнявшей заграничныя колоніи.

Но то, чего не поняли основатели и первые борцы русскаго *марксизма*, отлично поняли основатели и первые борцы русской *соціалдемократіи*. «Мы переживаемъ крайне важный моментъ въ исторіи русскаго рабочаго движенія и русской соціалдемократіи, — писала въ объявленіи о выходѣ въ свѣтъ газеты «Искра» первоначальная редакція этой газеты, состоявщая именно изъ этихъ первыхъ соціалдемократовъ. — Послѣдніе годы характеризуются поразительно быстрымъ распространеніемъ соціалдемократическихъ идей среди нашей интеллигенціи, а навстрѣчу этому теченію общественной мысли идетъ самостоятельно возникшее движеніе промышленнаго пролетаріата, который начинаетъ объединяться и бороться противъ своихъ угнетателей, начинаетъ съ жадностью стремиться къ соціализму». Оно растетъ съ неудержимой силой, но «главная черта нашего движенія, которая особенно бросается въ глаза въ послѣднее время—его разобщенность, его, такъ сказать, кустарническій характеръ; мѣстные кружки возникаютъ и дѣйствуютъ независимо другъ отъ друга и даже (что особенно важно) независимо отъ кружковъ, дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ въ тѣхъ-же центрахъ: не устанавливается традицій, нѣтъ преемственности, а мѣстная литература всецѣло отражаетъ раздробленность и отсутствіе связи съ тѣмъ, что уже создано русской соціалдемократіей. Несоотвѣтственность

этой раздробленности съ запросами, выдвигаемыми силой и широтой движенія, создаетъ, по нашему мнѣнію, критическій моментъ въ его развитіи. Въ самомъ движеніи съ неудержимой силой сказывается потребность упрочиться и выработать опредѣленную физіономію и организацію, а между тѣмъ въ средѣ практически дѣйствующихъ соціалдемократовъ необходимость такого перехода къ высшей формѣ движенія сознается далеко не вездѣ. Въ довольно широкихъ кругахъ наблюдается, наоборотъ, шатаніе мысли, увлеченіе модной критикой марксизма и такъ называемаго экономическаго направленія и *въ неразрывной связи съ этимъ*—стремленіе задержать движеніе на его низшей стадіи, стремленіе отодвинуть на второй планъ задачу образованія революціонной партіи, ведущей борьбу во главѣ всего народа... Узкій практицизмъ, оторванный отъ теоретическаго движенія, грозитъ совратить движеніе на ложную дорогу... неважно утвержденіе «Раб. Дѣла», что Credo представляетъ собой не больше, какъ мнѣніе единичныхъ лицъ, что направленіе «Раб. Мысли» выражаетъ лишь сумбурность ея редакціи, а не особое направленіе въ самомъ ходѣ русскаго рабочаго движенія. Это направленіе все же существуетъ, а рядомъ съ нимъ и въ произведеніяхъ писателей, которыхъ читающая публика съ большимъ или меньшимъ основаніемъ считала до сихъ поръ видными представителями «легальнаго марксизма», все болѣе и болѣе обнаруживается поворотъ къ воззрѣніямъ, сближающимся съ буржуазной апологетикой... Результатомъ всего этого явился тотъ разбродъ и та анархія, благодаря которымъ эксмарксистъ или, вѣрнѣй, экссоціалистъ Бернштейнъ, перечисляя свои успѣхи, могъ печатно заявить, не встрѣчая возраженій, будто бы большинство дѣйствующихъ въ Россіи соціалдемократовъ состоитъ изъ его послѣдователей».

Указавъ на дѣйствительное положеніе работы на мѣстахъ, подчеркнувъ фактическую оторванность организацій другъ отъ друга, отсутствіе у мѣстныхъ работниковъ выработанной всей предыдущей дѣятельностью традиціи, редакція «Искры» тѣмъ самымъ указываетъ на причину, почему такія не соціалдемократическія идеи могутъ, не находя отпора, распространяться среди практиковъ. И это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣйствующіе соціалдемократы не сплотятся и не направятъ всѣ свои усилія «на образованіе крѣпкой партіи, борющейся подъ единымъ знаменемъ революціонной соціалдемо-

кратіи». Но какъ сплотиться, какъ возобновить ту партію, къ которой, признавая ея «манифестъ», причисляютъ себя и члены редакціи «Искры?» На это обычно отвѣчаютъ: «необходимо выбрать центральное учрежденіе и подчинить ему организацію партіи». По мнѣнію редакціи въ данную минуту этотъ путь не цѣлесообразенъ. «Создать и упрочить партію, значитъ создать и упрочить объединеніе русскихъ соціалдемократовъ... Такое объединеніе декретировать нельзя, его нельзя ввести по одному только рѣшенію какого либо, скажемъ, собранія представителей, его необходимо выработать. Необходимо выработать, во первыхъ, прочное идейное объединеніе, исключающее ту разноголосицу и путаницу, которыя, будемъ откровенны! царятъ среди русскихъ соціалдемократовъ въ настоящее время: необходимо закрѣпить это объединеніе партійной программой, необходимо, во вторыхъ, выработать организацію, спеціально посвященную сношеніямъ между всѣми центрами движенія, доставкѣ полныхъ и своевременныхъ свѣдѣній о движеніи и правильному снабженію періодической прессой всѣхъ концовъ Россіи. Только тогда, когда выработается такая организація, когда будетъ организована русская соціалдемократическая почта, партія получитъ прочное существованіе и станетъ реальнымъ фактомъ, а слѣдовательно могущественной силой».

Много смѣха вызвалъ среди рабочедѣльцевъ этотъ проектъ объединенія. Какъ, все дѣло организаціи свести къ выработкѣ «почты», сношеній, доставкѣ свѣдѣній? Это узко, это чисто по-народовольчески, говорили они. Такой планъ противорѣчитъ «демократическимъ принципамъ», безъ которыхъ немыслима соціалдемократія. Планъ «Искры» казался имъ настолько нелѣпымъ, что «Раб. Дѣло» не сочло нужнымъ даже словомъ обмолвиться о появленіи этого объявленія.

«*Прежде чѣмъ объединиться и для того, чтобы объединиться*, — писала редакція «Искры», — *мы должны сначала рѣшительно и опредѣленно размежеваться*. Иначе наше объединеніе было бы лишь фикціей, прикрывающей существующій разбродъ». Это — основная точка зрѣнія «Искры», она, конечно, въ корнѣ противорѣчитъ всепримиряющему эклектизму «Раб. Дѣла». Но съ другой стороны эта точка зрѣнія шла и гораздо дальше основныхъ взглядовъ гр. «Осв. Труда». Она, въ противоположность послѣднимъ, заранѣе предполагаетъ возможность и даже неизбѣжность того,

что большая или меньшая часть «радикальной» интеллигенціи, при первой же серьезной попыткѣ ввести стихійное рабочее движеніе въ строго классовыя, соціалдемократическія рамки, поспѣшитъ отмежеваться, выйти изъ пролетарскихъ рядовъ. Такая перспектива не страшитъ редакцію, она, наоборотъ, желательна, и задача газеты «Искра» помочь этой интеллигенціи «отмежеваться». «Мы не намѣрены,—пишетъ редакція,—сдѣлать нашъ органъ пустымъ складомъ разнообразныхъ воззрѣній», но обсуждая «всѣ вопросы со своей *опредѣленной* точки зрѣнія, мы вовсе не отвергаемъ полемику. Открытая полемика передъ всѣми русскими соціалдемократами и сознательными рабочими необходима и желательна». Редакція видитъ большой недочетъ въ современномъ движеніи, что оно до сихъ поръ не выдвинуло «открытой полемики между завѣдомо расходящимися взглядами». Эта полемика должна помочь выработкѣ общепартійной программы, теоретическаго основанія будущаго фактическаго объединенія.

Но наряду съ подготовкой теоретическаго объединенія, газета послужитъ также и основой практическаго объединенія. «По мѣрѣ силъ мы будемъ стремиться къ тому, чтобы всѣ русскіе товарищи смотрѣли на наше изданіе, какъ на свой органъ, въ который каждая группа сообщала бы всѣ свѣдѣнія о движеніи, съ которымъ она дѣлилась бы своимъ опытомъ, своими взглядами, своими запросами на литературу, своей оцѣнкой соціалдемократическихъ изданій, дѣлилась-бы, однимъ словомъ, всѣмъ, что она вноситъ въ движеніе и что она выноситъ изъ него. Только при такихъ условіяхъ возможно будетъ созданіе дѣйствительнаго, общерусскаго, соціалдемократическаго органа, а съ другой стороны «только такой органъ способенъ вывести движеніе на широкій путь политической борьбы», т. е. создать дѣйствительно соціалдемократическую, дѣйствительно рабочую партію.

«Кто понимаетъ соціалдемократію, какъ организацію, служащую исключительно стачечной борьбѣ пролетаріата, тотъ можетъ удовлетвориться только листковой агитаціей и чисто рабочей литературой. Мы не такъ понимаемъ соціалдемократію, мы понимаемъ ее, какъ направленную противъ абсолютизма *революціонную партію, неразрывно связанную съ рабочимъ движеніемъ*. Только организовавшись въ такую партію, пролетаріатъ, этотъ наиболѣе революціонный классъ въ современной Россіи, въ состояніи будетъ исполнить лежа-

щую на немъ историческую задачу: объединить подъ своимъ знаменемъ всѣ демократическіе элементы страны и завершить упорную борьбу цѣлаго ряда погибшихъ поколѣній конечнымъ торжествомъ надъ ненавистнымъ режимомъ».

Борьба съ этимъ режимомъ будетъ тѣмъ основательнѣе, тѣмъ разностороннѣе, чѣмъ всестороннѣе будетъ освѣщенъ и изобличенъ весь государственный строй, поэтому редакція обращаетъ свой призывъ «не только къ соціалистамъ и сознательнымъ рабочимъ. Мы,—говоритъ она,—призываемъ также всѣхъ, кого гнететъ и давитъ современный политическій строй, мы предлагаемъ имъ страницы нашихъ изданій для разоблаченія всѣхъ гнусностей русскаго правительства». Въ заключеніе редакція сообщаетъ, что ей «обѣщано сотрудничество нѣсколькихъ выдающихся представителей международной соціалдемократіи, ближайшее участіе группы «Осв. Труда» (Плеханова, Аксельрода и Засуличъ) и поддержка со стороны нѣсколькихъ организацій Р. С.-Д. Р. П., а также и отдѣльныхъ группъ русскихъ соціалдемократовъ».

Вся дѣятельность «Искры» вплоть до второго съѣзда была лишь строгимъ и точнымъ выполненіемъ задачъ, намѣченныхъ въ этомъ объявленіи. Какъ извѣстно, послѣ II-го съѣзда на эту старую «Искру» сыпались всевозможныя обвиненія: ей приписывали, напримѣръ, желаніе замѣнить «пролетарскую партію» «партіей заговорщицкой»; искровскій періодъ характеризовали словомъ «ленинизмъ», который въ свою очередь долженъ былъ являться синонимомъ «бланкизма». Мы еще остановимся подробнѣе на организаціонномъ планѣ «Искры», а пока ограничимся только указаніемъ на то, что нѣтъ ни одного обвиненія, выставлявшагося послѣ II-го съѣзда фракціей «меньшинства», во главѣ съ Плехановымъ и Аксельродомъ, противъ *старой* «Искры», которое не циркулировало бы уже во время первыхъ шаговъ «Искры» среди тогдашнихъ экономистовъ, поклонниковъ «Crédo», рабочедѣльцевъ, однимъ словомъ, среди тѣхъ «антиреволюціонныхъ элементовъ въ нашей партіи», въ непримиримую войну съ которыми выступили тогдашніе Плехановъ и Аксельродъ. Они выступили тогда въ эту войну, слѣдуя призыву «протеста 17», этихъ «теоретически наиболѣе сознательныхъ изъ активныхъ представителей и основателей соціалдемократіи въ Россіи», среди которыхъ былъ и «одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей на-

шей партіи» *), «революціонеръ, счастливо соединяющій въ себѣ опытъ хорошаго практика съ теоретическимъ образованіемъ и широкимъ политическимъ кругозоромъ» **), — Н. Ленинъ.

Газета «Искра» стала выходить тогда, когда уже создалась организація «Искра». Русская практика соціалдемократіи не знала еще такого типа организаціи. Это не былъ ни мѣстный комитетъ, ни организація, конкурирующая съ комитетами и остальными уже существующими и дѣйствующими группами. Члены организаціи «Искры» иногда входили въ мѣстную организацію, иногда стояли внѣ ея, но всегда связывали газету съ мѣстной жизнью, съ мѣстной работой. Первые кадры этой организаціи составились изъ постепенно возвращавшихся изъ ссылокъ и захолустій соціалдемократовъ перваго призыва. При ихъ опытности и знаніяхъ имъ не трудно было овладѣвать настроеніемъ и ходомъ мыслей дѣйствительно революціонныхъ элементовъ нашей партіи, тѣхъ элементовъ, которые шли за безпринципностью «Раб. Дѣла» только потому, что имъ негдѣ и некогда было выработать себѣ твердые соціалдемократическіе принципы. Негдѣ потому, что выдержанной соціалдемократической литературы почти что не было, некогда потому, что широкая практическая работа совершенно не оставляла времени для основательныхъ теоретическихъ работъ. Эти элементы шли за «Раб. Дѣломъ», потому что у послѣдняго въ то время не было конкурентовъ; при первомъ же появленіи дѣйствительныхъ соціалдемократовъ, старыхъ практиковъ, эти революціонные элементы легко переходятъ на ихъ сторону.

Но зато тѣмъ сильнѣе была оппозиція, которую встрѣтили старые практики со стороны «антиреволюціонныхъ элементовъ», убѣжденныхъ «экономистовъ», убѣжденныхъ сторонниковъ «безпринципности», кустарничества, рабочедѣльчества. Приходилось вести долгую и упорную борьбу, приходилось проникать во всѣ ячейки организаціи и тамъ уже постепенно подготовлять почву для окончательнаго торжества идей революціонной соціалдемократіи. Работа «Искры» облегчалась, вѣроятно, тѣмъ, что въ ея духѣ дѣйствовали и работали всѣ

---

*) Плехановъ, предисловіе къ Yademekum'у, стр. II.
**) Аксельродъ, предисловіе къ Задачамъ Русскихъ соціалдемократовъ, стр. 9, 3 изд., Жерева. 1905.

не входившіе въ ея организацію и даже не знавшіе о ея существованіи старые практики, которые прошли ту же предварительную школу соціалдемократической дѣятельности, которая выработала и саму редакцію и организацію «Искры».

XV.

1-го мая 1900 г. харьковскіе рабочіе показали, что и въ коренной Россіи возможны иныя средства борьбы, чѣмъ простыя стачки. Уже въ половинѣ апрѣля была широко распространена брошюра о первомъ мая; за недѣлю выпущены были прокламаціи, призывающія въ этотъ день къ общей забастовкѣ и къ выставленію **требованій свободы печати, слова, союзовъ, стачекъ, участія народа въ управленіи, 8-ми часового рабочаго** дня и повышенія платы.

«Въ ночь на 1-ое мая,—читаемъ мы въ корреспонденціи изъ Харькова,—на паровозо-строительномъ заводѣ было арестовано 7 человѣкъ, обвинявшихся въ распространеніи прокламацій. Утромъ 1-го мая желѣзнодорожные рабочіе (ихъ болѣе 2-хъ тысячъ), собравшись, на работу не встали, а выставили требованія. Немедленно явились казаки. Рабочіе двинулись съ красными знаменами на противоположный конецъ города для соединенія съ паровозо-строительными рабочими. Толпа была задержана у мостика, ведущаго въ городъ, и двинулась на гончарный заводъ Бергенштейна. Энергичнымъ бросаніемъ камней удалось остановить работу, причемъ часть работницъ присоединилась къ толпѣ. За все это время было нѣсколько стычекъ съ казаками и арестовано было около 400 человѣкъ, препровожденныхъ въ пересыльную тюрьму... На паровозо-строительномъ заводѣ сравнительно сознательная часть рабочихъ, человѣкъ 100, на общую забастовку не надѣялась... Работа началась, но послѣ завтрака стало извѣстно, что желѣзнодорожныя мастерскія не работаютъ; тогда въ механическомъ отдѣленіи завода, по преимуществу молодежь заявила, что она бросаетъ работу, и двинулась толпой въ сборную мастерскую. Здѣсь работа сразу остановилась, однако къ забастовщикамъ присоединилось не болѣе 200—300 человѣкъ (въ сборной работаютъ до 1200 ч.). Затѣмъ къ забастовщикамъ присоединилась модельная мастерская, половина кузнечной и литейная. Толпа выступила на улицу и часть ея двинулась къ Бельгійскому заводу, чтобы остановить тамъ работу, что имъ очень

скоро удалось... У нѣкоторыхъ были импровизированные флаги изъ красныхъ рубашекъ, надѣтыхъ на палки... Послѣ обѣда, когда слухъ о забастовкѣ обошелъ весь городъ, работы пріостановились на другихъ заводахъ и крупныхъ мастерскихъ... Рабочіе паровозостроительнаго завода, собравшись утромъ, на работу не стали, требуя немедленнаго освобожденія арестованныхъ наканунѣ товарищей, что и было немедленно выполнено пріѣхавшимъ по требованію рабочихъ губернаторомъ» *).

Стоило только въ Ростовѣ на Дону появиться майскимъ прокламаціямъ, какъ «рабочіе сами, безъ всякаго участія организованныхъ рабочихъ и, даже противъ ихъ желанія, захотѣли устроить демонстрацію. Она не удалась, благодаря принятымъ жандармами мѣрамъ; всѣ заводы были окружены полицейскими и казаками, которые разгоняли собиравшіяся кучки рабочихъ и гнали ихъ на работу. Арестовано было въ тотъ день до 100 рабочихъ» **).

Положеніе все болѣе и болѣе обостряется, промышленный кризисъ свирѣпствуетъ во всю, «сотнями выгоняютъ наши «кормильцы» и «поильцы» рабочихъ за ворота на холодъ и голодъ. Какъ тѣни, ходятъ по улицамъ наши безработные товарищи съ Волынки, гдѣ одну смѣну разсчитали, отъ Паля, гдѣ половина ночной смѣны не работаетъ, отъ Кенига, съ Малой Охтенской ткацкой, отъ Шаво, отъ Торнтона и др. Заработки почти на всѣхъ фабрикахъ понижены на 20-30%» ***).

«Въ Екатеринославѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Николаевѣ, Маріуполѣ, Юзовкѣ и другихъ мѣстахъ—вездѣ сокращеніе работъ, увольненіе рабочихъ десятками, сотнями, вездѣ ужасы нужды и призракъ голодной смерти встаетъ въ рабочихъ поселкахъ. Заработная плата упала до послѣдней степени, дошло до того, что на всемъ югѣ почти нигдѣ не вырабатываютъ аккорда...

«Въ Юзовкѣ отмѣнены ночныя работы (раньше работа производилась безостановочно въ три смѣны). Происходитъ постепенное увольненіе рабочихъ небольшими партіями... Въ особенно широкихъ размѣрахъ происходитъ увольненіе въ Екатеринославѣ; нѣкоторые заводы, какъ напр. вагонныя мастерскія франко-русскаго, об-ва пользуются этимъ случаемъ, чтобы

---

*) Изъ Харькова. «Раб. Дѣло», № 7, Авг. 1900 г., стр. 37—38.

**) «Раб. Дѣло» № 8, Ноябрь 1900 г. Положеніе рабочихъ въ Ростовѣ, стр. 53.

***) «Рабочій листокъ», № 4, СПБ. Декабрь 1900 г.

замѣнить боевой и сознательный составъ своихъ рабочихъ покорными сермягами»*). Всюду голодъ, нужда, всюду усиливается произволъ и всюду растетъ желаніе бороться съ этимъ произволомъ.

Рабочее движеніе распространяется все шире и шире, оно вмѣстѣ съ Сибирской дорогой проникаетъ уже въ Красноярскъ и разливается по всей линіи. Тамъ образуется соціалдемократическая организація, которая ведетъ агитацію; стачка 8 мая является уже дѣломъ этой организаціи. Начинается работа и на Кавказѣ. 14 дней продолжается въ августѣ хорошо организованная стачка мастерскихъ и депо станціи Тифлисъ Закавк. жел. дор., которую поддерживаютъ стачки на городскихъ заводахъ. Теперь уже каждое проявленіе рабочаго движенія все болѣе и болѣе сталкиваетъ рабочихъ съ правительствомъ.

Въ свою очередь растетъ и соціалдемократическая работа. Прокламаціи выходятъ въ небываломъ до того количествѣ и ихъ читаютъ, читаютъ всѣ; и чѣмъ рѣзче онѣ написаны, тѣмъ большимъ сочувствіемъ пользуются. Кризисъ исправилъ то, что было сдѣлано «экономистами». Мысль поднятой ими массы упорно работаетъ, и работаетъ въ политическомъ направленіи. Чѣмъ большаго достигли рабочіе экономической борьбой въ предшествовавшій періодъ промышленнаго расцвѣта, тѣмъ сильнѣй чувствуютъ они теперь реакцію, вызванную кризисомъ, тѣмъ яснѣй начинаютъ понимать, что безъ законодательнаго закрѣпленія добытыхъ ими улучшеній, эти улучшенія только временны и эфемерны. Дальнѣйшій выводъ напрашивается самъ собой: нужно уничтожить современный политическій строй. Кличъ: «Долой самодержавіе, да здравствуетъ свобода!» начинаетъ все чаще и чаще раздаваться изъ устъ рабочихъ, и этотъ кличъ переходитъ на улицу.

«Общество» тоже заволновалось. Гоненіе въ Финляндіи, геройскій походъ на дружественный Китай, гдѣ за отсутствіемъ вооруженнаго противника сжигались мирныя фанзы и безъ сопротивленія топились въ Амурѣ тысячи мирныхъ китайцевъ; финансовые скандалы, кастрація земства законами о предѣльности обложенія по продовольствію и, наконецъ, отдача сотенъ студентовъ въ солдаты,—все это расшевелило наше «интеллегентное» общество. Его оппозиція проявилась въ адресѣ

*) «Южный Рабочій», № 3, ноябрь 1900 г.

Михайловскому, въ устройствѣ банкетовъ, въ принятіи земскими собраніями вѣрноподданническихъ ходатайствъ объ отмѣнѣ ненавистныхъ новыхъ законовъ, сводящихъ на нѣтъ всю работу земства. Верхъ радикализма въ своемъ родѣ проявилъ агрономическій съѣздъ въ Москвѣ, поднявшій вопросъ о мелкой земской единицѣ.

Совершенно иной характеръ приняло и студенческое движеніе. Чисто академическое въ 99 г., оно съ такой-же быстротой, какъ и рабочее движеніе принимаетъ все болѣе и болѣе революціонную окраску. Рабочее движеніе научило студентовъ новому способу борьбы. «Забастовку», это новое несвойственное студенту слово и дѣяніе навязали вамъ люди, непричастные къ интересамъ науки и университета»,—пишутъ 52 московскихъ профессора въ своемъ отеческомъ» обращеніи къ студентамъ*). И они правы: люди, непричастные къ университету—рабочіе, научили студентовъ, какъ слѣдуетъ бороться и убѣдили что всеподданнѣйшими петиціями ничего не сдѣлаешь; и 25000 дружно забастовавшихъ въ 99 г. студентовъ 30-ти различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній показали, что урокъ рабочихъ не пропалъ даромъ.

Забастовка 99 года не носила еще политическаго характера. «На сходкахъ ни разу не было упомянуто слово «конституціонное»,—говоритъ Энгель*),—но всѣ студенты понимали уже тогда, что то, что произошло на актѣ въ Петербургѣ, можетъ повториться каждый день и въ каждомъ университетѣ; «первоначальныя требованія (выставленныя студентами)—гарантія личной неприкосновенности». На эти требованія правительство отвѣтило «временными правилами» объ отдачѣ студентовъ въ солдаты. Въ Кіевѣ осенью студенты отказываются слушать «выдающагося своимъ невѣжествомъ» проф. Эйхельмана; совѣтъ настаиваетъ на лекціяхъ, ген.-губ. Драгомировъ приказываетъ совѣту прогнать Эйхельмана. Студенты отказываются отъ поддержки того самаго ген. губернатора, который каждую минуту готовъ «выслать противъ нихъ (насъ) казаковъ и солдатъ»**). Затѣмъ разгорается новый инцидентъ. Двое «аристократовъ» студентовъ совершили какую-то гнусную пакость. Начинаютъ собираться сходки, которыя въ концѣ концовъ формулируютъ свое рѣшеніе: «Въ

---

*) 25 февраля 1901 г. въ Москвѣ.

**) Энгель и Гороховъ «Изъ исторіи студенч. движенія» стр. 11

***) Листокъ Союзн. Сов. Кіевск. унив.

борьбѣ съ нашимъ азіатскимъ правительствомъ за болѣе свободныя формы жизни (студенческой въ частности) и должны заключаться ближайшія задачи студенчества» *). Въ результатѣ этихъ сходокъ 183 студента отданы въ солдаты.

Выстрѣлъ Карповича (14 февраля) былъ отвѣтомъ на эту правительственную мѣру. «Но отвѣтить правительству обязано не одно студенчество,—писала «Искра» при первомъ извѣстіи объ отдачѣ студентовъ въ солдаты,—правительство само позаботилось сдѣлать изъ этого происшествія нѣчто больше, чѣмъ чисто студенческую исторію... во главѣ сознательныхъ элементовъ стоятъ передовые рабочіе и неразрывно связанныя съ ними соціалдемократическія организаціи. Рабочій классъ постоянно терпитъ неизмѣримо большее угнетеніе и надругательство отъ того полицейскаго самовластія, съ которымъ такъ рѣзко столкнулись теперь студенты... тотъ рабочій недостоинъ названія соціалиста, который можетъ равнодушно смотрѣть, какъ правительство посылаетъ войско противъ учащейся молодежи... Правительство хочетъ одурачить народъ, заявляя, что стремленіе къ политическому протесту есть простое безчинство. Рабочіе должны публично заявить и разъяснить самымъ широкимъ массамъ, что это—ложь, что настоящій очагъ насилія, безчинства и разнузданности—русское правительство, самовластіе полиціи и чиновниковъ... Пусть открытое заявленіе правительства о расправѣ со студентами не останется безъ открытаго отвѣта со стороны народа» **).

И Искра не ошиблась въ расчетѣ на политическую зрѣлость рабочихъ. Безо всякаго понуканія со стороны, они массой двинулись на подмогу студентамъ. Рабочіе поняли революціонное значеніе студенческаго движенія и своей помощью дѣйствительно превратили академическій конфликтъ въ актъ революціи. Только въ Харьковѣ и въ Кіевѣ мѣстныя соціалдемократическія организаціи оказались на высотѣ своего положенія и стали звать рабочихъ къ немедленному выступленію. Въ Москвѣ же и въ Питерѣ соціалдемократическимъ организаціямъ пришлось оказаться въ хвостѣ движенія.

«Комитеты были застигнуты врасплохъ разразившейся бурей —застигнуты врасплохъ вслѣдствіе хроническихъ массовыхъ

*) Студенч. волненія въ Кіевск. унив. Листокъ Раб. Дѣла, № 4, декабрь 1900 г., ст. 15.

**) Отдача въ солдаты 183 студ. Искра № 2, февр. 1901 г., стр. 6 столб. 2.

арестовъ и вслѣдствіе внезапности и стремительно быстраго хода событій, а отчасти (зачѣмъ это скрывать?) и вслѣдствіе извѣстной косности, свойственной всякой организаціи, приноровившейся къ опредѣленному роду и типу дѣятельности» *). Такъ писала редакція Раб. Дѣла, успѣвшая подъ вліяніемъ событій «въ 24 часа» измѣнить свою тактику.

Въ Харьковѣ, по иниціативѣ рабочихъ, мѣстный комитетъ партіи и «Союзъ борьбы» выпустили прокламацію съ призывомъ устроить демонстрацію 19 февраля. До этого «Союзн. Совѣтъ» и «Организаціон. ком. студ. технологовъ» напрасно пытались возбудить студенческую массу, которая, будучи напугана солдатчиной, не поддержала своихъ вожаковъ, и назначенная на 5 февр. забастовка не состоялась. Тогда радикальному студенчеству пришлось присоединиться къ соціалдемократическому призыву устроить демонстрацію 19 февраля. Но студенты, вопреки совѣтамъ соціалдемократовъ, назначили демонстрацію днемъ, когда масса рабочихъ не могла участвовать. Демонстрація не удалась и студенты были арестованы. «Слухъ объ арестѣ студентовъ распространился по городу и, начиная съ 6-ти часовъ, публика стала собираться по Сумской ул. около театра, въ разстояніи одного квартала отъ помѣщенія части, куда были отведены студенты... Къ семи часамъ публикѣ стало уже извѣстно, что рабочіе паровозостроительнаго завода направились къ мѣсту сборища. Часть ихъ (равно какъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ) была оцѣплена и задержана, другіе обошли мѣсто демонстраціи и позже вечеромъ хлынули неожиданно въ значительномъ количествѣ на площадь передъ театромъ. Сюда же явились рабочіе мелкихъ харьковскихъ заводовъ и ремесленники. Къ ночи студенты и вообще интеллигенція терялись уже среди рабочихъ. Толпа пѣла марсельезу, дубинушку, волю... Налетѣли казаки... народъ поддался... но рабочіе бросились къ изгороди сквера и, разломавъ ее, вооружились дрекольемъ. Весьма активную роль при этомъ играли мальчишки. Одинъ изъ нихъ выкинулъ на длинномъ шестѣ красное знамя. Казакамъ былъ данъ приказъ обнажить шашки... Толпа все наростала, пѣніе не прекращалось, въ отдѣльныхъ мѣстахъ произносились рѣчи, которыя трудно было разслышать за неумолчнымъ шумомъ толпы. До полуночи происходили на-

---

*) Листокъ «Раб. Дѣла» «Историч. поворотъ» № 6, апрѣль, 1901 стр. 3—4.

бѣги казаковъ на толпу и схватки ея съ воинствомъ... Чувствовалось отсутствіе организованнаго отряда, который оформилъ бы демонстрацію и придалъ ей болѣе стройный видъ»*). Только поздно ночью удалось очистить Сумскую ул.

Въ Петербургѣ демонстрація 19 февраля не удалась. «Отсутствіе революціонной организаціи сказалось въ томъ, что демонстрацію наполовину отмѣнили и не всѣ о ней знали. Отсутствіе рабочихъ обусловило сравнительно малое число присутствующихъ: демонстрація не могла получить характера народной схватки съ полиціей: никто не позаботился о томъ, чтобы наряду со студенческими требованіями были выставлены болѣе широкія требованія. Всѣмъ этимъ объясняется, что настроеніе революціоннаго Петербурга было двойственное: съ одной стороны сознаніе, что путь демонстрацій единственно вѣрный путь, а съ другой—неувѣренность въ успѣхѣ» **).

И въ Москвѣ среди массы студенчества царило самое угнетенное, самое подавленное настроеніе. На сходку 29 января собралось всего на всего 317 студентовъ; рѣшенная на этой сходкѣ забастовка не удалась. Прокламація «Исполнит. ком. объедин. землячествъ и организацій» должна была съ грустью констатировать, что «узко-консервативный» элементъ весьма значителенъ среди студенчества. Извѣстія изъ Питера и главнымъ образомъ изъ Харькова немного подогрѣли настроеніе. 23 февраля снова созывается сходка, собралось человѣкъ 600 (изъ нихъ 103 курсистки). Собравшаяся вокругъ университета публика и полиція ожидали результатовъ сходки. Рѣшено было послать депутатовъ къ ректору и попечителю, и если ихъ не примутъ—устроить рядъ уличныхъ демонстрацій; требовать возвращенія кіевскихъ солдатъ, отмѣны «временныхъ правилъ» и возвращенія устава 63 года. Какъ только сходка кончилась, полиція ее окружила и повела въ манежъ. Уже при уводѣ въ манежъ толпа прорвала цѣпь городовыхъ и освободила около 50 студентовъ. Среди толпы масса рабочихъ. До поздняго вечера толпа окружаетъ манежъ и требуетъ освобожденія арестованныхъ. «Начались отдѣльныя стычки съ полиціей и вслѣдъ за тѣмъ стали появляться кареты скорой помощи... только прибывшій полкъ помогъ разогнать толпу и многихъ разсадить по участкамъ... 24 февраля студенты опять собрались на

---

*) «Харьковъ» Искра, № 3, апрѣль 1901, стр. 5, ст. 2.
**) С.-Петербургъ Искра № 3, апрѣль 1901 г. стр. 2, столб. 3.

сходку, въ университетъ ихъ не пустили. Къ 12-ти часамъ на площадь собралась толпа въ 2 тысячи человѣкъ... Къ часу толпа перешла къ манежу... стали требовать чтобы ее пропустили въ манежъ. Изъ манежа выскочилъ отрядъ солдатъ и началъ бить прикладами. Съ другой стороны прискакавшій отрядъ казаковъ съ полковникомъ во главѣ сталъ давить толпу лошадьми. Въ отвѣтъ раздались крики негодованія. Мастеровые свистѣли, освобождали арестованныхъ студентовъ, громко ругали полицію. Часть толпы шла по направленію къ Тверскому бульвару до генералъ-губернаторскаго дома, смявъ стоящую тамъ цѣпь городовыхъ. Появились казаки и разогнали толпу. Вечеромъ опять площадь передъ манежомъ была запружена народомъ. Среди нихъ была масса фабричныхъ и мастеровыхъ. Къ 11 часамъ ночи группа мастеровыхъ бросилась съ крикомъ къ дверямъ манежа, выломала наружныя двери, но затѣмъ была оттѣснена. Подъ напоромъ казаковъ толпа побѣжала мимо манежа, разбивая окна. Бившихъ стекла арестовали, но толпа ихъ отбила». На Тверской въ эту ночь арестовали 280 рабочихъ; ихъ и взятыхъ 23-го студентовъ подъ сильнымъ конвоемъ отправили въ Бутырскую тюрьму. «Въ воскресенье, 25 февраля, возбужденіе достигло высшей степени и десятки тысячъ народа приняли участіе въ противоправительственной демонстраціи. Съ утра стала собираться толпа у университета. Послѣ полудня большая толпа, въ числѣ которой были рабочіе Прохоровской мануфактуры, двинулась по Никитской и Тверскому бульвару съ пѣніемъ. По срединѣ Тверского бульвара встрѣтились казаки. Толпа устроила баррикаду изъ бульварныхъ скамеекъ и задержала натискъ казаковъ, мчавшихся во весь опоръ. Громкимъ свистомъ и ругательствомъ толпа выражала свое презрѣніе казакамъ. Вдругъ раздались крики, что сзади толпу оцѣпили городовые. Толпа ринулась назадъ и прорвала цѣпь городовыхъ, причемъ происходило цѣлое побоище. Толпа отбивала тѣхъ, кого полиція пыталась арестовать, не болѣе десятка лицъ осталось въ рукахъ полиціи... Въ теченіе цѣлаго дня громадныя толпы, состоящія преимущественно изъ рабочихъ демонстрировали по улицамъ, особенно по Лубянкѣ, по Тверскому бульвару, Мясницкой и Никитской...

«Надо вамъ сказать, что толпа проявляла удивительную дисциплинированность. Она не разбѣгалась при видѣ городовыхъ и казаковъ, а встрѣчала ихъ единодушнымъ гиканьемъ,

свистомъ и ругательствами. Она или слѣдовала единодушно указаніямъ вожаковъ (сплотись! направо! впередъ!), *которые всегда находились изъ среды интеллигентныхъ рабочихъ* (студенты почти совсѣмъ не принимали участія), или ясно давала знать свое несогласіе съ вожаками и заставляла ихъ перемѣнить направленіе... Каждаго студента, котораго толпа встрѣчала, она привѣтствовала киданіемъ шапокъ, криками сочувствія и приглашеніемъ присоединиться. Въ случаѣ согласія (которое, кстати, бывало очень *рѣдко*), толпа принимала его на «ура», апплодировала и т. д., въ противномъ случаѣ она провожала его смѣхомъ, свистомъ... Приставовъ, даже отдѣльно идущихъ, толпа освистывала, закидывала твердыми предметами и заставляла быстро удирать со своихъ постовъ. За все время толпа не только не разрушила ни одной лавки, но если мальчики позволяли себѣ разбивать фонари, толпа не пускала ихъ, раздавались крики: «*потомъ будутъ писать про насъ, что мы просто буянили*».

«На Лубянской площади было арестовано нѣсколько студентовъ, толпа бросилась отбивать, избила пристава, и, когда онъ спрятался въ ресторанъ, разбила въ послѣднемъ окна... публика увидала Л. Н. Толстого (это было какъ разъ въ день появленія въ газетахъ извѣстія объ его отлученіи отъ церкви); толпа устроила Толстому овацію и съ криками: «ура, Левъ Николаевичъ!» проводила его по Рождественкѣ, гдѣ по его просьбѣ усадила на извозчика»*). До трехъ часовъ ночи толпа демонстрировала по улицамъ, устроила овацію передъ домомъ Толстого и кошачій концертъ у дома генералъ-губернатора.

Въ Петербургѣ на 4-ое Марта вновь была назначена демонстрація у Казанскаго собора. «Союзъ С. объед. земляч. и студ. организ.» и «Организ. Ком. ст. Спб. университета» выпустили горячо написанныя прокламаціи ко всѣмъ слоямъ общества съ призывомъ явиться на демонстрацію. Въ типографіи «Союза Борьбы» печаталась прокламація «Ком. взаимопомощи студентовъ», въ которой студенты удерживались отъ демонстраціи и призывались къ пропагандистской работѣ среди студентовъ и рабочихъ. «И тѣ, кто въ единичномъ, героическомъ и безплодномъ протестѣ падаетъ самоотверженной жертвой борьбы, могли бы найти себѣ нравственное удовлетвореніе въ подготовительной работѣ къ общему освобож-

---

*) «Москва». Искра. № 3 стр. 4 ст.

денію, въ развитія классового самосознанія, въ организаціи «рабочаго класса въ политическую партію».

Комитетъ партіи не отозвался на призывъ. Массы рабочихъ не были извѣщены. И все же рабочіе пошли. Корреспондентъ сообщаетъ, что, когда началась бойня у Собора, рабочіе вели себя молодцами. Они разломали деревянную лѣстницу собора и этими кусками дерева дрались изъ послѣднихъ силъ». Но правительство успѣло во время оцѣпить войсками рабочіе районы. Нарвская застава и Шлиссельбургскій трактъ были отрѣзаны отъ города, туда были посланы войска, чтобы остановить идущую на демонстрацію толпу рабочихъ; произошла схватка, въ которой многіе были ранены. Рядъ схватокъ рабочихъ съ казаками отмѣчаютъ и другіе корреспонденты. Демонстрація превратилась въ грубую, гнусную бойню вооруженныхъ силъ правительства невооруженной толпы, въ которой была масса женщинъ. По правительственному сообщенію въ этотъ день были ранены 18 мужчинъ, 14 женщинъ, 20 городовыхъ, 4 казака, 1 приставъ и 1 казачій офицеръ. Объ убитыхъ мужчинахъ и женщинахъ правительство стыдливо умалчиваетъ. Я не буду,—говоритъ далѣе корреспондентъ,—останавливаться на подробностяхъ этой бойни... «Несомнѣнно демонстрація представила бы изъ себя не простое избіеніе народа, а сраженіе съ народомъ, писала по поводу 4-го марта «Искра», еслибы соціалдемократическая и соціалистическія группы и кружки обратились съ специальной прокламаціей къ рабочимъ, организовали рассылку делегатовъ къ нимъ и сообщеніе вѣстей съ поля сраженія» *). Масса рабочихъ не знала про то, что дѣлалось на Казанской пл. Бывшая на площади публика относилась съ сочувствіемъ къ студентамъ, были попытки остановить бойню со стороны, напримѣръ, генералъ-лейтенанта кн. Вяземскаго, получившаго за то публичный высочайшій выговоръ. Но въ общемъ эта публика студентамъ не помогала. Это не была та активная московская толпа, которая въ концѣ концовъ студенческую манифестацію превратила въ широкое революціонное народное движеніе.

Въ Москвѣ, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ студенты стушевались передъ массой рабочихъ. «Улицы заполнены народомъ,—пишетъ кіевскій комитетъ;—подъ звуки революціонныхъ пѣ-

*) Искра, № 3

сенъ, прерываемыхъ криками «ура», строго, спокойно двигаются тысячныя толпы демонстрантовъ; здѣсь сошлись всѣ безъ различія профессій, пола, возраста, національностей — ремесленники, фабрично-заводскіе и чернорабочіе, мужчины и женщины, старики и подростки, русскіе, поляки и евреи... Это не бурная вспышка, не безформенный бунтъ, движимый слѣпой ненавистью. Это продуманное, спокойное и организованное движеніе къ инымъ порядкамъ, къ новой жизни, основанной на началахъ свободы, равенства и справедливости» *).

Когда въ Москвѣ 25 февраля демонстрація приняла грандіозные формы, студенческій «Исполнительный Комитетъ» выпустилъ воззваніе, въ которомъ онъ настойчиво приглашалъ студентовъ не принимать участія въ уличныхъ демонстраціяхъ, такъ какъ надо, дескать, приберечь силы для проведенія «обструкціи» въ университетѣ. Студенты уже добились выраженія симпатіи публики, а потому дальнѣйшее участіе въ демонстраціи не желательно. Изъ корреспонденцій мы видимъ, что позже студенты въ демонстраціяхъ дѣйствительно совсѣмъ не участвовали. *Студенческое* движеніе прекращалось сейчасъ же, какъ только оно выходило на улицу, какъ только его подхватывалъ народъ, т. е. рабочіе, этотъ единственно активный элементъ народа; здѣсь оно становилось уже политическимъ, революціоннымъ. Масса студенчества, какъ и все общество, была настроена антиреволюціонно. Только тѣ студенты, которые входили въ ту или иную революціонную организацію, дѣйствительно желали расширить академическія требованія въ политическія, желали дѣйствовать вмѣстѣ съ народомъ. Но, несмотря на антиреволюціонное настроеніе студенчества, ихъ движеніе съиграло громадную революціонную роль; оно наглядно показало всему обществу, что рабочіе уже созрѣли для революціи, что они могутъ и готовы бороться не только за себя, за свои личные интересы, но и за интересы всѣхъ угнетенныхъ.

Первые, кто откликнулся на отлученіе отъ церкви Толстого, были московскіе рабочіе. Кромѣ оваціи, устроенной ему 25 февраля, рабочіе Прохоровской мануфактуры, гдѣ обыкновенно работаетъ самая сѣрая публика, по собственной иниціативѣ, подносятъ Толстому адресъ. «Мы, рабочіе, глубоко

---

*) „День 11 марта", прокламація Кіевск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 17 м. 1901 г.

сочувствуемъ за несправедливое осужденіе Васъ синодомъ, т. е. нѣсколькихъ людей, называющихъ себя въ гордомъ заблужденіи «Церковью Христовой», какъ будто остальные милліоны не члены того великаго общества, которое называетъ себя христіанами... Мы знаемъ также, что во всѣ времена люди, стоящіе на сторонѣ благочестія и великіе вожди народа по пути человѣколюбія и правды всегда были отчуждаемы отъ себя тѣми, которые попираютъ свободу, добродѣтель и честь. Самъ великій учитель нашъ не за то ли пострадалъ на крестѣ? Но то было время, а теперь иное. Въ наши дни даже чернь, и та понимаетъ и то, чего не понимало передовое человѣчество... мы чтимъ Васъ, какъ великаго человѣка, которому воздвигается нерукотворный памятникъ въ нашихъ сердцахъ» *).

И съ этого времени не было событія, имѣвшаго хоть какое нибудь революціонное значеніе, на которое не откликались бы рабочіе. Послѣ 4-го марта соединенныя соціалдемократическія группы (въ Петербургѣ)—«Соціалистъ» и «Раб. Знамя» выпустили воззваніе къ рабочимъ, чтобы 11 марта собираться на демонстрацію и отомстить за 4-ое марта. «Собраніе студенческихъ делегатовъ,—пишетъ корреспондентъ «Искы»,—высказалось противъ этой демонстраціи; тутъ сказалось съ одной стороны то, что лучшія силы радикальной молодежи были разбиты 4-го марта, съ другой вліяніе слуховъ, что «Временныя правила» примѣняться не будутъ. «Союзъ Борьбы» былъ тоже противъ демонстраціи, и она была отмѣнена. Такимъ образомъ либерально умѣренная часть интеллигентной молодежи и «экономически» настроенная часть соціалдемократовъ оказались, какъ и слѣдовало ожидать и какъ давно подчеркивали противники «экономистовъ» и «критиковъ», на одной сторонѣ и пересилили понесшихъ громадный уронъ соціалдемократовъ-революціонеровъ. Но рабочіе—это особенно отрадно отмѣтить—не послушали все-же рѣчей успокоенія. Настроенные революціонно, они массами шли въ городъ въ воскресенье 11 марта, заполняли улицы и съ минуты на минуту ждали призыва къ борьбѣ. А борьба грозила не шуточная, потому что всѣ силы полиціи и мѣстныхъ частей войскъ были мобилизованы и готовилась по всѣмъ

---

*) «Адресъ Льву Толстому по поводу отлученія его отъ церкви, поднесен. рабочими Прохоровской ма.-ры»

слухамъ къ стрѣльбѣ въ народъ. Долго ждали рабочіе, и, наконецъ, разошлись, осыпая справедливыми упреками студентовъ и умѣренныхъ соціалдемократовъ за ихъ робость и бездѣятельность» *).

Свою статью «Бурный мѣсяцъ», посвященную оцѣнкѣ только что описанныхъ событій, «Искра» заканчиваетъ слѣдующими словами: «какіе бы новые удары не ждали въ ближайшемъ будущемъ борцовъ за свободу, какъ бы не казалось тягостно могущее наступить затишье послѣ только что разыгравшейся бури, намъ не придется падать духомъ, не придется сомнѣваться въ будущемъ нашего дѣла. Ненавистныя цѣпи, сковывающія молодую Россію, уже надорваны; еще рядъ героическихъ усилій, онѣ разлетятся въ прахъ. Какъ бы ни повліяли на массу новыя реакціонныя мѣры правительства, мы смѣло можемъ смотрѣть въ лицо свѣтлому будущему и обратиться къ товарищамъ со словами поэта:

Пускай-же сгущается мракъ и ненастье,
Пусть дикая пурга о смерти поетъ,—
Вѣрь въ молодость, вѣрь въ ея силу и счастье,
Зови ее словомъ отважнымъ впередъ» **).

Надежды «Искры» дѣйствительно оправдались: рабочіе не испугались начавшейся усиленной реакціи. «На обуховскомъ (казенномъ) заводѣ,—читаемъ мы въ искровскихъ корреспонденціяхъ, — на работу 1-го мая не вышло 300 человѣкъ. Начальство стало увольнять этихъ «преступниковъ» группами по 10 человѣкъ. Къ 7-му уволенныхъ набралось 70 человѣкъ. Рабочіе просили начальство объ обратномъ пріемѣ уволенныхъ и о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ труда; когда начальство отвѣтило отказомъ, рабочіе остановили машины, и въ количествѣ 3600 высыпали на Шлиссельбургскій трактъ» ***). Когда рабочіе вышли на улицу, они остановили конку и началась настоящая баталія... Рабочіе бились изо всѣхъ силъ; имъ удалось дважды отбить нападеніе полиціи, конной стражи и вооруженной команды завода, и это, несмотря на то, что единственнымъ оружіемъ рабочихъ были камни ****)... Зато камни летали «градомъ», причемъ рабочіе про-

*) «Петербургъ», Искра № 3, стр. 4., ст. 1 и 2.
**) «Бурный мѣсяцъ» Искра, № 3, стр. 1, ст. 2.
***) Первое мая въ Россіи. Искра, № 5 Іюнь 1901 г., стр. 4, стлб. 3
****) Новое побоище. Тамъ-же, стр. 1, стлб. 3.

явили не только упорство сопротивленія, но и находчивость, умѣнье сразу приспособиться къ условіямъ и выбрать лучшую форму борьбы. Они заняли сосѣдніе дворы и осыпали башибузуковъ камнями *изъ за заборовъ*, такъ что даже послѣ 3 залповъ, несмотря на бѣгство толпы, сраженіе еще продолжалось, и вытребованныя роты омскаго полка должны были очищать отъ рабочихъ сосѣдніе дворы» *).

22-го апрѣля (въ первое воскресенье послѣ 1-го мая) въ Тифлисѣ были устроены грандіозныя демонстраціи рабочихъ съ большимъ краснымъ знаменемъ, на которомъ красовались портреты Маркса, Энгельса и Либкнехта и надписи на грузинскомъ, русскомъ и армянскомъ языкахъ: «Пролетаріи всѣхъ сранъ соединяйтесь!» Эти демонстраціи кончились кровавой стычкой съ полиціей.

На неудачной демонстраціи рабочихъ въ Харьковѣ громко раздается: «Долой самодержавіе!» 1-го мая были мирныя демонстраціи въ Варшавѣ (15 тысячъ), въ Лодзи (30 тыс.), въ Ковнѣ (600 рабочихъ), въ Вильнѣ (600 ч.); въ Петербургѣ началась забастовка всѣхъ фабрикъ Выборгской стороны, «4 мая рабочіе нѣсколькихъ фабрикъ направились въ городъ съ цѣлью устроить демонстрацію у Самсоньевскаго моста; имъ загородила дорогу конная и пѣшая полиція. Рабочіе пустили въ ходъ ножи и камни. Бой длился нѣсколько часовъ. Въ результатѣ, какъ намъ пишутъ, до 70-ти раненыхъ съ обѣихъ сторонъ, есть и убитые, нѣсколько сотъ арестовано» **).

Чтобы понять дѣйствительное настроеніе рабочихъ, слѣдуетъ вчитаться въ письмо одной работницы, посланное арестованному пропагандисту сейчасъ же послѣ этой бойни. Работница эта потеряла близкаго ей человѣка «В»... говорили,— писала она,—что видѣли, какъ онъ былъ впереди; это онъ крикнулъ: «да здравствуетъ революція!» и какъ потомъ упалъ... Вы не знаете, какъ мнѣ было обидно и это одинаково всѣмъ намъ, всѣмъ очень хотѣлось пройтись на Невскій или въ городъ, ужъ очень горько умирать, какъ собакамъ, въ углѣ, чтобы никто не видѣлъ даже это; вѣрно такая доля у рабочихъ, чтобы умирать не на людяхъ, вѣрно и красной смерти для нихъ жалко... Вотъ что я еще хотѣла сказать Вамъ: хоть и очень многихъ у насъ взяли, можетъ ихъ нѣтъ

---

*) Тамъ же, стр. 2, стлб. 1.
**) Первое мая въ Россіи. Искра № 5, іюнь 1901 г., стр. 4, ст. 1.

больше совсѣмъ, а всетаки мы твердо стоять будемъ. Вы не смотрите, что за работу взялись, теперь такое время, что на бросаніи работы никто стоять не будетъ: *теперь всѣмъ нужно больше, всѣмъ на улицу хочется.* Б. (рабочій уцѣлѣвшій) говорилъ, что жаль, что знамени у нихъ не было. Другой разъ и знамя будетъ и *пистолетовъ достанутъ:* на камняхъ, *да на ножахъ далеко не уѣдешь,* какъ начнутъ штыками колоть» *).

На улицу, на «красную смерть», чтобы всѣ видѣли и чувствовали, что рабочіе умираютъ за общее дѣло, что они борятся не за себя, а за общую свободу—вотъ настроеніе рабочихъ, и рабочихъ не только передовыхъ. Вся поднятая экономической борьбой масса думаетъ также. Массовыми выступленіями на улицу рабочій классъ уже фактически начинаетъ въ 1901 году русскую революцію, онъ уже вступаетъ въ бой и вступаетъ одинъ: въ революціи у него нѣтъ соратниковъ. Интеллигентное общество дальше мирныхъ протестовъ, всеподданнѣйшихъ петицій, «крамольныхъ» адресовъ Вяземскому и Толстому не идетъ, а студенчество, какъ масса перестаетъ играть революціонную роль, роль, навязанную ему противъ воли и противъ желанія большинства. Оно выдѣляетъ изъ себя болѣе радикальные элементы, которые отчасти примыкаютъ къ рабочему движенію, отчасти пытаются воскресить старыя, чисто интеллигентскія революціонныя направленія.

XVI.

Отвѣтомъ правительства на «бурный мѣсяцъ» было министерство Ванновскаго, съ его «сердечнымъ попеченіемъ» и «сближеніемъ семьи и школы». «Новое Время» чуетъ, что этого мало, что не въ студентахъ была главная суть въ февральскихъ и мартовскихъ дняхъ. Въ статьѣ отъ 11-го мая офиціозный органъ пробалтывается, что въ рабочемъ вопросѣ дѣло обстоитъ далеко не благополучно, недаромъ «вредныя лжеученія» и «пропаганда противогосударственныхъ и противообщественныхъ идей» пользуется такимъ успѣхомъ среди русскихъ рабочихъ, въ которыхъ она «вызываетъ и поддерживаетъ недовольство своимъ настоящимъ положеніемъ». Надо,

*) Первое мая въ Россіи. Искра, № 5, стр. 4, ст. 1 и 2.

чтобы правительство взялось за улучшеніе положенія рабочихъ и заставило фабрикантовъ сдѣлать имъ уступки. Правительство должно взять въ свои руки рѣшеніе рабочаго вопроса, «подобно тому, какъ полвѣка назадъ» оно «взяло въ свои руки крестьянскій вопросъ, руководствуясь мудрымъ убѣжденіемъ, *что лучше преобразованіями сверху предупредить требованія таковыхъ снизу*, чѣмъ дожидаться послѣдняго» *).

За эту статью «Новое Время» было пріостановлено на одну недѣлю и главное управленіе по дѣламъ печати поторопилось разослать всѣмъ редакціямъ безцензурныхъ газетъ секретный циркуляръ, по которому всѣ статьи, касающіяся рабочаго вопроса и фабрично заводскихъ безпорядковъ, прежде чѣмъ публиковаться «въ повременныхъ изданіяхъ, должны быть представляемы для провѣрки ихъ фактической точности въ департаментъ полиціи и могутъ быть затѣмъ напечатаны лишь съ разрѣшенія послѣдняго» **).

«Новое Время», органъ хорошо освѣдомленный въ дѣлахъ департамента полиціи, преждевременно разболталъ о планѣ правительственной кампаніи по рабочему вопросу. Совѣтъ, который даетъ «Новое Время»: торопиться съ реформами сверху, дабы избѣжать тѣмъ революціи снизу,—этотъ «совѣтъ» выражалъ рѣшеніе, уже принятое департаментомъ полиціи. Уже въ 99 году соціалдемократическіе органы опубликовали «тайный докладъ и. д. Моск. оберъ-полиціймейстера Трепова (по охранному отдѣленію) отъ 8-го апрѣля 1898 г.» Докладъ этотъ начинается съ указанія на то, что революціонеры, убѣдившись, «что силъ одной интеллигенціи въ борьбѣ съ правительствомъ недостаточно, даже въ томъ случаѣ, если они вооружатся взрывчатыми веществами», послѣдовали примѣру нѣмецкихъ соціалдемократовъ и организовали у насъ соціалдемократическое движеніе.

«Русскіе революціонеры поспѣшно оставляли свои старыя знамена,—говорится далѣе въ докладѣ,—чтобы примкнуть или пристроится къ новому движенію. Практика привела ихъ къ непрерывной агитаціи среди рабочихъ на почвѣ существующихъ мелкихъ нуждъ и требованій. При сказанной системѣ революціонерамъ не приходится тратить силы на предупре-

*) По поводу рабочихъ безпорядковъ», Нов. Время, № 9051 11-го мая 1901 г.

**) Секретн. циркуляръ Гл. упр. по дѣламъ печати отъ 11-го мая 1901 г., опубликов. въ Искрѣ № 6, Іюлѣ 1901 г. въ стр. 2.

жденіе и подстрекательство рабочихъ, такъ какъ все нужное дается самимъ моментомъ, выбраннымъ для агитаціи; подстрекателю остается лишь привести въ извѣстность самыя нужды недовольныхъ, систематически ихъ изложить и подвести итоги въ формѣ составленныхъ требованій. Выпущенная на подобныхъ основаніяхъ прокламація настолько обыкновенно оказывается близкой и понятной рабочему, что достаточно пустить ее въ нѣсколькихъ экземплярахъ среди недовольныхъ, чтобы фабрика или заводъ стали...—Тактика эта дала превосходные результаты на практикѣ: явились массовыя забастовки, давшія въ итогѣ достаточное удовлетвореніе своимъ участникамъ». Успѣхъ забастовокъ внушаетъ рабочимъ идею, что «правительство терроризировано и идетъ на уступки», и что «вообще успѣхи, достигнутые путемъ забастовокъ, имѣютъ опасное и вредное государственное значеніе», являясь первоначальной школой политическаго воспитанія рабочихъ. Успѣхъ въ борьбѣ приноситъ съ собой рабочему вѣру въ свои силы, научаетъ его практическимъ пріемамъ борьбы, подготовляетъ и выдвигаетъ изъ толпы способныхъ иниціаторовъ, убѣждаетъ рабочаго на практикѣ въ возможности и полезности объединенія и вообще коллективныхъ дѣйствій; возбужденіе борьбой дѣлаетъ его болѣе воспріимчивымъ къ принятію идей соціализма, казавшихся ему до того праздной мечтой; на почвѣ мѣстной борьбы развивается сознаніе солидарности своихъ интересовъ съ интересами другихъ рабочихъ, т. е. сознаніе въ необходимости классовой борьбы, для успѣшности которой выясняется все большая несостоятельность въ политической агитаціи, ставящей себѣ цѣлью измѣненіе существующаго государственнаго и общественнаго строя на началахъ соціальной демократіи... Если мелкія нужды и требованія рабочихъ эксплуатируются революціонерами для такихъ глубоко-антиправительственныхъ цѣлей, то не слѣдуетъ-ли правительству, какъ можно скорѣй, *вырвать это благодарное для революціонеровъ оружіе изъ ихъ рукъ и взять исполненіе всей задачи на себя.* Пока революціонеръ проповѣдуетъ чистый соціализмъ, съ нимъ можно справиться однѣми репрессивными мѣрами, но когда онъ начинаетъ эксплуатировать въ свою пользу мелкіе недочеты существующаго законнаго порядка, однѣхъ репрессивныхъ мѣръ мало, а надлежитъ немедля вырвать изъ подъ его ногъ самую почву.»

Для достиженія этого докладъ предлагаетъ два средства:

во-первыхъ, «введеніе принципа законности въ сферу фабрично-заводскихъ отношеній, во-вторыхъ, насильственное изъятіе революціонера изъ благопріятной для его происковъ среды». Вѣдь въ сущности революціонеру не важны результаты, добытые стачкой; для него важенъ лишь самый процессъ стачки, дающій ему возможность вести свою агитацію. Задача правительства— «указать рабочему законный исходъ изъ затруднительныхъ случаевъ его положенія, имѣя въ виду, что за агитаторомъ пойдетъ лишь наиболѣе юная и энергичная часть толпы, а средній рабочій предпочтетъ всегда не столь блестящій, но болѣе покойный законный исходъ. Расколотая такимъ образомъ толпа потеряетъ ту свою силу, на которую такъ надѣется и разсчитываетъ агитаторъ. Это тѣмъ болѣе легко сдѣлать, что очень часто сами фабриканты дѣйствительно нарушаютъ законы.»

Съ этими мѣрами нужно торопиться, ибо «по духу времени, когда Западная Европа поглощена рабочимъ вопросомъ, весь интересъ революціи сосредоточенъ на фабричной средѣ, а гдѣ пристраивается революціонеръ, тамъ обязана быть и государственная полиція,... чѣмъ занятъ революціонеръ, тѣмъ обязана интересоваться и полиція». Революціонеры хотятъ законности, и полиція должна наблюдать, чтобы законы по отношенію къ рабочимъ не нарушались, а между тѣмъ въ рядахъ самого правительства нѣтъ должнаго единогласія. «Принципъ разногласія и разъединенія правительственныхъ органовъ въ то время, какъ боевой лозунгъ революціонеровъ: объединеніе, сліяніе, солидарность (рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!), никоимъ образомъ не можетъ гарантировать безусловной скорой побѣды надъ соціальной демократіей». Вѣдь вотъ, напримѣръ, Министерство Вн. Дѣлъ, а по его примѣру и Министерство Юстиціи, своими циркулярами всѣ дѣла о фабричныхъ безпорядкахъ и стачкахъ предлагаютъ рѣшать полицейскимъ охраннымъ порядкомъ, а министерство финансовъ настаиваетъ, чтобы обязанности фабричной инспекціи не передавались бы въ руки полиціи. Мѣшается также не въ свое дѣло и «отдѣльный корпусъ жандармовъ»; надо устроить такъ, «чтобы всѣ вѣдомства, а въ томъ числѣ, слѣдовательно, и фабричная инспекція обязаны были оказывать полное содѣйствіе установленіямъ и лицамъ, коимъ ввѣрено охраненіе государственнаго порядка и обще-

ственнаго спокойствія» *), т. е. все дѣло, какъ по «введенію принципа законности», такъ и по «изъятію революціонеровъ изъ благопріятной среды» сосредоточить въ рукахъ одного охраннаго отдѣленія.

Указы и наказы о фабричныхъ инспекторахъ 1899 и 1900 г. г., изъятіе всѣхъ «рабочихъ» дѣлъ изъ рукъ обычнаго жандармскаго дознанія и судебнаго слѣдствія и передача ихъ въ руки упрощеннаго производства охранныхъ отдѣленій, показало, что по крайней мѣрѣ вторая часть «треповскаго» доклада правительствомъ была принята къ свѣдѣнію. Въ этомъ отношеніи были достигнуты полное сліяніе, объединеніе и солидарность. Съ вопросомъ о «введеніи законности» дѣло было не такъ легко. До 1901 г. въ этомъ отношеніи правительство, или, вѣрнѣй, игравшій его роль департаментъ полиціи не рѣшается еще дѣйствовать. Пока все сводится лишь къ обѣщаніямъ въ этомъ смыслѣ, широко распространяемымъ дѣйствительнымъ творцомъ «треповскаго доклада» оберъ-шпіономъ Зубатовымъ.

«За границей, чтобы развратить рабочихъ,—пишетъ по поводу этихъ «новыхъ друзей русскаго пролетаріата» «Искра»,—министерства пользуются подкупленными газетами, „въ нашемъ несчастномъ отечествѣ единственное мѣсто, гдѣ правительство можетъ войти въ соприкосновеніе съ рабочими—это кутузка, и благородное дѣло внесенія политическаго разврата въ рабочій классъ приходится поручать жандармамъ“ **). И дѣйствительно, первая «зубатовская» агитація начинается въ тюрьмѣ.

Зубатовъ хорошо знакомъ съ психологіей средняго рабочаго и средняго революціонера. Вращаясь чуть ли не съ гимназической скамьи среди революціонеровъ, участвуя лично въ цѣломъ рядѣ «тайныхъ сообществъ», вродѣ «Самоуправленія» и «рабочихъ кружковъ» въ Шуѣ, близко соприкасаясь съ революціонерами на почвѣ основанной имъ въ Москвѣ нелегальной библіотеки, онъ получилъ основательную подготовку для своей «оффиціальной» дѣятельности. Талантливому провокатору безъ труда удается спихнуть бывшаго начальника московской охранки «держиморду» Бердяева и сѣсть на его мѣсто. И вотъ при его помощи начинается сближеніе

---

*) «Тайный докладъ» Раб. Дѣло № 1 стр. 24—27.

**) Новые друзья русскаго пролетаріата «Искра», № 1. Декабрь 1900 г.

«правительства» съ рабочими. Съ каждымъ арестованнымъ заводится самый серьезный разговоръ. Зубатовъ клянется, что онъ остался «прежнимъ».—«Мы стремимся къ одной и той же цѣли, только пути у насъ иные,—поетъ онъ.—Ваша ошибка заключается въ томъ, что вы полагаете, будто правительство наше классовое, а я увѣренъ, что его можно заставить дѣйствовать въ интересахъ рабочихъ; нужно только отказаться отъ революціонныхъ способовъ дѣйствія, и эту цѣль я себѣ поставилъ, вотъ почему вы видите меня въ такомъ мундирѣ. Чисто экономическому движенію рабочихъ правительство уже сочувствуетъ, аресты мирныхъ стачечниковъ объясняются простымъ недоразумѣніемъ, превышеніемъ власти, произволомъ мѣстнаго начальства, стоитъ лишь обратиться ко мнѣ и все дѣло будетъ улажено».

Зубатовъ повелъ дѣло такъ ловко, что уже въ 1896—97 году цѣлая московская организація (съ Румой во главѣ) оказалась одураченной имъ. Многіе изъ членовъ этой организаціи тайно отъ другихъ вступили въ сношенія съ Зубатовымъ, «получали отъ него свѣдѣнія», будучи въ полной увѣренности, что этимъ они содѣйствуютъ рабочему движенію. Зубатовъ доставалъ деньги и помогъ вновь поставить провалившуюся въ іюлѣ типографію. Мало того нѣкоторые изъ членовъ организаціи (какъ интеллигенты, такъ и рабочіе) стали получать даже деньги на личныя нужды (особенно послѣ выхода изъ тюрьмы). Къ рабочимъ Зубатомъ подходилъ главнымъ образомъ съ анти-интеллигентской пропагандой. Дѣятельность его оказалось настолько успѣшной, что уже къ 1898 г. ему поручаютъ веденіе дѣлъ въ Твери, въ Тамбовѣ, въ Иваново-Вознесенскѣ и, наконецъ, всѣ дѣла, связанныя съ «Бундомъ».

Успѣхъ зубатовской агитаціи среди арестованныхъ растетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе развивается «чисто экономическое», «чисто рабочее» направленіе. Когда въ руки Зубатова попали члены «общееврейскаго Союза щетинщиковъ», онъ убѣдилъ ихъ, что они напрасно не хлопочутъ о легализаціи ихъ кассы и обѣщалъ имъ даже 20000 на хлопоты по этому дѣлу. Судя по специально написанной по этому поводу статьѣ въ «Arbeiterstimme», эта агитаціи была не бузуспѣшна. «Субъектъ (съ которымъ Зубатовъ велъ разговоръ о 20000 р.) обѣщалъ агитировать въ этомъ смыслѣ.. Уже одинъ фактъ существованія въ нашей организаціи лю-

дей, сносящихся съ начальникомъ москов. охраннаго отдѣленія, показываетъ, что провокаторство и предательство пустили глубокіе корни въ нашей организаціи. Если часть зубатовскихъ «корреспондентовъ», можетъ быть, и не станетъ доставлять такихъ свѣдѣній, которыя кому либо повредятъ, то несомнѣнно среди нихъ найдутся и настоящіе предатели» *).

До «бурнаго мѣсяца» Зубатовъ еще только «обѣщаетъ» и тѣмъ улавливаетъ отдѣльныхъ «экономистовъ»; его роль пока исключительно провокаторски-шпіонская, дальше «новой» системы сыска онъ еще не идетъ. Но вотъ послѣ того, какъ рабочія массы въ февральскіе и мартовскіе дни блестяще сдали экзаменъ на степень политической зрѣлости, департаментъ полиціи даетъ сигналъ къ осуществленію первой части Зубатовской программы, къ «введенію законности».

«На дняхъ въ Минскѣ,—сообщаетъ тамошній корреспондентъ «Искры»,—среди приказчиковъ было распространено воззваніе направленное противъ господствующаго среди нихъ обычая воровать товаръ изъ магазиновъ и указывающее, что это несовмѣстимо съ сознательной борьбой противъ хозяйской эксплуатаціи. Тогда черезъ два дня въ городѣ было расклеено подписанное мѣстнымъ жандармскимъ полковникомъ Васильевымъ воззваніе къ приказчикамъ, въ которомъ онъ высказываетъ сочувствіе къ такого рода дѣятельности болѣе развитыхъ изъ ихъ среды, но выражаетъ свое удивленіе по поводу того, что они дѣлаютъ это нелегально, рискуя подвергнуться преслѣдованіямъ и пр., тогда какъ стоитъ имъ обратиться къ нему, и онъ съ удовольствіемъ предоставитъ имъ губернскую типографію. Въ заключеніе Васильевъ пригласилъ всѣхъ приказчиковъ на собраніе, имѣющее состояться въ субботу 16-го подъ его предсѣдательствомъ. На собраніе пришло до 500 приказчиковъ и десятокъ другой хозяевъ. Кромѣ Васильева присутствовалъ губернаторъ и полицеймейстеръ. Васильевъ открылъ собраніе весьма теплой рѣчью, въ которой доказывалъ, что правительство весьма благосклонно относится къ попыткамъ массъ улучшить условія своего существованія, но напрасно непримиримо настроенные элементы придаютъ этимъ попыткамъ политическую окраску. Онъ неизмѣнно будетъ содѣйствовать всѣмъ попыткамъ приказчиковъ

*) «Зубатовъ и его тактика» «Arbeiterstimme», № 19, перепеч. въ листкѣ «Раб. Дѣла» № 5 янв. 1901 г. стр. 4.

улучшить свою жизнь, и на первый разъ предлагаетъ имъ выбрать комиссію для обсужденія ихъ насущнѣйшихъ нуждъ. Выбрана коммиссія изъ 15 приказчиковъ и 10 хозяевъ. Въ отвѣтъ на заявленіе Васильева раздались сочувственныя рѣчи, вполнѣ поддерживающія его точку зрѣнія. Раздались также голоса, требующіе изданія закона о закрытіи магазиновъ не позже 9 час. вечера, но комиссія тутъ же высказалась противъ, рекомендуя обратиться къ хозяевамъ съ коллективной просьбой объ этомъ. Тактика Васильева встрѣтила въ мелко-буржуазно-настроенной массѣ приказчиковъ полное сочувствіе и признаніе. Агитаторы, только недавно начавшіе оказывать на нее вліяніе, совершенно оставлены, отношеніе къ нимъ рѣзко враждебное» *).

За Минскомъ послѣдовала Москва, «Зародилась у московскихъ машиностроительныхъ рабочихъ мысль обратиться на путь спасенія своихъ собратій отъ золъ капитализма вспомогательной кассой, — пишетъ «эксъ-экономистъ» изъ Москвы; —можно думать, что исходила она отъ Охраннаго отдѣленія, а въ немъ изъ кабинета г. Зубатова»**).

Въ Москвѣ Зубатовъ не выступаетъ сразу открыто, какъ это сдѣлалъ Васильевъ, онъ дѣйствуетъ за кулисами. Состоявшіе въ рабочихъ организаціяхъ агенты его (вродѣ Мих. Аѳанасьева, одного изъ участниковъ дѣла Румы, который тогда подобно многимъ другимъ вступилъ въ связь съ Зубатовымъ) агитируютъ идею «легализаціи» исподволь. «Мысль эта расла и ширилась и, наконецъ, вынырнула на свѣтъ божій,—пишетъ тотъ-же корреспондентъ «Искры». — Нѣсколько рабочихъ, ничего общаго съ Зубатовымъ не имѣющихъ (?), взяли на себя иниціативу, подобрали товарищей, и мысль о вспомогательной кассѣ машиностроительныхъ рабочихъ приводится въ исполненіе. Для обсужденія устава, для пропаганды этой мысли необходимы были, конечно, открытыя собранія. И что-жъ, въ то самое время, когда реакція послѣ мартовской бойни не знала никакого удержу, когда на Руси душили всякое проявленіе мысли и самодѣятельности, когда разгоняли и сажали по тюрьмамъ даже мирныхъ литераторовъ и закрывали даже самыя невинныя общества, вродѣ об-ва доставле-

*) «Новый Курсъ». Искра, № 3' Іюль 1901 г., стр. 4, ст. 3.

**) «Еще о политическомъ развратѣ нашихъ дней» Искра № 10, Ноябрь 1901 г., стр. 1, ст. 3.

нія книгъ больнымъ, — въ такое темное, дикое время рабочимъ милостиво разрѣшается открыто собираться для обсужденія вопросовъ, касающихся какъ кассы, такъ и вообще рабочаго быта!.. Въ Москвѣ подъ руководствомъ людей науки— Дэна, Озерова, Вормса происходятъ открытыя собранія, и на нихъ дебатируются вопросы о различныхъ нуждахъ рабочаго класса. О чемъ только не говорится тамъ! И о потребительныхъ об-ствахъ, и о кассахъ взаимопомощи, и о читальняхъ-библіотекахъ для рабочихъ, и объ унизительныхъ для человѣческаго достоинства рабочаго обыскахъ при уходѣ съ работы, и объ различныхъ условіяхъ труда на заводахъ и т. д. и т. д., ни слова, разумѣется, только объ одномъ — о политикѣ. Говорятъ и г.г. доценты и мастеровые и... агенты Охран. отдѣленія» *).

Къ чему сводились «лекціи» г-дъ доцентовъ, этихъ сознательныхъ или безсознательныхъ сотрудниковъ Охраннаго отдѣленія **), мы можемъ судить по статьѣ въ Искрѣ «Буржуазная наука передъ московскими рабочими», статьѣ, написанной исключительно по отчетамъ объ этихъ лекціяхъ въ легальныхъ газетахъ, еще до того, какъ обнаружилась для Искры истинная подоплека дѣла. «Г-нъ проф. В. Дэнъ—читаемъ мы въ этой статьѣ—на четвертомъ собраніи въ воскресенье 17-го іюня поучалъ рабочихъ о пользѣ об-въ взаимопомощи. Онъ разсказалъ о томъ, что англійскіе рабочіе добились многихъ улучшеній путемъ самодѣятельности, но *умолчалъ* о томъ, что эта самодѣятельность проявилась главн. обр. въ стачечной борьбѣ и въ организаціи въ боевые союзы, а не въ «мирныхъ» обществахъ взаимопомощи, подобныхъ тому, которыя теперь основались въ Москвѣ. Онъ разсказывалъ, что «въ большинствѣ случаевъ государство беретъ на себя» заботу о внѣшнихъ условіяхъ труда, могущихъ вредить здоровью рабочихъ», но умолчалъ о томъ, что въ большинствѣ случаевъ государство «беретъ на себя» заботу о рабочихъ подъ вліяніемъ *политическаго давленія* съ ихъ стороны, и что наше россійское государство, не контролируемое самимъ народомъ, въ большинствѣ случаевъ заботу эту выполняетъ изъ

---

*) «Еще о полит. развратѣ». Искра № 10, стр. 1, ст. 3.

**) Кромѣ Озерова всѣ остальные доценты ушли, какъ только обнаружился истинный смыслъ Зубатовской затѣи. См. объ этомъ М. Григорьевскій «Полиц. Соціализмъ въ Россіи», СПБ. 1906, стр. 26 и 27.

рукъ вонъ плохо, будучи занято преимущественно заботой о сохраненіи порядка. Очень вѣроятно, что эти умолчанія — неизбѣжныя послѣдствія легальной дѣятельности, но это нисколько не измѣняетъ того факта, что тотъ, кто такимъ образомъ излагаетъ половину правды, на самомъ дѣлѣ вбиваетъ въ головы своихъ слушателей лживыя представленія о предметѣ бесѣды. На 11 собраніи рабочіе между прочимъ указали, «что вредъ для здоровья наносится напряженностью труда при низкой сдѣльной заработной платѣ». На 12 засѣданіи имъ возражаетъ приватъ-доцентъ Вормсъ. «На потерю здоровья, говоритъ онъ, вліяетъ незнаніе гигіеническихъ условій, которыя могли бы напряженность работы поставить въ границы, не вредящія здоровью... Впрочемъ г. Вормсъ признаетъ, что здоровье можетъ страдать и отъ длины рабочаго дня, неправильнаго его распредѣленія и пр. «но,—говоритъ онъ, устраненіе всѣхъ этихъ условій зависитъ отъ самаго рабочаго... Дѣло, видите-ли, очень просто: вѣдь «нашъ законъ предоставляетъ его, рабочаго, усмотрѣнію *входить или не входить въ договоръ съ предпринимателемъ* и въ то же время до извѣстной степени обезпечиваетъ здоровье отъ вредныхъ гигіеническихъ условій труда». Что же это должно означать? Неужели г-нъ Вормсъ прописываетъ тотъ самый рецептъ, который до сихъ поръ прописывали рабочимъ г.г. Клейгельсы, Треповы и пр. дѣятели по «улаженію недоразумѣній»: не хочешь работать по правиламъ, убирайся съ фабрики. Или же г-нъ Вормсъ хочетъ просто сказать, что если бы рабочіе не соглашались работать на невыгодныхъ условіяхъ, то эти условія не могли-бы существовать. Что это, фарисейство или легкомысліе? Во всякомъ случаѣ нѣчто недостойное человѣка науки» *).

«По мнѣнію г. Вормса, и об-ствамъ взаимопомощи также принадлежитъ почетная роль по «предупрежденію несчастныхъ случаевъ». Не спѣшите радоваться, читатель. Вы, м. б., ожидаете, что об-во взаимопомощи, какъ рабочая организація, будетъ призвано оказывать давленіе на предпринимателей въ цѣляхъ лучшаго предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Ну нѣтъ, г-нъ Вормсъ такихъ «разрушительныхъ» проектовъ и въ мысли не имѣлъ. «Об-во взаимопомощи, говоритъ онъ, можетъ

---

*) «Буржуазная наука передъ московскими рабочими» Искра № 8, 10 сент. 1901 г., стр. 3, ст. 2—3.

съ своей стороны принимать въ этомъ направленіи извѣстныя мѣры, напр. ознакомленіе членовъ съ пріемами подачи помощи въ несчастныхъ случаяхъ *)...

«Послушаемъ еще г-на проф. Озерова (13 бесѣда, 19 августа). Трактуетъ онъ о разумномъ проведеніи досуга членами кассы взаимопомощи... поговоривъ о значеніи рабочихъ клубовъ въ жизни европейскихъ рабочихъ, г. Озеровъ заявилъ, что наши рабочіе нуждаются въ подобныхъ клубахъ не менѣе, чѣмъ иностранные. Оказывается, что это уже сознало... министерство финансовъ, которое съ «введеніемъ винной монополіи усиленно рекомендуетъ комитетамъ трезвости устройство особыхъ народныхъ клубовъ, въ которыхъ рабочій могъ бы не только пить чай, но и разумно проводить время». Да здравствуетъ министерство финансовъ, трижды ура г-ну Витте! По лицемѣрію или невѣжеству г-нъ профессоръ не упоминаетъ объ одной лишь малости, что разумное проведеніе времени въ клубахъ и читальняхъ комитетовъ трезвости заключается, между прочимъ, въ чтеніи «Свѣта», «Московск. Вѣд.» и тому подобной грязной литературы! Г. Озеровъ не постѣснялся выразить «большое спасибо казенной винной монополіи» за то, что она «въ основу борьбы съ алькоголизмомъ поставила устройство чайныхъ, имѣющихъ характеръ клубовъ». Переводя эти «благонамѣренныя рѣчи» на человѣческій языкъ, мы констатируемъ тотъ фактъ, что г-нъ Озеровъ *привѣтствуетъ* и прославляетъ русское правительство за то, что оно въ основу борьбы съ алькоголизмомъ поставило не повышеніе народной культуры, не освобожденіе личности, не свободу образовательныхъ учрежденій, но жалкое подобіе просвѣтительной дѣятельности, насаждаемой мощной рукой помпадуровъ и поповъ — этотъ фиговый листокъ, которымъ прикрывается гнусная нагота роли кабатчика. Такъ для выслушиванія такихъ-то комплиментовъ шарлатанскимъ предпріятіямъ Витте вы приглашаете рабочихъ на свои бесѣды, г. Озеровъ? Но такое-то «разумное проведеніе досуга» они могутъ себѣ найти и въ чтеніи «Нов. Времени» **).

Одинъ изъ нѣмецкихъ соціалдемократовъ (кажется Либкнехтъ) сказалъ, какъ-то: «нѣтъ такой пакости, для выполне-

---

*) Тамъ же, стр. 4, ст. 2.
**) „Буржуазная наука". Искра, № 8, стр. 4 и 5, ст. 3 и 1.

нія которой не нашлось бы нѣмецкаго профессора». Какъ только началась Зубатовская вакханалія въ Москвѣ, профессоръ Мануиловъ объявилъ громогласно на лекціи студентамъ: «Нѣтъ болѣе у насъ ни народниковъ, ни марксистовъ, а есть соціально-политическое направленіе, которое стремится улучшить бытъ рабочихъ и народа на почвѣ существующаго строя». Намѣренно или по невѣжеству онъ не упомянулъ лишь о томъ, что родоначальникомъ этого «новаго» направленія является «Охранное отдѣленіе». Смыслъ всѣхъ этихъ лекцій скоро обнаружился.

Съ одной стороны онѣ должны были затуманивать «мнимой научностью» сознаніе уже подвергшихся агитаціи рабочихъ и сворачивать ихъ мысль съ того политическаго пути, на который она уже вступила подъ вліяніемъ агитаціи и послѣднихъ событій; а съ другой стороны лекціи апостоловъ новаго «соціально-политическаго направленія» должны были служить грандіозной западней для вылавливанія соціалдемократовъ рабочихъ. Обольщенные кажущейся свободой слова на этихъ зубатовско-озеровскихъ собраніяхъ, сознательные рабочіе пробовали было вступать въ диспуты съ полицейскими профессорами и ихъ лживой оскопленной въ участкѣ наукѣ противопоставлять истинную соціалистическую науку; но на слѣдующій день этимъ оппонентамъ уже приходилось сидѣть въ Таганской тюрьмѣ и на досугѣ размышлять о совмѣстимости самодержавія съ свободой слова.

Но соловья баснями не кормятъ. Однѣми лекціями положенія рабочихъ не улучшишь и ими не перетянешь массу рабочихъ въ «легальные» союзы. Волей неволей Зубатову приходилось санкціонировать переходъ къ практическимъ шагамъ и приступить къ выставленію требованій фабрикантамъ. Здѣсь успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Неограниченное самодержавіе участка сказалось быстро, и рабочіе весьма скоро почувствовали, какъ выгодно имѣть *такого* союзника на своей сторонѣ. По предписанію изъ «Охранки» передъ заводчиками ставилась дилемма: или удовлетворить требованія рабочихъ въ 24 часа, или закрыть навсегда заводъ. Такого рода «экономическая борьба» пришлась по душѣ рабочимъ; они могли повѣрить, что разъ дѣла такъ обстоятъ то, пожалуй, и при современномъ строѣ прожить можно недурно; не для чего, стало быть, идти вслѣдъ за интеллигентами въ тюрьму, въ ссылку и на смерть изъ-за какой-то неизвѣстной б[illegible]й

«свободы». Вѣдь тогда власть перейдетъ изъ рукъ благодѣтельницы «охранки» въ руки тѣхъ же заводчиковъ и фабрикантовъ. И къ Зубатову шли все новые и новые адепты, возникалъ одинъ союзъ за другимъ. Никому изъ членовъ этого союза не претило, что въ его уставѣ главная роль принадлежитъ оберъ-полицеймейстеру, что въ члены об-ва не могъ попасть никто изъ привлекавшихся къ административному взысканію, хотя бы за забастовки. Вслѣдъ за Москвой «общества» и союзы возникаютъ въ Минскѣ (столяры), въ Одессѣ, въ Петербургѣ, въ Саратовѣ и пр. городахъ», и всюду во главѣ этихъ обществъ становятся полицеймейстеры, губернаторы, митрополиты, архіереи.

Въ Минскѣ дѣло не ограничивается устройствомъ однихъ профессіональныхъ союзовъ. Тамъ, по иниціативѣ Зубатова, агенткой его, Маріей Вильбушевичъ и нѣсколькими другими лицами организуется «Еврейская независимая рабочая партія». Вотъ первое воззваніе этой «партіи».

«I. Мы полагаемъ,—говорятъ эти истинные выразители «рабочихъ интересовъ»:—а) что никакая теорія не настолько погущественна и неопровержимо вѣрна, чтобы давать право своимъ приверженцамъ вести безсознательную массу за собой къ цѣли, которой масса не понимаетъ;

«б) что еврейскій рабочій классъ въ настоящее время требуетъ хлѣба и знаній, и что эти требованія должны быть удовлетворены;

«в) что преступно приносить въ жертву матерьяльные интересы рабочаго класса такимъ политическимъ цѣлямъ, которыя въ настоящее время ему чужды;

«г) что рабочій, какъ всякій человѣкъ, имѣетъ право быть сторонникомъ какой ему угодно политической партіи и всетаки имѣетъ право защищать свои экономическіе и культурные интересы и быть членомъ вполнѣ равноправнымъ въ экономическихъ и культурныхъ организаціяхъ;

«д) что экономическія и культурныя организаціи должны стать ему необходимы, какъ воздухъ и вода, регулировать его экономическія интересы, доставлять ему знанія и что таковыми онѣ могутъ стать только тогда, когда онѣ будутъ цѣлями сами по себѣ, а не служить орудіемъ какой бы то не было политической партіи.

«II. Мы находимъ ненормальнымъ современное положеніе вещей, при которомъ экономическія организаціи находятся

подъ руководствомъ преимущественно политическаго по своимъ цѣлямъ «Бунда», потому что

«а) экономическая дѣятельность является для Бунда главнымъ образомъ средствомъ революціонизировать рабочую массу, и потому Бундъ намѣренно игнорируетъ въ своей экономической дѣятельности многія безусловно полезныя для рабочей массы мѣропріятія;

«б) «Бундъ», принимая рабочаго, ищущаго только хлѣба и знаній въ свои, на взглядъ массового рабочаго, чисто экономическія организаціи, навязываетъ рабочему свои политическіе взгляды и стремленія. Рабочихъ съ не «бундовскими» взглядами въ экономическія организаціи «Бундъ» не принимаетъ, а инертно-консервативную часть рабочей массы отпугиваетъ своей репутаціей политической партіи. Въ результатѣ подобная тактика «Бунда» вредитъ организованной массѣ и жестоко поступаетъ съ остальными рабочими, которые тоже ищутъ союза со своими организованными товарищами.

«в) «Бундъ» развиваетъ рабочихъ односторонне, ограждая ихъ отъ не «бундовскихъ» взглядовъ и такимъ образомъ вноситъ въ рабочую массу духъ умственнаго порабощенія;

«г) «Бундъ» не допускаетъ въ рабочія массы интеллигентныя полезныя силы, съ его политическими взглядами несогласныя. «Бундъ» исполнилъ великую историческую миссію, развивъ духъ недовольства своимъ экономическимъ положеніемъ въ рабочемъ классѣ, но когда это достигнуто, и вся рабочая масса стремится къ организаціи, сдѣлалось невозможнымъ держать экономическую и культурную дѣятельность въ политическихъ тискахъ «Бунда».

Программа Партіи.

«1) Еврейская независимая Раб. Партія имѣетъ цѣлью поднятіе матеріальнаго и культурнаго уровня еврейскаго пролетаріата посредствомъ культурно-экономическихъ организацій, какъ нелегальныхъ, такъ и легальныхъ, по мѣрѣ возможности. На практикѣ эта цѣль сводится: а) къ развитію широкихъ экономическихъ организацій (тредъ-юніоновъ, кассъ, клубовъ, ассоціацій); б) къ развитію среди рабочаго класса научныхъ и профессіональныхъ знаній, и къ воспитанію его для коллективной жизни.

«2) Партія въ цѣломъ не выставляетъ себѣ никакихъ политическихъ цѣлей и касается политическихъ вопросовъ въ той мѣрѣ, поскольку они затрагиваютъ повседневные интересы рабочихъ.

«3) Партія объединяетъ для экономической и культурной дѣятельности рабочихъ всякихъ политическихъ взглядовъ и совсѣмъ безъ таковыхъ.

«4) Организація партіи демократическая, т. е. управляется снизу, а не сверху».

Образуя эту «партію» Зубатовъ не допустилъ той ошибки, которую сдѣлалъ Васильевъ, ставши сразу и открыто во главѣ союза приказчиковъ и союза столяровъ. Какъ и въ Москвѣ онъ великодушно скрываетъ здѣсь свое авторство отъ глазъ широкой публики, предпочитая, чтобы инціатива исходила отъ самихъ рабочихъ и притомъ рабочихъ, уже *состоящихъ членами «Бунда»*. Вотъ что разсказываетъ корреспондентъ изъ Минска: «Прилагаемое воззваніе распростанено на дняхъ въ Минскѣ на русскомъ и еврейскомъ языкахъ. Издано оно со дня на день пріобрѣтающими все больше вліянія сторонниками зубатовской политики (во главѣ стоятъ одинъ ретушеръ и работница, вернувшіеся изъ московской тюрьмы сторонниками зубатовскихъ взглядовъ—оба безукоризненно честные люди). Они уже овладѣли тремя цехами и ихъ кассовыми организаціями—переплетнымъ, столярнымъ и слесарнымъ. Устраиваются еженедѣльно громадныя собранія (о которыхъ, конечно, извѣстно Васильеву и гдѣ присутствуютъ шпіоны-рабочіе, ибо новая «партія» принимаетъ всѣхъ безъ исключенія). Бундовцы въ весьма неудобномъ положеніи. Съ одной стороны нельзя не противодѣйствовать ихъ агитаціи, съ другой—всѣхъ, отстаивающихъ на этихъ собраніяхъ революціонные взгляды, забираютъ черезъ нѣсколько дней и немедленно ссылаютъ въ Сибирь. За послѣднее время почти еженедѣльно идутъ изъ Минска этапы ссылаемыхъ на 3, 4 и 5 лѣтъ». *)

Никогда Зубатовъ не пользовался бы такимъ несомнѣннымъ успѣхомъ, если бы ему пришлось оперировать исключительно съ «платными» агентами. Такіе агенты менѣе всего опасны. Они могутъ уничтожить, выдать организацію, но создать но-

---

*) Политическій развратъ и «экономическое» тупоуміе. Искра № 9 октябрь 1901 г. стр. 2 ст. 2,

вое теченіе они не могутъ. Успѣхъ Зубатова объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что изъ рядовъ самой соціалдемократіи одно теченіе шло къ нему навстрѣчу. Минскій корреспондентъ говоритъ, что организаторы независимой партіи «безусловно честные люди»; онъ ссылается на слова жандарма Васильева, который говорилъ, что «намѣревался арестовать упомянутую работницу, но получилъ отъ Зубатова предписаніе не трогать ея, ибо хотя она и не состоитъ у насъ на жалованьи, но *своей дѣятельностью косвенно содѣйствуетъ намъ»* *)

«Безпринципность», боязнь «ортодоксальнаго сектантства», стремленіе противопоставить революціонной организаціи сверху экономически-демократическую организацію снизу—все это «косвенно» или прямо содѣйствовало успѣху Зубатова. Легальныя исканія «бывшаго» марксиста Прокоповича, который во время «изслѣдованія рабочаго движенія растерялъ добрую половину своихъ теоретическихъ предпосылокъ», нелегальныя статьи сотрудниковъ «Раб. Мысли» (въ особенности знаменитое «Особое приложеніе»), знаменитая рѣчь «Поворотный пунктъ въ еврейскомъ раб. движеніи», проповѣдь о томъ, что организаціонная и агитаціонная работа должна вестись вокругъ тѣхъ требованій, и только тѣхъ, которые сознаны массой (см. В. И-на Раб. Дѣло №2-3), однимъ словомъ весь тотъ сумбуръ, который внесли въ нашу работу легальные и нелегальные «бернштейніанцы», «критики», «экономисты», «рабочедѣльцы»—вотъ что создало возможность такого колоссальнаго успѣха для Зубатова. Значительное большинство видныхъ дѣятелей «зубатовщины» входили первоначально въ наши организаціи. Тамъ они пропитались принципомъ «безприцинпности», который повелъ ихъ въ объятія Зубатова и дѣлалъ сначала «убѣжденными» сотрудниками этого послѣдяго, а въ концѣ концевъ, подъ постояннымъ вліяніемъ развращающихъ соприкосновеній съ Васильевымъ, Сазоновымъ и проч.—рыцарями синяго мундира, которые изъ, «убѣжденныхъ» становились «платными» агентами. Такова исторія всѣхъ этихъ Афанасьевыхъ, Слѣповыхъ, ретушеровъ, работницъ и т. п. Первоначальные кадры зубатовцевъ составляли не массовики, малосознательные рабо-

*) Политическій развратъ и «экономическое» тупоуміе. Искра № 9 октябрь 1901 г. стр. 2. ст. 2.

чіе, а именно рабочіе, выдвинувшіеся надъ среднимъ уровнемъ, уже получившіе воспитаніе и воспитаніе тенденціозно-антиреволюціонное. Они всѣ когда-то стояли на «третьей» высшей стадіи развитія, но «экономическая агитація» тянула ихъ обратно къ «первой» стадіи и перетянула въ объятія Зубатова.

Рабочая масса пошла за Зубатовымъ лишь тогда, когда его агенты отъ словъ стали переходить къ дѣлу, когда они съ «открытымъ листомъ» Московскаго генералъ-губернатора *заставляли* фабрикантовъ вводить то или иное улучшеніе на заводѣ, когда, какъ это было во время стачки на заводѣ Гужона, изъ невѣдомыхъ суммъ «рабочимъ выдавались по 250 р. въ недѣлю». Но какъ только,—послѣ отпора, который французскій гражданинъ Гужонъ сумѣлъ оказать охранкѣ,—такого рода «дѣятельность» Зубатова должна была сократиться, масса отхлынула отъ него, или, какъ это было впослѣдствіи въ Одессѣ, пошла своимъ путемъ и опереточную «чисто-экономическую» борьбу независимцевъ превратила въ нешуточную уличную битву.

Я не берусь разсказывать здѣсь исторію дѣятельности зубатовскихъ организацій; интересующіеся этимъ вопросомъ найдутъ много фактическаго матеріала въ брошюрѣ Григорьевскаго *), упомяну только, что протестъ, поднятый московскимъ заводчикомъ Гужономъ нашелъ откликъ у истиннаго защитника капиталистическихъ кармановъ министра Витте.

«Фабриканты увидали,—говоритъ по поводу поданной министромъ Витте «Записки о разрѣшеніи стачекъ» Мартовъ,— что полицейское вмѣшательство въ ихъ экономическую борьбу съ рабочими есть орудіе обоюдоострое. Хорошо, конечно, *заставить* рабочихъ подчиняться фабриканту и работать по пониженной платѣ; но ежели на основаніи своего всемогущества полиція начинаетъ возбуждать рабочихъ противъ хозяевъ, когда ей надо отвлечь ихъ вниманіе отъ борьбы съ правительствомъ—тогда уже лучше пусть полиція вовсе не суется въ отношенія труда къ капиталу... изъ слуги она норовитъ превратиться въ хозяина на фабрикѣ. Стало быть, долой полицію, дайте *свободу* нашей экономической борьбѣ съ рабочими. Пусть стачки рабочихъ будутъ нашимъ и ихъ домашнимъ дѣломъ... Вотъ на какія мысли навела москов-

*) Полицейскій соціализмъ въ Россіи СПБ 1906 г.

скихъ капиталистовъ зубатовская политика. Эти помыслы выразилъ въ своей запискѣ г-нъ Витте, которому всероссійское купечество готовится нынче отпраздновать 10 лѣтній юбилей его вѣрной службы всероссійскому капиталу.»*)

Вся суть Зубатовской затѣи, какъ мы видѣли, сводилась къ тому, чтобы всю «полноту власти» по рабочему вопросу сосредоточить въ рукахъ «охранки». Витте въ своей запискѣ протестуетъ противъ этого. «Нельзя обойти молчаніемъ,—говоритъ онъ,—и такого явленія, какъ организація «собесѣдованій рабочихъ» и «об-во взаимопомощи рабочихъ механическаго производства» въ г. Москвѣ. Учрежденія эти явились несомнѣнно на почвѣ стремленія рабочихъ къ самоорганизаціи въ цѣляхъ взаимной помощи и развитія, но порядокъ возникновенія ихъ и задачи, которыя они начали преслѣдовать, не могутъ назваться правильными. Такъ прежде всего, инструкція совѣту рабочихъ означеннаго об-ва была утверждена г. московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, при чемъ этой самой инструкціей опредѣлялись функціи совѣта, ограниченныя исключительно организаціей собесѣдованій. Вскорѣ, однако, означенный совѣтъ принялъ на себя посредническую роль между фабричными рабочими промышленныхъ заведеній г. Москвы и органами промышленной власти, имѣющую предметомъ взаимныя отношенія между предпринимателями и рабочими. Сначала сей совѣтъ обращался къ чинамъ фабричной инспекціи, но засимъ, видя, что послѣдніе не признаютъ его компетентности въ принятой на себя самовольно посреднической роли, онъ сталъ обращаться къ оберъ-полицеймейстеру, который не только принимаетъ получаемыя заявленія, но даетъ имъ законный ходъ, чѣмъ санкціонируетъ присвоеніе себѣ совѣтомъ права. Едва-ли столь важный и имѣющій общегосударственное значеніе вопросъ, какъ установленіе доселѣ несуществовавшаго новаго фактора промышленной жизни, т. е. организаціи рабочихъ можетъ быть рѣшаемъ мѣстными административными властями, а не законодательнымъ порядкомъ, ибо подобныя мѣстныя рѣшенія, какъ сообразованныя съ пользой общегосударственной и устанавливающія неодинаковость положенія рабочихъ разныхъ мѣстностей, обладаютъ случайнымъ

---

*) Мартовъ. «Новая побѣда русскихъ рабочихъ», послѣсловіе къ брош. «Самодержавіе и стачки». Женева. 1902 г., стр. VII и IX.

характеромъ и посему могутъ оказаться иногда даже вредными» *).

Въ результатѣ Витте предлагаетъ разрѣшить рабочимъ устраивать организаціи, цѣль которыхъ заключается: 1) «во взаимной матерьяльной поддержкѣ и содѣйствіи къ пріобрѣтенію знаній, 2) въ содѣйствіи чинамъ фабричной инспекціи при выясненіи недоразумѣній между фабрикантами и рабочими» **). Организаціи эти должны быть обязательны для всѣхъ рабочихъ.

«Свобода собраній рабочихъ съ цѣлью объясненія своихъ нуждъ, пишетъ Витте,—не должна быть стѣснена, при чемъ во избѣжаніе скопленія слишкомъ большого числа людей, неизбѣжнаго при общихъ собраніяхъ рабочихъ значительныхъ промышленныхъ заведеній, порядокъ такихъ собраній долженъ быть таковъ, чтобы общія собранія происходили лишь въ составѣ выборныхъ, уполномоченныхъ отъ своихъ избирателей. Означенная организація должна быть проведена законодательнымъ порядкомъ и регламентирована особымъ положеніемъ» ***).

Какъ извѣстно записка эта осталась только запиской. Такъ далеко правительство идти не рѣшилось. Впрочемъ, одно время оно, надо полагать, серьезно задумало пойти по пути, указанному Витте и продиктованному московскими фабрикантами. Въ 1902 г. одинъ вернувшійся изъ ссылки соціалдемократъ, по личному дѣлу вынужденъ былъ зайти въ департаментъ полиціи. Тогдашній директоръ этого департамента, г. Лопухинъ, который, будучи еще товарищемъ прокурора, принималъ самое непосредственное участіе въ изобличеніи этого соціалдемократа, встрѣтилъ его теперь радостнымъ извѣстіемъ, что отнынѣ «они» рѣшили вступить на путь законности; произволъ охранки отойдетъ-де въ область преданія, всѣ революціонеры будутъ судиться правильнымъ судомъ и рабочіе получатъ право стачекъ и союзовъ; такимъ образомъ, соціалдемократамъ не будетъ возможности продолжать свою дѣятельность. «Ваше движеніе должно будетъ исчезнуть и оно исчезнетъ», закончилъ г. Лопухинъ свои откровенія. «А какъ вы думаете,

*) Докладная записка Витте о пересмотрѣ статей закона, карающихъ забастовки, и о желательности установленія организаціи рабочихъ въ цѣляхъ самопомощи. Самодержавіе и стачки, стр. 34-35.

**) Тамъ-же, стр. 86.

***) Тамъ-же стр. 43.

совмѣстима-ли свобода стачекъ и «законность» вообще съ самодержавіемъ?»—спросилъ нашъ товарищъ, но отвѣта на это отъ директора департамента полиціи онъ не получилъ. Очевидно правительство должно было рѣшить этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Записка Витте попала подъ сукно, гдѣ благополучно обрѣтается и понынѣ. Дѣятельность Зубатова, поскольку она касалась первой части его программы—«введенія принципа законности» была пріостановлена. Но за то ему были предоставлены самыя широкія полномочія по выполненію второй части программы «изъятія соціалдемократовъ изъ благопріятной среды» всевозможными способами. Всѣ основанные имъ общества, «союзы и партіи стали служить отнынѣ уже исключительно этимъ благороднымъ цѣлямъ.

XVII.

«Соціалдемократія есть соединеніе рабочаго движенія съ соціализмомъ»,—пишетъ «Искра» въ своей первой вступительной статьѣ, ея задача—не пассивное служеніе рабочему движенію на каждой отдѣльной стадіи, *а представительство всего движенія въ цѣломъ*, указаніе этому движенію его конечной цѣли, его политическихъ задачъ, охрана его политической и идейной самостоятельности. *Оторванное отъ соціалдемократіи рабочее движеніе мельчаетъ* и необходимо впадаетъ въ буржуазность: ведя одну экономическую борьбу, рабочій классъ *теряетъ* свою политическую самостоятельность, измѣняетъ великому завѣту «освобожденіе рабочихъ, должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ» *).

Въ этомъ положеніи «Искра» рѣзко и опредѣленно ставитъ вопросъ объ отношеніи соціалдемократіи къ рабочему классу. И это несомнѣнно было «новое» слово въ русской соціалдемократической литературѣ. Такъ опредѣленно не ставился этотъ вопросъ ни творцами русскаго *марксизма*, вся литература которыхъ говорила лишь о созданіи будущей соціалдемократіи, ни ихъ противниками, «экономистами», которые стремились массовое движеніе, стихійно (благодаря политическимъ условіямъ Россіи) шедшее по пути къ принятію политической формы, принизить до своей анти-соціалдемократи-

*) Насущныя задачи нашего движенія. Искра № 1. Декабрь 900 г. стр. 1, № 1.

ческой, трэдъ-юніонистской точки зрѣнія. Совершенно обходили этотъ вопросъ и эклектики «Рабочаго Дѣла», которые, подобно оппортунистамъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ, всегда избѣгали и не могли не избѣгать прямой, рѣшительной постановки вопроса. А между тѣмъ отъ правильнаго рѣшенія вопроса объ отношеніи соціалдемократіи къ рабочему классу зависѣли и организація, и тактика, и программа соціалдемократіи.

Соціалдемократія представляетъ интересы всего движенія, всего рабочаго класса въ цѣломъ, это значитъ, что ея тактика и ея программа будутъ опредѣляться не нуждами и потребностями, «сознанными» данной группой рабочихъ, а нуждами и потребностями всего рабочаго класса, хотя бы и не «сознаваемыми» большинствомъ рабочихъ, хотя бы масса рабочихъ относилось не только индиферетно и пассивно къ предлагаемому соціалдемократіей способу рѣшенія этихъ нуждъ и потребностей, но даже враждебно. «Рабочія организаціи на материкѣ Европы, — пишетъ «Искра»,—значительно слабѣе ремесленныхъ союзовъ въ Англіи. Но зато дѣятельность ихъ одухотворена и проникнута идеей классовой солидарности пролетаріата, независимо отъ профессіональныхъ, племенныхъ и даже государственно-національныхъ различій и перегородокъ; свои частные, мѣстные и профессіоналные интересы и минутныя выгоды онѣ подчиняютъ общимъ, основнымъ международнымъ интересамъ освобожденія пролетаріата во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Въ этомъ—великая заслуга соціалдемократіи и въ успѣхахъ ея на пути объединенія рабочихъ массъ въ сознательно классовую международную армію пролетаріата лежитъ центръ тяжести достигаемыхъ или уже достигнутыхъ ею результатовъ» *).

Мѣстные, профессіональные и національные интересы далеко не всегда совпадаютъ съ интересами общеклассовыми. Но мѣстные профессіональные интересы гораздо легче сознаются каждымъ отдѣльнымъ рабочимъ, чѣмъ интересы классовые. Для пониманія классовыхъ интересовъ не достаточно личнаго опыта каждаго отдѣльнаго рабочаго, для этого долженъ быть использованъ весь опытъ всѣхъ рабочихъ, вся исторія всего рабочаго класса. Соціализмъ и есть та наука,

*) Искра № 2 февраля 901. «Итоги международ. соціалдемократіи

которая построена на этомъ коллективномъ опытѣ, на этой классовой исторіи. Соціализмъ уловилъ тенденцію дальнѣйшаго развитія рабочаго класса, его историческое призваніе. «Соціализмъ только тогда сдѣлался великой исторической силой, когда ему удалось, понявъ призваніе рабочаго класса, стать его наукой и вѣрой» *).

Но разъ это такъ, то стало быть рабочій классъ самъ идетъ по пути къ соціализму, къ той конечной цѣли, которую уловила и намѣтила соціалистическая наука?

Рабочій классъ въ цѣломъ—да, но не каждый отдѣльный рабочій, не каждая отдѣльная рабочая группа. «Идея классовой солидарности всего пролетаріата, писала В. Засуличъ, не такъ уже проста, чтобы самостоятельно зарождаться въ головѣ каждаго рабочаго... Соціализмъ уже и вовсе не выростаетъ въ головахъ рабочихъ самъ собою изъ экономіи. Соціалистическая теорія была подготовлена всѣмъ развитіемъ и жизни и знанія... и создана вооруженнымъ этимъ знаніемъ геніальнымъ умомъ. Также и начало распространенія идей соціализма среди рабочихъ положили почти на всемъ континетѣ Европы соціалисты, получившіе образованіе для высшихъ классовъ», **).

Безъ знанія соціалистической науки каждый отдѣльный рабочій, каждая группа рабочихъ невольно, стихійно толкается на борьбу лишь съ тѣмъ зломъ, который его или ихъ непосредственно касается, не больше. Эта частная борьба становится классовой лишь тогда, когда рабочій начинаетъ понимать, что она является лишь отдѣльнымъ эпизодомъ въ общей борьбѣ за достиженіе конечной цѣли. Этого пониманія не можетъ достигнуть каждый отдѣльный рабочій на основаніи *только* своего личнаго опыта.

«Кто разъяснилъ и разъясняетъ рабочимъ ихъ историческое призваніе, «какъ класса»? — говоритъ «Искра». — Никто иной, какъ соціалисты или, точнѣй, соціалдемократы. И если справедливо, что въ знаніи — сила, то очевидно, что сила рабочаго класса должна заключаться главнымъ образомъ въ знаніи своей исторической задачи и средствъ къ ея осуществленію. А если такъ, то мы имѣемъ полное основаніе сказать, что и самъ пролетаріатъ становится міровой исто-

---

*) Тамъ-же.
**) «Заря» № 4 стр. 79—80.

рической силой *лишь по мѣрѣ того*, какъ онъ въ своихъ освободительныхъ усиліяхъ *проникается* и *сознательно руководится* ученіями социалдемократіи, составляющими науку объ условіяхъ, путяхъ и средствахъ его полнаго и окончательнаго освобожденія. Стало быть ростъ общественной силы рабочаго класса и ростъ исторической силы социализма, т. е. социалдемократіи составляютъ два неразрывно связанныхъ другъ съ другомъ явленія или, вѣрнѣй, одно и тоже явленіе, разсматриваемое съ двухъ сторонъ. Успѣхи социалдемократіи должны измѣряться прежде всего распространеніемъ ея ученій и вліяніемъ въ рабочихъ массахъ. Но съ другой стороны, чѣмъ сильнѣй они вліяютъ на мысль и образъ дѣйствія этихъ массъ въ ихъ усиліяхъ улучшить свое положеніе, тѣмъ сознательнѣе онѣ выступаютъ противъ своихъ эксплуататоровъ, тѣмъ меньше ошибокъ онѣ дѣлаютъ, тѣмъ цѣлесообразнѣе выбираемые ими пути и средства для борьбы съ господствующими классами и тѣмъ, слѣдовательно, больше приближаются онѣ къ конечной цѣли рабочаго движенія: къ полному освобожденію рабочаго класса путемъ завоеванія имъ государственной власти. Ростъ всемірно-историческаго значенія и силы пролетаріата сливается такимъ образомъ съ успѣхами международнаго социалдемократическаго движенія. Успѣхи послѣдняго являются масштабомъ для измѣренія перваго» *).

Отсюда ясно, что само по себѣ рабочее движеніе не является еще социалдемократическимъ движеніемъ, оно должно стать таковымъ подъ вліяніемъ социалдемократической мысли, которой должны пропитать рабочихъ тѣ, кто понялъ его историческую миссію, кто сталъ на классовую точку зрѣнія, т. е. социалдемократы. Только при ихъ воздѣйствіи рабочее движеніе можетъ превратиться въ сознательно-революціонное социалистическое движеніе. Въ рабочее движеніе (возникающее стихійно) долженъ попасть революціонный, социалистическій «ферментъ» **), должна проникнуть «социалистическая бацилла». Социализмъ долженъ быть «привлеченъ извнѣ» ***). Роль социалдемократіи заключается въ томъ, чтобы служить этимъ «ферментомъ». Она должна «привнести» классовое сознаніе въ

*) «Итоги междунар. социалдемократіи» Искра № 2, стр. 5, столб. 3.
**) Плехановъ: о задачѣ социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ, стр, 64.
***) Ленинъ: «Что дѣлать?» «Наболѣвшіе вопросы нашего движенія». стр. 20.

безсознательную стихійную борьбу рабочихъ съ непосредственно ихъ касающимся зломъ; мѣстное, профессіональное, стачечное, бунтарское, погромное движеніе она должна превращать въ движеніе сознательное, идущее опредѣленнымъ, заранѣе намѣченнымъ путемъ къ конечной цѣли.

Этого не понимали «экономисты» и ихъ наслѣдница, редакція «Рабочаго Дѣла», это намѣренно старались скрыть и затушевать разные «независимцы». «Еврейскій рабочій классъ требуетъ въ настоящее время «хлѣба и знаній», а поэтому «преступно приносить въ жертву матеріальные интересы рабочаго класса такимъ политическимъ цѣлямъ, которыя въ настоящее время ему чужды» (изъ программы «Независимой Партіи»). Знакомая пѣсня о томъ, что агитаціонная и организаціонная работа должна вестись только вокругъ тѣхъ требованій, какія уже «сознаны» массой. Принимая это положеніе, можно, конечно, расходиться въ оцѣнкѣ того, какія именно требованія уже сознаны данной массой; но подобныя разногласія не поколеблютъ согласія въ принципѣ: не дѣйствительные интересы рабочаго класса, а тѣ интересы, которые онъ уже созналъ, должны опредѣлять собой дѣятельность партіи. И это вполнѣ логично; если рабочая масса сегодня понимаетъ свои интересы не такъ, какъ понимала ихъ вчера, то какъ же намъ судить о томъ, что такое ея «дѣйствительные интересы»? Мы, соціалдемократы судимъ объ этихъ интересахъ, руководствуясь своей «теоріей», т. е, продуманнымъ опытомъ движенія міроваго пролетаріата и научнымъ изслѣдованіемъ общественнаго развитія. Но для «экономистовъ» эта теорія—звукъ пустой. Отъ своихъ «ученыхъ» отъ Бернштейновъ, Струве, Прокоповичей, они узнали, что теорія научнаго соціализма (марксизма) не есть «настоящая» наука.

А стало быть такая ненаучная теорія не имѣетъ права *«навязывать»* массамъ свои выдумки. Только одни «сектанты» марксисты, для которыхъ «теорія» дороже жизненныхъ интересовъ живыхъ людей; только они могутъ во имя своей теоріи не смущаться тѣмъ, чего хотятъ рабочіе, и учить эти массы тому, какія задачи онѣ *должны* себѣ поставить, чтобы удовлетворить свои дѣйствительные классовые интересы» *). Этого,

---

*) «Политическій развратъ и экономич. тупоуміе». «Искра», № 9, стр. 2. ст. 41.

повторяю, не хотѣли понять «экономисты». Одинъ изъ ихъ апостоловъ—N. N. еще недавно толковалъ, что «намъ приходится дѣлать столь рѣшительное коренное различіе между интересами, которые «мы» (интеллигенты) приписываемъ рабочимъ, и интересами дѣйствительно имѣющимися у нихъ» *)

«Искра» на этотъ вопросъ отвѣтила ясно и опредѣленно. Да, дѣйствительно, если мы не желаемъ быть простымъ придаткомъ буржуазіи и не хотимъ идти въ хвостѣ стихійнаго движенія, мы *должны* «навязывать» рабочимъ тѣ интересы, которыхъ они еще не сознали, но которые они *должны* «сознать», чтобы имѣть возможность вести дальнѣйшую борьбу. Русскіе рабочіе еще не сознали своихъ «политическихъ» интересовъ, и соціалдемократія обязана «навязать» рабочимъ массамъ идею, «что ближайшей политической задачей русской рабочей партіи должно быть ниспроверженіе самодержавія, завоеваніе политической свободы» **).

Весь рабочій классъ въ цѣломъ еще не понимаетъ этой ближайшей задачи, жизнь еще не научила его въ достаточной степени, что безъ политической свободы для него немыслима никакая дѣйствительно плодотворная борьба за улучшеніе своего экономическаго положенія. Рабочій классъ въ массѣ еще надѣется при помощи однѣхъ кассъ взаимопомощи и мѣстныхъ стачекъ добиться для себя человѣческой жизни. И жизнь—во времена промышленнаго разцвѣта—отчасти подтверждаетъ это его заблужденіе. Задачи революціонной соціалдемократіи разрушить въ немъ обманчивыя иллюзіи, представить ему дѣйствительную перспективу движенія, *заставить* его понять, что внѣ революціи онъ не добьется удовлетворенія уже «сознанной» имъ потребности «въ хлѣбѣ и знаніяхъ». «Содѣйствовать политическому развитію и политической организаціи рабочаго класса,—пишетъ «Искра»,—наша главная и основная задача. Всякій, кто отодвигаетъ ее на задній планъ, кто не подчиняетъ ей всѣхъ частныхъ задачъ и отдѣльныхъ пріемовъ борьбы, тотъ становится на ложный путь и наноситъ серьезный вредъ движенію. Отодвигаютъ же ее, во-первыхъ, тѣ, кто зоветъ революціонеровъ на борьбу съ правительствомъ силами отдѣльныхъ заговорщическихъ кружковъ, оторванныхъ отъ рабочаго движенія, во-вторыхъ, кто суживаетъ содержаніе, размахъ

*) N. N. Отвѣтъ на брошюру Аксельрода, стр. 44.
**) Насущныя задачи нашего движенія. «Искра», № 1, стр. 1, ст. 1.

политической пропаганды, агитаціи и организаціи, кто считаетъ умѣстнымъ и возможнымъ угощать рабочихъ «политикой» только въ исключительные моменты ихъ жизни, только въ торжественныхъ случаяхъ, кто слишкомъ заботливо размѣниваетъ политическую борьбу противъ самодержавія на требованіе отдѣльныхъ уступокъ отъ самодержавія и недостаточно заботится о томъ, чтобы эти требованія отдѣльныхъ уступокъ возвести въ систематическую, безповоротную борьбу революціонной партіи съ самодержавіемъ» *).

Итакъ, интересы, «сознанные» рабочими массами, не совпадаютъ съ интересами, «сознанными» соціалдемократіей. Отсюда исходили всѣ нападки «экономистовъ» противъ революціонной соціалдемократіи, вся демагогія зубатовцевъ противъ «мелкихъ интеллигентовъ», желающихъ *навязать* рабочимъ чуждые рабочимъ, свои чисто интеллигентскія цѣли. Рабочимъ нѣтъ дѣла до политики, до сверженія самодержавія, а соціалдемократія навязываетъ имъ роль передового борца въ политической борьбѣ. Конечно, для тѣхъ, кто въ полицейскихъ цѣляхъ, стремится удержать рабочихъ отъ политической борьбы и для тѣхъ, кто, боясь «моря крови», т. е. пролетарской революціи, сознательно или безсознательно, въ интересахъ буржуазіи, хочетъ превратить рабочее движеніе въ простой хвостъ либерализма, выгодно обвинить въ этомъ революціонную соціалдемократію, чтобы вмѣсто революціонныхъ идей *навязать* стихійному рабочему движенію патріотическія «истинно русскія» идеи (зубатовщина) или буржуазныя идеи мирной реформистской дѣятельности (легальные критики и нелегальные экономисты).

«Наша роль, — говоритъ «Искра», — не можетъ ограничиться тѣмъ, чтобы «втянуть рабочую массу въ противоправительственное движеніе, начатое тѣми или другими угнетенными царизмомъ группами. Если бы мы ограничились только этой задачей, мы бы сдѣлали не болѣе того, что дѣлали при подобныхъ случаяхъ въ З. Европѣ буржуазно-демократическія партіи. Намъ предстоитъ сдѣлать нѣчто гораздо большее. Рабочія массы должны не только придать демонстраціямъ физическую силу численности и нравственную силу народности, онѣ должны *усилить революціонный характеръ* самого

*) Насущныя задачи нашего движенія. «Искра», № 1, стр. 1, ст. 2

движенія, должны положительно выразить въ немъ политическую программу и соціальные интересы своего класса» *).

Объективный ходъ вещей ведетъ и долженъ привести Россію къ революціи, и по своему положенію пролетаріатъ не можетъ не участвовать въ этой революціи. Весь вопросъ только въ томъ, какую роль будетъ онъ играть въ ней: роль ли слѣпого орудія въ рукахъ буржуазіи, или сознательнаго авангарда революціонныхъ силъ. А это уже цѣликомъ будетъ зависѣть отъ соціалдемократіи, которая, являясь выразительницей дѣйствительныхъ интересовъ рабочаго класса, обязана выяснить эти интересы всей рабочей массѣ.

Уже въ 901 г. объективный ходъ вещей—промышленный кризисъ и связанное съ нимъ усиленіе политической реакціи—выгналъ рабочую массу на улицу для выраженія протеста противъ существующаго политическаго строя. Но предшествующая дѣятельность «экономистовъ» не научила рабочихъ выставлять свои классовые лозунги, не указала имъ надлежащаго мѣста въ ходѣ революціи. И въ результатѣ получилось то, что рабочіе своимъ выступленіемъ, придавъ громадную мощь и революціонное значеніе студенческому движенію и дѣйствительно вставъ во главѣ этого движенія, не могли поднять надъ нимъ своего пролетарскаго знамени, не сумѣли выставить своихъ классовыхъ требованій. Фактически ведя движеніе, они вынуждены были бороться за чуждые имъ студенческіе, нереволюціонные лозунги.

«Многіе коллеги,—пишетъ по этому поводу Мартовъ,—были повидимому весьма восхищены тѣмъ фактомъ, что во время февральскихъ и мартовскихъ демонстрацій выкидывалось красное знамя. Они повидимому усмотрѣли въ этомъ оффиціальное признаніе гегемоніи русскаго пролетаріата. Красное полотно, на которомъ начертаны слова: «долой временныя правила» есть все что угодно, но не красное знамя пролетаріата. Если пролетаріатъ своимъ участіемъ въ демонстраціяхъ придалъ имъ характеръ внушительнаго народнаго протеста, то онъ—благодаря прежде всего нашей неорганизованности—не внесъ *въ положительное содержаніе* этого движенія чего либо болѣе широкаго по сравненію съ тѣмъ, что было ему

---

*) Юбилей казанской площади въ Спб. «Искра», № 12, 6 декаб 901, стр. 1, № 2·

придано интеллигенціей» *). Эти демонстраціи показали, «что воспитанный на чисто экономической борьбѣ пролетаріатъ пригоденъ какъ разъ къ роли хвоста (политическаго общества) и только хвоста» **).

Противники политическихъ выступленій пролетаріата не удержатъ его отъ нихъ, но они мѣшаютъ сознательности этихъ выступленій, обрекаютъ пролетаріатъ либо на стадные погромы (зубатовская, полицейская, истинно русская тактика), либо къ роли хвоста буржуазнаго движенія, къ роли той недовольной аморфной среды, которая въ рукахъ буржуазіи будетъ служить пугаломъ для самодержавія, когда ей понадобятся какія-нибудь уступки, — по формулѣ: «дайте *намъ*, а то *они* будутъ стрѣлять.

«Въ исторіи Западной Европы такъ называемое чисто-рабочее движеніе, съ его антагонизмомъ къ «политикамъ» и идеологамъ, сплошь и рядомъ на практикѣ являлось наилучшей опорой той буржуазной демократіи, которая стремилась политически поработить пролетаріатъ, чтобы экономически его эксплуатировать» ***).

Соціализмъ привносится въ рабочее движеніе извнѣ, но самъ онъ возникъ, выросъ и сталъ наукой, благодаря уже существующему движенію и движенію всемірному (а не мѣстному). Пролетарская классовая идеологія, повторяю, создается не опытомъ отдѣльныхъ рабочихъ, а опытомъ всей исторіи рабочаго класса. «Это не значитъ конечно,—говоритъ Ленинъ, —что рабочіе не участвуютъ въ выработкѣ этой идеологіи. Но они участвуютъ не въ качествѣ рабочихъ, а въ качествѣ теоретиковъ соціализма, въ качествѣ Прудоновъ и Вейтлинговъ, участвуютъ, другими словами, лишь постольку, поскольку имъ въ большей или меньшей степени удается овладѣвать знаніемъ своего вѣка и двигать впередъ это знаніе. А чтобы рабочимъ *чаще удавалось это*, для этого необходимо какъ можно больше заботиться о повышеніи уровня сознательности рабочихъ вообще, для этого необходимо, чтобы рабочіе не замыкались въ искусственно суженныя рамки *«литературы для рабочихъ»*, а учились бы овладѣвать все больше и больше *общей литературой*. Вѣрнѣе даже было-

*) Всегда въ меньшинствѣ. Заря № 2—3. Декабрь 901 г., стр. 194 примѣчаніе.

**) Тамъ-же.

***) Тамъ-же.

бы сказать вмѣсто «замыкались»—«были замыкаемы», потому что рабочіе то сами читаютъ и хотятъ читать все, что пишутъ и для интеллигенціи, и только нѣкоторые плохіе интеллигенты думаютъ, что «для рабочихъ «достаточно разсказывать о фабричныхъ порядкахъ и пережевывать давно извѣстное» *).

Отказываться отъ роли «навязывателя» рабочимъ соціалистической идеологіи и предоставлять созданіе этой идеологіи стихійному процессу развитія, т. е. рекомендовать ожидать пока рабочіе сами сознаютъ свои интересы, это значитъ отдавать пролетаріатъ въ руки буржуазныхъ идеологовъ. Почти каждая легальная газета и каждая легальная книга, попадающія въ руки рабочихъ, воспитываютъ его въ антиклассовомъ, антиреволюціонномъ духѣ. Переставъ быть слѣпой и глухой скотиной ничего кромѣ своего ярма не знающей, рабочій всѣми силами стремится къ знанію, къ пониманію всего окружающаго; но только при помощи соціалдемократической литературы найдетъ онъ способы понять это окружающее не съ буржуазной, а съ своей классовой, пролетарской точки зрѣнія. Жизнь сама учитъ массового рабочаго противоположности его интересовъ интересамъ предпринимателей, но только соціалдемократическая литература въ состояніи объяснить эту противоположность интересовъ и придать ей классовой характеръ. «Фраза, что никакія усилія самыхъ вдохновленныхъ идеологовъ не могутъ совлечь рабочаго движенія съ пути, опредѣляемаго взаимодѣйствіемъ матеріальныхъ элементовъ и матеріальной среды,—говоритъ Ленинъ,—*совершенно равносильна поэтому отказу отъ соціализма*, и если-бы эти авторы (письма въ редакцію въ 12 № Искры) способны были продумать то, что они говорятъ, до конца, безстрашно и послѣдовательно... то имъ ничего не осталось бы, какъ «сложить на пустой груди ненужныя руки» и предоставить поле дѣятельности гг. Струве и Прокоповичамъ, которые тянутъ движеніе «по линіи» наименьшаго сопротивленія, т. е. по линіи буржуазнаго трэдъ-юніонизма, или гг. Зубатовымъ, которые тянутъ его по линіи поповско-жандармской «идеологіи» **).

«Прогрессистская партія, въ борьбѣ съ феодалами и абсолютизмомъ,—писалъ Мартовъ,—отряжаетъ Шульце-Делича въ ра-

*) Ленинъ. «Что дѣлать», стр. 27—28 примѣчаніе.
**) Тамъ-же, стр. 28 примѣчаніе.

бочую среду для того, чтобы развить въ ней «чисто экономическое» движенiе «самопомощи и взаимопомощи», какъ выразился бы авторъ «письма въ редакцiю», помѣщеннаго въ № 10 «Рабочей Мысли». Шульце-Деличъ учитъ, что соцiальное освобожденiе рабочихъ должно быть достигнуто внѣ классовой пролетарской борьбы, и въ то-же время прогрессистская партiя стремится пользоваться рабочими массами для поддержки своего собственнаго политическаго движенiя. Нигдѣ рѣзче не проявляется анти-интеллигентское теченiе, какъ въ тѣхъ старыхъ англiйскихъ трэдъ-юнiонахъ, которые суживая свою дѣятельность, какъ рабочихъ организацiй, экономической борьбой, въ области политики слѣпо идутъ за буржуазными партiями. Во Францiи въ 80-хъ годахъ революцiонному соцiализму «политиковъ»—интеллигентовъ были противопоставлены сначала «кооператизмъ» Жоффрена, потомъ «практическiй» поссибилизмъ съ ихъ «чисто рабочимъ» характеромъ и борьбой противъ идеаловъ, при чемъ то и другое движенiе плелось въ хвостѣ буржуазнаго радикализма» *).

«Чисто рабочее» движенiе всегда и всюду было формой, подъ прикрытiемъ которой дѣйствовали «чисто буржуазные» идеологи. Задачи революцiонной соцiалдемократiи—защитить рабочiй классъ отъ буржуазной идеологiи, лишающей его самостоятельной политической роли. Сдѣлать это соцiалдемократiя можетъ только развивая классовое самосознанiе рабочей массы, выясняя ей все и вся съ классовой соцiалистической точки зрѣнiя и изобличая всѣхъ и всякого, кто, подъ видомъ «друга» рабочихъ, старается оскопить рабочее движенiе. Именно для этого революцiонная соцiалдемократiя должна всегда и всюду подчеркивать, что она является не только «выразительницей» и «толковательницей» стихiйнаго, безсознательнаго движенiя, она должна открыто заявить, что хочетъ быть *сознательной руководительницей безсознательнаго процесса*, орудiемъ превращенiя этого безсознательнаго процесса въ сознательный.

«Шансы успѣха пролетарiата въ его борьбѣ съ защитниками существующаго порядка вещей, — писала «Искра» въ 903 г., — растутъ въ той самой мѣрѣ, въ какой его движенiе утрачиваетъ стихiйный характеръ и становится сознательнымъ, и въ этой же мѣрѣ возрастаетъ на него влiя-

*) Мартовъ, «Всегда въ меньшинствѣ». Заря 2—3, стр. 196.

ніе *соціальной демократіи*, планомѣрныя дѣйствія которой служатъ *сознательнымъ* выраженіемъ безсознательнаго историческаго процесса. Противопоставленіе стихійности сознательному дѣйствію революціонной партіи можетъ имѣть смыслъ только въ томъ случаѣ, когда сама эта партія, не умѣя встать на классовую точку зрѣнія, противопоставляетъ *субъективное* пониманіе *объективному* ходу вещей. Въ этомъ случаѣ *ходъ идеи* противорѣчитъ ходу вещей, и потому оказывается лишеннымъ всякой творческой силы. *Мысль* опережается *жизнью* и мало по малу утрачиваетъ на нее всякое вліяніе. Такихъ случаевъ можно не мало насчитать въ исторіи того добраго стараго времени, когда соціализмъ, стоящій на почвѣ утопіи, распространяется почти исключительно въ средѣ такъ называемой интеллигенціи. Стихійное движеніе рабочаго класса имѣло тогда за собой гораздо больше шансовъ практическаго успѣха, чѣмъ сознательныя усилія заговорщиковъ революціонеровъ или соціалистовъ-террористовъ. Но это доброе старое время само лишь было *введеніемъ* въ исторію современнаго революціоннаго движенія пролетаріата. Дальнѣйшее развитіе этого движенія вело къ тому, что стихійность все болѣе и болѣе отступала въ немъ передъ сознательностью, которая черпала свою творческую силу именно въ правильномъ пониманіи объективнаго хода вещей. Противорѣчіе между *мыслью* и *жизнью* оказалось тогда разрѣшеннымъ, соціализмъ переставалъ быть утопичнымъ и становился научнымъ.

«Фридрихъ Энгельсъ, самъ жившій въ сороковыхъ годахъ въ Парижѣ и хорошо знакомый съ тѣмъ, что тамъ происходило, говоритъ, что уже скоро послѣ іюльской революціи пролетаріатъ, получившій свое конспиративное воспитаніе въ тайныхъ обществахъ временъ реставраціи, становится преобладающимъ элементомъ въ революціонныхъ организаціяхъ заговорщиковъ. Тайное общество «Временъ года», съ помощью котораго Бланки и Барбэсъ вызвали возстаніе 1839 года, было уже исключительно пролетарскимъ. И такимъ же пролетарскимъ было общество «Новыхъ временъ года», которое было основано послѣ неудачи названнаго возстанія и которымъ руководилъ Альберъ. Но, несмотря на то, что эти общества состояли почти исключительно изъ пролетаріевъ, ихъ пріемы и ихъ тактика имѣли въ себѣ очень мало пролетар-

скаго, будучи цѣликомъ заимствованы изъ эпохи заговоровъ буржуазной интеллигенціи» *).

Одно участіе рабочихъ въ движеніи, одно постоянное упоминаніе всуе фразы «освобожденіе рабочихъ есть дѣло самихъ рабочихъ» не дѣлаетъ еще рабочее движеніе движеніемъ классовымъ пролетарскимъ. Въ данную минуту большинство рабочихъ можетъ не понимать своихъ классовыхъ интересовъ, можетъ даже выступать противъ нихъ, что и дѣлали наши рабочіе, примкнувшіе къ разнымъ зубатовскимъ «независимымъ» партіямъ и союзамъ. Соціалдемократія, ставъ на точку зрѣнія классовыхъ интересовъ рабочаго класса и стремясь ихъ выразить въ своей программѣ, можетъ не бояться расхожденія въ данный моментъ этой программы съ мнѣніемъ рабочаго класса, ибо она знаетъ, что само развитіе классовой борьбы неминуемо измѣнитъ это мнѣніе въ сторону ея программы. При такомъ условіи «непримиримая» партія, выступающая съ программой, выражающей дѣйствительные интересы класса, можетъ оказать громадное революціонизирующее вліяніе на массу, ускоряя развитіе ея «мнѣній» въ направленіи соотвѣтствующемъ ея классовымъ интересамъ. При такомъ условіи «непримиримость» революціонной партіи становится дѣйствительно ея силой. «Практичности тѣхъ, кто въ каждый данный моментъ отражаетъ колебанія «общественнаго мнѣнія» и вмѣстѣ съ послѣднимъ терпитъ и неизбѣжныя затѣмъ разочарованія, революціонная партія противупоставляетъ «высшую практичность революціоннаго пути». Практичность вытекаетъ изъ пониманія *хода развитія* тѣхъ движущихъ силъ, которыя создаютъ и измѣняютъ «мнѣнія» **).

Когда наши экономисты провозгласили, что «экономическая основа движенія затемняется стремленіемъ постоянно не забывать политическій идеалъ», что девизъ рабочаго движенія—«борьба за экономическое положеніе» (!), или еще лучше «рабочіе для рабочихъ»; когда объявлялось, что стачечныя кассы «дороже для движенія, чѣмъ сотня другихъ организацій» и т. д.,—фразы вродѣ той, что во главу угла надо ставить не «сливки» рабочихъ, а средняго, массового рабочаго, что политика всегда «послушно слѣдуетъ за экономикой» и т. д. и т. д. сдѣлались модой и пріобрѣли неотразимое влія-

---

*) «Мартовскіе иды», «Искра» № 35 15 марта 1903. ст. 1, ст. 1 и 2

**) «Непримиримый». Искра, № 7, августъ 1901, стр. 6, стр. 2.

ніе на массу привлекаемой къ движенію молодежи, знакомой въ большинствѣ случаевъ только съ обрывками марксизма въ легальномъ его изложеніи. Это было полное подавленіе сознательности стихійностью тѣхъ «соціалдемократовъ», которые повторяли идеи г-на В. В., стихійностью тѣхъ рабочихъ, которые поддавались тому доводу, что «копѣйка на рубль ближе и дороже, чѣмъ всякій соціализмъ и высшая политика, что они должны вести «борьбу», зная, что они борятся не для какихъ то будущихъ поколѣній, а для себя и своихъ дѣтей» *). Этому ходу «идей» Искра объявила рѣшительную и неумолимую войну; устами Мартова она призываетъ членовъ нашей партіи «понять основной смыслъ ведущейся отовсюду войны противъ революціонной марксистской «ортодоксіи» и во имя реальныхъ классовыхъ интересовъ пролетаріата стать рѣшительно на сторону послѣдней. Внѣ знамени революціонной соціалдемократіи нѣтъ плодотворной работы для дѣла пролетаріата» **).

«Русская интеллигенція въ наши дни, — писалъ Мартовъ въ другомъ мѣстѣ, — не перестаетъ скорбѣть объ отсутствіи въ современной дѣятельности великихъ героическихъ задачъ, способныхъ охватить всего человѣка. Намъ представляется, что такая героическая задача стоитъ передъ современной соціалистической интеллигенціей. Эта задача сводится къ тому, чтобы въ условіяхъ въ высшей степени неблагопріятныхъ для созданія дѣйствительно соціалистической рабочей партіи неуклонно бороться за выработку элементовъ такой партіи. Рядъ историческихъ условій противъ насъ въ этомъ дѣлѣ: и неразвитость классовыхъ противорѣчій, оттирающая въ сознаніи общества борьбу труда съ капиталомъ на второй планъ, и обусловленная этимъ факторомъ соціальная неразвитость пролетаріата, создающая развитію соціалистической мысли преграду въ видѣ «чисто рабочаго» движенія; и тяготѣніе надъ нами мрачнаго чудовища — абсолютизма, препятствующаго развитію и обнаруженію классовыхъ противорѣчій, обостряющихъ и потрясающихъ соціалистическое сознаніе; и обусловленная его существованіемъ возможность для идеалистическаго радикализма втираться въ ряды рабочей партіи и увлекать за собой народныя массы соціалистической фразео-

*) Ленинъ: «Что дѣлать». стр. 25.
**) Мартовъ. «Всегда въ меньшинствѣ», стр. 200.

логіей, за которой скрывается достаточная доза буржуазнаго содержанія...

«Въ настоящій моментъ революціонная соціалдемократія должна быть готова встрѣтить сопротивленіе со всѣхъ сторонъ: снизу — со стороны адептовъ «чисто рабочаго движенія», сверху—со стороны буржуазной критики, съ фланговъ—со стороны подпавшихъ вліянію того или другого представителя «примирительныхъ» эклектическихъ теченій. И всѣ нападающіе сойдутся въ признаніи ее «сектантской». Но «безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсни». Великая задача—уже въ данный моментъ отстаивать классовую основу движенія, какъ отъ враговъ его, такъ и отъ «друзей», стоитъ того, чтобы начать борьбу при неодобреніи громаднаго большинства. Одушевленная сознаніемъ исторической важности борьбы за политическую гегемонію пролетаріата, какъ лучшаго оплота его будущей независимости въ борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ міромъ, соціалистическая интеллигенція въ своемъ научномъ міровоззрѣніи найдетъ опору, которая дастъ ей возможность сознательно разорвать всѣ оковы, налагаемыя идеологіей буржуазнаго общества. И тогда она не убоится зачисленія ея «всѣмъ міромъ» въ ряды сектантовъ» *).

Подведемъ итогъ сказанному здѣсь сотрудниками Искры. Все сводится къ выясненію слѣдующихъ положеній. Понятіе «рабочее движеніе» не совпадаетъ съ понятіемъ «соціалдемократическое» движеніе. Только сознательно ставшее на классовую точку зрѣнія рабочее движеніе становится движеніемъ соціалдемократическимъ. Отсюда вытекаетъ второе положеніе: участіе рабочихъ въ той или иной организаціи не дѣлаетъ еще эту организацію соціалдемократической. Она становится таковой лишь тогда, когда въ ней участвуютъ люди (безразлично рабочіе или не рабочіе), вполнѣ постигшіе истины научнаго соціализма, въ строгомъ соотвѣтствіи съ которымъ находится каждый дѣлаемый ими въ практической работѣ шагъ. Отсюда ясно, что соціалдемократическая партія не можетъ вмѣстить въ себя *всѣхъ* рабочихъ; въ ея ряды могутъ входить лишь соціалисты рабочіе, рабочіе, которые умѣютъ подчинять мѣстный, групповой и профессіональный интересы—интересу классовому, общепролетарскому. Но не стремясь вмѣстить въ себя всѣхъ рабочихъ, соціалдемократическая партія тѣмъ не менѣе

*) Мартовъ: «Всегда въ меньшинствѣ», стр. 202—203.

является партіей «рабочей», потому что она сознательно отстаиваетъ и защищаетъ интересы всего рабочаго класса, руководитъ всякимъ проявленіемъ рабочаго движенія и воспитываетъ всю массу рабочихъ въ классовомъ и соціалистическомъ духѣ. Научный соціализмъ—это воплощеніе опыта и исторической тенденціи развитія рабочаго класса—служитъ вѣрнѣйшей гарантіей того, что, придерживаясь его, соціалдемократическая партія лучше понимаетъ дѣйствительныя нужды и потребности рабочаго класса, чѣмъ каждый отдѣльный рабочій, чѣмъ каждая отдѣльная группа рабочихъ или чѣмъ тѣ, которые формулируютъ и выражаютъ лишь «стихійное движеніе» отдѣльныхъ группъ рабочихъ.

«Соціалдемократія есть соединеніе рабочаго движенія съ соціализмомъ... Оторванное отъ соціалдемократіи рабочее движеніе мельчаетъ... теряетъ свою политическую самостоятельность, измѣняетъ великому завѣту: «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ»*).

XVIII.

«Организуйтесь!» повторяетъ рабочимъ на всѣ лады газета «Раб. Мысль», повторяютъ всѣ сторонники «экономическаго направленія». И мы, конечно, присоединимся къ этому кличу, но мы непремѣнно добавимъ къ нему, организуйтесь не только въ общества взаимопомощи, стачечныя кассы и рабочіе кружки, организуйтесь также и въ политическую партію, организуйтесь для рѣшительной борьбы противъ самодержавнаго правительства и противъ всего капиталистическаго общества»**).

Говоря объ организаціонныхъ взглядахъ въ Россіи ко времени 1-аго съѣзда, мы указывали, что въ то время существовали три теченія: первое стремилось къ организаціи заговорщицкаго штаба, готовящагося къ завоеванію себѣ арміи, (точка зрѣнія гр. Осв. Труда), второе, желая во что бы то ни стало создать организацію арміи, готово было пожертвовать для этой цѣли соціалдемократичностью этой арміи (точка зрѣнія «экономистовъ»), и, наконецъ, третье теченіе ставило

*) Насущныя задачи нашего движенія. Искра, №, стр. 1, ст. 1.
**) Тамъ-же, стр. 1, столб. 2.

своей задачей, сохраняя въ неприкосновенности конспиративной штабъ организаціи, цѣлымъ рядомъ нитей непосредственно связать его со всей массой (точка зрѣнія первыхъ русскихъ соціалдемократовъ). Уже съ перваго номера Искра опредѣленно становится на эту третью точку зрѣнія. Она вступаетъ въ рѣшительную борьбу съ узостью экономистовъ, которые въ погонѣ за «демократичностью» своихъ организацій, за наивозможно болѣе широкимъ участіемъ въ нихъ массовыхъ рабочихъ, совершенно затушевывали революціонный характеръ этихъ организацій, свели ихъ къ «кассамъ взаимопомощи» и къ «стачечнымъ кассамъ» чисто трэдъ—юніонистскаго типа въ то время, какъ соціалдемократическіе комитеты превращались только въ «слугу» этого «чисто рабочаго движенія», въ исполнителей техническихъ порученій «чисто рабочихъ организацій».

При господствѣ экономистовъ соціалдемократическая организація, какъ организація политическая и революціонная,— перестаетъ существовать. Надежды на возможность въ рамкахъ существующаго политическаго строя «легализировать» эти рабочіе организаціи, нелѣпая идея, будто стоитъ эти организаціи сдѣлать обычными и онѣ уже тѣмъ самымъ станутъ законными, политическій развратъ, который, опираясь на эти надежды, внесли зубатовцы въ «чисто рабочее дѣло»,—все это свело на нѣтъ всякую конспирацію, наводнило всѣ организаціи массой провокаторовъ. Частые провалы, которымъ, несмотря на всю свою антиреволюціонность, подвергались экономисты, заставили ихъ въ концѣ концовъ «неконспиративность» возвести въ принципъ, противопоставляя ее строгой конспиративности «заговорщиковъ», «бланкистовъ»—революціонныхъ соціалдемократовъ. «Движеніе переросло рамки конспираціи», «конспирируй или нѣтъ, все больше трехъ мѣсяцевъ не проработаешь». «Конспирація хороша для интеллигентовъ, которые варятся въ своемъ соку, для широкаго рабочаго движенія конспирація вредна». Такія фразы слышатся все чаще и чаще. Само собой разумѣется, что ярыми гонителями конспираціи и «заговорщицкихъ» тенденцій интеллигенціи являлись разные Румы, Михайловы, Аѳонасьевы, Слѣповы и другіе сторонники Зубатова. То ли дѣло широкій демократизмъ: рабочіе сами выбираютъ своихъ вожаковъ, негоднаго смѣщаютъ, вся организація построена «снизу», а не сверху, и она поэтому служитъ рабочимъ, а не помыкаетъ ими, не навязываетъ имъ чуждыхъ,

интеллигентскихъ затѣй, не подавляетъ мнѣній рабочихъ своими интеллигентскими мнѣніями.

«Петербургскіе товарищи,—пишетъ Искра,—всю прошлую зиму убили на созданіе широкой и демократической (по уставу) рабочей организаціи, которая должна была руководить одновременно и стачечной борьбой, и дѣломъ взаимопомощи, и политическимъ движеніемъ». Занятые развитіемъ этой организаціи петербургскіе товарищи такъ углубились въ свое дѣло, завѣщанное имъ экономистами «Раб. Мысли», что не смогли ни подготовить петербургскихъ рабочихъ къ поддержкѣ студенческаго движенія, ни использовать въ цѣляхъ агитаціи возбужденное настроеніе, вызванное въ рабочихъ массахъ безработицей. Во главѣ рабочей организаціи стоялъ нѣкій рабочій, чрезвычайно горячо защищавшій экономическую программу, боровшійся противъ всякихъ попытокъ вовлеченія рабочихъ въ студенческое движеніе и—говоримъ это съ гордостью—весьма враждебно относившійся къ нашей газетѣ. Рабочій этотъ оказался провокаторомъ» *).

Построенная на демократическомъ принципѣ организація не могла представлять никакихъ гарантій противъ вторженія провокаторовъ. А ихъ появленіе въ организаціи грозило не только проваломъ организаціи, но, что пожалуй еще хуже, грозило массу безсознательныхъ рабочихъ повести на помочахъ Зубатова «къ истино русскому знамени». «Только принципіально твердая партія, ведущая неустанную пропаганду революціоннаго соціализма—шутя справится съ новой политикой одурачиванія рабочихъ. Все это, конечно, кой кому покажется новымъ доказательствомъ нашей «сектантской узости». Столь ненавистное нашимъ врагамъ и нашимъ недальновиднымъ товарищамъ «сектантство» есть сектантство людей, глубоко убѣжденныхъ въ томъ, что ихъ «теорія» выражаетъ истинные интересы въ борьбѣ со всѣмъ міромъ, со всѣми и всякими «независимыми» партіями, въ томъ числѣ со всѣми врагами пролетаріата, какъ и съ его недальновидными друзьями»**). Надо создать партію и притомъ принципіально твердую партію. Но мо-

---

*) Политическій развратъ и эконом. тупоуміе. Искра, № 9., стр. 2, ст. 3.

*) Тамъ-же, та-же стр.

жеть ли такая партія создаться «снизу», демократическимъ путемъ?

Конечно, нѣтъ. Опытъ всѣхъ демократически построенныхъ комитетовъ того времени показалъ, что они, принижая сознаніе рабочей массы, не могли стать дѣйствительно соціалдемократическими комитетами, не могли вести пролетаріатъ къ выполненію его исторической революціонной миссіи. Уже въ объявленіи объ изданіи Искры редакція ея писала, что при теперешнемъ разбродѣ, шатаніи и безпринципности пытаться сплотить партію простымъ декретированіемъ постановленій съѣзда, было бы безполезнымъ и нецѣлесообразнымъ предпріятіемъ. Необходимо предварительно выработать объединеніе и притомъ въ одно и то же время объединеніе какъ идейное, такъ и практическое.

«Прежде чѣмъ объединиться и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала рѣшительно и опредѣленно размежеваться». Другими словами, мы должны точно и ясно намѣтить программу и тактическія задачи нашей партіи. При обсужденіи ихъ организаціямъ партіи слѣдуетъ опредѣлить, съ кѣмъ онѣ могутъ объединиться для совмѣстнаго дѣйствія и съ кѣмъ такое объединеніе немыслимо.

«Съ чего начать»?—спрашиваетъ Искра и тутъ же отвѣчаетъ: «по нашему мнѣнію исходнымъ пунктомъ дѣятельности, первымъ практическимъ шагомъ къ созданію желаемой организаціи, наконецъ, основной нитью, держась которой, мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацію, должна быть постановка общерусской политической газеты; намъ нужна прежде всего политическая газета, безъ нея невозможно то систематическое веденіе принципіально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитаціи, которыя составляютъ постоянную и главную задачу соціалдемократіи вообще и особенно насущную задачу нашего времени, когда интересъ къ политикѣ, къ вопросамъ соціализма пробужденъ въ наиболѣе широкихъ слояхъ населенія». Эта газета должна быть именно не мѣстной, а *общерусской*. «Если мы не сумѣемъ и пока не сумѣемъ объединить наше воздѣйствіе на народъ и на правительство посредствомъ печатнаго слова—будетъ утопіей мысль объ объединеніи другихъ болѣе сложныхъ, трудныхъ, но за то и болѣе рѣшительныхъ способовъ воздѣйствія. Наше движеніе и въ идейномъ, и въ практическомъ организоціонномъ отношеніи всего болѣе страдаетъ отъ своей

раздробленности, отъ того, что громадное большинство соціалдемократовъ всецѣло поглощено чисто мѣстной работой, суживающей ихъ кругозоръ и размахъ ихъ дѣятельности и ихъ конспиративную сноровку и подготовленность. Именно въ этой раздробленности слѣдуетъ искать наиболѣе глубокихъ корней той неустойчивости и того шатанія, о которыхъ мы говорили выше. И *первымъ* шагомъ впередъ по пути избавленія отъ этого недостатка, по пути превращенія нѣсколькихъ мѣстныхъ движеній въ единое общерусское движеніе должна быть постановка общерусской газеты. Наконецъ, намъ нужна *политическая* газета».

Безъ политической газеты немыслимо политическое движеніе; «революціонный пролетаріатъ,—продолжаетъ Искра,—доказалъ уже свою готовность не только слушать и поддерживать призывъ къ политической борьбѣ, но и умѣло бросаться въ борьбу. Мы въ состояніи теперь и мы обязаны создать трибуну для всенароднаго обличенія правительства—таковой трибуной должна быть соціалдемократическая газета. Русскій рабочій классъ въ отличіе отъ другихъ классовъ и слоевъ русскаго общества проявляетъ интересъ къ политическому знанію, предъявляетъ постоянно (а не только въ періоды особаго возбужденія) громадный спросъ на нелегальную литературу. При такомъ массовомъ спросѣ, при начавшейся уже выработкѣ опытныхъ революціонныхъ руководителей, при той сконцентрированности рабочаго класса, которая дѣлаетъ его фактическимъ господиномъ въ рабочихъ кварталахъ большого города, въ заводскомъ поселкѣ, въ фабричномъ мѣстечкѣ,—постановка политической газеты есть дѣло вполнѣ посильное для пролетаріата. А черезъ посредство пролетаріата газета проникаетъ въ среду городского мѣщанства, сельскихъ кустарей и крестьянъ и станетъ настоящей народной газетой» *).

Но роль газеты не ограничивается однимъ распространеніемъ идей, однимъ политическимъ воспитаніемъ и привлеченіемъ политическихъ союзниковъ. «Газета не только коллективный пропагандистъ и коллективный агитаторъ, но также и коллективный организаторъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ее можно сравнить съ лѣсами, которые строются вокругъ возводимаго зданія, намѣчаютъ контуры постройки, облегчаютъ

*) „Съ чего начать?". Искра, № 4, стр. 1, ст. 2.

сношенія между отдаленными строителями, помогають имъ распредѣлять работу и обозрѣвать общіе результаты, достигнутые организованнымъ трудомъ. При помощи газеты и въ связи съ ней сама собой будетъ складываться и постоянная организація, занятая не только мѣстной, но и регулярной общей работой, пріучащей своихъ членовъ внимательно слѣдить за политическими событіями, оцѣнивать ихъ значеніе и ихъ вліяніе на разные слои населенія, вырабатывать цѣлесообразные способы воздѣйствія на эти событія со стороны революціонной партіи. Одна уже техническая задача—обезпечить правильное снабженіе газеты матеріалами и правильное распространеніе ея—заставляетъ создать сѣть мѣстныхъ агентовъ единой партіи, агентовъ, находящихся въ живыхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, знающихъ общее положеніе дѣлъ, привыкающихъ регулярно исполнять дробныя функціи общерусской работы, пробующихъ свои силы на организаціи тѣхъ или иныхъ революціонныхъ дѣйствій. Эта сѣть агентовъ будетъ остовомъ именно той организаціи, которая намъ нужна, достаточно крупной, чтобы охватить всю страну, достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное раздѣленіе труда, достаточно выдержанной, чтобы умѣть при всякихъ поворотахъ и неожиданностяхъ вести неуклонно *свою* работу; достаточно гибкой, чтобы умѣть съ одной стороны уклониться отъ сраженія въ открытомъ полѣ съ подавляющимъ своею силою непріятелемъ, когда онъ собралъ на одномъ пунктѣ всѣ свои силы, а съ другой стороны, чтобы умѣть пользоваться неповоротливостью этого непріятеля и нападать на него тамъ и тогда, гдѣ всего менѣе ожидаютъ нападенія». Боевую готовность можно выработать лишь при помощи постоянной дѣятельности регулярнаго войска. «Если мы соединимъ свои силы на веденіи общей газеты, то такая работа подготовитъ и выдвинетъ не только наиболѣе умѣлыхъ пропагандистовъ, но и наиболѣе искусныхъ организаторовъ, наиболѣе талантливыхъ политическихъ вождей партіи, способныхъ въ нужную минуту дать лозунгъ къ рѣшительному бою и руководить имъ*)... Понятно само собой, что такіе агенты могли бы работать успѣшно при условіи полной близости ихъ къ мѣстнымъ комитетамъ,

*) „Съ чего начать?“ Искра, № 4, стр. 1, ст. 2—3

группамъ, кружкамъ нашей партіи. Да и вообще весь намѣчаемый нами планъ осуществимъ, конечно, лишь при самой активной поддержкѣ комитетовъ»*).

«Я многимъ товарищамъ показывалъ «Искру» (№ 4),—пишетъ одинъ петербургскій ткачъ,—и весь номеръ истрепался, а онъ дорогъ, много дороже «Мысли», хоть и нѣтъ тамъ нашихъ строкъ. Тутъ про наше дѣло, про все русское дѣло, которое копѣйками не оцѣнишь и часами не опредѣлишь; когда ее читаешь, то понятно, почему жандармы и полиція боятся насъ рабочихъ и тѣхъ интеллигентовъ, за которыми мы идемъ. Они, правда, страшны всѣмъ, а не только хозяйскимъ карманамъ. Конечно, я простой рабочій и совсѣмъ уже не такой развитой, но я очень чувствую, гдѣ правда, знаю, что нужно рабочимъ. Рабочій народъ теперь легко можетъ загорѣться—уже все тлѣетъ внизу, нужна только искра и будетъ пожаръ. Ахъ, какъ это вѣрно сказано, что изъ искры возгорится пламень! Сейчасъ всѣ рабочіе точно керосиномъ облитые, многіе даже на лицо перемѣнились, и это всѣ видятъ: теперь уже мастера многихъ не трогаютъ, и въ праздникъ полиція вѣжливенько проситъ на нашей сторонѣ толпой не стоять, и такъ проситъ, будто завтра рабочій свободу получитъ.

«Раньше каждая стачка была событіе, а теперь всякій видитъ, что одна стачка ничего; теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее. Теперь всѣ—и старикъ и малый—всѣ читали бы, да вотъ горе наше—книжки нѣтъ. Я въ прошлое воскресенье собралъ одиннадцать человѣкъ и читалъ «съ чего начать»; такъ мы до ночи не расходились. Какъ все вѣрно сказано, какъ до всего дойдено... хочется намъ письмо въ эту самую «Искру» написать, чтобы она не только учила, какъ начать, а и какъ жить и умереть... Теперь ужъ намъ не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, какъ въ бой идти, какъ въ бою воевать. И какъ нарочно никого... Союзниковъ словно вымело, а самимъ вѣдь не справиться. Тутъ у насъ затѣваютъ, если еще въ другой разъ въ разсчетъ уволятъ, такъ идти всѣмъ громить фабрику, пусть пропадаетъ, коль кормить не можетъ. А развѣ серьезно?! Я да и другіе тоже подбиваемъ лучше на Невскій выйти, да на знамени написать: работы и свободы; да развѣ однимъ совладѣть? Пусть бы видѣли, какъ русскіе рабочіе. Теперь

*) «Съ чего начать?» Искра № 4. стр. 1, столб. 3. Примѣчаніе.

только начать нужно, а тамъ все пойдетъ, все движется, вездѣ тлѣетъ. Вотъ смотрите: было на тракту, было у насъ, у балтійцевъ, а скоро путиловцы такое покажутъ, что у насъ и не видывали. Со многими мы простимся, многихъ у насъ вырвутъ, много и ошибокъ надѣлаемъ, да въ такомъ дѣлѣ иначе нельзя, во первыхъ, а второе уже дѣло больно крупное начинается. Это еще не конецъ, это только первый пожаръ, и его потушатъ; но огонь будетъ такъ ярокъ, что и слѣпые увидятъ, что кому нужно, кто кому врагъ; уже второй пожаръ солдаты заливать не пойдутъ» *).

Стоитъ только вчитаться въ это письмо, чтобы согласиться, насколько своевременно явился планъ «Искры». Рабочіе, революціонизированные всѣми предыдущими событіями, постоянно подогрѣваемые обостренными отношеніями, вызванными кризисомъ, ходятъ, «точно керосиномъ облитые», по образному выраженію автора. Они чувствуютъ, что вся прежняя работа сейчасъ ни къ чему. Всѣ эти кассы, кружки, вся эта тяжеловѣсная «демократическая», «чисто рабочая «организація» не въ силахъ помочь. Кассы профессіональнаго типа, всѣ чисто «экономическія» орудія борьбы, оказались безсильными передъ кризисомъ, передъ все болѣе и болѣе обостряющейся безработицей. «Одна стачка ничего». Она не можетъ играть никакой роли, когда ежедневно разсчитываютъ сотни рабочихъ, когда у воротъ фабрикъ толпятся кучи голодныхъ, готовыхъ на какихъ угодно условіяхъ замѣнить стачечниковъ. Не въ хозяинѣ, не въ отдѣльномъ капиталистѣ дѣло, а во всемъ политическомъ строѣ. «Теперь свободы нужно добиваться», и старый и малый—всѣ это понимаютъ.

Но какъ ее добиваться?.. Рабочіе не знаютъ. Они знаютъ, что громить фабрику дѣло не серьезное, пользы не принесетъ. Они знаютъ, что нужно выйти «на народъ», на Невскій, тамъ требовать «свободы и работы». Но развѣ это мыслимо безъ политической руководящей организаціи. Всюду тлѣетъ, всюду кипитъ, но некому соединить всѣ эти отдѣльные костры въ одинъ общій пожаръ. «Союзниковъ точно вымело», не смотря на всю демократическую организацію, уже проведенную въ Питерѣ; арестъ или поѣздка на дачу нѣсколькихъ агитаторовъ тормозитъ все дѣло, нѣтъ директивъ, нѣтъ указаній. А начинаю-

*) С.-Петерб. письмо рабочаго ткача «Искра», № 7, августъ 1901, стр. 4, ст. 3.

щееся дѣло—не мѣстное дѣло, оно дѣло всѣхъ рабочихъ, «общерусское дѣло». Это уже ясно понимають рабочіе, понимають они также и то, что этого дѣла сразу не сдѣлаешь: за первымъ пожаромъ послѣдуетъ второй; необходимо, чтобы кто нибудь постарался сдѣлать пламя этого пожара такимъ яркимъ, чтобы и слѣпые увидали, что кому нужно, и чтобы уже и солдаты не шли заливать этотъ пожаръ. Все это рабочіе нашли въ планѣ «Искры»: тамъ «до всего дойдено, все вѣрно сказано», пусть только она не останавливается на томъ, какъ начать, но и укажетъ также, какъ дѣйствовать, какъ бороться, «какъ жить и умереть», «пусть учитъ, какъ въ бой идти, какъ въ бою воевать». На эти, самой жизнью выдвинутые вопросы, мѣстныя, вѣчно проваливающіяся, вѣчно раскалывающіяся, вѣчно начинающія сначала организаціи отвѣтить не могутъ, сдѣлать это можетъ лишь строго принципіально выдержанная общерусская организація.

Но то, что сразу поняли революціонно настроенные рабочіе, конечно, не могли понять «отражающіе ихъ настроенія» интеллигенты. «Можно подумать, — говоритъ Кричевскій, — что для автора революціонное пламя можетъ возгорѣться только изъ *Искры* (съ прописной буквы), въ редакціонной лабораторіи «общерусской газеты», которая выработаетъ и продиктуетъ «систематическій» и «неуклонно проводимый» планъ. Невольно припоминается прототипъ безжизненнаго доктринерства — гетевскій Вагнеръ съ его лабораторнымъ гомункулюсомъ» *).

«*Противопоставленіе своей программы и своей группы движенію*, какъ чего то самостоятельнаго, какъ верховной теоретической инстанціи, какъ духа, витающаго надъ безформеннымъ хаосомъ — такова позиція, которую заняли «Искра» и «Заря» не только по отношенію къ прошлому, но, что гораздо важнѣе, — и по отношенію къ совершающемуся на нашихъ глазахъ движенію, поскольку оно совпадаетъ съ работой партійныхъ организацій. Ея «*планъ*»—*общепартійная организація*, голова которой «общерусская газета» а «остовъ—сѣть агентовъ», распространяющихъ эту газету» **).

Нелѣпость всего этого плана состоитъ, по мнѣнію Кричевскаго, въ томъ, что онъ «переворачиваетъ вверхъ ногами от-

*) «Принципы, тактика и борьба» «Рабочее дѣло», № 10, сент. 1901 г., стр. 19.

**) Тамъ-же, стр. 29—30. Курсивъ всюду автора.

ношенія, которыя нормально должны существовать между партійной газетой и партійной организацией. Не говоримъ уже о томъ, что организація *социалдемократической* партіи, не имѣющей никакого значенія, безъ живыхъ, тѣсныхъ и широкихъ связей съ рабочей массой, можетъ вырасти—въ отличіе отъ заговорщической организаціи—только *снизу*, изъ *мѣстныхъ организацій и ихъ объединенія*, что, стало быть, не газета можетъ создать партійную организацію, а, наоборотъ, только организованная соц.-дем. партія можетъ создать свой центральный органъ. Не говоримъ уже о томъ, что газета, стоящая *надъ* партіей, *внѣ ея контроля* и независимая отъ нея, благодаря собственной сѣти агентовъ, можетъ быть органомъ отдѣльнаго лица, отдѣльной группы общества заговорщиковъ или секты, но не органомъ соціалдемократической партіи, которая можетъ развиваться только въ демократическихъ формахъ организаціи... Нѣтъ, обо всѣхъ этихъ, казалось бы, общеизвѣстныхъ и общепризнанныхъ вещахъ мы уже не говоримъ. Но мы только спрашиваемъ: *коимъ чудомъ «Искра» забыла о фактически существующихъ соціалдемократическихъ организаціяхъ той партіи, къ которой она сама принадлежитъ?*

«Какъ это случилось, что она весь свой планъ построила на грядущей собственной «сѣти агентовъ», а о существующихъ мѣстныхъ комитетахъ вспомнила лишь въ примѣчаніи»... Очевидно она хочетъ «превратить русскую соціалдемократію» *изъ партіи въ секту* *).

«... Важно *единство въ дѣйствіяхъ*, но единство не казарменное, не результатъ вѣнпшей муштровки, а результатъ свободной гармоніи стремящихся къ одной цѣли силъ, словомъ *единство партіи а не единство секты*» **).

Мартыновъ, въ свою очередь, тужитъ объ участи нашей партіи: «Если бы планъ Искры,— говоритъ онъ,—былъ приведенъ въ исполненіе, онъ привелъ бы къ полному вытравленію слѣдовъ складывавшейся у насъ Росс. С. Д. Р. партіи» ***). По мнѣнію Мартынова можно было бы еще согласиться съ постановкой Искрой литературныхъ задачъ, хотя и тутъ дѣло не совсѣмъ

---

*) Принципы, тактика и борьба, «Раб. Дѣл.», № 10, Сент. 901. стр. 30, 31

**) Тамъ-же стр. 34.

***) Мартыновъ «Обличительная литература и пролетарская борьба» «Р. Д.» № 10 стр. 61.

ладно, такъ какъ Искра не понимаетъ что мы, какъ соціалдемократы, «являемся представителями интересовъ пролетаріата. Поэтому мы въ отношеніи къ нему обязаны не только указывать на то, что препятствуетъ осуществленію его интересовъ. Мы должны также давать ему положительное—мы должны *всегда формулировать его ближайшія требованія и указывать на средства къ ихъ осуществленію»* *).

Это «принципіальное» различіе, впрочемъ, не такъ важно, съ нимъ еще можно примириться, но вѣдь по плану «Искры», продолжаетъ Мартыновъ, «газета не составляетъ одну изъ фракцій центральнаго комитета партіи и не находится подъ контролемъ партіи, а напротивъ, она сама, декретами, такъ сказать, назначаетъ партію въ формѣ сѣти агентовъ, проще говоря, сподручныхъ. Куда же тутъ дѣвались всѣ комитеты партіи, которымъ удалось, несмотря на всю ихъ политическую незрѣлость піонеровъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ расшевелить громадныя массы рабочихъ, подпольной дѣятельности которыхъ мы въ значительной степени обязаны февральскими и мартовскими событіями? Искра изъ вѣжливости и о нихъ не забываетъ: она ихъ ссылаетъ «изъ текста въ примѣчаніе», но чтобы они и въ примѣчаніи «не возмечтали о себѣ, она въ скобкахъ называетъ ихъ группы, кружки». Нужно воистину обладать огромной вѣрой въ силу слова, въ то, что ты именно обладаешь «настоящимъ словомъ», чтобы замѣнить организацію *соціалдемократической партіи* «организаціей распространенія идей одной газеты», хотя бы напримѣръ «Искры» **).

Въ концѣ концовъ Мартыновъ аппеллируетъ къ партіи и призываетъ ее къ самозащитѣ противъ посягательствъ «Искры». «Какъ же,—говоритъ онъ, — должна отнестись наша партія къ ея полному подчиненію автономной редакціи, которая можетъ обладать нетерпимостью геніальнаго Маркса, но, конечно, не геніальностью этого нетерпимаго человѣка», саму же «Искру» онъ убѣждаетъ вслушаться во «властные запросы жизни» и отказаться во благовременіе «отъ того утопическаго взгляда», что ея позиція единственно законная и что «кто не съ ней, тотъ противъ нея», и «орга-

---

*) Обличительная литература и пролетарская борьба. «Раб. дѣло» стр. 41. Курсивъ мой.

**) Тамъ-же, № 10, стр. 61.

нически войти въ партію, а не противопоставлять себя ей, какъ верховная инспекція» *).

Недовольны планомъ Искры и близко стоящіе въ «принципіальномъ отношеніи къ редакціи «Раб. Дѣла» бундовцы. Центральный комитетъ Бунда прямо заявляетъ, что о принадлежности къ партіи лицъ, издающихъ Искру, «другихъ данныхъ, кромѣ заголовка на ихъ изданіяхъ, покамѣстъ не существуетъ» **).

«Говорить теперь объ организаціи, тянущейся нитками отъ общерусской газеты—это плодить кабинетныя мысли и кабинетную работу»,—пишетъ Надеждинъ въ своемъ Канунѣ революціи»***)... «Необходимо приступить къ сильнымъ политическимъ организаціямъ на мѣстахъ. У насъ ихъ нѣтъ, у насъ шла, главнымъ образомъ, работа среди интеллигентныхъ рабочихъ, массы же вели почти исключительно экономическую борьбу. Если не воспитаются сильныя политическія организаціи на мѣстахъ, что значитъ хотя бы и превосходно поставленная общерусская газета. Неопалимая купина, сама горящая, не сгорающая, но и никого не зажигающая»†).

«Но въ томъ то и суть,—отвѣчаетъ на всѣ эти нападки на планъ «Искры» Ленинъ,—*нѣтъ иного средства воспитать* сильныя политическія организаціи, какъ посредствомъ общерусской газеты». Принципіально послѣ февральскихъ и мартовскихъ дней всѣ согласны, что необходимы политическія организаціи, но «намъ нужно не принципіальное, а *практическое рѣшеніе вопроса*, нужно немедленно выставить такой опредѣленный планъ постройки, чтобы сейчасъ же съ *разныхъ сторонъ* всѣ могли приняться за постройку. А насъ опять отъ практическаго рѣшенія тащатъ назадъ—къ принципіально вѣрной, безспорной, великой, но совершенно недостаточной, совершенно непонятной для широкой массы работающихъ истинѣ: «воспитывать сильныя политическія организаціи»! Не объ этомъ уже идетъ рѣчь, а о томъ *какъ именно* воспитывать и воспитать надо» ††).

«Постановка общерусской политической газеты—говорилось

*) Тамъ-же.
**) «Письмо Ц. К. Бунда въ редакцію» «Искра», № 8, 10 сентябр. 901 г.
***) Изд. революц. соціал. группы «Свобода», стр. 126.
†) Канунъ революціи стр, 54
††) Ленинъ. «Что дѣлать». стр. 123, и 124.

въ Искрѣ—должна быть *основной нитью*, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять, расширять революціонную организацію, всегда готовую къ поддержкѣ всякаго протеста и всякой вспышки. Скажите пожалуйста, когда каменщики кладутъ въ разныхъ мѣстахъ камни громадной и совершенно невиданной постройки—не «бумажное» ли это дѣло проведеніе нитки, помогающей находить правильное мѣсто для кладки, указывающей на конечную цѣль общей работы, дающей возможность пустить въ ходъ не только каждый камень, но и каждый кусокъ камня, который смыкаясь съ предыдущимъ и послѣдующими возводитъ законченную и всеобъемлющую линію. И развѣ мы не переживали какъ разъ такого момента въ нашей партійной жизни, когда у насъ есть и камни и каменщики, а не хватаетъ именно видимой для всѣхъ нити, за которую всѣ могли бы взяться... Будь у насъ отрядъ опытныхъ каменщиковъ на столько спѣвшихся, чтобы они и безъ нитки могли класть камни именно тамъ, гдѣ нужно», тогда мы могли бы пожалуй взяться за другую задачу. «Но въ томъ то и бѣда, что опытныхъ и спѣвшихся каменщиковъ у насъ еще нѣтъ, что камни сплошь и рядомъ кладутся совсѣмъ зря, кладутся не по общей ниткѣ, а до того раздробленно, что непріятель сдуваетъ ихъ, какъ будто бы это были не камни, а песчинки»*).

«Всѣ согласятся,—говоритъ далѣе Ленинъ,—что если мы «объединяемъ» отдѣльные—скажемъ—районные кружки одного города, то для этого необходимы *общія учрежденія*, т. е. не одно только общее званіе «союза», а дѣйствительно «общая» работа, обмѣнъ матеріаломъ, опытомъ и силами, распредѣленіе функцій, уже не только по районамъ, а по спеціальностямъ всей городской дѣятельности. Всякій согласится, что солидный конспиративный аппаратъ не окупится (если можно употребить коммерческое выраженіе) средствами (и матеріальнымъ и личными разумѣется) одного района, что на этомъ узкомъ поприщѣ не развернуться таланту спеціалиста. Тоже самое относится одинаково и къ объединенію разныхъ городовъ, ибо и такое поприще, какъ отдѣльная мѣстность, *оказывается* и оказалось уже въ исторіи нашего социалдемократическаго движенія непомѣрно узкимъ..... надо, необходимо надо и прежде всего надо расширить это поприще, создать

*) «Что дѣлать?», стр. 125 и 126.

фактическую связь между городами на *регулярной* общей работѣ, ибо раздробленность придавливаетъ людей, которые лежатъ, какъ въ ямѣ (по выраженію автора одного письма въ Искру) не зная, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, у кого имъ поучиться, какъ добыть себѣ опытъ, какъ удовлетворить желаніе широкой дѣятельности.

«...Если мы не на словахъ только хотимъ объединенія, то надо, чтобы каждый мѣстный кружокъ тотчасъ же удѣлилъ, скажемъ, четверть своихъ силъ *активной* работѣ надъ *общимъ* дѣломъ и газета сразу показываетъ ему (если онъ сочувствуетъ направленію этой газеты и считаетъ полезнымъ для дѣла стать ея сотрудникомъ, понимая подъ этимъ не только литературное, а вообще всякое революціонное сотрудничество) общій абрисъ, размѣры и характеръ этого дѣла, показываетъ, какіе именно пробѣлы всего сильнѣй ощущаются во всей общерусской дѣятельности, гдѣ нѣтъ агитаціи, гдѣ слабы связи, какіе колесики громаднаго общаго механизма могъ бы данный кружокъ подправить и замѣнить лучшими. Кружокъ не работавшій еще, а только ищущій работы могъ бы начинать уже не какъ кустарь въ отдѣльной маленькой мастерской, не вѣдающій ни развитія «промышленности» до него, ни общаго состоянія данныхъ промышленныхъ способовъ производства, а какъ участникъ широкаго предпріятія, *отражающаго* весь общереволюціонный натискъ на самодержавіе. И чѣмъ совершеннѣе была бы отдѣлка каждаго колесика, чѣмъ больше число детальныхъ работниковъ надъ общимъ дѣломъ, тѣмъ чаще становилась бы наша сѣть и тѣмъ меньше смятенія въ общихъ рядахъ вызывали бы неизбѣжные провалы» *).

«Мы должны *всегда* вести нашу будничную работу и всегда быть готовыми ко всему, потому что предвидѣть заранѣе смѣну періодовъ взрыва, періодами затишья очень часто бываетъ почти невозможно, а въ тѣхъ случаяхъ, когда возможно, нельзя было бы воспользоваться этимъ предвидѣньемъ для перестройки организаціи, ибо смѣна эта въ самодержавной странѣ проходитъ поразительно быстро, будучи иногда связана съ однимъ ночнымъ набѣгомъ царскихъ янычаръ. И саму революцію надо представлять себѣ отнюдь не въ формѣ единичнаго акта, а въ формѣ нѣсколькихъ быст-

*) «Что дѣлать», стр. 129—130.

рыхъ смѣнъ болѣе или менѣе сильнаго взрыва и болѣе или менѣе сильнаго затишья. Потому основнымъ содержаніемъ дѣятельности нашей партійной организаціи, фокусомъ этой дѣятельности должна быть такая работа, которая и возможна и нужна какъ въ періодъ самаго сильнаго взрыва, такъ и въ періодъ полнѣйшаго затишья, именно: работа политической агитаціи, объединенной по всей Россіи, освѣщающей всѣ стороны жизни и направленной въ самыя широкія массы. А эта работа *немыслима* въ современной Россіи безъ общерусской, очень часто выходящей газеты. Организація, складывающаяся сама собой вокругъ этой газеты, организація ея сотрудниковъ (въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. всѣхъ трудящихся надъ ней), будетъ именно готова *на все*, начиная отъ спасенія чести, престижа и преемственности партіи въ моментъ наибольшаго революціоннаго «угнетенія» и кончая подготовкой, назначеніемъ и проведеніемъ *всенароднаго вооруженнаго возстанія.*

«...Планъ общерусской политической газеты не только не представляетъ изъ себя плодъ кабинетной работы лицъ, зараженныхъ доктринерствомъ и литературщиной, а наоборотъ онъ является самымъ практическимъ планомъ начать со всѣхъ сторонъ и сейчасъ же готовиться къ возстанію, не забывая ни на минуту своей будничной насущной работы» *).

Конечно такую планомѣрную, систематематическую работу не могутъ выполнять люди, которые занимаются революціей въ свободное отъ другихъ занятій время. Уже въ первомъ номерѣ Искра писала: «надо подготовить людей, посвящающихъ революціи не одни только свообoдные вечера, а всю свою жизнь» **). Руководить соціалдемократической, революціонной работой могутъ только лица, цѣликомъ отдавшіяся революціи, свободныя отъ всякихъ нереволюціонныхъ обязанностей, свободно во всякое время могущія перейти съ мѣста на мѣсто, измѣнять образъ жизни и свое имя, однимъ словомъ люди сдѣлавшіе революцію своей единственной профессіей.

Защитники «чисто рабочаго движенія» и ихъ теперешніе наслѣдники не разъ инсинуировали по этому поводу, что «Искра» организацію рабочаго класа замѣнила организаціей интеллигентныхъ революціонеровъ. «Дѣйствительно, — писалъ

---

*) «Что дѣлать?, стр. 136 и 137.

**) Насущныя задачи нашего движенія. Искра № 1, стр. 1 и 2.

Мартовъ на это,—рабочая партія въ европейскомъ смыслѣ, охватывающая всю борющуюся часть пролетаріата можетъ, быть организована только при условіи политической свободы. Задача русской соціалдемократіи, какъ зародыша будущей партіи, воспитать и организовать всѣ передовыя элементы ея. А эта задача включаетъ въ себя прежде всего развитіе *соціалистическаго* сознанія въ возможно широкихъ слояхъ рабочаго класса. Никакія злобы дня экономической или политической борьбы не должны отвлекать насъ отъ этого дѣла, соціалистическаго воспитанія. Точно также и организаціонная работа партіи должна быть подчинена этой задачѣ подготовленія кадровъ соціалистической арміи будущаго» *).

Но развѣ Искра этой «соціалистической арміи будущаго» сейчасъ противопоставляла «чисто интеллигентскую» заговорщическую организацію? Нѣтъ, эта организація не могла быть «чисто интеллигентской», съ одной стороны потому, что каждый шагъ ея неразрывно связанъ былъ со всѣмъ рабочимъ движеніемъ, съ другой—только наивные «экономисты» и лица, которымъ выгодно было клеветать на «Искру», отожествляли сознательнаго соціалдемократа—профессіональнаго революціонера, о которомъ постоянно твердила Искра, съ интеллигентомъ.

Образовавшаяся въ Кіевѣ группа «Рабочая Воля» сообщаетъ, наоримѣръ, что «центральное управленіе дѣлами поручено самимъ рабочимъ. Интеллигенты являются лишь исполнителями того или другого рѣшенія»**). Искра спрашиваетъ, хорошъ ли этотъ порядокъ или нѣтъ, и отвѣчаетъ, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только въ связи со степенью зрѣлости даннаго дѣятеля, «а отнюдь не съ тѣмъ, кто онъ такой—рабочій или «интеллигентъ». Казалось бы, что, кромѣ вреда, можетъ произойти для дѣла, — оттого, что какая либо цѣнная сила будетъ устранена отъ участія въ «рѣшеніяхъ» и оставлена въ роли «исполнителя» потому собственно случаю, что сила эта одѣта въ сюртукъ, а не въ рабочую блузу... Мы увѣрены, всякій сознательный рабочій - соціалистъ такъ же горячо запротестуетъ противъ этого ненужнаго расшаркиванія передъ его мускулистой рукой, какъ и противъ всякаго барскаго отношенія къ пролетарію. Поло-

*) Мартовъ. «Всегда въ меньшинствѣ». «Заря», № 23, стр. 192, примѣчаніе.

**) «Изъ партіи». Искра, № 6, стр. 8, ст. 2.

женіе человѣка въ организаціи не должно опредѣляться количествомъ его дипломовъ,—это несомнѣнно, но оно не должно опредѣляться и количествомъ мозолей на рукахъ. Только степенью полезности для дѣла, степенью преданности ему и революціонными способностями должно опредѣляться это положеніе: таковъ единственный *демократическій* принципъ соціалистической организаціи» *).

Эту же точку зрѣнія отстаиваетъ и Спб. комитетъ: «соціалдемократія, — пишетъ онъ, — какъ политическая партія, объединяетъ всѣхъ борцовъ за торжество идеи рабочаго класса. Наши учителя и основатели нашего «движенія», интеллигенты Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ были, конечно, не менѣе истинными соціалдемократами, чѣмъ рабочіе Августъ Бебель и Игнатій Ауэръ, а наши Степанъ Халтуринъ и Петръ Алексѣевъ — въ полномъ смыслѣ слова — интеллигентами... Какъ во всякомъ вообще движеніи, разъ оно совершается сознательно и планомѣрно, роль руководителей и вдохновителей выпадаетъ на долю наиболѣе сознательныхъ, наиболѣе интеллигентныхъ представителей движенія, такъ и во главѣ нашего движенія должны стоять, да фактически и стоятъ, наиболѣе сознательные, развитые его элементы, происходятъ ли они изъ среды рабочихъ, или изъ другихъ классовъ и сословій —это безразлично» **).

Рабочій можетъ и долженъ быть профессіональнымъ революціонеромъ. И русскіе рабочіе уже выдвинули изъ своей среды не мало лицъ, способныхъ выполнять функціи руководителя.

Задачи организаціи выдвинуть на первыя позиціи эти революціонныя силы, не дать имъ заглохнуть. «Рабочій-революціонеръ для полной подготовки къ своему дѣлу, — говоритъ Ленинъ, — тоже долженъ становиться профессіональнымъ революціонеромъ. Потому неправъ Б—въ (Раб. Дѣло № 6), когда онъ говоритъ, что такъ какъ рабочій занятъ на фабрикѣ 11½ часовъ, то остальныя революціонныя функціи (кромѣ агитаціи) «*поневолѣ* главной тяжестью ложатся на крайне незначительныя интеллигентныя силы». Вовсе это не «поневолѣ» такъ дѣлается, а по нашей отсталости, потому что мы не сознаемъ своей обязанности помогать всякому выдающе-

*) «Изъ партіи», Искра, стр. 8, ст. 2.
**) Отвѣтъ Петебрург. Комит. парт. на запросъ батум. рабоч. «Искра», № 23, 1 авг. 1902 г., стр. 6.

муся по своимъ способностямъ рабочему превращаться въ *профессіональнаго* агитатора, организатора, пропагандиста, развозчика и пр., и пр. Въ этомъ отношеніи мы прямо позорно расхищали свои силы, не умѣя беречь то, что надо, особенно заботливо растить и выращивать. Посмотрите на нѣмцевъ, у нихъ во сто разъ больше силъ, чѣмъ у насъ, но они прекрасно понимаютъ, что дѣйствительно способные агитаторы и пр. выдѣляются «средняками» вовсе не слишкомъ часто. Поэтому они тотчасъ же стараются поставить всякаго способнаго рабочаго въ такія условія, при которыхъ его способности могли бы получить полное развитіе и полное примѣненіе: его дѣлаютъ профессіональнымъ агитаторомъ, его побуждаютъ расширить поприще его дѣятельности, распространяя ее съ одной фабрики на все ремесло, съ одной мѣстности на всю страну; онъ пріобрѣтаетъ ловкость и опытность въ своей профессіи, онъ расширяетъ свой кругозоръ и свои знанія, онъ наблюдаетъ бокъ-о-бокъ выдающихся политическихъ дѣятелей другихъ мѣстностей и другихъ партій, онъ старается самъ подняться на такую высоту и соединить въ себѣ знанія рабочей среды и свѣжесть соціалистическихъ убѣжденій съ той профессіональной выучкой, безъ которой пролетаріатъ не можетъ вести упорную борьбу съ великолѣпно обученными рядами его враговъ. Такъ и только такъ выдвигаются рабочими массами Бебели и Ауэры. Но то, что въ политической свободной странѣ дѣлается въ значительной степени само собой, то у насъ должны систематически проводить наши организаціи. Сколько нибудь талантливый и «подающій надежды» агитаторъ изъ рабочихъ *не долженъ* работать на фабрикѣ по 11 часовъ. Мы должны позаботиться о томъ, чтобы онъ жилъ на средства партіи, чтобы онъ умѣлъ во время перейти на нелегальное положеніе, чтобы онъ перемѣнялъ мѣста своей дѣятельности, ибо иначе онъ не выработаетъ большой опытности, не расширитъ своего кругозора, не сумѣетъ продержаться нѣсколько, по крайней мѣрѣ, лѣтъ въ борьбѣ съ жандармами. Чѣмъ шире и глубже становится стихійный подъемъ рабочихъ массъ, тѣмъ больше выдвигаютъ онѣ не только талантливыхъ агитаторовъ, но и талантливыхъ организаторовъ, и пропагандистовъ, и «практиковъ» въ хорошемъ смыслѣ (которыхъ такъ мало среди нашей интеллигенціи, большей частью немножко по российски халатной и неповоротливой). Когда у насъ будутъ отряды спеціально подготовленныхъ и прошед-

шихъ длинную школу рабочихъ-революціонеровъ (и при томъ разумѣется, «революціонеровъ всѣхъ родовъ оружія»), тогда съ этими отрядами не совладѣетъ никакая политическая полиція въ мірѣ, ибо эти отряды людей, беззавѣтно преданныхъ революціи, будутъ пользоваться также беззавѣтнымъ довѣріемъ самыхъ широкихъ рабочихъ массъ. И это наша прямая *вина*, что мы слишкомъ мало «подталкиваемъ» рабочихъ на эту общую имъ съ «интеллигентами» дорогу профессіонально-революціонной выучки, слишкомъ часто тащимъ ихъ назадъ своими глупыми рѣчами о томъ, что «доступно» рабочей массѣ «рабочимъ среднякамъ» и т. п.» *).

Въ революціонную организацію, а таковой и только таковой должна быть Соціалдемократическая Рабочая Партія, должны широко входить рабочіе—но эти рабочіе должны быть сознательные революціонеры; съ другой стороны и интеллигенты, входящіе въ такую организацію, должны не только умѣть популярно изложить теорію Маркса, но и быть сознательными, безотчетно преданными дѣлу революціонерами. «Организація революціонеровъ,—говоритъ Ленинъ,—должна обнимать прежде всего и главнымъ образомъ людей, которыхъ профессія состоитъ изъ революціонной дѣятельности (поэтому я и говорю объ организаціи революціонеровъ, имѣя въ виду революціонеровъ-соціалдемократовъ). Передъ этимъ общимъ признакомъ членовъ такой организаціи *должно совершенно стираться всякое различіе рабочихъ и интеллигентовъ*, не говоря о различіи професссіи тѣхъ и другихъ. Эта организація необходимо должна быть не очень широкой, возможно болѣе конспиративной **)...»

Плехановъ на страницахъ «Зари» снова считаетъ своимъ долгомъ напомнить про организацію «Земли и Воли», которая должна служить образцомъ для «созданія крѣпкой, единой и нераздѣльной организаціи русскихъ соціалдемократовъ». «Возникновеніе крѣпкой организаціи «Земли и Воли» въ семидесятыхъ годахъ сразу и очень значительно уменьшило число «проваловъ»,которые до тѣхъ поръ были такъ же многочисленны, какъ теперь»***).

«Тайная, строго конспиративная и централистическая организація,—писала «Искра»,—необходима *для всякой ре-*

*) Ленинъ. «Что дѣлать?», стр. 101—102.
**) Тамъ же, стр. 85.
***) «Что же дальше», Заря, № 2—3, стр. 26—27.

волюціонной партіи, энергично борющейся при современныхъ русскихъ условіяхъ, она не можетъ быть названа отличительной особенностью какой нибудь изъ этихъ партій»*).

«Мы возставали и всегда будемъ, конечно, возставать противъ «суженія» политической борьбы до заговора»—говоритъ Ленинъ,—но это разумѣется не означало отрицанія необходимости крѣпкой революціонной организаціи... По своей *формѣ*, такая крѣпкая революціонная организація въ самодержавной странѣ можетъ быть названа и «заговорщической» организаціей, ибо французское слово «конспирація» равносильно русскому «заговоръ», а конспиративность необходима для такой организаціи въ максимальной степени. Конспиративность есть настолько необходимое условіе такой организаціи, что всѣ остальныя условія (число членовъ, подборъ ихъ, функціи и пр.) должны сообразоваться съ нимъ. Было бы величайшей наивностью бояться обвиненія въ томъ, что мы, соціалдемократы, хотимъ создать заговорщическую организацію. Это обвиненіе должно быть такъ же лестно для каждаго врага экономизма, какъ и обвиненіе въ народовольчествѣ» **).

Конечно, организаціонные взгляды «Искры» и *всѣхъ* ея сотрудниковъ рѣзко противорѣчили «организаціонному принципу», выдвинутому рабочедѣльчествомъ и формулированному имъ въ слѣдующей резолюціи: «Въ интересахъ успѣшнаго развитія и объединенія соціалдемократіи слѣдуетъ подчеркивать, развивать, бороться за широкій демократическій принципъ ея партійной организаціи, что особенно необходимо въ виду обнаружившихся въ рядахъ нашей партіи антидемократическихъ тенденцій» ***).

Была ли «Искра» *принципіально* «антидемократической»? Разумѣется, нѣтъ. Ни въ одной ея статьѣ, ни въ одной статьѣ ея сотрудниковъ мы не найдемъ ни одного слова противъ «принципа» демократичности организаціи. Но попытка проведенія въ жизнь этой демократичности при современныхъ политическихъ условіяхъ она считала утопической «одной лишь игрой въ демократизмъ» и притомъ игрой вредной для всего дѣла. «Широкій демократическій принципъ, говоритъ Ленинъ, включаетъ въ себѣ два слѣдующихъ необходимыхъ условія: во первыхъ, полную гласность, а, во вторыхъ, выборность всѣхъ функцій...

*) «Новое вино въ старыхъ мѣхахъ», Искра № 5, стр. 3, ст. 1.
**) «Что дѣлать», стр. 103 и 104.
***) «Два съѣзда». Женева, 1901 г., стр. 18.

Мы назовемъ демократической организацію нѣмецкой соціалистической партіи, ибо въ ней все дѣлается открыто вплоть до засѣданій партійнаго съѣзда; но никто не назоветъ демократической организацiей такую, которая закрыта отъ всѣхъ не членовъ покровомъ тайны. Спрашивается, какой же смыслъ имѣетъ выставленіе «широкаго демократическаго принципа», когда основное условіе *неисполнимо* для тайной организаціи.

«...Не лучше обстоитъ дѣло и со вторымъ признакомъ демократизма, съ выборностью. *Въ странахъ съ политической свободой это условіе подразумѣвается само собой»*, тамъ «всѣ знаютъ, что такой то политической дѣятель началъ съ съ того то, пережилъ такую то эволюцію, проявилъ себя въ минуту жизни трудную такъ то, отличается вообще такими-то качествами и потому, естественно, такого дѣятеля могутъ съ знаніемъ дѣла выбирать на извѣстную партійную должность *всѣ* члены партіи. Всеобщій (въ буквальномъ смыслѣ слова) контроль за каждымъ шагомъ человѣка партіи на его политическомъ поприщѣ создаетъ автоматически дѣйствующій механизмъ, дающій то, что называется въ біологіи «выживаніемъ наиболѣе приспособленныхъ». Мыслимо ли у насъ, чтобы всѣ, «кто признаетъ принципы партійной программы и поддерживаетъ партію по мѣрѣ своихъ силъ» (опредѣленіе членства партіи по нѣмецкому уставу), контролировали каждый шагъ революціонера-конспиратора? Чтобы всѣ они выбирали изъ числа послѣднихъ того или другого, когда революціонеръ *обязанъ* въ интересахъ работы скрывать отъ девяти десятыхъ этихъ «всѣхъ», кто онъ такой...

«...Широкій демократизмъ партійной организаціи въ потемкахъ самодержавія, при господствѣ жандармскаго подбора, есть лишь *пустая и вредная игрушка*. Это—пустая игрушка, ибо на дѣлѣ никогда никакая революціонная организація *широкаго* демократизма не проводила и не можетъ проводить при всемъ своемъ желаніи. Это—вредная игрушка, ибо попытка проводить на дѣлѣ широкій демократическій принципъ облегчаетъ только полиціи широкіе провалы и увѣковѣчиваетъ царящее кустарничество, отвлекаетъ мысль практиковъ отъ серьезной настоятельной задачи вырабатывать изъ себя профессіональныхъ революціонеровъ къ составленію подробныхъ, бумажныхъ «уставовъ о системахъ выборовъ» *)

---

*) «Что дѣлать», стр. 105—107.

Но было бы большой ошибкой думать, что «невозможность дѣйствительно «демократическаго» контроля дѣлаеть членовъ революціонной организаціи безконтрольными». Сама сущность работы, товарищеское довѣріе между революціонерами, наконецъ увѣренность, что при нарушеніи этого довѣрія организація революціонеровъ, для избавленія отъ негоднаго члена... не остановится ни передъ какими средствами»*), все это служитъ достаточной гарантіей, что людей съ антидемократическими тенденціями никто просто не станетъ слушаться, разъ не будетъ «довѣрія къ ихъ уму, энергіи и преданности со стороны окружающихъ товарищей» **).

Организаціоннаго плана «Искры» не могли понять люди, для которыхъ «понятіе политической борьбы для соціалдемократіи прикрывается понятіемъ экономической борьбы съ хозяевами и правительствомъ» ***), не могли понять тѣ соціалдемократы, ученіе которыхъ «*характеризуется смѣшеніемъ понятія «классъ» съ понятіемъ «партія»*, которые не въ состояніи постичь той истины, «что иное дѣло *весь рабочій классъ*, а иное дѣло *соціалдемократическая партія*, представляющая собой лишь передовой и въ началѣ очень малочисленный отрядъ рабочаго класса»†).

Для всѣхъ этихъ господъ «понятіе «организація революціонеровъ» будетъ болѣе или менѣе покрываться понятіемъ «организація рабочихъ» ††).

Отстаивая планъ организаціи революціонеровъ, «Искра» не отрицала необходимости въ то же время «организаціи рабочихъ», но неустанно твердила, что эти два типа организаціи не могутъ совпадать другъ съ другомъ; что сама конструкція ихъ должна быть совершенно иная. Въ отличіе отъ революціонной организаціи «организація рабочихъ,—говоритъ Ленинъ,—должна быть, во-первыхъ—профессіональной, во-вторыхъ—возможно болѣе широкой, въ третьихъ, она должна быть возможно менѣе конспиративной (я говорю, разумѣется,

---

*) «Что дѣлать», стр. 108.
**) Тамъ же стр. 107.
***) Тамъ же, стр. 84.
†) Плехановъ «Еще разъ соціализмъ и политическая борьба», Заря № 1, апр. 901, стр. 12—13.
††) «Что дѣлать», стр. 84.

здѣсь и ниже (т. е. про организацію революціонеровъ), имѣя въ виду только самодержавную Россію).

«...Организація рабочихъ для экономической борьбы должна быть профессіональной организаціей. Всякій соціалдемократъ-рабочій долженъ по возможности оказывать содѣйствіе и активно работать въ этихъ организаціяхъ. Это такъ, но вовсе не въ нашихъ интересахъ требовать, чтобы членами «цеховыхъ» союзовъ могли быть только соціалдемократы, это сузило бы размѣры нашего вліянія на массу. Пусть въ цеховомъ союзѣ участвуетъ всякій рабочій, понимающій необходимость объединенія для борьбы съ хозяевами и съ правительствомъ. Самая цѣль цеховыхъ союзовъ была бы недостижима, если бы они не объединяли всѣхъ, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень пониманія, если бы эти цеховые союзы не были бы очень широкими организаціями. И чѣмъ шире эти организаціи, *тѣмъ шире будетъ наше вліяніе на нихъ*, вліяніе, оказываемое не только «стихійнымъ» развитіемъ экономической борьбы, но и прямымъ сознательнымъ воздѣйствіемъ товарищей соціалистическихъ членовъ союза. Но при широкомъ составѣ организаціи невозможна строгая конспирація (требующая гораздо большей подготовки, чѣмъ необходимо для участія въ экономической борьбѣ). Какъ примирить это противорѣчіе между необходимостью широкаго состава и строгой конспираціей? Для этого можетъ быть вообще говоря только два пути: легализація цеховыхъ союзовъ (въ нѣкоторыхъ странахъ, предшествовавшая легализаціи соціалистическихъ и политическихъ союзовъ), либо сохраненіе организаціи тайной, но настолько «свободной», мало оформленной, lose, какъ говорятъ нѣмцы, чтобы конспирація для массы членовъ сводилась почти къ нулю*)... Легализація несоціалистическихъ и неполитическихъ рабочихъ союзовъ въ Россіи уже началась и не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что каждый шагъ нашего быстро растущаго соціалдемократическаго движенія будетъ умножать и поощрять попытки этой легализаціи—попытки, исходящія главнымъ образомъ отъ сторонниковъ существующаго строя (Зубатовыхъ, Васильевыхъ, Озеровыхъ), но отчасти и отъ самихъ рабочихъ и отъ либеральной интеллигенціи... Мы обязаны неуклонно разоблачать всякое

---

*) «Что дѣлать?», стр. 85—87.

участіе Зубатовыхъ и Васильевыхъ, жандармовъ и поповъ въ этомъ теченіи и разъяснять рабочимъ истинныя намѣренія этихъ участникевъ. Мы обязаны разоблачать также всякія примирительныя «гармоническія» нотки, которыя будутъ проскальзывать въ рѣчахъ либеральныхъ дѣятелей на открытыхъ собраніяхъ рабочихъ, все равно, берутъ ли они эти ноты въ силу искренняго своего убѣжденія въ желательности мирнаго сотрудничества классовъ, въ силу ли желанія подслужиться къ начальству или, наконецъ, просто по неловкости. Мы обязаны, наконецъ, предостерегать рабочихъ отъ той ловушки, которую ставитъ зачастую полиція, высматривая «людей съ огонькомъ» на этихъ открытыхъ собраніяхъ и въ дозволенныхъ обществахъ, пытаясь черезъ посредство легальныхъ организацій ввести провокаторовъ и въ нелегальныя. Но дѣлать все это—вовсе не значитъ забывать о томъ, что въ *концѣ концовъ* легализація принесетъ пользу именно намъ, а отнюдь не Зубатовымъ. Итакъ, посредствомъ легализаціи *рѣшить* вопросъ созданіи о возможно менѣе конспиративной и возможно болѣе широкой профессіональной организаціи *мы* не можемъ (но были бы очень рады, если бы Зубатовы и Озеровы открыли бы намъ хоть частичную возможность такого рѣшенія, — для чего намъ слѣдуетъ какъ можно энергичнѣе воевать съ ними!).

«Остается путь тайныхъ профессіональныхъ организацій и *мы должны* оказать всякое содѣйствіе рабочимъ, которые уже вступаютъ (какъ намъ доподлинно извѣстно) на этотъ путь. Профессіональныя организаціи не только могутъ принести громадную пользу въ дѣлѣ развитія и упроченія экономической борьбы, но и стать весьма важнымъ пособникомъ политической агитаціи и революціонной организаціи» *). Никакія тяжеловѣсныя уставы вродѣ заключающаго въ себѣ свыше 50 параграфовъ «Устава союзной рабочей организаціи» въ Петербургѣ не поможетъ созданію широкихъ организацій «Маленькое тѣсно сплоченное ядро самыхъ надежныхъ, опытныхъ и закаленныхъ рабочихъ, имѣющихъ довѣренныхъ людей въ любыхъ районахъ и связанное по всѣмъ правиламъ строжайшей конспираціи съ организаціей революціонеровъ вполнѣ можетъ выполнить, *при самомъ широкомъ содѣйствіи массъ* и безъ всякаго оформленія *всѣ* функціи, кото-

*) «Что дѣлать», стр. 87 и 88.

рыя лежатъ на профессіональной организаціи и кромѣ того выполнить именно такъ, какъ это желательно для соціалдемократіи. Только такимъ путемъ и можно достигнуть *упроченія* и развитія вопреки всѣмъ жандармамъ, *соціальдемократическаго* профессіональнаго движенія. Мнѣ возразятъ организація до такой степени lose, что она и вовсе не оформлена, что въ ней и членовъ то даже завѣдомыхъ и зарегистрованныхъ, никакихъ нѣтъ — не можетъ быть и названа организаціей. Можетъ быть. Я за названіемъ не гонюсь Но все, что нужно «это организація безъ членовъ» сдѣлаетъ и обезпечитъ съ самаго начала прочную связь нашихъ будущихъ тредъ-юніоновъ съ соціализмомъ. А кто хочетъ широкой организаціи рабочихъ съ выборами, отчетами, всеобщими голосованіями и пр. при абсолютизмѣ—тотъ просто неисправимый утопистъ» *).

На всѣ нападки тогдашнихъ и теперешнихъ противниковъ своего организаціоннаго плана «Искра» отвѣтила словами Ленина: «Если мы *начнемъ* съ прочной постановки крѣпкой организаціи революціонеровъ, то мы можемъ обезпечить устойчивость движенія въ его цѣломъ, осуществить и соціалдемократическія и собственно тредъ-юніонистическія цѣли. Если же мы *начнемъ* съ наиболѣе якобы «доступной массѣ (а на дѣлѣ съ наиболѣе доступной жандармамъ и дѣлающей революціонеровъ наиболѣе доступными полиціи) широкой рабочей организаціи, то мы ни тѣхъ, ни другихъ цѣлей не осуществимъ, отъ кустарничества не избавимся и своей раздробленностью, своей вѣчной разгромленностью будемъ только дѣлать доступными массѣ тредъ-юніоны Зубатовскаго или Озеровскаго типа» **).

Только при помощи строго централизованной, строго конспиративной революціонной организаціи партіи русскіе соціалдемократы могутъ приступить къ дѣйствительно массовой соціалдемократической работѣ и своей работой втянуть массы въ дѣйствительно революціонное, соціалистическое движеніе. «Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Aktion wird der Umfang der Masse zunehmen deren Aktion sie ist (Marks) ***), другими словами, чѣмъ основательнѣе, чѣмъ

*) То же, стр. 90—91.
**) Ленинъ «Что дѣлать?» стр. 91.
***) «Съ ростомъ основательности историческаго дѣйствія растетъ и объемъ массы, участвующей въ этомъ дѣйствіи».

принципіально выдержаннѣе будетъ работа *революціонной соціалдемократической организаціи*, тѣмъ больше рабочая масса будетъ принимать участіе въ этой работѣ, тѣмъ все больше и больше весь рабочій классъ будетъ дѣйствовать сознательно въ соціалдемократическомъ духѣ, тѣмъ больше гарантіи, что онъ дѣйствительно (а не на словахъ только) станетъ въ авангардѣ русской революціи.

XIX.

Мы уже видѣли, что главной основной чертой «экономическаго» и «рабочедѣльческаго» направленій было то, что подъ флагомъ «чисто рабочаго» движенія они проводили въ ряды нашей партіи совершенно непролетарскія и нереволюціонныя идеи «критиковъ» и бернштейніанцевъ. «Искра» сразу поняла, гдѣ кроется опасность и прежде всего вступила въ рѣшительный бой со своими же ближайшими товарищами. Для очень и очень многихъ членовъ партіи такая тактика «Искры» казалась совершенно непонятной: вмѣсто того, чтобы сглаживать существующія разногласія и пытаться найти общій для всѣхъ путь, чтобы дружно всѣмъ вмѣстѣ выступить противъ врага, «Искра» съ яростью накидывалась на своихъ же соратниковъ и отталкивала ихъ отъ себя, словно нарочно раздувая мелкія противорѣчія и находя принципіальныя разногласія тамъ, гдѣ въ сущности все дѣло сводилось къ тактическимъ пріемамъ борьбы или къ педагогическимъ пріемамъ агитаціи.

«Нечего имъ тамъ за границей дѣлать, вотъ они и дерутся между собой, а попробовали бы повертѣться въ такомъ котлѣ, какъ намъ изо дня въ день приходится, когда сутокъ не хватаетъ, чтобы всѣ дѣла передѣлать, такъ не до споровъ было бы имъ съ «Раб. Дѣломъ» или съ Бернштейномъ»— такъ разсуждалъ не одинъ практикъ въ Россіи, читая полемическія статьи «Искры». «Наше дѣло—рабочее движеніе, рабочая организаціи здѣсь, въ нашей мѣстности, а остальное—выдумки доктринеровъ»,—заявилъ Ленину одинъ изъ экономистовъ,—«теоретическіе споры и фракціонныя разногласія, широкія политическія задачи» насъ не касаются. «Сдать бы все это за границу» *).

---

*) Ленинъ «Что дѣлать», стр. 11.

«Основной ея («Искры») недостатокъ, — пишутъ «товарищи» въ письмѣ въ русскіе соціалдемократическіе органы, — красной нитью проходящій черезъ всѣ ея столбцы и обусловливающій всѣ ея остальные крупные и мелкіе недостатки, заключается въ томъ, что «Искра» отводитъ весьма видное мѣсто идеологамъ движенія въ смыслѣ ихъ вліянія на то или иное направленіе. Въ то-же время «Искра» мало считается съ тѣми матеріальными элементами движенія и той матеріальной средой, изъ взаимодѣйствія которыхъ создается извѣстный типъ рабочаго движенія и опредѣляется его путь, совлечь съ котораго его не въ состояніи всѣ усилія идеологовъ, хотя бы и вдохновленныхъ самыми лучшими теоріями и программами... Чрезмѣрная склонность ея къ полемикѣ вытекаетъ изъ переоцѣнки ею роли «идеологіи» (программъ, теорій...) въ движеніи, отчасти же является отголоскомъ междоусобной брани, которая возгорѣлась на Западѣ среди русскихъ эмигрантовъ и о которой она поспѣшила повѣдать міру въ рядѣ политическихъ брошюръ и статеекъ. На нашъ взглядъ, всѣ эти ихъ разногласія не имѣютъ почти никакого вліянія на фактическій ходъ русскаго соціалдемократическаго движенія; развѣ только вредятъ ему, внося нежелательный расколъ въ среду дѣйствующихъ въ Россіи товарищей, а потому мы не можемъ не отнестись отрицательно къ полемическому задору «Искры»... Насквозь пропитанная сектанской нетерпимостью, столь характерной для идеологовъ младенческаго періода соціальныхъ движеній, «Искра» всякое разногласіе съ нею готова заклеймить не только какъ отступленіе отъ соціалдемократическихъ принциповъ, но даже какъ переходъ во враждебный лагерь» *).

Трудно болѣе точно выразить настроеніе большинства тогдашнихъ практиковъ, чѣмъ это сдѣлали авторы только что цитированнаго письма. Принципы, теоріи, программы, вся эта «идеологія» насъ не касается; она даже вредитъ нашей практической дѣятельности, создаетъ расколъ среди партійныхъ работниковъ, нарушаетъ наше мирное, безпринципное болотное прозябаніе. Теорія, идеологія на практику не вліяетъ, такъ къ чему эти нападки на Струве, Прокоповича, Мартынова, авторовъ «Credo» и т. д. Это узость, сектанство—за-

---

*) Бесѣда съ защитниками экономистовъ. «Искра», № 12. 6 дек. 901 г., стр. 2, столб.—21.

ставлять всѣхъ думать такъ-же, какъ думаешь ты, это нарушеніе основного демократическаго принципа «свободы критики», «свободы мнѣній».

Ленинъ, отвѣчая на всѣ подобные вопли о «свободѣ критики»; говоритъ: «Свобода великое слово, но подъ знаменемъ свободы промышленности велись самыя разбойничьи войны, подъ знаменемъ свободы труда — грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается и въ современномъ употребленіи словъ: свобода критики. Люди, дѣйствительно убѣжденные въ томъ, что они двинули впередъ науку, требовали бы не свободы новыхъ воззрѣній наряду со старыми, а замѣны послѣднихъ первыми. А современныя выкрикиванія: «да здравствуетъ свобода критики!» слишкомъ напоминаютъ басню о пустой бочкѣ...

«Мы идемъ тѣсной кучкой по обрывистому пути, крѣпко взявшись за руки,—продолжаетъ Ленинъ.—Мы окружены со всѣхъ сторонъ врагами и намъ приходится почти всегда идти подъ ихъ огнемъ. Мы соединились по свободно принятому рѣшенію именно для того, чтобы бороться съ врагами не отступаться въ сосѣднее болото, обитатели котораго съ самаго начала порицали насъ за то, что мы выдѣлились въ особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примиренія. И вотъ нѣкоторые изъ насъ принимаются кричать: пойдемте въ это болото!—а когда ихъ начинаютъ стыдить, они возражаютъ. какіе вы отсталые люди! и какъ вамъ не совѣстно отрицать за нами свободу звать васъ на лучшую дорогу! О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти, куда вамъ угодно, хотя бы въ болото; мы находимъ даже, что ваше настоящее мѣсто именно въ болотѣ, и мы готовы оказать вамъ посильное содѣйствіе къ *вашему* переселенію туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за насъ и не пачкайте великаго слова, «свобода», потому что мы вѣдь тоже «свободны» идти, куда мы хотимъ, свободны бороться не только съ болотомъ, но и съ тѣми, кто поворачиваетъ къ болоту!» *).

Социалдемократія есть соединеніе соціализма съ рабочимъ движеніемъ. А разъ это такъ, то ясно, что невозможно освободить «практику» отъ идеологіи—теоріи, программъ, соціалистическихъ принциповъ. Освобожденная отъ «идеологическаго багажа» практика не сможетъ быть *соціалдемократи-*

---

*) «Что дѣлать?» стр. 3—4.

ческой практикой: «рабочее движеніе отрывается отъ соціализма, соціализъ отрывается отъ рабочаго движенія»; и то, и другое утрачиваетъ, благодаря этому, свой революціонный характеръ и идетъ въ оппортунистическое буржуазное болото примиренія, приспособленія къ существующему, создавая тотъ типъ «новѣйшаго русскаго соціалиста», физіономія котораго такъ мѣтко схвачена въ «Гимнѣ» Нарциса Тупорылова.

«Грозныя тучи нависли надъ нами,
Темныя силы въ загривокъ насъ бьютъ,
Рабскія спины покрыты рубцами,
Хлещетъ неистово варварскій кнутъ.
Но, потираючи грѣшное тѣло,
Мысля конкретно, посмотримъ на дѣло.
Кнутъ вѣдь истреплется, скажемъ народу;
Лѣтъ черезъ сто ты получишь свободу
Медленнымъ шагомъ, робкимъ зигзагомъ
Тише впередъ, рабочій народъ!
Жаждетъ копейки нашъ сѣрый рабочій —
Намъ-ли къ свободѣ его призывать!
Нашихъ сподвижниковъ тусклыя очи
Заревомъ крови не должно смущать.
Въ битвѣ безумной погибнутъ безслѣдно
Тѣ, кто увлекся сіяньемъ идей,
Гибели ихъ будетъ вторить побѣдно.
Хохотъ презрительный трезвыхъ людей.
Не увлекаясь, приспособляясь,
Тише впередъ, рабочій народъ!
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Высшей политикой насъ не прельстите,
Вы, демагоги трудящихся массъ,
О коммунизмахъ своихъ не твердите —
Вѣруемъ въ мощь вспомогательныхъ кассъ.
Если возможно, то осторожно
Шествуй впередъ, рабочій народъ! *).

---

*) «Гимнъ новѣйшаго русск. соціалиста». Заря № 1 стр. 152-153. Подъ псевдонимомъ «Нарцысъ Тупорыловъ» скрывался одинъ изъ

Я привелъ изъ «Зари» этотъ «гимнъ», для того, чтобы показать, къ какимъ полемическимъ пріемамъ считали между прочимъ, возможнымъ прибѣгать «Искра» и выходившая при ближайшемъ участіи Плеханова, Аксельрода и Засуличъ «Заря» въ борьбѣ съ оппортунистическимъ крыломъ нашей партіи. Да, «Искра» не брезгала такими пріемами полемики, не брезгала потому, что ея девизомъ было: «Прежде чѣмъ объединяться и для того, чтобы объединиться надо размежеваться» и размежеваться рѣшительно.. Въ партіи *революціонной соціалдемократіи* не можетъ быть мѣста людямъ, воспѣвающимъ, какъ единственное всеспасающее средство борьбы «вспомогательныя кассы», людямъ, смущающимся передъ «заревомъ крови», тѣмъ, кто вѣритъ, что всѣ наслѣдія азіатчины «рухнутъ когда нибудь сами собой»; не можетъ быть въ ней мѣсто и тѣмъ, кто противопоставляетъ «узкому» «сектантскому» соціалдемократическому движенію широкое «чисто рабочее» дѣло, людямъ неувлекающимся, приспособляющимся, трезвымъ...

Всѣхъ такихъ господъ «Искра» тянула за языкъ, заставляя ихъ ставить точки надъ «і», она извлекала на свѣтъ божій всякое credo и широко критикуя его, старалась вскрывать его истинную подоплеку и прячущуюся за революціонной фразой антиреволюціонную сущность. При помощи рѣзкой безпощадной критики она заставляла отдѣлиться всѣ не-пролетарскія группы, мирно уживавшіяся въ рядахъ нашей партіи при господствѣ «рабочедѣльчества». Безмятежное выступаніе подъ видомъ марксиста и соціалдемократа стало теперь невозможнымъ для господъ типа Струве, Прокоповичей, Кусковыхъ; подъ натискомъ «Искры» имъ пришлось спасаться въ «Освобожденіе». Всѣ пережитки старыхъ *надклассовыхъ* революціонныхъ партій должны были объединиться подъ надклассовымъ всеобъемлющимъ интеллигентскимъ знаменемъ «соціалистовъ-революціонеровъ». Только благодаря критикѣ «Искры», практики наконецъ уразумѣли, что не всякій исправляющій, дополняющій и углубляющій марксизмъ и всуе твердящій о рабочемъ движеніи, не всякій, защищающій интересы «трудящихся», имѣетъ право называться соціалдемократомъ, право считаться членомъ соціалдемократической партіи.

вождей теперешняго праваго крыла нашей Партіи: Мартовъ, псевдонимъ этотъ былъ придуманъ другимъ вождемъ меньшевизма. Г. В. Плехановымъ.

Чтобы понять все значеніе полемики «Искры», нужно представить себѣ тогдашнее положеніе вещей. Нелегальное существованіе, на которое были обречены русская революція и оппозиція *всѣхъ* оттѣнковъ, какъ то совершенно затирали классовое различіе между всѣми направленіями. Боящійся пуще огня всякой революціи либералъ съ жадностью набрасывался на всякое произведеніе нелегальной печати, безразлично, будь то толстовское «Свободное Слово», или передающіе придворныя сплетни «Листки фонда вольной русской прессы», или «Рабочее Дѣло», или «Искра». Онъ жаждалъ отдохнуть отъ труднаго эзоповскаго языка легальныхъ газетъ, отъ вынужденнаго чтенія между строкъ легальныхъ книгъ. Читая «Свободное Слово» такой либералъ готовъ былъ подписаться подъ толстовщиной, а читая «Рабочее Дѣло» не прочь былъ назвать себя и «соціалдемократомъ» или, болѣе скромно «соціалистомъ». За всѣми произведеніями вольной печати онъ видѣлъ одну заслугу: они подтачивали вѣру въ «незыблемость основъ» и подготовляли почву для его, либерала, будущаго господства. Программы, теоріи, все это дѣло наживное, все это явится во благовременіе, послѣ конституціи. Тогда онъ, конечно, станетъ на сторону трудящихся, на сторону эксплуатируемыхъ вѣдь не буржуй же онъ, въ самомъ дѣлѣ, не капиталистъ— а пока всѣ «товарищи», у всѣхъ одна ближайшая цѣль, всѣхъ одинаково эксплуатируетъ современный политическій строй.

Такъ разсуждали, впрочемъ, не одни только либералы. Я помню одинъ разговоръ съ однимъ виднымъ дѣятелемъ партіи «соціалистовъ революціонеровъ». «Къ чему эти программы, — говорилъ онъ, — мы всѣ революціонеры; нелегальныя книжки, да прокламаціи вѣдь не для насъ съ вами нужны, а для массы; а развѣ ей интересны всѣ эти программы, теоріи. Ее поднять нужно, это главное, а подымете вы или мы— это вопросъ второстепенный. Вы считаете вашу тактику лучшей, такъ и дѣйствуйте, мы вамъ мѣшать не будемъ, не мѣшайте же и вы намъ дѣйствовать по своему. Къ чему вся эта полемика, грызня другъ съ другомъ изъ за программныхъ вопросовъ — не лучше ли дѣйствовать сообща всѣмъ «фракціямъ» одной общей товарищеской революціонной семьи?»

«Искра» со своей непримиростью, рѣзкостью, «нетоварищескими пріемами полемики» не могла не вызвать противъ себя бурю негодованія со стороны всѣхъ этихъ «послѣконсти-

туціонныхъ» соціалистовъ и революціонныхъ «товарищей». На дружески раскрытыя для встрѣчи новаго собрата объятія «Искра» упорно, точно съ ножемъ къ горлу приступала съ вопросомъ: «како вѣруеши?», т. е. каково твое отношеніе къ сознательной классовой борьбѣ пролетаріата? Какова твоя программа, и не только «программа дѣятельности», къ которой, по мнѣнію «Раб. Дѣла» допустимо снисходительное отношеніе, нѣтъ, какова твоя дѣйствительная «партійная» программа, твоя идеологія? Понятно, что люди, у которыхъ за душой, кромѣ «настроенія», «революціоннаго духа», да «революціонныхъ пріемовъ борьбы», ничего не было, должны были впадать въ истерику и вопить о «нетоварищескихъ пріемахъ полемики».

«Можно ли относить тактическія разногласія, — писала «Искра», — къ числу такихъ разногласій, наличность которыхъ лишаетъ данныхъ политическихъ дѣятелей возможности принадлежать къ одной и той же политической партіи?.. Если люди согласны между собой въ принципахъ, то они товарищи и должны оставаться таковыми, имъ грѣшно разрывать изъ за второстепенныхъ частностей... Такъ говорятъ обыкновенно диллетанты соціализма, которымъ «представляется, что тактическіе вопросы отдѣлены отъ принципіальныхъ непроходимой пропастью. На самомъ дѣлѣ такой пропасти не существуетъ... тактическія разногласія, перейдя извѣстный предѣлъ, превращаются въ разногласія принципіальныя... Кромѣ тѣхъ принциповъ, которые представляютъ собой формулировку и обоснованіе конечной цѣли, соціализма, существуютъ еще тѣ принципы, на которые опирается тактика борьбы за эту цѣль. Люди, не согласные между собой въ въ этихъ послѣднихъ, не могутъ идти вмѣстѣ, какъ бы не было велико ихъ единомысліе въ томъ, что касается общихъ положеній соціализма... Для того, чтобы двѣ соціалистическія группы (или организаціи, или фракціи, или партіи), могли объединиться съ пользой для дѣла, необходимо, стало быть, кромѣ единодушія по отношенію къ конечной цѣли—чтобы ни одна изъ нихъ не придерживалась такой тактики, которая могла бы показаться другой группѣ (или организаціи, или и т. д.) вредной для развитія классоваго самосознанія рабочихъ. Это предѣлъ, который не можетъ и не долженъ быть перейденъ. Какъ только тактическія разногласія между двумя группами перешли за него, они пріобрѣтаютъ принципіальное

значеніе и тогда разрывъ становится неизбѣжнымъ, препятствовать ему—значитъ вредить ему»*).

И вотъ съ этой то точки зрѣнія «Искра», не обращая вниманія на заголовокъ, подходила къ каждой группѣ, къ каждому органу и говорила имъ: хорошо, ты признаешь соціализмъ, ты называешь себя соціалдемократическимъ (кой), но способствуетъ ли твоя тактика проясненію классового сознанія пролетаріата или затемняетъ его? приближаетъ ли она пролетаріатъ къ его конечной цѣли, или, наоборотъ, отдаляетъ отъ нея? Событія послѣднихъ лѣтъ въ западной Европѣ показали, какъ важны вопросы тактики въ соціалдемократическомъ движеніи. «Въ чемъ состоитъ «новое» направленіе, которое «критически» относится къ «старому догматическому» марксизму это съ достаточной опредѣленностью *сказалъ* Бернштейнъ и *показалъ* Милльеранъ» **). И можно не сомнѣваться, говоритъ «Искра», «что революціонная борьба XX вѣка приведетъ къ тому, что можно будетъ mutatis mutandis назвать разрывомъ соціалдемократической «Горы» съ соціалдемократической «Жирондой» ***) И для «Искры» не было никакого сомнѣнія въ томъ, что тактика нашей «Жиронды» должны разойтись съ тактикой нашей «Горы», т. е. революціонной соціалдемократіи. «Тактика-планъ» и «тактика процессъ»—вотъ какъ формулируетъ тактическія разногласія Б. Кричевскій; первую онъ, какъ истый жирондистъ, конечно, отвергаетъ, какъ «бланкисткую», «сектантскую» и поетъ гимнъ второй.

Свой взглядъ на тактику «Искра» изложила въ № 4. Она писала: «Рѣчь идетъ теперь не о выборѣ пути (какъ это было въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ), а о томъ, какіе практическіе шаги и какъ именно должны мы сдѣлать на извѣстномъ пути. Рѣчь идетъ о системѣ, о планѣ практической дѣятельности», а для этого нельзя, подобно «Рабочему Дѣлу», поддѣлываться подъ каждое новое вѣяніе и «мѣнять тактику въ 24 часа». «Въ 24 часа можно измѣнить тактику агитаціи по какому-нибудь спеціальному вопросу, тактику проведенія какой-нибудь детали партійной организаціи; а измѣ-

---

*) О тактикѣ, вообще, о тактикѣ николаев. ген. Реада въ частности и о тактикѣ Б. Кричевскаго въ особенности». «Искра» № 10, ноябрь 901 г., стр. 3, столб. 1—4.

**) Ленинъ «Что дѣлать», стр 1.

***) «На порогѣ XX в.», «Искра» № 2, стр. 2.

нить не только въ 24 часа, но хотя бы въ 24 мѣсяца свои взгляды на то, нужна ли вообще, всегда и безусловно боевая организація и политическая агитація въ массѣ, могутъ только люди безъ всякихъ устоевъ. Смѣшно ссылаться на различіе обстановки, на смѣну періодовъ: работать надъ созданіемъ боевой организаціи и веденіемъ политической агитаціи обязательно при какой угодно «сѣрой, мирной» обстановкѣ, въ періодъ какого угодно «упадка революціоннаго духа», болѣе того: именно при такой обстановкѣ и въ такіе періоды особенно необходима указанная работа, ибо въ моменты взрывовъ и вспышекъ поздно уже создавать организацію, она должна быть наготовѣ, чтобы развернуть свою дѣятельность. «Измѣнить въ 24 часа тактику!» Да для того, чтобы измѣнить тактику, надо прежде имѣть тактику, а если нѣтъ крѣпкой организаціи, искушенной въ политической борьбѣ при всякой обстановкѣ и во всякіе періоды, то не можетъ быть и рѣчи о томъ систематическомъ, освѣщенномъ твердыми принципами и неуклонно проводимомъ планѣ дѣятельности, который только и заслуживаетъ названія тактики».

«Рабочее Дѣло» такъ увлеклось «историческимъ поворотомъ» (февральскими и мартовскими днями), что стало звать сейчасъ же на штурмъ самодержавія. «Спрашивается,—продолжаетъ «Искра»,—можемъ ли мы въ данный моментъ *звать* на такой штурмъ? «Рабочее Дѣло» повидимому думаетъ, что да. По крайней мѣрѣ оно восклицаетъ: «Стройтесь въ штурмовыя колонны!» Но это опять таки усердіе не по разуму. Главная масса нашихъ военныхъ силъ — добровольцы и повстанцы. Постояннаго войска есть у насъ нѣсколько небольшихъ отрядовъ, да и тѣ не мобилизованы, не связаны между собой, не пріучены строиться въ военныя колонны вообще, а не то, что въ штурмовыя колонны. При такихъ условіяхъ для всякаго, кто способенъ обозрѣть общія условія нашей борьбы, не забывая о немъ при каждомъ «поворотѣ» историческаго хода событій,—должно быть ясно, что лозунгомъ нашимъ въ данный моментъ не можетъ быть «идти на штурмъ», а должно быть: «устроить правильную осаду непріятельской крѣпости», другими словами, непосредственной задачей нашей партіи не можетъ быть призывъ наличныхъ силъ теперь же къ атакѣ, а долженъ быть призывъ къ выработкѣ революціонной организаціи, способной объединить всѣ силы и руководить движеніемъ не только по названію, но и на самомъ дѣлѣ, т. е.

быть всегда готовой къ поддержкѣ всякаго протеста и всякой вспышки, пользуясь ими для умноженія и укрѣпленія военныхъ силъ, годныхъ для рѣшительнаго боя...

Сегодня передъ нами встала сравнительно легкая задача—поддержать студентовъ, демонстрирующихъ на улицахъ большихъ городовъ. Завтра встанетъ, можетъ быть болѣе трудная задача, напримѣръ, поддержать движеніе безработныхъ въ извѣстномъ районѣ. Послѣзавтра мы должны оказаться на своемъ посту, чтобы принять революціонное участіе въ крестьянскомъ бунтѣ. Сегодня мы должны воспользоваться тѣмъ обостреніемъ политическаго положенія, которое создало правительство походомъ на земство. Завтра мы должны поддержать возмущеніе населенія противъ того или другого зарвавшагося башибузука и помочь—посредствомъ бойкота, травли, манифестаціи и т. п. проучить его такъ, чтобы онъ принужденъ былъ къ открытому отступленію».

Этимъ «Искра», конечно не хочетъ сказать, что *только* отъ такой планомѣрной осады возможно паденіе самодержавія. «Вполнѣ возможно и исторически гораздо болѣе вѣроятно,—говоритъ она,—что самодержавіе падетъ подъ давленіемъ одного изъ тѣхъ стихійныхъ взрывовъ или непредвидѣнныхъ политическихъ осложненій, которые постоянно грозятъ со всѣхъ сторонъ. Но ни одна политическая партія, не впадая въ авантюризмъ, не можетъ строить своей дѣятельности въ разсчетѣ на такіе взрывы и осложненія. Мы должны идти своимъ путемъ, дѣлать неуклонно свою систематическую работу и чѣмъ меньше будемъ мы разсчитывать на неожиданности, тѣмъ больше вѣроятія, что насъ не застанутъ врасплохъ никакіе историческіе повороты» *)

Противъ этой «тактики плана» «Рабочее Дѣло» выдвигаетъ «тактику-процессъ». Такъ какъ «конкретныя условія, земная дорога, по которой приходится идти къ цѣли,—говоритъ оно,—не приспособляются къ нашимъ заранѣе установленнымъ планамъ, то остается одно изъ двухъ—либо жертвовать живымъ дѣломъ «систематическому плану», либо вѣчно колебаться между обязанностями, налагаемыми планомъ и дѣйствіями, которыхъ повелительно требуютъ условія и интересы борьбы. «То-ли дѣло тактика—процессъ,—«она заранѣе опредѣляетъ не способъ дѣйствія, а только *общій принципъ*,

*) «Съ чего начать» Искра, № 4, стр. 1. стлб. 1—3.

который долженъ руководить измѣненіями нашей дѣятельности — приспособленіе ея къ даннымъ конкретнымъ условіямъ ради достиженія цѣли, указанной въ программѣ.. такая тактика является зрѣлымъ плодомъ возмужавшаго соціалдемократическаго движенія. Въ противоположность дѣтски сектантскому періоду движенія, связавшему дѣятельность безчисленными узами «воздержанія», она пишетъ на своемъ знамени: *«вѣра безъ дѣлъ мертва есть!»* Выросши на почвѣ самой борьбы, взглядъ на тактику, какъ на процессъ, является логическимъ дополненіемъ общаго марксистскаго взгляда на все рабочее движеніе, какъ на процессъ развитія борющагося за свое освобожденіе пролетаріата. Практически этотъ взглядъ выражается въ томъ, что непосредственныя задачи пролетаріата мѣняются и расширяются вмѣстѣ съ измѣненіемъ условій борьбы и ростомъ его силы. Тактика-процессъ—*это есть вѣчное исканіе новыхъ путей въ свѣтѣ принциповъ* —исканіе, сопряженное, какъ всякое человѣческое исканіе съ заблужденіями, но *единственно гарантирующее поступательный ростъ движенія*»*) (курсивъ Кричевскаго).

Чтобы не показаться голословнымъ примѣръ такого нащупыванія тактика—процесса даетъ намъ другой сотрудникъ «Раб. Дѣла» Мартыновъ. «Мы считаемъ очень вѣроятнымъ,—пишетъ онъ,—что въ моментъ ликвидаціи самодержавія нынѣ трусливые или реакціонные элементы буржуазнаго и вообще(?) культурнаго общества возвысятъ голосъ въ пользу конституціи и этимъ окончательно рѣшатъ дѣло самодержавія. Мы считаемъ очень вѣроятнымъ, что инціатива рѣшительныхъ схватокъ съ самодержавіемъ будетъ исходить изъ среды разночинной интеллигенціи, для которой политическая свобода является самымъ наболѣвшимъ вопросомъ жизни. Но несомнѣнно, что главнымъ и постояннымъ источникомъ революціонной энергіи у насъ уже и теперь является рабочая масса»**). Казалось бы, отсюда выводъ ясенъ: надо постараться, чтобы рабочіе къ моменту ликвидаціи самодержавія, когда «культурные, буржуазные и интеллигентные» слои «возвысятъ» свой голосъ въ пользу конституціи, были уже настолько сознательны, что сумѣли бы выставить *свои* требованія, дабы въ противномъ случаѣ некультурнымъ рабо-

---

*) Кричевскій «Принципы, тактика, борьба». «Р. Дѣло». № 10, стр. 12—13.

**) Мартыновъ «Обличительная литература и пролетар. борьба». «Р. Д». № 10. стр. 42.

чи́мъ слоямъ не пришлось-бы и съ конституціей остаться при пиковомъ интересѣ.

Но такъ расуждать могутъ только сектанты, доктринеры, послѣдователи тактики — плана; тактика же процессъ устами Мартынова вѣщаетъ, что читать революціонныя изданія (т. е. пріобрѣтать сознательность М. Л.) не значитъ еще бороться... Мы, соціалдемократы должны прежде всего руководить пролетарской борьбой. Поэтому наша агитаціонная тактика должна выработать руководящіе принципы массовой борьбы пролетаріата и для такихъ острыхъ революціонныхъ періодовъ, какой недавно переживала Россія, и для обычныхъ условій». Въ обычное время эта тактика повелѣваетъ «придать экономической борьбѣ политическій характеръ»*)... Наша партія,—продолжаетъ далѣе Мартыновъ,—могла бы и должна бы ставить правительству конкретныя требованія законодательныхъ и административныхъ (sic!) мѣропріятій противъ экономической эксплуатаціи, противъ безработицы противъ голода и т. д. Такія требованія не были бы пустымъ звукомъ, потому что, суля извѣстные *осязательные* (курсивъ мой. М. Л) результаты, они могли бы быть активно поддержаны рабочей массой»**)

Однимъ словомъ, тактика—процессъ властной рукой привела Мартынова вкупѣ съ Кричевскимъ въ лоно автора «Credo» и передовицы № 1 «Раб. Мысли». Послѣ могучаго призыва къ немедленному штурму самодержавія и вдругъ призывъ къ борьбѣ за «осязательный результатъ легализаціи административнымъ порядкомъ «кассъ взаимопомощи»!

Высшей политикой насъ не прельстите
Вы, демагоги трудящихся массъ,
О коммунизмахъ своихъ не твердите—
Вѣруемъ въ мощь вспомогательныхъ кассъ.

«Другъ мой, Аркадій Николаевичъ, пожалуйста не говори красиво!—пишетъ «Искра» въ уже цитированной нами статьѣ объ этой тактикѣ-процессѣ.—Вѣчное исканіе новыхъ путей, да еще при свѣтѣ принциповъ, разумѣется хорошее дѣло. Но оно хорошо только тогда, когда «ищущій» находитъ дѣйствительно что нибудь новое. А когда онъ открываетъ «вѣчно» такія америки, которыя давно открыты, но въ существованіи

---

*) Тамъ-же, та-же стр.
**) Тамъ-же, стр. 43.

которыхъ онъ по своему крайнему неразумѣнію сомнѣвался, то его «вѣчное исканіе» означаетъ лишь столь же «вѣчную» неспособность понять то, что ему говорятъ болѣе опытные люди»*). «Наполеонъ не только не чуждался» «тактики—плана», но утверждалъ, что въ хорошо составленномъ планѣ должны быть напередъ приняты мѣры противъ всевозможныхъ случайностей (просимъ Кричевскаго замѣтить, что Наполеонъ заранѣе составлялъ не только тактическіе, но и стратегическіе планы, т. е. не только планы отдѣльныхъ битвъ, но и планы *цѣлыхъ кампаній).* И еслибы какой нибудь глубокомысленный Кричевскій того времени вздумалъ увѣрять его, что «планъ» —пустяки, а главный залогъ успѣха заключается въ томъ, что тактика есть процессъ роста тактическихъ задачъ, растущихъ и т. д., то деспотическій корсиканецъ навѣрно скоро оборвалъ бы его съ обычной своей безцеремонностью... Почему Б. Кричевскій вообразилъ, что тактика—планъ можетъ основываться только на принципахъ, да на самыхъ общихъ условіяхъ дѣйствительности?... Мы рѣшительно не понимаемъ, въ силу какихъ причинъ русскіе соціалдемократы при составленіи плана дѣйствій должны принимать въ соображеніе только «существованіе самодержавія», а не соотношеніе русскихъ общественныхъ силъ, степень развитія русскаго пролетаріата, свою собственную организованность (или дезорганизованность) и, наконецъ, величину «свободной наличности», находящейся въ ихъ кассѣ. По нашему скромному разумѣнію, выходитъ, что всѣ эти вполнѣ «конкретныя» условія гораздо болѣе способенъ упустить изъ виду тотъ человѣкъ, который, начитавшись Б. Кричевскаго, пренебрегаетъ «планами» и твердитъ, что тактика есть процессъ роста задачъ, растущихъ и проч., и проч.» **).

Развивать классовое самосознаніе всего пролетаріата, организовывать его передовыхъ сознательныхъ борцовъ въ революціонную организацію, расшевеливать и подталкивать всякую оппозицію противъ самодержавія, къ какому бы слою общества эта оппозиція не принадлежала, подталкивать, обостряя возникающіе у нея съ правительствомъ конфликты, разоблачать и объяснять съ соціалдемократической, революціонной точки зрѣнія каждое мѣропріятіе, каждый шагъ правитель-

---

*) «О тактикѣ вообще и т. д.» «Искра» № 10, стр. 3, столб. 3.
**) Тамъ-же стр. 3, столб. 2.

ства—и всѣмъ этимъ вмѣстѣ взятымъ подготовлять рѣшительный штурмъ самодержавія. Вотъ въ чемъ заключалась тактика —планъ «Искры».

«Область, изъ которой только можно почерпнуть (классовое, политическое) сознаніе,—говоритъ Ленинъ,—есть область отношеній *всѣхъ* классовъ и слоевъ къ государству и правительству, область взаимоотношеній между всѣми классами... Чтобы принести *рабочимъ* политическое знаніе соціалдемократы должны *идти во всѣ классы населенія*, должны разсылать *во всѣ стороны* отряды своей арміи» *)... «Тотъ не соціалдемократъ, кто забываетъ на дѣлѣ, что «коммунисты поддерживаютъ всякое революціонное движеніе», что мы обязаны поэтому *передъ всѣмъ народомъ* излагать и подчеркивать *общедемократическія задачи*, не скрывая ни минуты своихъ соціалистическихъ убѣжденій. Тотъ не соціалдемократъ, кто забываетъ на дѣлѣ о своей обязанности быть *впереди всѣхъ* въ постановкѣ, обостреніи и разрѣшеніи всякаго общедемократическаго вопроса» **).

Съ этимъ согласны были всѣ, даже рабочедѣльцы вынесли на своемъ съѣздѣ резолюцію въ этомъ смыслѣ. «Но недостаточно называть себя «авангардомъ» передовымъ отрядомъ,—продолжаетъ Ленинъ,—надо и дѣйствовать такъ, чтобы *всѣ* остальные отряды видѣли и вынуждены были признать, что мы идемъ впереди. И мы спрашиваемъ читателя: неужели же представители остальныхъ «отрядовъ» такіе дураки, чтобы повѣрить на слово насчетъ «авангарда». Представьте себѣ конкретно такую картину. Въ «отрядъ» русскихъ образованнхъ радикаловъ или либеральныхъ конституціоналистовъ является соціалдемократъ и говоритъ: мы—авангардъ; «теперь передъ нами стоитъ задача—какъ придать по возможности самой экономической борьбѣ политическій характеръ?» Сколько нибудь умный радикалъ или конституціоналистъ только усмѣхнется, услыхавъ такую рѣчь и скажетъ (про себя конечно): ну и простоватъ же этотъ «авангардъ»... Такой авангардъ, который стремится замѣнить соціалдемократическую политику трэдъ-юніонистской, играетъ только на руку радикаламъ и либераламъ; и усмѣшка конституціоналиста превратилась бы въ гомерическій хохотъ,

*) «Что дѣлать»? стр. 59.
**) Тамъ-же стр. 62

елибы онъ узналъ, что эти соціалдемократы (вродѣ Мартынова), которые говоря о соціалдемократіи какъ объ авангардѣ, въ моментъ почти полнаго господства стихійности въ нашемъ движеніи больше всего боятся, «преуменьшенія стихійнаго элемента», боятся «уменьшить значеніе поступательнаго хода сѣрой текущей борьбы по сравненію съ пропогандой блестящихъ и законченныхъ идей» и пр. и пр. «Передовой» отрядъ, который боится, какъ бы сознательность не обогнала стихійности, который боится выдвинуть смѣлый «планъ», вынуждающій общее признаніе и у несогласно мыслящихъ. Да ужъ не смѣшиваютъ ли они слово авангардъ съ словомъ арьергардъ?»*)

Но возможна ли работа во всѣхъ классахъ, есть ли тамъ достаточная почва для агитаціи? «Рабочее движеніе, — отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Ленинъ, — вызвало и продолжаетъ вызывать недовольство въ однихъ, надежды на поддержку оппозиціи въ другихъ, сознаніе невозможности самодержавія и необходимости его краха въ третьихъ. Мы были бы только на словахъ «политиками» и соціалдемократами (какъ очень и очень часто бываетъ въ дѣйствительности), еслибы не сознали своей задачи использовать всѣ и всякія проявленія недовольства, собрать и подвергнуть обработкѣ всѣ крупицы хотя бы зародышеваго протеста. Не говоримъ уже о томъ, что вся многомилліонная масса трудящагося крестьянства, кустарей, мелкихъ ремесленниковъ и проч. всегда жадно стала бы слушать проповѣдь сколько нибудь умѣлаго соціалдемократа, какъ выразителя самыхъ наболѣвшихъ общедемокртическихъ нуждъ. А кто хочетъ конкретно представить себѣ эту политическую агитацію соціалдемократа во всѣхъ классахъ и слояхъ населенія, тому мы укажемъ на *политическія обличенія* въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ на главное, но, разумѣется, не единственное средство агитаціи... Авангардомъ революціонныхъ силъ сумѣетъ стать въ наше время только партія, которая *организуетъ* дѣйствительно *всенародныя* обличенія», и только тогда люди всѣхъ классовъ и сословій будутъ обращаться къ намъ со своими жалобами на правительство, «когда увидятъ, что эти жалобы дѣйствительно способны оказать дѣйствіе, что мы представляемъ изъ себя *политическую силу*». А для того, чтобы

*) «Что дѣлать?» стр. 62—63.

стать таковой, «недостаточно повѣсить ярлыкъ «авангардъ» на теорію и практику «арьергарда», для этого необходима упорная работа «надъ повышеніемъ нашей сознательности и энергіи» *).

«Поскольку «Искра» старается уложить всѣ сложныя формы революціонной борьбы въ прокрустово ложе узкой догмы,— говоритъ Мартыновъ,—она заглушаетъ активное чувство, парализуетъ иниціативу и суживаетъ до-нельзя сферу революціоннаго воздѣйствія. Еслибы «Искра» продолжала вестись въ томъ же духѣ, она имѣла бы, вѣроятно, прочный успѣхъ среди извѣстнаго кружка оппозиціонныхъ читателей, но она не имѣла бы успѣха среди революціонныхъ дѣятелей» **). Вообще, «Искра» органъ не соціалдемократическій, не революціонный, а только оппозиціонно-демократическій — таковъ былъ лозунгъ, данный изъ главнаго штаба «Рабочаго Дѣла», и этотъ лозунгъ пошелъ гулять по всѣмъ практикамъ, сторонникамъ этого направленія, а при помощи послѣднихъ попалъ и въ рабочіе кружки, не видавшіе благодаря этимъ практикамъ ни одного номера «Искры».

Въ чемъ же долженъ былъ выразиться классовой, соціалдемократическій характеръ «всенароднаго обличенія»? «Да въ томъ именно, — отвѣчаетъ Ленинъ, — что организуемъ эти всенародныя обличенія мы, соціалдемократы; въ томъ, что освѣщеніе всѣхъ, подинмаемыхъ агитаціей вопросовъ будетъ даваться въ неуклонно соціалдемократическомъ духѣ, безъ всякихъ подачекъ — умышленныхъ и неумышленныхъ — искаженіямъ марксизма; въ томъ, что вести эту всестороннюю политическую агитацію будетъ партія, соединяющая въ одно неразрывно цѣлое и натискъ на правительство отъ имени всего народа, и революціонное воспитаніе пролетаріата, на ряду съ его политической самостоятельностью, и руководство экономической борьбой рабочаго класса, утилизацію тѣхъ стихійныхъ столкновеній его съ его эксплуататорами, которые поднимаютъ и привлекаютъ въ нашъ лагерь новые и новые слои пролетаріата» ***).

Къ выполненію этой тактики «Искра»приступила уже съ первыхъ номеровъ. «Мы говорили, — продолжаетъ Ленинъ,

*) «Что дѣлать?» стр. 66—67.

**) «Обличительн. литература и поролет. борьба». Р. Д. № 10. стр. 54.

***) «Что дѣлать?» стр. 68.

—о необходимости внести классовую борьбу въ деревню, по поводу сорокалѣтія освобожденія крестьянъ (№ 3) и о непримиримости самоуправленія и самодержавія, по поводу тайной записки Витте (№ 4), мы нападали на крѣпостничество землевладѣльцевъ и служащаго имъ правительства, по поводу новаго закона (№ 8) и привѣтствовали нелегальный земскій съѣздъ, поощряя земцевъ перейти къ борьбѣ отъ униженныхъ ходатайствъ (№ 8); мы поощряли студентовъ, начинавшихъ понимать необходимость политической борьбы и переходившихъ къ таковой (№ 3) и въ то же время бичевали «дикое непониманіе», обнаруженное сторонниками «только студенческаго» движенія, приглашавшими студентовъ не участвовать въ уличныхъ демонстраціяхъ (№ 3).. мы разоблачали «безсмысленныя мечтанія» и «лживое лицемѣріе» либеральныхъ лукавцевъ газеты «Россія» (№ 5) и въ то-же время отмѣчали бѣшенство правительственнаго застѣнка, который «творилъ расправу надъ мирными литераторами, надъ старыми профессорами, надъ извѣстными либральными земцами» (№ 5, «полицейскій набѣгъ на литературу»), мы разоблачали настоящее значеніе «государственной попечительности о благоустройствѣ быта рабочихъ» и привѣтствовали «цѣнное признаніе», что «лучше преобразованіями сверху предупредить требованія таковыхъ снизу, чѣмъ дожидаться послѣдняго» (№ 6),—мы поощряли статистиковъ-протестантовъ (№ 7) и порицали статистиковъ-штрейкбрехеровъ (№ 9). Кто усматриваетъ въ этой тактикѣ затемнѣніе классового сознанія пролетаріата и *компромиссъ съ либерализмомъ*, тотъ тѣмъ самымъ обнаруживаетъ, что онъ совершенно не понимаетъ истиннаго значенія программы *credo* и de facto проводитъ *именно эту программу*, сколько бы онъ отъ нея не отрекался! Потому что онъ *тѣмъ самымъ* тащитъ соціалдемократію «къ экономической борьбѣ съ хозяевами и съ правительствомъ» и *пасуетъ передъ либерализмомъ*, отказываясь отъ задачи активно вмѣшиваться въ *каждый* «либеральный» вопросъ и опредѣлять *свое* соціалдемократическое отношеніе къ этому вопросу» *).

Чтобы вполнѣ выяснить тактическіе взгляды «Искры» намъ остается лишь подробнѣе остановиться на отношеніи ея къ

*) «Что дѣлать?» стр. 71.

тактикѣ, извѣстной подъ именемъ «террора», т. е. къ единоличной борьбѣ противъ отдѣльныхъ угнетателей.

О террорѣ «Искрѣ» пришлось заговорить уже въ первыхъ номерахъ, подъ впечатлѣніемъ выстрѣловъ Карповича и Лаговскаго. «Рядомъ съ вѣстями, говорившими о громадномъ расширеніи политическаго движенія,—пишетъ В. Засуличъ,—намъ попадаются на каждомъ шагу также сообщенія о томъ, что въ «публикѣ», среди «мирныхъ либераловъ», «простыхъ обывателей» слышатся теперь надежды, предсказанія и пожеланія, чтобы возобновился снова «терроръ», которымъ закончилось революціонное движеніе 70-хъ годовъ» *).

Редакція «Раб. Дѣла», желающая отражать настроеніе рабочихъ, а въ дѣйствительности отражающая настроеніе «простыхъ обывателей» и «мирныхъ либераловъ», плывя по теченію «стихійности», сейчасъ же подхватила эти «пожеланія» и «предсказанія». «Историческій моментъ,—читаемъ мы въ № 6 «Рабоч. Дѣла»,—выдвинулъ передъ нашей партіей совершенно новый вопросъ. *Выстрѣлы Карповича и Лаговскаго* и то горячее сочувствіе, которое они встрѣтили въ рядахъ молодежи и всѣхъ революціонныхъ элементовъ вообще, ясно показываютъ, что *бѣлый терроръ* правительства снова, съ неотвратимой силой закона природы, создаетъ почву для *краснаго террора* революціонеровъ. Наши партійныя организаціи не могутъ и не должны игнорировать этого факта, обходить его молчаніемъ. Онѣ должны *сообща* рѣшить, какое положеніе имъ всѣмъ занять по отношенію къ террору» **).

Засуличъ вмѣстѣ со всей редакціей «Искры» не сочла возможнымъ увлечься этой «неотвратимой силой закона» и попыталась разобрать вопросъ о террорѣ по существу. Эти увлеченія, говоритъ Засуличъ, свидѣтельствуютъ о «томъ же самомъ широкомъ возбужденіи и тѣмъ не менѣе укрѣпленіе такихъ надеждъ имѣло бы по нашему мнѣнію противоположную тенденцію суживать, а не расширять поле борьбы. Единичные акты самопожертвованія, какъ выстрѣлъ Карповича, не исходящіе ни отъ какой организованной силы, не могутъ сосредоточивать на себѣ общественныхъ надеждъ. На нихъ нельзя разсчитывать. Это не акты борьбы, а лишь выраженіе общаго озлобленія и боли, вызываемой особо ненави-

*) «По поводу современ. событій». Искра № 3, стр. 7, стлб. 1.
**) «Историч. поворотъ». Листокъ Р. Д., № 6, стр. 5.

стными проявленіями самовластія... Такіе выстрѣлы не могутъ замѣнить собой въ умахъ сочувствующихъ какой бы то не было другой освободительной дѣятельности. Нѣчто совершенно иное представляетъ собой терроръ, входящій въ прогамму организованной группы, въ качествѣ способа борьбы за свободу и представляющійся окружающей террористовъ сочувственной средѣ путемъ къ освобожденію. Мы глубоко убѣждены, что въ настоящій моментъ такой терроръ, еслибы на немъ начали сосредоточиваться общественныя надежды, не только не усилилъ бы освободительнаго движенія, а наоборотъ ослабилъ бы его... Терроръ кажется намъ неподходящимъ въ настоящій моментъ способомъ дѣйствія не самъ по себѣ, а по своему неизбѣжному психическому вліянію на окружающую среду... Терроръ несомнѣнно волновалъ все русское общество, но это было пассивное волненіе, самодовлѣющее, не толкающее къ дѣйствію, сродни эстетическому волненію, вызываемому великими художественными произведеніями. Иной либеральный обыватель могъ плакать отъ умиленія передъ геройствомъ террористовъ, но его собственной жажды дѣятельности и способности къ риску это не увеличивало... Вся активность, вся энергія сосредоточивалась въ горсти героевъ, духъ борьбы не разливался вширь по мѣрѣ ея заостренія, а находилъ исходъ лишь въ сочувствіи, въ вѣрѣ въ «Исполнительный Комитетъ»: онъ освободитъ. При такомъ направленіи общественной энергіи не создавалось силы, которая могла бы воспользоваться нѣкоторымъ психическимъ разстройствомъ, произведеннымъ терроромъ въ правительствѣ, такъ какъ уже этого-то ни въ какомъ случаѣ не могла сдѣлать нелегальная организація террористовъ» *).

«Принципіально мы никогда не отказывались и не можемъ отказаться отъ террора,—писала «Искра» въ другомъ мѣстѣ.—Это одно изъ военныхъ дѣйствій, которое можетъ быть вполнѣ пригодно и даже необходимо въ извѣстный моментъ сраженія, при извѣстномъ состояніи войска и при извѣстныхъ условіяхъ. Но суть дѣла именно въ томъ, что терроръ выдвигается въ настоящее время отнюдь не какъ одна изъ операцій дѣйствующей арміи, тѣсно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а какъ самостоятельное и независимое отъ всякой арміи средство единичнаго на-

*) «По поводу соврем. событій». Искра № 3, стр. 7, столб. 1—2.

паденія. Да при отсутствіи центральной и слабости мѣстныхъ революціонныхъ организацій терроръ и не можетъ быть ничѣмъ инымъ. Вотъ потому то мы рѣшительно объявляемъ такое средство борьбы при данныхъ обстоятельствахъ несвоевременнымъ, нецѣлесообразнымъ, отвлекающимъ наиболѣе активныхъ борцовъ отъ ихъ настоящей, наиболѣе важной въ интересахъ всего движенія задачи, дезорганизующимъ не правительственныя, а революціонныя силы». Терроръ въ настоящее время грозитъ «разрывомъ связи между революціонными организаціями и тѣми разрозненными массами недовольныхъ, протестующихъ, готовыхъ къ борьбѣ, которыя слабы именно своей разрозненностью. А вѣдь въ этой связи единственный залогъ нашего успѣха... Терроръ никогда не можетъ стать заурядным военнымъ дѣйствіемъ: въ лучшемъ случаѣ онъ пригоденъ лишь, какъ одинъ изъ пріемовъ рѣшительнаго штурма» *).

Вмѣсто трусливыхъ вожделѣній о возрожденіи у насъ терроризма, который долженъ замѣнить собой массовое выступленіе, «Искра» рѣшительно заявляетъ: «политическій кризисъ послѣднихъ мѣсяцевъ засталъ наше движеніе врасплохъ. А потому для тѣхъ соціалдемократовъ, которые никода не теряли увѣренности въ исторической задачѣ русскаго пролетаріата «совершенно новый вопросъ», выдвигаемый послѣдними событіями, принимаетъ такой видъ: «что дѣлать для того, чтобы организовать пролетаріатъ въ политическую силу, которую каждый новый кризисъ застанетъ въ состояніи полной боевой готовности»**). «Рабочее дѣло» право, говоря, что бѣлый терроръ правительства создаетъ почву для краснаго террора революціонеровъ. Но сила, создающая *этотъ терроръ* вовсе не «неотвратима»—она, напротивъ, можетъ быть отвращена только активной работой соціалдемократовъ надъ созданіемъ дѣйствительно революціоннаго и сознательно политическаго движенія пролетаріата» ***).

Чѣмъ сильнѣе обострялись отношенія съ правительствомъ, чѣмъ дальше реакція послѣдняго въ лицѣ Сипягина шла по пути къ неограниченному произволу, тѣмъ сильнѣй работала мысль интеллигентныхъ революціонеровъ по направленію къ

---

*) «Съ чего начать?» Искра № 4, стр. 1, столб. 1.
**) «Вопросы дня». Искра № 4, стр. 4, слб. 1
***) Тамъ-же, стр. 3, слб 3.

террору. «Жрецы полицейскаго Молоха, — пишетъ «Искра» по поводу смерти Сипягина,—дѣлаютъ всевозможное, чтобы довести до самой крайней степени раздраженіе нашей свободомыслящей интеллигенціи. Когда раздраженіе достигаетъ этой крайней степени, мысль о *«террористической»* борьбѣ возникаетъ, можно сказать, сама собой всюду, гдѣ отношеніе общественныхъ силъ еще не позволяетъ думать *объ открытомъ массовомъ возстаніи съ оружіемъ въ рукахъ*... Говорятъ, что терроръ тоже воспитываетъ рабочую массу, *возбуждая ее*. Тутъ есть капля истины. Рабочіе, недовольные существующимъ порядкомъ вещей, радуются удачнымъ покушеніямъ и огорчаются неудачными. Ихъ, конечно, *возбуждаютъ* доходящія до нихъ извѣстія о дѣйствіяхъ террористовъ. Но такое возбужденіе не выдерживетъ и отдаленнаго сравненія съ возбужденіемъ, вызываемымъ въ рабочихъ личнымъ непо. средственнымъ участіемъ ихъ въ массовыхъ уличныхъ движеніяхъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ возбужденіе располагаетъ къ *самодѣятельности*, между тѣмъ, какъ сочувствіе къ террористамъ не только не исключаетъ *пассивнаго* отношенія къ общественной жизни, но даже *поддерживаетъ и укрѣпляетъ его*, пріучая населеніе смотрѣть на революціонную партію, какъ на благодѣтельную, на постороннюю ему силу, которая сама все дѣлаетъ, сама поразитъ всѣхъ враговъ свободы и сама обезпечитъ торжество революціи. *Терроризмъ изолируетъ революціонную партію и тѣмъ осуждаетъ ее на пораженіе*... Мы очень цѣнимъ самоотверженіе лицъ, подобныхъ Балмашову и Карповичу, но мы стремимся къ низверженію цѣлой системы. Мы стоимъ на классовой точкѣ зрѣнія. А съ этой точки зрѣнія самымъ вѣрнымъ и совершенно незамѣнимымъ средствомъ борьбы съ царизмомъ была и остается *агитація* въ рабочемъ классѣ для развитія его политическаго самосознанія и *организація* его силъ для дальнѣйшей, все болѣе и болѣе упорной, все глубже и глубже проникающей, все болѣе и болѣе плодотворной и побѣдоносной агитаціи»*).

«Соціалдемократія всегда будетъ предостерегать отъ авантюризма и безжалостно разоблачать иллюзіи, неизбѣжно оканчивающіяся полнымъ разочарованіемъ,—писала «Искра», когда удач-

*) «Смерть Сипягина и наши агитац. задачи». Искра № 20, 1 мая 902 г. стр. 1, слб. 1-3.

ный выстрѣлъ Балмашова создалъ «принципіальное» обоснованіе террора въ программѣ боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ.—Мы должны помнить, что революціонная партія только тогда заслуживаетъ своего имени, когда *на дѣлѣ* руководитъ движеніемъ революціоннаго класса... Мы предпочитаемъ долгую и трудную работу надъ тѣмъ, за чѣмъ есть будущее, «легкому» повторенію того, что осуждено уже прошлымъ. Мы будемъ разоблачать людей, у которыхъ на языкѣ война съ шаблонами догмы, а на дѣлѣ только и есть, что шаблоны самыхъ обветшалыхъ и вредныхъ теорій перебрасыванія силы, разницы между крупной и мелкой работой и, конечно уже, теоріи поединка и единоборства. «Какъ нѣкогда въ битвахъ народовъ вожди ихъ рѣшали бой единоборствомъ, такъ и террористы въ единоборствѣ съ самодержавіемъ завоюютъ Россіи свободу»—такъ заканчивается прокламація (соціалистовъ-революціонеровъ) 3 апрѣля. Такія фразы достаточно перепечатать, чтобы опровергнуть ихъ»*).

«Искра» не могла не напасть со всей своей рѣзкостью и рѣшительностью на эту, какъ и на всякую другую, попытку затемнѣнія классоваго самосознанія пролетаріата, на стремленіе замѣнить его массовую борьбу «единоборствомъ» кучки интеллигентовъ. И чѣмъ сильнѣй шумѣли соціалисты-революціонеры по поводу «террора», тѣмъ рѣшительнѣе должна была быть полемика съ ними со стороны «Искры». Въ слѣдующей части этой работы мы будемъ еще имѣть случай подробнѣй остановиться на отношеніи революціонной соціалдемократіи и ея органа «Искры« къ соціалистамъ-революціонерамъ, а также объ отношеніи къ другимъ оппозиціоннымъ партіямъ. Сейчасъ же мы ограничимся лишь общимъ указаніемъ на сущность революціонныхъ задачъ, которыя ставила «Искра». Вотъ какъ она сама формулируетъ ихъ:

«Классовый характеръ соціалдемократическаго движенія долженъ выражаться не въ суженіи нашихъ задачъ до непосредственныхъ и ближайшихъ нуждъ «чисто рабочаго» движенія, а въ руководствѣ всѣми сторонами и всѣми проявленіями великой освободительной борьбы пролетаріата, этого *единственнаго дѣйствительно революціоннаго класса со-*

---

*) «Революціонный авантюризмъ». Искра № 23. 1 авг. 1902 г., стр. 4, столб. 2—3.

временнаго общества. Соціалдемократія должна всегда и неуклонно расширять воздѣйствіе рабочаго движенія на всѣ сферы общественной и политической жизни современнаго общества. Она должна руководить не только экономической борьбой рабочихъ, но также и политической борьбой пролетаріата, она должна ни на минуту не упускать изъ виду нашей конечной цѣли, всегда пропагандировать, охранять отъ искаженій и развивать дальше пролетарскую идеологію — ученіе научнаго соціализма, т. е. марксизмъ. Мы должны неустанно бороться противъ всякой буржуазной идеологіи, въ какіе бы модные и блестящіе мундиры она не рядилась... Только слѣпые люди могутъ не видѣть, что «критика марксизма» всего быстрѣй привилась въ Россіи и всего торжественнѣй подхвачена русской либеральной публицистикой именно потому, что она является однимъ изъ элементовъ складывающейся буржуазной (теперь уже сознательно буржуазной) демократіи въ Россіи... Что касается политической борьбы въ особенности, то именно «классовая точка зрѣнія» требуетъ, чтобы пролетаріатъ *подталкивалъ* всякое демократическое движеніе. Рабочая демократія своими *политическими* требованіями не принципіально, а только по степени отличается отъ буржуазной демократіи. Въ борьбѣ за экономическое освобожденіе, за соціалистическую революцію, пролетаріатъ стоитъ на принципіально иномъ базисѣ и стоитъ одиноко (мелкій производитель лишь постольку поскольку онъ переходитъ или готовится перейти въ ряды пролетаріата, придетъ ему на помощь). Въ борьбѣ же за политическое освобожденіе у насъ много союзниковъ, безучастно относиться къ которымъ непозволительно. Но въ то время, какъ наши союзники изъ буржуазной демократіи, борясь за либеральныя реформы, всегда будутъ оглядываться назадъ, стараясь устроить дѣло такъ, чтобы имъ можно было попрежнему «ѣсть сытно, спать спокойно и жить весело» на чужой счетъ, пролетаріатъ пойдетъ впередъ безъ оглядки до самаго конца. Когда какіе нибудь гг. Р. Н. С. (авторъ предисловія къ запискѣ Витте) будутъ *торговаться съ правительствомъ о правахъ властнаго земства или о конституціи, мы будемъ бороться за демократическую республику*. Не забудемъ только, что для того, чтобы подталкивать другого, надо всегда держать руку на плечѣ этого другого. Партія пролетаріата должна умѣть ловить всякаго

либерала какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ собрался подвинуться на вершокъ, и *заставлять его* двинуться на аршинъ. А упрется — такъ мы пойдемъ *впередъ безъ него* и *черезъ него*» *).

XX.

«Только объединенная общей программой партія, — говорила «Искра», — можетъ вести планомѣрную и плодотворную работу въ интересахъ дѣла, которому служитъ; только формулировавъ въ стройной программѣ свое общее соціально-политическое міровоззрѣніе и предъявляемыя ею къ современному обществу политическія требованія, партія пролетаріата можетъ вести широкую и успѣшную пропаганду революціоннаго соціализма и внести объединяющую струю въ широкое народное движеніе противъ существующаго строя. Безъ политической программы нѣтъ еще, строго говоря, политической партіи, имѣются на-лицо только элементы слагающейся партіи» **).

Понятно, что, говоря о программѣ, «Искра» разумѣетъ «не программу дѣйствія», это характерное изобрѣтеніе «Рабоч. Дѣла». Для нея «программа дѣйствія» т. е. практика, не отдѣлима отъ теоріи, отъ научной программы. «Соціалдемократія есть соединеніе рабочаго движенія съ соціализмомъ; ея задача не пассивное служеніе рабочему движенію на каждой его отдѣльной стадіи, а представительство интересовъ всего движенія въ цѣломъ, указаніе этому движенію его конечной цѣли, его политическихъ задачъ, охрана его политической и идейной самостоятельности» ***), — такъ писала «Искра» въ своей первой статьѣ. Соціалдемократической программы, отвѣчающей этимъ требованіямъ, до того времени въ Россіи еще не было. Проектъ программы группы «Освобожденіе Труда» (85 года) не могъ считаться *соціалдемократическимъ*, потому что онъ не совмѣщалъ и не могъ совмѣщать въ себѣ и выводы соціализма и опытъ русскаго рабочаго движенія, такъ

*) «Полит. агитація» и «классовая точка зрѣнія». Искра, № 16. 1 февр. 1902 г., стр. 1, столб. 2.

**) Проектъ программы Р. С.-Д. Р. П. «Искра» № 21. 1 іюня. 1902 г., стр. 2, столб. 1.

***) «Насущн. задачи нашего движенія». «Искра», № 1, стр. 1.

какъ послѣднее существовало лишь въ зародышевой формѣ стихійныхъ бунтовъ. Проектъ программы 85 года долженъ былъ поэтому принять чисто отвлеченную, *марксистскую, а не соціалдемократическую форму*. Это была защита марксистскихъ взглядовъ отъ нападокъ соціалистовъ-утопистовъ.

«Программа группы Освоб. Труда,—говоритъ Плехановъ,— представляетъ собой скорѣе очень сжато написанную статью, чѣмъ програму въ собственномъ смыслѣ слова; она содержитъ въ себѣ не только изложеніе взглядовъ ея авторовъ, но и защиту этихъ взглядовъ, отвѣты на тѣ возраженія, которыя должны были подняться со всѣхъ сторонъ. Это было неизбѣжно при извѣстныхъ обстоятельствахъ той эпохи, но это дѣлаетъ ее несоотвѣтствующей требованіямъ настоящаго времени» *).

Не могъ считаться соціалдемократической программой и «Манифестъ», принятый на первомъ съѣздѣ партіи. Онъ только ставилъ вопросъ о необходимости программы, но замѣнить ее намѣченными имъ программными абрисами онъ не могъ. Само собой разумѣется что нельзя также было назвать соціалдемократическими программами считавшіяся обыкновенно таковыми новую и старую программы «Раб. Дѣла». Мы говоримъ о редакціонной статьѣ номера перваго этого журнала, которая являлась программной инструкціей для редакціи и была выработана на 1-мъ съѣздѣ реорганизованнаго (осенью 98 г.) послѣ раскола съ группой «Освоб. Труда» «Союза русскихъ соціалдемократовъ», и о статьѣ «Наша новая программа», выработанной на III съѣздѣ этого Союза послѣ неудачной попытки (осенью 901 г.) соединить организацію Союза съ «Революц. организац. Соціалдемократъ» (гр. Освоб. Труда) и группой «Искры» и «Зари».

О первой изъ этихъ двухъ программъ мы уже говорили и видѣли, какъ мало она напоминаетъ научную соціалдемократическую программу. «Основная тенденція этихъ инструкцій (1898 г.), — говорится въ «Нашей новой программѣ»,— подчеркиваніе необходимости тѣсной связи соціалдемократіи съ широкимъ массовымъ движеніемъ пролетаріата; основное содержаніе этихъ инструкцій—установленіе средствъ для вовлеченія массы въ активную политическую борьбу. Эту тенденцію и это содержаніе инструкцій 98 г. съѣздъ при-

*) Плехановъ. «Проектъ программы Р. С.-Д. Р. П.». Заря № 4. авг. 1902 г., стр. 20.

знаетъ вѣрнымъ и для настоящаго времени» *). Главный же гвоздь самой новой «программы» заключался во взглядѣ, что «дѣятельность социалдемократіи можетъ быть цѣлесообразна лишь подъ условіемъ, если она руководствуется не только общими принципами научнаго соціализма, но и 1) общими политическими и конкретными соотношеніями общественныхъ классовъ данной страны и 2) степенью развитія рабочаго движенія» **). Отсюда ясно, что программа 98 года должна была гарантировать «поступательное политическое развитіе движенія» и могла быть «немедленно выполнима тогдашними, по крайней мѣрѣ, наиболѣе сильными организаціями» ***).

Такимъ «выполнимымъ» пунктомъ программы для болѣе сильныхъ организацій была «борьба за *ближайшія* политическія требованія рабочаго класса», т. е. «наиболѣе развитая и дѣйствительная форма экономической борьбы» †). Въ настоящій же моментъ «выполнимой» для этихъ организацій является задача «не только вовлечь массу въ политическую борьбу, но и цѣлесообразно использовать накопившуюся революціонную силу для низверженія самодержавія»... Хотя «новыя инструкціи, — говоритъ редакція «Раб. Дѣла»,—и могутъ настолько оказаться *впереди* всего движенія въ цѣломъ, насколько иструкціи 98 г. опережали тогдашнее общее состояніе движенія; но это не недостатокъ, а достоинство въ программѣ органа, назначеннаго для всей Россіи, имѣющаго въ виду интересы движенія въ цѣломъ, ставящаго на первый планъ общія задачи партіи. Во всякомъ случаѣ новый сводъ тактическихъ положеній соотвѣтствуетъ теперешней «степени развитія рабочаго движенія», подъ которымъ нужно понимать, конечно, состояніе движенія въ болѣе передовыхъ районахъ и среди болѣе передовыхъ слоевъ рабочей массы» ††).

Изъ всего прежде сказаннаго читатель видѣлъ, что никому и въ голову не приходило упрекать какъ старую, такъ и новую программу «Раб. Дѣла» въ томъ, что онѣ шли будто бы *впереди* движенія. Наоборотъ, всѣ упреки и обвиненія сводились именно къ тому, что рабочедѣльцы плелись въ хвостѣ

---

*) «Наша нов. программа». «Раб. Дѣло», № 11—12, февр. 1902 г. стр. 1.
**) Тамъ-же, стр. 1—2.
***) Тамъ-же, стр. 6.
†) «Отъ редакціи «Р. Д.», № 1», стр. 2.
††) «Наша новая программа». «Р. Д.» № 11—12, стр. 7.

движенія, пытаясь задержать и прикрѣпить къ своей «программѣ» рвущихся впередъ, вопреки имъ, рабочихъ. Впрочемъ, самообольщеніе «Союза» легко будетъ понять, если вдуматься въ смыслъ, влагаемый имъ въ только что цитированное нами выраженіе: «рабочее движеніе въ цѣломъ». «Рабочее движеніе въ цѣломъ» для «Раб. Дѣла» было всегда лишь простымъ фотографическимъ снимкомъ съ послѣдняго проявленія движенія передовыхъ рабочихъ. Вчера, напримѣръ, въ Петербургѣ (въ передовомъ районѣ) рабочіе устраивали чисто экономическую забастовку. Питерскіе рабочіе—передовые рабочіе, слѣдовательно «рабочее движеніе въ цѣломъ» не вышло еще за предѣлы чисто экономической борьбы. Сегодня передовые рабочіе Екатеринослава, хотя и не выставили еще политическихъ требованій, но уже поколотили стражниковъ;—«Раб. Дѣло» отмѣчаетъ слѣдующую фазу развитія «рабочаго движенія въ цѣломъ»—борьбу противъ полицейскаго произвола и т. д. въ этомъ же родѣ. И, обобщая драку со стражниками въ борьбу за ближайшія политическія права, «Раб. Дѣло», конечно, глубоко убѣждено, что оно идетъ *впереди* екатеринославскихъ рабочихъ.

Програма — это «*сводъ тактическихъ положеній для текущей борьбы*»,—говоритъ «Раб. Дѣло». Правда, оно спѣшитъ оговориться, что такая программа «отличается отъ партійной программы, дающей общую теоретическую основу дѣятельности и выставляющей общія *цѣли и требованія* партіи», но считаетъ для себя (и очевидно для партіи) вполнѣ достаточнымъ заявленіе, что оно, т. е. «Раб. Дѣло» попрежнему смотритъ на програму партіи и попрежнему «дѣйствуетъ на почвѣ международнаго научнаго соціализма въ согласіи съ Манифестомъ Р. С.-Д. Р. П., въ которомъ изложены основные программные принципы нашей партіи» *).

Но такъ какъ простая ссылка на «научный соціализмъ», подъ флагомъ котораго какъ разъ въ то время наряду съ революціонными соціалдемократами шли, и Бернштейнъ съ Миллераномъ, ничего не могла сказать о теоретической (программной) физіономіи «Раб. Дѣла» и такъ какъ голословное заявленіе о своемъ согласіи съ принципами «Манифеста», ставящими, между прочимъ, передъ партіей задачу выработать партійную программу, тоже въ свою очередь не могло дать отвѣта

*) «Наша новая программа», Р. Д. № 11—12, стр. 5.

на вопросъ, «какія общія цѣли и требованія должна выставить партія», то вполнѣ понятно, если Плехановъ писалъ въ августѣ 902 г.: «недостаточно внимательное отношеніе къ «программамъ» сказалось у насъ, между прочимъ, въ томъ достойномъ замѣчанія обстоятельствѣ, что единственнымъ печатнымъ проектомъ программы русской соціалдемократіи былъ до сихъ поръ проектъ, выработанный группой Осв. Труда въ 84 и опубликованный въ 85 году. Да и этотъ единственный печатный проектъ не былъ, насколько мы знаемъ, *открыто принятъ* ни одной изъ дѣйствующихъ въ Россіи организацій» *).

Программы у русскихъ соціалдемократовъ не было, не было даже и проектовъ программы; а безъ программы нѣтъ партіи, есть только хаосъ, царство безпринципности, постоянное исканіе и нащупываніе «тактики-процесса», шатаніе отъ чисто экономической борьбы къ чисто интеллигентскому увлеченію терроромъ и призывамъ къ немедленному штурму самодержавія.

«Прежде чѣмъ объединяться, намъ необходимо размежеваться», писала «Искра» 1½ года тому назадъ, при первомъ своемъ выступленіи передъ читателями,—говоритъ ея редакція, опубликовывая первый проектъ программы. — Появившись въ моментъ одного изъ самыхъ глубокихъ внутреннихъ кризисовъ, переживавшихся нашимъ движеніемъ, «Искра» и «Заря» должны были выдвинуть на первый планъ задачу *подготовленія элементовъ единства въ нашей партіи путемъ идейной борьбы за очищеніе пролетарскаго движенія отъ всѣхъ чуждыхъ, историческими судьбами привнесенныхъ въ него элементовъ*. Поскольку упомянутый идейный кризисъ, переживавшійся движеніемъ, начинаетъ видимо приходить къ концу, поскольку логика революціонной борьбы сильнѣй логики печатнаго слова внѣдряетъ въ сознаніе временно забытыя истины революціонной соціалдемократіи, мы можемъ надѣяться на близость окончательнаго объединенія партіи. И мы думаемъ, что процессъ выработки партійной программы самъ по себѣ сдѣлаетъ много для этого окончательнаго объединенія» **). «Теперь уже никто изъ нашихъ товарищей,—говоритъ Плехановъ,—не сомнѣвается въ необходимости крѣпкой организаціи того типа, который существовалъ въ Россіи во второй половинѣ 70-хъ и въ началѣ

*) «Проектъ программы Р. С.-Д. Р. П.». Заря № 4, стр. 17—18.
**) Проектъ программы Р. С.-Д. Р П. «Искра», № 21, стр. 2, 1 стоолб.

80-хъ годовъ (организація об—ва «Земля и Воля» и партіи «Народная Воля») и который оказалъ тогдашнимъ русскимъ революціонерамъ такія огромныя, неоцѣнимыя услуги. Теперь, если мы не ошибаемся, споры ведутся лишь о томъ, *какой путь приведетъ насъ къ созданію этого типа.* Не то съ программой: ея значеніе въ жизни и дѣятельности партіи сознается съ гораздо меньшей ясностью. Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей и теперь еще охотно повторяютъ тѣ слова Маркса, что одинъ дѣйствительный шагъ въ рабочемъ движеніи важнѣе цѣлой дюжины программъ. Но наши товарищи, принадлежащіе къ числу такъ называемыхъ *практиковъ*, вкладываютъ здѣсь въ слова Маркса не тотъ смыслъ, какой они у него имѣли. Что Марксъ—равно какъ и его неизмѣнный другъ Энгельсъ—не былъ и не могъ быть *равнодушенъ* къ программнымъ вопросамъ,—это понимаетъ всякій тотъ, кто хоть немного освоился съ научнымъ соціализмомъ и выяснилъ себѣ ту роль, которая отводится въ немъ *воздѣйствію сознательныхъ элементовъ рабочаго класса на его отсталые элементы...* Чтобы выдѣлить общіе, независимые отъ національности интересы всего пролетаріата, *необходимо знать, въ чемъ они заключаются*, а это невозможно для того, кто не выяснилъ себѣ условій хода и общихъ результатовъ рабочаго движенія, т. е. для того, кто равнодушенъ къ «теоріи». Еще менѣе способенъ былъ бы такой человѣкъ опредѣлить и отстоять *общіе интересы этого движенія въ его цѣломъ, на всѣхъ стадіяхъ его развитія...* Кто хорошо понялъ условія, ходъ и общіе результаты рабочаго движенія, тотъ выработалъ себѣ полную и послѣдовательную коммунистическую (соціалдемократическую) *программу*, потому что такой программой называется не что иное, какъ совокупность руководящихъ взглядовъ, относящихся къ указаннымъ предметамъ. Слѣдовательно,—коммунисты (соціалдемократы) отличаются отъ другихъ рабочихъ партій (напр., отъ «чистыхъ» трэдъ-юніонистовъ) именно тѣмъ, что они имѣютъ *программу*, охватывающую весь ходъ рабочаго движенія, взятаго въ его цѣломъ, и постоянно руководствуются этой программой въ своей *практической дѣятельности»* *). «Программы дѣйствія» безъ теоретической программы не можетъ быть у соціалдемократической партіи, какъ немыслимо и существованіе

---

*) «Проектъ программы Р. С.-Д. Р. П.» Заря, № 4, стр. 11—13.

соціалдемократической практики, независимой отъ соціалдемократической теоріи.

Проектъ программы, предложенный «Искрой» и «Зарей», не могъ обойти тѣхъ коренныхъ вопросовъ, «которые подняты были въ соціально-политической литературѣ капиталистическихъ странъ критическимъ походомъ болѣе или менѣе ученыхъ представителей буржуазіи противъ научнаго соціализма Маркса и Энгельса... Отвѣтами на нихъ (на эти вопросы) опредѣляется теперь группировка людей на два противоположныхъ лагеря: лагерь эксплуататоровъ съ одной стороны и лагерь эксплуатируемыхъ съ другой. Самымъ важнымъ изъ этихъ жгучихъ вопросовъ центромъ, вокругъ котораго расположились всѣ остальные, былъ, какъ извѣстно, вопросъ о томъ, увеличивается или уменьшается общественное неравенство— т. е. экономическое разстояніе между классами — по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ развитіе капиталистическаго общества» *).

Этотъ вопросъ находится въ связи съ вопросомъ, ослабляется или обостряется борьба классовъ, ведетъ ли капиталистическое развитіе къ соціальному миру. «Указавъ на то, что въ развивающемся буржуазномъ обществѣ область господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній постоянно *расширяется*, наша программа,—пишетъ «Заря»,— говоритъ вслѣдъ за этимъ, что зависимость наемнаго труда отъ капитала столь же постоянно увеличивается, а *уровень* его *эксплуатаціи* капиталомъ *повышается*. Отсюда слѣдуетъ, конечно, что буржуазные призывы «къ соціальному миру» въ дѣйствительности не имѣютъ даже того мнимаго основанія, которое имъ придавали статистическіе фокусы ученыхъ апологетовъ капитализма. На самомъ дѣлѣ борьба классовъ постоянно обостряется, пока существуетъ капиталистическій способъ производства. Эта мысль также нашла себѣ категорическое выраженіе въ нашей программѣ. А этими двумя чертами достаточно опредѣляется ея характеръ: она вполнѣ *«ортодоксальна»* **).

Также строго «ортодоксально» рѣшается вопросъ о кризисахъ. Соотвѣтствующій пунктъ проекта даетъ «фотографически точное изображеніе того, что происходитъ въ дѣйствительности». Ор-

---

*) Тамъ же, стр. 20.
**) Тамъ же, стр. 21.

тодоксальный характеръ программы въ этомъ вопросѣ «объясняется ортодоксальнымъ характеромъ хода всего развитія капиталистическаго общества» *). «Нужно ли пояснять, — говоритъ Плехановъ, — почему въ нашемъ проектѣ соціальная революція пролетаріата изображается не только, какъ «экспропріація экспропріаторовъ», но и какъ организація общественнаго производительнаго процесса? Если буржуазное общество характеризуется *товарнымъ производствомъ* на основѣ капиталистическихъ *производственныхъ отношеній*, то упраздняющая его соціалистическая революція необходимо должна устранить какъ эти отношенія, такъ и товарное производство, этотъ обильный источникъ анархіи въ народномъ хозяйствѣ». Но соціальная революція можетъ быть лишь результатомъ политической диктатуры пролетаріата. «Подъ диктатурой пролетаріата мы понимаемъ завоеваніе имъ такой политической власти, которая сдѣлаетъ его господиномъ положенія и дастъ ему возможность подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ... Ссылки на то, что передовыя капиталистическія страны все болѣе и болѣе приближаются къ *демократическому режиму*, совсѣмъ не убѣдительны. Такой режимъ еще не устраняетъ *классовъ*, а, слѣдовательно, и классовой борьбы, а, слѣдовательно, и необходимости для угнетеннаго класса добиться политическаго господства, чтобы устранить соціальную причину своего угнетенія... Въ программу политическаго воспитанія рабочихъ непремѣнно должно войти усвоеніе ими идеи будущаго политическаго господства ихъ класса, какимъ бы путемъ не привела ихъ къ нему исторія: *насильственнымъ или мирнымъ*. Заботливо и не безъ «ортодоксальнаго» умысла оттѣнили мы въ нашемъ проектѣ роль соціалдемократіи, какъ *передового отряда рабочей арміи и вмѣстѣ ея руководителя* (курсивъ мой М. Л.). Она организуетъ рабочій классъ въ самостоятельную партію, противостоящую всѣмъ партіямъ эксплуататоровъ, разоблачаетъ передъ ними непримиримую противоположность интересовъ этихъ послѣднихъ съ интересами эксплуатируемыхъ и вообще всѣми зависящими отъ нея средствами старается *ускорить* развитіе классового сомосознанія пролетаріата и выяснить ему необходимость и характеръ предстоящей соціальной революціи... *Не совершая самоубійства, соціалдемокра-*

*) «Проектъ программы Р. С.-Д. Р. П.» Заря, № 4, стр. 24

тія никогда не можетъ согласиться на смѣшную и позорную роль пятаго колеса въ телѣгѣ» (курсивъ мой М. Л. *). Такъ говоритъ Плехановъ, возражая на точку зрѣнія «экономистовъ», что роль соціалдемократіи состоитъ въ томъ, чтобы «выражать то, что уже сознано имъ (рабочимъ классомъ) безъ какой бы то ни было помощи со стороны «революціонной бациллы».

Отношеніе пролетаріата къ капиталу, неизбѣжная для него борьба со всѣмъ капиталистическимъ строемъ налагаетъ на него революціонную миссію «освободить все угнетенное и эксплуатируемое капиталомъ человѣчество... борьба съ капиталомъ другихъ общественныхъ классовъ будетъ становиться соціально революціонной только въ той мѣрѣ, въ какой они будутъ раздѣлять *его* (пролетаріата) стремленія и поддерживать ихъ». Поэтому «партія рабочаго класса, международная соціальдемократія, хотя и зоветъ въ свои ряды представителей трудящагося и эксплуатируемаго населенія, но зоветъ ихъ, какъ говоритъ нашъ проектъ, лишь, если они переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата» **).

Что касается программы minimum проекта «Искры» и «Зари», то она является прямой противоположностью робкой постепеновщинѣ «Раб. Дѣла». «Мы думаемъ,—писала «Искра» въ отвѣтъ «Южной группѣ» на критику ея программы, — что, въ интересахъ «отграниченія» отъ другихъ борющихся съ царизмомъ партій, мы должны формулировать свою ближайшую политическую задачу достаточно опредѣленнымъ образомъ. Мы должны дать рабочимъ точный отвѣтъ на вопросъ, какой политической формой должна быть замѣнена современная форма, противъ которой мы боремся. Формула «правовое государство» даетъ слишкомъ общій отвѣтъ, и политическая агитація, которая ограничилась бы такой формулой, не дала бы руководимымъ нами народнымъ массамъ отчетливаго представленія о тѣхъ политическихъ гарантіяхъ, которыя ему необходимо отвоевать для свободной борьбы за

---

*) «Проектъ программы Р. С.-Д. Р. П.» Заря № 4, стр. 28—30 Какъ видно изъ подчеркнутой мною фразы, Плехановъ того времени кореннымъ образомъ расходится съ теперешнимъ Плехановымъ, который горячо защищаетъ идею »чисто рабочаго» съѣзда, долженствующаго превратить соціалдемократію въ «пятое колесо въ телѣгѣ».

**) Тамъ же стр. 31.

свои классовые интересы. Точное опредѣленіе требуемой нами конституціи тѣмъ болѣе необходимо для соціальдемократіи, что другія политическія партіи съ своей стороны не ограничиваются простымъ требованіемъ устраненія самодержавія, а опредѣляютъ основныя черты желательнаго имъ «правового порядка», при томъ съ той именно стороны, съ какой этотъ порядокъ не удовлетворяетъ законныхъ требованій пролетаріата. Такъ, конституціоналисты въ газетѣ Струве настаиваютъ на томъ, что дѣло установленія конституціи должно быть поручено непремѣнно выборнымъ отъ земскихъ, — т. е. избранныхъ на основѣ сословнаго ценза—собраній. И они совершенно основательно указываютъ, что характеръ того правового порядка, который будетъ установленъ *такимъ* учредительнымъ собраніемъ, будетъ обусловленъ его составомъ, т. е. что степень демократизма конституціи, которая можетъ выйти изъ такого собранія, ограничена его классовымъ характеромъ.

«Въ виду свойственной всякимъ буржуазно-либеральнымъ партіямъ склонности смягчать переходъ отъ самодержавія къ правовому порядку и въ силу этого соглашаться украсить послѣдній всякого рода «ограниченіями» и изъятіями, ведущими къ сохраненію въ новомъ режимѣ многихъ учрежденій и пережитковъ стараго; въ виду склонности мелко-буржуазныхъ демократовъ уступать передъ подобными стремленіями либеральныхъ буржуа по соображеніямъ практическаго оппортунизма («не разъединять оппозицію изъ за второстепенныхъ вопросовъ»), въ виду всего этого партія пролетаріата должна пропагандировать замѣну нынѣшняго порядка послѣдовательной демократіей. Только такой пропагандой она будетъ практически бороться противъ столь милаго всякимъ буржуазнымъ политикамъ затушевыванія непримиримыхъ противорѣчій между интересами народныхъ массъ и нынѣшними политическими учрежденіями; только выставляя требованіе послѣдовательной и всесторонней демократіи, она оградитъ народныя массы отъ вліянія лицемѣрныхъ друзей свободы, которые подъ видомъ «правового порядка» будутъ рекомендовать народу позолоченный и подновленный абсолютизмъ (вродѣ лорисъ-меликовской конституціи»)*.

*) Къ вопросу о программѣ. Искра № 25, 14 сентября 902 г. стр. 4 столбецъ 1—2.

Въ тѣсной связи съ политической частью находятся и всѣ остальные пункты программы—minimum: предлагаемыя ею соціальныя требованія могутъ быть осуществлены лишь при послѣдовательно демократическомъ (т. е. демократическо-республиканскомъ) строѣ. «Наши соціальныя требованія, предъявляемыя нами къ современному строю, — говоритъ далѣе «Искра», — должны быть формулированы такъ, чтобы требовать для своего осуществленія, какъ неизбѣжнаго условія, рѣшительнаго разрыва съ нынѣшнимъ политическимъ режимомъ, въ противномъ случаѣ мы всегда рисковали бы тѣмъ, что недостаточно радикальныя соціальныя реформы, пропагандируемыя нами, послужатъ въ рукахъ реакціонеровъ средствомъ отвлеченія извѣстнаго слоя народныхъ массъ отъ дѣла революціи, орудіемъ примиренія народной массы съ господствующимъ режимомъ. Руководясь основнымъ принципомъ содѣйствія развитію классовой борьбы и коренного устраненія *всѣхъ* пережитковъ крѣпостныхъ отношеній и, дѣлая изъ этого принципа всѣ выводы, мы и строимъ свою *соціальную* программу ближайшихъ задачъ такъ, чтобы сдѣлать ее неприіемлемой ни для какого реакціонера или якобы либерала»*).

Тѣмъ же принципамъ должна была отвѣчать и аграрная часть проекта, основныя положенія которой были изложены уже въ третьемъ номерѣ «Искры» **). Разница между соціальными требованіями для улучшенія жизни *рабочихъ* и требованіями, выставляемыми аграрной программой сводится, по словамъ Ленина, къ слѣдующему: «По отношенію къ наемнымъ рабочимъ мы беремъ на себя защиту ихъ интересовъ, *какъ класса въ современномъ обществѣ*; мы дѣлаемъ это, ибо считаемъ ихъ классовое движеніе единственнымъ *дѣйствительно* революціоннымъ движеніемъ и стремимся это движеніе сорганизовать, направлять и просвѣщать свѣтомъ соціальнаго сознанія. Между тѣмъ, по отношенію къ крестьянству, *мы вовсе не беремъ на себя* защиты его интересовъ, *какъ класса мелкихъ землевладѣльцевъ въ современномъ обществѣ*». Заниматься защитой ихъ классовыхъ интересовъ это значило бы обманывать «крестьянство иллюзіей возможнаго и при капитализмѣ благосостоянія». Поэтому «за-

---

**) Къ вопросу о программѣ «Искра» № 25 стр. 4 столб. 2.
***) Въ статьѣ «Рабочая программа и крестьянство».

конность «крестьянскихъ требованій» въ соціальдемократической программѣ» подчиняется двумъ условіямъ: «во первыхъ, тому условію, чтобы они вели къ устраненію остатковъ крѣпостного порядка, а во вторыхъ, чтобы они содѣйствовали свободному развитію классовой борьбы въ деревнѣ».

На крестьянство у соціальдемократовъ должна быть двоякая точка зрѣнія: «Въ тѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ, гдѣ еще царитъ этотъ порядокъ (т. е. остатки крѣпостного права) и поскольку онъ еще царитъ, врагомъ его является *все крестьянство, какъ цѣлое*. Противъ крѣпостничества, противъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ и служащаго имъ государства крестьянство продолжаетъ еще оставаться *классомъ*, именно классомъ некапиталистическаго, а крѣпостного общества, т. е. классомъ-сословіемъ. И поскольку сохраняется еще въ нашей деревнѣ этотъ свойственный крѣпостному обществу классовой антагонизмъ «крестьянства» и привилегированныхъ землевладѣльцевъ, *постольку* рабочая партія несомнѣнно должна быть на сторонѣ «крестьянства», должна поддерживать его борьбу и *подталкивать его на борьбу* противъ всѣхъ остатковъ крѣпостничества». Съ другой стороны, «*поскольку* въ нашей деревнѣ крѣпостное общество вытѣсняется «современнымъ» буржуазнымъ обществомъ, *постольку* крестьянство перестаетъ быть классомъ, распадаясь на сельскій пролетаріатъ и сельскую буржуазію (крупную, среднюю и мельчайшую). *Поскольку* сохраняются еще крѣпостныя отношенія— *постольку* «крестьянство» продолжаетъ еще быть классомъ, т. е., повторяемъ, классомъ не буржуазнаго , а крѣпостного общества» *).

Этотъ двойственный характеръ русскаго крестьянства накладываетъ свой особый отпечатокъ и на нашу аграрную программу: «Въ рабочемъ отдѣлѣ мы не вправѣ выходить за предѣлы соціально-реформаторскихъ требованій, въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы не должны останавливаться и передъ соціально-революціонными требованіями» **).

«Требованіе уничтожить остатки крѣпостного порядка,— говоритъ далѣе Ленинъ,—обще намъ со всѣми послѣдовательными либералами, народниками, соціалреформаторами, критиками марксизма въ аграрномъ вопросѣ и т. д., и т. д. Отъ

***) «Аграрная программа рус. соціальдемократ.» «Заря» № 4 стр. 156—157.

*) Тамъ же стр. 159.

всѣхъ этихъ господъ, мы, выставляя такое требованіе, отличаемся не принципіально, а только по степени; они и въ этомъ пунктѣ неизбѣжно останутся всегда въ предѣлахъ реформы, мы же не остановимся и передъ соціально-революціонными требованіями. Наоборотъ, требуя обезпечить «свободное развитіе классовой борьбы въ деревнѣ», мы становимся въ *принципіальное* противорѣчіе ко всѣмъ этимъ господамъ и *даже* ко всѣмъ революціонерамъ и соціалистамъ *не* соціалдемократамъ. Эти послѣдніе также не остановятся передъ соціально-революціонными требованіями въ аграрномъ вопросѣ, но они не захотятъ подчинить этихъ требованій такому условію, какъ свободное развитіе классовой борьбы. Это условіе — основной и центральный пунктъ теоріи революціоннаго марксизма въ области аграрнаго вопроса... Признать это условіе значитъ обязаться и въ особенно больномъ вопросѣ объ участіи мелкаго крестьянства въ соціалдемократическомъ движеніи стоять на неуклонно классовой точкѣ зрѣнія, не поступаться ни въ чемъ точкой зрѣнія пролетаріата въ пользу мелкой буржуазіи, и, наоборотъ, прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы мелкій крестьянинъ, разоряемый и угнетаемый всѣмъ современнымъ капитализмомъ, покинулъ свою точку зрѣнія и всталъ на точку зрѣнія пролетаріата... Выставляя это условіе, мы проводимъ этимъ руководящую нить, держась которой, соціалдемократъ, даже заброшенный въ любое деревенское захолустье, даже поставленный лицомъ къ лицу передъ наиболѣе запутанными аграрными отношеніями, выдвигающими на первый планъ *обще*-демократическія задачи, можетъ провести и подчеркнуть при рѣшеніи этихъ задачъ свою пролетарскую точку зрѣнія—точно такъ-же, какъ мы остаемся соціалдемократами и при рѣшеніи *обще*-демократическихъ политическихъ задачъ» *).

Я не буду касаться здѣсь деталей аграрной программы, какъ не касался деталей остальной части программы. О нихъ придется еще говорить, когда будетъ рѣчь о работахъ II съѣзда и о тѣхъ контръ-проектахъ, которые были представлены партіи ко времени созыва съѣзда. Здѣсь мнѣ важно было подчеркнуть лишь общій характеръ предложенной

*) Ленинъ. «Аграрная программа русск. с.-д-іи». Заря, № 4, стр. 164—165.

«Искрой» программы, чтобы такимъ образомъ дополнить общую характеристику «Искры».

Представивъ партійнымъ организаціямъ свой принципіальный, «ортодоксально» выдержанный проектъ партійной программы, этотъ первый вообще въ Россіи проектъ соціалдемократической программы, «Искра» писала: «Программа партіи должна выражать коллективную мысль партіи. Это значитъ, что въ выработкѣ ея должны принять участіе всѣ дѣйствующія группы партіи. И обсужденіе предлагаемаго проекта въ разныхъ группахъ и кружкахъ должно послужить прекрасной школой политическаго воспитанія для мѣстныхъ дѣятелей. Печатая свой проектъ, мы разсчитываемъ на то, что каждый соціалдемократическій комитетъ, каждый рабочій кружокъ, каждая примыкающая къ соціалдемократіи группа интеллигентовъ сочтутъ своимъ долгомъ обсудить его и, въ той или иной формѣ, опредѣлить свое отношеніе къ нему. Мы просимъ товарищей не медлить съ этимъ дѣломъ, ибо на II съѣздѣ партіи, необходимость созыва котораго при нынѣшнихъ обстоятельствахъ можетъ представиться каждую минуту, программа партіи должна быть утверждена» *).

* * *

Изложеніемъ программныхъ взглядовъ «Искры» мы заканчиваемъ II-ю часть Исторіи нашей партіи. Обсуждая проектъ программы, предложенный «Искрой», фактически осуществляя ея организаціонный планъ, обсуждая и, по мѣрѣ пониманія, а также въ зависимости отъ наличныхъ силъ, проводя въ жизнь выдвигаемыя «Искрой» тактическіе директивы и лозунги, организаціи партіи переходятъ въ новый фазисъ *партійной* работы. Каждый новый номеръ «Искры», попадавшій въ мѣстныя организаціи, на дѣлѣ разбивалъ кустарничество, заставляя практическихъ работниковъ задумываться надъ тѣми вопросами, которые обходились ими вовсе и безъ рѣшенія которыхъ ихъ работа не могла носить соціалдемократическаго характера.

Чѣмъ болѣе страстныя нападки вызывала противъ себя «Искра», тѣмъ сильнѣй она будила мысль практиковъ.

---

*) »Проектъ программы Р. С.-Д. Р. П.» Искра, № 21, стр. 2, стлб. 1.

Чтобы опровергнуть ее, нужно было противопоставить выдвигаемымъ ею принципамъ свои принципы, доводить ихъ до конца, оформливать ихъ. Только подъ натискомъ искровской полемики Кричевскій, Мартыновъ и К-о вынуждены были вылить свой неоформленный оппортунизмъ въ опредѣленную «хвостистскую» формулу «тактики процесса». Только подъ вліяніемъ «Искры» ясно оформился оппортунизмъ въ національномъ вопросѣ Бунда. Только при свѣтѣ ея безжалостной «нетоварищеской» полемики могли увидѣть практики ту громадную опасность, которую представляло для соціалдемократическаго дѣла «*чисто рабочее движеніе*» съ его игрой въ демократизмъ, въ рабочіе съѣзды, съ его увлеченіемъ легализаціей экономической борьбы и прочими лазейками для свободнаго хозяйничанья въ рабочемъ дѣлѣ всѣхъ и всякаго, начиная отъ тредъ-юніонистовъ, буржуазныхъ демократовъ, quasi соціалистовъ, проповѣдниковъ идеи «соціальнаго мира» и кончая членами зубатовской шайки.

Только благодаря своей страстной полемикѣ, безжалостно разбивавшей революціонный авантюризмъ и разоблачавшей скрывающуюся за революціонной беллетристикой и революціонной фразой идейную наготу «Искра» обнаружила ту непроходимую пропасть, которая отдѣляетъ соціалдемократическую, т. е. пролетарскую, классовую партію отъ всѣхъ непролетарскихъ, хотя и называющихъ себя «соціалистическими» и «революціонными» партій. Выставляя рѣзко, опредѣленно выраженную, не допускающую недоговоренности и компромиссовъ пролетарскую мысль и пролетарскую тактику, «Искра» тѣмъ самымъ разбивала тотъ подпольный туманъ, который дѣлалъ всѣхъ кошекъ одинаково сѣрыми, не давая возможности разобрать, гдѣ кончается мирный, боящійся революціи конституціоналистъ, мечтающій о «властномъ земствѣ», и гдѣ начинается революціонеръ, для котораго мирныя сдѣлки и постепеновщина такъ-же ненавистны, какъ весь тотъ общественный порядокъ, на борьбу съ которымъ онъ готовъ былъ положить всѣ свои силы. Нереволюціонные элементы должны были отдѣлиться отъ революціонной соціалдемократіи и отмежеваться въ особую партію. И чѣмъ ярче проявлялась роль «Искры» въ качествѣ борца за *общедемократическія* требованія, въ качествѣ *всенароднаго* обличителя, тѣмъ рѣзче — какъ это ни странно на первый взглядъ — отмежевывались отъ нея тѣ непролетарскіе элементы, которые,

казалось-бы, были дѣйствительно заинтересованы въ осуществленіи демократическихъ требованій и въ наиболѣе рѣзкомъ обличеніи существующаго строя. Они все далѣе уходили отъ соціалдемократическаго знамени и торопливо группировались подъ свои собственныя знамена. И въ этомъ несомнѣнная заслуга «Искры». Она доказала, что пролетаріатъ можетъ бороться за общенародныя требованія, не отказываясь и не затушевывая своихъ классовыхъ задачъ, что можно вести общедемократическую политику, не вступая для этого въ компромиссъ съ буржуазными классами и не пряча въ карманъ своего соціалистическаго знамени.

Другими словами, «Искра» на дѣлѣ доказала возможность и необходимость для русскаго пролетаріата идти дѣйствительно въ авангардѣ общерусской революціи. Одно его выступленіе безъ всякихъ блоковъ, безъ всякихъ заранѣе заключенныхъ союзовъ заставляетъ шевелиться даже тѣ слои общества, которые до этого не рѣшались выйти за предѣлы простыхъ упованій на то, что вотъ вотъ благодѣтельная фея въ видѣ министра Витте или другого высокопоставленнаго лица, прочтя въ ихъ сердцахъ жгучую потребность «властнаго земства», въ какой-нибудь изъ высокоторжественныхъ дней преподнесетъ имъ это «завершеніе зданія» великихъ реформъ. Даже этихъ господъ выступленіе пролетаріата заставило выйти изъ области «безсмысленныхъ мечтаній» и перейти къ созыву нелегальнаго земскаго съѣзда и созданію своего нелегальнаго органа.

«Искра» выяснила пролетаріату эту его роль и тѣмъ дѣйствительно способствовала образованію массоваго *соціалдемократическаго* движенія.

Слѣдующую часть этой работы я начну съ изложенія того, какъ съ 902 года наши организаціи мало по-малу начинаютъ жить партійной соціалдемократической жизнью. Было бы ошибочно думать, что началомъ послѣдней слѣдуетъ считать II съѣздъ партіи. На второмъ съѣздѣ была лишь сдѣлана попытка *организаціонно закрѣпить* партійную жизнь. Въ настоящемъ же смыслѣ этого слова партійная жизнь начала уже складываться по мѣрѣ признанія отдѣльными организаціями идей, тактики и организаціоннаго плана «Искры». «Искра» постепенно завоевывала одну позицію за другой и параллельно съ этимъ вытѣсняла кустарничество, кружковщину и идейный разбродъ, выражавшійся въ преклоненіи передъ безпринципностью въ теоріи и стихійностью въ практической работѣ.

Второй съѣздъ былъ лишь этапомъ на этомъ пути и, какъ всѣмъ извѣстно, этапомъ далеко не послѣднимъ. Работы этого съѣзда могутъ быть нами поняты только въ связи съ исторіей борьбы искровскихъ взглядовъ съ рабочедѣльческими на мѣстахъ. Поэтому исторію мѣстной работы, какъ и проявленій рабочаго движенія съ 902 г., я отношу къ третьей части моей книги, чтобы на фонѣ этой исторіи имѣть возможность приступить къ объясненію новаго раскола, возникшаго на II съѣздѣ партіи.

Оглавленіе II части.

